

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ГОДЪ 1867-68.

Составленный изъ трудовъ Гг. о. арх. Амфилохія, А. Н. Афанасьева, А. В. Брыкина, В. Н. Виноградскаго, К. К. Гѣрца, В. В. Григорьева, П. С. Казанскаго, Н. В. Калачова, А. А. Котляревскаго, П. И. Лерха, М. А. Максимовича, Д-ра В. Маннгардта, г. Минха, К. И. Невоструева, И. С. Некрасова, А. А. Потебни, А. Н. Пыпина, Д. В. Разумовскаго, г. П. Ревякина, Д. П. Сонцова, И. И. Срезневскаго, А. Терещенка, В. Е. Тизенгаузена, гр. К. П. Тышкевича, гр. Е. П. Тышкевича, гр. А. С. Уварова, Д. О. Шепшинга, Э. И. Эйхвальда, и др.

Съ десятью литогр. снимками и полтипажами.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРИЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.
1868.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-ГО ТОМА.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ:

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. ОЛЫГИ—д. чл. И. И. СРЕЗ-НЕВСКАГО. (съ пятью снимками)	1—7
Лабарумъ Константина Великаго—д. чл. П. С. КАЗАНСКАГО.	8—11
Нумизматическія замѣтки. I. Опрежденіе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ—чл. осн. А. В. БРЫКИНА.	12—14
О греческой кормчей древняго состава—д. чл. арх. АМФИЛОХІЯ (съ палеографич. снимкомъ)	15—24
Для археологій каменнаго вѣка въ Россіи: I, каменные молотки, найденные въ Киевской губ., чл. кор. П. РЕВЯКИНА. II. О находкахъ каменныхъ орудій въ южной Россіи, д. ч. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО. (съ тремя полиטיפажамъ)	25—30
Поясные украшенія въ курганахъ Мерянъ—чл. осн. А. С. УВАРОВА. (съ полиטיפажемъ).	49—53
Два надгробные камня, открытые на таманскомъ полуостровѣ,—чл. осн. К. К. ГЕРЦА (съ снимкомъ)	54—56
Для исторіи древне-славянскаго наряда,—д. чл. д-ра Вильг. МАННГАРДТА. (съ снимкомъ)	57—61
Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, д. чл. Д. О. ШЕППИНГА (съ снимкомъ)	62—66
Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей,—чл. о. Д. П. СОНЦОВА (съ двумя полиטיפажамъ).	67—69
О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ—д. чл. А. А. ПОТЕВНИ.	97—106, 145—153
О древностяхъ заволочской. Чудь печорскаго края—д. чл. Э. И. ЭЙХВАЛЬДА.	107—111
Замѣтки по литературной археологіи: 1) бронтологіи и астрологическія предвѣщанія, 2) Гермесъ Трисмегистъ—чл. А. Н. ПЫПИНА.	112—119
О древнихъ камняхъ—памятникахъ западной Руси и Подляхін—д. чл. графа К. П. ТЫШКЕВИЧА (съ шестью полиטיפажамъ см. стр. 192).	134—160
Въ русской иконографіи: о нѣкоторыхъ произведеніяхъ русской иконописи, находящ. въ западной Европѣ, чл. И. С. НЕКРАСОВА.	161—164

Нумизматическія замѣтки: I. о монетахъ АНТИМАХА ΘΕΟCΑ съ именемъ ДІОДОТА, д. чл. В. В. ГРИГОРЬЕВА.	165—168
II. деньги Андрея Ивановича сына КАЛИТЫ (съ типажемъ чл. осн. Д. П. СОНЦОВА.	168—169
Разная икона: „Премудрость созда себѣ домъ“, принадлежавшая пинскому князю Ѳеодору Ивановичу ярославичу, 1499—1522,—чл. осн. графа А. С. УВАРОВА (съ снимкомъ)	193—203
Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы,—д. чл. М. А. МАКСИМОВИЧА (съ 45 типажамъ)	204—219
Описаніе Кашпирскаго Благовѣщенскаго Симеонова монастыря, д. чл. К. И. НЕВОСТРУЕВА.	220—225
Патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддѣяки—д. чл. Д. В. РАЗУМОВСКАГО	241—253
Переправа чрезъ воду, какъ представленіе брака—д. чл. А. А. ПОТЕБНИ	254—266

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ;

РАЗВОРЫ СОЧИНЕНІЙ.

ГОЛЬМБЕРГА—о финскихъ древностяхъ каменнаго и бронзоваго вѣка стр.	31
ГРЕВИНКА—о каменномъ вѣкѣ въ остзейскихъ провинціяхъ.	32
МОРТИЛЬЕ—о дохристіанскомъ крестѣ	33
ГАТЦУКА—Старина русской земли к. 1-я	35, 135
ТЕРЕЩЕНКА—о могилахъ и каменныхъ бабахъ	39
Протоколовъ засѣданій общества любителей естествознанія.	40
СТРАШКЕВИЧА—о кладахъ, разсмотр. въ Кіевѣ.	41
ПИПЕРА—объ иконографіи Іоанна Крестителя	70
БАРБЕ ДЕ ЖУИ, аб. КРОНЬЕ, ВИТЕ и ПАРКЕРА—о древне христіанскихъ мозаикахъ	79
ЯГИЧА—о югославянскихъ доисторическихъ древностяхъ	83
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО—о матеріалахъ для изученія славяно-русской палеографіи	85
Записокъ рус. географ. Общества по отд. этнографіи, т. 1-й.	86
ФЮСТЕЛЯ ДЕ КУЛАНЖА—о древнемъ обществѣ	120
А. ШВАБЕ—о Грекахъ и искусствѣ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря	127
АУСЕМВЕРТА—о побѣдномъ крестѣ Константина багрянороднаго и Романа II	129
БОГДАНОВА—объ антропологіи курганнаго періода московской губерніи	170
Трудовъ Владимирскаго статистическаго комитета	176
ДЕТЬЕ—о новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Константинополѣ	177
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО—свѣдѣній о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ	178
ПИПЕРА—Евангелическаго календаря на 1868 г.	226
А. МОРИ—объ успѣхахъ археологіи во Франціи	230
ФЮРЕЛЛИ—объ археологическихъ открытіяхъ въ Италіи 1846—1866.	233

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Два античныя каменъ съ портретами босфорскихъ царей (съ тремя типажамъ).	43—44
Русская этнографическая выставка.	46—48
Новый способъ опредѣленія древности могилъ, ст. д. чл. А. К.	90—92

Новооткрытыя черноморскія древности (съ 4-мя полиטיפажамъ).	93—94
Объ археологическихъ трудахъ Е. А. МОРЛО, ст. А. К.	94—96
О камнѣ съ изображеніемъ змѣй (съ полиטיפажемъ).	137—138
О куенческихъ монетахъ, найденныхъ въ Кіевѣ, ст. В. Т. (съ 3-мя полиטיפажамъ).	138—139
Второй съѣздъ по доисторическимъ древностямъ и антропологиѣ въ Парижѣ, въ 1867 г. ст. П. Л.	140—142
Замѣтки о звенигородскихъ древностяхъ.	180—181
О Сарайскомъ серебряномъ рублѣ.	181—182
Ревстръ бронзовымъ медалямъ съ 1672 г. ст. гр. А. С. УВАРОВА.	183—186
О крестьянскихъ курьихъ богатѣхъ, зам. П. С. КАЗАНСКАГО	186
Письма изъ Италіи объ открытіи предметовъ древности, В. Н. ВИНОГРАДСКАГО.	235—239, 271—274
Старыя деревянныя церкви аткарскаго уѣзда САРАТОВСКОЙ губерніи, зам. А. МИНХА.	239—240
Находка монетъ В. Т.	240
Домъ Малыты Скуратова, зам. д. чл. Н. В. КАЛАЧОВА.	267—270
Нѣсколько данныхъ изъ Житій святыхъ для характеристики древне-русскаго Иконописца, ст. И. С. НЕБРАСОВА.	275—277
Археологическія разысканія въ Феодосіи.	278—282
Кубанская каменная баба (съ полиטיפажемъ).	282—283
Гр. Е. П. ТЫШКЕВИЧЬ	285
Археологическія извѣстія	46—48, 139—140, 142—144, 186, 190, 583—584

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ.

древни изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги — статья д. чл. И. И. Срез- невскаго. (съ пятью рисунками).	1—7.
лабарумъ Константина Великаго — статья д. чл. П. С. Казанскаго.	8—11.
нумизматическія замѣтки. I. Опредѣленіе надписей и изображеній на моне- тахъ стертыхъ — статья д. чл. А. В. Брыкина.	12—14.
о греческой кормчей древняго состава — статья д. чл. арх. Амфилохія (съ папе- ографич. снимкомъ)	15—24.
для археологии каменнаго вѣка въ росси. I. каменные молотки, найденные въ Кіевской губ., ст. чл. кор. П. Ревякина. II. О находкахъ каменныхъ орудій въ южной Россіи, ст. д. чл. А. А. Котляревскаго. (съ тремя позитивами.)	25—30.
критика и библиографія — статьи д. чл. П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго.	31—42.
археологическія извѣстия и корреспонденція (съ тремя позитивами.)	43—48.

Въ особомъ приложеніи Засѣданія Московскаго Археологическаго Общества №№ 1, 2 и 3, (съ рисунками въ текстъ.)

МОСКВА,
1867.

✓ Arc 287.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD GARY COOLIDGE

12 Dec. 1927

ДРЕВНІЯ ИЗОВРАЖЕНІЯ

В. К. ВЛАДИМИРА И В. К. ОЛЬГИ.

Въ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ, у Феодоровскаго или иначе Плотницкаго ручья, на углу улицы, которая въ древности называлась Феодоровскою, есть каменная церковь во имя Феодора стратилата, церковь напоминающая древность и размѣрами и строемъ, рѣзко отличающаяся всѣмъ отъ пристроекъ, къ ней придѣланныхъ въ концѣ XVII вѣка.

О существованіи въ этомъ мѣстѣ церкви этого имени въ Новгородскихъ лѣтописяхъ есть упоминанія изъ конца XIII и начала XIV вѣка *). Подъ 1292—6800 отмѣчено, что «начаша съзидати црковь св. Феодора, коя бѣ порушалася»; подъ 1294—6802 г. что «свършиша црковь св. Феодора и свѣща ю владыка Климентъ»; подъ 1329—6837 г., что «безъ князя и безъ Новгородцевъ загорѣся Ондръшковъ дворъ въ Плотникѣхъ и погорѣ до Феодора святаго». Эти упоминанія касаются впрочемъ не той церкви, которая теперь существуетъ. Церковь св. Феодора, обновленная въ концѣ XIII в. погибла окончательно, какъ кажется въ тотъ страшный пожаръ 1340—6848 г. когда огонь, опустошивъ значительную часть Софійской стороны, «перевържеся чрезъ Волхово на ону сторону (Торговую)» и когда «тамо вскорѣ до вечерни погорѣ вся сторона отъ Феодорова ручья въ Славно и до поля, и цркви камены и древяны и домы», когда однихъ церквей сгорѣло около 50-ти (по одному извѣстію 43, по другому 50).

Послѣ этого пожара Новгородъ не скоро могъ поправиться. Двадцать лѣтъ прошло, пока нашлись строители и для церкви св. Феодора: въ 1360—6868 г. «Симеонъ Андреевичъ съ боголюбивою матерью своею Натальею заложи церковь камену св. Феодору на Феодоровѣ улицѣ», а въ 1369—6869 ее «свършиша». Эта-то церковь, произведеніе начала второй половины XIV вѣка, существуетъ доселѣ, упраздненная, запертая такъ, что и попасть въ нее трудно, впрочемъ все еще крѣпкая.

*) Указывая годы, считая летисчисления ссылаи на страницы книгъ, всякому извѣстнаго

Можно думать, что и она не разъ терпѣла отъ пожаровъ, разорявшихъ Плотницкій конецъ Новгорода въ XIV и XV вв. (см. въ лѣт. подъ гг. 6876, 6907, 6911, 6927 и пр.); но объ ея обновленіи нѣтъ никакого извѣстія ни отъ этого времени, ни отъ болѣе поздняго, до конца XVII в. Въ 1696 г. она очень потерпѣла отъ пожара, а въ слѣдующіе два года (1697 и 1698 г.) «приходскими людьми и оныхъ христіанцевъ подаяніемъ» вновь построены были, какъ говоритъ запись, хранившаяся въ церкви, св. иконы и книги и ризы церковныя и утвари (Архим. Макарія — Археолог. описаніе церковныхъ древностей Новгорода и окрестностей, I. 357). Недолго спустя пристроены къ ней паперть и колокольня. Что это время не передѣлывали ничего въ самой церкви, не закладывали оконъ, гдѣ онѣ должны были казаться неумѣстны, не пробивали новыхъ, не красили внутреннихъ сторонъ стѣнъ, и т. п. — это очевидно. Не дѣлали этого и прежде: по крайней мѣрѣ такъ позволяетъ думать взаимная сообразность всего зданія церкви и ея украшеній и сходство всего этого съ тѣмъ, что видимъ въ другихъ церквахъ XIV вѣка. Даже и подправки дѣлались беззатѣйно: гдѣ штукатурка отваливалась, тамъ вмазывали новую известь и только, нисколько не заботясь подрашивать то мѣсто, хотъ какъ нибудь, подъ цвѣтъ уцѣлѣвшей разрисовки.

И древняя разрисовка стѣнъ сохранилась, полинялая, отсырѣлая; но все таки видная на столько что можно понять и общій характеръ живописи и нѣкоторыя частности.

Особенно стѣять изученія тѣ изображенія, которыя представляютъ лики святыхъ князей Русскихъ древнѣйшаго времени и между прочимъ лики св. Владимира и св. Ольги.

Остановливая на нихъ вниманіе любителей родной намъ древности, представляя ихъ обсужденію свой взглядъ на нихъ, даю здѣсь мѣсто и вообще всему, что пока удалось мнѣ собрать о древнихъ изображеніяхъ св. Владимира и св. Ольги, — въ полной надеждѣ, что предлагаемое мною будетъ другими дополнено новыми данными и исправлено.

Иконныя изображенія в. к. Владимира — то одного, то съ кн. Ольгой, то съ кк. Борисомъ и Глѣбомъ, нельзя считать рѣдкостью; но онѣ только что стары, а никакъ не древни: кромѣ всего другаго это доказывается и рисункомъ буквъ въ надписяхъ, при нихъ находящихся, рисункомъ буквъ указывающимъ на XVII, много что на XVI столѣтіе и особенностями одежды, на пр. отложеннымъ воротникомъ и длинными узкими рукавами охобня замѣнившаго древній мятль (плащъ). Какъ исполненія требованій подлинника, онѣ указываютъ на подлинникъ поздней передѣлки, когда уже не считалось приличнымъ писать князей въ оставленной и забытой одеждѣ. Что для образа св. Владимира былъ другой, болѣе древній подлинникъ, подлинникъ того времени, когда должны были появиться первыя изображенія этого князя, въ томъ сомнѣваться, кажется, нельзя. Должны были быть иконы св. Владимира древняго рисунка, въ древней одеждѣ — не только въ XIV вѣкѣ, когда уже строились особые храмы во имя св. Владимира; не только въ XIII вѣкѣ, когда современникъ Александру Невскому его жизнеописатель помянуть 15-го іюля, какъ день памяти св. князя Владимира, — но и въ XII

вѣтъ, когда въ мѣсяцесловы, помѣщаемые при книгахъ Евангельскихъ чтеній и Четвероевангелій, заносимо было имя св. Владимира, а можетъ быть еще и ранѣе, во второй половинѣ XI вѣка, какъ можно думать изъ того, что сказано было о св. Владимирѣ митрополитомъ Иларіономъ и черноризцемъ Іаковомъ.... Не осталось ли изображеній св. Владимира по подлиннику, господствовавшему въ эти давніе вѣка?

Одно неиконное изображеніе св. Владимира XIV вѣка извѣстно въ спискѣ Сказанія о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ (мною изданномъ), съ надписью: «Володимиръ посылаетъ Бориса противу Печенѣгъ». Владимиръ изображенъ сидящимъ на сѣдалищѣ въ родѣ кресла передъ стоящимъ кн. Борисомъ и его дружиной, съ приподнятой правой рукою, какъ бы для благословенія. Головы обоихъ князей въ сіяніи. Оба князя въ одинаковыхъ одеждахъ—въ красныхъ плащахъ въ длинныхъ подпоясанныхъ зеленого цвѣта свитахъ съ желтою т. е. золотою накладкою по подолу и съ узкими рукавами, въ черныхъ сапогахъ, у кн. Владимира довольно большая сѣдая борода. см. Рис. I-й

Болѣе важное изображеніе кн. Владимира находилось при сборникѣ начала XV вѣка (1414 г.), который въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстенъ былъ въ кругу любителей древности подъ названіемъ «Похвалы в. к. Владимиру». Въ письмѣ Оленина о Тмутароканскомъ камнѣ, въ описаніи этого сборника отмѣчено между прочимъ (стр. 41), что «въ началѣ книги живописью изображенъ св. в. к. Владимиръ съ дѣтьми его Борисомъ и Глѣбомъ», и что «сей образъ писанъ на пергаминахъ водяными красками». Въ другомъ изданіи Оленина, въ «Литографированныхъ рисункахъ къ опыту о Словянахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ» (Спб.—1833) дано мѣсто подобію этого изображенія, нарисованному, какъ кажется, по памяти съ помощію воображенія, а если вѣрно съ подлинникомъ, то тѣмъ болѣе любопытному; см. Рисунокъ II-й. Князь Владимиръ представленъ положившимъ руки на плеча сыновей, къ нему склонившихся. Всѣ три князя въ сіяніи, плащахъ и въ длинныхъ свитахъ. Владимиръ въ клобукѣ (шапкѣ), дѣти простоволосые. Дѣйствительно ли и на подлинномъ рисунокѣ молодые князья изображены простоволосые, безъ клобуковъ, которые, какъ извѣстно, не снимались и въ церкви? Или же рисунокъ былъ такъ попорченъ, что трудно было отличить клобуки отъ волосъ? Естественны эти вопросы, потому что едва ли можно найти иконное или неиконное изображеніе древняго Русскаго князя въ плащѣ безъ клобука на головѣ. Взаимное положеніе князей на подобіи рисунка особенно Бориса и Глѣба въ отношеніи къ Владимиру мнѣ кажется также страннымъ. Покрайней мѣрѣ на иконныхъ изображеніяхъ св. Владимира и Бориса и Глѣба, какія мнѣ удалось до нихъ видѣть, они представлены стоящими въ рядѣ, въ серединѣ отецъ, по бокамъ сыновья. Этого можно было бы ожидать и тутъ, или по крайней мѣрѣ не ожидать, что Борису и Глѣбу дано будетъ такое драматическое положеніе. Не придано ли и оно вслѣдствіе испорченности подлинника, по желанію дополнить недостающія черты. Въ Нижнемъ Новгородѣ есть, какъ я слышалъ, образъ св. Владимира, Бориса и Глѣба «въ короткихъ пестрыхъ мантияхъ», на которыхъ св. Владимиръ сдѣланъ большимъ, а св. Борисъ и Глѣбъ сравнительно очень малы, всѣ три съ крестами—слѣдовательно, стоящими прямо, а не бокомъ. Не такъ

ли, хоть и безъ крестовъ, были написаны св. князья и на изображеніи при сборникѣ 1414 года. *)

Въ рядъ стоящими изображены св. Владимиръ, Борисъ и Глѣбъ и въ Ѳеодоровской церкви въ Новгородѣ. Имъ дано мѣсто надъ хорами на лѣвой южной сторонѣ стѣны храма противъ алтаря. Всѣ трое въ древнихъ княжескихъ одеждахъ, съ сіяніемъ вокругъ головы. Въ серединѣ к. Владимиръ, съдобородый старикъ, нѣсколько повыше дѣтей, на кругломъ подножій, съ крестомъ въ правой рукѣ, съ приподнятою лѣвою рукою, какъ будто что-то держащую — что именно не видно. По лѣвую руку отъ него к. Глѣбъ, юноша также съ крестомъ въ правой рукѣ и съ мечемъ въ опущенной лѣвой. На право отъ к. Владимира — к. Борисъ; но его ликъ очень попорченъ: не видно ни лица, ни груди, ни рукъ; все это замазано известью. Въ верху надъ ликами князей Спаситель съ распростертыми надъ ними руками. Кто знаетъ старые образа этихъ трехъ князей и можетъ мысленно перемѣнить ихъ подновленную одежду на древнюю, тотъ можетъ довольно вѣрно опредѣлить въ умѣ своемъ все это изображеніе. Я спялъ его, какъ умѣлъ и могъ, чтобы легче было помнить подробности. См. Рисунокъ III-й.

Но дѣйствительно ли изображены здѣсь князья Владимиръ, Борисъ и Глѣбъ, а не князья Ярославскіе св. Ѳеодоръ, Давидъ и Константинъ, какъ предполагалъ достопочтенный о. архимандритъ Макарій (Археол. описаніе церк. древностей Новгорода. 1: 361)? Нѣтъ, не Ярославскіе князья, и вотъ на это доказательства:

1. Новгородская церковь св. Ѳеодора Стратилата была окончена въ 1361 году, когда не только въ Новгородѣ, но и въ самомъ Ярославлѣ еще ни что не напоминало о князьяхъ Ѳеодорѣ, Давидѣ и Константинѣ, кромѣ развѣ лѣтописей и случайныхъ преданій, не дававшихъ ни кому никакого права писать ихъ изображенія въ церкви, какъ святыхъ. Мощи ихъ отрыты уже черезъ сто лѣтъ позже, въ 1463 году (см. подъ 6971 г. въ Соф. временникѣ, въ лѣт. Воскр., Никон. и др.); а только съ этого времени могли появиться первыя изображенія сихъ князей, какъ святыхъ.

2. Изображенія св. Ѳеодора, Давида и Константина сохранились въ спискахъ довольно старыхъ, на иконахъ и на покровыхъ, между прочимъ и на покровѣ, положенномъ «на гробъ ихъ» въ 7019—1511 году и хранящемся нынѣ въ Московскомъ Музеѣ. Всѣ эти изображенія совершенно одинаковы: молодые князья Давидъ и Константинъ изображаются въ одеждѣ княжеской, а старикъ кн. Ѳеодоръ, скончавшійся монахомъ и схимникомъ, — въ схимѣ. Такъ были бы они нарисованы и въ Ѳеодоровской церкви въ Новгородѣ, если бы и была, по времени, возможность дать имъ тамъ мѣсто.

3. Но скажетъ иной — Новгородскій живописецъ могъ нарисовать всѣхъ трехъ Ярославскихъ князей въ княжей одеждѣ по незнанію, и въ Ѳеодоровской церкви дано

*) Случайно приобрѣлъ я прекрасную копію съ этого сборника, сдѣланную не ранѣе 1816 года, который отнесенъ на бумагу, но въ сущности безъ рисунка. То, что копія сдѣлана не ранѣе 1816 года, заставляетъ вѣрить, что подлинникъ не погибъ въ 1812 году, какъ прежде думали, и надѣяться, что онъ можетъ быть отысканъ.

имъ мѣсто не при первой разрисовкѣ церкви, въ XIV вѣкѣ, а вѣкомъ или болѣе позже. На это можно отвѣтить, что незнаніе въ этомъ случаѣ не можетъ быть предполагаемо, а пририсовка, т. е. замѣненіе однихъ изображеній другими еще менѣе, тѣмъ менѣе, что предпочесть изображенія Ярославскихъ князей какимъ бы то ни было другимъ, уже написаннымъ, въ Новгородѣ не было ни какого повода. Къ тому же нѣтъ и признаковъ пририсовки: нѣтъ ни какой разницы въ характерѣ живописи, въ краскахъ, въ подробностяхъ между этимъ изображеніемъ трехъ князей и всѣми остальными.

При сообщеніи нѣкоторымъ любителямъ древности свѣдѣнія объ изображеніи трехъ святыхъ князей въ Новгородской церкви Феодора стратилата, я услышалъ еще одно предположеніе: — не изображеніе ли это князей Муромскихъ, св. Константина и дѣтей его св. Михаила и Феодора? И на это предположеніе отвѣчаю отрицаніемъ. При этомъ имѣю въ виду окружное посланіе митрополита Макарія 1547 г. 26 февр., передающее рѣшеніе Московскаго собора. Вотъ что между прочимъ читается тамъ: «Уставили есмь нынѣ праздновати новымъ чудотворцомъ въ Русской земли, что ихъ господь Богъ прославилъ.... И не бѣше имъ до днесь соборнаго пѣнія... Мы же уставихомъ пѣти и праздновати повсюду».... Далѣе, въ перечнѣ этихъ новыхъ угодниковъ Русскихъ—въ числѣ другихъ поставлены и муромскіе князья: «мая въ 21 день новымъ чудотворцамъ благовѣрнымъ княземъ Константину и чадомъ его Михаилу и Феодору Муромскимъ» (Акты археогр. эксп. I. стр. 203). Къ тому же и изображеній св. князей Муромскихъ, годныхъ для сравненія съ изображеніемъ св. князей въ Феодоровской церкви, сколько знаю, нѣтъ.

А между тѣмъ сличеніе изображеній св. Владимира, Бориса и Глѣба, какъ онѣ обыкновенно рисовались, съ изображеніемъ въ Феодоровской церкви, подтверждаетъ, что и оно есть изображеніе св. Владимира, Бориса, и Глѣба, только въ древней, а не въ подновленной одеждѣ.

Нельзя терять надежды, что найдутся и другія подобныя въ другихъ храмахъ, уцѣлѣвшихъ отъ древности, и на иконахъ, снятыхъ безъ измѣненій съ древнихъ иконъ. Можетъ быть, онѣ уже и на виду у кого нибудь изъ любителей остатковъ древности.

Иконныя изображенія св. Ольги не древнія, а старинныя, такъ же какъ и старинныя изображенія св. Владимира, нельзя назвать рѣдкостью. На нѣкоторыхъ видимъ св. Ольгу вмѣстѣ съ св. Владимирою, на другихъ ихъ обоихъ вмѣстѣ съ св. Борисомъ и Глѣбомъ. Есть, вѣроятно, и одиночныя изображенія св. Ольги; только мнѣ ихъ не случилось видѣть. (Тотъ единственный образъ св. Ольги въ одиночку, который я видѣлъ въ новой копіи, показался мнѣ произведеніемъ живописца а не иконописца, или по крайней мѣрѣ свободнымъ подражаніемъ иконѣ *). На видѣнныхъ мною образахъ

*) Копія, мною видѣнная, снята съ копій, принадлежащей А. Н. Муравьеву.

св. Ольга изображена стоя со сложенными на груди руками, въ изукрашенной шапочкѣ, въ кинѣ или въ коронѣ, надѣтой поверхъ покрывала, закрывающаго часть лба, виски и часть шеи, въ длинномъ подпоясанномъ платьѣ, похожемъ иногда на сарафанъ, т. е. съ подкладкой не только по подолу, но и съ двойною накладкой по всему переду отъ шеи до подола, съ довольно широкими рукавами, изъ подъ которыхъ видны другіе узкіе, въ ожерельи закрывающемъ верхъ платья. т. е. плечи и часть груди, или же въ плащѣ съ отложеннымъ воротникомъ, то просто накинутомъ, то застегнутомъ на груди.

Почти такое же изображеніе св. Ольги находится и въ Новгородской церкви св. Феодора Стратилата, къ сожалѣнію очень полинялое и попорченное. Ему дано мѣсто близъ изображенія св. Владимира съ Борисомъ и Глѣбомъ, на боковой южной стѣнѣ церкви, подъ хорами на одинаковой высотѣ съ этимъ. Св. Ольга стоитъ на такомъ же кругломъ подножіи какъ и св. Владимиръ; на головѣ ея, окруженной сіяніемъ, покрывало, спускающееся къ плечамъ и сверхъ покрывала что то въ родѣ шапочки съ околышемъ и съ довольно высокимъ круглымъ верхомъ, по которому отъ середины лба въ верхъ положена довольно широкая нашивка или вышивка. Руки, сколько можно видѣть изъ подъ штукатурки, закрывающей среднюю часть лица, кажется, сложены на груди. Плаща ясно отдѣлить нельзя; но его надобно предположить по боковымъ чертамъ платья, кажется онъ былъ нарисованъ закинутымъ за одно плечо. Платье довольно длинно съ накладкою по подолу а можетъ быть и по переду, если только видныя продольныя черты не обозначаютъ полы плаща, приподнятой на руку. Изъ подъ платья видны ноги въ сапожкахъ. Я снялъ и это изображеніе какъ умѣлъ и могъ. См. Рисунокъ IV.

Но почему же это непременно изображеніе св. Ольги, а не какой другой св. жены?

Правда, у меня нѣтъ на это никакихъ другихъ доказательствъ кромѣ сходства рисунка этого изображенія въ отношеніи къ одеждѣ съ извѣстными мнѣ изображеніями св. Ольги, и, кромѣ того еще, мѣста его въ церкви близъ изображенія св. Владимира, Бориса и Глѣба; но нѣтъ и ничего опровергающаго это предположеніе. Образовалось оно во мнѣ, какъ кажется, не наудачу. Не знаю ни одного изображенія св. жены, которое бы порисунку въ отношеніи одежды походило на это столько, сколько подходятъ мнѣ извѣстныя изображенія св. Ольги и въ такой же степени было бы тутъ умѣстно.

Не изображеніе ли это св. муч. Натальи, имя которой носила мать и соучастница строителя церкви? Нѣтъ: св. Наталья пишется безъ шапочки на головѣ, въ длинномъ покрывалѣ, въ длинномъ платьѣ безъ украшеній. Не изображеніе ли это св. царицы Елены, часто встрѣчающееся на стѣнной живописи? Кажется, тоже нѣтъ; царица Елена пишется всегда въ коронѣ, а не въ шапочкѣ; да и соответствующаго образа св. царя Константина нѣтъ ни подлѣ, ни на противоположной стѣнѣ церкви.....

Отвѣты на всѣ вопросы, которые себѣ я задавалъ, только утверждали меня въ предположеніи, что я вижу образъ св. Ольги.

И я позволяю себѣ пока остаться при увѣренности, что въ Новгородской церкви св. Феодора стратилата сохранилось древнее изображеніе св. Ольги, отъ половины XIV

вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и еще одинъ рисунокъ древней одежды Русской княгини, изъ доселѣ открытыхъ второй по древности послѣ рисунка Святославовой княгини, помѣщенного при Сборникѣ 1073 года. Дѣйствительно ли такова была одежда Ольги, какъ показана на изображеніи, это можно оставить подъ сомнѣніемъ, даже и не сравнивая ее съ одеждой княгини Святослава: трудно было знать, какъ одѣвалась кн. Ольга, тѣмъ которые писали ея образа послѣ ея прославленія. Тѣмъ не менѣе одежда въ которой она изображена, должна быть одеждой Русской княгини древняго времени.

Въ дополненіи къ сказанному считаю не лишнимъ припоминаніе о тѣхъ изображеніяхъ в. княгини Ольги, которыя находятся при такъ называемомъ Радзивилловскомъ или Кенигбергскомъ спискѣ лѣтописи, XV—XVI вѣка. Всѣхъ ихъ девятнадцать, и на всѣхъ Ольга представлена почти совершенно одинаково. На головѣ у нея покрывало и сверхъ него шапочка съ околышемъ, и какъ будто то же съ особеннымъ покрываломъ: покрывало бѣловатое или зеленоватое, шапочка зеленоватая, околышь желтый (т. е. золотой). Плащъ краснаго цвѣта, приподнятый на руки. Подъ плащемъ большое платье зеленаго цвѣта съ желтой (т. е. золотой) накладкой по подолу, а на иныхъ рисункахъ и съ съ тѣмъ то въ родѣ накладки отъ пояса къ подолу. На ногахъ сапожки черные. См. Рисун. V-й *).

Сходство одежды кн. Ольги на этихъ изображеніяхъ съ одеждою ея на изображеніи въ Феодоровской церкви, какъ мнѣ кажется, очень ясно.

Надѣяться ли что найдутся и другія, болѣе важныя изображенія св. Ольги въ такой же одеждѣ? Отвѣтъ зависитъ отъ изслѣдователей, пожелающихъ вновь разсмотрѣть Феодоровское изображеніе и новыми сличеніями утвердить или опровергнуть мое предположеніе.

И. Срезаневскій.

*) На рисункѣ дано мѣсто скимнанъ съ четырехъ изображеній: первое изъ нихъ (л. 28) относится къ словамъ: «и рече нитъ (Олга) доброе гостие приидоша. и рѣша Деревляне. приидомъ нѣмъ. — второе къ словамъ: «и вѣсть (цѣрь) ея дары многы злато и сребро. и паволоки и съсоды различныи.» (за Ольгою изображены три человека съ разными вещами въ рукахъ); — третье — къ словамъ: «моляшеся за сѣна и за людѣ по всѣ дни и по нощѣ.»; — четвертое къ словамъ, «цѣлова (Святославъ) матѣрь свою и дѣти свои и сошали си о бышешемъ.» (Далѣе на право на томъ же рисункѣ изображенъ, кажется, приѣздъ Святослава: князь и дружина на коняхъ; передъ ними, (т. е. еще правѣе) Ольга съ боярами, а передъ нею дѣти въ такой же одеждѣ, какъ тутъ нарисованъ Святославъ). Въ изображеніяхъ Кенигбергскаго списка такъ много любознательнаго, что я вѣлся за извлеченіе всего того, что мнѣ кажется важнымъ. Жаль только, что рисовка очень плоха.

ЛАВАРУМЪ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО.

Въ Сборникѣ, изданномъ Обществомъ древне-русскаго искусства, въ статьѣ г. Филимонова о значеніи луны подъ крестомъ—говорится (стр.159): «не забудемъ наконецъ и змія попираемаго хоругвію Константина Великаго», и указывается на изображеніе подъ № 2-мъ, приложенное при семъ. Авторъ не объяснилъ обстоятельно, что за хоругвь Константина Великаго разумѣть онъ, полагая повидимому общеизвѣстнымъ то, о чемъ онъ говоритъ. Думаемъ, что онъ хотѣлъ указать на извѣстное Labarum Константина. Думать такъ заставляетъ насъ то, что у Мартини въ его археологическомъ словарѣ на стр. 611 примѣтно именно такое же изображеніе Labarum'a съ ссылкой на Евсевія (Lib. III, с. 3). Но Мартини не точно передалъ слова Евсевія, и представленное у него изображеніе не соответствуетъ описанію Labarum'a, какое дѣлаетъ Евсевій. Вотъ слова Евсевія (Lib. III, с. 3): на картинѣ прибитой высоко при входѣ въ царскій дворецъ Константинъ изобразилъ надъ головой собственнаго лика спасительное знаменіе, а подъ ногами стремящагося въ бездну дракона, подъ видомъ котораго разумѣлъ враждебнаго и непріязненнаго звѣря чрезъ тиранство безбожниковъ преслѣдовавшаго церковь Божию; ибо писанія въ книгахъ Божественныхъ пророковъ называютъ этого звѣря дракономъ и коварнымъ зміемъ. Посему чрезъ вылитое изъ воска и росписанное изображеніе царь хотѣлъ показать всѣмъ, что этотъ подъ ногами его и его потомковъ драконъ пораженъ стрѣлою въ самое чрево и низвергнутъ въ морскія бездны *). Этимъ конечно указывалъ онъ и на тайнаго врага рода человѣческаго, котораго представлялъ низвергнутымъ въ бездну погибели силою спасительнаго знаменія, находившагося надъ своею головою. И все сіе было изображено на картинѣ цвѣтными красками.

Мартини передаетъ этотъ рассказъ Евсевія слѣдующими словами: «Cet empereur, si nous croyons son panegyriste Eusebe (in vita Const. L. III, с. 3), s'était fait peindre lui-meme dans la vestibule de son palais, avec signe victorieux de la croix sur la tête, et perçant avec la pointe de la hampe de son labarum le dragon terrassé sous ses pieds» Сообразно съ этимъ описаніемъ приложено и изображеніе Labarum'a

*) Вотъ греческій текстъ послѣдняго пункта: διὸ καὶ βασιλεὺς ὑπὸ τοῖς αὐτῇ καὶ τῇ αὐτῇ ποσὶ βάλει παπαρμένον κατὰ μέσσην τῇ κύττις βυτοῖς τε θαλάσσης ἀπορριμμένον διὰ τῆς κυροῦντος γραφῆς εἰδείναι τοῖς πᾶσι τὸν δράκοντα.

нижний конецъ котораго воткнуть въ самую средину дракона. Откуда взялся здѣсь лабарумъ, и почему драконъ пронзается не стрѣлой, а концемъ древка у лабарума — неизвѣстно. Изъ сказанія Евсевія видно, что драконъ былъ подъ ногами Константина, что онъ поражается стрѣлою, что только надъ головою лика Константина была монограмма Христа или крестъ.

Labarum Евсевій описываетъ такъ: на длинномъ, покрытомъ золотомъ — копъѣ была поперечная рей, образовавшая съ копьемъ знакъ креста. Вверху на концѣ копья неподвижно лежалъ вѣнокъ изъ драгоцѣнныхъ камней и золота, а въ немъ символъ спасительнаго имени; двѣ буквы показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами, изъ средины которыхъ выходило Р . Эти буквы царь въ послѣдствіи имѣлъ обычай носить и на шлемѣ. Потомъ на поперечной рей, прибитой къ копью, висѣлъ тонкій бѣлый платъ — царская ткань, покрытая различными драгоцѣнными камнями и искрившаяся лучами свѣта. Часто вышитый золотомъ этотъ платъ казался невыразимо красивымъ, и, вися на рей, имѣлъ одинаковую широту и длину. На прямомъ копъѣ, котораго нижній конецъ былъ весьма длиненъ, подъ знакомъ креста, при самой верхней части описанной ткани, висѣло сдѣланное изъ золота грудное изображеніе боголюбиваго царя и его дѣтей (Vita Const. L. I. c. 31).

Въ описанномъ Евсевіемъ знамени Константина мало сходства съ тѣмъ, которое представилъ г. Филимоновъ. Вверху долженъ быть вѣнокъ и въ немъ монограмма Христа. Подъ нею должно висѣть грудное изображеніе Константина съ его дѣтьми по тексту въ одномъ медальонѣ, едва развѣ касаясь ткани. Ткань одинакова какъ въ длину, такъ и въ ширину. О драконѣ подъ знаменемъ нѣтъ и рѣчи. Знамя обыкновенно имѣло нижній конецъ заостренный, которымъ втыкали его въ землю, что при драконѣ невозможно. Даже и носить его было бы неудобно, а оно носилось однимъ человекомъ.

Надобно впрочемъ замѣтить, что Labarum въ томъ видѣ какъ описываетъ его Евсевій, не могло быть сдѣлано предъ битвой на Мальвійскомъ мосту (312 г.). Тогда у Константина былъ одинъ только сынъ: Фавста перваго сына родила въ 316 г.; слѣдовательно Константинъ не могъ быть изображенъ съ дѣтьми.

Недоразумѣніе легко разрѣшится, когда мы объяснимъ, что Labarum не было какимъ либо новымъ знаменіемъ, устроеннымъ Константиномъ, но употреблялось и прежде въ войскахъ римскихъ. Не можемъ рѣшить утвердительно: незнаніе ли Евсевія или его риторика были причиною того, что Labarum представлено у него, какъ какое то небывалое знамя. Правда, что слово Labarum не встрѣчается у писателей ранѣе времени Константина; но изображенія знамени, состоящаго изъ куска сукна или шелковой матеріи съ разными украшеніями висящаго на поперечной рей шеста, встрѣчаются и во времени республики и при первыхъ императорахъ. Преимущественно на монетахъ Августа, Нерона, Клавдія, Друза, Домиціана, Нервы, Траяна, Антонина, Вера встрѣчаются изображенія этихъ знаменъ въ ряду добычи, взятой въ войнахъ съ Германцами, Даками, Паннонами, Армянами. Поэтому Дюканжъ думаетъ, что Labarum было знаменемъ этихъ народовъ, и самое слово, въ этимологическомъ значеніи кото-

раго ученые не могли согласиться, заимствовано было у нихъ (Ducang. Gloss. mediae et infim. Latin. sub voce Labarum).

Но сами Римляне имѣли знамена, которыя сходны были съ Labarum. Со времени Марія знаменемъ легіона римскаго былъ орелъ, но знамя (signum) манипулъ имѣло форму шеста, на верху котораго была рука или вѣнокъ, или остріе съ однимъ или двумя малыми круглыми щитами изъ металла и съ одною поперечною, прямою или изогнутою, реею. На щитахъ изображались боги, позднѣе исключительно помѣщались изображенія императоровъ (Tacit. Ann. XV, 29; Hist. 1, 41. 55; IV, 62. Svet. Cal. 14. Dio Cassius LXIII, 25)—Vexillum знамя отборнаго изъ ветерановъ отряда было: четверугольный кусокъ матеріи, прикрѣпленный къ поперечной рей шеста. Матерія бывала бѣлая, красная, пурпуровая. На vexillum выставлялось число означающее отдѣленіе войска, имя вождя, и во время императоровъ—имя императора (Real-Encyclop. Pauly sub hoc voce). Потому Тертуліанъ еще языческимъ императоромъ могъ говорить, что они обожаютъ крестъ. Religio Romana, пишетъ онъ въ Апологіи (cap. 16) tota castrensis signu veneratur, signa jurat, signa omnibus diis praeponit. Omnes illi imaginum suggestus in signis monilia crucum sunt. Siphara illa vexillorum et cantabrorum stolae crucum sunt. Lavdo diligentiam; noluitis nudus et incultas cruces consecrare.

Такимъ образомъ, Labarum Константина В. по своему устройству было совершенно сходно съ древними знаменами римскими, только оно отдѣлено было великолѣпнѣе. Какъ знамя собственно императора, христіанское значеніе придала ему монограмма имени Христа, помѣщенная въ вѣнокъ вмѣсто имени императора. Для языческихъ воиновъ Константина, большинство которыхъ составляло его армію, эта монограмма могла казаться монограммой Константина и его сына Криспа; только христіане понимали значеніе ея. Хотя еще не доказано положительно, чтобы монограмма Христа въ томъ видѣ, какъ она изображена на Labarum Константина, была въ употребленіи у христіанъ, но много вѣроятности, что была извѣстна христіанамъ, хоть и не общеупотребительна (Martigny Dict. Antiqu. p. 417). Переходъ Константина къ христіанству въ эти рѣшительные дни его жизни былъ тайною его души, извѣстною только не многимъ. Въ слѣдствіе чудеснаго откровенія онъ ввѣрилъ свое дѣло покрову Спасителя міра, но современники не замѣтили этого. Оттого-то самъ Константинъ, много спустя лѣтъ, долженъ былъ съ клятвою увѣрять Евсевія въ томъ, что онъ видѣлъ небесное явленіе и вслѣдствіе сего начерталъ имя Спасителя на своемъ знамени. Оттого и близкій къ нему человекъ Лактанцій не далъ опредѣленнаго извѣстія о семъ событіи, отнеся его къ позднѣйшему времени. Изъ этого видно и то, какъ неосновательно политическимъ расчетамъ приписывать переходъ Константина на сторону христіанъ, когда онъ по политическимъ расчетамъ долженъ былъ скрывать и дѣйствительно скрывалъ свою вѣру во Христа. И послѣ побѣды также прикровенно выразилъ онъ свою благодарность спасительному знамени, даровавшему ему побѣду. На видномъ мѣстѣ въ Римѣ воздвигнута была его статуя, подъ рукою ея было копье, имѣвшее видъ креста, что легко было сдѣлать, придавъ рожки боковымъ сторонамъ тулѣи копья. Надпись, сдѣланная на этой статуѣ, также имѣла смыслъ при-

кровенный: снмъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ свидѣтельствомъ мужества (τὸ τῷ σωτηριώδει σημεῖον τῷ ἀληθεῖ ἐλέγχω τῆς ἀνδρίας) я освободилъ вамъ городъ отъ ига тиранскаго (Evs. Vita. Konst. L. 1. 40).

Евсевій говоритъ, что постепенно и во все войско стало входить употребленіе Labarum'a Константина вмѣсто прежнихъ знаменъ. Но конечно это сдѣлалось не вдругъ. Подобно Константину первоначально вѣроятно стали изображать монограмму Христа вверху прежнихъ знаменъ. Воины по свидѣтельству Лактанція (De morte persec. c. 44) стали изображать ее на щитахъ своихъ, Константинъ носилъ ее у себя на шлемѣ. Но знамена долгое время имѣли еще первый видъ. Самымъ употребительнымъ знаменемъ когортъ былъ драконъ, такъ что знаменосцы назывались draconarii. Драконы стали появляться на знаменахъ римскихъ послѣ побѣды Траяна надъ Даками, у которыхъ они изображались на знаменахъ (Ducang. Gloss. Mediae et Inf. Lat. Draco). Отъ четвертаго вѣка сохранилось замѣчательное извѣстіе о римскихъ знаменахъ у Григорія Богослова въ первомъ его обличительномъ словѣ на Юліана: «Потомъ возстаеъ Юліанъ и противъ того великаго знамени съ изображеніемъ креста, которое, бывъ возвышено, предводило воинствомъ, почиталось у Римлянъ и дѣйствительно было помощію въ подвигѣ, можно сказать, царствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ однѣ украшены изображеніями царей и висящими тканями съ различными цвѣтами и письменами, а другія, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ страшныя пасти драконовъ, утвержденныя на верху копій, раздуваются по изгибамъ, испещреннымъ тканю чешуею и представляютъ взорамъ пріятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище» Но Пруденція (†405) въ гимнѣ о вѣнцахъ говорить уже о христіанскихъ войнахъ:

Caesaris vexilla linguunt, elegunt signum crucis
Proque ventosis Draconum, quae gerebant, palliis
Proferunt insigne lignum, quod Draconem subdidit.

Монограмма Христа, образующая и крестъ, сдѣлалась со временъ Константина главнымъ изображеніемъ на знамени. Оставались и прежнія знамена, но надъ ними возвышалось спасительное знамя креста. Потому и драконы и прежнія поперечныя рей, прямые ли или изогнутыя въ видѣ полумѣсяца, были уже такъ сказать, попираемы крестомъ, и стали появляться въ подножіи новаго знамени и вообще креста. Если въ первое время чаще изображался драконъ попираемый крестомъ, такъ какъ, кромѣ господства христіанства надъ язычествомъ, этимъ символомъ означалась и побѣда сына Божія надъ діаволомъ; то весьма вѣроятно, что съ появленіемъ магометанства стали употреблять и другой символъ — полумѣсяцъ подъ крестомъ, какъ знамени побѣды христіанства надъ магометанствомъ.

II. Казанскій.

НУМИЗМАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

I. ОПРЕДѢЛЕНІЕ НАДПИСЕЙ И ИЗОБРАЖЕНІЙ НА МОНЕТАХЪ СТЕРТЫХЪ.

По чисто сохранившимся экземплярамъ монетъ, находящихся въ нашемъ собраніи, могутъ быть дополнены слѣдующія надписи и изображенія на монетахъ стертыхъ.

Въ описаніи монетъ г. Черткова.

1. На монетахъ в. к. Дмитрія Іоанновича, подъ ногами пѣтуха не видно распростертаго змѣя и полной надписи: печать князя великаго дмитри.—Т. I. ф. 4.

2—6. На монетахъ: Т. В. ф. 4, 6, 7; Т. F. ф. 8; Т. G. ф. 8, изглажено имя Василия, а потому всѣ означенныя монеты относятся къ в. к. Московскому Василию Дмитриевичу.

7. На монетѣ в. к. Московскаго Василия Васильевича стерты: изображеніе человека, который долженъ быть представленъ стоящимъ по правую сторону князя, сидящаго съ мечемъ въ рукѣ на престолѣ, и на обѣихъ сторонахъ надпись: князь великій василей. Т. IV. ф. 11.

8. На монетѣ Т. V. ф. 2, вокругъ стоящаго съ заступомъ человека не сохранилось надписи: князь великій василей и на оборотѣ, вокругъ всадника — князь василей ярославичъ; а потому сія монета и относится къ монетамъ союзнымъ.

9. На монетѣ Т. E. стр. 7. стерты: на верху отрубленной головы — звѣздочка и надпись: печать князя великаго, а потому сія монета относится къ монетамъ великокняжескимъ, неопредѣленнымъ.

10. На монетѣ Т. D. ф. 4. изглажена надпись: печать князя володим, а потому означенная монета должна быть к. Боровскаго Владиміра Андреевича.

11. На монетѣ Т. VIII. ф. 1. Около стоящаго съ мечемъ и сѣкирой въ рукахъ человека, вмѣсто надлежащихъ буквъ (м. ѡ.), кои суть начальные буквы имени и отчества Михаила Александровича, изображены (z. ѡ.), и тѣмъ утрачено настоящее ихъ значеніе.

Прим. Странно, отъ чего на сей монетѣ, отлично у насъ сохранившейся, пропущенъ титулъ великаго; — нельзя даже подумать, что честолюбивый князь, домо-

гавшійся наименованіа в. к. всея Руси, могъ просто называться княземъ; а потому и должно полагать, что сія монета не есть Тверская, а Микулинская и бита во время княженія Михаила, въ городѣ Микулинѣ, который онъ получилъ себѣ въ удѣлъ еще въ 1354 году.

12. На монетѣ в. к. Тверскаго Іоанна Михайловича. Т. Н. ф. 5, на обѣихъ сторонахъ не сохранились надписи, на одной: печать князя великаго ивана, а на другой: михайловича деньга тверская.

13. На монетѣ Городеньской Т. XII. ф. 1. вокругъ животнаго изглажено въ надписи имя брса т. е. бориса, а потому сія монета и относится къ в. к. Тверскому Борису Александровичу.

14. На монетѣ Т. Н. ф. 9. на оборотѣ стерта надпись на выворотѣ: пулъ Городеньски.

15. На монетѣ Т. Г. ф. 5. на оборотѣ не сохранилось имени Михайла, а потому сія монета принадлежитъ къ в. к. Тверскому Михаилу Борисовичу.

16. На монетѣ Кашинской Т. XII. ф. 6. по сторонамъ птицы изглажены буквы (н. н.), вѣроятно означающія имя и отчество денежнаго мастера.

17. На монетѣ Т. Н. ф. 10. на оборотѣ стерта надпись: печать князя Федора, а потому означенная монета и относится къ к. Микулинскому Федору Михайловичу.

18. На монетѣ Т. В. ф. 6. не сохранилось: спереди головы — цвѣтка и круговой надписи: печать князя Федора: а на оборотѣ, у стоящаго съ сѣкирой челоуѣка — острокопечной шапки и сзади — вѣтки, а потому сія монета и принадлежитъ къ в. к. Рязанскому Феодору Ольговичу.

19—20. На монетахъ к. Галицкаго Дмитрія Юрьевича Т. XIII. ф. 1, 2; на одной изглажено, сзади стоящаго съ мечемъ и сѣкирой въ рукахъ челоуѣка, что-то похожее на тронъ, а на другой монетѣ, — голова всадника, обращенная назадъ, острокопечная на немъ шапка, по сторонамъ буквы (кн.) и надпись: кня (зѣ велі) відми (тре)

21. На монетѣ к. Верейскаго Михаила Андреевича Т. XIII. ф. 10. вокругъ изображенія людей стерта надпись: деньга верейская.

22. На монетѣ к. Дмитровскаго Петра Дмитріевича Т. XXVI. ф. 10. не сохранились въ надписи на однихъ сторонахъ послѣднія буквы имени князя; полная же надпись слѣдующая: печать княжа Петрова.

23. На монетѣ к. Суздальскаго Іоанна Васильевича Т. XVI. 9. на одной сторонѣ, у стоящаго съ мечемъ и сѣкирой въ рукахъ челоуѣка, спереди стерты три точки, а сзади его — челоуѣческая головка, а на другой, вокругъ арабской легенды, надпись: великий князь василъ, а потому сія монета и относится къ монетамъ союзнымъ.

24. На монетѣ Т. В. ф. 3, позади стоящаго челоуѣка съ мечемъ, стерта тамга и, вмѣсто находящихся впереди его буквы Э и точки, должно быть представлено: челоуѣческая головка, обращенная на право и на рукѣ висащій щитъ, вокругъ надпись: печать княжа ондр.... на оборотѣ же нашего экземпляра — животное изображено идущимъ на лѣво.

Прим. По тождеству изображенія на лицевой сторонѣ и однообразному характеру буквъ (Рейхель. Т. III. ф. 50) мы относимъ сію монету къ к. Боровскому Андрею Ивановичу.

Въ описаніи монетъ г. Рейхеля.

25. На монетѣ к. Галицкаго Юрія Дмитріевича Т. II. ф. 22, надъ лѣвой рукой стоящаго въ длинномъ кафтанѣ человѣка — изглажено изображеніе внизъ летящей птицы, и сбоку—что-то похожее на якорь.

26. На монетѣ Т. III. ф. 50. Около изображенія стерта круговая надпись: печать князя ондрѣтевані, а потому сія монета и относится къ младшему сыну в. к. Іоанна Даниловича Калиты, к. Боровскому Андрею Ивановичу; — на другомъ же нашемъ экземплярѣ въ надписи не уцѣлѣло отчество сего князя; но позади человѣка изображена тамга.

27—28. На монетѣ т. VII. ф. 94, 95; на первой въ круговой надписи обрѣзаны начальныя буквы въ имени князя Михайлова; а на другой, впереди человѣка — изглажена точка; а на оборотѣ, животное должно быть представлено съ разинутымъ ртомъ и между его туловищемъ — по точкѣ и надписи: ивана михайловича; а потому первую монету мы относимъ къ к. Микулинскому Михаилу Александровичу, а послѣднюю, какъ показано, не къ Ивану Ивановичу; но къ к. Тверскому Ивану Михайловичу.

Въ описаніи монетъ К. Долгорукова.

29. На монетѣ Т. VIII ф. 32. на оборотѣ, вокругъ Самсона, раздирающаго челюсти льва, не сохранилось надписи: князь Ондрей дмитріевичъ, а посему сія монета, какъ показано, относится не къ Василию Дмитріевичу; но къ к. Можайскому Андрею Дмитріевичу.

Въ описаніи монетъ г. Сонцова.

30. На монетѣ Т. X. ф. 95, вокругъ всадника, скачущаго съ соколомъ въ рукѣ, стерта надпись: князь великій василей, и на оборотѣ, вокругъ Самсона тоже: князь ондрѣй дмитр.

31. На монетѣ к. Галицкаго Юрія Дмитріевича въ прибавленіи на стр. 134, вокругъ всадника, обращеннаго съ саблей въ рукахъ на лѣво, также сохранилась не полная надпись † князь юрь дмитр. и на оборотѣ во кругъ Самсона: † князь великій василиі, а потому обѣ сіи монеты и относятся къ монетамъ союзнымъ.

32. На монетѣ Т. XI. ф. 105, вокругъ стоящаго человѣка, на лѣво, съ мечемъ и сѣкирой въ рукахъ, не сохранилось полной надписи: печать князя Ондрѣва; означенная монета, какъ показано, дѣйствительно относится къ к. Ростовскому Андрею Ѳедоровичу; не смотря на то, что Гг. Чертковъ и Рейхель ее приписываютъ к. Можайскому Андрею Дмитріевичу.

А. Брыкинъ.

О ГРЕЧЕСКОЙ КОРМЧЕЙ

ДРЕВНЯГО СОСТАВА.

Эта драгоценнѣйшая кормчая (Синод. Библ. № 398) и по древности и по составу единственная въ Россіи Маттеемъ отнесена къ XIII или XII вѣку, Складомъ къ XIII, который на самой рукописи написалъ: «*exscriptus videtur 13 seculo*», пр. Саввою къ XIII-му же вѣку.

Но въ рукописи, не смотря на то, что писана не однимъ почеркомъ, нѣтъ и слѣдовъ XIII или XII вѣка *).

Характеристичная буква Σ не писалась ни въ одной рукописи и съ годами и безъ годовъ въ XIII вѣкѣ. Монфоконъ относилъ ее къ VIII—IX вѣку. Древнія дыханія полукрестиками, которыми наполнена рукопись отъ начала до конца, также не писались въ XIII вѣкѣ. Прочія особенности письма сей рукописи находятся только въ рукописяхъ Моск. Синод. Библиотеки съ годами 880 и 899 года и безъ годовъ того же конца IX вѣка.

Во 2-мъ почеркѣ на л. 186 об. Св. Патріархъ Никифоръ названъ въ своемъ сочиненіи противъ Иконоборцевъ: новымъ исповѣдникомъ. Это названіе заставляетъ думать, что статья св. патріарха Никифора противъ иконоборцевъ была писана вскорѣ послѣ его мученической кончины. Въ Лобковской Псалтири, писанной въ концѣ IX в. съ миниатюрами X—XI в. св. патріархъ Никифоръ дважды изображенъ, но ни въ одномъ мѣстѣ не названъ Новымъ исповѣдникомъ.

Третій почеркъ сей рукописи болѣе всѣхъ имѣетъ признаковъ конца IX вѣка, или ближе всего подходящихъ къ правописанію рукописи 880 года. Моск. Синод. Библиотеки. Слово: $\mu\tau\delta\epsilon\mu(\alpha\upsilon$ имѣющее удареніе надъ каждою частицею сложною $\mu\tau\delta\epsilon$ и словомъ: $\mu(\alpha\upsilon$, только встрѣчается въ рукописи 880 года. Другіе признаки, отмѣченные мною въ снимкѣ, встрѣчаются только въ той же рукописи 880 года.

На основаніи только двухъ признаковъ, буквы θ скорописной, въ первомъ почеркѣ употребляемой кой гдѣ, и буквы Σ имѣющей загибъ въ правую сторону можно

*) Въ средній рукописи на листахъ 172 об — 176 об. на пустыхъ страницахъ есть нѣсколько статей написанныхъ въ XI—XII и въ XIII—XIV в.

бы отнести сію рукопись къ 932-му году, гдѣ сіи буквы во всей рукописи почти постоянно употребляются. Но въ сей рукописи (932 года) нѣтъ тѣхъ признаковъ, какіе есть въ рукописи 880 года и въ описываемой рукописи. Буквы θ и ζ писались еще прежде 880 г. въ 607 и 613-мъ годахъ на двухъ контрактахъ, писанныхъ на папирусе. Буква θ на 13-й строкъ контракта 613 года писалась съ одного почерка также, а буква ζ писалась съ загибомъ въ правую сторону въ обоихъ контрактахъ, хотя она здѣсь похожа на букву ζ^*). Частица η въ значеніи: или, во всей рукописи 932 года пишется съ дыханіемъ и удареніемъ вмѣстѣ. На основаніи сего послѣдняго признака η въ значеніи: или можно бы отнести ее къ 917-му году, гдѣ η съ однимъ дыханіемъ безъ ударенія пишется. Но здѣсь нѣтъ тѣхъ признаковъ, какіе есть въ описываемой рукописи, и въ рукописи 880 года. Буква ζ однажды въ уставномъ письмѣ употреблена съ кавычкою вверху, а не съ титломъ какъ здѣсь: ζ . Въ кормчей болѣе признаковъ или особенностей письма рукописи 880 года, къ которому времени и я отношу ее.

Древній составъ ея слѣдующій: Первыхъ листовъ недостаетъ, на оборотѣ 1-го листа: $\epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\ \beta\epsilon\beta\lambda\omicron\upsilon\ \pi\acute{\epsilon}\tau\rho\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \Pi\acute{\alpha}\upsilon\lambda\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\ \alpha\pi\omicron\sigma\tau\omicron\lambda\omega\upsilon\ \delta\iota\alpha\tau\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\varsigma\ \pi\epsilon\rho\iota\ \acute{\alpha}\rho\chi\iota\alpha\varsigma$. (Изъ 8-й книги Петра и Павла заповѣди Апостольскія о праздности).

л. 2. $\pi\epsilon\rho\iota\ \epsilon\upsilon\chi\omega\upsilon\ \nu$ (о молитвахъ).

— $\pi\epsilon\rho\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\acute{\omicron}\pi\omicron\upsilon\ \epsilon\upsilon\chi\omega\upsilon\ \nu$ (о мѣстѣ молитвъ).

л. об. $\text{Μετὰ τίνων ἐυζόμεθα}$ (съ кѣмъ помолимся).

— Περὶ γαμῶν (о бракахъ).

л. 3. $\text{Περὶ τῶν διωκομένων}$ (о гонимыхъ).

л. 4. $\sigma\upsilon\nu\alpha\gamma\omega\gamma\eta\ \kappa\alpha\nu\acute{o}\nu\omega\nu\ \epsilon\kappa\kappa\lambda\eta\sigma\iota\alpha\sigma\tau\iota\kappa\omega\upsilon\ \epsilon\iota\varsigma\ \text{Н}$ (50) $\tau\acute{\iota}\tau\lambda\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\iota\epsilon\tau\eta\rho\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ (собрание церковныхъ правилъ, раздѣленное на 50-ть титлъ).

Это предисловіе къ 50-ти титламъ здѣсь все помѣщено.

л. 5. об. Н τὰς τῶν συνόδων (порядокъ соборовъ).

Въ семь порядкѣ помѣщены 10-ть соборовъ: изъ нихъ 4 Вселенскихъ, и 6-ть помѣстныхъ. Тутъ же сказано и о правилахъ св. Василія Великаго. Изъ сихъ-то правилъ 10-ти соборовъ, и 84 правилъ св. Василія Великаго и состоитъ древняя кормчая, раздѣленная на 50-ть титлъ, которую составилъ патріархъ Константинопольскій Іоаннъ Схоластикъ.

л. 6 — 10. $\omicron\pi\omicron\tau\acute{\iota}\tau\lambda\omega\sigma\iota\varsigma\ \tau\omega\upsilon\ \text{Н}$ (50) $\tau\acute{\iota}\tau\lambda\omega\upsilon$ (оглавленіе 50-ти титлъ).

Послѣ оглавленія титлъ написано оглавленіе 25-ти статей, которыя послѣ всѣхъ титлъ написаны.

л. 11 об.—60. Самыя титла также съ оглавленіемъ, писаннымъ прекраснымъ уставнымъ письмомъ, и правилами, писанными скорописью, которыя внесены въ каждое титло.

Къ сожалѣнію въ 39-мъ титлѣ 15-ти правилъ недостаетъ. Въ кормчей XI — XII

(* Литографическіе контракты смотри у Шмидта въ книгѣ его подъ заглавіемъ: Die Griechischen Papyrusurkunden der königlichen Bibliothek zu Berlin von Dr W. Adolph Schmidt. 1842. Berlin.

вѣка № 397 той же Библиотеки на л. 151 об. этѣ недостающія правила только перечислены такъ: Τῆς αὐτῆς ἐν Ἀγκύρᾳ Δ, Ε, Σ, Ζ, Η, Θ, Ι, Κ, (4, 5, 6, 7, 8, 9, 12) τοῦ ἁγίου Βασιλείου καν. Κ, +, Η, Ζ, Σ, Ε, Μ, Η, Η, Σ, Ζ, Ζ, (29, 57, 65, 48, 56, 67) τῆς ἐν Ἀγκύρᾳ συνόδου καν. Κ, Δ (24) τῆς ἐν Λαοδικ συνόδ. καν. Α, Σ (36). Въ этой 2-й греческой кормчей помѣщены всѣ 50-ть титлѣ; но правила Апостоловъ, Вселенскихъ помѣстныхъ соборовъ и св. Василия Великаго только перечислены. Въ каждомъ титлѣ оглавленіе полное и правила изъ заповѣдей Іустиніана новыхъ написаны вполне. Этѣхъ правилъ въ описываемой кормчей IX вѣка нѣтъ. Въ кормчей XI—XII вѣка № 397 въ концѣ выписки нѣкоторыхъ главъ Іустиніановыхъ (не 87, какъ здѣсь) подписано такъ: τέλος τῶν κεφαλίδων ἐκ τῶν νεαρῶν διατάξεων, τῶν περὶ ἐκκλησιαστικῆς διοικήσεως ἰωάννου Ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ ἀπὸ σχολαστικῶν (конецъ главъ изъ новыхъ заповѣдей о церковномъ управленіи Іоанна Архiepiscopa Константинопольскаго изъ схоластиковъ.)

л. 66 об. и 67. Περὶ ἐκκλησιαστικῶν κανόνων παρασημείωσις ἐμφαίνουσα τὸν τε τίτλον καὶ τοὺς χρόνους τοῦ ἀμαρτήματος.

1. л. 67—73. Τοῦ ἁγίου βασιλείου κανόνες ἕτεροι πρὸς τὸν αὐτὸν Ἀμφιλόχιον Γ, Σ (16) ὁμοῦ κανόνες π̃δ (84) (св. Василия Великаго другія правила къ тому же Амфилохію 16 вмѣстѣ всѣхъ 84).

2. л. 73 об. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν αὐτὸν ἐπιστολὴ κανονικὴ α̃. (Его же къ тому же каноническое посланіе 1).

3. л. 73 об. и 74. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν αὐτὸν ἑτέρα ἐπιστολὴ κανονικὴ β̃. (Его же къ нему же 2-е каноническое посланіе).

4. л. 74—76. τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν αὐτὸν ἐκ τοῦ Κ, Ζ (27) κεφαλαίου τῶν περὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος διὰ δὲ φυλάττεσθαι τὸ ἄγραφον ἐκκλησιαστικὸν ἔθος ὡς νόμον καὶ ἐξῆς. (Его же къ нему же изъ 27-й главы о св. Духѣ о томъ, что надобно соблюдать церковный неписанный обычай какъ законъ и проч.).

5. л. 76 и об. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ χθ (29) κεφαλαίου τῆς πραγματείας.

6. л. 76 об.—79. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς Διδώρον τὸν τάρσου κατὰ τῶν δύο ἀδελφῶν γαμοῦντων, ἡ ἀδελφοὶς δυσισγαμουμένων.

7. л. 79 и об. Τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολὴ πρὸς Γρηγόριον πρεσβύτερον.

8. л. 80 и об. Τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολὴ πρὸς τοὺς ὑπ' αὐτὸν χωρέπισκόπους.

9. л. 80 об. и 81 об. Τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολὴ πρὸς τοὺς ὑφ' αὐτὸν ἐπισκόπους ὥστε μὴ χειροτονεῖν ἐπὶ χρήμασιν.

10. л. 81 об. 83. Γενναδίου Ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως ἐγκύλιος ἐπιστολὴ ὁμοίως. (Геннадія)...

11. л. 83 об.—90. Τοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης κανόνων Η̃. (8). (Св. Григорія епископа Нисскаго 8 правилъ).

12. 90 об.—97. Τοῦ ἁγίου ἱερομαρτυροῦ Πέτρου Ἀλεξανδρείας κανόνων Γ, Δ (14). (Св. священномученика Петра Александрійскаго 14 правилъ).

13.—97 об.—99. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Θαυματουργοῦ ἐπιστολὴ κανονικὴ περὶ τῶν ἐν τῇ καταδρομῇ εἰδωλοῦτα φαγόντων. (Св. Григорія Чудотворца каноническое посланіе о ядшихъ идоложертвенное во время нашествія).

14—99 об.—103 об. Τοῦ ἁγίου Τιμοθέου Ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας κατ' ἐρωτησιν καὶ ἀποκρισιν κανόνων κ' (20). (Св. Тимофея Архиепископа Александрийскаго 20 правилъ по вопросамъ и отвѣтамъ).

15,—104. ἐρωτησις πρὸς τὸν ἅγιον Ἀθανάσιον περὶ τοῦ θεοῦ βαπτίσματος. (Вопросъ у св. Аθανасія о Божеств. крещеніи).

16.—104—106 об. Τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Ἀθανασίου ἐπιστολὴ πρὸς Ἀμμουν μονάζοντα περὶ ἐνυπνιαζομένων. (Того же св. Аθανасія къ монаху Аммуну о сновидѣніяхъ).

17—106 об. и 107. Συνόδου Κωνσταντινουπόλεως κανὼν ζ' (7).

18—107. Συνόδου ἐφέσου περὶ τοῦ μὴ ἀδεύσθαι τὰ ἐν ἐφέσῳ πραχθέντα κανὼν ς' (6).

19—107. и об. Συνόδου τῆς αὐτῆς κανὼν ζ' (7).

20—107 об. и 108. Ψήφος τῆς ἐν Χαλκηδόνι ἁγίας συνόδου.

21—108 об.—110 об. Διονυσίου Ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἐκ τῆς πρὸς Βασιλίδαν ἐπιστολῆς περὶ τοῦ ἁγίου Πάσχα κανὼν δ'.

22.—110 об.—112 об. Θεοφίλου πάπα Ἀλεξανδρείας κανόνων γ' (10).

23.—112 об. - 114 об. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου Πάπα Ἀλεξανδρείας κανόνων ζ' (7).

24.—114 об.—132. Ἐκλογὴ κανόνων συνόδου τῶν ἐν Καραγένῃ συνεληθόντων ε' (217) πατέρων κανόνων η' (87).

25.—132 об.—161. Τῆς ἁγίας καὶ δικοιμενικῆς ς' (6) συνόδου ς' (102).

—161—172 об. Τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς ζ' (7) συνόδου τῆς ἐν Νικαίᾳ τὸ δευτερον κανόνων κ' (22).

Статьи написанныя на оставшихся не писанныхъ листахъ позднѣйшею рукою:

1. л. 172 об. Περὶ τῶν βαπτιζομένων νηπίων ἐκ τῶν συνόδων, XI—XII вѣка.

2. л. 173. Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας ἐκ τῶν κεφαλαίων. XI—XII вѣка.

3. л. 173 об.—145 об. Σύνοψις περὶ ἐπισκοπῆς ψήφου XIII—XIV вѣка.

4. л. 176. Περὶ ἱερέων κουρευομένων τῆς τετάρτης συνόδου, καν. γ' (12) XI—XII вѣка.

5. — Περὶ τῶν ἀρπαζόντων μοναστρίας τῆς αὐτῆς συνόδου καν. γ' γ' (13 14) XI—XII вѣка.

6. л. 176 об. Φωτίου τοῦ ἀγιωτάτου Πατριαρχοῦ περὶ τῆς θείας λειτουργίας XI—XII вѣка.

л. 177 178. Ἐπιστολὴ τῆς ἐν ἐφέσῳ ἁγίας συνόδου πρὸς τὴν ἐν Παμφίλῃ ἐυαγῆς σννοδ. περὶ ἐυσταθίου γενομένου αὐτῶν Μητροπολίτου. (Это оглавление по скобленному писано киповарью въ XIII—XIV вѣкѣ).

Съ л. 177 по 240 писано другимъ почеркомъ, но того же конца IX вѣка.

л. 178. Τοῦ ἁγίου Αθανασίου Ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἐπιστολὴ πρὸς Ρουφινιανὸν Ἐπισκοπον Κυρίῳ διῷ καὶ ποθεινοτάτῳ συλλειτουργῷ Ρουφινιανῷ. Ἀθανάσιος ἐν κυρίῳ χαίρειν.

л. 179—181. Ἐπιστολὴ ἀποσταλθεῖσα τῇ Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίᾳ καὶ τοῖς κατὰ τὴν Αἰγύπτου καὶ Θηβαΐδα καὶ Λίβυην καὶ πεντάπολιν... ἐπισκόποις ἐν κυρίῳ χαίρειν.

л. 181 об.—183. Ἐκ τῶν πραχθέντων ὑπομνημάτων, ἐν κωνσταντινουπόλει περὶ Ἀγαπίου Βαγαδίου ἐκατέρου ἀντεχομένου τῆς ἐπισκοπῆς Βόστρου.

л. 183 об. Τὸ φανερωθὲν τῆς ἀληθείας μυστήριον παρὰ τοῦ εὐαγγελιστοῦ Ἰωάννου κελευσεῖ, τῆς θεομήτορος Γρηγορίῳ τῷ θαυματουργῷ. Писано на пустої страници въ концѣ X вѣка.

л. 184—186. Ἐπι περὶ τῆς εἰρημένης θρησκείας τῶν Ἰσμαηλιτῶν ἐξήγησις πλατυτέρα *).

л. 186. Χριστιανοκατήγοροι ἢ τοῦν εἰκονοκλάστοι ἢ θυμολέοντες.

л. 186 об.—188. Ἐπι περὶ τῶν εἰρημένων Χριστιανοκατηγόρων ἡτοῦν εἰκονοκλάστων ἀπὸ φωνῆς Νικηφόρου τοῦ ἀγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου κωνσταντινουπόλεως νεόυ δμολογητοῦ πλατύτερα ἐξήγησις.

Въ славянскомъ переводѣ нѣтъ. О семь сочиненіи не упоминается у Фабриція въ его: Bibliotheca Graeca.

л. 189—192. Ἐπι περὶ αἵρεσέων καὶ αἵρεσιάρχων ἐκ τῶν συνοδικῶν τοῦ ἐν ἀγίοις Σωφρονίου Πατριάρχου Ἱεροσολύμων καὶ προσθήκη ἀπ' ἐκείνου καὶ δεῦρο.

л. 192—215 об. Τιμοθέου πρεσβυτέρου τῆς ἀγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως πρὸς Ἰωάννην πρεσβύτερον καὶ σκευοφύλακα τῆς ἀγίας θεοτόκου ἐν Χαλκοπρατείοις περὶ διαφορᾶς τῶν προσερχομένων τῇ εὐαγεστάτῃ ἡμῶν πίστει *).

л. 216—239 об. Τοῦ ἀγίου Ἐπιφανίου ἐπισκόπου Κύπρου πολεως κωνσταντίας πασῶν αἵρεσέων μήτρες καὶ πρωτότυποι τέσσαρες ἐξ ὧν καὶ ἄλλαι παῖσαι ἀνεφύησαν.

л. 240—263. Ἐκ τῶν μετὰ τὸν κώδικα θείων νεαρῶν διατάξεων τοῦ τῆς θείας λήξεως Ἰουστινιανοῦ διάφοροι διατάξεις συνάδουσαι ἐξερέτωσ τοῖς θείοις καὶ ἱεροῖς κανοσιν καὶ ἐκ περιουσίας τὴν οἰκείαν ἰσχὺν νέμουςαι αἷς τάξιν τινὰ καὶ ἀριθμὸν ἐπεθήκαμεν πρὸς σύντομον εὑρεσιν τοῦ ἐπιζητουμένου κεφαλαίου διὰ τὸ ὡς ἔρηται ἐκ διαφόρων τάξεων εἶναι τὰ συνταχθέντα ὡς ὑποτέτακται. Всѣхъ главъ, какъ и у Розенкампа въ семь оглавленіи 87. На л. 244 начинаются самыя главы.

л. 263 об.—294. Διάταξις νόμων πολιτικῶν ἐκ τῶν νεαρῶν Ἰουστινιανοῦ Βασιλέος συνηγοροῦσαι καὶ ἐπικουροῦσαι τοὺς τῶν ἀγίων πατρῶν ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας.

л. 294 об. Περί προσόντος ἄρχοντι.

л. 295. Περί ὑπόπτου ἄρχοντος.

*) На погѣ л. 184 сей статьи написано: ἔτους κόσμου ̅ς̅ ̅ρ̅ ̅μ̅ ̅ε̅ (637 г.).

*) Зѣкъ на погѣ написано: ѡмѹ аїреѣси ро ̅ς̅ (176).

Съ 278 листа списка Кормчей XII вѣка императорской публичной Библіотеки, по оглавленію ея у Розенкампа, совсѣмъ не то выписано изъ новеллъ Іустиніановыхъ, что здѣсь.

л. 296—305 об. Ὁ μολὼς ἐκλογὴ τῶν ἐιρημένων ἐν τῷ κώδικι καὶ τοῖς διγέστοις καὶ ταῖς νεαράις διατάξεσι περὶ ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν καὶ μοναχῶν καὶ πραγμάτων εὐαγῶν ἐστὶ δὲ καὶ Ἰουδαίων καὶ αἰρετικῶν ἐκ τοῦ πρώτου βιβλίου κώδικος τίτλου Δ (1).

Здѣсь въ оглавленіи означено 269 главъ.

л. 306—308 об. Ἐκλογὴ τῶν ἐιρημένων ἐν τῷ κώδικι καὶ τοῖς διγέστοις καὶ ταῖς νεαράις διατάξεσι περὶ ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν καὶ μοναχῶν καὶ πραγμάτων εὐαγῶν ἐστὶ δὲ καὶ Ἰουδαίων καὶ αἰρετικῶν ἐκ τοῦ Δ (1) βιβλίου τοῦ κωδικος τίτλου Δ.

Изъ сего выбора только 21 правило въ сокращеніи, далѣе недостаетъ въ рукописи.

Вотъ составъ сей рукописи, состоящей изъ 308-ми листовъ, писанной скорописью на хорошемъ пергаментѣ за подписомъ на верху 2-го листа. Τῶν ἱερῶν, внизу Арсеній м^с (46) (т. е. рукопись взята Арсеніемъ Сухановымъ изъ Иверскаго монастыря по числу 46.я).

Дѣлая выписки изъ славянскихъ кормчій: 1) Синод. Библіотеки XIII в. № 227-й 2) 1282 года № 132-й, 3) XVI вѣка и 4) XIII—XIV в. Румянцевскаго музея № 230-й для составляемой мною палеографіи Греческой вотъ что я замѣтилъ разнаго о составѣ каждой сравнительно съ описанною нами греческою 9-го в.

Первая кормчая Моск. синодальной Библіотеки XIII вѣка № 227. Русскихъ статей не имѣетъ, не имѣетъ 2-го предисловія, которое въ кормчей 1282 на л. 495 об. оглавляется такъ:

Другомъ предисловіи сѣхъдѣла прѣла и по ѣ сворѣ и з го и седмѣго же по ихъ и приложѣшаго прѣблѣхъ сѣхъ лѣхъми же и сѣ прѣже выхъшихъ сѣхъхъ сворѣ . . .

И перваго и 2-го предисловія въ Греческой кормчей нѣтъ.

Вселенскіе и помѣстные соборы въ кормчей славянской XIII в. № 227 не такъ расположены, какъ въ кормчей 1282 года. Сначала Апостольскія правила, полныя, а не сокращенныя и безъ толкованій, потомъ правила 7-ми Вселенскихъ соборовъ, далѣе правила 7-ми помѣстныхъ соборовъ съ полными же правилами, а нѣкоторые и съ полными дѣяніями соборовъ, особенно 7-й помѣстный Карѣагенскій соборъ съ его полными дѣяніями занимаетъ собою около 70-ти листовъ отъ 108 по 177-й. Достопочтеннѣйшій нашъ сочленъ, ученый и глубокий знатокъ церковной исторіи О. Ректоръ Моск. Дух. Академіи протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій дѣлалъ свои помѣтки карандашемъ—по Беверегію на поляхъ сей кормчей. Счетъ правилъ по Беверегію не тотъ, какой въ выпискѣ полныхъ правилъ и съ дѣяніями нѣкоторыхъ, (87) въ описываемой кормчей Греческой. Но съ симъ славянскимъ переводомъ рукописи XIII в. № 227 счетъ совершенно сходенъ.

Послѣ правилъ Карѣагенскаго собора слѣдуютъ полныя правила св. Василія Великаго и другихъ отцевъ церкви.

Правила или главы изъ новыхъ заповѣдей или новеллъ царя Іустиніана только до 62 согласны съ переводомъ кормчей 1282 года. Далѣе до конца имѣютъ тотъ же переводъ, какой и въ печатной кормчей. Но оба перевода по языку древни.

Вторая кормчая 1282 года по составу своему болѣе согласна съ нынѣшней печатною кормчею, имѣющею и сокращенныя правила соборныя и толкованія и 2-е предисловіе въ кормчей, кромѣ Русскихъ статей слѣдующихъ:

1. лл. 507 об. 6.—510 б. Нѣль архієпискоупъ новгородскѣи и спрѣмилъ сѧ въ новгородскѣи иппѣ . . .

2. лл. 510 б. об. а.—533 об. а. Иѡ. митрополита . . . роуськаго нареченаго прркомъ хъ написавшаго прѣвило црквномъ ш стхъ книга въ кратцѣи и ш ковоу черноризцю . . .

3. лл. 533 об. а.—537 а. Олвинъ. 21.

4. лл. 537—539 б. Нѣльио 28.

5. лл. 539 б.—546 об. а. Прѣви кюрн митрополита роуськаго сзшдхши сѧ иппъ даамата ноугородско игнатъи ростовско феоноста перыслабско симеоноа полотьска на поставленни иппа сарапиона (sic) бодимика . . .

6. лл. 543—548 а. Поученіе отъ Епископа новопоставленному священнику очень назидательное. Начало: се товѣ чадо гъ порочни сѣнии . . .

7. лл. 604—608, кюрн иппа тоуровска сказниіи ш черноризьчѣмъ чиноу ш бѣтхъ закона и нѣкаго шного шѣраз носаша а сего дѣлѧ сзѣршающа . . .

8 лл. 615 — об. а.—627 об. а. соудхъ проглабѣ. Володимирица . . .

9. лл. 628 а.—631. оуставъ стго киза болодимира крѣпшаго роусьскоу землю. ѿ црквнхъ соудѣ . . .

Третія кормчая XIII—XIV в. Румянц. музея имѣетъ совершенно другой составъ отъ предыдущихъ.

Здѣсь почти вначалѣ переведена кормчая или номоканонъ Патріарха Іоанна схоластика, изъ 50-ти титулъ состоящая, но безъ предисловія къ ней. Въ сожалѣнію противъ Греческой мною описываемой почти въ каждомъ титулѣ недостаетъ нѣскольکو правилъ, сколько и какихъ, означено въ моемъ палеографическомъ описаніи этихъ титулъ. Правила счетомъ, по всей вѣроятности по ошибкѣ писца во многихъ мѣстахъ не правильно означены. Переводъ правилъ, заключающихся въ титулахъ, совершенно другой, чѣмъ переводъ тѣхъ же правилъ въ Синод. Кормчей XIII в. № 227.

Правилъ изъ заповѣдей царя Іустиніана нѣтъ.

Четвертая кормчая Сын. Библіотеки XVI вѣка почти сходна по составу съ печатной кормчей. Здѣсь есть и оглавленіе 87 правилъ изъ заповѣдей Іустиніановыхъ, одного перевода съ печатной. Въ началѣ правилъ въ родѣ предисловія: въ сѣлѣкоу великаго кѧ и сѣла нашего іс хъа чего нѣтъ въ обоихъ кормчихъ Моск. Синод. Библіотеки XIII в. и 1282 года. Но оглавленіе такъ же съ ошибками, какъ и въ печатной напр. въ 3-мъ оглавленіи вмѣсто: цркн (цареви βασιλει) написано и напечатано: цркн (церкви), въ 34-мъ оглавленіи правильно написано: печальници (χοιραντίρια); но въ въ печатной 1787 года напечатано неправильно: причетницы, въ 55-мъ огла-

леніи вмѣсто без клятвы (δρχοу) написано и напечатано: без клятвы. Эти ошибки буквально напечатаны и въ кормчей 1653 года, печатанной при патриархѣ Іосифѣ, такъ сильно уважаемой нашими старообрядцами. Оглавление 10 главы въ Греческой кормчей полнѣе, и самое правило также полнѣе, чего нѣтъ ни у Розенкампа въ Греческой его выпискѣ изъ кормчей XII в. принадлежащей Императорской Публичной Библиотекѣ, ни въ славянской рукописной, ни въ печатной.

Въ оглавленіи славянск. перевода есть много поясненій, чего нѣтъ въ Греческомъ подлинникѣ.

Въ кормчихъ 1282 года и XVI в. и печатной и въ выпискахъ Розенкампа двѣ схолии помѣщены въ концѣ 87 правила, и не вполне переведено съ Греческаго. Въ греческой же IX в. оно написано сначала предъ оглавленіемъ. Въ печатной 1787 года: приписка поправлено на приката вмѣсто: приката (приβατα). Въ кормчей XIII в. № 227 этихъ схолій нѣтъ.

Чтеніе и объясненіе снимка 1-й страницы. ф. 20 об. τίτλος γ' ἐ' χει κανόνας δ.
 περὶ τῶν χειροτονουμένων ἐπισκόπων ἢ πρεσβυτέρων καὶ τῆς λειτουργίας
 μὴ καταδεχομένων ἢ μὴ δεχομένων ὑπὸ τῆς πόλεως ἐκ ἡν
 κατεργάσαντο οὐ παρὰ τὴν αὐτῶν ἀλλὰ δι' ἑτέρων αἰτίαν ἢ τῶν με-
 τὰ χειροτονίαν ἀμελοῦντων τοῦ λαοῦ καὶ τοῦ κλήρου:

Ἄ τῶν ἀγίων ἀποστόλων κανὼν α'ς.

Ἐπεὶ χειροτονηθεὶς ἐπίσκοπος μὴ καταδέχοιτο τὴν λειτουργίαν καὶ τὴν φροντίδα τοῦ λαοῦ τὴν ἐγχειρισθῆσαν αὐτῷ τοῦτον ἀφορισμένον τυγχάνειν ἕως οὗ κατὰ δέξειται ὡσαύτως καὶ πρεσβύτερος καὶ διάκονος εἰ δὲ ἀπελθὼν οὐκ ἐδειχθῇ οὐ παρὰ τὴν αὐτοῦ γνώμην ἀλλὰ παρὰ τὴν τοῦ λαοῦ μοχθηρίαν αὐτὸς μὲν ἔστω ἐπίσκοπος ὁ δὲ κληρὸς τῆς πόλεως ἀφοριζέσθω ὅτι τοιοῦτον λαοῦ ἀνυποτάκτου παιδεύεται οὐκ ἐγένοντο.

Древній переводъ изъ кормчей XIII - XIV в. Рум. музея.

Л. 8. О ѿца мѣхъ ѿпѣхъ ли попѣхъ и слоужевъ не примѣлющихъ ли не примѣ-
 лемомъ градомъ бхъ нимъ же соутъ не своимъ ихъ кинномъ нхъ инѣхъ волю ли по ѿни-
 ни неродашъ ѿ людехъ и ѿ клироуѣ :: гитѣ стхъ аплазъ ка ас.

аще которѣи не пѣхъ ѿнѣхъ сѣи не примѣлѣть слоужевъ и ѿ людехъ небрегѣи преда-
 нзихъ и моу да ѿлоучитѣся. дондеже примѣть слоужеву своему и попомъ и диякономъ
 аще ли шѣдѣше непримѣютъ иго не по своимъ иго воли. не (sic) по людѣстѣи иго
 зловѣ да и сѣтъ ѿнѣхъ и причѣтъ гра того да ѿлоучитъ занѣ тацѣмъ людѣмъ непо-
 рнкомъ оучитѣли вѣша (sic) :: *).

*) Другой переводъ сего правила изъ кормчей XIII в. Моск. Св. Библиотеки № 227.

л. 306 ΕΚΛΟΓΗ ΤΩΝ ΕΡΗΜΕΝΩΝ ΕΝ Τῷ ΚΩΔΙΚΙ ΚΑΙ ΤΟΙΣ ΔΙΓΕΣΤΟΙΣ ΚΑΙ
ΤΑΙΣ ΝΕΑΡΑΙΣ ΔΙΑΤΑΞΕΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΚΟΠΩΝ ΚΑΙ ΚΛΗΡΙΚΩΝ ΚΑΙ ΜΟΝΑΧΩΝ ΚΑΙ
ΠΡΑΓΜΑΤΩΝ ΕΥΑΓΓΩΝ Ε' ΤΙ ΔΕ ΚΑΙ ΙΟΥΔΑΙΩΝ ΚΑΙ ΑΙΡΕΤΙΚΩΝ: ΕΚ ΤΟΥ Α ΕΠΙ-
ΛΟΓΟΥ ΤΟΥ ΚΩΔΙΚΟΣ ΤΙΤΛΟΥ Α.

Α (ὁ μὴ δοξάζων τὴν ἁγίαν τριάδα ἐν μιᾷ θεότητι ἰσοδύναμον οὔτε χρηστιανὸς
λέγεται ἀλλ' ἄφρων ἐστὶν καὶ αἰρετικὸς καὶ ἀτιμὸς καὶ τιμореῖται:

ΕΚΛΟΓΗ Γ. ΤΙΤΛΟΥ ΓΒ. ΔΙΑΤΑΞΙΣ Β. Ης ἀρχὴ οὕτως

л. 307. Ἡ Κωνσταντινουπόλεως ἐκκλησία πασῶν τῶν ἄλλων ἐστὶ κεφαλὴ.

Заставка нѣз 2-го почерка съ 215 об. стр., въ срединѣ ея украшеніе съ л. 225
написанное на полѣ, по своему стилю похоже на заставки л. 106 об. и 240 1-го по-
черка. Въ срединѣ же заставки написанъ алфавитъ уставнаго письма, гдѣ характе-
ристичная буква Σ по Монфокону употреблялась въ VIII — IX вѣкѣ; ниже сего алфа-
вита скорописный первого почерка. Съ лѣвой стороны заставки заглавныя бук-
вы 1-го же почерка: α. γ. δ. ε. Σ. τ. и τίτλος η̄. Ниже скорописной азбуки
сокращенія подписи послѣ закона Іустиніанова. Въ срединѣ между двумя подписями
съ стр. 308 написано начало заповѣди: si qua primilesia. Здѣсь латинскія буквы: d.
m. s. писались только въ IX вѣкѣ и ранѣе, какъ видно изъ снимковъ латинской па-
леографіи Силвестра на л. 70 съ рукописи Библіотеки du Roi № 686 IX вѣка на л.
59. Bibliotheque Royal № 669 VII в.; въ послѣднихъ снимкахъ IX в. Латинской па-
леографіи Силвестра буквы m. не писалось такою формою, какая написана въ Гре-
ческой рукописи. На правой сторонѣ γ въ значеніи: или съ однимъ дыханіемъ, ἢνα
ἴδον ἴσθι οὐκοῦδα ἐπαυτοῦ ἐφοῖα μὴδὲμὶα μετὰ τῶν τῆς προσήκουστος писались
только въ рукопи:яхъ 880 года и 899 г. моск. синод. Библіотеки. Знакъ препинанія
въ концѣ оглавленія 10-го титла писался только въ рукописи 880 года.

Чтеніе снимка 2-й страницы.

л. 161. ΠΑΝΤΕΣ ΚΑΝΟΝΕΣ Ὶ ΤΗΣ Σ' ΣΥΝΟΔΟΥ. Εἰς δὲ ἵπογραψαντες
εἰς τα προγραφέντα Ὶ κεφαλαία. ὁ βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς ὁ Ὶνὸς τοῦ
τῆς καὶ ἐπισκοπῆς ἐκ διαφρωῶν πόλεων τὸν ἀρίτμον κ *). Ниже заставка
съ 161 стр. об.

л. 16. Ἄς. ἄστε κτὼ поставльнхъ выхъ Ὶпхъ не държитъсѣ (моужетъ ни печетъсѣ
людми пороученнхъни ми моу. семоу отхлѹченоу взѣти донѣдѣе приметъсѣ тѣкоже
и по. и днаконн. ἄсте же шѣдхъ неприхътѣ воудѣтѣ не по скоиѣ коли нхъ по люд-
сьцѣ зхлѹеѣ снн оубо да воудѣтѣ Ὶпхъ. прихътѣ же града да отхлѹчнтъсѣ тѣко
тацѣмъ людмъ нпкорикомъ казатѣмъ нѣвышл. ...

Толкованіе Архистина сего правила 36., которое у насъ есть въ печатной корччей и въ ру-
кописной 1282 года, почти буквально заимствовано изъ сего обширнаго правила.

*) Подписано такъ въ концѣ полныхъ 102 правилъ, составленныхъ при царѣ Іустиніанѣ кор-
поносомъ, (накъ переведено въ печатной корччѣ) съ отрѣзаннымъ носомъ.

л. 178. Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου Ἀλεξανδρείας ἐπιστολὴ πρὸς ρουφίνιαν
 ἡν ἔπεμψε ἐν κύριῳ ἡμῶν καὶ ποθεινότητι συλλεῖται ὑμῶν ρουφίνιαν Ἀθανά-
 σιος ἐν κύριῳ χαίρειν

Σὺ μὲν τὰ δι' αὐτὸν ἀγαπόμενα πρὸς πατέρα γραφεῖς ἐγγίστατα γοῦν σὲ διὰ τοῦ γρα-
 μματος περιεπτύξαμένη πάντων ἐμοὶ ποθεινότερα ρουφινιανέ:

л. 66. ὁ θεὸς δὲ ὁ μόνος αἰδῖος ὁ τῶν ὄλων ποιητὴς ἅπαντας ὑμᾶς διὰ τῆς
 εἰρήνης ἐν πνεύματι ἁγίῳ ἐνώσει καὶ καταρτίσει εἰς παν ἔργον ἀγαθὸν ἀτρέπτους
 ἀμεμπτοὺς ἀνεγκλήτους καταξιώσει τὲ τῆς αἰωνίου ζωῆς σὺν ἡμῖν διὰ τῆς μεστ-
 τεῖας τοῦ ἡγαπημένου παιδὸς αὐτοῦ ἰησοῦ χριστοῦ τοῦ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν
 μεθ' οὗ ἡ δόξα αὐτῷ τῷ θεῷ καὶ πατρὶ σὺν ἁγίῳ πνεύματι νῦν τε καὶ ἀεὶ καὶ εἰς
 τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων ἀμήν.

Древній переводъ изъ кормчей XIII—XIV вѣка по окончаніи 50-ти титлъ.

л. 42 об. ѿ же единыя присносѣи творецъ всѣхъ миромъ бже да оукрѣпнть о
 стѣмьдоуѣ да оустроитъ бже бжеко дѣло блго нескераше мзи и непорочнзи непобнѣ-
 нзи и да сподобнть бже бѣчнѣи жнзнн (нами ходити мстѣмъ вѣзавелнго отрока (своего
 (са хъ ба нашего с нимъ же слава самому соущю надъ всѣми боу оцю сѣ стѣмъ
 дхъмъ паракнтѣмъ нѣина и прсно бже бѣнзи бѣкомъ аминъ . .

Замѣчательнѣйшая и драгоцѣннѣйшая эта рукопись и древностію и составомъ,
 своимъ древнимъ стоитъ того, чтобы, бывъ провѣрена по рукописямъ и по печатнымъ
 изданіямъ вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ переводомъ, провѣреннымъ также по
 рукописямъ, была издана въ свѣтъ.

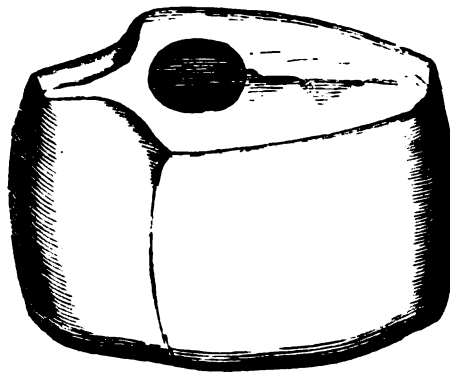
А. Амфилохій.

ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ КАМЕННАГО ВѢКА ВЪ РОССИИ.

Памятники каменнаго вѣка въ Россіи привлекли общее вниманіе лишь съ очень недавняго времени: собирались они и прежде—и людьми образованными и простолюдинами, но первые глядѣли на нихъ не съ серьезной точки зрѣнія науки, а какъ на курьезы безъ особой цѣны и значенія, вторые—относились къ нимъ, какъ къ предметамъ суевѣрнаго чествованія, практически полезнымъ въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ житейскаго обихода, первые—пренебрегали ими, вторые—скрывали ихъ отъ науки; были—впрочемъ люди, понимавшіе важное археологическое значеніе этихъ остатковъ древности, число ихъ во всякомъ случаѣ—незначительно, и случайно брошенные ими извѣстія терялись, не останавливая ничьей серьезной мысли и соревнованія; болѣе другихъ въ этомъ отношеніи сдѣлано западно-русскими археологами, въ особенности гр. Ев. Тышкевичемъ; но почтенные труды ихъ, изданные на польскомъ языкѣ—оставались у насъ почти неизвѣстными. Только со времени, какъ Академія наукъ сдѣлала доступнымъ для нашей публики классическое изданіе датскаго археолога Ворсё—начало пробуждаться и сознаніе важности остатковъ каменнаго вѣка русской земли. Много содѣйствовало этому и прекрасныя статьи П. И. Лерха объ орудіяхъ каменнаго бронзоваго вѣковъ въ Европѣ (напеч. въ Извѣстіяхъ Спб. Археологическаго Общества т. IV и V), и наконецъ—кажется болѣе всего—статья Акад. К. М. Бэра: «о первоначальномъ состояніи челоуѣка въ Европѣ, напечатанная въ такомъ общераспространенномъ изданіи, какъ академ. мѣсяцесловъ (на 1864 г.). При такихъ условіяхъ, въ теченіи 5-ти послѣднихъ лѣтъ русская наука сдѣлала уже не мало пріобрѣтеній по такъ называемому каменному вѣку: сдѣланы новыя важныя открытія, вышли на свѣтъ и получили извѣстность прежнія неизвѣстныя коллекціи. Дорожа каждымъ извѣстіемъ о предметѣ, мы, вмѣстѣ съ запиской г. Ревякина о каменныхъ молоткахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи, представляемъ здѣсь и нѣкоторыя иныя замѣчанія о каменныхъ орудіяхъ, случайно встрѣченныя нами какъ въ новыхъ, такъ и въ прежнихъ, не для всякаго доступныхъ, изданіяхъ, въ послѣднемъ отношеніи—если эти свѣдѣнія не всегда обстоятельны и не вознаграждаютъ утраченнаго, то все же они не лишены своего значенія для исторіи русской археологической науки, хотя бы только въ статистическомъ отношеніи.

А. К.

I КАМЕННЫЕ МОЛОТКИ, НАЙДЕННЫЕ
ВЪ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Въ 1864 году я приобрѣлъ въ южной части Киевской губерніи два каменные молотка. Первый изъ нихъ—въ с. Журжинцахъ (Звенигородскаго уѣзда) отъ крестьянина Григорія Сильвестрова; второй отъ молодого этнографа Б. С. Познанскаго.

Журжинскій молотокъ, или точнѣе молотъ, отысканъ лѣтъ 60 тому назадъ, при паханіи земли, въ урочищѣ, называемомъ «Покрасино» *). Молотокъ этотъ сдѣланъ изъ базальта и вѣситъ 3 ф. 33 зол. **) Онъ совершенно похожъ на экземпляръ, приводимый гр. Тышкевичемъ ***); разница только въ томъ, что острая часть Журжинскаго значительно тупѣ. Сначала онъ, съ придѣланною деревянною рукою, висѣлъ, какъ рѣдкость, въ кабинетѣ помѣщика; потомъ перешелъ въ буфетъ, гдѣ въ продолженіи слишкомъ 30 лѣтъ усердно служилъ помѣщицѣй прислугѣ для рубки сахара, вбиванія гвоздей.... а оттуда уже, перешедши изъ двора на село, попался къ печнику, который не менѣе безщадно употреблялъ его въ дѣло. Такимъ образомъ, отъ рукъ послѣднихъ своихъ владѣльцевъ-профановъ онъ не могъ не пострадать. Но первоначальный видъ его возстановить не трудно. Онъ, какъ видно, былъ хорошо отшлифованъ; а лицевая сторона съ тремя выдающимися, подругленными кантами, наводитъ на мысль объ орнаментациі. Отверстіе для рукоятки, съ совершенно гладкими стѣнками, помѣщенное не на срединѣ, но немного къ головѣ, имѣетъ въ

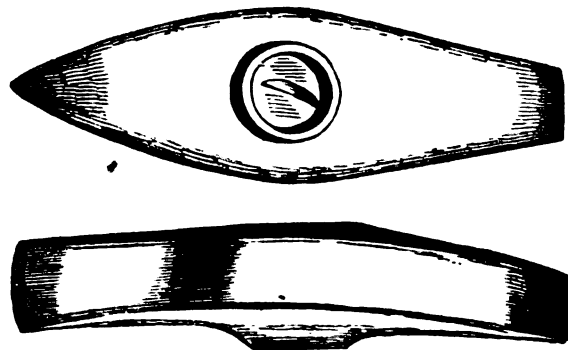
*) На мѣстѣ Покрасина, гдѣ, по преданію, стоялъ какой то давно исчезнувшій городъ, часто и теперь находятъ толстые черепки, кирпичи, куски желѣза; а вблизи его, въ верстахъ 3—4-хъ, течетъ Гнилой Тичичъ, богатый красно-гранитными скалистыми берегами. Тамъ же, года три назадъ при паханіи, найдено желѣзное какое то орудіе, вѣсившее 30 фунтовъ. Мѣстные археологи нашли, что это принадлежность украинскаго плуга — чересла; и, поговоривши о прежнихъ великолюдахъ, каковыми то они работали огромными плугами, рѣшили...—рѣшили изъ одного чересла—выковать два.

**) Самый большой молотокъ въ Славянщинѣ, найденъ въ Богеміи и находится теперь въ коллекціи Пехеля, въ Прагѣ; другой вѣсомъ въ 12-ть фунтовъ и длиною болѣе фута, найденъ въ Буковинѣ, въ лѣсу; хранится въ Пражскомъ музеѣ. I. E. Wocel. 5.

***) Badania archeologiczne; Tab III № 6. Вильно. 1850 года.

діаметръ $\frac{1}{8}$ вершка, не суживаясь на всемъ протяженіи канала ($1\frac{13}{16}$ вер.),—что и заставляетъ предполагать о просверливаніи его металлическимъ цилиндромъ.

Второй молотокъ,—тоже изъ базальта,—отысканъ въ 1864 году близъ д. Дударей (Каневского уѣзда) въ урочищѣ «Богатыривщина», при копаніи рва. Онъ вѣситъ 85 зол. Отверстіе ($\frac{1}{2}$ в.) имѣетъ по срединѣ, которое на своемъ протяженіи нигдѣ не суживается. На стѣнкахъ канала едва замѣтны кольцообразные слѣды сверленія. Въ этомъ ошлифованномъ орудіи, прекрасно сохранившемся отъ вліянія времени, работа тщательно окончена и видно явное намѣреніе украшенія, выраженное изящнымъ кантомъ или рубцомъ вокругъ дыры, на лицевой сторонѣ молотка.

Молотокъ, совершенно подобный Дударевскому, отысканъ покойнымъ П. С. Савельевымъ при разрытіи кургана въ Владимірской губерніи. Въ сочиненіи П. И. Лерха «Орудія каменнаго и бронзоваго вѣка въ Европѣ»—такіе типы (Таб. II, № 36) относятся къ самымъ окончаннымъ произведеніямъ каменнаго вѣка въ Швеціи. Впрочемъ экземпляръ этотъ, возстановленный въ его натуральную величину ($4\frac{1}{8}$ в.) превосходитъ мой второй молотокъ $\frac{1}{8}$ ч. вершка, хотя № 36 и названъ г. Лерхомъ—сѣкирою.

Въ Кіевской губерніи находки каменныхъ орудій принадлежать къ высшимъ степенямъ рѣдкости. По видимому, онѣ не встрѣчаются въ украинскихъ курганахъ, не только исключительно, но и вмѣстѣ съ желѣзными и бронзовыми. О нихъ не упоминаетъ ни Фундуклей (Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи), ни Грабовскій (Ukraina dawna i terazniejsza). Къ сожалѣнію же моему, мнѣ не довелось ознакомиться, въ этомъ отношеніи, ни съ мнѣніемъ, ни съ наблюденіями Я. Я. Волошинскаго, который, какъ извѣстно, въ продолженіи двадцатилѣтнихъ своихъ занятій по завѣдыванію археологическими собраніями Кіевского Университета, опредѣлилъ болѣе сотни кладовъ, отысканныхъ въ предѣлахъ Кіевского Учебнаго Округа, рассмотрѣлъ много разнородныхъ находокъ, доставляемыхъ ему мѣстнымъ начальствомъ и любителями, и самъ, какъ специалистъ въ дѣлѣ курганографіи, разрылъ много кургановъ въ этомъ краѣ.

Свидѣтели ли мои молотки каменной эпохи въ Украинѣ (а ее западные археологи оканчиваютъ VII столѣтіемъ до Р. Х.), или они были оставлены, забыты, утеряны переходнымъ каимъ то людомъ,—опредѣлить трудно. Въ сѣверной части Россіи, въ Литвѣ даже въ окрестностяхъ Дубно, какъ и на всемъ сѣверѣ Европы, существова-

ние каменного вѣка несомнѣнно. Коллекціи: Н. Ф. Бутенева (гдѣ способъ дѣланія отверстій есть исключительно — долбленіе) въ Олонецкой губерніи; Тышкевича въ Литвѣ, Павловскаго—вблизи Дубно, собранная въ окрестностяхъ с.Великой Мощаницы, — заключающія въ себѣ сѣкиры, молоты, копья, рубила, ножи,—отъ грубо отесаннаго камня безъ отверстія, до изящно, обдѣланной стрѣлы, — количествомъ своимъ доказываютъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ воину-земледѣльцу молотокъ помогать когда то и убивать врага и рыхлить землю: исключительная же рѣдкость находенія такихъ предметовъ въ Украинѣ, можетъ быть еще пока, мало говорить въ пользу ихъ каменнаго вѣка. Даже оконченность и совершенство работы извѣстныхъ мнѣ молотковъ *) болѣе указываютъ на вѣкъ бронзовый, ознакомившій уже работающаго съ металлическимъ сверлиломъ и искусствомъ шлифованья **). Такъ какъ ни одна отдаленная эпоха, какъ бы ни казалась намъ рѣзко отдаленной отъ другой, въ сущности, не можетъ быть разграничена такъ, какъ говорить о ней историческая цифра, (*non it natura per saltus*) то и каменный вѣкъ долженъ былъ имѣть — какъ все жившее—свое рожденіе, цвѣтущую пору и постепенную агонію; и потому то многія сотни лѣтъ прошли прежде, чѣмъ издѣлія его разбросали забытыми по полямъ, и, можетъ быть, долго еще возлѣ доисторическаго желѣзнаго плуга, водимаго рукою Скифа—работалъ старый молотъ и кремневая сѣкира.

Но украинскіе молотки, переживши свое боевое и хозяйственное (неговору — первоначальное) назначеніе, не употреблялись ли еще въ религіозныхъ обрядахъ, въ гораздо позднѣйшія времена, народами, бродившими по южной Россіи? Я охотно раздѣляю, въ этомъ случаѣ, догадки Крашевскаго (*Sztuka i Stowian*), Новосельскаго (*Lud Ukraiński*), и гр. Тышкевича (*Badania Archeologiczne*).

II. Ревякинъ.

*) Я видѣлъ еще въ Кіевѣ, у Д. Е. Люценка, каменное рубило изъ опаловаго гранита и базальтовой молотокъ, отысканные тоже въ Каневскомъ уѣздѣ. Миниатюрность молотка и элегантная, можно сказать, его обдѣлка, къ чему слѣдуетъ бы въ каменномъ, совершенно не комפורтебельномъ вѣкѣ?

**) По донынѣшнимъ догадкамъ сверленіе дыръ въ каменныхъ орудіяхъ, напр. въ топорахъ и молотахъ, совершалось неодинакимъ образомъ. Встрѣчаются орудія, въ которыхъ оно совершено столь искусно, что невольно сомнѣваешься, было ли возможно обойтись при этомъ безъ помощи металлическаго инструмента. Въ нѣкоторыхъ топорахъ и сѣкирахъ отверстіе выдолблено. Выдалбливаніе начиналось съ обѣихъ сторонъ, чрезъ что отверстіе суживалось отъ концовъ къ срединѣ воронкообразно. Въ другихъ орудіяхъ отверстіе хотя и суживается съ обѣихъ концовъ къ срединѣ, однако оказывается просверленнымъ, а не выдолбленнымъ; такъ надобно судить по кольцеобразнымъ слѣдамъ инструмента, которыми сверлили. Но трудно сказать, какимъ инструментомъ сверлили. Еще труднѣе это относительно тѣхъ отверстій, которыя имѣютъ правильную коническую форму. Были высказаны различныя предположенія на счетъ этого вопроса, между прочимъ и то, что употреблялись иждные цилиндры. Но на послѣднее предположеніе надобно возразить, что при цилиндрическомъ сверленіи нельзя получить конусообразнаго отверстія,—послѣднее не можетъ быть въ одномъ концѣ уже, нежели въ другомъ; потому что оно на всемъ своемъ протяженіи должно сохранять діаметръ конца сверлила. Вѣроятно, что вытачивался стержень заостреннымъ наконечникомъ (иждномъ?), съ помощію воды и песка. Продолжая кольцеобразное углубленіе до противоположной стороны молота, наконечникъ вытачивался стержнемъ.

II. О НАХОДКАХ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

Въ дополненіе къ запискѣ г. Ревякина сообщаемъ другія, извѣстныя намъ, упоминанія о находкахъ каменныхъ орудій въ кievской губерніи.

Липпоманъ въ сочиненіи своемъ *Zastanowienie się, nad mogiłami etc....* Berd. 1832 на стр. 7—8, говоритъ о случайныхъ раскопкахъ въ двухъ мѣстностяхъ кievской губерніи, именно: Радомысльскаго уѣзда въ деревнѣ Миніи кахъ на рѣкѣ Мыкѣ и того же уѣзда въ селѣ Карабачинѣ, въ первомъ мѣстѣ найденъ: каменный молотокъ, а въ другой—по лѣвой сторонѣ дороги, идущей изъ Карабачина до Коростешова—нѣсколько круглыхъ камней, не находимыхъ въ той мѣстности и употреблявшихся для метанія изъ пращъ. Около начала текущаго столѣтія въ деревнѣ Гнилицѣ, надъ рѣкою Мыкою, копая землю, находившуюся прежде подъ лѣсомъ—вырыто было нѣсколько гробовъ, покрытыхъ огромными каменными плитами и выложенныхъ внутри подобными же камнями, (?) въ гробахъ находились глиняныя урны съ ушками, а въ нихъ пепелъ съ пескомъ, полусожженные кости и каменные орудія различной величины: молоты, долота, стр. 11—12 in potis.

Дюбуа де Монпере, въ статьѣ своей: «Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale, помѣщен. въ *Annuaire des Voyages et de géographie* p. Fr. Lacroix (годы 1845, 46, 47), статья 2-я стр. 44—5, передаетъ, что г. Головинскій, помѣщикъ мѣстечка Стеблева (Кievск. губ.-Каневск. уѣзда), дѣлая раскопки на берегу Роси, отыскалъ тамъ урны и сѣкиры изъ неполированного кремня; въ собраніи его находилось также довольно значительное количество сѣкиръ изъ песчаника, порфира, формою сходныхъ съ открываемыми на сѣверѣ Европы, — всѣ они добыты были Головинскимъ изъ русла рѣки Роси или выкопаны близъ Стеблева.

Г. Мортилѣ недавно передалъ извѣстіе, что въ Кievской губерніи (ближайшая мѣстность неизвѣстна?), на скатѣ песчаннаго холма, открытъ неполированный гранитный просверленный молотъ, онъ принадлежитъ владѣльницѣ мѣстности г-жѣ А. М. Раевской и, къ сожалѣнію — до сихъ поръ не ближе извѣстенъ наукѣ, какъ по этому глухому упоминанію.

Въ Екатеринославской губерніи также были найдены нѣкоторыя каменные орудія г. Забѣлинъ, при раскопкахъ своихъ, нашелъ въ Толстой могилѣ Бѣленькой—каменный молотокъ, а въ могилѣ Геремесова близниці, — въ головахъ остова — кремневое копье и кремешокъ въ родѣ стрѣлы. См. Древности. Труды. Моск. Арх. Об. 1, стр. 72, но самое старое упоминаніе о каменныхъ орудіяхъ той мѣстности мы нечаянно встрѣтили въ періодическомъ изданіи вольнаго Общества любителей Россійской Словесности, издававшемся въ 20 годахъ текущаго столѣтія подъ заглавіемъ «Труды» или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», 1820 г. ч. X, кн. VI, въ статьѣ Гесса де Кальве: «Опытъ историческаго изслѣдованія о образованіи человѣческихъ способностей», стр. 251—2. Выписываемъ это извѣстіе вполнѣ: «Лѣтомъ 1816 года, мастеровые Луганскаго литейнаго завода (уѣздъ славяно-сербскій, на границѣ съ землею войска Донскаго) при разрытіи нѣсколькихъ аршинъ канавы, наступили на нѣкоторую

твердую массу. Рассмотрѣвъ съ вниманьемъ, нашли, что масса сія не принадлежала землѣ, но представляла глиняный круглый горшокъ порядочной величины. Мастеровые, надѣясь обрѣсти въ немъ, по крайней мѣрѣ, сокровища Креза, разбили его и вмѣсто золота нашли множество стрѣлъ, ножей, пилъ и проч. все изъ чистаго кремня съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвіе, зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ мы въ лучшихъ англійскихъ пилахъ. Рабочіе, видя себя обманутыми въ надеждѣ, большую часть сихъ рѣдкостей разбили на кремни для высканія огня. Начальникъ же Луганскаго завода, узнавъ о семъ открытіи, собравъ поврежденные остатки и достойнѣйшіе вниманья отправилъ въ Санктпетербургъ. По необыкновенной чистотѣ камня и трудной отдѣлкѣ, а также по желанію сохранить сіе сокровище, можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоценностямъ древности, и что зарыты онѣ были гораздо прежде Половцевъ или Татаръ: ибо какъ сіи народы, такъ и Скифы и Славяне тогда имѣли уже желѣзные орудія, слѣдовательно вещи сіи составляли богатство какого нибудь древняго обитателя сей страны.

Любопытно знать — куда именно въ Санктпетербургъ были доставлены остатки этихъ каменныхъ орудій и — сохранились ли они до нынѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ извѣстій о каменныхъ орудіяхъ въ южной Россіи — найдется со временемъ гораздо болѣе: мы указали лишь на тѣ, которыя были у насъ подъ рукою, полагая, что какъ ни глухи онѣ, все же заслуживаютъ нѣкотораго вниманія и должны быть занесены въ лѣтописи каменнаго вѣка русской земли.

А. К.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Förteckning och Afbildningar af Fiska fornlemningar. af H. J. Holmberg. I. Stenåldern. II. Bronsåldern, т. е. Списокъ и изображенія финляндскихъ древностей, составленные Г. И. Гольмбергомъ. I. Каменный вѣкъ. II. Бронзовый вѣкъ. Помѣщено въ 9-ой книжкѣ издаваемого Финляндскимъ Обществомъ Наукъ сборника: Bidrag till Finlands naturkännedom, etnografi och statistik. Гельсингфорсъ, 1863. 36 стр. 8° съ 20, таблицами рисунковъ и съ картою.

Это первое сочиненіе, которое насъ знакомитъ съ хранящимся въ этнографическомъ музеѣ Гельсингфорскаго Университета каменными орудіями, найденными большею частію въ Финляндіи: только на послѣдней таблицѣ рисунковъ изображены бронзовые предметы.

Финляндскія каменные орудія, по многимъ между ними встрѣчающимся формамъ имѣютъ связь съ находящимися въ смежной Олонецкой губерніи предметами того же рода.

Авторъ, бывшій хранителемъ этнографическаго музея Гельсингфорскаго университета, къ сожалѣнію, скончался въ 1865 году. Будучи хранителемъ упомянутаго музея, онъ однако не ограничился сообщеніемъ свѣдѣній о предметахъ каменнаго и бронзоваго издѣлій, хранящихся въ немъ, но и включилъ въ свое сочиненіе нѣсколько частныхъ коллекцій каменныхъ орудій, именно коллекція барона Линдера (242 предмета), бургомистра А. Юсселия (147 предметовъ), лектора Готлунда (41 предметъ). Въ Гельсингфорскомъ университетскомъ музеѣ въ 1863 году было 201 каменное орудіе, между тѣмъ какъ въ 1859 было только 116 подобныхъ орудій, найденныхъ въ Финляндіи, какъ усматриваемъ изъ изданнаго въ томъ же году каталога этнографическаго музея (Katalog öfver Kejserliga Alexanders — Universitets Etnografiska Samlingar. Helsingfors, 1859. 44 стр. 8°).

Орудія и оружія изъ камня, встрѣчающіяся въ Финляндіи, по формамъ своимъ слѣдующихъ родовъ: 1) прямые долота, 2) выемчатые долота, 3) топоры и жезла, 4) молоты, 5) наконечники копій, 6) боевые молоты, 7) колотушки, 8) кольца (неизвѣстнаго назначенія), 9) боевые топоры, 10) кинжалы, 11) пилочки. Кремневые орудія въ Финляндіи рѣдки, встрѣчались изъ этого матеріала кинжалы и пилочки; наконечники копій дѣлались изъ разныхъ сланцевыхъ породъ; боевые топоры изъ сіенита, боевые молоты изъ глинистаго и слюдистаго шифера, молоты изъ гнейса, діорита, порфира, топоры и долота изъ діорита и кремнистаго шифера, послѣднія также изъ сіенита.

Въ началѣ этой замѣтки мы упомянули о сходствѣ замѣченномъ нами между формами Финляндскихъ и Олонецкихъ каменныхъ орудій: это сходство поражаетъ болѣе всего насъ въ боевыхъ молотахъ, которые въ обѣихъ странахъ часто по бокамъ имѣютъ выступы; но такія оружія изображены въ моей первой статьѣ объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ, 2-й таблица на рисункахъ 26 и 27. Кромѣ Финляндіи и Олонецкой губерніи—кажется—пока не находили этой формы орудій.

Особеннымъ украшеніемъ сочиненія Гольмберга можно считать его карту Финляндіи, на которую онъ нанесъ всѣ мѣстности, въ которыхъ были находимы каменные и бронзовые орудія. Большая часть мѣстностей, гдѣ были найдены бронзовые оружія лежатъ близко къ берегамъ Финскаго залива и южной части Ботническаго залива. Въ центрѣ и на сѣверѣ Финляндіи ихъ пока не находили. Изъ этого факта можно бы было заключить, что въ Финляндіи бронзовые оружія были привозными предметами.

Сочиненіе Гольмберга, не смотря на его небольшой объемъ, заслуживаетъ быть изданнымъ на русскомъ языкѣ, потому что даетъ весьма наглядное понятіе о каменныхъ орудіяхъ Финляндіи. Рисунки, приложенные къ нему, много въ этомъ помогаютъ, потому что исполнены весьма отчетливо, съ обозначеніемъ настоящей величины самыхъ подлинныхъ предметовъ.

II. Л.

Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angränzenden Landstriche von C. Grewingk. Dorpat 1865. 118 стр. 8° и 2 таблицю рисунковъ. (Schriften der gelehrten estnischen Gesellschaft in Dorpat, № 4).

Автору этого сочиненія для своего изслѣдованія было гораздо менѣе доступно, матеріалу, чѣмъ автору предыдущаго сочиненія. Ему всего было извѣстно сто двадцать предметовъ. Къ тому описаннымъ имъ каменнымъ орудіямъ не такъ разнообразны по формамъ, какъ финляндскія. Но тѣмъ не менѣе надобно сказать, что онъ предлагаетъ въ своемъ сочиненіи читателю все, что возможно было сдѣлать при ограниченности матеріала, даже лишнее. Лишними считаемъ мы историческіе выводы, которые авторъ дѣлаетъ на основаніи этого ограниченаго матеріала.

Прослѣдимъ содержаніе этой книги. Послѣ вступительныхъ словъ (стр. 1—4), въ которыхъ авторъ излагаетъ планъ своего сочиненія, онъ описываетъ (стр. 5—23) каждый предметъ, исключая тѣхъ немногихъ, которые ему извѣстны только по книгамъ, обозначая при томъ мѣсто его находенія и нынѣшняго его храненія. При описаніи каждаго орудія онъ обозначаетъ: 1) матеріалъ, изъ котораго онъ состоитъ, 2) его ширину, высоту и длину по десятичной мѣрѣ, 3) при предметахъ съ отверстиями для вставки древка, разстояніе центра отверстия отъ лезвія. Большая часть исчисленныхъ у Гревингк орудій состоитъ изъ молотовъ съ просверленными отверстиями. Есть и нѣсколько боевыхъ топоровъ (какъ напр. № 106 и 107, рис. 7 и 8), кромѣ того встрѣчаются тесла или топоры безъ отверстія (вѣроятно вставлявшіеся въ древко или навязывавшіеся на него), долота, выемчатые и прямые. Но мы не понимаемъ, отчего авторъ точильные камни изъ шифера причисляетъ къ орудіямъ

каменного вѣка. Наконецъ онъ упоминаетъ также о пращахъ и буравахъ. Последними онъ считаетъ куски изъ камня, подобные изображены въ первой моей статьѣ объ орудіяхъ каменного и бронзоваго вѣковъ, на таблицѣ II, рис. 31 и 32. Гревингъ полагаетъ, что этими камнями сверлились отверстія въ топорахъ и молотахъ. Я на-противъ того мнѣнія, что подобные куски камня получались при сверленіи отвер-стій въ молотахъ и топорахъ, и поэтому считаю ихъ не орудіями для сверленія, а его плодами, какъ я это высказалъ на стр. 38 упомянутой статьи.

Описавши извѣстныя ему каменные орудія изъ трехъ прибалтійскихъ и нѣкото-рой части Ковенской и Витебской губерній, авторъ разсматриваетъ ихъ относительно ихъ формы, численности, назначенія, распространенія (въ связи съ существовавшими и существующими этнографическими отношеніями) и наконецъ, свойства мѣстностей, въ которыхъ они были находимы (стр. 24—53). Затѣмъ онъ сравниваетъ каменные орудія прибалтійскаго края съ таковыми же предметами другихъ странъ, именно Финляндіи, восточной Пруссіи, южной Литвы, западной Пруссіи, Помераніи и Сканди-навіи (стр. 53—63). На слѣдующихъ пяти страницахъ онъ дѣлаетъ выводы изъ своихъ изслѣдованій. Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ выводовъ: во время каменного вѣка разсмотрѣнная имъ страна имѣла рѣдкое населеніе; въ большей части латышской Лифляндіи и въ средней Курляндіи нѣтъ каменныхъ орудій (т. е. пока не найдены), чаще встрѣчаются они въ прибрежьи и вдоль теченія Двины, далѣе въ полость, тяну-щейся мимо Ковна, Динабурга, Острова и Пскова—земледѣльческихъ орудій каменного вѣка не нашлось; населеніе употреблявшее каменное орудіе и оружіе въ прибалтій-скомъ краѣ не первобытное. Кремневаго орудія или оружія пока не найдено. Ограни-чившись на страницахъ 63—68 выводами, сдѣланными на основаніи изученныхъ имъ каменныхъ орудій, Гревингъ для дальнѣйшихъ выводовъ, обращается съ вопро-сами къ исторіи, преданіямъ и къ языку. Кончая свой трудъ, онъ проситъ читателя смотрѣть на послѣдніе его выводы не какъ на положительные результаты его изслѣ-дованія и допускаетъ, что, при дальнѣйшемъ изученіи предмета и при большемъ на-копленіи матеріала для его изученія, нѣкоторые изъ его выводовъ могутъ быть уstra-нены или измѣнены. При этомъ онъ выражаетъ надежду, что впредь, при собираніи каменныхъ орудій и при развѣдкѣ древнихъ могилъ, будутъ болѣе осмотрительны, чѣмъ были до сихъ поръ и что наконецъ историки и лингвисты также обратятъ вни-маніи на вопросы, касающіеся каменного вѣка.

Рисунки, приложенные на двухъ таблицахъ къ разсмотрѣнному сочиненію, весь-ма грубо выполнены. Напрасно Дерптское Ученое Общество поскупилось дать средства на болѣе отчетливое ихъ исполненіе. При изданіи мало извѣстнаго матеріала надоб-но стараться дать читателю возможность получать о немъ наибольшую наглядность.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ замѣтить, что на второй таблицѣ у Гревинг-а изображены могилы съ раскладкою вокругъ нихъ камней въ видѣ лодки. Подобные могилы найдены на курляндскомъ берегу рижскаго залива и носятъ тамъ у латыш-скаго населенія названіе «велла-лайве» (т. е. чертовыхъ лодокъ). О содержаніи этихъ могилъ говорятъ Гревингъ на стр. 45 и слѣд.

II. Л.

5

Gab. de Mortillet. Le Signe de la Croix avant le Christianisme, 8° p. 182, avec 117 grav. sur bois.

Сочинение Мортилэ, извѣстнаго изданіемъ журнала по наукѣ доисторической древности (*Materiaux pour servir à l'histoire de l'Homme* 1864, 5 и 6). — съ одной стороны даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать по заглавію, съ другой — не представляетъ того, чего позволительно требовать отъ строгаго археологическаго труда. Предположивъ изслѣдовать употребленіи и значеніе креста въ дохристіанскую эпоху, авторъ увлекся въ подробныя описанія раскопокъ, произведенныхъ въ итальянскихъ террамарахъ, кладбищахъ и свайныхъ постройкахъ: болѣе двухъ третей книги занято этими, впрочемъ любопытными и важными — изслѣдованіями. На долю дохристіанскаго креста приходится лишь нѣсколько страницъ, да небольшая заключительная глава. Кто интересуется только главнымъ предметомъ, тотъ можетъ и ограничиться чтеніемъ одного этого отдѣла изслѣдованія. Употребленіе креста авторъ слѣдитъ на нѣкоторыхъ дохристіанскихъ памятникахъ Ассиріи, Греціи, Этрурии и въ особенности на днахъ горшковъ и на вещахъ, извлеченныхъ изъ террамаръ, свайныхъ построекъ и могилъ Италіи, Тироля, Франціи, Швейцаріи, Англіи, Германіи и Скандинавіи; матеріалъ имъ собранный нельзя назвать не только полнымъ, но даже сколько нибудь удовлетворительнымъ: опущены напримѣръ богатые данныя, собранныя во Временникѣ померанскаго общества исторіи и древностей (указываемъ для желающихъ на страницы его: *Baltische Studien* т. X, 2 в. стр. 1—13, 23, 27—28, 40 и слѣд.; т. XI, в. 2-ая, стр. 43 и слѣд. 45—52, т. XII, в. 1-ая, стр. 27 и слѣд.), у Воцеля (*Archäologische Parallelen* II, стр. 55—59, *Grundzüge der böhm. Alterth.* стр. 17) и въ другихъ общераспространенныхъ изданіяхъ по древностямъ доисторической Европы и Азіи. Вообще знакомство автора съ археологическою литературою — менѣе чѣмъ посредственно, и этотъ недостатокъ не выкупается даже обыкновенною трезвостью мысли: читателямъ предлагается не скромная гипотеза, а неопровержимый историческій фактъ о распространенномъ религіозномъ культѣ креста въ доисторической древности (стр. 137, 171, 173—4), о томъ, что послѣдователи этого культа, особая религіозная секта — не терпѣла поклоненія и употребленія идоловъ и замѣняла ихъ крестомъ — и все это потому только, что на нѣкоторыхъ памятникахъ доисторической древности преимущественно на днахъ горшковъ — встрѣчается довольно разнообразнаго вида геометрическая фигура креста: простое, столь естественное украшеніе, образцы котораго во множествѣ можно найти въ первыхъ предметахъ житейскаго обихода — возводится на степень религіознаго символа и аллегорическаго знака. Не затрудняетъ нашего автора, что такой важный знакъ (*un signe important qui jouait un grand rôle dans les croyances du peuple*) помѣщается почти всегда на такомъ неважномъ мѣстѣ, какъ дно горшковъ: эти горшки прикрѣплялись къ стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, дно ихъ было обращено къ публикѣ (р. 42)! Отправляясь отъ такой совершенно фантастической мысли, авторъ — совершенно ложно объясняетъ и то замѣчательное обстоятельство, что фигура креста исчезаетъ при появленіи на сосудахъ чело-вѣкообразныхъ украшеній или вообще предметовъ органической природы: растений,

животныхъ, птицъ: онъ видитъ здѣсь вліяніе особой секты, которая не терпѣла подобныхъ изображеній, взятыхъ изъ жизни; но фактъ объясняется гораздо проще: всѣ геометрическія незатѣйливыя украшенія, какъ фигуры параллельныхъ черточекъ, симметрическихъ круговъ, конусовъ, креста—оказывались недостаточными при дальнѣйшемъ развитіи вкуса или художественной и механической способности воспроизводить предметы живой природы: они неудовлетворяли болѣе чувству изящнаго и потому должны были исчезнуть. Гипотеза г. Мортилле такова, что противъ нея трудно спорить, но еще труднѣе допустить ее, иначе пришлось бы и крестообразныя украшенія на штанахъ скинскихъ воиновъ—считать тоже религіозными символическими знаками! Нѣтъ сомнѣнія, что разнообразныя крестовыя фигуры на предметахъ доисторической древности были простыми украшениями, на днахъ же горшковъ, какъ мы надѣемся въ скоромъ времени доказать—они могли имѣть иное значеніе, именно—знаковъ собственности, марокъ, клеймъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности предмета извѣстному лицу или о его мастерѣ, всего менѣе значеніе ихъ было религіозное или символическое, иногда, впрочемъ—преимущественно у сѣверныхъ Германскихъ племенъ—фигура креста дѣйствительно имѣла религіозный смыслъ, какъ изображеніе молота бога-громовника Тора и—быть можетъ славяно-литовскаго Перуна, быть можетъ также—и на кельтскихъ и другихъ монетахъ—фигура креста имѣла особое значеніе. Сдѣлавъ предметомъ своего изслѣдованія эти явленія, авторъ безъ сомнѣнія—оказалъ бы наукѣ несомнѣнную пользу, по крайней мѣрѣ гораздо болшую чѣмъ та, которую принесъ онъ теперь. Гораздо ранѣе Мортилле на этомъ же предметѣ останавливался и извѣстный чешскій археологъ Я. Э. Воцель (см. выше указ. его сочиненіе), его также влекли къ себѣ гипотезы и гаданья, но, какъ истинный ученый, онъ потребовалъ отъ себя основаній для нихъ и, не находя ихъ, сказалъ слѣдующее, поучительное въ настоящемъ случаѣ, слово: *ferne sey es von mir, mich in diesen Hypothesenstrom tauchen zu wollen, aus dessen Tiefen man zwar gelehrte Citate und Belegstellen in unzahl, aber schwerlich ein Körnchen überzeugender Wahrheit heraufholen würde; ich will mich vor der Hand bloß auf einige Angaben beschränken, welche die Fundorte von Grabgefäßen, die mit ähnlichen Bodenzeichnungen versehen waren, betreffen*. Последнее исполнено и г. Мортилле: его описанія раскопокъ и нѣкоторыя историко-хронологическія по этому поводу соображенія—отличаются истиннымъ достоинствомъ, и они то не позволяютъ забывать его книгу въ исторіи науки.

А. К.

Старина русской земли. Книга первая—слово о старинѣ незапамятной. Москва 1866 неб. 4-й 38 стр.

Если вообще въ лѣтописяхъ науки заслуживаютъ признательности и такія произведенія, которыя, не обогащая видимо ея содержанія и объема, возбуждаютъ только интересъ къ ней, то еще большаго привѣта достойны такіе труды въ области отечественной археологіи, такъ какъ равнодушіе къ памятникамъ родной старины, непониманіе ихъ цѣны и значенія, а иногда и злостный вандализмъ къ нимъ—слишкомъ

обыкновенныя явленія нашей современной умственной жизни. Авторъ Старины хочет помирѣ силъ помочь этой бѣдѣ общедоступнымъ изложеніемъ фактовъ науки отечественной древности и простымъ объясненіемъ ихъ значенія; увѣнчается ли ка-кимъ успѣхомъ его доброе намѣреніе—рѣшить будущее, но самая попытка уже заслу-живаешь полного вниманія и сочувствія. Книга обработана съ искреннимъ, неподдѣль-нымъ чувствомъ любви къ предмету, издана прекрасно — со множествомъ отчетливо исполненныхъ полиטיפажей, изображающихъ различные предметы древности, цѣна ея—болѣе чѣмъ общедоступна (всего 10 к. с.)—все это даетъ право надѣяться, что она не остановится на первомъ изданіи, и потому мы считаемъ не лишнимъ войти въ нѣкоторыя критическія подробности о ея содержаніи, — это необходимо тѣмъ болѣе, что въ книжкѣ, вромѣ изложенія общезвѣстныхъ фактовъ — встрѣчаются и личные догадки автора. Послѣ небольшого вступленія разсматривается вопросъ — чѣмъ и какъ старину удовлетворяли люди свои первыя потребности, когда научились ковать металлы: сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о желѣзномъ, бронзовомъ и каменномъ вѣ-кахъ человѣческой культуры, авторъ — для яснѣйшаго доказательства этого — остано-вливается на памятникахъ древности: могилахъ, остаткахъ древнихъ жилищъ и вообще быта древняго человѣка, говорить о различныхъ способахъ погребенія и потомъ на-чинаетъ уже подробный пересмотръ памятниковъ каменной, бронзовой и желѣзной старины, преимущественно отысканныхъ на русской землѣ, въ заключеніе предлагаетъ и небольшой историко-этнографическій очеркъ племенъ, населившихъ Европу — какъ индо-европейскаго, такъ и чуждаго происхожденія. Путь, которымъ ведетъ авторъ своего читателя въ 1-ой части книги, отличается отъ обыкновеннаго обратнымъ по-рядкомъ: онъ начинаетъ не съ отдаленной старины, а съ ближайшей и постепенно во-сходитъ къ древности, только по надлежащемъ объясненіи предварительныхъ понятій (съ 3 главы), изложеніе идетъ уже согласно съ постепеннымъ развитіемъ жизни. Конечно — для малосвѣдущаго читателя такой пріемъ объясняетъ предметъ наглядно и про-сто, но при употребленіи его нужна особая осмотрительность, чтобы съ одной стороны не впасть въ повторенія, съ другой — не затенить главнаго подробностями и отступлені-ями. Умѣнье сказать обо всемъ въ своемъ мѣстѣ есть необходимое условіе не только популярнаго труда, но и вообще всякаго серьезнаго сочиненія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія «Старину русской земли» нельзя не замѣтить, что авторъ ея не вездѣ удовлетворяетъ условіямъ строго обдуманнаго плана, такъ вторая глава о могилахъ и способахъ погребенія имѣетъ смыслъ эпизода, связь ея съ предыдущимъ искусственна, и вся она по частямъ нашла бы болѣе приличное мѣсто въ послѣдующемъ обзорѣ 3-хъ эпохъ человѣческой культуры, равнымъ образомъ историко-этнографическій очеркъ былъ бы умѣстнѣе не въ концѣ, а въ началѣ, послѣ общихъ предварительныхъ понятій: безъ него не будетъ понятно многое, о чемъ говорится въ текстѣ; вообще изъ чтенія книги не выносишь яснаго, стройнаго образа предмета, отчасти это объясняется неразра-ботанностью предмета, но также и отсутствіемъ строгаго плана въ трудѣ; къ этому нужно прибавить, что и самое изложеніе не отличается ровностью и выдержанностью тона: иногда оно просто и серьезно, въ другихъ мѣстахъ видна искусственная поддѣл-ка подъ простонародную рѣчь, а кое гдѣ проглядываетъ излишняя въ популярномъ трудѣ

филологическая эрудиція (напр. стр. 4, 10 в/c) и это тѣмъ болѣе жаль, что изложеніе вообще автора живое, одушевленное. Указывая на эти общіе недостатки; мы нисколько не желаемъ оставить въ тѣни достоинства книги, отрицать ихъ невозможно, и когда мы выше высказывали ихъ, то съ нашей стороны это была не одна пустая фраза приличья... Сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. На стр. 7 авторъ говоритъ, что въ преданіяхъ арійскихъ народовъ сохранилась смутная память о древнемъ обычаѣ погребенія тѣлъ на вершинахъ деревъ. Мы не могли нигдѣ найти даже слѣдовъ этой памяти, и русская сказка, приводимая въ подтвержденіе этой мысли, едва ли даетъ право на такое заключеніе. Объясненіе (стр. 7—8) древне-русскаго обычая полагать покойника въ сани намъ показалось остроумнымъ, хотя невольно приходитъ въ голову вопросъ, почему именно, если этотъ обычай вытекалъ изъ физическихъ условій жизни, онъ не встрѣчается у сѣверныхъ племенъ, а у южныхъ, именно Полянъ? На стр. 9-й говорится объ обыкновении не зарывать глубоко въ землю праха усопшихъ, чтобы имѣть возможность переносить его въ своихъ странствіяхъ, — и въ доказательство, кромѣ свидѣтельства «Повѣсти временныхъ лѣтъ», приводится и нѣкоторыя могилы древнихъ славянъ прибалтійской Европы: «эти могилы, по словамъ автора, сыпаны по видимому одновременно, а между тѣмъ заключаютъ въ себѣ множество горшковъ съ пепломъ и вещами различныхъ временъ». Здѣсь — конечно — имѣется въ виду то опредѣленіе славянскихъ могилъ, которое сдѣлалъ Лишъ, но неговоря уже о томъ, что теорія Лиша несостоятельна *), гдѣ встрѣтилъ авторъ ясныя доказательства разновременнаго происхожденія вещей, открываемыхъ въ вендскихъ кладбищахъ, и чѣмъ это обстоятельство, допустивъ даже его справедливость, подтверждаетъ основную мысль его? Вещи разновременнаго происхожденія вовсе не рѣдкость и въ могилахъ, глубоко погребенныхъ въ землѣ; совмѣстное ихъ существованіе въ могилахъ объясняется тѣмъ, что и въ житейскомъ обиходѣ употреблялись вещи разновременнаго происхожденія, но уже никакъ не обстоятельствомъ перенесенія праха покойниковъ; да къ тому же, теорія Лиша — если и имѣетъ какое значеніе въ наукѣ, то значеніе яснаго опредѣленія эпохъ мекленбургскихъ могилъ, а никакъ не народности ихъ. Принимая навѣру слабую сторону этой теоріи — славянство вендскихъ кладбищъ, авторъ какъ будто отстраняется отъ ея стороны сильной, когда говоритъ разновременности вещей, находимыхъ въ этихъ кладбищахъ. На стр. 10 мы находимъ мнѣніе, которое готовы принять за обмолвку, авторъ утверждаетъ, что сожженные или обожженные трупы полагались въ могилу не лежа, а сажались на корточки. Наука до сихъ поръ не только не представила такого факта, но и представить не можетъ: всѣ найденные доселѣ, скороненные въ сидячемъ положеніи, трупы не носятъ никакихъ слѣдовъ сожженія и именно относятся къ тому пе-

*) Еще Гизебрехтъ представилъ нѣкоторыя, нелишенные основательности, замѣчанія противъ славянства Вендскихъ могилъ см. *Baltische Studien* т. V 2 ч. р. 47, т. VII ч. 2, р. 111—113., а въ последнее время Вейнгольдъ указалъ на тѣяны, которые окончательно разрушаютъ этнографическую теорію могилъ, созданную Лишемъ cf. *Mittheilungen zur Alterthumskunde der Herzgt. Schl. Holst. Kiel*, 1864 p. 19.

ріоду погребення, когда сожженіе еще не было въ обычаѣ. На стр. 11-ой, для объясненія бѣлорусскаго названія могилы-вологовки, ставятся подъ одинъ этимологическій уровень слова Волоть, Волось, Велесь и Волохъ. Последнее наименованіе несомнѣнно чужаго происхожденія, сближеніе же первыхъ двухъ есть гипотеза, не встрѣчающая оправданія ни въ языкѣ, ни въ народныхъ вѣрованіяхъ. Обзоръ предметовъ каменной и бронзовой старины исполнено съ замѣчательною отчетливостію, страннымъ лишь показалось намъ помѣщеніе въ бронзовую старину фигуры крылатой женщины, (рис. 68) стоящей между двумя рогатыми животными: фигура эта желѣзная и только обложена съ лицевой стороны листовымъ золотомъ, а съ оборотной листовымъ серебромъ. Обзоръ желѣзной старины—хотя и кратокъ, но довольно обстоятеленъ. Желѣзнымъ вѣкомъ оканчивается незапамятная старина русской земли—съ нимъ начинается—если не исторія, то разсвѣтъ ея—и авторъ — думаемъ — не сдѣлалъ бы ошибки воспользовавшись для пополненія своего очерка желѣзной старины нѣкоторыми указаніями уже письменныхъ историческихъ источниковъ. Это дало бы ему поводъ остановиться на любопытномъ вопросѣ о туземной и заимствованной желѣзной русской культурѣ. Въ концѣ «Старины», какъ сказано, помѣщенъ краткій этнографическій очеркъ распространенія арійскихъ колонистовъ по Европѣ, факты въ общихъ чертахъ изложены вѣрно, только относительно греческихъ колоній по берегамъ Понта авторъ позволяетъ себѣ догадку, рѣшительно противорѣчащую всѣмъ историческимъ свѣдѣніямъ, вотъ его слова: «если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть Греко-Италійцевъ, вѣроятно, проходила черезъ нашъ югъ, гдѣ вскорѣ по берегамъ Чернаго моря основаны были греческія колоніи, городки и села», стр. 34. По мнѣнію автора кажется часть Грековъ осталась на Черномъ морѣ во время своего переселенія изъ Азіи въ Европу; но кто же не знаетъ, что это событіе случилось по извѣстнымъ, заведомымъ причинамъ въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Х. и уже никакъ не вскорѣ послѣ невѣдомой эпохи передвиженія изъ Азіи въ Европу.

Указывая на недомолвки и ошибки автора, мы далеки отъ мысли не признать его дѣйствительною заслугой: какъ первое популярное сочиненіе о русской домисторической старинѣ, книга его вызываетъ самую искреннюю признательность—и доброе дѣло исполнить тотъ, кто постарается, по мѣрѣ силъ, о ея распространеніи въ массѣ читающей публики: частныя оступы автора въ этомъ случаѣ нисколько не вредятъ той пользѣ, какую она можетъ принести народному образованію вообще и русской археологической наукѣ въ частности. Авторъ извѣщаетъ, что въ скоромъ времени выйдетъ и 2-я ч. его «Старины» и будетъ заключать въ себѣ русскую жизнь христіанской эпохи — въ добрый часъ! Пожелаемъ лишь, чтобы авторъ не оставилъ безъ вниманія и бытовую славянскую и русскую старину, какъ языческой такъ и христіанской эпохъ: представивъ ея картину въ популярномъ очеркѣ, онъ оказалъ бы русской наукѣ услугу не менѣе той, какая оказана имъ его «Словомъ о старинѣ незапамятной».

А. К.

О могильных насыпях и каменных бабах въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ. Статья А. Терещенка. (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1866, к. IV, отд. V. стр. 1—37.)

Статья Терещенка представляет собою бѣглый перечень осмотрѣнныхъ имъ могилъ и каменныхъ бабъ означенной мѣстности: археологъ не встрѣтитъ въ ней ничего важнаго, чтобы могло удовлетворить его пытливость относительно содержанія могильныхъ насыпей, но найдетъ не мало полезныхъ топографическихъ указаній, описанія внѣшняго вида и состоянія могилъ, ихъ высоты и окружности. На сколько точны эти описанія и измѣренія—судить не можемъ, но зная вообще неудовлетворительность археологическихъ трудовъ Терещенка (см. Древности Геродотовой Скиѣи. Спб. 1866 стр. 5, 7—8, Жизнь и Труды Савельева. Спб. 1861. стр. 105—7)—позволяемъ себѣ оставить это пока подъ сомнѣніемъ — и тѣмъ болѣе, что напр. его измѣреніе Чертомлыка значительно разнится отъ измѣренія г. Забѣлина, точно и специально изслѣдовавшаго этотъ богатый курганъ. Большая часть статьи—посвящена описанію каменныхъ изваяній или бабъ, во множествѣ разсѣянныхъ по степямъ южной Россіи,—и въ этомъ отношеніи трудъ Терещенка, конечно, заслужить признательность того, кто захочетъ подробно изслѣдовать вопросъ: мы имѣемъ въ виду здѣсь не личныя догадки автора и его описанія каменныхъ бабъ, но его обстоятельное указаніе мѣста нахожденія ихъ къ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ. Руководясь указателемъ Терещенка, изслѣдователь значительно облегчитъ себѣ черновую принскную работу, по крайней мѣрѣ можетъ уже не упустить изъ виду того, что л егко могло бы быть просмотрено, если бы онъ начиналъ свое дѣло самъ собою безъ предшественниковъ. Этнографическая характеристика типовъ каменныхъ бабъ у Терещенка—всегда коротка и основана — кажется — на первомъ впечатлѣніи: то ему кажется, что онѣ имѣютъ болѣе европейскую, чѣмъ азіатскую наружность, то европейское лицо съ нѣкоторою смѣсью азіатскаго, то калмыцкое, татарское, кавказское, монгольское, скифо-еллинское; на этомъ — вѣроятно — основаніи Терещенко въ концѣ статьи и предлагаетъ свое «мнѣніе о принадлежности каменныхъ бабъ разнымъ племенамъ». «По сличеніи видѣнныхъ истукановъ, говоритъ онъ на стр. 35—7. вездѣ обнаруживается послѣдовательный, поколѣнно измѣнявшійся ликъ,.... видно что статуи эти относятся къ разнымъ поколѣніямъ и вѣкамъ, что самыя древнѣйшія очертанія носятъ отпечатокъ азіатскій и скифо-еллинскій, поэтому послѣднія составляютъ дорогое собраніе каменныхъ бабъ и принадлежать къ памятникамъ скифскихъ племенъ». Само собою разумѣется, что остановиться на такомъ глухомъ выводѣ наука не можетъ, но едва ли также она въ состояніи предложить другой, болѣе обильный прочными историческими выводами: не смотря на множество отдѣльныхъ статей о каменныхъ изваяніяхъ, на множество снятыхъ съ нихъ рисунковъ—все это оказывается неполнымъ, отрывочнымъ, а иногда и не точнымъ—матеріаломъ, изъ котораго нельзя сдѣлать пока ничего научно цѣлаго; памятники гибнутъ, обезображиваются годъ отъ году болѣе и болѣе, и можетъ быть недалеко время, когда невѣжественный вандализмъ и ребяческое отношеніе къ нимъ — уничтожить окончательно ключъ къ разгадкѣ ихъ существованія, потому, пора кажется наукѣ обратить серьезное внима-

ніе и на грубыя, незатѣливыя каменныя изваянія русской территоріи, пора перестать брезговать ими, тѣмъ болѣе, что—съ разъясненіемъ ихъ смысла - разъяснится конечно не одинъ вопросъ высокой исторической важности и значенія, такъ по крайней мѣрѣ можно догадываться и по громадному количеству этихъ памятниковъ и по ихъ географическому распространенію, тянущемуся отъ степей южной Россіи по восточной окраинѣ ея до далекихъ мѣстностей Сибири. Къ слову о Сибири,—укажемъ здѣсь на одну неточность въ статьѣ Терещенка, на стр. 36 онъ, ссылаясь на путешествія академиковъ прошлаго вѣка говорить: «Находившіяся въ Сибири статуи представляютъ младенческое состояніе искусства, изъ котораго оно не выходило: это не статуи, а обрубки». Рисунокъ сибирскихъ каменныхъ бабъ, приложенный пок. Спасскимъ къ его сочиненію «о достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей» (XII кн. Записокъ геогр. Общества)—не подтверждаетъ этого вполнѣ, хотя сибирскія изваянія дѣйствительно грубѣе южно-русскихъ и при томъ отличаются отъ послѣднихъ еще и тѣмъ, что по большей части не изваяны изъ камня, но вырѣзаны на кускѣ камня (см. ст. кн. Кострова «Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи». Записки Спб. отд. рус. геогр. общ. т. VII, стр. 77—83). Дюбуа-де-Монпере—относительнаго мѣстнаго различія въ художественной отдѣлкѣ каменныхъ изваяній—сдѣлалъ болѣе вѣрное замѣчаніе, именно: тѣмъ далѣе тянутся они на востокъ, тѣмъ болѣе грубѣетъ ихъ форма, такъ что самыя восточныя представляютъ грубое подобіе лица (*simple masque*), тѣже, которыя находятся на Азовскомъ морѣ, выдѣланы съ такимъ искусствомъ, что можно даже заключать о ихъ народности (Lacgroix — *Annuaire des voyages* 1846 г. p. 42).

Выражая выше желаніе науки, чтобы каменныя изваянія были серьезно изслѣдованы, изображены (хотя въ точныхъ фотографическихъ снимкахъ) — мы имѣли въ виду обратить на эти замѣчательные памятники вниманіе не столько частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ, какъ извѣстно нерасполагающихъ достаточными къ тому средствами, но такого высокаго, въ ученѣмъ смыслѣ, учрежденія какъ Археологическая Коммиссія, обладающая и матеріальными средствами, и просвѣщенной любовью къ родной старинѣ, и способными, умѣлыми дѣятелями.

А. К.

Протоколы засѣданій Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ съ 14 мая 1864 по 29 августа 1866 г. изданіе Вас. Солдатенкова. Москва 1866. 4°. 5 + 279 ст. 20 стр + VII и 3 таб. рис.

Вромѣ подобныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ Общества, изъ которыхъ съ интересомъ прочтутся, конечно, лишь относящіеся къ устройству этнографической выставки, изданіе содержитъ въ себѣ и нѣсколько замѣтокъ какъ по предметамъ естественныхъ наукъ, такъ и по наукѣ русской древности. Изъ первыхъ — для насъ всего болѣе интереса имѣютъ прекрасныя статьи г. Щуровскаго по геологіи, вторыя — какъ ни малочислены онѣ — заслуживаютъ нашего прямого вниманія, сюда принадлежатъ: статья Бѣляева «о племенахъ, населявшихъ, въ разное время нынѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа», о ней мы уже высказали наше мнѣніе въ 1 т. «Древностей»

отд. библиогр. стр. 36, ст. 2. Федченка—«О важности изученія череповъ, находимыхъ въ древнихъ кладбищахъ», извлеченная изъ записки Парижск. антрополога Брока; указанія гг. Муратова, Горбова и Бочарова (стр. 56 и 90) на нѣкоторые курганы Рязанской, Тверской и Московской губерній и наконецъ—самое важное и интересное. «Донесеніе о раскопкѣ кургановъ близъ г. Коломны въ сельцѣ Рѣчки (съ рисункомъ раскопки и положенія костяка въ могилѣ). Раскопка не была окончена. Въ одной могилѣ (№ 1) скелетъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи на спинѣ, не въ центрѣ кургана, а ближе къ южной сторонѣ, прямо на материкѣ, ногами къ Ю, при немъ найдены: на нижнихъ концахъ обоихъ предплечій по металлическому (??) витому кольцу (браслету) и около праваго уха бусина изъ прозрачнаго кварца грубой шлифовки и съ отверстіемъ въ срединѣ, другая бусина нашлась подъ основаніемъ черепа. Скелетъ во 2-й могилѣ лежалъ въ такомъ же положеніи, но не на материкѣ, а въ ямѣ, вещей, кромѣ кусковъ кожи, лежавшихъ на колѣняхъ, не найдено. Какъ видно—раскопка бѣдная, но все же не безынтересная, посѣтовать лишь можно, что не приложено рисунка загадочнаго металлическаго браслета, не сказано даже, какой онъ формы, величины и имѣетъ ли какое сходство съ уже извѣстными однородными могильными вещами.

Глядя на эту статью, мы не можемъ не выразить желанія, чтобы Общество не оставляло такого рода занятій, приносящихъ пользу и наукѣ русской древности, что бы оно описывало ихъ осмотрительнѣе, чѣмъ на этотъ разъ. Писать общіе проекты, мнѣнія, заниматься рѣшеніями вопросовъ въ родѣ того—созрѣли ли Русскіе къ умственной работѣ, судья ли В. В. Григорьевъ въ этнографіи (стр. 225—7)—не приносить существенной пользы наукѣ, и цѣлый томъ такихъ досужихъ разсужденій не стоитъ и одного бѣднаго столбца статьи, о которой мы только что говорили.

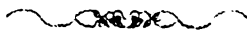
А. К.

Клады, рассмотрѣнные въ Минцъ-кабинетѣ Университета св. Владиміра, съ 1836 по 1866 годъ, статья г. Страшкевича (Университетскія Кіевскія Извѣстія за 1866 годъ, № 10, стр. 1—38; № 11, стр. 1—30; № 12, стр. 1—42 и 1 таб. снимк.).

Послѣ превосходныхъ трудовъ Френа и Савельева историческая важность топографіи кладовъ—не можетъ быть болѣе предметомъ вопроса для нумизмата, правильно понимающаго призваніе своей науки: если исторія международныхъ и племенныхъ сношеній и торговли древней Руси еще не приведена въ надлежащую ясность, то, конечно—отчасти и потому, что большинство кладовъ, случайно находимыхъ въ разныхъ углахъ русской земли—или не достигаютъ до свѣдѣнія науки, переходя въ плавильные горшки, или—по разнымъ причинамъ—не сохраняютъ памяти о мѣстѣ своего находенія. Съ этой точки зрѣнія отмѣчаемъ прекрасный трудъ г.

Страшкевича, какъ явленіе достойное вниманія археолога и историка. Въ началѣ статьи авторъ даетъ практическое наставленіе на счетъ способа возстановленія стертаго чекана монетъ и классификаціи ихъ, желательно было бы, чтобы въ этомъ случаѣ подали свой голосъ и другіе опытные нумизматы, такъ какъ отъ неумѣлаго обращенія съ монетой, она можетъ навсегда потерять свой чеканъ и тѣмъ окончательно погибнуть для науки. Клады разсматриваются въ хронологическомъ порядкѣ (съ 1838 по 1866 годъ) и по мѣстностямъ, число ихъ 110, большая часть монетъ—западно европейскія 16—17 вѣка: польскія, нѣмецкія, шведскія и т. д., впрочемъ есть и гораздо древнѣе: греческія, римскія, арабскія и русскія, изъ послѣднихъ особенно замѣчательнъ нѣжинскій кладъ (Владимира 10 мон. Ярослава 10, Святополка 8, Юрія Долгорукаго—3 м.), извѣстный всему ученому міру по Описанію г. Волошинскаго. Изъ греческихъ подробно описана и изображена на рисункѣ неизданная доселѣ дидрахма Амфиполя въ Македоніи. Странно однако, что южно-русская мѣстность всего менѣе представила кладовъ арабскихъ, ихъ очень мало указано и у Савельева и притомъ не изъ кievской мѣстности, г. же Страшкевичъ указываетъ только два клада съ Арабскими монетами, одинъ (№ 33) найденъ въ подольской губерніи, другой (№ 44) въ самомъ Кіевѣ (срав. также № 67), такая рѣдкость арабскихъ кладовъ въ южно-русской мѣстности какъ будто не согласуется съ положительнымъ извѣстіемъ арабскаго писателя Эль-Истархи (1/2 10-го в.), который прямо говоритъ, что Булгарскіе купцы ходили до Бутабы-Буябе, т. е. Кіева и вообще—съ указаннымъ у Савельева фактомъ, что Кіевъ велъ торговлю съ востокомъ; впрочемъ, имѣя въ виду случайность находокъ и безъизвѣстную гибель огромнаго количества ихъ, едва ли историкъ вправѣ изъ этого обстоятельства выводить положительныя заключенія. Пока, статья г. Страшкевича—подтверждаетъ лишь одинъ засвидѣтельствованный и исторіею фактъ, что связи южно-русской мѣстности въ 16—17 св. были преимущественно съ западной Европою, конечно—черезъ Польшу. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ не пожелать, что къ концу статьи не приложено общаго систематико-хронологическаго каталога разсмотрѣнныхъ монетъ по мѣстностямъ ихъ чекана, что значительно облегчило бы для историка пользованіе этимъ замѣчательнымъ нумизматическимъ трудомъ. Пожелаемъ, чтобы примѣръ г. Страшкевича вызвалъ соревнованіе со стороны другихъ хранителей общественныхъ и коллегіальныхъ нумизматическихъ собраній: результатъ во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ.

А. К.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ДВѢ АНТИЧНЫЯ КАМЕИ СЪ ПОРТРЕТАМИ БОСФОРСКИХЪ ЦАРЕЙ.

Молодой французскій ученый Франсуа Ленорманъ, недавно возвратившійся изъ путешествія по Греціи, прислалъ профессору Гергарду въ Берлинъ оттиски съ двухъ античныхъ камей, найденныхъ въ гробницахъ близъ Керчи (древняя Пантикапея) и нынѣ принадлежащихъ г. Далласу, карантинному врачу въ Одессѣ. Обѣ гравированы на халцедонѣ (*chalcédoine saphirine*), г. Гергардъ издалъ ихъ въ 71 выпускѣ своей газеты (*Archäologischer Anzeiger*. Juli — September 1866. №№ 211—213. p. 257). Помѣщаемъ ихъ здѣсь съ объясненіями Ленормана.

1.

2.

3.

Первая камея (Рис. 1-й), безъ сомнѣнія, принадлежитъ лучшей эпохѣ греческаго искусства. Она представляетъ профиль челоуѣка уже преклонныхъ лѣтъ, съ длинными волосами и бородою, котораго голова повязана царскою діадемою. Ясно, что это изображеніе одного изъ Спартокидовъ, царей Босфора Киммерійскаго, которые, чтобы не расшевелить республиканскую подозрительность, носили только титулъ архонтовъ въ греческихъ городахъ Пантикапей и Теодосіи, но назывались царями у сосѣднихъ скиѣскихъ племенъ. Голова имѣетъ тотъ, совершенно германскій, типъ, который мы находимъ въ фигурѣ царя той же династіи, который изображенъ на знаменитой золотой вазѣ, найденной въ курганѣ Куль-Оба (*Antiquités du Bosphore Cimmérien*, pl. XXXIII). Этого царя Шарль Ленорманъ, отецъ нынѣшняго молодого ученаго, принималъ за Сатира II *). Но такъ какъ иконографія Спартокидовъ до Спартока IV, со-

*) *Mém. de l'Acad. des Inscr. t. XXIV part I, p. 218 et suiv.* Этотъ же типъ головы, на которой сидитъ остроугольная тиара (сходная съ тою, которой остатокъ былъ найденъ въ царскомъ курганѣ Куль-Оба — *Antiquités du Bosph. Cim. pl. II*), представленъ на одномъ драгоценномъ золотомъ статерѣ города Кицина (см. то же сочиненіе, вѣньетка въ текстѣ втораго рисунка). Этотъ городъ находился въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ въ Босфорѣ Киммерійскомъ. Г. Жиль доказалъ, что голова этой монеты изображаетъ Босфорскаго царя (*Ch. Lenormant, Mém. de l'Acad. des Inscr. t. XXIV part. I. 236 et. suiv.*).

временника первыхъ наслѣдниковъ Александра, до сихъ поръ неизвѣстна, то трудно обозначить опредѣленнымъ именемъ портретъ на камѣѣ г. Далласа. Впрочемъ, судя по тому, что до сихъ поръ извѣстно изъ исторіи босфорскихъ царей, только двое, Левконъ I и Перисадъ I, кажется, одни царствовали довольно долго и достигли до такого возраста, который позволяетъ приписать имъ это изображеніе. Г. де Витте, представившій эти камни Парижской Академіи надписей въ маѣ 1861 года, предполагаетъ, что это можетъ быть портретъ Перисада I, царствовавшего отъ 348 по 311 г. до Р. Х.

Вторая камея (Рис. 2-й)—гораздо болѣе поздняго происхожденія. На ней изображена, повидимому, тоже царская голова, но голова царя юнаго, безбородаго, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ. Посредственный стиль, мягкая техника этой камеи поразительнымъ образомъ напоминаетъ первыхъ царей династіи Аспургитанской. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая черты лица этого царя съ изображеніями босфорскихъ царей на монетахъ, тотчасъ найдешь царя, котораго изображеніе на монетахъ совершенно сходно съ портретомъ на камѣѣ, это — Митридата III, супруга царицы Гелениры, потомка великаго Митридата Евпатора, котораго Клавдій возстановилъ на престолѣ (Dio, Сар. IX. 8), но котораго скорѣе свергли съ престола Римляне, потому что онъ имѣлъ неблагоразуміе взбунтоваться противъ ихъ верховнаго владычества (Тас. Анн. XII. 15 et 21). Портретъ Митридата III на монетахъ хорошо извѣстенъ, но мы прилагаемъ рисунокъ, исполненный по экземпляру, хранящемуся въ кабинетѣ Парижской Публичной Библіотеки (Рис. 3-й). Сравненіе это рѣшаетъ вопросъ и тождество двухъ головъ столь рѣшительно, что я не полагаю, чтобы возможно было какимъ-либо образомъ усумниться, давая названіе Митридата III царю, изображенному на камѣѣ. Молодость головы, изображенной на этомъ памятникѣ, совпадающая съ изображеніями на медаляхъ, еще болѣе подтверждаетъ эту атрибуцію. Митридатъ III едва выходилъ изъ юношескаго возраста, когда былъ возведенъ на престолъ. Онъ правилъ только 7 лѣтъ, отъ 42 до 49 по Р. Х. Г. де Витте тоже указалъ на сходство чертъ молодаго царя, изображеннаго на камѣѣ г. Далласа, съ царемъ Митридатомъ III.

—Въ церквѣ св. Ирины въ Константинополѣ, лежащей на дворѣ стараго Сераля и нынѣ служащей арсеналомъ, Турки, бѣлившіе внутреннія стѣны этого зданія, въ прошломъ году открыли въ верхней части свода главнаго алтаря, въ абсидѣ, прекрасную старинную мозаику съ надписью на золотомъ фонѣ, а въ верхней части стѣны ниши абсиды—изображенный на золотомъ фонѣ крестъ, вышиною 10 футовъ. Турки тщательно очистили мозаику и даже возстановили попорченныя мѣста въ крестѣ. Съ этихъ мозаикъ сняты тщательныя копія и изготовлены для изданія въ свѣтъ. Новое открытіе, кромѣ общаго значенія для исторіи искусства — разъясняетъ и нѣкоторые сомнительные пункты о времени происхожденія древней базилики св. Ирины. (Die Dioskuren. 1867. № 2).

—Одна Эдинбургская газета сообщаетъ, что шотландскій путешественникъ г. Кейтъ Джонсонъ (M. Keith Johnson), во время путешествія своего по Палестинѣ, открылъ

въ мѣстечкѣ Телльхумъ, античную синагогу, отлично сохранившуюся. Такъ какъ это мѣстечко, лежащее на берегу Тиверіадскаго озера, многими археологами признается за упоминаемый въ Новомъ Завѣтѣ городъ Капернаумъ, то шотландскій путешественникъ полагаетъ, что оно есть то самое зданіе, въ которомъ проповѣдывалъ Спаситель. (*La Chronique des arts*. 1866. № 158).

—Въ Зальцбургѣ открытъ мозаичный полъ римской работы, на которомъ изображено похищеніе Европы Юпитеромъ. (*Die Dioskuren*. 1866. № 47).

—Древне-христіанскіе памятники Равенны, ея базилики, баптистеріи и мавзолеи, столько разъ описанные и изображенные, составляютъ группу зданій V и VI вѣка по Р. Х., единственную въ мірѣ. Но, кажется, что не смотря на эти описанія, эта Италовизантійская Помпея не была довольно тщательно изслѣдована. Нынѣ кавалеръ Филиппо Ланчіани произвелъ въ старинныхъ зданіяхъ Равенны развѣдки, которыя привели къ самымъ любопытнымъ открытіямъ. Результаты своихъ изслѣдованій и рисунки сдѣланныхъ имъ открытій онъ сообщилъ знаменитому археологу де Росси, который напечаталъ ихъ въ издаваемомъ имъ *Bulletino di archeologia cristiana*.

—Близъ Аенія открыты три мраморныя саркофага, римской эпохи, но украшенные прекрасными и отлично сохранившимися барельефами. Они были найдены внутри пустыми, что доказываетъ, что уже давно содержаніе ихъ подверглось разграбленію. (*Dioskuren*. 1866. № 44).

—Въ настоящее время въ Альбанскихъ горахъ, близъ Рима, производятся раскопки, столь же замѣчательныя въ археологическомъ, какъ и въ геологическомъ отношеніи. Подъ слоями пеперина, окаменѣвшаго продукта лавъ старинныхъ вулкановъ, найдены жилища, которыхъ нѣкогда постигла та же участь, какъ и Помпею. По найденнымъ здѣсь вазамъ, кремневымъ орудіямъ и гіероглифическимъ (?) надписямъ предполагаютъ, что здѣсь находилась Альба-Лонга, мѣстоположеніе которой до сихъ поръ было спорнымъ вопросомъ. (*La Chronique des Arts*. 1867. № 166.)

—Д-ръ Маннгардтъ, извѣстный своимъ классическимъ трудомъ по сравнительной мифологіи (*Germanische Mythenforschungen*), доставилъ въ Общество статью о нѣкоторыхъ кашубскихъ древностяхъ (она найдетъ мѣсто въ слѣд., 2-мъ вып. *Арх. Вѣстн.*), при этомъ, въ письмѣ—онъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя извѣстія: «Слѣды каменнаго вѣка въ нашей (кашубской) мѣстности (окрестности Данцига) очень скудны; но находки изъ позднѣйшаго бронзоваго періода нерѣдки, а также и желѣзнаго, англосаксонскихъ монетъ и монетъ Оттона, которыя опредѣляютъ 10—12 столѣтіе для нашихъ вендскихъ кладбищъ (*Wendengräber*), въ нихъ были найдены и погребальныя урны съ лицевыми изображеніями. Здѣшнее общество испытателей природы имѣетъ въ своемъ владѣніи урну, вырытую въ началѣ прошлаго вѣка, содержащую на себѣ надписи, на письмѣ какъ полагали руническомъ; но это несправедливо: они въ дѣйствительности не имѣютъ ничего общаго въ рунами и семитическимъ алфавитомъ, отъ котораго, какъ извѣстно—чрезъ посредственныя переходы—произошли руны. Эта извѣстная руническая урна — очень неточно изображена у В. Гримма въ сочин. его *Über Deutsche Runen*. t. IX и заслуживала бы лучшаго обна-

родованія. Точно также заслуживаетъ вниманія вырытый, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Данцига, въ болотѣ—огромный гранитный камень (онъ хранится въ сосѣднемъ замкѣ), онъ съ 3-хъ сторонъ изображаетъ грубыя человѣческія фигуры и вѣроятно служилъ пограничнымъ знакомъ, потому что эти фигуры м. б. изображаютъ боговъ.... Я имѣю теперь положительныя доказательства, что многоглавыя божества — истуканы, упоминаемые Гельмольдомъ и Саксономъ Грамматикомъ, встрѣчаются и въ дѣйствительныхъ вѣрованьяхъ Лехитскаго племени (Lechen).

Извѣстіе д—ра Маннгардта о каменномъ трех-лицомъ истуканѣ—крайне важно для славянской старины, такъ какъ подобный же камень (только съ 4-мя лицами) былъ найденъ въ рѣкѣ Збручѣ (подольск. губ.) и принимается нѣкоторыми за изображение Сятовиды; впрочемъ такія находки случались и въ чисто нѣмецкихъ земляхъ, одинъ такой экземпляръ изображенъ въ »Schriften des Würtemb. Alterthum's Vereins». III ч. 1854. р. 24—3. Истуканъ — двуликій; но кажется только потому, что недоделанъ.

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА.

Общество Любителей Естествознанія, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, предприняло устройство русской этнографической выставки съ цѣлію положить основаніе постоянному этнографическому музею въ Москвѣ. Эта выставка откроется въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и будетъ состоять изъ двухъ большихъ отдѣловъ: этнографическаго и антропологическаго.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ будутъ представлены обитатели различныхъ мѣстностей нашего отечества въ ихъ національныхъ костюмахъ и среди дѣйствительной обстановки ихъ быта. Каждое племя, или населеніе какой либо замѣчательной въ этнографическомъ отношеніи мѣстности предполагается изобразить въ видѣ группы изъ нѣсколькихъ фигуръ или манекеновъ, окруженной главнѣйшими принадлежностями домашняго быта и представляющей, на сколько возможно, характеристическую сцену изъ жизни народа. Размѣщеніе группъ на выставкѣ будетъ согласоваться съ географическимъ распредѣленіемъ племенъ и, начиная отъ сѣверныхъ предѣловъ Россіи, рядъ группъ будетъ заканчиваться ея южными окраинами. Чтобы сдѣлать этотъ переходъ болѣе очевиднымъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дать точное понятіе объ естественныхъ условіяхъ каждой полосы Россіи, будетъ соблюдена постепенность въ распредѣленіи растений и вообще всей природной обстановки. Наблюдатель перейдетъ отъ снѣговъ и болотъ къ странѣ хвойныхъ лѣсовъ, за тѣмъ къ лѣсамъ лиственнымъ и къ полосѣ земледѣлія, за которою послѣдуютъ цвѣтушіе луга и растительность Юга

Въ одной полостѣ съ Кавказомъ и югомъ Россіи найдетъ мѣсто отдѣлъ славянскій, значеніе котораго Общество признало особенно важнымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ имъ будетъ доставленъ обильный матеріалъ для сравнительнаго изученія этнографіи славянскихъ племенъ.

Кромѣ этого обширнаго отдѣленія, посвященнаго этнографіи Россіи и славянскихъ племенъ, выставка будетъ содержать еще два отдѣленія: антропологическое и общее, составившееся изъ этнографическихъ, антропологическихъ и археологическихъ предметовъ, представленныхъ отъ экспонентовъ.

Первую группу антропологическаго отдѣленія составятъ фотографіи, портреты, маски и бюсты съ типическихъ лицъ различныхъ племенъ изъ различныхъ мѣстностей; нѣсколько замѣчательныхъ альбомовъ войдутъ также въ составъ этого собранія.

Вторую группу составятъ муміи, мумифицированныя головы мозговъ и анатомическіе препараты.

Третья группа будетъ состоять изъ череповъ и костяковъ различныхъ племенъ.

Наконецъ послѣднюю, и самую интересную и важную для насъ, группу предметовъ въ этомъ отдѣленіи будутъ составлять древнія орудія: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Полнота этой группы особенно желательна, потому что съ одной стороны тогда стало бы возможнымъ сравнительное изученіе формъ орудій, найденныхъ въ Россіи, и составленіе коллекцій слѣшковъ, съ другой стороны — масса публики прониклась бы убѣжденіемъ въ важности собиранія этихъ орудій, безъ чего — русской археологической наукѣ — никогда не выйти изъ ребяческаго состоянія. Досихъ поръ все, что найдено въ Россіи — представляетъ чрезвычайно разбросанный и малодоступный матеріалъ и потому соединеніе его въ одно цѣлое, хотя на время выставки, должно явиться естественнымъ желаніемъ каждого просвѣщеннаго человѣка.

Въ свое время мы отдадимъ нашимъ читателямъ полный и подробный отчетъ обо всемъ, что представитъ выставка по отношенію къ наукѣ нашей отечественной древности, теперь же — пока, ограничиваясь этимъ общимъ извѣщеніемъ и встрѣчая словомъ искреннаго привѣта самое предпріятіе, даемъ мѣсто выдержкѣ изъ записки о томъ же предметѣ нашего сочлена графа Ев. П. Тышкевича, присланной въ московское археологическое Общество. Голосъ гр. Е. Тышкевича, столь много сдѣлавшаго для науки славянской древности — всегда заслуживаетъ вниманья, хотя записка, помѣченная 7 мая 1866 года, заключаетъ въ себѣ и такія пожеланія, которыя уже нашли свое осуществленіе.

«Цѣль выставки, какъ извѣстно, представить наглядную картину домашней жизни, нравовъ и обычаевъ всѣхъ племенъ, населяющихъ руссійскую имперію. Такая цѣль конечно имѣетъ знаменательное значеніе; но осмѣлюсь заявить, что это же значеніе было бы еще громаднѣе, ежели бы даны были размѣры болѣе широкіе, именно ежели бы въ программу ея вошли всѣ вообще соплеменные намъ славянскіе народы. Какое богатство для изученія, какая пища для нравственнаго чувства Славянина, ежели бы мы увидѣли въ этомъ общемъ собраніи вѣрное отраженіе жизни Русина, Поляка, Чеха, Морава, Кроата, Сербя, Лужичанина и т. д.!

Этого мало. Изъ этнографической выставки легко могъ-бы составиться общій славянскій музеумъ. Каждый изъ славянскихъ народовъ охотно прислалъ бы изъ своихъ собраній, кромѣ предметовъ, имѣющихъ собственно этнографическое значеніе, еще предметы археологическіе и антропологическіе. Собраніе разныхъ курганныхъ выкопокъ, утвари, оружія и т. п. изъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ; собраніе череповъ всѣхъ племенъ, историческія достопамятности, портреты знаменитѣйшихъ славянскихъ дѣятелей, виды и планы древнихъ замковъ, городищъ, храмовъ и т. д., примѣчательнѣйшія библиографическія рѣдкости, автографы и пр. пр.,—такое, говоримъ, собраніе составило-бы неоцѣненную сокровищницу славянскаго міра, закрѣпило союзъ племеннаго родства и братства.

Со временемъ, съ постепеннымъ развитіемъ музеума, могли бы при немъ образоваться бібліотеки изъ книгъ исключительно на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и картинная галлерей.

Посвятивъ всю жизнь изученію славянскаго міра, посѣтивъ всѣ земли, гдѣ только когда либо жило славянское племя, зная лично многихъ изъ лучшихъ славянскихъ дѣятелей, я считаю себя вправѣ, съ полною увѣренностью, заявить, что подобное предпріятіе вовсе не мечта, но имѣетъ глубокій нравственный смыслъ и вполнѣ удобоисполнимо. Москва—центръ славянскаго міра. Россія всегда была и будетъ притягательною силою для Славянъ. Она естественная покровительница славянскихъ народовъ. Всѣ Славяне особенно сочувственно отзовутся на этотъ благородный призывъ и удѣлятъ часть своихъ археологическихъ, этнографическихъ и антропологическихъ собраній. Такіе люди, какъ Палацій, Запъ, Смоляръ, Мацѣевскій, Паплонскій охотно примутъ живое участіе въ великомъ дѣлѣ нравственно-научнаго сближенія славянскихъ племенъ. Въ каждой мѣстности найдутся специально подготовленные лица, для систематическаго распредѣленія и описанія коллекцій. Самыя издержки не были бы значительны, коль скоро каждый изъ ревнителей предпріятія принесетъ свою долю. Удобное помѣщеніе конечно нашлось бы въ Москвѣ—и нашлось бы даромъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ столько ученыхъ, кои посвятятъ свои труды и знанія общепользному дѣлу. Кто не желаетъ на всегда оставить въ славянскомъ музеумѣ присылаемые на выставку предметы, тому долженъ быть гарантированъ возвратъ ихъ въ совершенной цѣлости.

Кажется и говорить нечего, какъ много пользы для науки и въ особенности для науки археологій, принесло-бы подобное собраніе предметовъ общеславянской давно минувшей и современной жизни. Какое богатство для сравнительной славянской археологій, для выводовъ и соображеній. Польза эта была бы еще осязательнѣе и дѣйствительнѣе, ежелибы возможно было при подобномъ музеумѣ учредить славянское ученое общество, коего членами были бы только люди посвятившіе себя изученію Славянства.»

200. Greek manuscript of M. 1880.

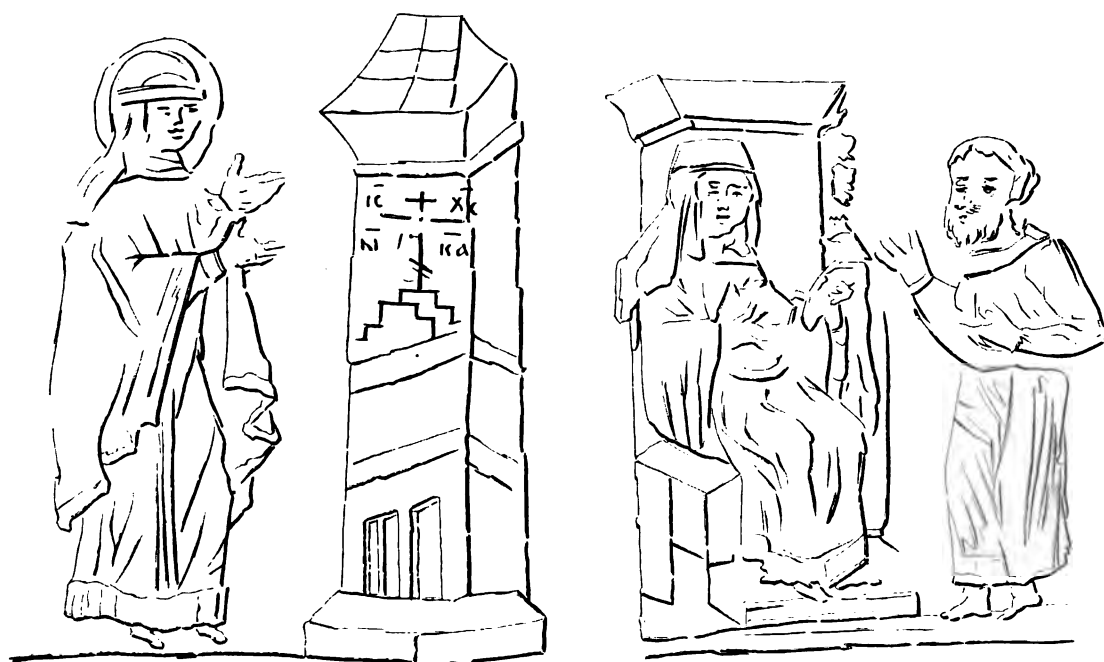
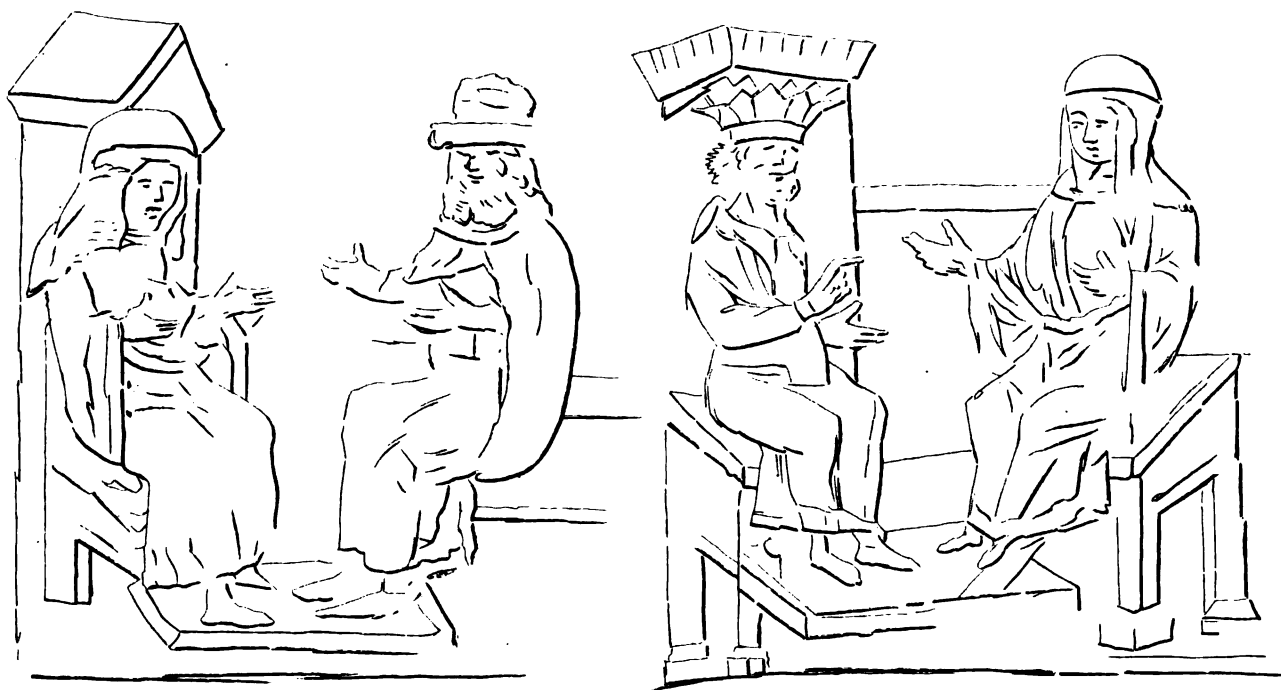
Fig. 1. — Presentation of the Virgin Mary in the Temple.

Таб. III. 1. 2. 3.

Figure 10. The figure of the saint.

420. av.

$\bar{\lambda}$ $\gamma\omega\eta\lambda\iota\omega\eta\alpha\iota\iota$ $\bar{\lambda}\varsigma$

· ΕΚΛΟΓΗ ΤΩΝ ΕΙΡΗΜΕΝΩΝ ΕΝ ΤΩ ΚΩΔΙΚΙ 306.

πραγματων εναντιον της αιτιουσιαις των
 ληρετικων: εις τον αβελου των ωλικων τι τα

ΒΙΒΛΙΟΥ Γ ΤΙ ΤΟΛΙΒ ΔΙΑΤΑΞΙΣ Ε ΗΣ ΕΙΔΕΧΗ ΟΙ ΜΕΣ:

4. 30x.

[illegible]

F. de Sauley, les derniers jours de Jérusalem, Paris. Librairie de L. Hachette et Co. 1866. 8°. 448 стр. Со многими полтинажами, планами и картами.

Известный французский ученый де-Сольси, два раза предпринимавший путешествия в Палестину, результаты которых ныне изложены в двух обширных, изданных им сочинениях. Во время второй экспедиции (зимой 1863—1864) сь особенным тщанием он изучал топографические вопросы, трудные и запутанные, касающиеся Иерусалима. Но топография Св. Града, изложенная преимущественно в творениях историка Иосифа Флавия, самым тесным образом соединена с исторією осады и разрушения Иерусалима Римлянами под предводительством Тита. Одну нельзя изучать без другой. Поэтому понятно, что автор настоящего сочинения, сам воспитанный Политехнической школы и некогда служивший в военной службе, пришел к мысли рассказать связно, обращая особое внимание на топографические вопросы, исторію кровавой драмы, которая окончилась гибелью Иерусалима. В этом дѣлѣ ему помогали коменданты главного штаба Г. Жемесъ, чертившіе для него карты, украшающія это изданіе. Гигантскія осады работы арміи Тита не могли исчезнуть без слѣда. Они привели къ открытію древней окружной черты города. Эти военно-археологическія изслѣдованія автора, въ связи со всѣми главными вопросами, касающимися топографіи Иерусалима въ римскую эпоху, весьма живо и наглядно изложены въ настоящем сочиненіи, превосходно отпечатаннымъ и украшенномъ многочисленными отлочно исполненными полтинажами, изображающими замѣчательнѣйшіе памятники Св. Града.

5. Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, editum consilio et impensis Academiae litterarum Caesaricae Vindobonensis. Vol. I Sulpicii Severi Opera ex rec. C. Halmii. Vindobonae. Apud C. Geroldi filium Bibliopolam academiae, 1866. 8°

Изданіе латинскихъ церковныхъ писателей, соответствующее современному состоянію филологической критики текстовъ, давно уже составляетъ необходимую потребность. Знаменитыя изданія Бенедиктинцевъ—рѣдки, и по цѣнѣ недоступны ученымъ, перепечатка Монья (I. P. Migne) — не удовлетворительна, это побудило Императорскую Академію Наукъ въ Вѣнѣ приступить къ изданію новаго Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Это собраніе будетъ обнимать церковныхъ писателей только до VII вѣка. Для восстановления правильнаго текста этихъ писателей Вѣнская Академія, на собственный счетъ, послала различныхъ ученыхъ въ Италію, Францію и Германію. Нынѣ вышелъ первый томъ новаго собранія, содержащій въ себѣ сочиненія Сульпиція Севера, изданныя съ критическимъ комментариемъ директоромъ Мюнхенской Библіотеки профессоромъ К. Гальномъ. Новое изданіе, весьма удобное по формату и низкой цѣнѣ, важно для всѣхъ занимающихся древне-христіанскою археологією.

Ian Erasim Wocel—Pravěk země české. 1 odd. Pr. 1866, 8°, стр. 212 въ 105 полтин.

Вышедшая въ свѣтъ 1-ая часть сочиненія известного чешскаго ученаго Вощеля о доисторическихъ судьбахъ чешской земли состоитъ изъ 9 главъ: въ 1-ой говорится объ памятникахъ и остаткахъ каменнаго вѣка чешской земли, во 2-ой о такихъ же памятникахъ вѣка бронзоваго, въ 3-ей о первообитателяхъ Чехіи — кельтскихъ Бояхъ, въ 4-ой—о внутренней жизни, нравахъ, обычаяхъ и некоторыхъ памятникахъ культуры Кельтовъ, въ 5-ой о кельтскихъ городищахъ и каменныхъ сооруженіяхъ въ чехахъ, 6-ая посвящена разсмотрѣнію оро-гидро и топографическихъ наименованій Богемы, а равно и другихъ памятниковъ кельтской культуры въ Чехіи, 7-ая—о кельтскихъ монетахъ, 8-ая о племенахъ нѣмецкихъ въ чехіи—Маркоманахъ, ихъ первоначальной исторіи и бытѣ, наконецъ 9-ая—о вещественныхъ памятникахъ культуры нѣмецкихъ племенъ. Какъ видно—эта часть сочиненія составляетъ лишь введеніе въ археологію чехо—славянскаго міра, которая составляетъ предметъ второй части труда. Здѣсь найдутъ мѣсто: разсмотрѣніе первобытной жизни и культуры Славянъ и въ частности Чеховъ въ эпоху язычества, разборъ памятниковъ этой эпохи: городищъ и валовъ, оружія, утвари, урнъ и т. д., равно и разсмотрѣніе письменныхъ и поэтическихъ памятниковъ, религиозныхъ обрядовъ и обычаевъ. Интересъ и важность этой части труда—очевиденъ для каждаго, тѣмъ болѣе, что Вощель всегда привыкъ относиться къ вопросамъ науки съ истинною ученою осторожностью и основательностью. 2-ая часть сочиненія, по извѣстіямъ нами полученнымъ изъ Праги—выйдетъ около сентября текущаго года, и тогда мы поспѣшимъ предложить читателямъ Арх. Вѣсти. подробный обзоръ и разборъ этого важнаго явленія славянской науки.

Ив. Малышевскій - О придорожныхъ крестахъ 1865 г. 106 стр. (отд. оттискъ изъ Трудовъ Киев. духов. академіи. Ноябрь 1865 г.)

Не смотря на то, что небольшая книга эта появилась въ свѣтъ болѣе года тому назадъ, она, какъ и многое другое замѣчательное—прошла незамѣченною въ лѣтописяхъ археологической науки. Указывая на нее, какъ на прекрасное и достойное вниманія изданіе. Опустивъ нѣкоторыя страницы ея, вызванныя современными мнѣніями, археологъ найдетъ въ ней обстоятельно собранный матеріалъ и повальное рѣшеніе вопроса о значеніи придорожныхъ одинокихъ крестовъ. Нельзя впрочемъ сказать что бы къ свѣдѣнію и совѣту было принято все, что слѣдуетъ и что болѣе или менѣе извѣстно, но главное—не опущено, и ложено прочное начало изслѣдованія,—остается повести разсмотрѣніе далѣе. Имѣя въ рукахъ нѣкоторые значительные по этому предмету указанія и матеріалы, Моск. Арх. Общество съ готовностью сообщило бы ихъ тому, кто захотѣлъ бы посвятить свой досугъ пересмотру интереснаго археологическаго вопроса о придорожныхъ крестахъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЪ 6-Ю ВЫПУСКАМИ ВЪ ГОДЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ 6-6 ЛИСТОВЪ

ЦѢНА ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА 1 Р. 6.

Печатано съ разрѣшенія г. Предсѣдателя Москов. Археологическаго Общества.

Типографія Грачева в К^о у Пречистенскихъ воротъ д. Милановой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ.

ПОЯСНЫЯ УКРАШЕНІЯ ВЪ КУРГАНАХЪ МЕРЯНЪ — статья члена. осп. А. С. Уварова. (съ полтипажемъ)	49—53.
ДВА НАДГРОБНЫЕ КАМНИ, ОТКРЫТЫЕ НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ, — статья чл. осп. К. К. Гёрца (съ рисункомъ)	54—56.
ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКАГО НАРЯДА, — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгардта.	57—61.
ИЗВѢСТІЕ О РАСКОПѢ ДВУХЪ МАЙДАНОВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ, статья д. члена Д. О. Шепинга (съ рисункомъ)	62—66.
МОНЕТЫ СЪ НАДПИСЬЮ ВАСИЛІЯ И ИВАНА ИВАНОВИЧЕЙ, — статья чл. о. Д. П. Сонцо- ва (съ двумя полтипажами)	67—69.
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: статья чл. о. гр. А. С. Уварова о сочиненіи Пипера: „JONAN- NES DER TÄUFER IN GRIECHISCHEN KUNSTVORSTELLUNGEN“	70—78.
СТАТЬИ: чл. о. К. К. Гёрца и д. чл. А. А. Котляревскаго	79—89.
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ, статьи: г. Падрена де Карне и А. А. Котляревскаго (съ четырьмя полтипажами)	90—94.
К. А. Морло, объ археологическихъ трудахъ его, — ст. д. чл. А. А. Котляревскаго.	94— 6.

Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (См. на оберткѣ.)

МОСКВА.
1867.

J. Leitzmann. Bibliotheca numaria. Verzeichniss sämmtlicher in dem Zeitraume 1800 bei 1866 erschienenen Schriften über Münzkunde. Weissensee 1867. 8°. p. 189.

Первое издание этого сочинения появилось въ 1841 году, теперь выходит оно переработанное и пополненное, съ оглавлениемъ, составленнымъ въ географическомъ порядкѣ и по именамъ писателей. Въ такомъ видѣ оно можетъ служить необходимою настольною книгою для занимающихся нумизматикою. Судя по собраннымъ въ книгѣ свѣдѣніямъ о русской нумизматической литературѣ, можно заключить, что авторъ съ большимъ стараніемъ собиралъ всѣ библиографическія указанія: такъ именно о русской нумизматикѣ мы находимъ въ Bibliotheca numaria не только заглавія полныхъ сочиненій, издаваемыхъ по русски, но даже ссылки на отдѣльныя статьи о нумизматикѣ изъ ученыхъ журналовъ — и, кромѣ того, еще и на иностранныя сочиненія, въ которыхъ упоминаются русскія монеты. Не смотря на эту полную библиографическую свѣдѣніи, по части русской нумизматики мы указываемъ на пропускъ сочиненій: Lesclerc'a и Сахарова о русскихъ монетахъ, объ отдѣлѣ же Bosphorus должно замѣтить, что онъ далеко не полонъ и не удовлетворителенъ.

П. Преображенскій: Сочиненія церковныхъ писателей втораго вѣка, защищавшихъ Христіанство. Москва. 1867. 8°. 370 страницъ.

Новый трудъ св. П. Преображенскаго пополняетъ пробѣлъ, весьма чувствительный для нашихъ археологовъ, занимающихся христіанскими древностями. Хорошій и точный переводъ древнѣйшихъ апологетовъ тѣмъ болѣе полезенъ, что старыя изданія этихъ писателей весьма рѣдки и весьма дороги, и не всѣ даже изъ нихъ находятся въ нашихъ публичныхъ бібліотекахъ. Хотя цѣна новаго изданія аббата Миня (Migne) дѣлаетъ пріобрѣтеніе полной Патрологіи болѣе доступнымъ, но за то, какъ изданіе, предпринятое съ напередъ заданною себѣ цѣлью, и допущеннымъ въ немъ искаженіемъ, напирѣжь въ текстѣ сочиненій Св. Василія В. лишаютъ насъ всякаго довѣрія къ печатаемымъ аб. Миня твореніямъ, и въ особенности къ твореніямъ писателей греческой церкви. Потому изданіе, предпринятое священникомъ Преображенскимъ, получаетъ для насъ еще болѣе значенія и вѣсу. Его новый переводъ содержитъ сохранившіяся творенія Татиана, Аппинагора, Св. Θεοφιλα Антиохійскаго, Ерміа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Фелакса. Переводу твореній предшествуютъ біографическія свѣдѣнія о самыхъ писателяхъ. Эти свѣдѣнія, хотя весьма кратки, но обработаны критически, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, и часто одинъ намекъ, или одна только фраза указываетъ намъ, что авторъ пользовался весьма новѣйшими трудами. Таково именно дѣльное указаніе касательно апокрифическаго сочиненія XI вѣка, ошибочно принятаго дом-Патрою за ключи Св. Мелитона Сардійскаго и изданнаго

имъ подъ этимъ именемъ въ Specilegium Solesmense. Упомянувъ о краткости біографическихъ свѣдѣній, изданныхъ еще сожалею, что авторъ не помѣстилъ болѣе подробную литературу сочиненій каждаго писателя и не указавъ на всѣ лучшія изданія ихъ твореній; между тѣмъ какъ подобныя указанія необходимы для изученія церковныхъ писателей. Такъ напирѣжь, изданіе Минуція Фелакса 1709 года (edit. Lugd. Batav.) очень важно по находящимся въ немъ примѣчаніямъ. Повторимъ еще разъ, что новый трудъ священника П. Преображенскаго есть важное пріобрѣтеніе для всѣхъ, занимающихся христіанскими древностями.

Арх. Амфилохій — Археологическія замѣтки о Греческой псалтири, писанной въ концѣ 9-го вѣка и переписанной почти всей въ 12 вѣкѣ съ миниатюрами 10—14 вѣка, принадлежащей А. Н. Лобкову. — М. 1866 года. 8° 26 стр. и 7 листовъ снимковъ.

Прекрасно исполненное описаніе замѣчательной лобковской псалтири, столь же любопытное и важное и въ археологическомъ и въ церковно-историческомъ отношеніяхъ. Исслѣдованія автора — преимущественно палеографическія: онъ подробно разбираетъ почерки рукописи, подтверждая свои опредѣленія сличеніями съ другими рукописями съ годами и вслѣдъ прилагая необходимыя снимки, рѣзаныя копія буквъ, цвѣтъ, рукописныхъ знаковъ. Описаніе нѣкоторыхъ миниатюръ дѣлаетъ «Археологическія Замѣтки» важными и для археолога не палеографа, не менѣе важны «Замѣтки» и для исторіи церковныхъ писемъ, такъ какъ авторъ входитъ въ подробныя сличенія древне-греческаго текста съ славянскимъ. Одна изъ писемъ, воспеваемая на Пржедосвященной литургіи вмѣсто: «да исполнится уста наша» — не встрѣчалась еще понынѣ въ богослужебныхъ книгахъ. Греческій и славянский тексты отпечатаны новоантичными красивыми греческими шрифтомъ, подходящимъ подъ рукописный 9-го вѣка. Рамка обертки сдѣлана изъ украшеній той же рукописи. Вообще — и во вѣнскомъ отношеніи «Археологическія замѣтки» — могутъ удовлетворить самаго взыскательнаго біографа археолога.

Zschokke, Dr. H. Beiträge zur Topographie der westlichen Jordan's an. Mit 4 Tafeln. Jerusalem. 1866. 8°.

Западная долина Іордана или Эль-горъ (El-ghor), безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ самымъ интереснымъ, но и самымъ труднымъ для ученыхъ изслѣдованій мѣстностямъ Палестины. Авторъ этого небольшого сочиненія, по своимъ служебнымъ занятіямъ постоянно живущій въ Іерусалимѣ, во время путешествія своего по этой малоизвѣстной странѣ, сдѣлавъ нѣсколько любопытныхъ открытій, которыми, безъ сомнѣнія, будутъ довольны ученые, занимающиеся топографіею Святой Земли. Въ особенности подро-

ПОЯСНЫЯ УКРАШЕНІЯ

ВЪ КУРГАНАХЪ МЕРЯНЪ.

Почти во всѣхъ курганахъ Мерянъ Суздальскаго, Юрьевскаго и Переславскаго уѣздовъ мы находили поясныя украшенія въ видѣ коня. Чтобы понять значеніе такого общепринятаго украшенія Мерянъ, необходимо предварительно изъяснить себѣ вѣрованіе, связанное съ изображеніями коня.

Не входя въ подробное описаніе символическаго значенія коня, мы замѣтимъ только, что, хотя съ древнѣйшихъ временъ конь изображался на гробницахъ, какъ символъ души покойника, но это первоначальное значеніе всегда затемнялось другимъ, — значеніемъ побѣды; такъ что конь постоянно является, какъ символъ побѣды и по преимуществу — побѣды надъ смертію. Отсюда произошло вѣрованіе, что конь есть лучшій талисманъ не только противъ всякаго зла, но даже противъ самой смерти. Гриммъ ¹⁾ указалъ, какъ въ самыя древнія уже времена приписывали коню разныя цѣлебныя качества, какъ самъ Плиній увѣрялъ, что лошадиная глава можетъ защитить отъ червей (*si palo imponentur in hortis ossa capitis ex equino genere*), и какъ наконецъ, тѣже самыя суевѣрныя понятія перешли къ Германцамъ, Славянамъ и къ другимъ европейскимъ народамъ. Кромѣ сказаннаго Гриммомъ, мы видимъ еще изъ словъ другихъ изслѣдователей, что суевѣріе язычниковъ связано было не только съ всѣмъ конемъ въ полномъ его составѣ или съ изображеніемъ всего коня, но даже и съ головою коня, взятою отдѣльно. Съ нею, въ особенности, какъ съ главною частью, приносили въ жертву богамъ, связаны были самыя разнообразныя повѣрія. Такъ напримеръ, при основаніи Кароагенъ, по словамъ Сервія (*Aeneid. I, 441.*), нашли бычачью и лошадиную головы и приняли ихъ за счастливое предзнаменованіе. Въ Скандинавіи натыкали лошадиныя головы на песты и, раскрывъ челюсти посредствомъ прутьевъ,

¹⁾ Myth. pag. 41, 42; 624—630

обращали голову въ ту сторону, гдѣ находился человѣкъ, которому хотѣли нанести вредъ. Такіе шесты назывались *neidstange*. Венды ¹⁾, для защиты домашняго скота отъ болѣзней, окружали дворъ шестами съ лошадиными головами или клали — ночью — лошадиную голову въ ясли.

Такіе шесты съ лошадиными головами, по мнѣнію Скандинавовъ, наносили вредъ въ ту сторону, въ которую были обращены, но, безъ сомнѣнія, какъ мы это видѣли у Вендовъ, ограждали отъ всякаго зла и несчастія то мѣсто, вокругъ котораго были поставлены. Такому повѣрію Гриммъ приписываетъ начало обыкновенія помѣщать на вершинѣ домовъ, на оконечности князька, лошадиныя головы или коньки. И это обыкновеніе сохранилось доселѣ не только у насъ, но и во многихъ странахъ западной Европы. Въ Люнебургѣ, Пруссіи, Голштиніи, Мекленбургѣ, Помераніи, Вестфалии и Тюрингіи теперь еще строятъ крестьянскіе дома съ коньками.

Общепринятая парность коньковъ обусловливается главными сторонами: правою и лѣвою. Кто охраненъ былъ съ права и съ лѣва, могъ считаться охраняемымъ со всѣхъ сторонъ. Отсюда мы видимъ, что лошадиныя головы, обращенныя врозь, охраняли домъ отъ всякаго зла и несчастія; на томъ же основаніи, и въ обратномъ положеніи — головы, обращенныя одна къ другой, должны были имѣть тождественное значеніе и выражать какъ бы сосредоточенное благословеніе боговъ на хозяевъ дома. Суевѣрное обыкновеніе языческой древности такъ глубоко вкоренилось въ народѣ, что коньки безъ всякаго измѣненія сохранились въ народной архитектурѣ и до нашихъ дней. Хотя давно уже позабыли настоящее значеніе коньковъ, но все таки и доселѣ, по привычкѣ, они остались необходимымъ украшеніемъ крестьянской избы. И мы не только встрѣчаемъ ихъ, какъ наружное украшеніе зданія, но также находимъ ихъ, какъ внутреннее украшеніе свѣтлицы. Въ Вологодской губерніи ²⁾ встрѣчаются любопытные образцы коньковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательныя отступленія отъ общаго, обыкновеннаго порядка: иногда обѣ лошадиныя головы помѣщены не на одной оконечности князька, а размѣщены по обѣимъ его оконечностямъ. Иногда даже, на главномъ фасадѣ дома, помѣщены два конька, а третій конекъ выдается на задней оконечности князька. Если внѣшніе коньки, снаружи дома, охраняли его отъ зла, то и внутренніе коньки должны были имѣть одинаковое значеніе. Какъ внѣшніе коньки ставились на главномъ мѣстѣ крыши, на князькѣ, такъ и внутренніе должны были ставиться у главныхъ угловъ избы. Посмотримъ теперь, какіе углы избы считались главными — и на этихъ ли мѣстахъ встрѣчаются коньки? Нашъ почтенный сочленъ А. Н. Афанасьевъ замѣтилъ ³⁾, что изба была первымъ храмомъ младенческаго народа, отъ чего произошла тождественность словъ: хоромы и храмъ. Въ избѣ главными углами считались: задній уголъ, въ которомъ стояла печь, и передній уголъ, діагонально противоположный первому углу. При закладкѣ дома, подъ переднимъ угломъ хозяинъ — язычникъ приносилъ въ жертву пѣтуха для умирненія

¹⁾ Friedreich, *Symb. d. Natur.* pag 457.

²⁾ Извѣстія Им. Арх. Общ. IV. стр. 169. Письмо Н. И. Суворова изъ Вологды.

³⁾ Отечеств. записки. 1851. № 6, стр. 53 и слѣд.

боговъ. Въ послѣдствіи, въ этомъ же углу, подъ большимъ или княженицкимъ мѣстомъ, хозяинъ—христіанинъ ставитъ иконы и зажигаетъ передъ ними лампаду. Въ заднемъ углу, гдѣ стояла печь, хозяева, еще язычники, при переселеніи въ новое жилище переносили изъ стараго жилья горячіе угли и клали ихъ въ печь или очагъ. У этихъ-то двухъ главныхъ угловъ избы, у передняго и у задняго, народъ сохранилъ обычай помѣщать лошадиныя головы, вырѣзанныя изъ тѣсу или выточенные изъ дерева. Въ Вологодской губерніи, по свѣдѣніямъ доставленнымъ Н. И. Суворовымъ, въ переднемъ углу избы,—боковыя дощечки полки или божницы, на которой ставятся иконы, имѣютъ рѣзныя конскія головы. Въ заднемъ углу, у самой печи, встрѣчается тоже самое украшеніе. Тутъ придають вершинѣ доски, которая на правой сторонѣ шестка, форму лошадиной головы, а если представлены тутъ двѣ лошадиныя головы, то онѣ всегда обращены одна къ другой. Такіе примѣры подтверждаютъ объясненіе, которое мы придавали головамъ, обращеннымъ другъ къ другу, онѣ выражаютъ благословеніе, сосредоточенное на домашнемъ очагѣ. Наконецъ, есть еще третье мѣсто, гдѣ иногда помѣщаются лошадиныя головы, а именно на концѣ лавки подъ полатями у самыхъ дверей, насупротивъ княженицкаго мѣста. Эта лавка обыкновенно называется кутомъ. Присутствіе конской головы у этой лавки объясняетъ намъ одно мѣсто въ пѣснѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Зашолъ Ильа Муромецъ со конничька,
Пожалъ онъ всѣхъ князей и боярей
И сильныхъ могучихъ богатырей;
Учутися онъ супротивъ князя Володимира ¹⁾.

Конникъ или коникъ получилъ вѣроятно это прозваніе отъ изображенія коньковъ, помѣщаемыхъ на этомъ мѣстѣ у самого входа. Нельзя допустить, что будто-бы берегаемая тутъ конская сбруя была единственнымъ поводомъ къ такому названію.

Мы видимъ, что главное мѣсто, какъ снаружи, такъ и внутри строеній, отводилось конькамъ. Тутъ помѣщенные на виду, они, по суевѣрію народному, охраняли жилище отъ несчастія и всякаго злаго вліянія. Но это суевѣріе относилось не только къ коню, но вообще связано и со всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ коню и напоминаетъ его. Такимъ образомъ охранительная сила коня перешла и на подковы его. У насъ народъ берегаетъ на счастье найденную подкову. Тоже самое встрѣчается и въ Ирландіи ²⁾, гдѣ во всѣхъ избахъ висятъ подковы: «for good luck». Въ Голландіи ихъ вѣшаютъ въ стоилахъ, а въ Помераніи подъ подушку больнаго кладутъ лошадиную голову ³⁾.

Изъ всего сказаннаго можно теперь заключить, что изображеніе коня почиталось въ полномъ смыслѣ, какъ амулетъ или науза противъ зла. При такомъ вѣрованіи народъ не могъ довольствоваться выставленіемъ коньковъ на своихъ жилищахъ, а

¹⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. I, 39, ст. 196—199.

²⁾ Muhl. 1841. № 159. pag. 635.

³⁾ Friedreich. I. с.

долженъ былъ также и при себѣ постоянно носить такія же изображенія. Въ этомъ то значеніи мы встрѣчаемъ конскія изображенія на поясѣ племенъ финскаго происхожденія.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ, изслѣдовавъ всѣ курганы, начиная отъ Владиміра, чрезъ уѣзды Суздальскій и Юрьевъ-Польскій, до самаго почти Переславскаго озера, мы нашли два особые рода могилъ. Раскопки, произведенныя П. С. Савельевымъ вокругъ Переславскаго озера подтвердили вполне наше замѣчаніе. Эти два рода могилъ рѣзко отдѣляются одинъ отъ другаго; одни принадлежатъ Норманамъ или другимъ народамъ, проходившимъ черезъ Русь, а другіе состояли изъ гробницъ самаго народа Мери, обитавшаго въ этой мѣстности по указанію Нестора. Всѣ вещи, открываемыя въ Мерянскихъ могилахъ (около 4000 кургановъ), имѣютъ отличительный характеръ предметовъ, принадлежавшихъ финскому племени. На каждомъ остоѣ лежалъ кожаный поясъ, болѣе или менѣе изукрашенный мѣдными жгутами, бубенчиками, кольцами или другими узорами. На самой серединѣ почти каждого пояса, спереди, лежало мѣдное украшеніе такой величины, какъ здѣсь представлено на рисункѣ. Одни или двѣ мѣдныя петли, скрытыя за самимъ украшеніемъ, служили для продѣванія пояснаго ремня.

Грубая и вычурная форма этихъ украшеній, не смотря на неточность рисунка, все-таки довольно ясно представляетъ коня, или точнѣе — сказать — туловище и голову коня. На однихъ украшеніяхъ конь обращенъ вправо, на другихъ влѣво, и только разъ

намъ пришлось открыть въ гробницѣ коня съ двумя главами и съ однимъ туловищемъ. Это украшеніе, хранящееся въ Оружейной палатѣ, совершенно сходно съ коньками на избахъ. Головы смотрятъ врозь. Къ туловищу и къ шеѣ коня привѣшены мѣдныя треугольныя пластинки: шесть къ самому тѣлу, одна—къ шеѣ и одна—въ мѣсто хвоста. Особое вычурное украшеніе на спинѣ коня, вѣроятно, изображаетъ гриву или сѣдло.

Многочисленность этихъ пряжекъ доказываетъ общее ихъ употребленіе у Мерянъ и предпочтеніе ихъ къ этому рисунку пряжекъ передъ всѣми другими.

Можно приблизительно опредѣлить время, къ которому слѣдуетъ отнести какъ эти мерянскіе курганы, такъ и пряжки ихъ, посредствомъ сравненія этихъ пряжекъ съ пряжками, находимыми во Франціи. Въ собраніи г-дѣ Лефевръ въ Макопѣ ¹⁾ находится поясная пряжка съ изображеніемъ коня на серединѣ длиннаго четырехугольника. На задней части коня, вмѣсто тавра, помѣщена звѣзда о шести лучахъ, которую принимаютъ за монограмму Христа. Сверхъ того, на всей пряжкѣ пущена серебряная насѣчка, обрисовывающая весь рисунокъ. Такая пряжка, и всѣ ей подобныя, отнесены французскими учеными къ двумъ эпохамъ, древнѣйшія — ко временамъ Меровинговъ т. е. съ половины V вѣка до VIII вѣка; болѣе новыя — ко времени Карловинговъ, съ VIII до конца X вѣка. Наши пряжки несомнѣнно принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ и немогутъ даже быть сравнены съ пряжками VIII вѣка, на которыхъ существуютъ слѣды христіанства и насѣчки ²⁾. Ни то ни другое не встрѣчается въ Мерянскихъ курганахъ, такъ что, по всѣмъ признакамъ, мы можемъ ихъ отнести къ столѣтіямъ, предшествовавшимъ VIII вѣку.

Гр. А. Уваровъ.

Приписка. Между чудскими вещами (изъ окрестностей Перми) въ собраніи гр. С. Г. Строганова — мы встрѣтили бронзовыя поясныя пряжки съ двумя конскими головами, но величиной вполонину противъ мерянскихъ. Указанный выше (стр. 51) померанскій обычай класть мертвую конскую голову подъ подушку больного существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русской земли. Этимъ средствомъ напр. лѣчатъ лихорадку въ Ярославской губерніи (Этногр. Сбор. I, 53). Священное значеніе конской головы — до сихъ поръ еще — по извѣстію Бругша (Aus d. Orient II, 102—3), имѣетъ силу въ Персіи. Личность преступника тамъ неприкосновенна, пока онъ пребываетъ въ конюшнѣ или держится за конскую голову. Во многихъ мѣстахъ Германіи — на домахъ видны не только рѣзные коньки; но и дѣйствительные конскіе черепа; они — по народному суевѣрію — оберегаютъ домъ отъ бурь, болѣзней и всякаго несчастія и вообще имѣютъ многостороннее, приложеніе въ суевѣрной народной практикѣ (Montanus — Die deutschen Volksfeste etc. p. 32, 161—83). О мнѣическомъ происхожденіи какъ этихъ вѣрованій, такъ и обрядовъ см. Schwartz, Ursprung der Mythologie p. 169.

¹⁾ Caumont. Bulletin mon. ч. XXV. pag. 402—404.

²⁾ Leblant. Inscrit. chrétien.

ДВА НАДГРОВНЫЕ КАМНЯ,

ОТКРЫТЫЕ НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Въ 1859 году, во время пребыванія моего на полуостровѣ Тамани, гдѣ я, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, производилъ раскопки въ развалинахъ древней Фанагоріи, я часто спрашивалъ тамошнихъ старожиловъ о мѣстахъ находокъ различныхъ древностей. Однажды мнѣ рассказали, что на близъ лежащемъ отъ мѣста моихъ раскопокъ—хуторѣ г. Чижевскаго былъ найденъ камень съ изваянными на немъ изображеніями, который, обернувъ лицомъ къ землѣ, хозяинъ употребилъ вмѣсто ступеньки у крыльца своего дома. Этого темнаго указанія было достаточно, чтобы возбудить мое любопытство, и въ первое свободное воскресенье я отправился къ г. Чижевскому. Хозяинъ принялъ меня весьма любезно, отвѣчалъ, что камень съ изваянными на немъ изображеніями былъ найденъ близъ его хутора и охотно согласился уступить мнѣ его, если я, въ замѣнъ, дамъ ему камень подобной же величины. Въ моемъ присутствіи онъ былъ снятъ съ своего мѣста, но вмѣсто одного камня, я съ перваго взгляда узналъ фрагменты двухъ надгробныхъ камней. Мы сдержали наши обоюдныя обѣщанія: камни перешли въ собственность Археологической Коммиссіи и хранятся нынѣ въ казенномъ домѣ, выстроенномъ возлѣ хутора П. Д. Семеняки, близъ станціи Сѣнной.

По прилагаемому рисунку видно, что оба камня фрагментированы, въ особенности изображенный подъ № 2, но недостающіе у нихъ архитектурные орнаменты, завершающіе сверху и снизу эти камни, легко могутъ быть реставрированы по образцамъ, хранящимся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Сходная съ нашими камнями, но хорошо сохранившаяся, надгробная стела (στῆλη) изображена на фронтисписѣ къ атласу рисунковъ Древностей Босфора Киммерійскаго, но сверхъ того она украшена греческою надписью. На таманскихъ камняхъ только на № 1 сохранились слѣды надписи, начинавшейся съ греческой буквы Α. Оба надгробные камня изваяны изъ известняка, грубой работы, и плоскій рельефъ ихъ изваяній много пострадалъ отъ времени и людей. Первый надгробный камень (№ 1) имѣетъ въ вышину 1 арш. и 13 верш. и въ ширину 14 верш., второй (№ 2) — въ вышину 14 верш. и въ ширину 15 верш. Всѣ рельефы изваяны въ углубленіи, взятомъ въ самомъ матеріалѣ. На каждомъ камнѣ рельефныя изображенія размѣщены въ двухъ ярусахъ. Въ рельефахъ верхняго яруса на обоихъ камняхъ изображены два всадника на коняхъ, обращенные лицомъ другъ къ другу, такъ что всадники и кони изображены въ профили. Хотя бѣлая часть верхняго рельефа камня подъ № 2 погибла, но по анало-

гѣ можно заключить, что почти во всемъ онъ сходствовалъ съ верхнимъ рельефомъ надгробнаго камня подъ № 1. Подробности костюма на всадникахъ рельефа подъ № 1, по причинѣ испорченнаго состоянія этихъ надгробныхъ камней, трудно разоб-
 брать, но ясно, что на всадникѣ, находящемся на лѣво отъ зрителя, надѣтъ кафтанъ, второй же всадникъ на право имѣетъ сбоку налучъ (coritus, ῥοριτός). Этотъ налучъ, говоря точно, уже по формѣ своей отличается отъ колчана, употребляемаго для сбереженія стрѣлъ (phagetra). Налучъ гораздо шире, чѣмъ колчанъ, имѣющій преимущественно цилиндрическую форму. Назначеніемъ его было служить футляромъ для лука, и потому форма его сообразуется съ формою лука; широкій же конецъ остается открытымъ, такъ что одинъ изъ концовъ лука, выходя изъ футляра, остается не защищеннымъ. Но иногда налучъ употребляется и для храненія вмѣстѣ съ лукомъ также и стрѣлъ (см. Visconti, Musée Pio—Clem. IV T. XLIII.), которыя сберегались или въ одномъ вмѣстѣ съ лукомъ, или въ боковомъ карманѣ, придѣланномъ на верхней сторонѣ налуча. Такого устройства налучъ изображенъ на одной изъ фигуръ, находящихся на таблицѣ XXXIII Древностей Босфора Киммерійскаго. Судя по манерѣ прикрѣпленія налуча къ боку всадника на № 1, мы можемъ вывести заключеніе, что всадникъ, изображенный на таманскомъ надгробномъ камнѣ, есть— Скиѣвъ или эллинизированный Скиѣвъ. Именно таковъ былъ обычай Скиѣовъ носить налучъ на особомъ ремнѣ, прикрѣпленномъ къ поясу, перехватывающему корпусъ. Многочисленные примѣры подобнымъ образомъ вооруженныхъ Скиѣовъ можно видѣть на знаменитомъ золотомъ сосудѣ, найденномъ въ курганѣ Куль—Оба (см. Древности Босфора Киммерійскаго, табл. XXXIII). Таманскій надгробный камень № 1 обогащаетъ нашъ запасъ изображеній конныхъ Скиѣовъ еще однимъ памятникомъ.

Гораздо труднѣе для интерпретаціи—рельефы нижняго яруса обонхъ надгробныхъ камней. На № 1 въ нишѣ изображена человѣческая фигура, стоящая на пьедесталѣ. Последнее обстоятельство явно указываетъ, что это статуя какого-то божества, котораго имя, при отсутствіи всякихъ атрибутовъ и испорченномъ состояніи камня, едва ли можно будетъ опредѣлять. На № 2 изображены двѣ величественныя женскія фигуры въ широкихъ одеждахъ, возсѣдающія, другъ противъ друга, на богатыхъ сѣдалищахъ со спинками, украшенными точеными ручками и ножками (ἰρόνοτ). Каждая изъ фигуръ одною рукою поддерживаетъ нѣсколько наклонную голову. Женскій гиматіонъ (ἡμάτιον), который носили сверхъ хитона женщины, облекаетъ голову и даже скрываетъ одну изъ рукъ каждой фигуры. Это обличіе всей фигуры въ гиматіонѣ, оставлявшее открытымъ одно лицо, составляло признакъ цѣломудренныхъ, высоконравственныхъ женъ. Между этими двумя сидящими фигурами—изображена, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, третья фигура, которой голова и правая рука тоже облечены въ гиматіонъ. При испорченномъ положеніи, въ которомъ находится нижняя часть этой фигуры и при сходствѣ верхней одежды (ἐπιβλήματα или περιβλήματα) у обонхъ половъ въ Греціи, нельзя сказать, судя по фрагментированному изображенію нижней одежды этой фигуры, женская ли это или мужская фигура, напр. не изображеніе ли это мальчика. Гораздо ниже всѣхъ этихъ фигуръ, на половинѣ высоты сѣдалищъ, на окраинахъ рельефа изображены двѣ полуфигуры камень

на половинѣ ихъ сломанъ). Фигура, находящаяся по лѣвую руку отъ зрителя—мужская, судя по длиннымъ волосамъ, спереди на лбу остриженнымъ и ниспадающимъ по обѣимъ сторонамъ лица, какъ изображаются всѣ Скионы на золотой вазѣ, найденной въ Куль-Оба, по правую—женская. Эти двѣ фигуры ростомъ гораздо меньше женъ, возсѣдающихъ на тронахъ.

Разсматривая внимательно отношеніе различныхъ фигуръ этого рельефа другъ къ другу, нельзя не прійти къ убѣжденію, что величественныя женскія фигуры, возсѣдающія на тронахъ, суть божественныя существа. Греческіе художники, исполнившіе эти надгробныя камни, на памятникахъ подобнаго рода обыкновенно размѣрами отличали боговъ и людей. Если на нижнемъ рельефѣ перваго камня (№ 1) божество обозначено тѣмъ, что оно поставлено на пьедесталъ, то на нижнемъ рельефѣ втораго камня божественныя существа отличаются не только размѣрами, превышающими всѣ человѣческія, но и тѣмъ, что они возсѣдаютъ на сѣдалищахъ, на которыхъ обыкновенно изображаются возсѣдающими боги. Признавая въ этихъ возвышенныхъ женскихъ фигурахъ богинь, намъ уже не трудно будетъ узнать въ нихъ великихъ элевзинскихъ богинь: Деметеръ и Кору, а посреди ихъ, если допустить, что это изображеніе юноши,—или Іакха или Триптолема, всегда изображаемыхъ между этими двумя богинями. И это объясненіе является не только самымъ естественнымъ, но и самымъ приличнымъ по своему назначенію на надгробномъ камнѣ. Какія божества могли быть избраны глубокомысленнѣе для изображенія на надгробномъ камнѣ, какъ не великія богини элевзинскихъ таинствъ, символизирующія смерть и воскресеніе къ новой жизни, смерть всей природы и человѣка и надежду на будущую жизнь? Такова была тайна ученія, преподаваемаго или сценически изображаемаго въ элевзинскихъ мистеріяхъ. Сверхъ того Кора (Персефона) символизировала и самую смерть или сошествіе человѣка въ царство тѣней, потому что была супругою Аида и сама властвовала подъ безотраднымъ царствомъ тѣней. Если это объясненіе не лишено правдоподобія, то и двѣ полуфигуры, находящіяся на углахъ нашего надгробнаго камня, легко получаютъ свой смыслъ: уже скромное положеніе ихъ у подножія троновъ богинь доказываетъ, что это суть портреты благочестивыхъ супруговъ, надъ могилою которыхъ былъ поставленъ этотъ надгробный памятникъ, на которомъ они желали, чтобы были изображены великія богини, въ таинства которыхъ они были посвящены.

Грубый стиль этихъ рельефовъ не позволяетъ вывести заключенія о времени происхожденія этихъ двухъ надгробныхъ памятниковъ, сверхъ того возникшихъ въ странѣ отдаленной и варварской; но содержаніе рельефовъ, на нихъ изваянныхъ, повидимому доказываетъ, что они принадлежатъ еще временамъ полнаго господства язычества.

К. Гѣрцъ

ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-СЛАВЯН- СКАГО НАРЯДА.

Въ сочиненіи г. Аѳанасьева: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», стр. 697—8 разсматриваются нѣкоторые народные русскіе обычаи, имѣющіе содержаніемъ своимъ завиваніе бороды—изъ послѣднихъ колосьевъ на полѣ миѣическому существу (Волосу, Ильѣ, св. Николаю или самому Христу). Мнѣ удалось встрѣтить тотъ же обычай въ одной изъ отдаленныхъ славянскихъ земель, а чрезъ это становится вѣроятнымъ и существованіе его въ эпоху обще-славянской древности. Вскорѣ по полученіи труда г. Аѳанасьева случай свелъ меня съ однимъ Сербомъ родомъ изъ Венгріи (окрестности г. Марія Терезіополь, области Байцъ Зомборъ), проживавшемъ въ Данцигѣ военнопленнымъ; между прочими преданіями о вилахъ онъ сообщилъ мнѣ и слѣдующій полевой обычай своей родины: послѣднюю полоску хлѣба въ колосьяхъ—не срѣзываютъ серпомъ: она носитъ названіе «брада Господина Бога», изъ нея выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ, связываютъ ихъ золотыми лентами и дѣлаютъ изъ нихъ два вѣнка. Одинъ вѣнокъ укрѣпляется на палкѣ, которая втыкается въ землю по срединѣ несжатой полосы хлѣба или возлѣ нея, ему даютъ названіе «счастья» (Срећа). Другой вѣнокъ приносится домой младшимъ изъ жнецовъ и сохраняется до Рождества; того, кто несетъ вѣнокъ, въ деревнѣ обливаютъ водою, чтобы будущій годъ былъ обиленъ дождемъ; иногда оставленный клочекъ колосьевъ украшается золотыми лентами, какія носятъ дѣвушки на праздничныхъ платьяхъ, или золотыми нитями; это называютъ: «везати браду Господину Богу».

Мифологическое значеніе этихъ обычаевъ, въ связи съ нѣмецкими и древними славянскими преданіями, я оставляю до другаго времени: что можно сказать о нихъ вкратцѣ, то основательно и убѣдительно изложено въ трудѣ г. Аѳанасьева, но кажется, что обычай завивать бороду миѣическому существу заслуживаетъ вниманіе и въ другомъ, именно археологическомъ, отношеніи, предлагая свѣдѣніе для исторіи древне-славянскаго костюма. Называя этотъ обычай, народъ употребляетъ не только выраженія: оставлять, дарить Волосу на бороду, но главнымъ образомъ и постоянно: завивать Волосу бороду, хлѣбная (или сѣнная) борода завить, завязать

Иль бороду, точно такъ, какъ Сербы говорятъ: везати браду Господину Богу. Отсюда, независимо отъ язычески-религіознаго значенія обычая, возникаетъ предположеніе, что происхожденія его должно искать въ особенности древне-славянскаго наряда, по которому борода человѣка не висѣла свободно, но какъ нибудь скручивалась, заплеталась или переплеталась лентами. На это указываетъ не только названіе обычая, которое во всякомъ случаѣ, само по себѣ, также можетъ быть объяснено изъ аналогіи закручиванья снопа,—но и еще болѣе—образъ и способъ закруты колосьевъ, образующихъ бороду Волоса (у Малороссіянъ) или Господина Бога (у Сербовъ). Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою никакихъ письменныхъ и вещественныхъ указаній о древнѣйшемъ нарядѣ Славянъ, не зная находить ли мое замѣчаніе поддержку въ современныхъ нарядахъ славянскихъ племенъ, я не высказалъ бы этого предположенія, еслибы его не оправдывалъ замѣчательный памятникъ Вендо-кашубской языческой древности. Въ 1855 году около деревни Брюкъ (5 миль отъ Данцига) найдена была въ языческой вендской могилѣ — урна изъ красной жженой глины безъ глазури, на передней сторонѣ ея изображено лицо бородатаго человѣка. Урна хранится въ городскомъ музеѣ въ Данцигѣ и изображена съ оригинала на прилагаемомъ рисункѣ (фиг. А). Съ обѣихъ сторонъ головы помѣщены уши, изъ нихъ одно хорошо еще сохранилось и украшено бронзовой серьгой, изъ которой, однако, уже исчезли стеклянные бусы. Промежду ушей ясно изображены брови, глаза и носъ*), а подъ нимъ замѣтны усы, нарѣзанные въ видѣ кривыхъ линій какимъ нибудь острымъ орудіемъ на еще мягкой глинѣ, внизу виситъ борода, столь густая, что она покрываетъ всю нижнюю губу, на бородѣ выступаютъ 4 горизонтальные выпуклые обручи, параллельно одинъ подъ другимъ, справа и слева ихъ обхватываютъ двѣ подобныя связки, которыя, спускаясь съ наружной стороны постепенно въ отвѣсномъ положеніи внизъ, незамѣтно теряются на поверхности погребальной урны. Пространство между этими связками — углублено, но въ срединѣ его еще разъ видны три выпуклыя возвышенія, которыя, кажется, обозначаютъ связку, лежащую подъ горизонтальными обручами.

Все изображеніе представляетъ поразительное сходство съ украшеніемъ бороды у ассирійскихъ и персидскихъ благородныхъ людей, какъ это видно напр. изъ памятниковъ, указанныхъ Бономи (Nineveh p. 295, 267, 219) и Тексье (Description de l'Arménie. p. 101, III) «борода Ассирійца — говоритъ Вейсъ (Kostumkunde I, 206) была правильно подстрижена и во всю длину свою въ перемежку, такъ сказать уступами—заплетена и завита». Что въ нашей урнѣ — рѣшетчатое сплетеніе подъ усами представляетъ дѣйствительно бороду—это ясно при взглядѣ на самый памятникъ; изображеніе — при всей своей грубости—не допускаетъ сомнѣнія, что борода—заплетена, хотя и не видно, изъ чего состояли горизонтальныя перевязи: были ли онѣ изъ волосъ, или быть можетъ изъ лентъ, вплетенныхъ въ волосы.

Въ окрестностяхъ Данцига—въ языческихъ могилахъ не рѣдко находили погре-

*) Носовой горбъ—очень поврежденъ, такъ что трудно узнать его первоначальную форму.

бальныя урны съ человѣческими лицевыми изображеніями: на это указываетъ и самая обыкновенная форма урнъ этой мѣстности: три выпуклыя возвышенія, изъ которыхъ оба крайнія украшены серьгами, а среднее не имѣетъ этого украшенія и потому ясно обозначаетъ носъ. На прилагаемомъ рисункѣ помѣщены изображенія нѣкоторыхъ изъ подобныхъ лицевыхъ сосудовъ.

Фиг. В. изображаетъ урну по рисунку, хранящемуся въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. Урна, вмѣстѣ съ семью другими, не имѣющими лицевыхъ украшеній, была вырыта на горѣ въ Шидлицѣ, въ $\frac{1}{4}$ мили отъ Данцига, въ 1636 году.

Фиг. С. Урна, найденная въ 1855 году въ Вармгофѣ близъ Меве (въ округѣ Маріенвердеръ), она искусно сдѣлана изъ хорошей черной глины. Особенно хорошо исполненъ тупой носъ и вздутыя губы. Оригиналъ хранится въ здѣшнемъ (Данцигскомъ) Музеѣ.

Фиг. D. Е. F. Урны изъ языческой могилы у Клейнъ-Каца (въ $2\frac{1}{2}$ миляхъ отъ Данцига) въ Нейштадтскомъ округѣ, они открыты въ 1836 году и находятся въ королевскомъ Музеѣ отечественныхъ древностей въ Берлинѣ, подробное описаніе и изображеніе ихъ см. въ сочиненіи Ледебура (*Das k. Museum vaterländ. Alterthümer. Berl. 1838 p. 14 et Tab. II*), новѣйшее изображеніе, съ присоединеніемъ описанія прочихъ урнъ—сдѣлано Фёрстеманомъ (cf. *Neue Preuss. Provinzialblätter. 1850 Kpn.*). Урны отличаются отъ другихъ этого рода еще и тѣмъ, что представляютъ изображенія охотничьихъ орудій, звѣрей и планетныхъ знаковъ. Всѣ эти сосуды съ лицевыми изображеніями не имѣютъ и слѣда бороды, изображенной на урнѣ фиг. А, и я припоминаю, что между всѣми, мною видѣнными, урнами (числомъ 12—13) съ лицевыми изображеніями, только на одной еще мнѣ встрѣтились слѣды бороды, хотя въ настоящую минуту я и не могу сказать, на сколько эта урна согласуется съ изображенною на фигурѣ А. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что отмѣченное нами украшеніе бороды—не принадлежало къ общеупотребительному наряду страны. Почему оно—не смотря на это—такъ рѣдко встрѣчается на лицевыхъ сосудахъ—объясняется еще и тѣмъ, что большинство ихъ исполнено очень грубо: они обозначаютъ лишь верхнюю часть лица, ограничиваясь ушами, глазами и носомъ, и не обращая вниманія на подбородокъ и бороду.

Болѣе внимательныя розысканія такихъ неподдѣльныхъ вещественныхъ памятниковъ, какъ лицевые сосуды—могутъ объяснить еще много частности древне-славянской жизни 10—12 вѣка. Въ 1850 году я получилъ изображенную на рисункѣ фиг. G тонкую бронзовую цѣпь *). Она была найдена на лицевомъ сосудѣ (въ Редисанѣ, округъ Нейштадтскій, въ 7 миляхъ отъ Данцига), который изображалъ превосходно исполненную человѣческую голову, цѣпь проходила чрезъ носъ фигуры, падая ровно съ обѣихъ сторонъ въ видѣ усовъ, приблизительно по словамъ находчика, такъ, какъ изображено на фигурѣ Н. Къ сожалѣнію урна разбилась при вынутіи изъ могилы, и хотя я не имѣю причинъ сомнѣваться въ достовѣрности этой

*) Находится нынѣ въ Данцигскомъ Музеѣ.

находки, но необходимо выждать других отысканий, прежде чѣмъ рѣшиться сказать, что такое странное украшеніе входило въ часть дѣйствительнаго древне-кашубскаго костюма, — возможно, что такимъ образомъ была украшена лишь урна, но не живой человекъ.

Возвращаясь къ бородѣ, я замѣчу, что искусственное заплетаніе ея — не безпримѣрно въ жизни сѣверныхъ народовъ. Еще Ювеналъ смѣялся надъ искусственными рогами изъ намазанныхъ волосъ, какіе въ его время носили Германцы. Въ языческихъ могилахъ — особенно въ славянскихъ, часто находятъ спиральныя кольца, цилиндры о 6—7 бронзовыхъ завиткахъ, ихъ узкій объемъ и протяженіе приводили изслѣдователей къ мысли, что они принадлежали къ украшенію головы, какъ кольца для схватыванія волосъ, заступавшія мѣсто нынѣшнихъ связокъ. Подобно волосамъ и борода могла по временамъ быть перевита такими кольцами. Еще и теперь у польскихъ Евреевъ иногда борода красиво завивается въ косички, у Цыганъ — волоса и борода перевиваются серебряными кольцами.

Какъ бы то ни было, не рѣшая ничего положительно, позволяю себѣ высказать мое замѣчаніе, въ надеждѣ, что кто нибудь, обладающій большими, чѣмъ я, средствами будетъ возбужденъ къ дальнѣйшему изслѣдованію вопроса, имѣющаго столь важное значеніе въ общей наукѣ древности.

Д-ръ Вильгельмъ Маннгардтъ.

Примѣчаніе. Любопытная замѣтка д-ра Маннгардта вызвала насъ на поиски, но, при всемъ внимательномъ пересмотрѣ славянскихъ и западныхъ иноземныхъ источниковъ, намъ не удалось отыскать въ нихъ извѣстій о томъ, что Славяне въ языческую эпоху заплетали бороду или украшали ее лентами и металлическими вещами, за то арабскіе источники говорятъ объ этой особенности съ положительностью, не допускающею сомнѣній, такъ Ибнъ Хаукаль (около 976 г.) говоритъ, что «у Руссовъ одни брѣютъ бороду, другіе заплетаютъ ее, подобно тому, какъ заплетаютъ лошадиныя гривы, и красятъ ее подъ цвѣтъ шафрана». (Frähn—Ibn Foszl. p. 248.) Идризи (+ 1154) передаетъ съ своей стороны тоже самое: «нѣкоторые изъ Руссовъ брѣютъ бороду, другіе собираютъ и заплетаютъ ее на манеръ Арабовъ дуабскихъ» (Lelewel-Geogr. du Moyen age. t. III—IV, p. 185). Сомнѣніе остается только на счетъ Руссовъ — какой народъ разумѣть должно подъ этимъ именемъ? Обыкновенно думаютъ, что это Скандинавы, но, пересмотрѣвъ внимательно и сличивъ между собою всѣ показанія Арабовъ о Руссахъ, мы не нашли ни одного доказательства въ пользу этой мысли и ни одного противорѣчія тому мнѣнію, по которому Арабы разумѣютъ здѣсь именно русскихъ Славянъ, потому мы и не находимъ причины не привести здѣсь арабскихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе догадки, высказанной д-ромъ Маннгардтомъ. Замѣтимъ, однако, что славянское происхожденіе урнъ съ лицевыми украшениями и бородой требуетъ иныхъ, болѣе прочныхъ, доказательствъ, чѣмъ славянская мѣст-

ность ихъ находенія: нѣсколько подобныхъ горшковъ съ лицевыми изображеніями открыты были въ окрестностяхъ Майнца и изображены въ изданіи Линденшмита: «Die alterthümer unserer heidnischen Vorzeit т. 1, 1854. ч. VI, Tab. VI. Всѣ урны, впрочемъ, безбрады, и особенно оригинальна одна (№ 7), съ изображеніями двухъ фалловъ по бокамъ рта, на щекахъ (она хранится въ университетскомъ музеѣ въ Боннѣ). Горшокъ съ лицевымъ изображеніемъ и бородой, весьма схожій по рисунку лица—съ описаннымъ д-ромъ Маннгардтомъ, фиг. А, находится и въ музеѣ королевской Ирландской Академіи; въ описаніи древностей этого Музея, составленномъ Вильде (A descriptive Catalogue of the Antiquities in the Museum of the Royal Irish Academy. Dub. 1863, p. 156) помѣщено его изображеніе, сдѣланное — къ сожалѣнію — въ слишкомъ уменьшенномъ видѣ: сосудъ съ ручкой и узкимъ горломъ, высота его 9 дюймовъ, діаметръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ 5 дюймовъ, лицевое изображеніе находится вверху и сдѣлано рельефомъ, борода виситъ свободно, подъ нею внизу находится звѣзда въ кругѣ. Мѣстность находки—не обозначена, но такъ какъ большинство предметовъ, составляющихъ музей Ирландской Академіи—принадлежитъ къ туземной отечественной древности, то можно полагать, что и настоящая урна не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Касательно предполагаемаго древне-славянскаго обычая заплетать бороду, позволительно будетъ здѣсь вспомнить, что и одна фигура изъ такъ называемыхъ Прильвицкихъ древностей, кажется—имѣетъ заплетенную бороду, если только не принять завитки, двумя концами параллельно спускающіеся на грудь — за украшенія одежды (см. рисунокъ 2-й, прилож. къ ст. г. Срезневскаго: «Прильвицкія древности»). Замѣтимъ впрочемъ, что фигура относится къ той части прильвицкаго клада, которая принадлежала Гедеону Шпонгольцу и которая гораздо болѣе другой (Машевой)—вызываетъ подозрѣніе на счетъ незаконности своего происхожденія.

А. К.

ИЗВѢСТІЕ О РАСКОПКѢ ДВУХЪ МАЙДАНОВЪ*)

Наша русская археологія—относительно кургановъ и земляныхъ насыпей—цѣлыми десятками лѣтъ ни на шагъ не подвигается впередъ, не смотря на важность многихъ раскопокъ, дѣланныхъ тамъ и сямъ, то по порученію Правительства, то частными лицами. Дѣло въ томъ, что обширное пространство нашего отечества само собою указываетъ намъ на невозможность подводить подъ одинъ знаменатель—древности Тверской Кареліи и кургановъ Остзейскихъ провинцій, съ находками Грабовскаго въ Кіевской губерніи и Скиескими могилами южной Россіи, разрываемыми И. Е. Забѣлинымъ.—Хотя по народнымъ преданіямъ земляныя насыпи и приписываются почти повсюду временамъ Татарщины; но и наружныя формы этихъ насыпей, и находимые въ нихъ предметы служатъ намъ яснымъ доказательствомъ того, что курганы и городища, разбросанные почти по всей Россіи, должны несомнѣнно принадлежать и эпохамъ и народамъ различнымъ. Важнѣйшій трудъ археологіи, прежде чѣмъ попытаться опредѣлить, какому именно вѣку или племени принадлежитъ тотъ или другой курганъ—былъ бы, по нашему мнѣнію, раздѣлить по возможности наши насыпи на нѣсколько главныхъ категорій столько же по ихъ формѣ и свойствамъ, сколько и по различнымъ мѣстностямъ, къ которымъ относятся тѣ или другіе курганы. Богатыя находки Скиескихъ могилъ не могутъ служить указаніемъ для раскопокъ низенькихъ курганчиковъ Московской губерніи. Въ наукѣ, нуждающейся еще въ фактическихъ свѣдѣніяхъ, чѣмъ меньше объемъ изслѣдуемой мѣстности, тѣмъ опредѣлительнѣе данныя, добытыя этими изслѣдованіями; когда напротивъ географическая обширность общаго понятія, какъ напримѣръ—цѣлой Россіи, можетъ скорѣе быть помѣхою въ дѣлѣ, лишая насъ всякой возможности какого бы ни было общаго опредѣленія или вывода изъ фактовъ, между собою не только совершенно различныхъ, но часто и прямо другъ другу противорѣчащихъ.

Подтвержденіемъ этой мысли могутъ служить сообщаемые здѣсь результаты раскопокъ двухъ городищъ хутора Гвоздовки.

*) Воронежской губерніи Острогожскаго уѣзда.

Городки хутора Гвоздовки находятся не далеко от берега рѣчки Балитвы, Остро-гожскаго уѣзда, въ сосѣдствѣ совершенно подобнаго же, разрытаго—лѣтъ 20 тому назадъ, городка близъ хутора Ясиновки, раскопки котораго еще свѣжи въ памяти многихъ мѣстныхъ жителей. Гвоздовскіе курганы А и В стоятъ на разстояніи не болѣе версты другъ отъ друга, оба горжамъ своихъ укрѣпленій къ рѣчкѣ, т. е. къ С. В.; тогда какъ Ясиновскій курганъ, въ верстахъ 3-хъ отъ нихъ на Сѣверѣ, съ противоположной стороны рѣчки открытъ на степь на Сѣверѣ, какъ укрѣпленіе, защищающее переходъ черезъ рѣку. Этимъ положеніемъ Майдановъ, какъ зоветъ ихъ здѣшній народъ, ясно указывается намъ, что непріятельскія нападенія на эти земляныя укрѣпленія ожидалось не съ Сѣвера, а съ Юга.

Всѣ эти городища состоятъ изъ главнаго кольцеобразнаго вала 10 саж. въ діаметрѣ, который къ Сѣверо-восточной сторонѣ воронки немного спускается и образуетъ входъ въ нее или горжу укрѣпленія. Передъ этимъ входомъ въ майданъ—небольшая площадка, образованная боковыми продолговатыми курганами, которые, какъ эполементы главнаго вала, однимъ концемъ своимъ примыкаютъ къ нему. Этихъ кургановъ всегда 5:—два съ восточной и 3 съ западной стороны горжа, наружные длиннѣе и выше внутреннихъ, при чемъ такъ близки другъ къ другу, что составляютъ собою одинъ общій валъ съ продолговатой впадиной (f.) на его вершинѣ. Пятый курганъ (e), гораздо меньше и ниже другихъ, стоитъ отдѣльно справа отъ входа въ городокъ и въ Майданѣ В., попавшемъ на крестьянскую пашню, едва уже замѣтенъ.

Еще чрезвычайно примѣчательно то, что площадка, образованная этими боковыми курганами, передъ входомъ въ главный городокъ, во всѣхъ трехъ мѣстностяхъ въ концѣ своемъ имѣетъ одну небольшую ямку, похожую на завалившійся колодезь или межевую яму. Въ городкѣ В мы замѣтили 3 подобныхъ ямки, чрезвычайно симметрично расположенныя: 2 по бокамъ по меньше и одна побольше въ концѣ площадки. Въ курганѣ А эта ямка, по увѣренію мѣстныхъ жителей, приходится на пашнѣ, недавно только стала образовываться. Лѣтъ съ пять, какъ крестьяне съ удивленіемъ стали замѣчать, что земля садится все болѣе и болѣе въ этомъ мѣстѣ. Вотъ почему, по ихъ просьбѣ, мы начали раскопки этой небольшой ямой, гдѣ аршина два подъ черноземомъ попали на чисто песчаный пласть, въ срединѣ котораго мы нашли небольшое мѣсто красноватой глины, носящей явные признаки необожженаго кирпича, а между ней много пеплу и древеснаго угля и даже обожженные кусочки дерева, такъ что съ вѣроятностію предположить должно, что тутъ находилась какая-то печь, которая, обваливаясь, мало по малу образовала эту впадину. Въ ямкахъ городка В нашлась только глинистая земля, но явно наносная, или, какъ выражаются землекопы, рушеная, почти на сажень до твердаго материка. Мы обратились съ этого мѣста къ двумъ небольшимъ продолговатымъ курганчикамъ на юго-востокъ отъ городка А; но поиски не увѣнчались успѣхомъ. Подъ небольшимъ слоемъ чернозема попали мы на чрезвычайно жесткую и твердую глинистую, съ мѣломъ смѣшанную и какъ будто утробованную, землю, которую приходилось ломать ломомъ; подъ ней же показался материкъ, и, кромѣ совершенно истлѣвшаго дубоваго бревна, тутъ ничего не нашлось,

такъ что эти два кургана служили вѣроятно единственно укрѣпленіемъ, а не могилами. Подобный же слой и подобное же длинное истлѣвшее бревно оказались и въ боковыхъ курганахъ городка В, а мѣстные жители, работавшіе при раскопкахъ Ясиновскаго городка, подтверждаютъ, что и тамъ встрѣтилось одинаковое явленіе. Но чѣмъ объяснить это бревно, схороненное сажени на полторы подъ твердой глиняной насыпью, гдѣ—кромѣ него—ничего болѣе нигдѣ не находилось? Развѣ только тѣмъ, что при началѣ насыпки кургана, клали дерево на землю, чтобы указать работникамъ направление насыпаемаго вала, такъ какъ эти бревна найдены лежащими въ длину кургановъ.

Съ окончанности разрытаго кургана д восточной окраины, мы вдаль по прямой линіи въ самый городокъ, который и прорѣзали въ этомъ мѣстѣ (4 саж. лѣвѣе входа въ него). Тутъ, на глубинѣ 8 футовъ, мы попали на чистый желтый песокъ, подъ которымъ скорѣе оказался человѣческій остовъ, но онъ былъ до того испорченъ, что даже не удалось и черепъ его сохранить въ цѣлости, половина костей уже обратилась въ известковый песокъ. У ногъ мертвеца нашлись черепки глинянаго горшка, поставленнаго справа отъ него, и кости лошадиной головы безъ туловища. Тутъ же, у ногъ его, замѣтны слѣды толстой деревянной балки, стоявша воткнутой въ землю, а подъ костями черноватая и мѣстами красноватая пятна, указывающія также, вѣроятно, на сгнившее дерево. У головы скелета попался еще горшокъ и вслѣдъ за нимъ и другой (оба разбиты), указавшій намъ близость другаго остова, лежащаго аршина на полтора лѣвѣе перваго, но въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, т. е. головою на Югъ и не совсѣмъ параллельно съ кругомъ вала, но ногами болѣе къ внутренней сторонѣ городка. Горшки—изъ темной пережженной глины; дно ихъ чрезвычайно толсто, на наружной сторонѣ къ верху—небольшой лѣпной изразецъ, изображенный на рисункѣ (с), но форму горшковъ по черепкамъ опредѣлить трудно. На днѣ горшковъ замѣтны признаки красноватаго вещества. Отъ мѣста, гдѣ найдены скелеты, видѣнъ низкій ходъ во внутренность круглаго вала, ходъ почти завалившійся, такъ какъ онъ вырытъ въ песчаномъ слоѣ насыпи. Но сколько замѣтно, этотъ ходъ, повертывая довольно круто во внутреннюю стѣнку городка, имѣетъ выходъ свой саженьхъ въ трехъ и далѣе едва ли продолжается, когда съ другой стороны онъ оканчивается мѣстомъ погребенія перваго мертвеца, у ногъ котораго нашлись слѣды доски или дерева, поставленнаго стоймя. Въ Ясиновскомъ курганѣ, гдѣ на томъ же мѣстѣ найдены были кости какого-то исполина, а вблизи отъ него и остовъ лошадиный—замѣчались подобные же ходы. На изслѣдованіе этихъ ходовъ потребовалось бы большихъ земляныхъ работъ, отъ которыхъ едва ли можно ожидать какой нибудь существенной пользы.—Городокъ В представилъ намъ нѣсколько особенностей. Середина всего круглаго вала состоитъ изъ весьма твердой свѣтло-желтой глины, которая, какъ каменная стѣна, обваленная черноземомъ, обходитъ весь городокъ. — Вотъ почему кости и черепки горшковъ, въ этомъ Майданѣ, хотя и попались почти на томъ же мѣстѣ, 2 1/2 сажени влѣво отъ горжа укрѣпленія, но не въ срединѣ вала, а болѣе внутри воронки, въ пескѣ у подножія глиняной стѣны. Въ верхнемъ слоѣ чернозема найдены многочисленные черепки большаго горшка, а подъ ними въ пескѣ цѣлая куча человѣческихъ и лошадиныхъ костей, закопанныхъ вмѣстѣ въ одну общую могилу.

Между этими костями попало больше шести остововъ какого-то звѣрка съ большимъ зубомъ, принадлежащаго къ породѣ грызуновъ, при мертвецахъ кургана В. мы нашли около нихъ такихъ же звѣрковъ.

Типическая черта Гвоздовскихъ Майдановъ — отсутствіе въ нихъ всякихъ постороннихъ вещей при мертвецахъ, за исключеніемъ глиняныхъ горшковъ — и этотъ фактъ встрѣтился, какъ довелось мнѣ слышать, и въ раскопкахъ подобныхъ же кургановъ верстъ за 30 отсюда, при слободѣ Россонѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Эти свѣдѣнія недостаточны, чтобы сдѣлать по нимъ какое-нибудь положительное заключеніе, и единственная цѣль нашей статьи — обратить вниманіе землевладельцевъ края на эти любопытные памятники доисторической старины и вызвать тѣмъ — современемъ — новые розыски и свѣдѣнія по важной отрасли нашей туземной археологіи, каковы майданы и городища.

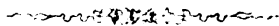
Д. Шеппингъ.

Примѣчаніе. Упоминаемая авторомъ статьи раскопка близъ хутора Ясиновки изложена въ брошюрѣ (довольно рѣдкой), изданной имъ же въ Брюсселѣ: *Lettre sur une fouille faite dans le gouvernement de Voronège, pub. avec des observations par B. D. Schöppingk.* В. 1847. 8°, 15 стр. съ рисунк. На прилагаемомъ нынѣ рисункѣ — фиг. Д. Е. помѣщается планъ этого городища и двухъ горшковъ, форма которыхъ восстановлена по остаткамъ. а — изображаетъ валъ высотой 9—10 арш., b — срединное внутреннее углубленіе, глубиной отъ 7 до 8 аршинъ, окружность вала — приблизительно 12—14 аршинъ, с — два боковыхъ возвышенія, которыя — кажется — служили входомъ въ средину b, оконечностями своими они примыкали къ валу а; d — два менѣе возвышенныя укрѣпленія, можетъ быть вмѣстѣ съ е и f — образовавшіяся изъ земли, вынутой изъ средины вала; g — простой продолговатый курганъ, 7 арш. длиной и 4 шириной. Раскопка началась съ этого кургана g: подъ легкимъ слоемъ чернозема встрѣтилась крѣпкая глинистая смѣсь песку и мѣла, на линіи материка были найдены кости, сильно перетлѣвшія, отличить можно было лишь черепъ и зубъ собаки и нѣсколько зубовъ лошади; вмѣстѣ съ этими костями лежалъ уголь и пепелъ, хотя въ незначительномъ количествѣ. Любопытно, что здѣсь же найдены были небольшія черныя зерна — б. м. сухое просо и рыбная шелуха въ большомъ количествѣ. Раскопка возвышенія с началась сверху, въ половинѣ его встрѣтились 4 большія дубовыя балки (1—2 арш. высоты), положенныя рядомъ одна возлѣ другой въ наклонномъ положеніи къ валу а, земля также была необычайной крѣпости и не легко уступала даже топору; за бревнами внизу лежалъ песокъ и въ немъ чело-вѣческія кости, сильно перетлѣвшія: черепъ, огромная челюсть съ нѣсколькими большими, бѣлыми зубами, спинной хребетъ и какія то мелкія кости. Скелетъ лежалъ

съ юга на сѣверъ; возлѣ головы стоялъ разбитый горшокъ, наполненный землею, перемѣшанною съ остатками какого-то жирнаго органическаго вещества, также немного пеплу и остатки какого-то растенія. На сѣверъ, у ногъ скелета находился другой горшокъ, столь же испорченный и содержавшій въ себѣ тоже, что и первый. Земля подъ трупомъ была сильно утробована и покрыта еще замѣтнымъ краснымъ веществомъ; ни оружія, ни какой другой утвари—не встрѣтилось. Горшки были изъ разной твердой и сухой земли, снаружи покрыты глиной и съ грубыми украшеніями. Въ срединѣ углубленія вѣ найдены были костяной обломокъ, какъ кажется—остатокъ гребня или сабельной ручки, наконецъ—твердый камень, какой не встрѣчается въ окрестности на 100 верстъ. При разрѣзѣ западнаго возвышенія оказалось большое количество пепла, немного углей и челюсть какого-то животнаго.

Обѣ раскопки—какъ видно, почти одинаковы и взаимно пополняютъ другъ друга. При всей — повидимому — незначительности ихъ, онѣ убѣждаютъ въ одномъ несомнѣнномъ фактѣ, что такъ называемыя городища—не были и исключительно мѣстами религіознаго служенія, какъ полагалъ Ходаковский; но служили и могильниками для усопшихъ. Вопросъ о городищахъ со времени Ходаковского не сдѣлалъ никакого существеннаго шага впередъ: изслѣдователи убѣдились, что теоріи Ходаковского во многихъ отношеніяхъ мечтательны и не оправдываются фактами науки, что исключительная принадлежность городищъ славянскому племени — есть гипотеза, болѣе чѣмъ сомнительная, но частныхъ разысканій, которыя измѣнили бы это отрицательное убѣжденіе — въ какое нибудь болѣе обстоятельное и положительное — до сихъ поръ, сколько извѣстно — не существуетъ; а что вопросъ—стоитъ изслѣдованія,—объ этомъ кажется и говорить нечего. Замѣтимъ въ заключеніе, что воронежскія городища—по своему внѣшнему виду—представляютъ рѣшительное сходство съ городищами харьковской губерніи старобѣльскаго уѣзда, какъ каждый можетъ убѣдиться, взглянувъ на описаніе и чертежи послѣднихъ, помѣщенные въ Извѣстіяхъ Спб. Археологическаго Общества т. 1-й стр. 157—9.

А. К.

МОНЕТЫ

СЪ НАДПИСЬЮ ВАСИЛІЯ И ИВАНА ИВАНОВИЧЕЙ

Двѣ монеты нашей нумизматики: 1) деньга, съ изображеніемъ птицы налѣво, съ поднятыми крыльями и круговой надписью: «Князя Василія Ивановича», на оборотѣ — съ изображеніемъ четвероногого животнаго крылатаго съ поднятымъ къ верху хвостомъ, и 2) пула, съ изображеніемъ осьминугольнаго колеса безъ обода, на оборотѣ съ надписью: «Князя Василія Ивановича», относимы были различно нашими собирателями монетъ: одними къ рязанскому великому князю Василю Ивановичу, другими — рыльскому Василю Ивановичу Шемячичу, внуку Димитрія Шемяки. Чертковъ утвердительно отнесъ ихъ къ рыльскому князю; въ моемъ изданіи: «Деньги и Пулы древней Руси» я помѣстилъ ихъ съ монетами Василія Ивановича рязанскаго; но съ замѣчаніемъ, что раздѣляю мнѣніе Г-на Черткова.

Съ тѣхъ поръ случилось мнѣ встрѣтить въ коллекціи А. В. Брыкина—пулу (см. Рисун.) съ точно такимъ-же изображеніемъ, такой же формы и чекана, но съ надписью: «князя Великаго Ивана Ивановича. Пула эта остановила мое вниманіе и разысканіе привело къ тому убѣжденію, что я ошибался, раздѣляя мнѣніе Черткова и относя монеты съ надписью: Василія Ивановича — къ рыльскому княжеству: онѣ достовѣрно княжества—рязанскаго.

Я вполне увѣренъ, что сѣверскія наши княжества имѣли свои монеты, хотя онѣ и не находятся въ нашихъ собраніяхъ, или скорѣе находятся въ числѣ такъ называемыхъ неопредѣленныхъ; но въ эпоху владѣнія Шемячича (†1523 г.) Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ, трудно предположить монеты въ русскомъ краю съ русскимъ древнимъ типомъ: княжество было только-что возвращено къ Россіи, послѣ долголѣтняго преобладанія въ немъ Польши, въ которой, уже почти два столѣтія, существовала совершенно особая чеканка монетъ, по западному образцу.

Къ тому-же, типъ пулы, относимой Чертковымъ къ Шемячичу, совершенно тождественный съ типомъ пулы съ именемъ Ивана Ивановича, сильно говорить о не принадлежности Рыльску этой пулы.

На монетахъ мы часто встрѣчаемъ тождественныя изображенія родственныхъ князей: братьевъ, отцовъ, сыновей, даже болѣе отдаленныхъ родичей, владѣтелей одно, го и того же княжества или города; примѣромъ тому могутъ служить типы: человѣка съ сѣкирой и мечемъ, пѣтуха, кентавра, князя на тронѣ, человѣка, раздирающаго пасть звѣрю—Московско й династіи; человѣка, колющаго медвѣдя, бѣгущаго звѣря, человѣка съ копьемъ въ рукѣ, человѣка, стрѣляющаго изъ лука — Тверской. Василий-же Ивановичъ рыльскій не имѣлъ брата Ивана Ивановича и мы не знаемъ ни одного этого имени владѣтеля Рыльска, Новгорода-Сѣверскаго и другихъ княжествъ Сѣверскихъ. Трудно также предположить, чтобы изображеніе его, довольно своеобразное, могло-бы перейти и быть усвоеннымъ въ другомъ отдаленномъ княжествѣ и лицами другаго владѣтельнаго рода.

Въ рязанскомъ же княжествѣ мы знаемъ князя Василия Ивановича и внука его, князя Ивана Ивановича; слѣдовательно, тутъ одинъ и тотъ же типъ монеты понятенъ и могъ существовать на совершенно основательныхъ данныхъ.

Конечно, на пулѣ и деньгѣ Василия Ивановича нѣтъ слова: великаго, — принадлежности рязанскихъ князей; но надо взять въ соображеніе тогдашнее положеніе владѣтелей Рязани, — имъ было уже не до титула на монетахъ и не до званія великаго; имъ трудно даже было удержать мнимую независимость своего княжества, устоять противъ совершеннаго поглощенія его Иваномъ III, сказавшимъ даже великому свободному Новгороду: «хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ».

Василій Ивановичъ рязанскій, по смерти отца, былъ взятъ на воспитаніе Иваномъ III въ Москву—и рязанскимъ княжествомъ управлялъ намѣстникъ великаго князя московскаго; — собиратель Русской земли, конечно, не дорожилъ титуломъ великаго на пулахъ и деньгахъ своего воспитанника и, смотря на рязанское княжество, какъ на свое достояніе, съ воображаемымъ отдѣльнымъ владѣтелемъ, чеканилъ монеты Рязани, можетъ быть даже намѣренно выпуская титулъ великаго при имени Василия Ивановича. Достигнувъ совершеннолѣтія, Василій былъ отпущенъ въ Рязань, женившись на сестрѣ Ивана—Аннѣ; но самостоятельность Рязани не могла уже быть возвращена; Василій остался орудіемъ политики великаго князя московскаго.

По смерти его, рязанское княжество было раздѣлено между двумя его сыновьями: Ѳеодоромъ и Иваномъ. Ѳеодоръ отказалъ свое владѣніе Ивану III, а Иванъ княжилъ въ своей части, признавая московскаго князя и сына его за старшихъ братьевъ и обязавъ себя договоромъ быть всегда за одно съ Москвою, то есть: въ своей отчинѣ онъ былъ не болѣе, какъ Московскимъ намѣстникомъ.

Въ 1500 году наследовалъ ему сынъ его Иванъ Ивановичъ. Послѣдній князь Рязани былъ приглашенъ прибыть въ Москву, гдѣ—по доносу въ измѣнѣ—и былъ заключенъ въ темницу Васи́лемъ. Иванъ бѣжалъ изъ своего заточенія въ Польшу и умеръ въ 1521 году, въ мѣстечкѣ Стоклишкахъ (Ковенскаго повѣта Троцкаго вое-

водства), которое онъ получилъ на прокормленіе отъ Сигизмунда I-го. Этому то несчастному князю, владѣвшему Рязанью, конечно, принадлежитъ наша пула, на которой—естественно—было имъ сохранено изображеніе, находившееся на пулахъ дѣда и титулъ великаго.

О пулахъ съ именами Василія и Ивана Ивановичей, —слышалъ я еще мнѣніе, что это монеты Тверскія, сыновей Ивана III: Ивана и Василія, правившихъ Тверью въ его царствованіе; но мы знаемъ, что Иванъ III оставлялъ одного изъ своихъ сыновей—также Ивана, управлять на нѣкоторое время Тверью, при присоединеніи этого великаго княжества; но только управлять, а не на правахъ независимаго удѣльнаго князя; чего нельзя и предположить отъ Ивана III, посвятившаго всю свою дѣятельную жизнь на разрушеніе удѣльнаго уклада—и особенно тогда, когда онъ только-что достигъ уничтоженія самостоятельности Твери, всегдашней соперницы Москвы.

Типъ этихъ монетъ никакъ не можетъ быть отнесенъ къ послѣдующимъ годамъ царствованія Ивана III, только въ первыхъ годахъ на монетахъ его сохранились фантастическія изображенія; а потомъ усвоенъ былъ всадникъ скачущій, съ мечемъ надъ головою; что, конечно, было-бы распространено и на монеты сыновей его, ежели-бы они могли выбивать ихъ при жизни отца.

Въ духовной Ивана III ясно сказано о деньгахъ, при немъ битыхъ; вотъ эти слова: «А сыну моему Юрію съ братьями, по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и Тверской, денегъ дѣлать не велѣть, а деньги дѣлать велитъ сынъ мой Василій на Москвѣ и въ Твери, какъ было при мнѣ *).

Д. Сонцовъ.

*) Сбор. Госуд. грам., т. I, стр. 397:

КРИТИКА И ВНЕДОГРАФІЯ.

F. Piper. Iohannes der Tauffer in griechischen Kunstvorstellungen, hierbei eine Abbildung (Evangelischer Kalender, Jahrbuch für 1867. стр. 59—68. Ber. 12°).

Профессоръ Пиперъ, каждый годъ, при своемъ «Evangelischer Kalender», кромѣ біографическихъ статей, прилагаетъ изслѣдованія о христіанскихъ памятникахъ. Цѣль его: подтвердить такими вещественными доказательствами, такими вѣковыми свидѣтелями, — истинное ученіе о догматахъ вѣры; эта цѣль теперь высказалась въ двухъ новыхъ его сочиненіяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ въ Real-Encyclopädie Герцога общій обзоръ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ монументальнаго богословія или богословія по памятникамъ. Въ самомъ сочиненіи, которое скоро появится въ свѣтъ, онъ, сгруппировавъ въ хронологическомъ порядкѣ вещественные памятники христіанской старины, показалъ, какъ на каждомъ изъ нихъ отразилось современное имъ ученіе о догматахъ вѣры. Другое сочиненіе, въ которомъ столь же ясно просвѣчиваетъ стремленіе ученаго берлинскаго профессора, состоитъ изъ программы, подъ заглавіемъ: «о введеніи изученія памятниковъ, по преимуществу христіанскихъ, въ гимназическій курсъ наукъ.» Такая программа можетъ имѣть большое значеніе въ педагогическомъ отношеніи, не только для Германіи, но и для всѣхъ образованныхъ странъ и потому будетъ приложена въ переводѣ ко второму тому „Трудовъ“ Общества. Не смотря на такіа капитальныя сочиненія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ и въ «Evangelischer Kalender» преслѣдовать ту же цѣль, — распространенія въ публикѣ истиннаго пониманія христіанской археологіи, помѣщая ежегодно статьи о разныхъ предметахъ по этой отрасли науки. Въ календарѣ нынѣшняго года онъ описалъ нѣкоторыя особенности иконографіи Іоанна Предтечи по греческимъ и даже по двумъ русскимъ памятникамъ. Доселѣ единственное значительное сочиненіе объ этомъ предметѣ было издано въ 1755 году подъ заглавіемъ: Paulli M. Paciaudi. Decultu S. Johannis Baptistae, antiquitates christianaе. Romae. 1755. 4°. Авторъ добросовѣстно собралъ всѣ извѣстные памятники о Предтечѣ поясняя ихъ учеными примѣчаніями, но, къ несчастію, не дѣлая различія между византійскими и западными памятниками. Отъ того сочиненіе его имѣетъ видъ сборника и не можетъ считаться изслѣдованіемъ объ иконографіи Іоанна

Крестителя, хотя оно доселѣ остается самымъ полнымъ собраніемъ всего, что только относится до Іоанна Крестителя, какъ въ чисто-богословскомъ, такъ и въ иконографическомъ отношеніяхъ.

Къ памятникамъ изображеннымъ или описаннымъ у Пачіауди Пиперъ добавилъ слѣдующіе:

1) Поясное изображеніе Крестителя, держащаго свою устѣкнутую главу, на стѣнописи монастыря на горѣ Гименетѣ (Didron. Hist. de Dieu. p. 72) и описаніе стѣнописи главной церкви Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (Manuel. pag. 76 note).

2) Двѣ стѣнописи въ греческой церкви въ Барлеттѣ (Schultz. Denkm. d. Kunst des Mittelalt. in Unterital. I, p. 142).

3) Икона, изданная въ дополненіи къ сочиненію Гори (1759. Kol. II, pag. 17), безъ означенія мѣста находенія.

Изъ русскихъ памятниковъ Пиперъ упоминаетъ:

4. Объ иконѣ, подаренной Берлинскому музею Ѳ. И. Буслаевымъ.

5) Поясное изображеніе Крестителя, указывающаго на предвѣчнаго младенца, лежащаго въ потирѣ, гравюра XVII вѣка, сдѣланная Пашкинымъ.

6) Посѣщеніе дѣвы Маріи и Елисаветы; миниатюра изъ Лондонской Псалтири 1066 года. Рисунокъ приложенъ къ 63 страницѣ.

Обращаясь теперь прямо къ статьѣ проф. Пипера, мы замѣтимъ, что хотя она озаглавлена: «Іоаннъ Креститель по памятникамъ греческаго искусства»; но съ перваго раза видно, что авторъ не имѣлъ намѣренія составить полную монографію памятниковъ, изображающихъ Іоанна Крестителя, а желалъ обратить вниманіе по поводу миниатюры Лондонской псалтири и двухъ русскихъ иконъ, на нѣкоторыя особенности византійскаго искусства въ иконографіи Крестителя. Полная монографія съ передѣлкою и съ пополненіемъ труда Пачіауди, по одному ужъ своему объему, не могла бы помѣститься въ календарѣ; между тѣмъ какъ статья Пипера, хотя только отрывокъ изъ монографіи Предтечи, вызванная новыми пріобрѣтеніями христіанскаго Музеума въ Берлинѣ, намъ все-таки представляетъ любопытныя черты того своеобразнаго воззрѣнія на христіанское искусство, которое отличало Византійцевъ отъ всѣхъ остальныхъ народовъ Европы. Это воззрѣніе рѣзко отпечаталось на самихъ памятникахъ. Много изъ нихъ погибло при двукратномъ раззореніи Царьграда, сначала крестоносцами (1204), потомъ Турками (1453), но уничтоженіе этихъ памятниковъ не могло вмѣстѣ съ ними уничтожить ни направленія, ни духа, которые вѣками выработались у византійцевъ и отразились на всѣхъ ихъ работахъ; даже при переходѣ въ другія страны, характеръ византійскаго искусства долго охранялъ себя отъ всякаго чуждаго вліянія. Только съ вѣками, онъ тихо и постепенно измѣняется, воспринимая отпечатокъ мѣстной народности, и то, какъ напримѣръ въ иконографіи, когда это вліяніе не противорѣчитъ воззрѣнію греческой церкви. Въ этомъ отношеніи изображенія Предтечи представляютъ самые любопытные факты.

Первое письменное свѣдѣніе объ иконографическомъ типѣ Предтечи находится въ 82 правилѣ Трулскаго собора 692 года, состоявшемся по случаю изображеній

Христа въ видѣ агнеца. Въ этомъ правилѣ упоминается объ агницѣ, на котораго Предтеча указываетъ перстомъ (*ἄνδρ δακτύλῳ τοῦ προδρόμου δεκνόμενος*). На это самое правило сослались и на седьмомъ вселенскомъ соборѣ въ Никее 787 года. Кроме того, на этомъ соборѣ, пояснили въ особомъ сочиненіи, написанномъ въ опроверженіе иконоборческаго собора 754 года, настоящий смыслъ изображенія Предтечи, указывающаго на агнеца ¹⁾. Изъ этихъ письменныхъ документовъ мы видимъ, что до 692 года существовалъ уже иконографическій типъ Предтечи; и дѣйствительно личность его такъ ясно описана въ евангеліяхъ (Матвѣя, гл. III. — Марка гл. I), что типъ долженъ былъ сложиться однимъ изъ первыхъ. Даже на изваяніяхъ саркофаговъ Предтеча имѣетъ уже нѣкоторые изъ тѣхъ отличительныхъ признаковъ, которые со временемъ составляютъ опредѣленные особенности его иконографіи. Не упустимъ тутъ изъ виду, что самое изложеніе 82 правила содержитъ не одно только простое объясненіе, а представляетъ наглядно цѣлый мотивъ для иконы, изображающей слова евангелія (Іоаннѣ. I, 29): «Се агнецъ Божій взявша грѣхи міра». Этотъ мотивъ, повидимому, одинъ изъ первыхъ въ христіанской иконографіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ для древнихъ иконъ, въ то именно время, когда Трулльскій соборъ, запретивъ изображать Христа въ видѣ агнеца, остановилъ этимъ самымъ и изображенія такой иконы. Слѣдствіемъ соборнаго запрещенія было измѣненіе состава первоначальнаго перевода; Христосъ замѣнилъ агнеца, но типичное указаніе Предтечи осталось навсегда въ греческомъ иконописаніи, какъ воспоминаніе этого самаго, древняго мотива. Такимъ образомъ и у насъ, на иконахъ Сошествія во адъ, Предтеча указываетъ перстомъ на Спасителя.

Послѣ Трулльскаго собора, когда иконописаніе безпрепятственно начало развиваться, тогда не довольствовались ужъ однимъ изображеніемъ Предтечи, а стали рисовать сцены изъ его житія. Отъ того въ словѣ Феодорита Студійскаго (798—826) мы находимъ уже указаніе на цѣлый рядъ иконъ, представляющихъ страданія Предтечи.

Теперь посмотримъ, на какія иконы самаго Крестителя или его дѣяній проф. Пиперъ обращаетъ наше вниманіе, считая ихъ достояніемъ одного только византійскаго искусства ²⁾. Первое тутъ мѣсто занимаютъ иконы, извѣстныя у насъ подъ именемъ Деисуси; образцемъ такого рода Пиперъ приводитъ костяной триптихъ, описанный ученымъ Гори въ его *Thesaurus diptychorum* ³⁾. Триптихъ этотъ въ особенности для насъ важенъ по надписи, вырѣзанной самимъ художникомъ подъ главнымъ изображеніемъ. На верхней части средней створы Деисусъ, подъ нимъ и на боковыхъ створахъ разные святые. Христосъ стоитъ на богатой скамьѣ, проповѣдуетъ, приподнявъ правую руку, лѣвою онъ держитъ евангеліе, обратившись влѣво къ Богодиро-

¹⁾ Книга Правилъ Св. Апост. Спб. 1843, стр. 99, пр. 82 — Mansi Conc. L. XIII. p. 41. E. Conc. II. Nicaen. Act. VI. pag. 359. D.

²⁾ На западѣ изображали символически Іоанна Крестителя посредствомъ полуагнца. См. *Revue de l'Art Chrétien*. I. 1857 pag. 132.

³⁾ Tom. III. tab. XXVI. pag. 235. — Онъ въ первый разъ былъ изданъ у Mamachi. *Origin. et antiq. christ. V. pars I lib. IV. cap. II. § V. pag. 491.*

цѣ. На правой сторонѣ отъ Христа—Іоаннѣ Креститель, одѣтый не въ власяницу, а въ палліумъ. Подъ самымъ изображеніемъ Деисуса художникъ, пятью стихами, описалъ значеніе всей иконы, упомянувъ при этомъ, какъ рука его дрожала, когда онъ ваялъ изображеніе Христа (ως ἡγορα: χειρ χαι γλυφας χριστου τυπο). Вся эта надпись переведена у Mamachi:

Ut vacillat manus, cultellusque sculptorius Christi forma!
Christus docens, spiritumque afferens,
Nam colloquitur Matri et Praecursori
Et discipulos quemadmodum militat, dicit:
Constantinum liberate ab omnibus morbis.
Ego autem hoc omne substernam cornu.

Этотъ триптихъ, который по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ отнести къ X или XI вѣку, представляетъ любопытную особенность Богородицы, помѣщенной на лѣвой сторонѣ отъ Христа, между тѣмъ какъ Предтеча занимаетъ правую, что, вѣроятно, служить доказательствомъ древности памятника. Возвращаясь теперь къ изображенію Деисуса, замѣтимъ что въ западномъ искусствѣ такого изображенія не существуетъ, а напротивъ того въ странахъ восточныхъ, гдѣ процвѣтало вліяніе византійское, Деисусъ встрѣчается въ многочисленности. Такъ у насъ, на Руси это изображеніе до такой степени сдѣлалось любимѣйшимъ предметомъ иконъ, что самое слово *δαΐσις*, моленіе, Деисусъ означало не вообще иконы, которымъ молились, а именно эти три иконы Спасителя, Богородицы и Предтечи. Въ церквахъ нашихъ Деисусъ помѣщался не только на главномъ мѣстѣ, надъ царскими дверьми, но также и надъ другими входами. Въ Спасъ-Евфиміевомъ монастырѣ въ Суздали, на сводѣ пролета южныхъ дверей, чрезъ которыя входятъ въ церковь, написанъ Деисусъ весьма замѣчательнаго перевода. На серединѣ Спаситель въ святительскихъ ризахъ и съ митрою на главѣ; на право—Богородица въ богатомъ боярскомъ одѣяннѣ XVII вѣка, съ фатою и въ золотой коронѣ. На лѣво Предтеча крылатый, также съ короною на головѣ. Одѣяніе Богородицы ясно опредѣляетъ времена Алексѣя Михайловича, и хотя стѣнопись могла быть подправлена, но древній очеркъ сохранился въ точности.

Послѣ Деисуса, профессоръ Пиперъ описываетъ другое изображеніе: Іоанна Крестителя, ведомаго ангеломъ въ пустыню, и это второе изображеніе также принадлежитъ исключительно византійской иконографіи. Оно находится на серебряномъ, вызолоченномъ диптихѣ въ Флорентинской крещальнѣ¹⁾. Ангелъ ведетъ за руку младенца Іоанна; по сторонамъ голыя скалы съ тощею растительностію изображаютъ пустыню. Надъ изображеніемъ надпись, объясняющая предметъ иконы: *ο α ιω. προδ. οδουομενος* (вмѣсто *οδουομενος*) *υπο Αγγελου εν τη ερημω*.

Другая надпись, подъ самою иконою, указываетъ намъ на слова, подавшія поводъ къ сочиненію такого изображенія:

προς την ερημον θεος αγγελος φερει
τον αγγελον σε και εν βρεφος πελγς.

¹⁾ Gori. Thesaurus. III pag. 349. Tab. XLVI.

«Въ пустыню Божій ангелъ ведетъ тебя, ангела, хотя еще младенца». Эта надпись, какъ можно заключить изъ ея содержанія, сама составлена на основаніи евангелія отъ Марка (I, 2); «Се азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою». Изображеніе Крестителя младенцемъ, произошло, какъ полагаетъ Гори, отъ какого-нибудь преданія или апокрифическаго евангелія. Г-нъ Шиперъ приводитъ только этотъ единственный памятникъ въ примѣръ такого изображенія, между тѣмъ какъ мы можемъ указать еще на миниатюру, одинаковаго почти содержанія, въ греческой рукописи XI вѣка въ Парижѣ (евангеліе въ 4°, Biblioth. Regia № 74): Іоаннъ Креститель, возмужалый и въ бородѣ, молебно протянулъ впередъ руки и слѣдитъ за ангеломъ, указывающимъ ему путь въ пустыню. Они подошли къ Іордану, ангелъ, обернувшись къ Крестителю, указываетъ рукою вдаль, какъ бы говоря, что только за рѣкою начинается пустыня ¹⁾. Тутъ Предтеча представленъ уже не младенцемъ, и самое изображеніе относится, по видимому, болѣе къ словамъ Матвѣя (III. 1): «Во дни же оны приде Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустынѣ Іудейстѣй», и также къ словамъ Луки (III, 2—3): «Бысть глаголь Божій ко Іоанну Захаріину сыну въ пустынѣ; и приде во всю страну Іорданскую», чѣмъ къ вышеприведеннымъ словамъ Евангелиста Марка. Третій памятникъ также, по подробностямъ своимъ, исключительно принадлежащій византійскому возрѣнію на иконографію, находится въ Лондонской греческой псалтыри 1066 года. Миниатюра (листъ 113) представляетъ Посѣщеніе Богородицы (*ἡ ἀσπαρμός*) и объясняетъ символическое значеніе 84 псалма, стиха 11: «Милость и милосердіе срътостася, правда и миръ обლობзастася». Богородица и Елисавета обнимаются, (рисунокъ приложенъ къ стр. 63), а по сторонамъ ихъ—зданія, на крышахъ которыхъ изображены Предвѣчный младенецъ, благословляющій младенца Іоанна, стоящаго благоговѣйно на колѣнахъ. Такой рисунокъ показываетъ ловкость художника въ изображеніи евангельскихъ словъ (Лука, I, 44): «Се бо яко бысть гласъ цѣлованія твоего во ушю моею, възграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ». Онъ избѣгнулъ затруднительности такой картины и не впалъ въ матеріализмъ западнаго искусства, который во время возрожденія достигъ крайнихъ предѣловъ. На картинѣ, сохраняющейся въ городѣ Ліонѣ, мысль одна и таже, но обстановка совершенно другая ²⁾. Но и этотъ опытъ греческаго художника, по видимому, не укоренился въ византійской иконографіи, потому что мы не имѣли случая встрѣчать другаго примѣра подобнаго изображенія—ни между греческими, ни между русскими памятниками.

Наконецъ профессоръ Шиперъ, по поводу русской иконы, подаренной Берлинскому музеуму, переходитъ къ изображенію крылатаго Предтечи, свойственно-

¹⁾ Хромофотографическій рисунокъ, въ увеличенномъ видѣ, приложенъ къ первому тому *Les arts somptuaires* (Paris. 4°. 1858). Неточность увеличеннаго рисунка замѣтна съ перваго взгляда; причемъ описаніе, сдѣланное г-мъ Луандромъ (*Texte Tome II* p. 75) отличается удивительнымъ невѣдѣніемъ первоначальныхъ даже понятій объ иконографіи.

²⁾ Didron Manuel. pag. 156 note 1 — *Hist. de Dieu*. planch. 71 page 263.

му также исключительно одной византийской, а за тѣмъ и русской иконографіи. Въ основаніи символическаго изображенія крылатаго Предтечи лежатъ слова изъ евангелія Марка (I, 2): «Яко же есть писано въ пророцѣхъ: се азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою». Изъ евангелія Матвѣя (XI, 9—10): «Но чесо изыдoste видѣти: пророка ли? ей глаголю вамъ и лишише пророка. Сей бо есть, о немъ есть писано: се азъ посылаю....» (тѣже слова у Луки, VII, 26—27). Отъ сюда видно, что на основаніи самаго евангелія стали рисовать Предтечу, какъ ангела, съ крыльями, и доказательствомъ справедливости этого мнѣнія можетъ служить надпись на серебряномъ диптихѣ Флорентинской крещальни: «Въ пустыню Божій ангелъ ведетъ тебя, ангела, хотя еще младенца». Другое еще подтвержденіе этого мнѣнія мы находимъ на знаменитомъ греческомъ кіотѣ въ городѣ Перпиньянѣ. Этотъ кіотъ хранится въ Доминиканскомъ монастырѣ и принесенъ былъ въ Перпиньянъ въ 1323 году, откуда послали нарочно въ 1370 монаха на Аѳонъ, принести переводъ съ греческихъ надписей кіота. Этотъ памятникъ, хотя подробно описанъ ¹⁾ въ сочиненіи Petri de Marca *Dissertatio de thesa reliquiis S. Ioannis bapt.* (въ его *Opuscula*. edit. Baluz) Parisiis. 1681. pag. 402; но, если онъ доселѣ сохранился, то, по важности своей для византийскихъ древностей, вполне достоинъ новаго описанія съ подробными рисунками всѣхъ изображеній. Обращаясь теперь къ тому подтвержденію, котораго мы искали на этомъ памятникѣ, мы находимъ, подъ изображеніемъ Предтечи съ крыльями слѣдующую надпись:

φέρεις πτέρυγας ὡς ἰσῶθεις ἀγγέλους,
ἔνυλος ὢν, ἄνυλος, ὡς σωτὴρ ἔφρ.

«Ты носишь крылья, какъ подобный ангеламъ, земнымъ сынъ, неземной, какъ Спаситель сказалъ».

Слова ἔνυλος и ἄνυλος (вмѣсто ἄνυλος) напоминаютъ древнѣйшее преданіе, будто бы Предтеча былъ не человѣкъ, а ангелъ, присланный съ неба и принявшій человеческое тѣло. Противъ такого преданія возсталъ уже Св. Кириллъ Александрійскій, объясняя, что евангелистъ Іоаннъ нарочно, въ опроверженіе такого повѣрія, написалъ (I, 6): «Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ». Одинаковымъ образомъ и Феодоръ Студитъ затрогиваетъ этотъ предметъ. Такія причины бесспорно достаточны для изображенія Іоанна Крестителя съ крыльями, и не нужно прибѣгать для объясненія такой иконографической особенности къ языческимъ воспоминаніямъ, какъ это сдѣлалъ г-нъ Дидронъ ²⁾. При этомъ мы добавимъ, что русская символика расширила значеніе крыльевъ, сдѣлавъ изъ нихъ символъ дѣвственности, и по этой причинѣ у насъ иногда изображаютъ съ крыльями Богородицу, Апостола Петра, Антонія и Θεодосія Печерскихъ и вообще всѣхъ другихъ святыхъ, которые провели жизнь въ безбрачїи.

Разсмотрѣвъ теперь тѣ исключительно византийскія черты иконографіи Предтечи, на которыя указалъ Проф. Пиперъ, мы еще болѣе чувствуемъ, какъ необходимо,

¹⁾ Pasiandi. I c. pag. 193. ²⁾ Manuel. pag. XLI; Hist. de Dieu, p. 73.

въ особенности съ точки зрѣнія русской иконописи, составить полную монографію Іоанна Крестителя. Изъ одного уже сравненія нашихъ памятниковъ съ византійскими мы пополнимъ пробѣлы между этими послѣдними и будемъ въ состояніи разубнать періоды постепеннаго развитія иконографическаго типа Предтечи. Эта послѣдовательность развитія легко замѣчается даже въ отдѣльной фигурѣ Іоанна, оставляя совершенно на сторонѣ его дѣянія. Личность его, стоящая звѣномъ между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, отличается по преимуществу призывомъ къ покаянію, и эта отличительная черта Предтечи составляетъ основную мысль его иконографіи. Такимъ образомъ, даже до 692 года, онъ является на изображеніяхъ, проповѣдывающимъ покаяніе и указывающимъ перстомъ на агнеца. Послѣ Трулскаго собора, въ силу запрещенія, греческое искусство замѣнило символическаго агнеца надписью. Памятники этого перваго періода вѣроятно не сохранились, или по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны; но за то памятники съ надписью дошли до насъ, и Пачіауди сообщаетъ намъ рисунокъ съ греческой иконы XIII вѣка. Креститель въ власяницѣ, лѣвою рукою держитъ длинный посохъ съ крестомъ на верху, а правую приподнялъ и открылъ въ знакъ проповѣди. Тутъ же, направо, надпись: *ὁδε ὁ ἀμνος τοῦ θεοῦ*. Начало надписи *ὁδε* ясно указываетъ на недостающаго символическаго агнеца. Такая же икона, но только поясная и съ крыльями, заимствована тѣмъ же Пачіауди изъ греческихъ святцевъ, отпечатанныхъ въ Венеціи въ 1625 ¹⁾. Одинакое одѣяніе, положеніе и посохъ находятся на мозаикахъ 642 года въ придѣлѣ Св. Венанція въ Римѣ. Изъ памятниковъ, изображенныхъ у Пачіауди мы видимъ: одного безъ крыльевъ, другаго съ крыльями, и тоже самое встрѣчаемъ мы на древнихъ русскихъ иконахъ. Изъ числа русскихъ иконъ, — тутъ мѣсто упомянуть о Предтечѣ, проповѣдующемъ и держащемъ въ лѣвой рукѣ свернутый свитокъ. Когда свитокъ свернуть, то по символизму, принятому даже въ катакомбахъ, онъ означаетъ право проповѣдывать слово Божіе ²⁾; но къ этому можно замѣтить, что свернутый свитокъ, *volupien*, какъ знакъ произносимой рѣчи или даже дара слова, въ древнемъ искусствѣ, помѣщался въ рукахъ Полимніи музы риторикѣ. У статуи Августа, въ Ватиканскомъ собраніи, мы также находимъ свитокъ въ лѣвой рукѣ ³⁾.

Вторую степень развитія типа Предтечи составляютъ, вѣроятно, иконы, на которыхъ переводъ сохранился одинъ и тотъ же, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ немъ болѣе указывается на слова Матвѣя (III, 2) о покаяніи, чѣмъ на слова Іоанна (I, 29) объ агнецѣ. Такимъ образомъ, обыкновенно на нашихъ иконахъ представляютъ Крестителя съ крыльями, но, вмѣсто креста, съ развернутымъ свиткомъ и съ надписью (Матв. III. 2); «покайтесь приближи бо ся царствіе небесное.» Такого перевода написана древняя икона Предтечи съ дѣяньемъ первыхъ новгородскихъ писемъ, пожертвованная въ Ярославль въ церковь Николы Надѣяна Іоанномъ Деметьевымъ Богомолковымъ въ 1551 году, какъ значится на надписѣ, вырѣзанной на окладѣ ⁴⁾.

¹⁾ I. c. pagg. 171 et 192. ²⁾ Martigny. Diction. pagg. 670.

³⁾ Museo Pio-Clemen. II, 45. ⁴⁾ Ровинскій Ист. р. шлоу икон. стр. 13.

Слѣдующее за тѣмъ развитіе типа Предтечи произошло отъ желанія еще нагляднѣе выразить близость царствія небеснаго. Въ лѣвую руку, которою держитъ свитокъ, помѣстили чашу съ предвѣчнымъ младенцемъ, при чемъ заимствовали, отъ древнѣйшаго перевода, указываніе на агнца. Такая икона, писанная грекомъ, сохранилась, какъ мѣстная, въ Предтеченской церкви на Опокахъ въ Новгородѣ, заложенной въ 1127 году княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ въ честь ангела своего старшаго сына Іоанна ¹⁾ Если даже допустить въ этой иконѣ переписки, то все таки очертаніе сохранилось древнее. Одинаковыхъ переводовъ находятся еще иконы въ Успенской церкви на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ ²⁾ и въ церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ. Потомъ допущено было отступленіе и отъ этого перевода, изобразивъ Предтечу, проповѣдающимъ и съ поднятою правою рукою, но болѣе неуказывающимъ на чашу. Къ такому разряду принадлежитъ мѣстная икона Предтечи въ церкви Рождества Пресв. Богородицы въ Десятинскомъ монастырѣ въ Новгородѣ. По письму икона принадлежитъ къ началу XV вѣка и потому могла быть храмовою иконою въ бывшей Предтечинской церкви основанной въ 1413 посадника въ году Иваномъ Морозовымъ ³⁾. Наконецъ, есть также переводъ, часто встрѣчающійся не только въ Россіи но и на всемъ востокѣ, извѣстный у насъ подъ названіемъ: «икона Іоанна Предтечи съ усѣиновеніемъ». Начало такого изображенія вѣроятно принадлежитъ также византійской иконографіи, потому что напоминаетъ греческую мозаику XI или XII вѣка, бывшую на фасадѣ монастыря Св. Георгія въ Палермѣ. При перестройкѣ монастыря въ 1769 году эта мозаика погибла, но рисунокъ съ нея, сообщенный ученому Пачіауди, сохранился въ его сочиненіи о Крестителѣ (стр. 27). Хотя рисунокъ такъ плохъ, что не имѣетъ даже слѣдовъ византійскаго искусства; овальная форма сіянія, какъ замѣтилъ Пиперъ, несоотвѣтствуетъ характеру памятниковъ этого вѣка, но, не смотря на это, въ общихъ очертаніяхъ, онъ передаетъ намъ вѣрно Палермскую мозаику и отъ того, при добросовѣстности Пачіауди, мы не можемъ допустить догадку почтеннаго профессора, что Іоаннъ креститель былъ представленъ съ крыльями, и мы даже увидимъ, что на такихъ переводахъ Предтеча помѣщался, безъ различія: то съ крыльями, то безъ крыльевъ. Предметъ самого изображенія объясняется двумя надписями. Іоаннъ Креститель—въ власяницѣ, съ длиннымъ кресчатымъ посохомъ, сложилъ руки и молебнo протянулъ ихъ къ Богу, къ которому также поднималъ взоры. У ногъ на блюдѣ лежитъ его отсѣченная голова. На небесахъ Іисусъ Христосъ (?) протягиваетъ къ нему руки. Передъ Предтечею на полѣ—надпись, изъ начала которой объясняется значеніе всей иконы,

¹⁾ Макарій. Опис. Новгорода 1, 287—293: Судя потому, что лѣтопись назначаетъ для построенія Предтеченской церкви одно лѣто, можно думать, что она не вновь была построена, а только возобновлена или перестроена верхняя часть ея.... «Противъ горняго мѣста въ нѣмѣ подъ карнизомъ стѣнное древнее изображеніе Іоанна Предтечи, указывающаго, въ чашѣ, на предвѣчнаго младенца съ предстоящими святителями Навятою и Іоанномъ Новгородскими, а надъ Предтечею Господь Саваоѣ и два ангела»—Акты Арх. Экспед. I стр. 248.

²⁾ Макарій 1, 364 Заложена въ 1135 году, окончена въ 1144.

³⁾ тамъ же. I, 312, прим. 172; II, 119: «Икона сія, по древности и твердой кисти письма, можетъ быть признана за одну изъ лучшихъ новгородскихъ иконъ безъ нововленія.»

обращаясь ко Христу, Іоаннъ говоритъ: «Смотри какъ страдаютъ, о Слово Божіе, тѣ которые хулятъ дѣла злыхъ (людей), и какимъ образомъ они отсѣкли мнѣ голову.» Далѣе надпись становится непонятною. Въ несчастію, сравненіе этой мозаики съ писанною иконою, изданною въ прибавленіи къ сочиненію Гори ¹⁾, на которой тоже находится совершенно одинаковая надпись, не можетъ намъ пояснить наше затрудненіе, потому что конецъ надписи и на писанной иконѣ совершенно не разборчивъ. На обоихъ памятникахъ предметъ изображенія одинъ и тотъ же, но въ подробностяхъ существуютъ различія. Предтеча на иконѣ въ власняницѣ и въ одинаковомъ положеніи, какъ на Палермской мозаикѣ; но, кромѣ посоха съ крестомъ, держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ съ надписью, о которой было вышеупомянуто. У ногъ отсѣченная глава. На небесахъ Спаситель въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ, а правою благословляетъ. Слова обѣихъ надписей напоминаютъ намъ одну изъ тѣхъ, которыя помѣщены на кіотѣ въ Перпиньянѣ: «Какъ должны мы тебя звать: Пророкомъ, Ангеломъ, Апостоломъ или Мученикомъ.» Пассери объясняютъ происхожденіе этого перевода словами, находящимися въ службѣ Іоанну Крестителю. Совершенно почти подобный переводъ, но только со всѣми признаками конца XVII и даже начала XVIII вѣка, находится въ иконографическомъ собраніи Д. А. Ровинскаго. Креститель безъ крыльевъ, молебнo приподнялъ руки, держа въ лѣвой свитокъ. На небесахъ Христосъ на богатомъ престолѣ, окруженномъ ангельскими чинами, благословляетъ Предтечу, а въ лѣвой рукѣ также держитъ свитокъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ переводомъ находится икона Предтечи съ усѣкновеньемъ. На ней Предтеча держитъ въ чашѣ не предвѣчнаго младенца, а собственную отсѣченную голову. Такія двѣ иконы находятся въ Новгородскихъ церквахъ, въ Покровской въ Кремлѣ и Θεодора Стратилата на Софійской сторонѣ ²⁾. Подобное также изображеніе сообщается Дидрономъ ³⁾, по стѣнописи монастыря Кайсаріани на горѣ Гиметтѣ. Наконецъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній строгановскаго иконописца XVII вѣка Власа, представляетъ Предтечу съ усѣкновеньемъ и находится въ Ярославлѣ, въ церкви Св. Ильи Пророка. Эта икона написана въ 1651 году ⁴⁾.

Мы теперь указали на любопытные памятники, описанные въ статьѣ Г-на Пипера, затронувъ, при этомъ, вопросъ о возможности опредѣленія періодовъ въ иконографіи Предтечи, сравненіемъ греческихъ и русскихъ изображеній; изъ очерка берлинскаго археолога мы можемъ почерпнуть убѣжденіе въ необходимости ученой разработки отечественной иконографіи, которая прольетъ новый свѣтъ не только на степень процвѣтанія искусствъ въ Россіи, но даже и на развитіе просвѣщенія въ тѣ времена.

гр. А. Уваровъ.

¹⁾ Thesaurus. Passer Exposit. 1759. pagg. 17 Tab. III. ²⁾ Маваріи I, 212. пр. 172; II, 118. ³⁾ Hist de Dieu род. 72. ⁴⁾ Ровинскій стр. 24 и 134.

1. Henry Barbet de Jouy, *Les mosaïques chrétiennes des basiliques et des églises de Rome*. Paris, Didron. 1857 8°. стр. XXX и 142.

2. L'abbé Crosnier, *Ravenne et ses monuments*, напечатано въ Bulletin monumental, publié par M-r de Caumont, Paris. 1859 томъ 25-ой стр. 514 — 566 и 665—691.

3. L. Vitet, *Les mosaïques chrétiennes de Rome. Coup d'oeil sur les origines de l'art moderne*. Напечатано въ его: *Etudes sur l'Histoire de l'art. Première série*. Paris. Lévy. 1864. 12°. стр. 197—301.

4. John Henry Parker, *Mosaic pictures in Rome and Ravenna, briefly described. With diagrams*. Oxford and London. James Parker. 1866. 8°. стр. 50. Съ полнотипажими и двумя литографіями.

Со времени возрожденія занятій памятниками древне-христіанскаго искусства, возрожденія, происшедшаго почти въ наши дни, изученіе древне-христіанскихъ мозаикъ не сдѣлало большихъ успѣховъ. Оно далеко не подвинулось впередъ такъ, какъ изученіе многихъ другихъ вѣтвей христіанскаго искусства, и старинное сочиненіе объ этомъ предметѣ Чіампини, написанное въ XVII-мъ столѣтіи, до нынѣшняго дня остается въ этой области классическимъ. Причины этого явленія весьма понятны: мозаики должны быть изучаемы на мѣстѣ. Только немногіе ученые имѣли счастье и возможность быть въ Италіи; большинство же публики не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ величавомъ впечатлѣніи, которое производятъ эти памятники, потому что до сихъ поръ мы не имѣемъ снимковъ лучшихъ мозаикъ Италіи, сколько нибудь удовлетворяющихъ строгимъ требованіямъ науки. Такое положеніе объясняетъ временное пренебреженіе, въ которомъ находится знаніе этой важной вѣтви древне-христіанскаго искусства.

По мнѣнію автора перваго изъ сочиненій, заглавія которыхъ выписаны въ началѣ этой статьи, древнѣйшія мозаики Рима находятся не въ базиликахъ «вѣчнаго города», построенныхъ Константиномъ Великимъ. Ихъ должно отыскивать въ подземныхъ катакомбахъ, окружающихъ Римъ; тамъ, говоритъ г. де Барбе, безъ сомнѣнія, существуютъ мозаики старше IV вѣка. Едва ли мнѣніе это справедливо: уже техника мозаичнаго искусства, требующая долгаго времени для исполненія, вѣроятно не могла допустить этотъ родъ украшенія катакомбъ въ вѣка преслѣдованія церкви. Только съ торжествомъ христіанской вѣры, въ тѣ времена, когда начали украшать гробницы славныхъ мучениковъ надписями въ стихахъ, начертанными на мраморныхъ доскахъ, могъ возникнуть этотъ, медленный по своему производству, живописный способъ украшенія стѣнъ. Но что древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ мозаикъ принадлежатъ временамъ Константина Великаго, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Съ IV вѣка начинается тотъ непрерывный рядъ христіанскихъ мозаикъ въ городахъ Римѣ, Равеннѣ и Визелеемѣ, котораго всю важность понялъ еще Чіампини. Этотъ Итальянскій ученый XVII вѣка, въ двухъ сочиненіяхъ (*Vetera monumenta, in quibus praecipue musiva opera sacrarum profanarumque aedium structura ac nonnulli antiqui ritus dissertationibus iconibusque illustrantur*. Roma. 1690—1699. 2 тома

in fol. и de sacris aedificiis a Constantino Magno exstructis. Romae. 1693. in fol.), описалъ и издалъ въ гравюрахъ на мѣди замѣчательнѣйшія мозаики трехъ вышеуказанныхъ городовъ. Но какъ ни безмолечно важна историческая часть его изслѣдованій, столь неудовлетворительны рисунки, приложенные къ его сочиненіямъ. Они не только не даютъ ровно никакого представленія о рисункѣ и стилѣ мозаикъ различныхъ эпохъ, но даже отличаются иногда неточностью. Исполненіе ихъ рѣшительное дѣтское. Въ особенности слабы рисунки, изображающіе знаменитыя мозаики церквей Равенны. По слѣдамъ Чіампини пошелъ Кардиналъ Фуріетти въ своемъ сочиненіи: *De musivis Romae*. 1752. 4°, но онъ не приложилъ къ своему тексту никакихъ гравюръ, кромѣ нѣсколькихъ орнаментовъ. Равною неудовлетворительностію отличаются снимки въ большомъ сочиненіи д'Аженкура: *Histoire de l'art par les monuments, depuis la décadence au IV siècle jusqu'à son renouvellement*. 6 vol. Paris. 1823. fol. Болѣе отчетливыя изображенія мозаикъ римскихъ базиликъ были впервые изданы въ сочиненіи Бунзена: *Die Basiliken des christlichen Roms, nach der zeitfolge geordnet, erklärt und in ihrem Zusammenhange mit Idee und Geschichte der Kirchenbaukunst dargestellt*. München. 1843. fol.

Авторы новыхъ сочиненій о мозаикахъ Рима и Равенны, исчисленные въ заглавіи этой библиографической замѣтки, или вовсе не представляютъ рисунковъ или, подобно аббату Бронье и г. Паркеру, довольствуются полиטיפажами, снятыми въ уменьшенномъ видѣ съ гравюръ сочиненія Чіампини. Это не дѣлаетъ чести современной страсти иллюстрировать книги, господствующей особенно въ Англіи. Двое изъ этихъ писателей, французъ Барбе де Жуи и англичанинъ Паркеръ, издали свои книги съ единственною цѣлью служить своимъ соотечественникамъ гидами при осмотрѣ мозаичныхъ картинъ, о которыхъ обыкновенные путеводители едва упоминаютъ и никогда не описываютъ подробно. Г. Барбе де Жуи описалъ съ большою точностью и подробностью въ изданной имъ книжкѣ мозаики Рима. Онъ обѣщалъ рядъ подобныхъ же описательныхъ каталоговъ о мозаикахъ Милана, Равенны, Венеціи, Палермо и Флоренціи, но, къ сожалѣнію, не сдержалъ своего слова и, вѣроятно, болѣе не сдержитъ. Новыя занятія по службѣ въ Луврскомъ музеѣ, кажется, дали иное направленіе его трудамъ. Г. Паркеръ, два раза посѣтившій Италію, желалъ оказать ту же самую услугу своимъ многостранствующимъ соотечественникамъ, но къ описанію римскихъ мозаикъ прибавилъ описаніе и равеннскихъ. Оба автора находятся въ полной зависимости отъ Чіампини. По мнѣнію г. Барбе, мозаика въ 4-мъ вѣкѣ, подобно всѣмъ вѣтвямъ античнаго искусства, уже совершила свое назначеніе. Съ Константина Великаго начинается эпоха упадка искусства и древне-христіанскія мозаики суть монументальныя намѣстники этого постепеннаго паденія. Этотъ взглядъ на развитіе древне-христіанскаго искусства заимствованъ у Чіампини; онъ понятенъ въ писателѣ, воспитанномъ въ идеяхъ эпохи возрожденія; но трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ изученіе древне-христіанскаго искусства въ наше время не привело г. Барбе къ инымъ убѣжденіямъ. Въ такой же рабской зависимости отъ своего учителя находится и г. Паркеръ. Несамостоятельность, съ которою онъ составилъ свое сочиненіе, лучше всего доказывается тѣмъ, что когда вышли три новыя сочиненія, о которыхъ

я сейчас упомяну, съ болѣе самостоятельными взглядами на значеніе разныхъ мозаикъ, онъ увидѣлъ себя принужденнымъ прибавить къ своему труду appendix, совершенно противурѣчащій тому, что онъ говорилъ выше и составляющій цѣлую четверть его книги.

Гораздо болѣе самостоятельности, новыхъ и живыхъ воззрѣній находится въ обширной статьѣ г. Вите, написанной по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія г. Барбе де Жуи. Это писатель, не только знакомый съ исторіею искусства, но и наглядно слѣдившій за историческимъ развитіемъ стили въ искусствѣ. Только долговременный навыкъ и постоянное воспитаніе глаза могутъ развитъ это чувство, врожденное отъ природы. (Одною ученостію его нельзя пріобрѣсть. Умозаключенія о времени происхожденія памятника, выведенныя изъ однихъ признаковъ стили, могутъ привести къ столь же неопровержимымъ результатамъ, какъ и открытіе надписи или факта въ лѣтописяхъ. Блестящее доказательство этой истины находится въ статьѣ г. Вите. Къ лучшимъ страницамъ его труда принадлежитъ разборъ мозаикъ церкви Св. Констанціи въ Римѣ, которыя онъ относитъ, не смотря на странныя умолчанія г. Барбе, всецѣльно къ временамъ Константина Великаго. Но всего убѣдительнѣе и ученѣе написаны страницы, посвященныя мозаикѣ церкви Св. Пуденціаны. Извѣстно, что мнѣнія о времени происхожденія этой мозаики были весьма различны: въ то время, какъ одни полагали, что она можетъ принадлежать IV-му вѣку, другіе смѣло утверждали, что она относится ко временамъ Папы Адріана и, для подтвержденія этого мнѣнія, даже создавали какую то эпоху прогресса искусства въ Римѣ во время правленія этого наслѣдника Св. Петра. Г. Барбе самъ сознается, что только послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшился принять преданіе о происхожденіи этой мозаики при Адріанѣ: такъ пораженъ былъ онъ красотою и величіемъ стили этого произведенія. Извѣстно, какъ восхищался имъ знаменитѣйшій живописецъ Франціи, Пуссенъ. Г. Вите сталъ на сторону горячихъ защитниковъ происхожденія этой мозаики во времена Константина Великаго: онъ самый краснорѣчивый изъ нихъ. Но что открылъ глазъ знатока, прилежно изучавшаго одинъ художественный стиль этого произведенія, то подтвердилъ своими археологическими открытіями Дж. Б. де Росси. Надписи, открытыя этимъ археологомъ въ самой церкви Св. Пуденціаны, доказываютъ, что уже около 380 года по Р. Х. эта церковь имѣла полный причетъ, а между 390—398 годами этотъ первоначальный домъ сенатора Пуденса былъ увеличенъ пристройками, которыя, вѣроятно, дали этой церкви тотъ объемъ, который она сохранила до нынѣшняго дня, несмотря на всѣ позднѣйшія перестройки. Наконецъ, описаніе мозаикъ церкви Св. Пракседы въ сочиненіи Г. Вите такъ замѣчательно, что г. Паркеръ увидѣлъ себя вынужденнымъ перевести его цѣликомъ (стр. 46—48).

Знаменитыя мозаики церквей и базиликъ города Равенны, безъ сомнѣнія, не могли не обратить на себя вниманія новѣйшихъ путешественниковъ. И, въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ много подобныхъ описаній; къ замѣчательнѣйшимъ принадлежитъ ученый и добросовѣстный трудъ фонъ-Кваста: *Die altchristlichen Bauwerke von Ravenna von V-ten bis zum IX Jahrhundert, historisch geordnet und durch Abbildungen erläutert. Mit 10 Tafeln. Berlin. 1842. fol.* Но какъ ученый архитекторъ, авторъ

старался положить прочное и научное основание архитектурной истории памятниковъ Равенны, что онъ и исполнилъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, и въ этой области болѣе новыя изслѣдованія расширили нашъ кругозоръ. Изъ мозаикъ равенскихъ г. фонъ-Квастъ обратилъ всего болѣе вниманіе на передачу, въ хромофотографическихъ снимкахъ, мозаикъ гробницы Галлы Плацидіи; двѣ мозаики церкви Св. Виталии издалъ (на таблицѣ 10-ой) англичанинъ г. Галли Найтъ въ превосходномъ своемъ изданіи: *Ecclesiastical architecture of Italy from the time of Constantine to the XV century*. London. 1842. 2 тома. fol. Но если сравнить изображенія супруги Императора Юстиніана—Теодоры и ея двора съ неизданнымъ снимкомъ, находящимся у насъ подъ руками, то нельзя не убѣдиться, что и изданіе Найта не передаетъ типа мозаикъ равенскихъ. Мозаикъ церкви Св. Аполинарія *intra muros* г. фонъ-Квастъ вовсе не передаетъ, хотя онѣ достойны самаго роскошнаго изданія. Извѣстно, что онѣ послужили первообразомъ превосходному религіозному живописцу Фландрену для созданія одного изъ самыхъ его вдохновенныхъ произведеній. Аббатъ Кронье, въ выше названной статьѣ, довольно подробно описалъ и мозаики равенскія. Въ сужденіяхъ своихъ онъ менѣе зависитъ отъ Чіампини, чѣмъ гг. Барбе и Паркеръ, по иллюстраціи его изъ рукъ вонъ плохи. Онъ иногда высказываетъ новые и вѣрные взгляды на значеніе нѣкоторыхъ фигуръ въ этихъ мозаикахъ.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ описаніе римскихъ и равенскихъ мозаикъ, находящееся въ превосходной исторіи итальянской живописи, написанной гг. Кроу и Кавальказелле: *A new history of painting in Italy from the second to the sixteenth century*, London. 1864—66. 3 vol. Хотя описаніе мозаикъ составляетъ только часть введенія къ этому обширному труду, но въ высшей степени достойны вниманія археологовъ замѣчанія авторовъ о реставраціяхъ, произведенныхъ позднѣйшими вѣками въ этихъ памятникахъ древне-христіанскаго искусства. Опытный глазъ г. Кавальказелле, собирателя матеріаловъ этого сочиненія, отмѣтилъ все то, что измѣнило характеръ этихъ произведеній. При обсужденіи времени происхожденія мозаикъ, эти замѣчанія должны быть взяты въ соображеніе; иначе неопытный археологъ можетъ впасть въ грубыя ошибки.

Въ послѣднее время кругъ нашихъ свѣдѣній о мозаичной живописи расширился вслѣдствіе обнаруженія нѣсколькихъ новыхъ монументальныхъ памятниковъ, которые до сихъ поръ оставались неизданными. Сюда относится изданіе мозаикъ Восточнаго и города Палермо. Графъ де Вогюэ въ сочиненіи своемъ: *Les églises de la Terre Sainte*. Paris, Didron. 1860. 4° издалъ въ новыхъ снимкахъ мозаики базилики въ Вилеємѣ. Г. Тексье, въ великолѣпномъ въ типографскомъ отношеніи изданіи своемъ: *L'architecture byzantine ou recueil des monuments des premiers temps du Christianisme en Orient*. Londres 1864. fol. познакомилъ насъ, хотя, къ сожалѣнію, и не въ вполнѣ точныхъ копіяхъ, съ мозаиками церковей Св. Георгія и Св. Софіи въ Солуни. Г. Зальценбергъ, въ превосходномъ, добросовѣстномъ и отчетливомъ трудѣ своемъ: *Alt-christliche Denkmale Constantinopels vom V bis XII Jahrhundert. Nebst Atlas mit 40 Tafeln*, Berlin, 1853. fol., въ точныхъ снимкахъ, представилъ намъ нѣкоторыя изъ мозаикъ церкви Св. Софіи въ Константинополѣ. Падре Гравина на-

часть издание византийских мозаикъ, украшающихъ соборъ въ Монреалѣ, близъ Палермо, въ Сициліи, подъ заглавіемъ: *Il duomo di Monreale. Palermo. 1863*. Это превосходно исполненное издание чрезвычайно важно для занимающихся археологіею древне-русскаго искусства, потому что содержитъ въ себѣ цѣлый циклъ библейскихъ сюжетовъ, исполненный византийскими художниками XII вѣка. Изданіе этихъ древне-христіанскихъ памятниковъ значительно расширяетъ кругъ нашихъ свѣдѣній о мозаичной живописи. До сихъ поръ онъ былъ тѣсно ограниченъ однимъ западнымъ мозаичнымъ искусствомъ; теперь мы знакомимся съ памятниками Востока, съ характеромъ византийской мозаичной живописи. Но и въ этой отрасли остаются еще обширные пробѣлы, восполнять которые есть задача археологической науки ближайшей будущности. Для примѣра я укажу на одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ византийскаго мозаичнаго искусства временъ Императора Юстиніана, находящійся на отдаленномъ Востокѣ. Церковь Синайскаго монастыря освящена во имя Преображенія Господня. Мозаика на сводѣ этой церкви изображаетъ Преображеніе: по срединѣ Спаситель, по правую Его руку—Моисей, по лѣвую—пророкъ Ілія; внизу три апостола, въ числѣ коихъ Св. Петръ. Цѣлое окружено бордюромъ, состоящимъ изъ ряда поясныхъ изображеній пророковъ, апостоловъ и святыхъ. Надъ каждымъ изображеніемъ написано имя святаго греческими буквами. Надъ мраморною стѣною абсиды находятся портреты Юстиніана и его супруги Теодоры. Выше портрета Императора изображенъ Моисей, стоящій на козлахъ передъ неопалимою купиною; на противоположной сторонѣ—Моисей пріемлетъ скрижали закона. Если бы эти мозаики были изданы достойнымъ образомъ, то нашъ запасъ монументальныхъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства обогатился бы однимъ изъ древнѣйшихъ изображеній Преображенія Господня и новымъ портретомъ Юстиніана. Тогда мы обладали бы тремя подлинными и современными изображеніями этого великаго дѣятеля: портретомъ въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ, другимъ—въ монастырской церкви на горѣ Синаѣ и третьимъ, вѣроятно изображающимъ его въ преклонныхъ лѣтахъ—въ церкви Св. Софіи въ Константинополѣ.

К. Гѣрцъ.

V. Jagić. *Starine i njihovo značenje, s obzirom na ono, što je u zagrebačkom narodnom muzeju*. (Статья, помѣщен. въ журналѣ *Književnik*. Godina III (1866). svezka 1, стр. 48—74 съ таб. рисунковъ).

Статья Ягича, сколько намъ извѣстно, есть первое сочиненіе на славянскомъ языкѣ о доисторической монументальной старинѣ юго-славянскихъ земель. Авторъ съ одной стороны хотѣлъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ современнымъ состояніемъ археологической науки и тѣмъ возбудить ихъ соревнованіе къ изслѣдованію и сохраненію памятниковъ родной старины, съ другой—имѣлъ въ виду представить сжатый обзоръ раскопокъ и случайныхъ находокъ древностей Сербо-Хорватской земли. Не смотря на краткость, первая половина статьи—можетъ быть названа

вполнѣ удачной: устранивъ частности и многіе спорные вопросы, авторъ представляетъ ясный очеркъ каменной и бронзовой европейской старины, исчисляетъ важнѣйшіе памятники, различныя орудія, украшенія и т. д. не упуская изъ виду ни одного, существенно важнаго, вопроса; изъ частныхъ пунктовъ особенно отчетливо рассмотрѣнъ имъ вопросъ о первобытной металлической культурѣ индо-европейскихъ племенъ: какъ лингвистъ, Ягичъ даетъ полную силу свидѣтельствамъ языка, признавая, что эти племена еще до прихода въ Европу, были знакомы съ металлами (золотомъ, серебромъ и мѣдью), съ желѣзомъ Славяне познакомились позднѣе, когда, составляя еще одно цѣлое съ Литвою, они уже разошлись съ нѣмецкимъ племенемъ; вообще, что касается Славянъ, то языкъ несомнѣнно свидѣтельствуешь, что въ эпоху своего бытовое единства, они знали золото, серебро, олово, желѣзо, мѣдь, искусство ковать и т. д. Каменными древностями небогаты юго-славянскія земли: въ загребскомъ народномъ Музеѣ хранится всего пять вещей, и изъ нихъ только два орудія собственно изъ Хорватіи: топорикъ изъ змѣвика и сѣкира изъ серпентина; судя по формѣ и отдѣлкѣ ихъ, Ягичъ полагаетъ, что они произошли уже въ эпоху металлическую, чему мы наклонны вѣрить, такъ какъ и въ иныхъ мѣстахъ Европы встрѣчаются каменные орудія, выработанныя съ помощію металлическихъ. Рѣдкія мѣста варварской Европы заключаютъ въ себѣ столько памятниковъ римскаго владычества, какъ земли южныхъ Славянъ. Памятники эти уже осмотрѣны и ежегодно осматриваются наукою съ достаточною полнотою и вниманьемъ, тогда какъ памятники инаго происхожденія — до сихъ поръ лишь случайно привлекали мысль и трудъ археолога. Ягичъ преимущественно обратилъ вниманье на эти послѣдніе, на древности собственно хорватскія т. е. найденныя на этой мѣстности, онъ обозрѣваетъ ихъ въ топографическомъ порядкѣ, изъ нихъ — многія очевидно классическаго (римскаго) происхожденія, другія — не римскаго и совершенно сходны съ вещами, открываемыми въ средней и сѣверной Европѣ, таковы напр. кельты, которые впрочемъ встрѣчаются въ юго-славянскихъ земляхъ — да и вообще въ южно-европейскихъ — очень рѣдко, спиральные завитки, витые браслеты, кольца, шейныя гривны и т. д. Къ статьѣ приложенъ отчетливый рисунокъ бронзовыхъ древностей, находящихся въ загребскомъ Музеѣ. При всей своей сжатой краткости, обозрѣніе Ягича весьма важно для всей славянской археологической науки: оно представляетъ до сихъ поръ единственный сводъ свѣдѣній о древностяхъ, открытыхъ въ землѣ Сербовъ-Хорватовъ; кромѣ свѣдѣній, полученныхъ имъ непосредственно, онъ заимствовалъ богатый матеріалъ изъ отчетливой «хроники археологическихъ открытій въ Австрійской Монархіи», непрерывно (съ 1849 г.) издающейся (Зейдлемъ, Кеннеромъ) въ повременникѣ Вѣнской академіи: «Archiv für Kunde Österreich. Geschichts-Quellen». Замѣтимъ при этомъ, что древности, открытыя въ Австріи до 1828, довольно подробно рассмотрѣны въ статьяхъ Штенбюхеля: «Alterthümer in der österreich. Monarchie», помѣщенныхъ въ *Jahrbücher der Literatur* т. 45 и слѣд., впрочемъ древности эти — почти исключительно римскія! Вполнѣ раздѣляемъ мы также и мнѣніе Ягича, что рано еще — по такимъ скуднымъ остаткамъ старины, дѣлать какіе нибудь общіе выводы и заключенія: но если къ заслугамъ славянскаго археолога принадлежитъ и тщательное

изслѣдованіе матерьяла науки и возбужденіе любви, вниманья и уваженія къ ней въ публикѣ, то, со стороны автора разбираемой статьи, сдѣлано — думаемъ — не мало для упроченія за собой такой заслуги.

А. К.

Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи, статья Н. И. Срезневскаго. s. l., 8°. 40 стр. (Ж. М. Пр. за Янв.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы читали извѣщеніе, что г. Срезневскій готовить изданіе славяно-русской палеографіи. Трудъ этотъ до сихъ поръ не появился въ свѣтъ; но жалѣть о такомъ замедленіи — едва ли стануть тѣ, которымъ извѣстны и громадная трудность предпріятія, и стремленіе автора принять къ соображенію какъ можно большее количество памятниковъ, и наконецъ — разнообразіе его ученой дѣятельности: изъ отчетовъ Академіи Наукъ и изъ трудовъ автора, печатаемыхъ въ Запискахъ Академіи и другихъ изданіяхъ — видно, съ какимъ неусыпнымъ постоянствомъ онъ увеличиваетъ свой палеографическій запасъ новыми открытіями, соображеніями и изслѣдованіями; стало быть — о замедленіи не можетъ быть и рѣчи, когда чрезъ это — столь много выигрываетъ наука. Время отъ времени — однако — г. Срезневскій предварительно знакомитъ публику и съ нѣкоторыми частями своего палеографическаго труда, такъ въ Извѣстіяхъ 2-го отд. Академіи Наукъ (т. IX вып. 3-й, стр. 161—170) мы находимъ его «Палеографическія замѣтки», съ весьма важнымъ и новымъ наблюденіемъ на счетъ связи кирилловскаго письма съ греческимъ, въ изданіи г. Прохорова «Христіанскія древности» (1864, № 2 и 3, стр. 15—36, 57—72) помѣщенъ его палеографическій очеркъ: «Древнія русскія книги», въ которомъ сжато, но точно изложены данныя касательно внѣшняго вида рукописей, цѣнности ихъ встарину, письма ихъ, правописанія, знаковъ препинанія и наконецъ — ихъ языка; къ такого же рода предварительнымъ запискамъ должно отнести и «Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи». Предметъ этотъ еще прежде былъ осмотрѣнъ авторомъ въ статьѣ «палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности» (Извѣст. 2-го отд. Ак. Н. т. VI стр. 257—275), такъ что нынѣшняя статья можетъ быть разсматриваема, какъ второе, дополненное и переработанное, изданіе предыдущей. Въ началѣ авторъ говоритъ о палеографіи и палеографическихъ работахъ вообще, потомъ обзрѣваетъ русскія палеографическія работы отъ конца XVIII в. до настоящаго времени, наконецъ предлагаетъ краткія свѣдѣнія о палеографическихъ работахъ у западныхъ Славянъ. Имѣя въ виду лишь Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи, авторъ не столько дорожилъ библиографической полнотой указаній, сколько общей оцѣнкой того, что сдѣлано по предмету, впрочемъ и со стороны библиографической полноты — опущенія въ статьѣ очень незначительны и просто случайны. Отмѣчаемъ нами замѣченныя: сводная палеографическая азбука Кеппена съ XI по XV ст. съ объяснит. нѣмецкимъ текстомъ (Bulletin hist. phil. de l'Acad. т. V, № 3. 1848), изъясненія зна-

ковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ — Тромонина. М. 1844, палеографическіе снимки пок. Ундольскаго, подобно снимкамъ Сахарова въ свѣтъ не вышедшіе и извѣстные лишь немногимъ, замѣчательная статья Лелевеля: *Dodatek do pisma Daniłowicza o katalogu biblioteki Tołstowa: o dyplomatyce Ruskiej*, со снимками съ грамотъ и опытомъ сводной азбуки русскаго письма XII—XV вв. (перепечатана въ его «*Polska, dzieje i przeszłość*». т. V. стр. 391—415, по русски, въ сокращеніи, передана И. Д(аниловичемъ?) въ Московскомъ Вѣстникѣ Погодина, 1829 г. № 3). Вотъ — и все, сколько нибудь стоящее вниманія! Для археолога, цѣнящаго важность исправныхъ, толковыхъ изданій памятниковъ письменной старины, особенно поучительны и любопытны будутъ критическія замѣчанія опытнаго автора, каково напр. то, что къ числу неудачныхъ приѣмовъ изданій памятниковъ принадлежатъ: «1, — печатаніе вариантовъ отдѣльно отъ печатаемаго текста, вслѣдъ за нимъ; 2, — печатанье одного памятника по многимъ спискамъ отдѣльно, хотя бы памятникъ и повторялся въ нихъ дословно» (стр. 20); такія изданія — по мнѣнію автора, не столько облегчаютъ, сколько затрудняютъ палеографа, — и не только палеографа — позволимъ мы себѣ сказать, но и историка, и археолога, и всякаго, кто захотѣлъ бы какъ должно воспользоваться памятникомъ для ученыхъ цѣлей. Хотя въ нашей литературѣ и существуютъ многіе образцы превосходныхъ изданій памятниковъ, но есть и такіе ... и ихъ не мало наберется даже за послѣднія 5—10 лѣтъ, — которые показываютъ, что правильные приемы изданія — для нѣкоторыхъ представляютъ еще закрытую книгу. Въ виду этого — ради пользы науки древности — нельзя не пожелать, чтобы кто нибудь, искушенный знаніемъ и опытомъ, взялся за составленіе объяснительной инструкціи для изданія памятниковъ письменной старины: дѣло — не трудное, но какое плодотворное!

А. К.

Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. 1-ый, изд. подъ редакціей В. Ламанскаго. Спб. 1867. 8°, 750 стр., 1 рис.

«Записки» рус. географическаго общества по отдѣленію этнографіи составляютъ прямое продолженіе «Этнографическаго сборника» (1853—64 г. всего — 6 томовъ) измѣнилось — главнымъ образомъ заглавіе, но составъ изданія остался тотъ же: какъ и въ «Этнографическомъ Сборникѣ», такъ и въ 1-мъ т. «Записокъ» — находится не мало интереснаго и важнаго и для науки русской древности. Указываемъ на то, что — по нашему мнѣнію, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія. Статья г. Микуцкаго «Наблюденія и замѣчанія о Лѣто (=Летто) — славянскомъ языкѣ сравнительно съ прочими арійскими языками, (стр. 543 — 613) относится собственно къ сравнительной лексикографіи; но важна и для археолога, потому что, сравнивая слова, раскрывая коренное ихъ значеніе, авторъ входитъ во многія объясненія и предметовъ древности, таковы напр. его замѣтки о названіяхъ металловъ (стр. 568), о первоначальной архитектурѣ Славянъ (580), о погребальной древности

сти ихъ (589), о значеніи слова *жуּпа*, *жуּпанъ*, подтверждающемъ мысль Я. Гримма о томъ, что главнѣйшіе термины владѣнія, власти вышли изъ быта пастушескаго (*Gesam. Schr. I. p. 122* и слѣд.); замѣчанія о нѣкоторыхъ славяно-литовскихъ мѣологическихъ именахъ и т. д.; но не все однако въ статьѣ г. Микуцкаго одинаково важно: многія сближенія и словопроизводства — потому и самыя объясненія предметовъ — сомнительны; не мало и такихъ, которыя, не смотря на свою привлекательность, должны быть признаны совершенно невѣрными, напр. стр. 603: слово *хлѣбъ* производится отъ *хлѣ* (ѣ?) *бать*, и отсюда выводится заключеніе, что, наши праотцы, подобно древнимъ римлянамъ (?), употребляли *хлѣбъ* въ жидкомъ видѣ». Указаніе было бы важно, еслибы было справедливо: слово *хлѣбъ* — не славянскаго, а чужаго происхожденія, именно готскаго: *hlaiþs*. На стр. 588 говорится: «у западныхъ Славянъ платы т. е. куски ткани, холста, полотна замѣняли деньги при покупкѣ и продажѣ, — отсюда платить». Такое — впрочемъ не новое, производство основано на случайномъ созвучіи: слово *платъ*, *платно*, *полотно* — не имѣетъ ничего общаго съ *платить*: происходя отъ корня *prath = extendi*, оно ведетъ за собой цѣлый рядъ производныхъ славянскихъ словъ: ц. сл. *пъртъ* пол. *ragt*, рус. *порты*, — *ной*. На стр. 570 мы — къ нашему крайнему удивленію — встрѣчаемъ даже производства имени древнихъ Скифовъ и Скоротовъ отъ *скытатися* и *колотитися* т. е. толкаться, шататься, слоняться!! Вообще, при множествѣ вѣрныхъ сближеній и замѣчаній — статья Микуцкаго представляетъ столь много произвольнаго и невѣрнаго, что пользоваться ею изслѣдователь можетъ только подъ условіемъ самой крайней осторожности, къ тому же еще, на читателя болѣе чѣмъ непріятно подѣйствуетъ и то, оскорбительное для чувства истины, пренебреженіе, съ какимъ авторъ относится о нѣмецкой наукѣ въ области языка: со стороны г. Микуцкаго — это двойная несправедливость! Двѣ статьи «Записокъ» касаются русскихъ юридическихъ древностей, именно: ст. г. Муллова «Нѣсколько словъ о матеріалахъ для объясненія народнаго юридическаго быта» (стр. 617 — 635) и г. Матвѣева: «Что сдѣлано у насъ по обычному праву» (стр. 539 — 652). Вопросъ объ этомъ предметѣ поставленъ не наукою, но самою жизнью, именно новыми судебными учрежденіями, потому и въ способѣ воззрѣнія на него какъ въ двухъ названныхъ статьяхъ, такъ и въ «Программѣ для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданной Этнографическимъ отдѣленіемъ въ 1864 году — замѣчается по преимуществу практическое, приложимое къ жизни, направленіе. Не станемъ отрицать важнаго значенія такого взгляда, но позволимъ себѣ думать, что практика не потерпѣла бы оттого, если бы воззрѣніе на предметъ расширилось и стало бы въ болѣе независимыя отношенія отъ юридическихъ рубрикъ Свода Законовъ, а сколько выиграла бы наука — объ этомъ и говорить нечего. Въ своемъ бытѣ народъ не отличаетъ юридическаго, правнаго начала отъ обычая, потому во многихъ его обычаяхъ, на взглядъ образованнаго юриста лишенныхъ всякаго правнаго значенія, сохраняются драгоцѣнныя юридическія черты, драгоцѣнныя именно въ отношеніи археологическомъ. Мы разумѣемъ здѣсь преимущественно юридическую символику и позволяемъ себѣ съ этой точки зрѣнія привести нѣсколько примѣровъ: «Программа» упоминаетъ о

жребіѣ, но только по отношенію къ крестьянскому суду, какъ объ одномъ изъ судебныхъ доказательствъ; поставленный въ такой зависимости отъ юридическаго института, жребій теряетъ свое широкое бытовое, а вмѣстѣ и историко археологическое — значеніе: въ жизни этотъ символъ употребляется не только, какъ судебное доказательство, но и какъ способъ рѣшенія многихъ случаевъ, какъ гаданіе, или — въ видѣ нарѣзки, бирки, — какъ знакъ собственности или лица, какъ обыкновенный способъ счета предметамъ домашняго хозяйства; тоже самое должно сказать и о клятвахъ и вообще о всѣхъ юридическихъ символахъ: «Программа» смотритъ на нихъ, какъ на явленія, зависимаыя отъ извѣстныхъ юридическихъ институтовъ; тогда какъ, давъ имъ самостоятельное мѣсто, она способствовала бы къ обогащенію всей науки бытовой древности, нисколько не отступая отъ своей частной цѣли. Объяснимся: на стр. 23 «Программа» говоритъ о дареніи, но только какъ о юридическомъ способѣ пріобрѣтенія собственности; поставимъ вопросъ шире: о дареніи, какъ явленіи быта: когда и при какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни происходитъ обычное дареніе, какіе при этомъ наблюдаются приемы и обрядности? Отвѣчая на эти вопросы мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычное дареніе (при рожденіи, свадьбѣ) производится не деньгами, а вещами и не отъ недостатка средствъ, а по обычаю.., не ясный ли остатокъ старинной мѣновой эпохи жизни? Даримое движимое первоначально вѣшалось, привязывалось на шею или на руку того, кому дарили (отсюда нѣмецк. an-gebinde), въ нашемъ народномъ бытѣ повсемѣстны слѣды такого древняго значенія подарка, напр. при свадьбахъ: ленты, полотенца (ручники), рубашка жениху, платки друзьямъ, свахѣ, шуба съ плеча и тд.; на всѣ подобныя явленія ни «Программа», ни указанная двѣ статьи «Записокъ» не обращаютъ вниманія, потому что эти предметы не принадлежатъ къ праву съ точки зрѣнія «Свода Законовъ», но къ юридическимъ древностямъ они принадлежатъ несомнѣнно, а потому нельзя и не пожелать, чтобы на нихъ было обращено большее вниманье; нашимъ читателямъ мы можемъ рекомендовать въ этомъ отношеніи 2 статьи: Я Гримма «О поэзіи въ правѣ» *Zeitschrift Savigny. t. II*, перев. по русски въ «Сынѣ Отеч. и Сѣв. Ар.» 1831 г. № 39 — 43) и г. Афанасьева: «Юридическіе обычаи» (Биб. д. Чтенія 1865, № 7 — 8.). Юридическія древности имѣютъ такое важное научное значеніе, что мы предполагаемъ вскорѣ снова возвратиться къ нимъ по поводу статьи хорватскаго ученаго Богишича: «о важности собранія народныхъ славянскихъ юридическихъ обычаевъ» (*Književnik. God. III sv. 1—3*), статьи, заслуживающей вниманья столько же историка права, сколько и археолога. Продолжаемъ, прерванный невольнымъ отступленіемъ, нашъ отчетъ «Записокъ по отд. этнографіи». Статьи гг. Муллова и Матвѣева, не смотря на практическую точку зрѣнія и отсутствіе особенно новыхъ свѣдѣній, все же достойны остановить на себѣ вниманье изслѣдователя древности: первая — прекраснымъ сводомъ имѣющихся данныхъ на счетъ доказательствъ народнаго суда, вторая — довольно полнымъ критико-библіографическимъ обзоромъ того, что сдѣлано у насъ по обычному праву (разумѣется — въ тѣсномъ значеніи послѣдняго слова). Статья г. Аристова: «Преданія о кладахъ» представляетъ лишь нѣсколько страницъ изъ

огромнаго запаса народныхъ сказаній о кладахъ, но страницъ любопытныхъ и важныхъ потому что достовѣрныхъ; передавая лишь факты, авторъ уклоняется отъ главнѣйшихъ объясненій; впрочемъ, на стр. 711 — 12 мы находимъ догадку, раздѣлить которую мы не можемъ, авторъ говоритъ: «кажется, со времени татарскаго владычества на Руси, преданія о кладахъ начинаютъ преимущественно приурочиваться къ курганамъ». Сравнительное изслѣдованіе народныхъ преданій убѣждаетъ насъ, что такое приуроченіе совершилось гораздо ранѣе, еще въ незапамятную эпоху: оно было слѣдствіемъ общей локализациі воздушныхъ мифовъ: прежнія небесныя горы (=облака), полныя золота и драгоцѣнныхъ камней (= молнія, отчасти = солнце, переведены были въ народномъ сознаніи на землю, на земныя горы, курганы, — естественно, что народное воображеніе помѣстило кладъ въ курганѣхъ. Не бесполезна для науки древности и статья, г. Дешко: «Свадьба на Угорской Руси», хотя въ ней мы и не встрѣтимъ никакихъ особенно новыхъ фактовъ старины, отмѣтимъ только слѣдующіе символическіе обряды: на другой день послѣ свадьбы молодая и молодой умываются, причемъ первый вытираетъ лицо верхнею частью рубахи своей жены, а она также — рубахою своего мужа, за тѣмъ молодая идетъ въ комнату, кропитъ стѣны, входитъ въ чуланъ и садится тамъ на ярмо, держа въ рукѣ обернутую въ обручальный платокъ чашку съ водкой, такъ сидитъ она до той поры, пока не снимутъ съ нея чепецъ и не повяжутъ ея головы бѣлымъ платкомъ (стр. 704). Символическое значеніе рубашки понятно: она ближайшій предметъ къ тѣлу человека, а какъ личность, существованіе лица понималось встарину тѣлеснымъ образомъ (отсюда синонимы нѣм. *leib* и *leben*, слав. животъ = *venter* и животъ = *vita*, жизнь), то понятно, почему рубашка стала символомъ внутренней стороны человѣческаго существованія и знаменовала въ этомъ обрядѣ взаимную тѣснѣйшую связь и любовь; въ связи съ этимъ стоитъ и обычай окутывать новорожденного младенца отцовскою рубашкой, для того, чтобы другъ друга любили т. е. въ знакъ единенія ихъ; что касается до сидѣнія на ярмѣ, то оно — есть видимый символъ супружеской жизни, откуда и самое слово супруги (сопрягать = связывать ярмомъ пару воловъ, лошадей, потомъ людей, жениться). У Римлянъ дѣйствительно новобрачные запрягались въ ярмо, откуда и слово *conjugium*, по свид. Тацита (Герм. 18) женихъ дарилъ невѣсту парой заярмованныхъ быковъ. Изъ произведеній народной словесности, помѣщенныхъ въ «Запискахъ» самымъ замѣчательнымъ и важнымъ должно признать объемистый сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ г. Носовича. Есть, впрочемъ, въ «Запискахъ» и такія произведенія, о которыхъ недоумѣешь: зачѣмъ они нашли мѣсто въ серьезномъ изданіи, таковы — за вычетомъ немногихъ № — байки, басенки, побасенки и скороговорки, они бесполезны и для науки и для всякаго другаго употребленія. Прочія статьи «Записокъ» — не относятся къ предмету русской древности.

А. К.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ДРЕВНОСТИ МОГИЛЬ.

До сихъ поръ приблизительная древность могилъ опредѣлялась: а) матеріаломъ и характеромъ вещей, въ нихъ погребенныхъ, б) какимъ нибудь найденнымъ въ нихъ памятникомъ съ ясною историческою помѣтою, напр. монетою, надписью, вещью, принадлежащею къ исторически опредѣленному времени, в) согласіемъ письменныхъ извѣстій съ результатами раскопки, напр. извѣстій Геродота съ раскопками скинскихъ кургановъ, наконецъ — г) народными преданіями. Отстранивъ послѣднее, какъ источникъ смутный, почти всегда недостоверный, и два предыдущія обстоятельства, какъ явленія рѣдкія, потому исключительныя, останется лишь первый приемъ, какъ имѣющій силу общепринятаго археологическаго доказательства; но, верный въ общихъ чертахъ, онъ является слишкомъ широкимъ въ частныхъ примѣненіяхъ и не устраняетъ многочисленныхъ, почти повсемѣстныхъ, исключеній: прежде всего онъ имѣетъ не общую, но частную этнографическую силу, въ предѣлахъ одной народности, онъ не можетъ опредѣлить даже приблизительныхъ хронологическихъ отношеній между могилами различныхъ, географически отдѣльныхъ племенъ, такъ какъ сплошь да рядомъ встрѣчается, что одинъ народъ давно уже пользуется бронзою и желѣзомъ, тогда какъ одновременно съ нимъ другой, часто географически отъ него недалекій, еще удовлетворяетъ свои потребности исключительно костью и камнемъ, далѣе этотъ приемъ опредѣленія древности могилъ по характеру и матеріалу вещей оказывается рѣшительно недействительнымъ для странъ, гдѣ одни народы — кочевники смѣнялись другими, приносившими съ собою свою собственную культуру: мѣста, до того занятые племенами желѣзной культуры, могли быть оставлены ими, могли снова заселиться новыми пришлецами, знавшими только мѣдь и бронзу, наконецъ — не всегда действителенъ этотъ приемъ и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о могилахъ одного какого нибудь вѣка, напр. бронзоваго, потому что подъ этимъ именемъ, даже относительно одной извѣстной мѣстности, собирается иногда много различныхъ столѣтій и народныхъ особей, изъ которыхъ не каждая, исторически позднѣйшая, владѣетъ и болѣе высшею степенью развитія, большимъ развитіемъ художественнаго вкуса и техники, да и въ развитіи одной и той же народности возможны временное огрубѣніе вкуса, упадокъ искусства. Очевидно, что такой способъ опредѣленія древности могилъ — слишкомъ широкъ и неопредѣленъ и находитъ примѣненіе лишь въ нѣкоторыхъ,

такъ сказать — археологически счастливыхъ мѣстностяхъ и случаяхъ, какъ напр. на сѣверѣ Европы. Вѣрно и несомнѣнно, что вообще употребленіе камня предшествовало мѣди и бронзѣ, а эти послѣднія — желѣзу, но несомнѣнно также и то, что такіа хронологическія помѣты слишкомъ общи, чтобы удовлетворить археолога, допытывающагося о болѣе точныхъ періодахъ жизни этнографически опредѣленныхъ племенъ. Въ недавно появившемся трудѣ г. ак. Рупрехта: «гео = ботаническія изслѣдованія о черноземѣ» (X томъ Записокъ Академіи наукъ) мы встрѣтили иной, новый способъ опредѣленія относительной древности могилъ, который — на нашъ взглядъ — въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ важнымъ археологическимъ открытіемъ. Мы изложимъ его содержаніе съ исключительно археологической точки зрѣнія (у г. Рупрехта вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія гео-ботанической) и въ заключеніе позволимъ себѣ общую оцѣнку его археологическаго значенія. Относительная древность могилъ черноземныхъ полосъ можетъ быть опредѣлена по толщинѣ черноземнаго слоя. Настоящій, перенесенный и нетронутый черноземъ всегда представляетъ собою продуктъ болѣе древней растительности, оставшейся вообще до сихъ поръ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Онъ образовался повсюду сухимъ путемъ отъ истлѣванія и гніенія роскошной степной растительности, отъ постоянного просачиванія въ самый верхній слой дилувія, а позже и безъ просачиванія, съ этимъ согласно правильное увеличеніе перегноя къ поверхности земли и отсутствіе большихъ минеральныхъ кусковъ и зеренъ. Образовываясь постепеннымъ путемъ, черноземъ даетъ средство опредѣлить древность страны (= почвы); чѣмъ толще при одинакихъ обстоятельствахъ слой его, тѣмъ старше страна, отсутствіе чернозема указываетъ на болѣе юный возрастъ, хотя бы страна имѣла значительную высоту надъ поверхностью океана; въ настоящее время толщина чернозема указываетъ только относительный возрастъ почвы, такъ какъ еще пока невозможно опредѣлить хронологически постепенное нарастаніе толщи чернозема. Вотъ гео-ботаническій законъ образованія почвы, въ общемъ онъ неизмѣненъ; но въ частныхъ примѣненіяхъ онъ дополняется слѣдующими замѣчаніями: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черноземной полосы нѣтъ чернозема по слѣдующимъ причинамъ: а) онъ смытъ со склоновъ и б) его не бываетъ на одной сторонѣ (всегда низшей) оврага, между тѣмъ какъ на противоположной высшей сторонѣ черноземъ лежитъ иногда слоемъ фута въ два толщиной; в) чернозема не бываетъ вообще на низменныхъ мѣстахъ, которыя покрывались дерномъ позже, особенно по берегамъ многихъ рѣкъ, у которыхъ прежде было болѣе широкое ложе; г) его нѣтъ на всѣхъ новыхъ и молодыхъ, хотя и высокихъ мѣстахъ; д) его часто не бываетъ на чистомъ пескѣ; е) черноземъ не образуется на сырыхъ и болотистыхъ почвахъ, также, какъ и въ лѣсу; на нѣкоторыя другія частныя условія мы не указываемъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ указанные частные случаи — общій законъ имѣетъ свою полную силу и, руководясь наблюденіемъ его археологъ можетъ опредѣлить относительную древность могилъ черноземной полосы: онъ долженъ измѣрить толщу нетронутаго чернозема, лежащаго окрестъ могилы и подъ нею (такъ какъ старинныя могилы почти всегда насыпались на материкъ или по крайней мѣрѣ — на части его), разность между первою толщею и послѣднею — дастъ

признакъ относительной древности могилы, эта разность может быть до нѣкоторой степени повѣрена измѣреніемъ толщи перегнойнаго слоя кургана, сравнительно съ черноземомъ окрестной мѣстности, но лишь при совершенно одинакихъ физическихъ и историческихъ условіяхъ и для окрестной почвы, и для кургана; при этомъ, такъ какъ часто кора кургановъ содержитъ менѣе перегноя, чѣмъ слой такой же толщины въ первобытной почвѣ, необходимо опредѣлить количественное отношеніе между органическими составными частями того и другой—посредствомъ химическаго анализа, т. е. объемъ перевести на вѣсъ, и пропорція приведетъ въ соотвѣтствіе видимую разность наростшей толщи кургана съ разностью, полученной отъ измѣренія толщей чернозема свободной и насыпью задушенной почвы. Открытіе, въ высокой степени важное! Руководясь имъ, археологъ можетъ распределить курганы черноземной полосы по ихъ относительной древности и съ большимъ, чѣмъ было доселѣ, правомъ относить ихъ къ извѣстнымъ, уже историческимъ эпохамъ и даже народностямъ, потому что для опредѣленія древности нѣкоторыхъ кургановъ существуютъ уже несомнѣнныя абсолютно-хронологическія данныя напр. для кургановъ скинскихъ, для иныхъ кургановъ съ опредѣленными монетами. Установивъ нѣкоторыя абсолютныя данныя курганной хронологіи, изслѣдователь будетъ въ состояніи размѣстить между ними другіе, безъ извѣстныхъ, курганы по ихъ относительной древности, способомъ г. Рупрехта, историческія и археологическія указанія помогутъ въ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ исторіи и народности могилъ — и такимъ образомъ, курганная археологія получитъ полную силу и значеніе опредѣленно-достовернаго историческаго источника, чего до сихъ поръ она вообще не имѣла за отсутствіемъ твердыхъ хроно и этнологическихъ основаній. Само собою разумѣется, что до такого значенія курганографія дойдетъ лишь тогда, когда будетъ собрано достаточное число наблюденій и правильныхъ раскопокъ. Возможно ли абсолютное опредѣленіе древности черноземныхъ могилъ, помимо историческихъ указаній? Ак. Рупрехтъ не сомнѣвается въ томъ, что оно вообще возможно относительно наростающаго черноземной почвы, стало быть возможно — и относительно могилъ; но желательно было бы, чтобы при такихъ важныхъ изслѣдованіяхъ за исходные пункты принимались не смутныя народныя преданія, а точныя историко-хронологическія памятники и данныя. Отсылая нашихъ читателей за примѣрами геоботаническаго опредѣленія относительной древности могилъ къ тому отдѣлу сочиненія г. Рупрехта, гдѣ говорится «о свойствѣ растительнаго слоя на древнихъ могилахъ», заключимъ наше извѣстіе словами автора, которымъ отъ всей души желаемъ возможно большаго вниманія со стороны археологовъ: «теперь повсюду беспокоятъ мертвыхъ, чтобы узнать ихъ древность. Желательно было бы, чтобы при археологическихъ раскопкахъ было обращено вниманіе и на растительный слой древнихъ могилъ, на поверхности, подъ насыпомъ и около нихъ, потому что это даетъ ключъ къ абсолютному опредѣленію времени гораздо болѣе древнихъ періодовъ».

А. К

НОВООТКРЫТЫЯ ЧЕРНОМОРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Г. Падренъ де-Карне недавно напечаталъ (Моск. Вѣд. 1867. № 49) извѣстіе о замѣчательныхъ древностяхъ, открытыхъ на мѣстѣ древней Нимфеи (Таврической губерніи, Теодосійскаго уѣзда), самые рисунки ихъ (въ фотографическихъ снимкахъ) онъ сообщилъ графу Е. П. Тышkevичу, который, съ своей стороны—обязательно доставилъ ихъ намъ для обнародованія. Помѣщаемъ здѣсь важнѣйшія изъ изображеній вмѣстѣ съ объясненіемъ г. Падрена де-Карне.

Временно-обязанные крестьяне упомянутой мѣстности, раскапывая, въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1866 года, находящійся въ ихъ участкѣ курганъ, открыли каменную, довольно безобразную могилу, въ которой, между прочимъ, нашли: двѣ золотыя серьги, восемь розетокъ, десять зеренъ для ожерелья, перстень, одиннадцать пуговицъ того же металла и искусно обдѣланный сердоликъ.

Рис. 1.

Рис. 2.

Какъ одна, такъ и другая серьга представляютъ оленя, на которомъ сидитъ богиня, безъ всякаго сомнѣнія, Таврическая Діана. Олени и изображенія богини изъ чистаго, дутаго золота ажурной работы. Они изображены бѣгущими въ противоположныя стороны. Каждая серьга вѣситъ 8 граммовъ. На рисункѣ представлена одна серьга съ обѣихъ сторонъ. Розетки, каждая величиной съ обыкновенную пуговицу съ филиграннымъ вѣнчикомъ, ничего особеннаго не выражаютъ.

Перстень съ подвижною печатью, въ которой камня уже нѣтъ, а только видѣнъ остатокъ цемента (рис. 3). Ожерельныя зерна величиною съ плодъ средней величины крыжовника; они какъ будто составлены изъ двухъ чашечекъ, украшенныхъ филигранною работою. Пуговицы объемомъ и формой напоминаютъ ягоду черники; въ ушкѣ каждой пуговицы находится подвижное колечко.

Сердоликъ, длиной почти въ $\frac{3}{4}$, а къ діаметръ $\frac{1}{4}$ вершка, имѣетъ форму полуцилиндра, съ маленькою продольною скважиной. По обѣ стороны ребра, въ кругловатыхъ впадинахъ, можно видѣть превосходно вырѣзанныя гравюры: Аполлона и Гerkулеса въ борьбѣ за треножникъ (рис. 4).

Рис. 3

Рис. 4

Работа этихъ вещей вообще чиста и въ высшей степени тонка, что свидѣлствуетъ о цвѣтущей эпохѣ. Вышній видъ богини красивъ и пріятенъ. Волосы у ней расположены кочками, вѣнчающими ея голову, на подобіе діадемы. На нижней части тунки, въ которую она одѣта, видны рисунки и украшенія подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ описаніяхъ Гомера. Единственный атрибутъ этой Діаны или Гекаты, кромѣ оленя, связка факеловъ, которую она держитъ на колѣняхъ одною рукой, между тѣмъ какъ другою опирается на рога животнаго. На прекрасной шеѣ богини, при помощи увеличительнаго стекла, кажется, что вы видите нитку настоящихъ жемчуговъ.

Въ настоящее время, прибавимъ мы — вещи эти находятся въ рукахъ частнаго лица, совершенно равнодушнаго къ ихъ археологическому и художественному значенію, но далекъ не равнодушнаго къ матеріальной ихъ цѣнности; потому ради науки — нельзя не пожелать, чтобы они перешли въ какое нибудь общественное, для всѣхъ доступное, хранилище.

ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ К. А. МОРЛО

Февраля 16-го скончался въ Бернѣ извѣстный швейцарскій археологъ Карлъ Адольфъ Морло, на 47 году своей жизни. Смерть застала его въ то время, когда онъ готовялъ къ изданію обширный и — нѣтъ сомнѣнія — самый значительный изъ своихъ археологическихъ трудовъ — о древностяхъ Мекленбурга. По своей специальности Морло былъ естествоиспытатель, именно — геологъ: въ 1851—53 г. онъ читалъ курсъ геологіи въ Лозанской Академіи, къ занятіямъ же собственно ар-

хеологическимъ — его вызвали неожиданныя открытія швейцарскихъ свайныхъ построекъ. Изученіе — *ex ipso fonte* — свайныхъ древностей вскорѣ убѣдило его въ необходимости поближе познакомиться съ однородными открытіями на сѣверѣ Европы; съ этою цѣлью, въ 1858 году, онъ предпринялъ поѣздку въ Швецію и Данію; изслѣдовавъ какъ самые памятники, такъ и обширную литературу предмета, Морло — по возвращеніи на родину — представилъ обществу натуралистовъ (*société Vaudoise des sciences naturelles*) обширный мемуаръ о геолого-археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Даніи и Швейцаріи (*Etudes géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse*, помѣщ. въ *Bulletin de la Soc. Vaud. d. sciences naturel.* t. VI, № 46, стр. 261—328; L. 1860). Первая часть Мемуара состоитъ изъ сжатаго популярнаго очерка геологическихъ и археологическихъ открытій на сѣверѣ Европы и изложенія изслѣдованій, сдѣланныхъ по этому поводу Томсеномъ, Ворсѣ, Нильсономъ, Стенструпомъ и др., вторая же — имѣетъ самостоятельное ученое значеніе: Морло входитъ здѣсь въ подробное сравненіе древностей свайныхъ построекъ съ сѣверными и выводитъ отсюда нѣкоторые общіе историко-этнологическіе результаты, всегда любопытные, остроумные и во многихъ случаяхъ — вполнѣ убѣдительные, потому что осторожные. Несмотря на быстрые успѣхи свайной археологіи, мемуаръ Морло на долго еще сохранить свое значеніе: это не только лучшая доселѣ, самостоятельная популяризація предмета, но и ученый серьезный трудъ, гдѣ читатель на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ и твердую, осторожную зрѣлость мысли натуралиста и остроуміе сближеній археолога. Къ сожалѣнію, трудъ Морло не пользуется въ наукѣ достаточною извѣстностью по причинѣ — совершенно внѣшней: онъ напечатанъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и авторъ не успѣлъ сдѣлать втораго изданія. Въ томъ же (1860) году Морло читалъ публичный курсъ доисторическихъ древностей въ Лозанской Академіи, изъ него было напечатано лишь вступительное чтеніе (*Leçon d'ouverture d'un cours sur la haute Antiquité*, 2 изданіе, переведено на итальянскій, нѣмецкій и англійскій яз.) и полная программа курса. По содержанію онъ сходенъ съ предшествующимъ сочиненіемъ, только авторъ имѣлъ большую возможность избѣжать специальныхъ частныхъ послѣднихъ и распространиться о томъ, что не нашло въ немъ мѣста, таковы напр. объясненія общихъ приѣмовъ изслѣдованія и высокаго значенія археологической науки. Нравственная мысль, руководившая Морло въ его курсѣ, прекрасно выражена заключительными словами программы: «Un progrès lent, mais constant, par voie des changements continus,—tel est le principe réjouissant que nous révèle archéologie en déroulant l'évolution de l'humanité, comme nous révèle la géologie en exposant le développement du monde!»

Какъ въ «Этюдахъ», такъ и во «Вступительномъ чтеніи» мы находимъ подробное объясненіе важнаго открытія Морло касательно хронологіи доисторической древности, изложеніе его сущности читатель найдетъ въ статьѣ ак. Бэра (Акад. Кал. 1864), который отозвался, что для древнѣйшихъ временъ человѣчества — это единственный доселѣ способъ счисленія, заслуживающій довѣріе. Не мало и статей большого объема, касающихся различныхъ предметовъ ископаемой древности, напе-

чатано было Морло, указываемъ на важнѣйшія изъ намъ извѣстныхъ: «Les premiers pas dans l'étude de la haute Antiquité soit des tems antéhistoriques» (въ изд. Actes de la Societe jurassienne d'émulation. 1863) — обзоръ и оцѣнка трудовъ Горе, Комона, Томсена и Нильсона, «Sur la découverte de l'Amerique par les Phéniciens» (нап. тамъ же) — по поводу стеклянныхъ цвѣтныхъ бусъ, найденныхъ въ сѣверной Америкѣ и — по мнѣнію Морло, принадлежащихъ къ финикійской работѣ, здѣсь же замѣчаніе о существованіи въ Америкѣ древнѣйшей цивилизаціи мѣднаго вѣка, который предшествовалъ вѣку бронзы; «Une date de chronologie absolue en géologie» (Bib^l. Universelle, 1862, livr. d'Avril.) — дальнѣйшее объясненіе хронологическаго открытія автора на разрѣзѣ холма, образованнаго отложеніемъ рѣчки Тиньеры; «Résumé du V-me Rapport du D-r Keller sur les établissements lacustres» (Bulletin de l'Institut national genevois 1863); «Quelques remarques sur Hallstatt» (Materiaux pour l'histoire de l'Homme ed. p. Mortillet т. 2-ой, стр. 233—8) — общія историко-археологическія разсужденія о древностяхъ, открытыхъ въ этой мѣстности; «Pierres à écuellés» (ibid. p. 257—91).

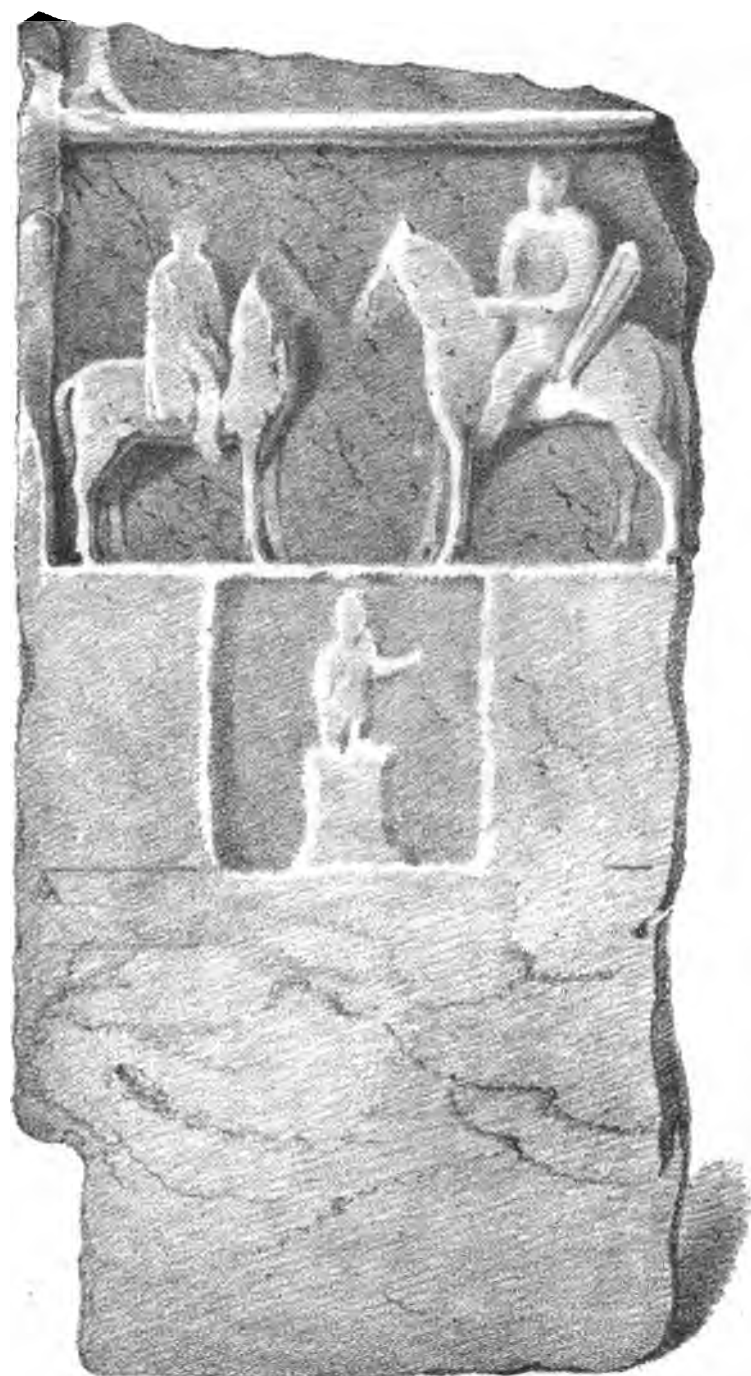
Въ 1865 г. Морло предпринялъ другую поѣздку на сѣверъ, въ Мекленбургъ, съ цѣлью продолжать свои изслѣдованія по мѣстнымъ древностямъ: еще и прежде богатый Музей и обширныя, точныя предварительныя изслѣдованія Лиша подавали ему мысль написать сочиненіе о древностяхъ Мекленбурга сравнительно съ древностями средней Европы, этому труду ревностно отдался онъ въ послѣднее время своей жизни, но успѣлъ напечатать только два небольшіе отрывка изъ него: «Sur la meule à aiguiser de l'âge de la pierre» и «Sur le passage de l'âge de la pierre à l'âge du bronze» (Mater. II, p. 350 и слѣд., 286 и сл.). оконченъ ли цѣлый трудъ, будетъ ли онъ изданъ въ свѣтъ — не извѣстно, но наука — конечно — много приобрѣтетъ, когда онъ будетъ изданъ хоть въ неоконченномъ видѣ: изъ всѣхъ европейскихъ археологовъ Морло исключительно отличался умѣніемъ свести частности къ общимъ знаменателямъ, сблизить ихъ между собою и сдѣлать осторожные выводы; нѣсколько такихъ замѣтокъ и наблюденій вполне могутъ оправдать появленіе въ свѣтъ сочиненія неоконченнаго и отрывочнаго.

Съ 1865 г. (23 февр.) Морло былъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества.

А. К

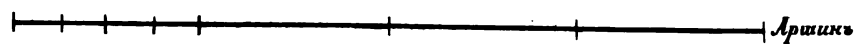
Corrigenda. На стр. 31-ой, въ статьѣ П. И. Лерха, стр. 8 снизу — замѣчена слѣдующая, искажающая смыслъ, ошибка, напечатано: *мозла*, слѣдуетъ читать: *тѣсла*.

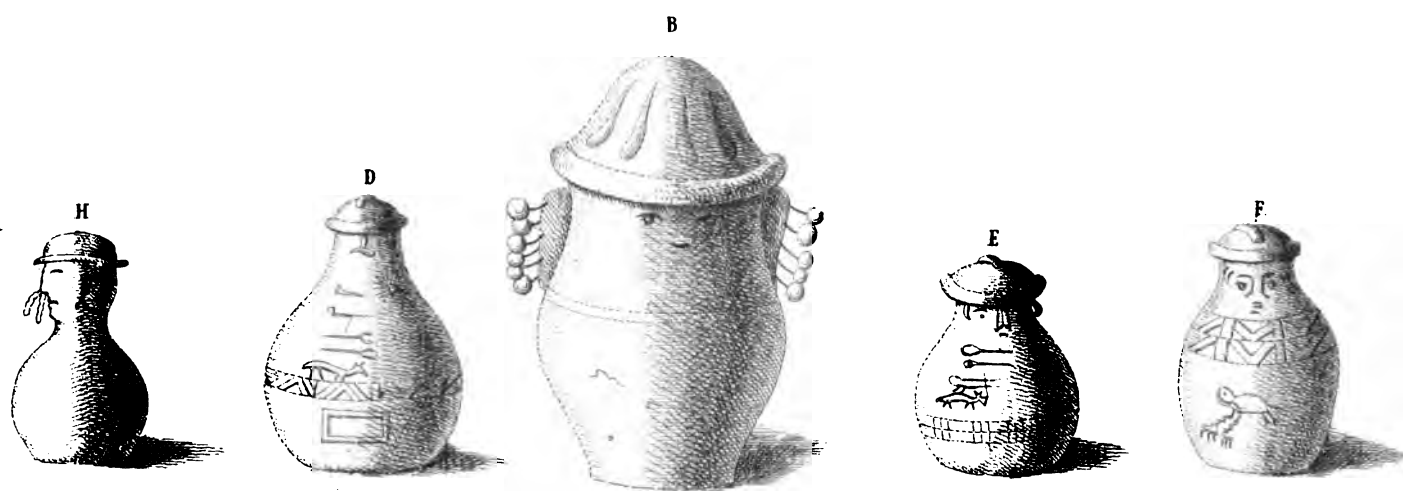
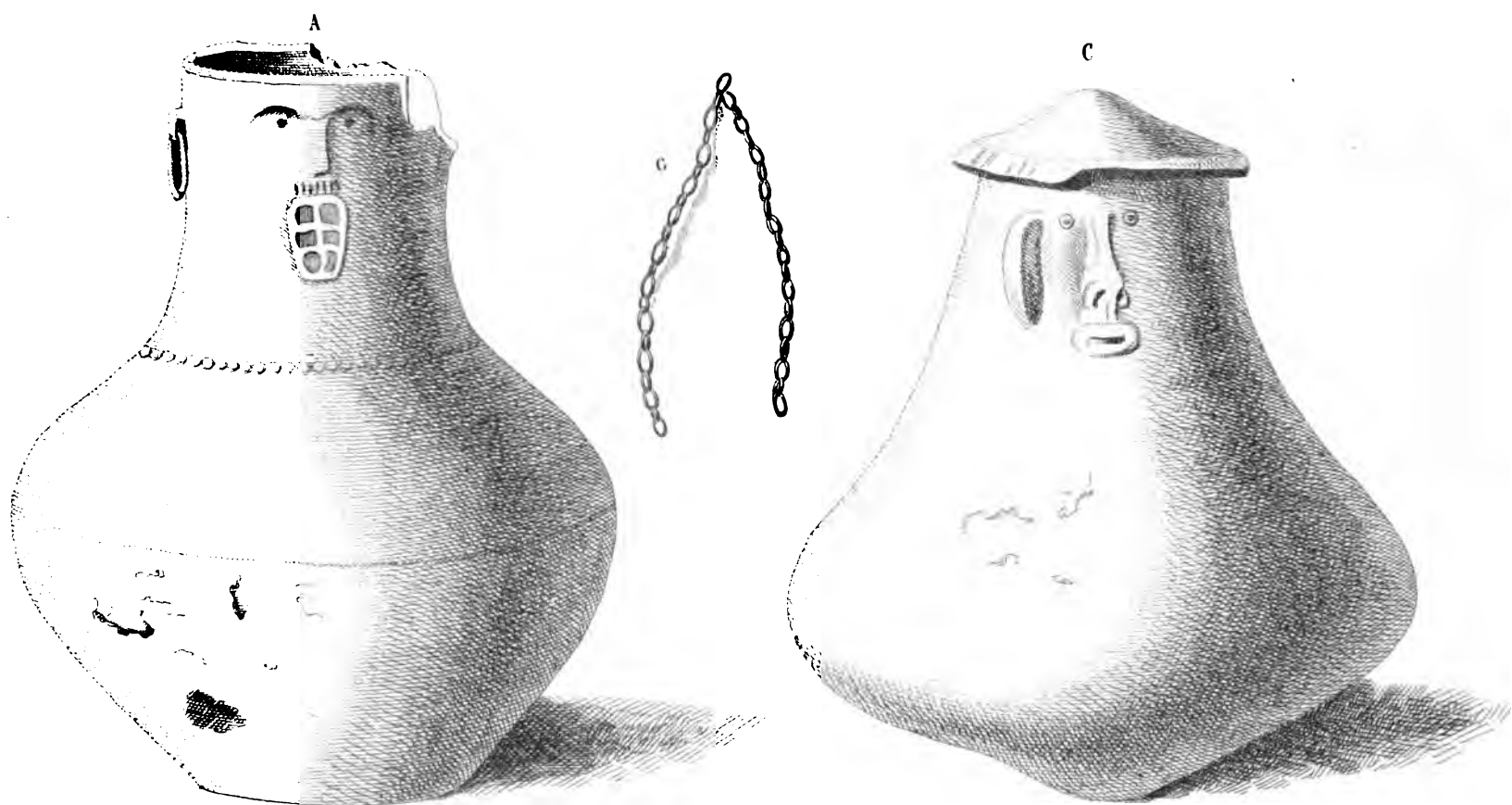

1.

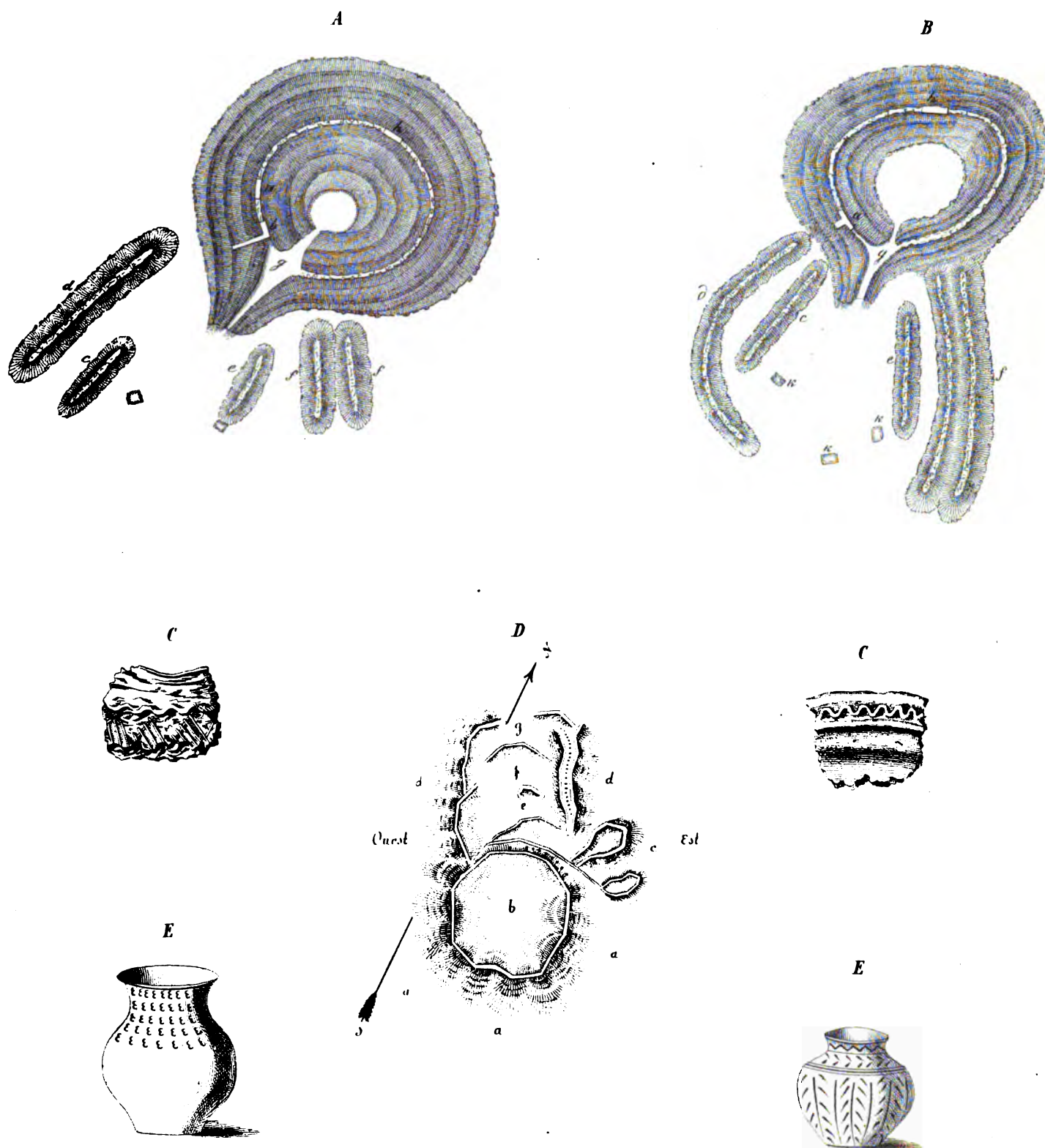

2.

Sam. Wank. 1811. on 11. Mecklen.

Sum. Menkouroukan at Meckes.

био исследуетъ онъ вопросъ о положеніи Иерихона, Александріума и гробницы Іисуса Навина, къ которой относятся прилагаемые къ брошюрѣ два рисунка. Книга напечатана въ Иерусалимѣ, въ типографіи монаховъ французскаго ордена.

Hermes. Zeitschrift für classische Philologie. Unter Mitwirkung von R. Herscher, A. Kirchhoff, Th. Mommsen herausgegeben von Hübner. Zweiter Band. Erstes heft, Berlin. Weidmann. 1867. 8°, стр. 160.

Ученое періодическое изданіе, предпринятое при сотрудничествѣ знаменитаго историка Моммсена, продолжается (второй годъ) появляться въ свѣтъ съ большимъ успѣхомъ и въ настоящемъ году. Оно выходитъ тремя книжками, каждая въ 10 печатныхъ листовъ, въ годъ и посвящено классической филологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. изученію памятниковъ классической древности, какъ письменныхъ, такъ и искусственныхъ. Оставляя въ сторонѣ чисто-филологическія разсужденія этой книжки, мы обратимъ вниманіе читателей на статьи, посвященные монументальной древности. Г. Йорданъ, въ статьѣ: *Zur Topographie von Rom*, разбираетъ нѣкоторые темные вопросы, касающіеся топографіи Рима, а именно: *Vicus Pallacinae* и *balneae Pallacinae*, Палатинъ и *sacra via*, *Gallinae albae* и *Macellum* времени республики. Въ особенности богата настоящая книжка статьями, касающимися греческой и римской эпиграфики. Г. Келлеръ сообщаетъ рядъ греческихъ надписей, преимущественно открытыхъ въ Афинѣхъ, Момсенъ — Декреты проконсула Сардиніи Гельвія Агриппы 68-го года послѣ Р. X. Гибнеръ — древне-христіанскую надпись изъ Африки и Момсенъ — надгробную надпись изъ Рима. Но двѣ капитальныя статьи этой книжки принадлежатъ гг. Генцену и Момсену: обѣ посвящены новооткрытой надписи Арвальскаго братства и объясняютъ въ малѣйшихъ подробностяхъ эту памятникъ, равно важный какъ для политической такъ и для религіозной исторіи Рима въ первомъ вѣкѣ по Р. X.

J. Lepkowskj. — O zabytkach Kruszwicy, Gniezna i Krakowa. Krak. 1866, мал. 8°, 403 стр.

Имя краковскаго археолога Лепковского извѣстно въ наукѣ многими трудами, какъ по до- исторической, такъ и по христіанской древности. Упомянемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ: а) *Kalwaria zebrzydowska i jej okolice*. Kr. 1850. 16°, III. стр. б) *Ikonoграфия (z archeologii ogólnej)*. Warsz. 1857, 8°, стр. 92 и 3 таб. — сочиненіе не самостоятельное, а извлеченіе изъ монографіи аб. Кронке; в) *Broń sieczna w ogóle i w Polsce*. Kr. 8° 1857, стр. 93 и 4 таб.; д) *przegląd zabytków przeszłości z okolic Krakowa*. Warsz. 1863, 8°, стр. 223; е) *O tradycjach narodowych*. Kr. 1861. 8°,

65 стр; f) *przegląd krakowskich tradycyj, legend, nabożeństw, zwyczajów etc.* Kr. 1866, 16°, стр. 68. Множество статей его, касающихся археологіи, разсыпано по разнымъ польскимъ журналамъ и газетамъ, часть ихъ онъ собралъ и издалъ подъ заглавіемъ: *Z przeszłości, szkice i obrazy*. Kr. 1862. Дѣятельность — разнообразная и хотя не вездѣ одинаково — самостоятельная и строго ученая, но тѣмъ не менѣе, по количеству наблюденій, важная для славянскаго археолога. Въ новомъ сочиненіи, заглавіе котораго выписано въ началѣ, авторъ разсматриваетъ мѣстные краковскіе памятники, какъ древняго, такъ и новаго, иногда очень поздняго происхожденія. Самыми любопытными для насъ частями книги должно признать: „рѣчь о сохраненіи памятниковъ отечественной древности“ (стр. 1—17) „рецензію новыхъ археологическихъ изданій по архитектурѣ“ (371—387) и „археологическую замѣтку о польскихъ памятникахъ XVII вѣка“. Не вездѣ, какъ и въ прежнихъ трудахъ, авторъ свободенъ отъ увлеченій, но они выкупаются фактическими достоинствами книги.

Рождественскій. — Историческое описаніе серпуховскаго владычнаго Монастыря. Москва, 1866. 8°, стр. 149 XIX и 6 снимк.

Одно изъ тѣхъ немногихъ описаній монастырей, которыя могутъ назваться обстоятельными и пригодными для археолога. Монастырь довольно древнъ; его относятъ къ 2-ой половинѣ 14-го вѣка. Хотя памятники монастырскаго древности иконы, складни, кресты, и т. д. и описываются болѣе въ хозяйственномъ, чѣмъ въ археологическомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе — и археологъ найдетъ въ нихъ для себя не мало важнаго и полезнаго, рукописей — нѣтъ древнѣе XV вѣка, въ приложеніяхъ напечатаны замѣчательныя акты, хранящіеся въ монастырѣ; примѣчанія обнаруживаютъ хорошее знакомство автора съ церковно-историческою литературою. Жаль только, что рисунки двухъ приложенныхъ иконъ (Іоанна Воина и царицы Димитріи) — неполныя и неудовлетворительныя.

Костомаровъ. Н. Н. Историческія монографіи и изсѣдованія. т. 3-й Спб 1867, 8°, 377 стр.

Настоящій, третій томъ Монографій представляетъ для изсѣдователя древности гораздо менѣе интереса, нежели 1-ый: только двѣ статьи: „Литовская народная поэзія“ и „Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи“ имѣютъ нѣкоторое отношеніе и къ наукѣ древности, остальные статьи — чисто историческаго содержанія. О достоинствѣ этихъ двухъ статей — не говоримъ, потому что онѣ еще прежде были извѣстны русскимъ читателямъ и, конечно — оценены ими должнымъ образомъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЪ 6-Ю ВЫПУСКАМИ ВЪ ГОДЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ 5-6 ЛИСТОВЪ

ЦѢНА ВТОРОМУ ВЫПУСКУ 1 Р. С.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги, ст. И. И. Срезневскаго (съ 5-ю рисунками); Лабарумъ Константина Великаго, ст. П. С. Казанскаго; Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ, ст. А. В. Брыкина; О греческой кормчей древняго состава, ст. арх. Амфилохія (съ рисункомъ); Для археологій каменнаго вѣка въ Россіи, Статьи: П. Ревкина и А. А. Котляревскаго; (съ тремя полиптиками); Критика и библіографія, статьи: П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденція; Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткахъ); Приложение: Засѣданія Московскаго археологическаго общества № 1, 2 и 3 (съ полиптиками).

ЦѢНА ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 1 Р. С.

Печатано по опредѣленію Общества.

Типографія Грачева и К^о у Пречистенскихъ воротъ д. Малаковой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

МАЙ — ІЮНЬ.

о купальскихъ огняхъ и еродныхъ съ ними представленіяхъ — статья дѣйст.	
чл. А. А. Потебни	97-106.
о древностяхъ заволоческой Чуди печорскаго края — статья дѣйст. чл. Э. Н.	
Эйхвальда	107-111.
замѣтки по литературной археологiи: 1) бронтологiи и астрологическія пред- вѣщанія, 2) Гермесъ Триемегистъ — статья дѣйст. чл. А. Н. Пышина	112-119.
критика и библиографія: ст. дѣйст. чл. А. Н. Афанасьева о сочиненіи FUSTEL DE COULANGES' A — LA CITÉ ANTIQUE.	120-127.
статья: дѣйст. чл. В. Е. Тизенгаузена, П. Н. Лерха и чл. осн. К. К. Гёрца.	127-136.
археологическія извѣстія и корреспонденція — статья дѣйст. чл. гр. Е. П. Ты- шкевича, П. Н. Лерха, В. Е. Тизенгаузена и др. (съ четырьмя политипажаніи). ..	137-144.

МОСКВА.
1867.

Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія за 1867 годъ.
Январь—Іюнь 6 №.

Основанный по мысли гр. С. С. Уварова въ 1834 году, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ того времени представилъ множество трудовъ и статей по разнымъ отраслямъ наукъ, трудовъ, къ которымъ и теперь обращается исследователь за справкою и советомъ или указаніемъ; но, богатый ученымъ содержаніемъ въ прежніе годы, «Журналъ» въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ находился въ періодъ постояннаго—упадка, отклоняясь отъ серьезныхъ интересовъ науки и жертвуя ими интересамъ призрачнымъ, иногда даже канцелярскимъ. Къ счастью это паденіе—было временное, и съ текущаго года Журналъ М. Н. Пр. является снова достойнымъ органомъ успѣховъ науки вообще и русской въ особенности. Мы не можемъ не приветствовать такого возрожденія, тѣмъ болѣе, что оно не случайно, не мимоходомъ, а основывается на серьезной и благой мысли. Полугодіе ильбинскаго «Журнала» (6 №) представило уже едва ли не болѣе серьезныхъ статей по историко-филологическимъ наукамъ, чѣмъ прошлое его десятилѣтіе (въ 1857—1866); не останавливаясь на томъ, что не имѣть отношенія къ наукѣ древности, указываемъ только на любопытные и важные въ послѣднемъ отношеніи труды и замѣтки. № 1: «Карамзинъ, какъ историкъ»—ст. К. Н. Бестужева Рюмина, стр. 1-20, лучшая, какъ кажется—изъ торжественныхъ оцѣнокъ исторической дѣятельности Карамзина; стѣсненный предѣлами «Рѣчи», авторъ лишь въ немногихъ словахъ могъ коснуться археологическихъ и археографическихъ трудовъ Карамзина, сравнительно съ трудами его предшественниковъ; «Обзоръ материаловъ для изученія Славяно-русской палеографіи».—Ст. П. И. Срезневскаго, стр. 76—115, объ ней мы говорили уже въ Арх. Вѣс. стр. 85—86; «Сборники по народной русской словесности за 1866 годъ», ст. О. О. Миллера, стр. 173—217 и окончаніе ея въ № 3, стр. 648—676—прекрасное, столько же библиографическое, сколько и исследовательское, обзорѣе содержанія сборниковъ ильбей, вышедшихъ отдѣльно или помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ; многія заключенія автора кажутся намъ преждевременными, но это есть необходимое слѣдствіе современнаго состоянія разработки русской народной словесности: мысль всегда уходитъ далѣе, чѣмъ дозволяли бы факты, еслибы они были правильно освѣщены и разработаны; въ № 2—любопытны замѣтки О. И. Буслаева и г. Макушевца о новомъ изданіи [г. Тихонрикова] Слова о Полку Игоревѣ, стр. 441—472: для критики текста этого произведенія—нѣкоторые изъ нихъ не безъ значенія, другія же требуютъ дальнѣйшихъ подтвержденій (напр. замѣтка на стр. 471), тоже должно сказать и о замѣчаніяхъ г. Н. Некрасова № 3, стр. 772—777; № 4—ст. г. Леонтьевича—«Значеніе верви по русской правдѣ и Полицкому статуту сравнительно

съ задругою юго-западныхъ Славянъ» стр. 1—19, какъ юридическое изслѣдованіе, статья имѣетъ несомнѣнныя достоинства, но она снова убѣждаетъ каждаго, что для изысканій въ области юридическихъ древностей недостаточно быть юристомъ, а необходимо быть и филологомъ, иначе едва ли можно достигнуть прочныхъ и многостороннихъ результатовъ; ст. г. В. Макушевца «Древности Новаго въ Бѣлѣ Которской», стр. 146—157, представляютъ сначала историческій очеркъ Новаго, краткое описаніе четвероевангелія приблизительно—14 лѣтъ (около его—154 г.), хранящагося въ церкви Вознесеніе на Топлѣ, каталогъ рукописей, впрочемъ не древнихъ—монастыря Саввина, иль которыхъ надписи на вещахъ, тамъ же находящихся, послѣднія—при всей своей скудости—сохранили намъ имена двухъ сербскихъ художниковъ 17 вѣка; № 5 ст. П. И. Срезневскаго: «о русскомъ правописаніи» письмо 1-ое, стр. 449—480, важна въ палеографическомъ отношеніи, такъ какъ правописаніе всегда является важнымъ признакомъ при опредѣленіи времени памятниковъ; въ первомъ письмѣ разсматривается характеръ первыхъ двухъ періодовъ русскаго правописанія, «изъ которыхъ одинъ окончился во времена Іоанна Грознаго, а второй—во время Петра Великаго, одинъ—введеніемъ книгопечатанія, другой—введеніемъ такъ называемой гражданской-азбуки», № 6 ст. К. Н. Бестужева Рюмина «О колонизаціи великорусскаго племени» стр. 776—784, написана по поводу этнографической выставки и при всей краткости своей любопытна для археолога: съ историко-этнографической точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ тотъ фактъ, который заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія и со стороны археологической: хотя въ этомъ отношеніи наука еще пока не владѣетъ матеріаломъ, достаточнымъ для общихъ прочныхъ заключеній, тѣмъ не менѣе многое извѣстное идетъ въ поддержку собственно историческихъ выводовъ, а иногда даже и расширяетъ послѣдніе. Предполагая въ скоромъ времени осмотрѣть нѣкоторыя стороны этого предмета, мы не входимъ здѣсь въ дальнѣйшія разсужденія и ограничиваемся лишь указаніемъ на статью г. Бестужева Рюмина, какъ на прекрасное популярное изложеніе одного изъ важныхъ вопросовъ русской науки; ст. П. А. Безсонова «О славянскомъ народномъ пѣснотворчествѣ», стр. 785—791—имѣетъ лишь одно достоинство, достоинство краткости, къ которой авторъ не приучилъ насъ другими своими произведеніями, по характеру своему и содержанію—она не относится къ наукѣ, а скорѣе къ области поэзіи, а потому и присутствіе ее на страницахъ серьезнаго органа науки—ничѣмъ инымъ, кромѣ случайныхъ обстоятельствъ—объяснено быть не можетъ.

Вотъ перечень важнѣйшихъ, касающихся—прямо или косвенно—науки древности, статей новаго Ж. М. Н. Пр. за полугодіе его существованія. Смѣло надѣемся, что и въ будущемъ намъ предстоитъ указывать на такое же, если не большее, богатство.

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ

И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХЪ.

Значеніе, придаваемое народомъ купальскимъ кострамъ, видно изъ слѣдующаго.

Около Пожеги въ Славоніи, кто выше скачетъ черезъ огонь, у того будетъ лучше урожай пшеницы и всего прочаго, и ленъ будетъ выше (Pič. Narodni slaven. obič. Zagr. 1846. 164). Въ Бр. на канунъ Ивана, по заходѣ солнца, вбиваютъ колъ въ землю, обкладываютъ его соломой и коноплями, а на самый верхъ кладутъ пукъ соломы, называемый купало. Потомъ зажигаютъ этотъ костеръ и бѣгаютъ вокругъ него, бросая въ него березовыя сучья и приговаривая: «кобъ мой ленъ такъ великій бывъ, якъ етая фарастина!» (Терещ. V, 75—6). Такъ и въ Чехахъ скачутъ какъ можно выше черезъ огонь, чтобъ родились конопля (Hannš. Kalendař bajesl. 187). По Дравѣ головни изъ Ивановскаго костра и остатки факеловъ разносятъ и бросаютъ по полямъ и огородамъ, чтобъ насѣкомыя не портили капустной разсады и посѣвовъ (Pič. 164). Изъ этихъ и подобныхъ свидѣтельствъ видно, что купальскіе огни имѣютъ отношеніе къ урожаю.

Въ разныхъ мѣстахъ по сей бокъ Днѣпра соблюдается слѣдующій обычай. Подъ Ивана дѣвки, срубивши дерево черноклень, вбиваютъ его въ землю на игрищѣ. Потомъ дѣлаютъ изъ соломы чучело (ляльку), одѣваютъ его по женски въ юбку, корсетку и пр., навѣшиваютъ на него свои кресты и наместа и сажаютъ подъ деревомъ. Кукла эта, какъ мнѣ положительно извѣстно, въ харьк. г. называется мареною (Скр. маранам (ср. р.), смерть), между тѣмъ, какъ по словамъ Терещенна (V, 79) и Маркевича (Обычаи и пр. 10) Мареною называется черноклень, а кукла — Купаломъ. Не сомнѣваясь въ вѣрности этихъ послѣднихъ извѣстій, можно однако видѣть въ нихъ позднѣйшее искаженіе обряда. У Тер. на слѣдующей стр. (V, 80) говорится, что чучело, называемое Купаломъ, одѣваютъ какъ женщину, въ очипокъ, ленты, наместо. Изъ этого слѣдовало бы, что Купало есть женщина, чему противорѣчатъ нѣкоторыя извѣстія.

Въ Харьк. г. передъ вечеромъ дѣвчата подъ чернокленомъ накрываютъ столъ, наготовятъ яичницъ и млинцовъ, хлопцы принесутъ водки, ѣдятъ и пьютъ. Потомъ дѣвчата поснимаютъ все свое съ Марены и несутъ ее топить вмѣстѣ съ чернокленомъ ¹⁾. Это дѣлается передъ вечеромъ, а костры зажигаются по заходѣ солнца. Въ другихъ мѣстахъ втыкаютъ въ землю чернокленъ, обвѣшанный вѣнками и лентами, ставятъ возлѣ него Купала (т. е. куклу) и невдалекѣ разводятъ огонь (Марк. ib.) Въ третьихъ—чучело обкладываютъ кучей соломы съ крапивой и зажигаютъ. Черезъ этотъ огонь скачутъ и поютъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло моє водила Купала,
Гратиме сонечко на Івана.
Та купався Іванъ, та въ воду упавъ,
Купала підъ Івана! (Терещ, V, 80)

Въ Волг. у Харьк. г., когда водятъ танокъ около марены, сидящей подъ деревомъ, эту пѣсню такимъ поютъ образомъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло Володимеря Купала,
Играло сонечко на Івана... ²⁾

¹⁾ При этомъ поютъ:

Якъ пішла Ганна до броду по воду,
Ганно моя, ланно моя!
Ягодо моя червона!
Та стала Ганна на всхити плади,
Ганно моя и пр:
Кладна схитнулася, Ганна втонула.
Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усімъ наказала:
«Не беріте, люде, у броду води,
Що й у броду вода, то Ганнина вода,
Не ловіте, люде, у Дунаї риби,
Що въ Дунаї риба, то Ганнина тило.
Не косіте, люде, по лугахъ трави,
Що по лугахъ трава, то Ганнина коса.
Не ломіте, люде, по лугахъ палини,
Що по лугахъ палина, то Ганнина праса.

Отношеніе этой пѣсни къ толковью Марены совершенно не ясно. Можно сказать только, что попытка найти въ Ганнѣ царевну Анну, основанная на томъ, что въ другой купальской пѣснѣ упоминается о Володимерѣ, не ведетъ ни къ чему.

²⁾ Тотъ же припѣвъ послѣ всякаго стиха въ слѣд. пѣснѣ:

Нішли дівочки въ лісѣ по агідочці.
Коло Володимера и пр.
Та припало дівчанъ та Дунай пливати,
Та Дунай-море пливати, річеньні брести.
Та всі дівочки въ плахтахъ мовнівати,
Дівка Оленка (или присутствующей здѣсь сироты)
въ плахті чернітці.

Этой пѣснѣ нельзя понимать такъ, что танокъ ходитъ около Марены и около Купала, п. ч. «коло Володимеря и пр.» есть припѣвъ, неимѣющій грамматической связи съ первымъ стихомъ, точно такъ, какъ и въ приведенной въ выносѣ пѣснѣ «Ишли дівочки». Самый припѣвъ можно понимать различно. Коло «Володимеря» можетъ быть обозначеніемъ мѣстности, гдѣ совершается обрядъ Купала; подобно этому въ другой купальской пѣснѣ припѣвуютъ:

... Въ чистімъ полі роса пала,
На улиці -- Купала на Йвана!

Во вторыхъ, такъ какъ въ Укр. основное Русское твердое р можетъ неорганически смягчаться, то «Володимеря (т. е. Володимера) можетъ быть не притяжательнымъ, обозначающимъ мѣстность, а эпитетомъ Купала. Купало можетъ быть названъ Володиміромъ, т. е. володѣющимъ міромъ, княземъ, подобно тому, какъ въ заговорѣ, приводимомъ г. Максимовичемъ, мѣсяць (князь, *xięzyc*) названъ Володимеромъ.

Очень не достаточны свѣдѣнія о Болгарскомъ обрядѣ, подобномъ выносу Марены: «на Енъ въ день» дѣлаютъ куклу изъ разныхъ старыхъ платьевъ или изъ соломы, дѣвушки и парни носятъ ее, какъ покойника, а другіе идутъ за ними, что то говорятъ и поютъ пѣсни (Каравеловъ, Пам. нар. быта Болгаръ 1, 234). Можетъ быть эта кукла изображаетъ мужчину, и въ такомъ случаѣ ср. похороны Ярилы (Терещ. V, 100 слѣд.) и смерть Кострубоньки — Костромы (Zeg. Pauli I, 21—2, Основа 1861. 11 кн. Свидниц. Великдень 51).

Какъ бы то ни было, но народъ связываетъ топленье или сожиганье Марены — Смерти и купальскіе костры. Зажиганье костровъ и прыганье черезъ нихъ имѣетъ цѣлью освобожденіе отъ враждебной силы болѣзни, смерти и связанныхъ съ послѣднею мнѣніескихъ существъ. Въ Краинѣ малыхъ дѣтей, которыя сами прыгать не могутъ, матери переносятъ черезъ огонь, для здоровья. На границѣ между

Та всі дівочки Дунай перепливали,
Дунай перепливали, річки перебрели;
Дівка Оленка въ Дунаї втонула.
Якъ пришла слухи та до мачухи:
«Ой не жаль мені дітки Оленки,
«Ой та жаль мені плахти чернявки!»

Потомъ повторяется то же, но вм. 5 ст. «Дівка Ядохива (у которой есть родная мать) въ плахти шовківці», а вм. 3-хъ послѣднихъ ст.

Якъ прийшли слухи та до маті-ни:
«Ой не жаль мені плахти шовківки,
«Ой та жаль мені дочка Ядохиви!»

Смысль пѣсни тотъ, что лучше родная мать, чѣмъ мачиха; подобно этому въ нѣсколькихъ другихъ купальскихъ пѣсняхъ: лучше отецъ, мать чѣмъ свекоръ, свекровь и весь мужниинъ родъ.

Замѣтимъ выраженіе «Дунай. -- море». Общеизвестно, что сл. море имѣло нѣкогда болѣе широкое зн., чѣмъ теперь, но не знаю, было ли гдѣ указано, что и у насъ сохранились слѣды такого значенія: о ратныхъ Игоря Святославича и братья: «помахуть (сказывали) Русь (т. е. Русь) съ 15 миль утѣши, а Ковуемъ мѣе, а прочіа въ морѣ истопоме (Ип. Д. 132)»; но моря тамъ не было, а были рѣчки. Въ этомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ слѣдуетъ, кажется, понимать сл. море и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сл. о П. И.

Штирією и Каринтією утромъ 24 Іюня собирають золу купальскихъ костровъ и ею дѣчаты отъ всякихъ болѣзней. Около Пожеги говорятъ, что самые огни въ ночь на 24 Іюня прогоняють разныя болѣзни, особенно головную боль и моровую язву. Во время заразы одна женщина зажгла костеръ и въ отчаяніи бросилась въ него. Ее спасли и вмѣстѣ съ тѣмъ Куга, испугавшись горящаго костра, ушла изъ села (Шіѣ 165—7). У Литовцевъ, Чеховъ (Hannů kalend. 187) и Великоруссовъ (Терещ. V, 78) на Купала не только скачутъ черезъ огонь (или его замѣны: кучи крапивы, шиповнику); но и перегоняють черезъ него скотъ. Это сближаетъ купальскіе костры съ съ Нѣм. «Nothfeuer» во время падежа (Grimm myth. 570 слѣд.) и сожиганьемъ коровьей смерти у Вр. (Тер. VI, 42), личности тождественной съ Мареною или Марою, которую сожигаютъ или топятъ въ началѣ весны (Тер. V, 8 — 9, 10) или на Купала.

У Хорватовъ и Сербовъ вѣштицы боятся остатковъ купальскихъ огней, и потому, чтобы преградить имъ входъ въ село, люди втыкають огарки Ивановскихъ факеловъ въ плетни (Шіѣ 164). Въ Мр. на Купала раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ крапиву (замѣну огня) и папоротникъ, чтобъ вѣдьмы и вовкулаки не ходили по хатамъ и скотнымъ дворамъ (Тер. V, 87).

Давно уже предполагають, что Купальскіе и другіе имъ подобные огни имѣють силу даватъ урожай и прогонять смерть не сами по себѣ, а потому, что изображаютъ солнце. Исслѣдованія Куна, почти цѣликомъ примѣнимыя и къ Славянской мифологіи, даютъ прочныя основанія этому предположенію.

Для возстановленія древней формы мифа, лежащаго въ основаніи Купальскихъ обрядовъ и повѣрій обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Во первыхъ всѣ солнечные праздники (по Русс. повѣрью, Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Иваново Рожденіе. Даль, Посл. 1003) ознаменованы игрою Солнца. У Болгаръ на Енѣвъ день солнце пляшетъ, кружится, вертитъ двумя саблями, которыя держитъ въ рукахъ (Карав. 234), у Вр. на Ивановъ день солнце, проѣзжая по небу въ колесницѣ, пляшетъ и разсыпаетъ по небу искры, что впрочемъ можно замѣтить только при его восходѣ (Тер. V, 75). Въ Силезіи солнце играетъ въ день Sobótek. Дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемые Słończęta, выходятъ съ ними на зарѣ въ поле и, положивши ихъ на чистый бѣлый платокъ, пляшутъ вокругъ и приговаривають g g a j słońce, g g a j, tutaj są twoje słończęta. Потомъ, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирогами, такъ чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ (Срезн. объ обож. солнца, 40. Ж. М. Н. Пр. 1846. т. 51). *) Въ Тульск. г. на канунъ Петрова дня поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на приторки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. При восходѣ солнца всѣ начинаютъ испускать радостные крики. Старшии наблюдаютъ, какъ солнце играетъ

*) Другое значеніе придаетъ особеннымъ движеніямъ солнца на Ив. день у Сербовъ и Хорв.: «Приговаривають да је Иванъ дан тако велики светлац, да на његоу сунце на небу тринут до страха стане» (Карав. Рјечн. Шіѣ 167).

по небу: оно то покажется, то спрячется, то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ, то заблещетъ разными цвѣтами, голубымъ розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ ясно (Сахар. II, 7, 41—2). Едва появится солнце, его привѣтствуютъ хоромъ:

Ой ладо, ладо! и пр. (Тер. VI, 48)

Одна Мр. купальская или петровочная пѣсня начинается такъ: «Изъ за гори Сонечно йде й грає», на Свѣтлое Воскресенье играетъ солнце, и это обнаруживается черезъ сотрясеніе его лучей. Многіе, чтобъ видѣть, какъ оно играетъ, взлѣзаютъ на самыя высокія зданія (Тер. VI, 103). Точно такъ солнце играетъ, т. е. вертится, катается по небу, раскидываетъ лучи и собираетъ ихъ вновь, и на Благовѣщеніе (Тер. VI, 23). Во всѣхъ этихъ описаніяхъ играть значитъ: 1) плясать, кружиться, 2) ярко свѣтить, какъ и въ слѣд. Серб. пѣснѣ, въ коей «играјућу» противопоставляется слову похмолу (пасмурно):

Синоћ сунце играјући заће,
А јутроске пошмолу изаће.
Што по синоћ играјући заће,
Оно Јово мајци с војске доће,
А што јутрос пошмолу изаће,
Оно-ѿ Јово мајци разболео (Кар. Пјес. I, 486.)

Основное а, ја ослабляется въ ж: Скр. агра-м, верхушка, конецъ, остріе = во всемъ кромѣ рода = Слав. игла; Ст. сл. изокъ, кузнечикъ (потомъ — мѣсяць июнь) ср. съ скр. аджа-с, аджа, козелъ, коза, откуда уменьшитель. аджака, маленькая коза (кор. адж-ати = агеде идти, гнать); мѣст. инъ по корню = Скр. анја; ст. Сл. Серб. имела (омела) = Скр. а-мала т. е. безъ пятенъ, бѣлая (Ср. viscum album). Слав. истъ, истовъ, истина (то что есть) — кор. ас; по аналогіи съ чеш. obydlí, жилье, и буда (кор. бѣу, быть), къ тому же истъ отъ ас можно отнести и сл. истъба, истъба, которое Милешичъ считаетъ заимствованнымъ съ нѣм. stupa, stoba (stube), а другіе, совершенно неправильно ссылаясь на уменьш. истобка, истопка, производятъ отъ топить; слав. им-ж, лит. іши, кор. јам; икра, лит. įrai, o (м. р. мн. ч.), тоже, јекнов, o (ж. р. мн. ч.), печень = Скр. јакрт (въ друг. фор. јакан) = јесир; Сивый = Скр. сјаба, fuscus. Согласно съ этими примѣрами сл. иг-ра предполагаетъ кор. јаг, который находимъ въ Скр. въ формѣ јадж (јаджати, пр. сов. и-јаджа съ и изъ ја, какъ и въ нѣкоторыхъ др. формахъ) со значеніемъ: приносить жертву, жертвою чтить боговъ. Отсюда легко могло образоваться значеніе пѣть (Вр. играть пѣсню) и плясать (первоначально объ обрядныхъ пѣсняхъ и пляскахъ). Значеніе блистать могло появиться только отъ примѣненія слова играть къ пляскѣ солнца.

Солнце пляшетъ, именно вертятся какъ жорновъ или колесо: въ страстную пятницу восходящее солнце «јакѡ бѣхоуи млынаřsky (svrchni kamen) kolem sebe тобі (Ноишка, рочегу 332);

V poledne, s poledne slunečko kolem jde
(Suš. Mor. nár. pism. 444);

Jož to slonyčko kolem de,
 Jož se nám bliži poledně (ib. 557);
 Сонце колесомъ у гору идзець (Тер. II, 470).

Какъ у другихъ Индоевропейскихъ племенъ, такъ и у Славянъ солнце не только сравнивалось съ колесомъ, но и дѣйствительно представлялось имъ. Ср. Скр. сурјас-ја чакрамъ, греч. ἡλίου κύκλος, сканд. taðgaðvel (прекрасное, свѣтлое колесо), суп-пи hvel (колесо солнца) съ Mr. названіемъ солнца кроковымъ колесомъ (т. е. цвѣту оранжеваго «жовтогарячаго» цвѣтка крокоса, довольно обыкновеннаго въ мр. садахъ, или цвѣту шафрана):

Кроковее колесо
 Вище тину стояло,
 Много дива видало.
 Чи бачило колесо,
 Куди н-любъ поїхавъ? и пр.

Отсюда понятно, почему въ разныхъ мѣстахъ Германіи Ивановскіе костры, по предположенію изображающіе солнце, замѣняются сожиганьемъ колеса, обвитаго соломою. Колесо это мѣстами втыкается на шесть и такъ сожигается, мѣстами зажженное скатывается съ горы (такъ и у хорутанъ, Нануѣ kalend. 186) или подбрасывается вверхъ. По этому колесу, какъ по изображенію солнца, гадаютъ объ урожаѣ: въ Лотарингіи, если зажженное колесо не потухло на срединѣ горы, и горя скатилось въ рѣку, то это служитъ предвѣстіемъ хорошаго сбора винограда (Griish Myth. 586).

Во вторыхъ, въ Ладогѣ огонь для купальскаго костра (живой огонь, лѣсной огонь, царь-огонь, лѣкарственный) добывался или теперь добывается посредствомъ тренія (Сах. ск. Р. н. II, 7, 39). Хотя извѣстія о такомъ добываніи Ивановскаго огня довольно рѣдки сравнительно съ такими же извѣстіями объ огняхъ во время мора и падежа (Даля посл. 1055, Gr. Myth. см. potfeuer), но можно считать несомнѣннымъ, что не иначе добывались всѣ огни, имѣющіе отношеніе къ солнцу. Самый способъ тренія опредѣляется Сербскимъ названіемъ живаго огня: извити огонь, т. е., какъ кажется, добытый посредствомъ витья, крученья, а не простымъ треніемъ одного куска дерева о другой. Такъ какъ солнце есть колесо, то Нѣмецкія свидѣтельства, что живой огонь (potfeuer) получали, вертя колесо вокругъ оси (Gr. Myth. 571) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ огонь, подобно всѣмъ праздничнымъ, особенно купальному, изображалъ, какъ зажигается небесное колесо, солнце. Этимъ объясняется происхожденіе повѣрья о томъ, что солнце пляшетъ, т. е. кружится подобно колесу или жернову.

Изъ вышеприведенныхъ извѣстій о томъ, что солнце вертится колесомъ именно при самомъ восходѣ, можно заключить: во первыхъ, что по первоначальному представленію солнце вновь зажигалось каждое утро и что только впослѣдствіи это воспламененіе и пляска солнца были приурочены къ извѣстнымъ днямъ въ году; во вторыхъ, что солнце каждый день потухло при закатѣ. Кромѣ этого есть основанія ду-

мать, что и у Славянъ, какъ у Индійцевъ, солнце гасло и днемъ, когда скрывалось за темною, бурною тучею; оно вновь зажигалось огнемъ молніи. Купальскій костеръ, изображающій солнце, имѣетъ въ тоже время отношеніе къ грозѣ. Какъ, по правилу *similia similibus curantur*, держать въ домѣ громовую стрѣлу (чортъ палець) для предохраненія себя отъ громоваго удара (Ноиѣка, ров. III, 182), какъ съ тою же цѣлью во время грозы зажигаютъ громницу, страстную или Богоявленскую свѣчу, изображающую огонь молніи (Шейков. Быть Подолянъ II, 22. Поль. *gromnica*, чеш. *hromnice* свѣча, освещенная 2 февр. *Napuš kalend.*); такъ въ чехахъ во время грозы жгутъ частицы купальскихъ вѣнковъ, головни и уголья изъ купальскаго костра выносятъ на засѣянные поля, на луга и въ сады и втыкаютъ подъ крыши строеній, чтобъ громъ не повредилъ урожаю и не ударилъ въ жилье (*Sumlork* II, 325). Какъ громницей въ Мр. выжигаютъ въ чистый четвергъ кресты на воротахъ и дверяхъ, чтобъ удалить дьявольскую силу, враждебную людямъ и громовому божеству (Тер. VI, 99), такъ и остатками купальскихъ факеловъ и костровъ прогоняютъ вѣштитъ вѣдьмъ, вовкулакъ. Объясненіемъ такой связи костра (т. е. солнечнаго колеса) и грозы служить слѣдующее. У Инд. Индра во время битвы съ демономъ тучи (т. е. во время грозы) сталкиваетъ солнечное колесо въ облачную гору. Хотя въ Ригведѣ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ того, что при этомъ солнечное колесо гаснетъ, но это само собою разумѣется. п. ч. гора, въ которой исчезаетъ солнце, содержитъ въ себѣ воду. За тѣмъ Индра, убивши демона при помощи Кутсы (другая форма самого Индры, т. е. громовой стрѣлы), возвратилъ смертнымъ небесное свѣтило, т. е. по всей вѣроятности зажигалъ его вновь. Это происходило такимъ образомъ. Индра или Кутса вертѣлъ кусокъ (скр. *прамантѣ*а, тотъ кусокъ дерева, которымъ вертятъ другой для полученія огня) въ ступицѣ солнечнаго колеса. Сначала всѣ усилія напрасны: загорается только *прамантѣ*а и вылетаетъ изъ ступицы (это и есть перунъ); но наконецъ воспламеняется и само колесо, и буря проходитъ. Явственный слѣдъ связи громовой стрѣлы (вѣрнѣе въ этомъ случаѣ—громоваго ствола или клина) и солнечнаго колеса виденъ въ томъ, что Агни, снаряжая Вишну (въ Ведахъ это несомнѣнно солнечное божество) въ бой, даритъ ему *ваджранâbhân* чакран, т. е. колесо, въ ступицѣ котораго—перунъ, колесо, отъ обращенія коего вылетаетъ изъ ступицы громовая стрѣла (*Kuhn Negabk.* 65—6, 68).

И такъ изъ всего сказаннаго видно, что человекъ, объясняя отдаленное близкимъ, неизвѣстное извѣстнымъ, считалъ солнце за горящее колесо, зажженное такимъ же самымъ образомъ, какимъ зажигается оно на землѣ. Такое объясненіе принадлежитъ относительно позднему времени. Оно доказываетъ, что Аріицы до раздѣленія на племена обладали запасомъ механическихъ свѣдѣній, достаточнымъ для того, чтобъ сдѣлать колесо, что имъ былъ извѣстенъ возъ, хотя бы и самой грубой формы, что стало быть были у нихъ и животныя, тянущія возъ. Все это, впрочемъ, извѣстно изъ другихъ источниковъ. При томъ зажиганіе небснаго колеса предполагаетъ уже человѣкообразное существо, вертящее колесо или *праманту* въ колесѣ; но антропоморфизмъ есть, какъ извѣстно, явленіе позднѣйшее. Какъ же объяснялся небесный огонь, тогда когда не было извѣстно колесо и когда мысль еще не дозрѣла до созданія человѣкообразныхъ божествъ?

Куна думаетъ, что первоначальный способъ добыванія огня былъ указанъ самою природою. Предкамъ Арійскихъ племенъ совершалось это откровеніе въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Человѣкъ видѣлъ, какъ вѣтеръ, качая деревья, обвитыя ползучими и чужеродными растеніями, теръ твердый сукъ объ высохшую лѣану, какъ отъ тренія рождался огонь, и сталъ рабски подражать этому. Слѣды такого подражанія сохранялись весьма долго. Между тѣмъ какъ въ позднѣйшее время, напр. у Славянъ, для добыванія огня считались пригодными два куска любого мягкаго дерева, напр. липы (Кар. Рјечн. живи огань, извити огань),—у Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ одинъ изъ этихъ кусковъ дѣлался непременно или преимущественно изъ ползучаго или чужероднаго растенія: у Индійцевъ, изъ асваттха самагарбха, т. е. изъ священной смоковницы (*figus religiosa*), выросшей на сами (*acacia suma*); у Грековъ—изъ ползучаго или чужероднаго раст. ἄδραχένυ, что по догадкѣ Куна значитъ: рождающая огонь (Зенд. атаръ, огонь); у Римлянъ, по словамъ Плинія, «*nihil edera praestantius, quae teratur... probatur et vitis silvestris... ederae modo arborem scandens*. Климатическое различіе странъ, заселенныхъ этими племенами, заставило употреблять различныя растенія; но общее сходство при этомъ сохранилось.

Самый способъ тренія могъ быть указанъ природою. У Инд. Грековъ и Герм. твердый кусокъ дерева (греч. τρύπανον), подобно бураву, вертѣлся въ другомъ. Судя по этому и при рожденіи лѣснаго огня, вѣроятно, былъ замѣченъ именно тотъ случай, когда сукъ одного дерева попадалъ въ отверстіе другаго. Позднѣйшій способъ добыванія огня посредствомъ колеса сохраняетъ то общее съ болѣе древнимъ, что какъ въ первомъ ось вертится въ маточникѣ, или на оборотъ колесо вращается вокругъ оси, такъ во второмъ буравъ (τρύπανον) вертится въ нижнемъ, кускѣ дерева (ἐστύρα).

По вѣрованію восточныхъ и западныхъ азіатскихъ Арійцевъ и Германцевъ, на небѣ тоже есть дерево. Первоначально это есть представленіе облаковъ, расположенныхъ подобно вѣтвямъ огромнаго дерева. Безъ сомнѣнія и у Славянъ было дерево, соотвѣтствующее священному ясеню германцевъ (Сканд. Yggdrasil), коего вѣтви превышали небо, корни спускались въ жилищамъ Гримтурсовъ, смерти (Hel) и людей. Для насъ важны три черты германскаго міоа: на вершинѣ священнаго ясени сидитъ орелъ, роса падающая съ его вѣтвей питаетъ пчелъ, змѣи подѣдають его корни. Последнюю черту ср. съ упоминаемымъ въ Слав. сказкахъ деревомъ, которое перестаетъ приносить золотые, дающіе молодость плоды, п. ч. змѣй или червь гложетъ его корни; первыя двѣ находимъ въ слѣдующихъ колыдкахъ.

Хозяину: Стоить соснойка середъ дворойка,
Ей въ тій соснойці троякий хосенъ ¹⁾:
Ей отъ кореня — жовти лишойки ²⁾
А въ середині — яри пчілойкі,
А підъ вершейкомъ сиви соколи.

¹⁾ Польза, користь. ²⁾ Лишайцы.

Поносяються ¹⁾ жовті лишайки,
 Же їх доходять панські хортойки;
 Поносяються ярі пчілойки,
 Же їх доходять буйні ручейки,
 Поносяються сиви соколи,
 Же їх доходять дуйні вітрове,
 Дуйні вітрове, дрібні дожджове.

(Голов. Пѣсни II, 3)

Хозяйкѣ. Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ
 Стоїть мі стоїть зелений явіръ,
 А въ тимъ яворі три користоньки:
 Єдна мі користъ въ верху гніздонько,
 Въ верху гніздонько, сивъ соколонько;
 Друга мі користъ а въ середині,
 А въ середині, въ борти пчолоньки;
 Третя мі користъ у корінька
 У корінька чорні бобри.
 Сивъ соколонько — пану на славу,
 Ярі пчолоньки — Богу на хвалу,
 Чорні бобри та на шубоньку
 Та на шубоньку господиноньці.

(ib. 51 — 2)

Здѣсь прославляється багатство и величіе хозяевъ, изображенное тѣмъ, что все, что
 есть на всемірномъ деревѣ и у его кореньевъ, все служить имъ на пользу и гордит-
 ся этимъ. По скандинавскому сказанью, подъ всемірнымъ деревомъ пасется коза и
 нѣсколько оленей; о лисицахъ и бобрахъ въ немъ не упоминается. Въ слѣдующей
 колядкѣ дерево, очевидно то самое, о которомъ говорятъ двѣ первыя, названо рай-
 скимъ:

Ой долівъ, долівъ, долівъ луженьки,
 Идуть долівъ ними бистрі річеньки.
 Ой плине-жъ, плине райское древце,
 Райское древце зъ трома вершечки:
 Въ однімъ вершечку — сивъ соколонько,
 Въ другімъ вершечку — сива кунонька,
 Въ третімъ вершечку сивъ ластовлята:
 Ой не е-жъ тото сивъ соколонько,
 Але е-жъ тото господаренько;
 Ой не е-жъ тото сива кунонька,

¹⁾ Гордятся. Ср. Серб. поносити се съ тѣмъ же значеніемъ.

Але е-жъ то то бо й газдиненька;
 Ой не е-жъ то то сивъ ластовлята,
 Але е-жъ то то єі дитята (ib. 30—1).

Не ясно, почему это дерево представляется плывущимъ. Замѣчательно, что и свадебное «деревце» называется раемъ; когда «обирають деревце» (укр. вільце вьють), поютъ:

Колесомъ, колесомъ въ гору солнце йде;
 Въ нашій (род. п.) Маруні рай ся вѣе.
 «Марусенько дівонько!
 «Хтожъ тобі той рай давъ?
 Давъ мені Бігъ и Батенько мій (ib. II, 102)

Предположивши, что первое значеніе слова рай есть дерево, можно отнести это сл. къ скр. кор. ар, со значеніемъ возвышаться, стремиться вверхъ ¹⁾. Значеніе paradísus могло, конечно, войти въ языкъ вмѣстѣ съ переводомъ св. писанія, но можетъ быть и до христіанства сл. рай въ частности обозначало небесное дерево.

Во 2-й изъ приведенныхъ колядокъ небесное дерево названо яворомъ. Съ этимъ ср. Польскую колядку:

Na śród dworą jawor stoi,
 Na jaworze złota rześa.
 Przylecieli rajskie ptaszęta
 I obtrzęśli złote rzesy

а величаемая дѣвица собрала это золото (Zeg. Pauli, P. L. p. 5). По слѣдующему повѣрью, яворъ оказывается священнымъ деревомъ, имѣющимъ какое-то отношеніе къ солнечному празднику, дню Петра и Павла: «на Буковинѣ видали, что чортъ, одѣтый по Нѣмцки, рубилъ яворъ въ день Св. Петра и Павла. Каждый, кто послѣ него рѣшался рубить то же дерево, непременно калѣчился и оставлялъ работу. Въ горахъ есть много такъ намѣченныхъ яворовъ, и горцы боятся ихъ рубить, особенно въ первые дни послѣ Петра и Павла (Siemieński, pod. i Leg. 114).

И такъ на небѣ тоже есть дерево. Отъ тренія его вѣтвей и сучьевъ происходитъ небесный огонь. Молнія, падающая на землю, есть зажженная вѣтка этого дерева. Возможно, что такимъ же образомъ объяснялся и солнечный огонь, но на это Кунъ не находитъ прямыхъ указаній.

А. Потебня.

[Окончаніе слѣдуетъ].

¹⁾ Хотя этотъ корень легко могъ принять форму и р, однако, можетъ быть, другое, несомнѣнно языческое, названіе ра я, и рь и («я сему ся подпуеми, како птицы небесныя въ прѣя идуть. Лавр. 101), Мр. в и р і й, род. в и рь я, относится, м. б., и не къ нему, а если и къ нему, то не непосредственно. Можно напр. независимо отъ окончанія, сблизить это слово съ Свр. прѣ, жидкость, питье, вода, при чемъ и рѣй значилъ бы: небесная вода, потому что небо вообще. Со стороны значенія такое сблизженіе не лишено вѣроятности между прочимъ потому, что по Вр. иѣснѣмъ птичье царство (прѣй)—на морѣ, т. е. на небѣ, въ в и рь я.

О ДРЕВНОСТЯХЪ

ЗАВОЛОЧСКОЙ ЧУДИ ПЕЧОРСКАГО КРАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сообщилъ Русскому Географическому Обществу свѣдѣнія о бронзовыхъ древностяхъ, найденныхъ въ Печорскомъ краѣ по берегу р. Печоры, при устьѣ р. Соплясы. Жители этого края называются нынѣ Зырянами, а у древнихъ Новгородцевъ они назывались Заволочской Чудью. Это послѣднее названіе присвоено имъ еще въ доисторическое время. Уже Геродотъ, въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х., описывалъ подробно Чудь сѣверной и южной Россіи подъ именемъ Скиѳовъ, названіе, которое безъ сомнѣнія произносилось у Грековъ, какъ слово Чудь.

Чудь была прежде могущественный народъ, первоначально кочевавшій по всей Россіи, и успѣшно воевавшій съ Даріемъ, царемъ Персидскимъ. Она раздѣлилась въ послѣдствіи на разныя племена, изъ которыхъ у Страбона, Греческаго географа около Р. Х., именуются, какъ воинственные и торгующіе народы, Аорзы или Эрзы нашихъ временъ и Зыряки или Зыряне нынѣшней сѣверной Россіи. Но въ теченіи времени Чудь т. е. Скиѳы ослабѣли и были вытѣсняемы все болѣе къ сѣверу, гдѣ наконецъ сдѣлались осѣдлыми.

По свидѣтельству Страбона Аорзы вели значительную торговлю съ Мидійцами, чрезъ Кавказскій хребетъ. Они взамѣнъ Уральскаго и Алтайскаго золота получали отъ Мидійцевъ рѣдкія вавилонскія ткани и привозили ихъ царскимъ Скиѳамъ Крымскаго полуострова и южной Россіи.

Сверхъ того, на отдаленномъ сѣверѣ Европейской Россіи въ Геродотовъ вѣкъ обитали Андрофаги или нынѣшніе Самоѣды, которые, живя совершенно уединенно, имѣли только нѣкоторыя сношенія съ западною Чудью въ Финляндіи и по этому у обоихъ этихъ племенъ встрѣчаются каменные и мѣдные орудія въ нѣдрахъ земли, хорошо сохранившіяся до нашихъ временъ и указывающія на первое умственное развитіе Финскихъ племенъ въ самой глубокой древности.

Андрофаги сѣверной Россіи въ этомъ отношеніи могутъ быть сравниваемы съ Кельтами, которые были современниками каменнаго вѣка. Не зная еще тогда употребленія металловъ, они умѣли только обрабатывать камни или твердыя горныя породы и приготавливать изъ нихъ всѣ свои домашнія орудія.

При наступленіи бронзоваго вѣка явились на сѣверѣ Россіи Зыряне и, вытѣснивъ Андрюфаговъ еще болѣе къ сѣверу, захватили всю торговлю пушными товарами, такъ какъ Зыряне принуждены были уступить прежнюю свою торговлю Уральскимъ золотомъ и мѣдью—Алтайской Чуди, которая въ то отдаленное время вела эту торговлю съ Греками въ Пантикапееѣ и въ другихъ мѣстахъ Крымскаго полуострова.

Весьма понятно, почему Андрюфаги или нынѣшніе Самоѣды имѣли одни каменные домашнія орудія и тѣ еще въ самыхъ простыхъ формахъ, указывающихъ на едва развитыя у нихъ искусства. Они не имѣли ни какого сообщенія съ болѣе образованными народами южной Россіи и не могли усовершенствоваться въ искусствахъ.

Напротивъ того, Заволочская Чудь или нынѣшніе Зыряне, по своимъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ Мидійцами и Греками, были гораздо болѣе знакомы съ искусствами и плавилъ мѣдь, выливая изъ нея разныя орудія и фигуры, которыя я намѣренъ описать здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Три года тому назадъ, когда М. К. Сидоровъ предпринялъ путешествіе по сѣверному отклону Уральского хребта для отысканія новаго пути для торговыхъ сношеній сѣверной Европейской Россіи съ Азіатскою, я просилъ его, во время проѣзда по рѣкѣ Печорѣ, обратить вниманіе на древніе курганы Заволочской Чуди. Онъ, бывши при устьѣ р. Соплясы въ Печору, приобрѣлъ много мѣдныхъ и желѣзныхъ древнихъ вещей, указывающихъ на бронзовый вѣкъ Заволочанскихъ Скиновъ, или нынѣшнихъ Зырянъ. Къ этимъ вещамъ принадлежатъ и слѣдующія, вылитыя изъ такой же мѣди, какъ описанныя мною прежде, и представляющія также фигуры разныхъ животныхъ, имѣющихъ на груди изображеніе человѣческаго лица. Подобное изображеніе указываетъ, по моему мнѣнію, на вѣрованіе Скиновъ въ переселеніе душъ въ разныя животныя. Сюда относятся:

1) Бронзовый медвѣдь, въ 3 дюйма высотой, сидячій и украшенный на груди, на брюхѣ, на переднихъ и заднихъ лапахъ разными изображеніями, въ видѣ пояса, на которомъ видны какъ бы мелкія растенія, пуговицы и др. предметы, которые такъ неясны по причинѣ дурной отливки, что трудно сказать, что именно изображаютъ они. Впрочемъ видно, что это были украшенія и должны принадлежать древней Чуди или Скинамъ, которые украшали свои платья золотыми бляхами разной формы, представляющими по большей части орловъ, филиновъ, ласточекъ, зайцевъ, медвѣдей, людей, и т. д. Я имѣю въ своей коллекціи другаго медвѣдя изъ той же мѣстности, изъ такой же Уральской мѣди, на груди котораго изображено человѣческое лицо, что доказываетъ убѣжденіе древней Чуди въ переселеніе душъ въ другія животныя. Поясы всегда почти видны на древнихъ Чудскихъ изображеніяхъ, такъ какъ къ нимъ прикрѣплялась чашка, молотокъ, ножъ, и др. вещи, нужныя имъ въ домашнемъ употребленіи ¹⁾).

¹⁾ См. о чашкѣ Скиновъ статью мою о Чудскихъ копяхъ. С.-Петербургъ, 1856, (или въ Запискахъ Импер. Археологич. Общества т. 9).

2) Фигура женщины, длиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, литая изъ такой же мѣди, въ половину туловища; видны однѣ руки, а ногъ нѣтъ. По нѣжному тѣлосложенію можно догадываться, что изображеніе представляетъ жертвую для памяти родственниковъ, а по смерти ихъ преданную также землѣ. Головной уборъ этой фигуры замѣчательнѣе тѣмъ, что три главныхъ острія, т. е. чепчикъ подобный тому, какъ и нынѣ носятъ западныя Чудскія женщины и который оканчивается длиннымъ остріемъ, нагнутымъ впередъ надъ лбомъ, — невольно напоминаетъ мидійскій головной уборъ т. е. народа, съ которымъ Скиѣны прежде находились въ большихъ торговыхъ сношеніяхъ.

3) Мѣдное колесо, почти въ 2 дюйма въ поперечникѣ, и снаружи украшенное разными угловатыми знаками, не имѣющими ни какого значенія. Колесо указываетъ—*pars pro toto*—на повозки, въ которыхъ тогда переселялась Чудь или Скиѣны Гамаксобиі (*Seythae hamachobii*) съ одного мѣста на другое, повозки, служившія имъ въ то же время и для жилища, какъ это описываетъ Геродотъ. Скиѣны тогда погребали своего царя и другихъ знатныхъ покойниковъ такимъ образомъ, что перевозили ихъ на арбахъ или повозкахъ отъ одного племени къ другому до похоронъ въ курганахъ, на которыхъ, въ слѣдующія за тѣмъ времена, ставились каменные бабы, огромныя нагія фигуры, державшія руками у брюха чашку. Мнѣ кажется, что эти каменные фигуры соотвѣтствуютъ тѣмъ мѣднымъ фигурамъ, которыя Чудь клала въ гробъ съ покойниками и которыя въ древности имѣли символическое представленіе переселенія душъ; а впослѣдствіи у Комановъ (у камской Чуди) еще другое значеніе, т. е. для сохраненія памяти знатныхъ Команскихъ полководцевъ, которыхъ обыкновенно погребали при большой дорогѣ, по которой тогдашняя Чудь переселилась изъ Азіатской Россіи въ Европейскую и отсюда въ западную Европу. Команы и Венгерцы или Угры русскихъ Лѣтописей, во время переселенія народовъ съ востока на западъ, шли также по этой дорогѣ.

4) Двѣ желѣзныя стрѣлы, длиною въ $2\frac{1}{2}$ дюйма и шириною внизу у черешка въ 1 дюймъ; середина ихъ съ обѣихъ боковъ имѣетъ киль, идущій съ основанія стрѣлы къ оконечности ея. Подобныя стрѣлы обыкновенно находятся между греческими и римскими древностями, такъ что изъ нихъ видно уже усовершенствованіе литейнаго искусства по указанію западныхъ, болѣе образованныхъ, народовъ. Вообще находка желѣзныхъ стрѣлъ и желѣзнаго меча, найденнаго вмѣстѣ съ мѣдными вещами, указываетъ, что печерскій курганъ принадлежалъ по крайней мѣрѣ къ послѣднему времени бронзоваго вѣка или къ началу желѣзнаго, въ которомъ Заволочская Чудь успѣла уже познакомиться съ литьемъ желѣзныхъ орудій. Самъ Геродотъ упоминаетъ, что Скиѣны тогда поклонялись желѣзному мечу. Это доставляетъ возможность приблизительно опредѣлить вѣкъ печорскаго кургана изъ доисторическихъ временъ и доказать, что Заволочская Чудь или Зыряне дѣйствительно должны быть Геродотовы Скиѣны. Этимъ же Скиѣамъ, по его описанію, было извѣстно переселеніе душъ, ученіе принесенное къ Скиѣамъ ученикомъ Пифагора, Замолксомъ. Главное условіе этого ученія состояло въ молчаніи и по этому изъ названія этого ученика Пифагорова видно, что онъ былъ Фракіецъ славянскаго происхож-

денія; Греки называли его *Zamolxis*, слово, которое, вѣроятно, происходитъ отъ замолкъ, т. е. замолчалъ.

Чудскія древности находятся не только на западномъ отклонѣ Уральскаго хребта, но чаще и на восточномъ склонѣ, а въ особенности по р. Оби и Абакану. Тамъ, за Барабинскою степью въ Алтайскомъ хребтѣ, жила въ древнія времена Алтайская Чудь, Геродотовы *Scythae Agimasri* и др., которые занимались добываніемъ мѣди и золота въ Салаирскомъ хребтѣ и его южныхъ пригорьяхъ. Многочисленные, богатые золотыми, серебряными и мѣдными издѣліями курганы по р. Абакану, указываютъ на важный народный промыслъ, посредствомъ котораго Алтайскіе Скифы или Аримаспы уже въ самой глубокой древности имѣли значительныя торговыя сношенія съ восточными народами средней Азіи, Персіи и съ западными Греками, у которыхъ изучили искусство плавить желѣзо и серебро, такъ какъ они до тѣхъ поръ занимались одною плавкою золота и мѣди.

Я уже прежде описалъ самые интересные памятники изъ этихъ отдаленныхъ временъ Чудской древности въ моемъ сочиненіи о Чудскихъ копяхъ, а здѣсь намѣренъ упомянуть объ одномъ мѣдномъ украшеніи, найденномъ по р. Соби, впадающей въ р. Обь подъ 66°30' сѣв. шир.

Это украшеніе состоитъ изъ удлинненно-четырёхъугольной выпуклой мѣдной пластинки, на которой представлены слѣдующія фигуры сѣверныхъ животныхъ: медвѣдь, лежащій внизу этой пластинки и показывающій одну голову и двѣ переднія лапы съ рядомъ украшеній на нихъ, состоящихъ изъ круглыхъ пуговицъ. Подобныя круглыя золотыя пуговицы служили украшеніями медвѣдямъ, происшедшимъ изъ превращенныхъ по смерти Чудскихъ людей. Они же при жизни такимъ образомъ украшали свои платья подобными мѣдными и золотыми украшеніями. Выше медвѣжьей головы изображены двѣ головы росомыхъ, а выше ихъ двѣ цѣлыя росомыхи, которыя ясно можно узнать по длинному выпуклому тѣлу и короткому пушистому хвосту. Они, имѣя на лапахъ украшенія изъ золотыхъ бляхъ, занимаютъ средину мѣдной пластинки, продыравленной тамъ, гдѣ остается пустое мѣсто между ногами росомыхъ и ихъ тѣломъ. Обѣ росомыхи обращены другъ къ другу головами и смотрятъ на голову медвѣдя, какъ будто хотятъ напасть на него.

Медвѣдь—равно какъ и росомыхи, принадлежатъ къ сѣвернымъ животнымъ тѣхъ странъ, гдѣ найдена пластинка, и по этому Чудь, выливавшая этотъ памятникъ, жила тогда уже на сѣверѣ, какъ и Заволочская Чудь. Она безъ сомнѣнія была вытѣснена изъ южныхъ Алтайскихъ странъ другою болѣе воинственною Чудью, занимавшеюся тогда золотымъ промысломъ и обширною торговлею съ Греками и съ западомъ Европы.

Тамъ, гдѣ найдена была М. Б. Сидоровымъ мѣдная пластинка, нынѣ кочуютъ Остяки, которые, какъ и Самоѣды, финскаго племени и, подобно Вогуламъ и Зырянамъ, принадлежатъ къ древнему Чудскому или Скиескому народу, занимавшемуся въ глубокой древности на Алтайскомъ и Уральскомъ хребтахъ добываніемъ золота, серебра, мѣди и въ послѣдствіи — желѣзныхъ рудъ.

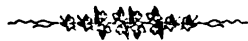
Необходимо, по нынѣшнему состоянію этнографическихъ и археологическихъ наукъ, чтобы ученые по этимъ предметамъ Общества въ Россіи обратили болѣе вниманія на Печорскій и Обскій края, для собиранія на мѣстѣ подробныхъ свѣдѣній о тамошнихъ Чудскихъ курганахъ и каменныхъ, мѣдныхъ и др. орудіяхъ, такъ часто встрѣчающихся тамъ и въ Олонецкой губерніи, а оттуда и по всей Финляндіи.

Эти свѣдѣнія могли бы объяснить намъ каменный и бронзовый вѣка чело-вѣческаго рода, такъ много нынѣ занимающіе ученыхъ этнографовъ западной Евро-пы. Мнѣ кажется, что по сходству каменныхъ орудій сѣверной Россіи съ кельтскими, можно бы объяснить древность и первобытныя жилища Кельтовъ, о которыхъ ино-странные этнографы и антиквары такъ много писали, не принявъ во вниманіе древ-ностей, открытыхъ на русской землѣ.

Э Эйхвальдъ.

Приписка. Мнѣніе о лингвистическомъ тождествѣ греческаго наименованія Скиѣвъ, Σκιδάρης съ славянскимъ Шоудъ, Чюдъ, сколько знаемъ — въ первый разъ было высказано Раскомъ, а за нимъ и Шафарикомъ (Slov. Star. 1-ое изд. 238 и слѣд.), считаемъ не лишнимъ привести, по этому поводу, замѣчаніе Якова Гримма и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что вполне его раздѣляемъ: «такъ какъ между Славя-нами и Греками, гов. онъ, звуки не подлежатъ закону перебоя (die laute sich nicht verschieben), то, даже допустивъ переходъ сѣ въ ш, ч,—подозрительнымъ останется переходъ ѣ въ д; еще не вѣроятнѣе думать, чтобы названіе, которымъ сосѣди Славяне обозначили не скиѣскихъ Финовъ, получило при томъ у Грековъ общую силу и упо-требленіе для наименованія древнихъ Скиѣвъ. Гораздо вѣроятнѣе старинное произ-водство имени Скиѣвъ отъ нѣмецкаго корня skiutan = jasculari, отъ употребленія копья и лука у всѣхъ Скиѣвъ, подобно тому, какъ и многія нѣмецкія племена назвались по оружію....» etc. (Gesch. d. Deutsch. Spr. I, 220). Другое разногласіе съ мнѣ-ніемъ почт. Э. И. Эйхвальда позволимъ мы себѣ относительно племенъ кельтскихъ, которымъ онъ приписываетъ происхожденіе европейскихъ каменныхъ орудій. Старая добрая вѣра въ кельтскій источникъ каменныхъ орудій могла существовать; она ни-чего не подозрѣвала о словѣ (и конечно не одномъ) первобытныхъ обитателей Европы, ей нужно было куда нибудь приурочить каменные орудія, и она отнесла ихъ къ Кельтамъ, древнѣе которыхъ ничего не знала; но такое мнѣніе—само собою—должно пасть послѣ того, какъ наука незыблемо утвердила фактъ существованія оби-тателей Европы, предшествовавшихъ приходу Индо-европейскихъ племенъ, тѣмъ бо-лѣе, что оно ничего не имѣетъ за собою, кромѣ доброй вѣры и такъ многое имѣетъ противъ себя. На нѣкоторыя стороны этого вопроса мы указывали прежде (Древност-ти. Труды Московскаго Археологич. Общ. вып. I-й М. 1865., ст. «объ обработкѣ ме-талловъ»), и туда позволяемъ себѣ отослать теперь нашего читателя.

А. К.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Habent sua fata libelli.

Старая литература наших отреченныхъ книгъ, какъ извѣстно, представляетъ разнообразное собраніе легендарныхъ сказаній, баснословныхъ повѣстей, притѣтъ, предвѣщаній и суевѣрій. Въ цѣломъ, содержаніе этой литературы раскрываетъ передъ нами любопытныя черты популярнаго міровоззрѣнія древней и особенно средневѣковой Руси, потому что здѣсь, въ этихъ книгахъ, дѣйствительно замѣчались многоразличные элементы этого міровоззрѣнія, начиная съ апокрифической теогоніи и космогоніи, и апокрифическаго вѣроученія, до мелкихъ суевѣрій, прилагавшихся непосредственно къ бытовой жизни. Составъ этой литературы, почти вполнѣ заимствованной и переводной, теперь достаточно извѣстенъ, сдѣлано много указаній объ ея источникахъ, но цѣлый историческій смыслъ ея относительно народнаго міровоззрѣнія едва ли представлялся нашимъ историкамъ достаточно отчетливо. Для полнаго опредѣленія этой литературы важно съ указаніемъ ея источниковъ указать и то, — какому культурному слою принадлежитъ то содержаніе понятій, которое путемъ отреченныхъ книгъ переходило въ народное міровоззрѣніе. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого предмета и другихъ элементовъ старыхъ народныхъ понятій, мы приходимъ къ общему вопросу о томъ, — изъ какихъ источниковъ вообще питались народные взгляды; и опредѣленіе его много бы содѣйствовало положительному объясненію того, что мы называемъ народнымъ представленіемъ или народной идеей, и что до сихъ поръ объяснялось почти исключительно въ метафизическомъ смыслѣ.

Вопросъ чрезвычайно любопытный, и отреченное міровоззрѣніе даетъ не мало матеріаловъ для его рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, эта литература занимала несомнѣнно большую роль въ образованіи народныхъ представленій и вѣрованій; до извѣстной степени она сохраняла эту роль и до послѣдняго времени въ народной массѣ, которая, вдали отъ городскихъ центровъ, увлекаясь полуграмотной пытливостью, продолжаетъ питаться старыми преданіями изъ старыхъ сборниковъ и тетрадокъ, или устныхъ пересказовъ. Содержаніе этихъ сборниковъ въ средневѣковой Руси было гораздо богаче нынѣшняго и имѣетъ свою генетическую исторію, которая очень часто способна указать намъ реальными фактами начало многихъ представленій, которыя входили или еще входятъ въ кругъ народнаго образа мыслей.

Какъ мы замѣтили, эта старая литература была почти вполнѣ заимствованная изъ готовыхъ чужихъ источниковъ; она стала народной только по тому жадному любопытству, съ какимъ она была воспринята въ книжнической и народной средѣ средневѣковой Руси, вкуса и степени развитія которой она очевидно отвѣчала, и потому, что въ этой средѣ она естественно испытала болѣе или менѣе обширную переработку. Она дала пищу этому любопытству и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщила ему принадлежавшій ей фантастически-суевѣрный характеръ, отъ котораго и теперь съ трудомъ освобождается народная мысль. Вопросъ: откуда шло это содержаніе,—разрѣшается генетической исторіей этихъ представленій, для которой мы и хотимъ сообщить нѣсколько замѣтокъ.

1. БРОНТОЛОГИИ И АСТРОЛОГИЧЕСКІЯ ПРЕДВѢЩАНІЯ.

Сначала о Бронтологіяхъ. Въ ряду отреченныхъ книгъ постоянно упоминается книга «Громовникъ», одна изъ многихъ предвѣщательныхъ книгъ, составлявшихъ значительную долю отреченной литературы. Громовникъ заключаетъ въ себѣ собственно предсказанія, которыя дѣлались по грому о различныхъ предметахъ: погодѣ, урожаѣ или неурожаѣ хлѣба и плодовъ, о появленіи болѣзней, о мятежахъ и ратныхъ походахъ и т. п. Одни громовники рассчитаны были по тому, въ какомъ знакѣ зодіака будетъ солнце, когда случится громъ; другіе—въ какомъ будетъ фазисъ луны; подъ именемъ громовника шли и такія предвѣщанія, гдѣ уже нѣтъ рѣчи о громѣ, а просто объясняются всякія знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ,—солнечныя и лунныя затмѣнія, кометы и т. п. Нѣсколько такихъ громовниковъ соединено въ описанной книгѣ сербской рукописи XVI-го вѣка, Вѣнской бібліотеки (Архивъ, Балач. 1860—1861, кн. I); другіе подобные громовники изданы были въ моемъ собраніи Отреч. книгъ и въ изданіи г. Тихонравова, гдѣ читатель можетъ ознакомиться съ ними подробнѣе.

Легко видѣть съ перваго взгляда, что это были произведенія—византійскія. Греческіе индексы запрещенныхъ книгъ (по образцу которыхъ составила и наша статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ) упоминаютъ эти «такъ называемые Громовники» (τὰ λεγόμενα βροντολόγια), которые дѣйствительно существовали въ византійскій періодъ греческой литературы и до сихъ поръ встрѣчаются въ греческихъ рукописяхъ разныхъ европейскихъ бібліотекъ. Эти греческіе Бронтологіи, на ряду съ другими подобными произведеніями астрологическаго и предвѣщательнаго свойства, откуда брались наши Громовники, Колядники, Молніянники, Мартологи и т. п. ложныя книги, были въ самой греческой литературѣ ничтожнымъ остаткомъ отъ лучшихъ временъ, слабымъ воспоминаніемъ о старой греческой астрономіи временъ Гиппарха и Птолемея; но изъ того научнаго характера, какой имѣли астрономическія вычисленія этихъ замѣчательныхъ людей, позднѣйшіе любители астрономіи сохранили только одну календарную виѣшность, которая все больше и больше украшалась астрологическими выдумками, и изъ прежней астрономіи остались, наконецъ, только одни предвѣщательныя умствованія, къ которымъ относятся и Бронтологіи. Настоящая астро-

номія со время Птолемея оставалась уже совершенно бесплодна, и чѣмъ больше греческая литература вступала въ свой византійскій періодъ, тѣмъ сильнѣе становился упадокъ научныхъ знаній. Произведенія этого средняго періода, между паденіемъ Александрійской школы и полнымъ развитіемъ византійской литературы, произведенія, стоявшія на перепутьѣ отъ старой греческой науки къ полному господству средневѣковаго мистицизма и еще принимавшія въ себя немногіе остатки этого стараго греческаго знанія, — эти произведенія и были тѣмъ отдѣломъ византійской литературы, откуда древняя Русь могла пріобрѣсть свои скудные знанія, а гораздо чаще — фантастическія суевѣрія.

У позднѣйшихъ писателей объ астрономическихъ предметахъ, какъ мы сказали, астрономія все больше и больше переходила въ астрологію. У одного изъ такихъ писателей, Прокла, сочиненія котораго сохранились (V-й вѣкъ), основныя положенія астрологіи уже выставлены весьма опредѣлительно: изученіе вліяній небесныхъ свѣтилъ на человѣка подведено подъ извѣстныя правила, звѣздамъ и планетамъ приписаны опредѣленные свойства; однимъ словомъ дана программа, которую исполняла позднѣйшая средневѣковая астрологія. Такимъ же писателемъ былъ грекъ Іоаннъ Лаврентій, по прозванію Лидіецъ (Λυδός, ум. въ 565 г.), занимавшій важное мѣсто въ государственномъ управленіи при императорахъ Юстинѣ и Юстиніанѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ Газе (Ioannis Laurentii Lydi, de Ostentis quae supersunt etc. Ed. Hase, Paris. 1823), собралъ множество астрологическаго матеріала, который пользовался тогда предвѣщательнымъ авторитетомъ. Лидіецъ можетъ служить характеристическимъ представителемъ тогдашняго положенія византійскихъ знаній и вмѣстѣ образчикомъ тѣхъ византійскихъ источниковъ, изъ которыхъ болгарская и сербская, а за ними русская письменность получали свой запасъ полу-понимаемыхъ знаній и суевѣрій. Самъ Лидіецъ пользовался для своей астрологіи самыми разнообразными матеріалами. Сочиненія его «о мѣсяцахъ» (περὶ μηνῶν) и «о знаменіяхъ» (περὶ διστυμειῶν) представляютъ всѣ элементы болѣе позднихъ астрологическихъ книгъ византійской популярной литературы. Онъ воспользовался старымъ матеріаломъ этого рода изъ римскихъ календарей и предвѣщательныхъ книгъ, какія были въ ходу еще въ послѣднее время республики и въ первое время имперіи, когда въ Римѣ пользовалась чрезвычайнымъ успѣхомъ халдейская астрологическая премудрость. Римъ уже издавна наполнялся малоазійскими, египетскими и халдейскими предсказателями; «Эфемериды» и «Петозирисъ» (книга, названная по имени египетскаго мудреца, весьма извѣстнаго и въ позднѣйшихъ византійскихъ оракулахъ) были необходимой книгой для каждаго; Ювеналъ и Тацитъ часто говорятъ о всеобщей страсти римлянъ къ гаданьямъ, о суевѣрномъ уваженіи къ силѣ звѣздъ и чиселъ. Первые императоры возставали противъ сильно вкоренившагося предрасудка, запрещали гадательныя книги (libri fatidici), но это нисколько не останавливало ихъ господства. Лаврентій Лидіецъ воспользовался римскимъ матеріаломъ, книгами друга Цицеронова Нигидія Фигула, Клавдія Туска, Фонтейя и проч.; но кромѣ того ему извѣстны были и другіе источники, восточные и греческіе: Зороастръ, упомянутый Петозирисъ, Аристотель, Птоломей. Въ книгѣ «о знаменіяхъ» передаются во пер-

выхъ свѣдѣнія о затмѣніяхъ, кометахъ и предсказанія по нимъ; о движеніи луны черезъ двѣнадцать зодіакальныхъ знаковъ и вліяніи этого движенія на изобиліе или неурожай плодовъ, спокойствіе государства и т. п.: напр., когда луна находится въ знакѣ козерога, блѣдность ея предвѣщаетъ изобиліе; мгла предвѣщаетъ градъ, сильный вѣтеръ означаетъ нашествіе врага и т. п. Далѣе говорится о громѣ (пер! βροντῶν)—совершенно въ томъ же духѣ, какъ въ нашихъ Громовникахъ. Разобравши мнѣнія о вліяніи грома, господствующія у Халдеевъ, Писагорейцевъ, Евреевъ и Египтянъ, Лидіецъ передаетъ свои предсказанія, располагая ихъ по движенію солнца. Если, напр., загремитъ громъ въ декабрѣ, когда солнце вступаетъ въ знакъ стрѣльца, это предвѣщаетъ—по словамъ Лидійца—опасность для царей парянскихъ и для всего народа; Кельтская земля, Этрурія и Счастливая Аравія будутъ возмущены, въ особенности оружіемъ, потому что стрѣлецъ есть знакъ мужской. Громъ въ сентябрѣ означаетъ нашествіе враговъ и плѣнъ, особенно для дѣвушекъ, потому что къ нимъ относится знакъ Дѣвы; предсказаніе это распространяется на Грецію, Бритъ, Вавилонію и т. д. Къ этому разсужденію Лидіецъ прибавляетъ цѣлый громовой дневникъ (ἐν τῇ αἰσῇ βροντολογικῇ), извлеченный изъ Нигидія Фигула и примѣненный къ движенію луны: дневникъ служитъ только для Рима, на который разсчитывалъ Нигидій. За тѣмъ идетъ другой громовникъ, взятый у Фонтейя и составленный по общимъ указаніямъ луннаго движенія; напр., когда луна вступаетъ въ знакъ скорпіона, то громъ, случившійся въ это время, означаетъ смуты у Арабовъ, неурожай плодовъ, Ассирія будетъ угнетена голодомъ; если загремитъ ночью, то будутъ пожары, разрушеніе приморскихъ городовъ, гибель плодовъ и животныхъ и т. д.,—однимъ словомъ, тотъ самый разрядъ предсказаній, какой мы находимъ въ нашихъ громовникахъ. Отдѣлъ «о молніяхъ» (пер! κεραυνῶν) такимъ же образомъ соотвѣтствуетъ молніяннику. Лидіецъ опять приводитъ сначала общія понятія о молніи, о разныхъ родахъ ея, о странныхъ ея паденіяхъ, наконецъ излагаетъ самыя предвѣщанія, располагая ихъ по движенію солнца и основывая на томъ, куда падаетъ ударъ молніи—въ рѣку или въ море, въ частный домъ или общественное зданіе, въ какую часть его и т. д. Предсказанія относятся къ тѣмъ же предметамъ—урожаю или неурожаю, миру или войнѣ и т. д.

Далѣе, новый отдѣлъ книги посвященъ землетрясеніямъ и наконецъ движенію звѣздъ, ихъ восхожденію и захожденію, что называлось у насъ звѣздочтеніемъ. Изложивши движеніе звѣздъ, Лидіецъ замѣчаетъ, что иные по невѣжеству возражаютъ, что такое исчисленіе хода звѣздъ не приходится для всѣхъ странъ; на это по его мнѣнію надо отвѣчать тѣмъ, что конечно знаки зодіака, обнимающіе все небо, не собираются всѣ въ одной землѣ, и поэтому надобно знать, какимъ знакамъ зодіака подчинены или соотвѣтствуютъ разныя страны земли: тогда истина откроется тому, кто захочетъ ее изслѣдовать. Этотъ перечень земель по знакамъ зодіака онъ дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ:

Овну подчиняется, или соотвѣтствуетъ — Британія, Галлія, Германія, Бастарны, Келесирія и т. д.

Тельцу—Биклады, Бипръ, Парянская земля и т. д.

Близнецамъ—Гирканія, двѣ Арменіи, Колхида, Нумидія и т. д.

Дѣвѣ—Греція, Ахаія, Бритъ, Вавилонъ и пр. (Hase, p. 259).

Пользуясь для своихъ римскимъ старымъ матеріаломъ, Лидіецъ не упоминаетъ однако о событіяхъ, какихъ можно было ожидать у него по его источникамъ; онъ не говоритъ ни о галльскихъ, ни о германскихъ войнахъ;—напротивъ, предсказанія его относятся къ Византійской имперіи, и Газе дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что онъ выбиралъ изъ старыхъ книгъ преимущественно то, что могло имѣть отношеніе къ его времени и странамъ которыя были для него занимательны, и опускалъ то, что уже было чуждо для грековъ VI-го столѣтія. Не было бы ничего мудренаго и въ томъ, еслибы онъ просто замѣнилъ прежнія имена и событія новыми.

Такъ или иначе, но подобная передѣлка предвѣщательныхъ книгъ несомнѣнно происходила и послѣ: характеръ предвѣщаній остается одинъ и тотъ же, но сцена дѣйствія мало по малу измѣнялась, такъ что болѣе поздніе византійскіе Бронтологи, Селенодроміи, Каландологіи и т. д.,—которые еще сохраняются въ греческихъ рукописяхъ и о которыхъ мы можемъ судить и по старымъ южно-славянскимъ переводамъ,—постоянно говорятъ о Царьградѣ, Анатолиі, Сарацинской землѣ. Южно-славянскіе переводчики еще разъ измѣнили мѣсто дѣйствія. Правда, въ нихъ иногда еще очень ясно видѣнъ византійскій горизонтъ: описанная нами сербская рукопись XVI-го вѣка говоритъ о Египтѣ, Мидянахъ и Аравитянахъ; судьба «Аравлянъ» имѣетъ свое мѣсто и въ русскомъ громовникѣ прошлаго столѣтія;—но другія редакція уже оставляютъ эти опредѣленные, но индифферентныя для новаго читателя указанія и говорятъ только о западныхъ, восточныхъ, сѣверскихъ странахъ, которыя читатель могъ понимать по усмотрѣнію. Сербская рукопись повторяетъ указанное нами у Лидіица обозначеніе странъ соотвѣтственно знакамъ зодіака; но вмѣсто тѣхъ названій, какія могли находиться въ подлинномъ греческомъ бронтологіи, славянскій переводчикъ (ежели не переписчикъ) поставилъ, конечно по произволу, имена странъ, соотвѣтствовавшія его собственному горизонту: такимъ образомъ рыбамъ соотвѣтствуютъ у него Фрузи т. е. Фригія, овну Римъ, близнецамъ—болгарскій Терновъ, раку—Русь, льву—Дунай, хомуту т. е. вѣсамъ—Іерусалимъ, козерогу—Сербія и т. д.

Запрещеніе громовниковъ, колядниковъ, и т. д. въ нашей статьѣ о ложныхъ книгахъ было взято непосредственно у греческихъ моралистовъ, которые подвергали каноническому осужденію Бронтологіи и Каландологіи, какъ вещь, оставшуюся отъ языческихъ временъ. Такое запрещеніе находится уже у писателя IX-го вѣка, Никифора Омологеты, который рядомъ съ Апокалипсисомъ Павла, Ездры, Зосимы осуждаетъ и эти книги (*τὰ λεγόμενα βροντολογία καὶ σεληνοδρομία ἢ καλανδολογία οὐ χρὴ δεχέσθαι, βεβήλα γὰρ πάντα*; у Фабриція, Nov. Test. p. 952).

Цѣлая литература этого предмета была весьма обширна: астрологическое искусство (*ἀστρονομικὴ τέχνη*), въ византійскомъ періодѣ окончательно замѣнившееся настоящею астрономію, уже давно рекомендовалось любителямъ, какъ вещь весьма полезная въ жизни, и въ рукописяхъ ходило множество астрологическихъ трактатовъ съ именами Птолемея, Прокла, Антиоха, Геліодора, халдейскихъ и египетскихъ мудрецовъ и т. д. Много такихъ трактатовъ упоминаютъ библиографы византійской ли-

тературы. Указываемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ рукописей, имѣющія ближайшее отношеніе къ нашей отреченной астрологіи.

Нѣсколько подобныхъ произведеній указываетъ въ своемъ Словарѣ Дюканжъ, — между прочимъ даже Бронтологія, приписанная царю Давиду (*βροντολογία Δαβὶδ τοῦ προφῆτου*), слѣдовательно уже съ готовымъ сказочнымъ и отреченнымъ характеромъ, который былъ повидимому такъ привлекателенъ вообще для древнихъ славянскихъ переводчиковъ отреченныхъ книгъ.

Въ томъ же Словарѣ приведенъ образчикъ каландологіи, подъ этимъ словомъ. Подобное произведение, съ именемъ Антиоха, указываетъ Ламбецій въ своихъ Комментаріяхъ (7, стр. 92): *περὶ καλανδῶν πρόγνωσις Ἀντιόχου* (начин. *ἐν γένηται καλανδα τῇ α' ἡμέρᾳ, ἔσται χειμῶν χρήσιμος*, и проч.).

Нессель, въ *Catalog. bibl. Vindobon.* (I, стр. 349), указываетъ рукопись Селенотромиа: *Σεληνόδρομον τῶν ἐν κόκλῳ τῆς σελήνης* (начин. *Ἐκάστη σελήνη ἔχει ἡμέρας* и проч.). Тамъ же, стр. 343, предвѣщанія о судьбѣ человека по его рожденію и т. д.

Мы не намѣреваемся входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ предметѣ: библиографы древней литературы могутъ еще ближе опредѣлить очерченную здѣсь линію генетической исторіи упомянутыхъ памятниковъ; но и изъ указанныхъ нами литературныхъ фактовъ можно видѣть и живучесть народнаго суевѣрія, и культурно-историческое достоинство его источниковъ. Мы видѣли, какимъ образомъ наши Громовники (послѣдніе документальные слѣды которыхъ доходятъ до XVIII-го столѣтія, и стало быть, еще очень недалеки отъ насъ), черезъ греческіе Бронтологіи, черезъ Лаврентія Лидійца, черезъ Нигидія Фигула, открываютъ намъ историческую перспективу до жреческихъ книгъ Рима и до халдейской и египетской премудрости, которую заносили въ Римъ восточные звѣздочеты и которая сохраняла авторитетъ и между византийскими книжниками. Не менѣе любопытную перспективу этого рода представляетъ другой памятникъ, о которомъ мы хотимъ прибавить нѣсколько словъ.

II. ГЕРМЕСЪ ТРИСМЕГИСТЪ.

Этотъ другой памятникъ старой отреченной литературы и новѣйшаго суевѣрія, въ свое время изданный мною по современной рукописи, доставленной мнѣ однимъ любителемъ изъ Оренбургской губерніи, приводитъ насъ къ Гермесу Трисмегисту, знаменитому родоначальнику герметической философіи, которая имѣла столько пламенныхъ, хотя не весьма разсудительныхъ, почитателей отъ среднихъ вѣковъ и до новѣйшихъ масоновъ и мартинистовъ. Впрочемъ, какъ увидимъ, упомянутый памятникъ не составляетъ подлинной герметической книги въ томъ смыслѣ, какъ это слово обыкновенно понимается.

Русская отреченная книга, о которой мы говоримъ, есть «Трепетникъ», изданный нами прежде въ Архивѣ г. Калачова (1860—1861, кн. II) и заключающій въ себѣ предвѣщанія по трепетанью разныхъ частей тѣла, руки, ноги, глаза, уха, бро-

ви и т. д., что означает радость, печаль, болѣзнь, дорогу, удачу или неудачу въ дѣлахъ, «немошь отъ питія», драку и т. д.

Гермесъ Трисмегистъ, т. е. Величайшій, есть греческое имя одного древне-египетскаго мифологическаго существа, особенная слава котораго создавалась въ александрийскій періодъ греческо-египетской цивилизаціи. Гермесъ Трисмегистъ представляется то божествомъ, то лицомъ историческимъ, и какъ греческій Гермесъ (имя котораго онъ и принялъ), это былъ, вообще посредникъ между богами и людьми, который такимъ образомъ представлялъ александрийскимъ теософамъ удобное средство для авторитетнаго изложенія ихъ мистическихъ умозрѣній и мечтаній. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности объ этой сторонѣ Гермеса, и намъ достаточно указать любознательному читателю, который бы заинтересовался началомъ герметической философіи, книгу Менара (*Ménard, Hermès Trismégiste, traduction et étude sur l'origine des Livres Hermétiques, Paris 1866*), гдѣ онъ найдетъ опредѣленіе значенія книгъ Гермеса въ александрийскомъ ново-платонизмѣ и теософіи. Мы скажемъ только, что Гермесу, олицетворявшему собой мудрость жрецовъ и теософовъ, приписывалось изобрѣтеніе и начало всѣхъ человѣческихъ наукъ и искусствъ, изобрѣтеніе письма и іероглифовъ, чиселъ, геометріи и астрономіи, основаніе законодательства, начало медицины, алхиміи и магіи. Отсюда произошло названіе «герметическихъ книгъ», заключавшихъ въ себѣ эту греческо-египетскую мудрость; отсюда герметическая философія, герметическая медицина и т. д.; въ нихъ заключалась вся догматика и литургика, наука и мораль. Въ ново-платонической Александріи герметическая философія имѣла свою самую блестящую пору, и мифическому Гермесу Трисмегисту приписано было много новыхъ произведеній тогдашняго мистицизма. Эта мудрость была доступна только немногимъ избраннымъ и передавалась, какъ таинственное преданіе, для чего принята была фиктивная «герметическая цѣпь», т. е. послѣдовательный рядъ мудрецовъ, хранившихъ преданіе. Новѣйшіе масонскіе теософы XVIII-го вѣка утверждали, что эта цѣпь дошла непосредственно и до нихъ, и своей собственной философіи они охотно давали названіе герметической.

Съ теченіемъ времени старая герметическая философія отчасти забывалась и терялась, отчасти дополнялась новыми произведеніями, которыя по прежнему обычаю приписывались Гермесу Трисмегисту. Вмѣстѣ съ тѣмъ мельчала и самая мудрость. Герметическія книги стали приноровляться къ понятіямъ массы, и такимъ образомъ могъ совершиться переходъ отъ туманнаго, но возвышеннаго мистицизма «Пастыря», или «Дѣвы Міра», или «Посвятительной рѣчи» Гермеса Трисмегиста, къ тѣмъ нисколько не туманнымъ и всего менѣе возвышеннымъ произведеніямъ, которыя носили имя Гермеса въ позднѣйшей византійской литературѣ. Къ такой измельчавшей герметической мудрости относится и подлинникъ нашего отреченнаго Трепетника. Этотъ подлинникъ найденъ былъ мною въ одной изъ средне-греческихъ рукописей Вѣнской бібліотеки, по краткому описанію ея въ каталогѣ, и выписка изъ этой рукописи, сообщенная проф. Миклошичемъ, дѣйствительно представляетъ памятникъ, если и не имѣющій буквальнаго сходства съ нашимъ, то имѣющій почти буквальный смыслъ, однимъ словомъ памятникъ вполне однородный. Выписка изъ Вѣнской

рукописи, которую мы здѣсь приводимъ, убѣждаетъ въ этомъ совершенно (Codex med. gr. № 50, fol. 77, b—78, a).

Ἑρμοῦ Τριμεγίστου περὶ τῶν μελῶν τοῦ ἀνθρώπου ἔσαν λαγγέβουν. γνῶρισε οὕτως:

Ὁφρὶς δεξιὸς ἔαν ἄλυται, ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ νοσῶν τῷ ἑλευθέρῳ δηλοῖ τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὁφρὶς ἀριστερὸς ἔαν ἄλυται, εὐπορίαν καὶ ἔπαινον καὶ θύζαν καὶ πλοῦτον σημαίνει.

Ὁφθαλμὸς δεξιὸς ἔαν ἄλυται, πολλῶν καὶ μεγάλων ἀγαθῶν ἐπίκτησιν δηλοῖ τῶν ἑλευθέρων ἑλευθερίαν. τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὁφθαλμὸς δεξιὸς τῷ ἄνῳ βλεφάρῳ αἱ ἐν πορείαις ὀύζει καὶ τιμὴ τῷ ἑλευθέρῳ, τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὁφθαλμὸς ἐξωνύμιος ἔαν ἄλυται, τῷ ἑλευθέρῳ λύπην σημαίνει, τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὡτίον δεξιὸν ἔαν ἄλυται, ἡ δὲ ἡχώση λύπην σημαίνει.

Ἡ δὲ τοῦ ἐξωνύμιου, ἥτις ἄλυται, ἥτις ἡχώση, πολλὰ ἀγαθὰ σημαίνει, κ. τ. λ.

(Транскрипція передана нами вполнѣ вѣрно съ сообщенной выпиской; неточности текста могутъ принадлежать даже и самому подлиннику).

Для сравненія помѣщаемъ здѣсь и начало русскаго «Трепетника».

«Отъ мудрыхъ сіе взято, а не смѣхотворство нѣкое, и всякъ сіе внимай.....

1. «Аще верхъ главы потрепещеть, то добытокъ кажетъ.
2. «Аще челюсть потрепещеть, то всему добру совершенство кажетъ.
3. «Аще бровь правая потрепещеть, по богатымъ недугъ, а убогимъ польза будетъ.
4. «Аще бровь лѣвая потрепещеть, то велико добро и веселіе кажетъ.
5. «Аще ока праваго вѣко потрепещеть, то многого добра воздержаніе кажетъ.
6. «Аще ока лѣваго вѣко потрепещеть, должную печаль кажетъ.
7. «Аще правая рясница потрепещеть, корысть кажетъ скорую, на враги побѣду, а на бою побіемъ.
8. «Аще лѣвая рясница потрепещеть, то кажетъ туженіе друга, или скоту упаду; а ежели двора нѣсть, то самому незгода, а женамъ кажетъ немощь, или проносное слово не по дѣлу, а съ другомъ вѣдѣніе и вражду.
9. «Аще око правое потрепещеть, кажетъ здравіе или съ другомъ видѣтися, а купчинъ корысть, а воинну побіешъ, потомъ же всяко ѡмерляно добро будетъ.
10. «Око лѣвое потрепещеть, кажетъ немилосердіе къ другомъ, и съ ближними, или отъ властей въ пути, то разумѣй корысть»....

Сравнивъ эти строки съ первыми строками «Трепетника», легко видѣть, что наша отреченная книга была или легкой варіаціей на ту же тему, или же, скорѣе, простымъ буквальнымъ переводомъ по другой, близко сходной, редакціи этого мнимаго произведенія Гермеса Трисмегиста.

А. Пыпинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Fustel de Coulanges. La Cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome, 2 me. ed. Paris, 1866, стр. 523 8°.

Древнее общество. Обзоръ культа, права и учреждений Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстель-Куланжа; переводъ Н. А. Бабкина. Спб., 1867.

Ученныя достоинства настоящаго сочиненія таковы, что безъ него рѣшительно нельзя обойтись не только при изученіи исторіи Грековъ и Римлянъ, но и вообще при сравнительныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ древностямъ всѣхъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но тѣмъ не менѣе справедливо, что многія особенности древнѣйшаго культа, права и учреждений греко-италійскаго племени находятъ соотвѣтствующія себѣ черты въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о старинномъ бытѣ Славянъ и въ обломкахъ повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, донынѣ-существующихъ въ массѣ сельскаго населенія—тамъ и здѣсь по разнымъ славянскимъ землямъ. Въ X-ой главѣ, напримеръ, авторъ доказываетъ, что первоначально родъ (большая, многочисленная семья) былъ единственною формою общежитія Аріевъ, и что, въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній и вытекавшихъ изъ нихъ юридическихъ институтовъ, роды эти представляли отдѣльныя, самостоятельныя и строго-замкнутыя общины. «Тысячи такихъ общинъ жили врозь, не имѣя почти никакихъ сношеній между собою, не нуждаясь другъ въ другѣ, не связанныя между собою никакими политическими узамъ, каждая на своемъ наследственномъ участкѣ, съ своимъ домашнимъ управленіемъ и своими (семейными) богами». Читая эти строки, кто не вспомнитъ правдивыхъ извѣстій Нестора, что искони Славяне жили «каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ», что роды эти селились особѣ—«никому обычай свой и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ», или какъ выражается древне-чешская пѣсня: у нихъ была «правда по закону святу, юже принесеху отъци наши». У греко-италійцевъ приведенная въ домъ жена освобождалась отъ всякой зависимости отъ праотческихъ пенатовъ и вступала въ рели-

гію своего мужа. Брачное торжество состояло изъ трехъ дѣйствій: первое происходило передъ очагомъ отца невесты, третье — у очага ея будущаго мужа, второе заключалось въ переходѣ отъ одного очага къ другому. Въ родительскомъ домѣ невесты, отецъ ея, въ присутствіи жениха, совершалъ жертву и произносилъ обрядовую формулу, провозглашая, что отдаетъ дочь свою въ руки чужеродца. «Такое заявленіе было необходимо для дѣйствительности брака, такъ какъ дѣвушка не могла бы прямо принасть къ очагу своего супруга, еслибъ отецъ предварительно не отрѣшилъ ее отъ родительскаго очага. Прежде, чѣмъ перейти въ новую, она должна была порвать всякія связи и отношенія съ своею прежнею религіею.» Затѣмъ ее везли въ домъ жениха и подводили къ его семейному очагу; здѣсь она омывалась очистительною водою, прикасалась къ священному огню, и въ заключеніе, оба супруга дѣлили между собою хлѣбъ: «этотъ родъ легкой трапезы, начинающейся и оканчивающейся возліаніемъ и молитвой, этотъ раздѣлъ пищи передъ лицомъ очага утверждалъ между супругами религіозное единство и приводилъ ихъ въ общеніе съ домашними богами.» Слѣды подобныхъ-же обрядовъ можно указать и между Славянами. При самомъ сватовствѣ невесты они считаютъ необходимымъ обращаться къ ея родительскому очагу, и такъ сказать — отъ него получаютъ разрѣшеніе на выводъ избранной дѣвицы. У Болгаръ свать, вступивъ въ избу невесты, прежде всего загребаешь въ печи уголья, почему и узнають о цѣли его посѣщенія. На Руси сваха, приходя съ брачнымъ предложеніемъ къ родителямъ дѣвицы, подступаетъ къ печи, и въ какое бы время года это не случилось — грѣетъ свои руки, чтобы задуманное дѣло пошло на ладъ, и потомъ уже начинается самое сватовство. Въ Курской губ. свать беретъ рукою за печной столбъ. Въ Малороссіи, когда идутъ переговоры о сватовствѣ, невеста садится у печки и колу паешь глину, выражая тѣмъ свое желаніе выйти замужъ. Въ Черниговской губ. она взлѣзаетъ на печь, а сваты упрощаютъ ее сойти внизъ; если она спустится съ печи, то этимъ самымъ выразитъ свое согласіе на бракъ, т. е. заявить свою готовность покинуть семейный очагъ и перейти въ домъ жениха. У Сербовъ молодая, по возвращеніи отъ вѣнца, обходитъ трижды кругомъ очага, и каждый разъ, пріостанавливаясь, беретъ въ руки зажженое полѣно и потрясаетъ имъ, такъ что сыплются искры; послѣ того свекровь обвязываетъ ее поясомъ, который служитъ символическимъ знакомъ прикрѣпленія ея къ новому роду. Соотвѣтствующій на Руси обычай требуетъ, чтобы новобрачная, вступая въ домъ мужа, бросала поясъ на печь, т. е. ввѣряла бы эту эмблему супружескихъ узъ защитѣ очага. У Чеховъ молодая, вступая въ домъ мужа, должна поклониться его очагу и бросить въ огонь три волоса изъ своей косы, доннынѣ принимаемой за эмблему дѣвичьей свободы.

Мысль перевести сочиненіе Куланжа на русскій языкъ и усвоить его нашей, не богатой учеными трудами, литературѣ заслуживаетъ полной благодарности. Первый выпускъ перевода включаетъ въ себѣ два отдѣла (I — Древнія вѣрованія, II — Семья), въ которыхъ авторъ указываетъ на необходимость изучать вѣрованія древнихъ народовъ — для того, чтобы понять смыслъ ихъ учрежденій; далѣе онъ пред-

ставляетъ очеркъ вѣрованій греко-италійскаго племени о душѣ и смерти, приводитъ свидѣтельства о тѣсной связи почитанія усопшихъ предковъ съ поклоненіемъ священному пламени домашняго очага, и отсюда объясняетъ формы, правила, нравственныя и юридическія послѣдствія древняго брака, усыновленія, увольненія сына изъ-подъ отцовской власти, опредѣляетъ объемъ этой послѣдней, особенности античныхъ понятій о родствѣ и свойствахъ, о собственности и наслѣдованіи. Все это исполнено имъ съ замѣчательнымъ талантомъ, съ рѣдкимъ умѣньемъ группировать факты и съ соблюденіемъ строгой логической послѣдовательности въ выводахъ. Не смотря однако на эти существенныя достоинства, на трудѣ его, вслѣдствіе понятнаго увлеченія собственною системою, лежитъ печать нѣкоторой односторонности, на что мы и намѣрены указать въ настоящей краткой замѣткѣ. Анализируя семейный бытъ древнихъ народовъ, авторъ всѣ постановленія его сводитъ къ культу очага и усопшихъ, и при этомъ высказываетъ убѣжденіе что «прежде, чѣмъ человѣкъ сталъ поклоняться Индрѣ или Зевсу, онъ поклонялся мертвымъ», что религія домашнихъ боговъ, т. е. усопшихъ предковъ, была самою древнѣйшею вѣрою человѣка (стр. 24). Положеніе это мы считаемъ совершенно-ошибочнымъ; согласиться съ нимъ не позволяютъ ни тѣ свѣдѣнія, какія добыты сравнительнымъ изученіемъ языка и мифологіи индоевропейскихъ племенъ, ни даже простой взглядъ на отношенія человѣка къ природѣ и ея могучимъ стихійнымъ силамъ. Умъ рѣшительно отказывается вѣрить, чтобы было такое время, когда люди не замѣчали присутствія божества ни въ солнцѣ, ни въ громахъ и молніяхъ, а чтили его только въ разлагающихся трупахъ своихъ отцевъ и родичей. Названія, значающія бога по преимуществу заимствованы отъ словъ, служившихъ для обозначенія неба, и слѣдовательно понятіе о божествѣ издревле сливалось съ небеснымъ сводомъ и его благодатными и грозно-торжественными явленіями. Куланжъ справедливо приписываетъ культу очага и усопшихъ предковъ доисторическую давность, справедливо считаетъ этотъ культъ за религію, вынесенную греко-италійцами изъ ихъ арійской прародины; но это самое обязывало его провѣрить представляемые имъ выводы путемъ сравнительнаго изученія вѣрованій и быта всѣхъ вообще арійскихъ народовъ. Новѣйшія изслѣдованія Маннгардта по германской мифологіи, съ связи съ любопытными и весьма важными свидѣтельствами Ведъ, осязательно доказали, что арійское племя признавало душу за существо стихійное, родственное божественнымъ силамъ природы — пламени и вѣтру. Глубокая древность этого представленія свидѣствуется не только многочисленными преданіями и повѣрьями, но и самымъ языкомъ: *anīmus*, *anīma*, *ānemos*—отъ санскр. *an*—дуть, *anīla*—вѣтръ; душа, духъ = вѣтръ; «жизнь погасла», вос-кресать отъ кресъ—огонь, и проч. Такими стихійными свойствами душъ человѣческихъ объясняется и та близкая связь ихъ съ пламенемъ очага, которая иначе была бы совершенно не понятною. Куланжъ не коснулся этого основнаго вопроса, и то, что заставило нѣкогда аріевъ сочетать культъ семейнаго очага съ культомъ усопшихъ предковъ, осталось невыясненнымъ въ его книгѣ. Между тѣмъ въ пламени, возженномъ на домашнемъ очагѣ, древній человѣкъ узнавалъ ту же божественную силу, какая дѣйствуетъ въ лѣтнихъ грозахъ, возжигаемыхъ Индрою

или Зевсомъ; въ мифахъ о происхожденіи огня онъ выразилъ мысль, что эта свѣтлая стихія была впервые низведена съ неба на землю—въ падающей молніи; во всей обстановкѣ культа священнаго огня сохранились яркія указанія на бывшее отождествленіе его съ божествомъ грозового пламени и дождевыхъ ливней. Агни (= огонь, владыка очага) было одно изъ древнѣйшихъ прозваній Индры; въ немъ чтили установителя семейнаго союза и домашней религіи. Низведя на землю молнію, богъ-громовникъ основалъ первый очагъ; онъ-же создалъ и перваго человѣка — перваго жреца и служителя при очагѣ и родоначальника будущаго племени. Мифы о созданіи человѣка тождественны съ мифами о происхожденіи огня: первый человѣкъ явился въ міръ въ той-же молніи, какою возжено священное пламя очага; онъ былъ ея воплощеніемъ. По этому нѣтъ основанія считать поклоненіе умершимъ — за религію, которая предшествовала вѣрѣ въ небесныхъ боговъ; напротивъ, оно возникло, какъ необходимое дополненіе къ ученію о стихійныхъ божествахъ.

Слѣдуя инымъ путемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ указанія нами представленія, авторъ пришелъ къ заключенію, что первоначальнымъ вѣрованіемъ человѣка была мысль, будто души остаются не разлучными съ трупами усопшихъ и пребываютъ въ нѣдрахъ земли, отведенной подъ родовое кладбище. «Здѣсь (говоритъ онъ) слѣдуетъ замѣтить, что у древнихъ установилось еще другое мнѣніе относительно мѣстопробыванія мертвыхъ. Они представляли его себѣ, какъ область — также подземную, «но несравненно обширнѣе могилы; тамъ всѣ души обитали вмѣстѣ, вдали отъ своего тѣла, и имъ, сообразно съ поведеніемъ человѣка при жизни, полагалось тамъ наказаніе или награда. Но обряды погребенія находятся въ очевидномъ противорѣчій съ этими вѣрованіями, а это ясно доказываетъ, что въ ту эпоху, когда установились эти обряды, еще не существовало вѣры въ тартаръ и елисейскія поля. «Сначала древнія поколѣнія вѣрили, что человѣческое существо продолжаетъ свою жизнь въ могилѣ, что душа не отдѣляется отъ тѣла, а остается какъ-бы прикованною къ той частицѣ земли, гдѣ схоронены были кости. Человѣкъ не долженъ былъ давать никакого отчета въ своей прежней жизни; однажды положенный въ гробницу, онъ не ждалъ себѣ ни награды, ни наказанія» (стр. 15). Представлять душу вѣчно-прикованною къ останкамъ усопшаго было бы слишкомъ искусственно и противорѣчило бы очевиднымъ наблюденіямъ, которыми не могъ же не руководствоваться человѣкъ даже при всей грубости его первоначальныхъ воззрѣній. Развѣ онъ не замѣчалъ, что вмѣстѣ съ смертію живаго существа тѣло его лишалось способности видѣть, издавать звуки, ощущать и двигаться, что оно разрушалось, тлѣло и превращалось въ прахъ? Гдѣ же тотъ духъ, который нѣкогда оживлялъ теперь—безгласнаго и неподвижнаго мертвеца? Ясно, что духъ жизни покидалъ тѣло, сбрасывалъ съ себя эту матеріальную оболочку, какъ-бы ветхую одежду, и получалъ независимое, свободное состояніе. Признавая души за существа стихійныя, древній человѣкъ думалъ, что онѣ по смерти соединяются съ родственными имъ элементами, наполняютъ собою неистовыя рати бурныхъ и грозныхъ духовъ, блуждаютъ въ воздушныхъ пространствахъ и поспѣшаютъ въ заоблачный міръ — въ свѣтлое царство блаженныхъ, или, увлекаемыя силою родственной любви и привя-

занности къ отеческому крову, онѣ остаются въ своемъ прежнемъ жилищѣ и, сливаясь съ пламенемъ очага, получаютъ тотъ-же характеръ охранительныхъ семейныхъ пенатовъ, какой соединялся и съ понятіемъ о священномъ огнѣ. Нельзя не согласиться, что идея о наградахъ и наказаніяхъ, ожидающихъ смертныхъ въ загробной жизни, примкнула къ этому ученію позднѣе — въ ту эпоху, когда въ народѣ составилъ достаточный запасъ нравственныхъ правилъ, неисполненіе которыхъ должно было влечь за собою небесную кару; но любопытно, что языческія представленія о раѣ и адѣ нисколько не противорѣчили стихійному значенію душъ, ибо въ царствѣ блаженныхъ наши отдаленные предки видѣли свѣтлое лѣтнее небо, а въ страшной картинѣ ада они рисовали страну мрачныхъ тучъ, горящихъ грозовымъ пламенемъ (= пекло) или оцѣпененныхъ суровою стужей зимы (uiflheimr). Такъ какъ фантазія древнихъ народовъ, подъ влияніемъ метафорическаго языка, уподобляла облачной міръ темнымъ подземельямъ и вертепамъ огнедышащихъ горъ, то и самый тартаръ признанъ былъ за царство подземное, гдѣ пребываютъ души, еще не достигшія элизія, или души осужденныхъ грѣшниковъ, которымъ никогда не достигнуть райскихъ обителей. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Куланжъ ссылается на погребальные обряды; онъ очевидно принимаетъ, что зарытіе труповъ въ могилахъ было древнѣйшею формою погребенія. Къ сожалѣнію, вопросъ о томъ, что возникло прежде — сожженіе ли мертвыхъ, или зарытіе ихъ въ землю? до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ. Всматриваясь въ значеніе вѣрованій, соединяемыхъ съ тѣмъ и другимъ видомъ погребенія, находимъ, что при совершеніи этихъ разнородныхъ обрядовъ человекъ руководился однимъ желаніемъ — содѣйствовать усопшему въ его переходѣ въ загробный міръ. Сгорая на кострѣ, мертвецъ сочетался съ чистѣйшею стихіею Агни; будучи зарываемъ подъ могильный курганъ, переселялся въ подземное царство тѣней. Пока не было совершено погребеніе, т. е. пока трупъ не былъ преданъ огню и не очистился въ его пламени отъ всего тлѣннаго, или пока трупъ не былъ посыпанъ землею, душа (по мнѣнію древнихъ) носилась безпокойнымъ блуждающимъ призракомъ вблизи прежняго своего жилища и нетерпѣливо ожидала похоронной церемоніи, которая должна была открыть ей свободный путь въ страну усопшихъ. Такъ какъ представленіе этой страны подземнымъ царствомъ есть, очевидно, не самое первоначальное; то едвали и зарытіе умершихъ въ землю не возникло позднѣе сожженія. Но если эта догадка и невѣрна; то все-же нѣтъ никакихъ основаній не приписывать сожженію одинаковой давности съ погребеніемъ въ землѣ. Что касается жертвенныхъ яствъ и напитковъ, приносимыхъ мертвымъ, то первоначальное ихъ значеніе тоже самое, что и значеніе жертвъ, приносимыхъ очагу.

Поклоненіе очагу и культъ усопшихъ предковъ, по мнѣнію Куланжа, привязали человека къ землѣ и опредѣлили право семейной собственности. «Очагъ (говорить онъ) есть символъ осядлой жизни. Онъ долженъ быть поставленъ на землѣ и разъ поставленный не можетъ быть смѣщенъ. Семейное божество требуетъ прочной осядлости; матеріально не легко перенести на другое мѣсто камень, на которомъ оно пылаетъ; въ религіозномъ же смыслѣ это еще труднѣе и дозволено человеку только въ случаѣ, если его принудить къ тому жестокая необходимость (сгонить врагъ, или

земля не въ состояніи будетъ прокормить семейство). Очагъ ставятъ на извѣстномъ мѣстѣ, съ мыслью и надеждою, что онъ останется тамъ навсегда... Такимъ образомъ очагъ овладѣваетъ почвою; эту часть земли онъ присвоиваетъ себѣ, она дѣлается его собственностью». Тѣже понятія связываетъ авторъ и съ могилами: культъ усопшихъ предковъ былъ обязателенъ для ихъ потомства; земля, въ которой покоятся мертвые, не можетъ быть отчуждена и утрачена въ силу давности; они присвоиваютъ себѣ этотъ участокъ, живутъ подъ этою грудой земли. «Религія предписывала, чтобы очагъ былъ не поколебимо утвержденъ на землѣ, чтобы гробницу не разрушали и не трогали съ мѣста. Уничтожьте собственность, и очагъ сдѣлается скитальцемъ, семьи смѣшаются, мертвые будутъ забыты и лишены культа. Благодаря непоколебимости очага и вѣчности родовой могилы — семья овладѣла землею» (стр. 79—81). Положенія эти могутъ быть приняты не иначе, какъ съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіемъ. Правда, что религія очага и связанное съ нею поклоненіе предкамъ укрѣпили осѣдлость, сдѣлали человѣка домоосѣдомъ, привязали его къ родовому участку земли; но это никакъ не относится къ первичной эпохѣ, а совершилось уже тогда, когда человѣкъ позналъ выгоды осѣдлой, земледѣльской жизни и почувствовалъ необходимость тѣхъ удобствъ, какія даетъ крѣпко-построенная и нелегко-переносимая съ одного мѣста на другое — теплая изба. Народныя же преданія и свидѣтельство исторіи удостовѣряютъ, что родовыя общины — прежде, чѣмъ осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, вели жизнь кочевниковъ, номадовъ, не знавшихъ поземельной собственности; что главное богатство ихъ состояло въ многочисленныхъ стадахъ и что потребность въ пастбищахъ заставляла ихъ часто передвигаться и мѣнять мѣста своихъ временныхъ стоянокъ. Напрасно авторъ желаетъ провести рѣзкую границу между бытомъ поклонниковъ очага и бытомъ номадовъ: «шатерь, по его словамъ, годится для Араба, кибитка для Монгола; но для семьи, имѣющей домашній очагъ, нужно домовѣчное жилище». Ни шатерь, ни кибитка не исключаютъ необходимости имѣть домашній очагъ и нимало не мѣшаютъ чтить возжигаемое на немъ пламя. По свидѣтельству Геродота, кочевые Скиѣы, перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, перемѣщали и свои очаги и не видѣли въ этомъ ни какой матеріальной трудности. Очагомъ у Скиѣовъ служили два или три камня, которые они всюду возили съ собою, и этотъ подвижной очагъ имѣлъ такое-же священное значеніе, какъ и у народовъ классическихъ: онъ почитался защитникомъ домашняго крова и семейнаго союза. Точно также и Арійцы складывали свой очагъ изъ нѣсколькихъ камней, и слѣдовательно не могли затрудняться въ его перемѣщеніи на новоселье: др. - инд. *aśman-tam* означаетъ печь, чешск. *kaměna*, рус. *каменка*; гот. *aihn* предполагаетъ основную форму *aknas* (*aśhas* = *aśman*, слав. *камѣны* — камень). Передвигаясь на новыя мѣстности, кочевыя племена уносили съ собою и своихъ пенатовъ = свои очаги съ тлѣющими на нихъ угольями; вмѣстѣ съ этимъ они увлекали за собою и своихъ предковъ, души которыхъ незримо присутствовали на домашнихъ очагахъ и вкушали отъ жертвъ, приносимыхъ священному огню. Донынѣ между поселянами различныхъ странъ живо сохраняется убѣжденіе, что домовые духи, охранители семейнаго счастья, живутъ въ нишахъ и углубленіяхъ кухонныхъ печей. Русскій крестьянинъ,

слѣдую завѣтамъ старины, при переходѣ въ ново-построенный домъ, переносятъ горячіе уголья изъ старой печи въ новую; такое перенесеніе огня сопровождается различными обрядами и мольбою, обращенною къ дѣдушкѣ-домовому, чтобы онъ перешелъ на новоселье съ добромъ и милостью — точь въ точь, какъ въ одномъ изъ замѣчательныхъ мѣстъ Энеиды Гекторъ говоритъ Энею, что намѣренъ вручить ему троянскихъ пенатовъ, и отдаетъ ему огонь очага. Сопутствующий пенатами, древній человѣкъ спокойно удалялся въ ту или другую сторону; могилы, въ которыхъ похоронены были кости усопшихъ родичей, не могли приковывать его къ землѣ. Скины разбрасывали свои могильныя насыпи по всему пространству обширныхъ степей, гдѣ приходилось имъ вести свою странническую, кочевую жизнь. Даже если принять мнѣніе, что культъ усопшихъ не позволялъ потомкамъ покидать священные останки ихъ предковъ; то и въ этомъ случаѣ обычай сжигать тѣла умершихъ могъ вполне удовлетворить религіозное чувство человѣка: пепелъ, остающійся отъ сожженного трупа, собирался въ погребальныя урны, а эти послѣднія легко было уносить на мѣста новыхъ поселеній. Вотъ почему возможны были и тѣ дознанныя наукою великія передвиженія арійскихъ племенъ, которыя съ точки зрѣнія Буланжа почти совсѣмъ не мыслимы. Хотя онъ и допускаетъ, что «жестокая необходимость» могла принуждать древнія общины къ переселенію; но подобная оговорка нисколько не вяжется съ его основнымъ положеніемъ. Если бы человѣкъ не въ состояніи былъ переносить свою святиню, если бы домашніе боги не слѣдовали за нимъ во всѣхъ его странствованіяхъ, онъ скорѣе бы умиралъ на мѣстѣ, чѣмъ рѣшился бы покинуть собственныхъ пенатовъ и чрезъ то лишиться ихъ покровительства; во всякомъ случаѣ, жажда переселеній, стремленіе искать новыя, лучшія земли никогда бы не могли охватывать собою цѣлыя племена. «Уничтожьте собственность, и очагъ сдѣлается скитальцемъ» — противъ этого заключенія, конечно, никто не станетъ спорить; но дальнѣйшая затѣмъ прибавка: «семьи смѣшаются и мертвые будутъ забыты» совершенно-произвольна; она противорѣчитъ положительнымъ фактамъ, какіе доселѣ можно прослѣдить въ быту кочевыхъ народовъ.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. На стр. 45-й авторъ говоритъ: «домашняя религія передавалась только отъ мужчины мужинѣ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того понятія, какое люди первоначально составили себѣ о рожденіи. Въ древнѣйшія вѣка общее вѣрованіе приписывало производительную силу исключительно отцу. Одинъ только отецъ обладалъ таинственнымъ началомъ бытія и могъ сообщить искру жизни. Изъ этого-то древняго убѣжденія вытекло правило, по которому домашній культъ передавался всегда мужинѣ, а женщина могла принимать въ немъ участіе только при посредствѣ отца или мужа, и по смерти не получала въ культѣ и торжествахъ надгробной тризны равной доли съ мужчинами. Оно же послужило источникомъ и другихъ очень важныхъ установленій въ частномъ «правѣ древности и въ семейномъ быту». Такое объясненіе отзывается чѣмъ-то искусственнымъ, нарочно придуманнымъ; да и зачѣмъ оно, когда дѣло объясняется гораздо проще? По самому назначенію своему быть супругою чужеродца, матерью его дѣтей, женщина уже не могла рассчитывать на равныя права съ мужскимъ поколѣ-

ніемъ, которое навсегда оставалось вѣрнымъ своему роду и своимъ отеческимъ богамъ. На нее смотрѣли, какъ на временнаго, ненадѣжнаго члена семьи; выходя замужъ, она покидала родичей и вступала въ чуждую для нихъ семью; вмѣстѣ съ этимъ она отрекалась отъ всякой связи съ культомъ своихъ предковъ и начинала чтить пенатовъ своего мужа. Въ эту чуждую ей религію она принималась только черезъ посредство мушны, вступавшаго съ нею въ бракъ. Такимъ образомъ, по воззрѣнію древнихъ, женщина не имѣла прочныхъ, нерушимыхъ связей съ богами своего отца, ни прямаго, непосредственнаго отношенія къ богамъ своего мужа; отсюда понятны и второстепенное участіе ея въ домашнемъ культѣ, и вѣчная подвластность ея какъ въ семействѣ отца, такъ—и мужа. Все это прекрасно развито и доказано самимъ же авторомъ. Вотъ его собственныя слова: «Когда дѣвицу станеть сватать молодой человѣкъ изъ сосѣдней семьи, дѣло для нея заключается не въ томъ только, чтобы перейти изъ одного дома въ другой; ей приходится покинуть отцовскій очагъ, чтобы поклоняться очагу супруга; ей приходится перемѣнить религію, отказаться отъ боговъ своего дѣтства и подчиниться власти бога, еще ей неизвѣстнаго (стр. 51)». Чего же больше? нужно ли послѣ этого толковать о «производительной силѣ» и «таинственномъ началѣ бытія»?

А. А.

Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres. Akademische Festrede, gehalten in Dorpat am 12 (24) December 1866 von Ludwig Schwabe (Separatabdruck aus der Baltischen Monatschrift 1867 März). Riga. 1867, 30 стр. 8°.

При краткости изложенія, составляющей одно изъ неизбѣжныхъ условій ученыхъ статей, читаемыхъ по случаю разныхъ академическихъ и университетскихъ торжествъ, авторъ разсматриваемой нами рѣчи о Грекахъ и греческомъ искусствѣ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, по необходимости, долженъ былъ ограничиться лишь подборомъ и сводомъ важнѣйшихъ и наиболѣе выдающихся фактовъ, относящихся къ предмету его изслѣдованія, и—нужно отдать ему справедливость—мастерски исполнилъ свою задачу. Въ сжатомъ, но очень оживленномъ, очеркѣ своемъ онъ чрезвычайно рельефно и жѣтко изобразилъ торговое значеніе и цвѣтущее состояніе древнихъ греческихъ колоній нашего Черноморскаго края, изумительное разнообразіе памятниковъ греческаго искусства, добытыхъ изъ гробницъ и развалинъ «Киммерійскаго Босфора», особенно въ окрестностяхъ Пантикапеи или нынѣшней Керчи, и двоякій характеръ этихъ художественныхъ произведеній, а именно: одинъ, преобладающій, чисто-греческій, другой, рѣже встрѣчающійся—понтійско-греческій стиль. Опредѣляя отношенія греческихъ поселенцевъ къ сосѣднимъ варварскимъ племенамъ, г. Швабе напрасно, какъ мнѣ кажется, придаетъ особенное

значение влиянию, которое греческое образование будто бы оказывало на Скифов¹⁾. Влияние это, по всей вероятности, было совершенно внешнее, ограничивавшееся тем, что Скифские царьки и вельможи покупали или заказывали в греческих колониях различные предметы роскоши, конечно не потому, что прельщались художественною прелестью этих произведений и удобствами греческой жизни, а для того только, чтобы щегольнуть друг перед другом «заморскою» или собственно «приморскою» диковинкою. В душ же, во всех своих привычках и действиях—эти жинимые почитатели греческого искусства оставались все-таки дикими Скивами, идеалами которых были добрый конь, грабеж и война. Не даром Геродотъ говоритъ (IV, 63 и 80), что они боялись усвоивать чужие нравы, особенно греческіе. Скифскіе Скилеса и Анахарсисы являются въ этомъ случаѣ какими-то небывалыми исключениями.

Едва-ли также можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора о томъ, что различныя грубыя и уродливыя подражанія греческимъ произведеніямъ, встрѣчающіяся въ скифскихъ гробницахъ, принадлежатъ къ издѣліямъ скифскихъ мастеровъ и свидѣлствуютъ о художественной самодѣятельности Скифовъ, развившейся подъ вліяніемъ греческаго искусства. Мы, напротивъ того, думаемъ, что это только работа въ скифскомъ вкусѣ, которая однако изготовлялась также греками въ черноморскихъ колоніяхъ для сбыта Скивамъ. Можетъ ли быть рѣчь о скифскихъ мастерахъ-художникахъ, когда мы знаемъ изъ словъ Геродота (II, 167), что и обыкновенныя ремесла у Скифовъ не были въ чести? Даже гораздо позже, во времена Бардесана (въ концѣ 2-го стол. по Р. Х.), между Скивами, равно какъ и у всехъ народовъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, не было ни живописцевъ, ни скульпторовъ, ни строителей (см. Unger: Geogr. der Griechen und Römer, III, 2, стр. 304).

Заговоривъ о Скивахъ, г. Швабе коснулся и пресловутаго вопроса о ихъ происхожденіи. Обращаясь къ дошедшимъ до насъ греческимъ изображеніямъ Скифовъ (на извѣстномъ золотомъ Кульобскомъ сосудѣ и на серебряной вазѣ, открытой въ Чертомыцкомъ курганѣ), сравнивая ихъ съ изображеніями Персовъ на персепольскихъ памятникахъ и бегистунской скалѣ, и основываясь на доводахъ Мюллера о сродствѣ скифскаго языка съ иранскими, онъ готовъ раздѣлить мнѣніе Цейса объ иранскомъ происхожденіи Скифовъ, но не рѣшается произнести окончательный приговоръ въ виду слѣдующихъ вопросовъ: что станетъ въ этомъ случаѣ съ Гипократовымъ описаніемъ толстыхъ, расплывшихся, безбородыхъ, стереотипно однообразныхъ Скифовъ? Чѣмъ объяснить странное сходство скифскихъ и монгольскихъ обычаевъ? Какъ порѣшить вопросъ о замѣчательномъ, доказанномъ измѣреніями Бэра, сходствѣ скифскихъ череповъ съ башкирскими и черепами, вырытыми изъ древнихъ могилъ восточной Сибири? Не было ли между Скивами-Иранцами туран-

¹⁾ Проф. Новоросс. универс. О. Струве, въ статьѣ своей: Археологическія разысканія въ южной Россіи по отчетамъ Импер. Археол. Комиссіи. Одесс., 1867 (изъ VI-го т. Запис. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей), также говоритъ о мощномъ вліяніи, производимомъ греческими колоніями сѣвернаго побережья Понта на сосѣдніе Скифскіе народы.

ских племенъ, какъ на Уралѣ Аргишпей? Не подпали ли Скифы вліянію этихъ Туранцевъ?

«Теперь (такъ оканчиваетъ г. Швабе рѣчь свою) мы еще не въ состояніи всесторонне разрѣшить эту великую этнографическо-историческую задачу. Но когда со временемъ раскопки въ развалинахъ бывшихъ греческихъ черноморскихъ колоній и въ приднѣпровскомъ Герросѣ будутъ доведены до конца, когда намъ представится возможность воспользоваться результатами научнаго изслѣдованія азіатскихъ языковъ, памятниковъ и другихъ источниковъ историческаго знанія, пока еще едва затронутыхъ, когда намъ возможно будетъ сознать яснѣе, чѣмъ нынѣ, въ какое время и какиѣмъ путемъ азіатскія народныя массы переселились въ Европу, — тогда, надѣемся мы, разсѣется и тотъ густой туманъ, который въ настоящее время затрудняетъ уразумѣніе исторической связи, и за которыми теперь намъ видѣются мѣстами, какъ горныя вершины, только отрывочные факты, тогда въ полномъ блескѣ удивленнымъ взорамъ нашимъ раскроется роскошный и разнорѣчивый бытъ понтійскихъ народовъ» ¹⁾).

В. Т.

Das Siegeskreuz der byzantinischen Kaiser Constantinus VII Porphyrogenitus und Romanus II und der Hirtenstab des Apostels Petrus. Zwei Kunstdenkmäler byzantinischer und deutscher Arbeit der 10 Jahrhunderts in der Domkirche zu Limburg an der Lahn. Erläutert von Ernst Aus'm Weerth. Herausgegeben vom Vorstande des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande zur Doppelfeier des 25 jährigen Bestehens des Vereins und des Geburtstages Winckelmanns. Mit vier Tafeln und vielen in den Text eingedruckten Holzschnitten. Bonn. Bei Adolf Marcus. 1866. fol. стр. 23.

Константинополь, до завоеванія Латинскими крестоносцами въ 1204 году, былъ самымъ укрѣпленнымъ, громаднымъ и великолѣпнымъ, какъ по положенію, такъ и по памятникамъ, городомъ въ Европѣ. Рядъ величественныхъ зданій украшалъ его. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимали церкви: Св. Софіи, съ дворами и колонадами, наполненными статуями св. Апостоловъ, служившая мѣстомъ погребенія византійскихъ императоровъ, Іоанна Крестителя, свв. Сергія и Вакха, Пр. Дѣвы Маріи и т. д.

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы указать читателямъ «Арх. Вѣст.» на статью о томъ же предметѣ д-ра П. Беккера (бывшаго проф. Рингельев. Липца): «Ausgrabungen in Südrussland», помещенную въ «Nordische Revue» IV, 3 Heft. 1865 г. стр. 253—271. Къ сожалѣнію, статья эта, имѣющая многія достоинства самостоятельной критики, — неокончена за превращеніемъ изданія: она представляетъ только общее обзорѣніе археологическихъ изслѣдованій по понтійскимъ древностямъ и разборъ первыхъ двухъ Отчетовъ Императорской Археологической Комиссіи (собственно только за 1859 г.); было ли гдѣ издано и обѣщанное на стр. 257 окончаніе разбора — не знаемъ, но шаль будетъ, если критика такого опытнаго знатока понтійскихъ древностей, какъ д-ръ Беккеръ — останется неиздана или неизвѣстна. А. к.

За тѣмъ слѣдовали гигантскіе дворцы Буколеонъ и Влахернскій. На главныхъ улицахъ были великолѣпные фонтаны. Ипподромъ былъ музеемъ, на которомъ были собраны и выставлены для народа превосходнѣйшія созданія античнаго искусства. Улицы были окаймлены многоэтажными дворцами частныхъ лицъ. Различныя мѣста города были украшены громадными колоннами съ статуями Константина, Юстиніана и Θεодосія. Жители Византіи носили богатые и разноцвѣтныя одежды. Внутренность церквей и дворцовъ была ослѣпительно украшена золотомъ и драгоценными камнями, мозаикою и пурпуровыми тканями. 12-го апрѣля 1204 года столица византійской имперіи пала, и городъ былъ преданъ грабежу. Множество безцѣнныхъ памятниковъ искусства, накопленныхъ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій, исчезли безвозвратно съ лица земли. Замѣчательнѣйшія статуи древности, отлитыя изъ металловъ, были расплавлены и обращены въ монету. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ грабежъ есть и исторія гибели множества драгоценнѣйшихъ произведеній древнѣйшаго, и, слѣдовательно, самаго великаго періода византійскаго искусства. Особенно церкви и дворцы Византіи послужили неистощимыми рудниками для алчности грабителей: здѣсь хранились драгоценныя иконы въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, сосуды, какъ литургическіе, такъ и царскіе, украшенные драгоценными камнями, паволоки и ткани и т. д. Завѣса, тканая золотомъ и отдѣлявшая алтарную часть въ церкви св. Софіи, была разорвана въ куски; алтарь этой церкви—чудо работы въ благородныхъ металлахъ, былъ разрубленъ на части. На коняхъ и мулахъ грабители вывозили изъ церквей свою добычу. Среди этихъ дикихъ сценъ, релігіозный фанатизмъ побудилъ католическое духовенство всего западнаго міра лично предаться грабежу иного рода — именно грабежу реликвій. Награбленными святынями французское духовенство наполнило церкви въ Клуни, Амьенѣ, Труа, Шалонѣ; Венеціанцы обогатили церковь св. Марка; Генрихъ и Бальдуинъ фландрскіе одарили Нидерланды, епископъ Конрадъ—Гальберштадъ и даже папа Иннокентій III получилъ свою львиную долю. Не малую, незначительную долю византійскихъ святынь получили и при-рейнскія земли отъ маленькаго династа, рыцаря Генриха фонъ Ульмена (Heinrich von Uelmen), котораго замокъ находится на Эйфельской возвышенности. Этотъ рыцарь принесть въ даръ многимъ при-рейнскимъ церквамъ разныя реликвіи: многіе изъ этихъ даровъ пропали безъ вѣсти; другіе, можетъ быть, до сихъ поръ скрываются въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. Только два изъ его приношеній сохранились до нашего времени. Изъ нихъ самый замѣчательный — крестъ византійскихъ императоровъ Константина VII Порфиророднаго и Романа II, сдѣланный изъ древа св. Животворнаго Креста и хранимый въ драгоценномъ эмалированномъ ковчегѣ. Въ грамотѣ отъ 1208 года рыцарь Генрихъ передалъ этотъ ковчегъ, происходившій по всему вѣроятію изъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ, монастырю Штейбенъ, откуда онъ былъ перенесенъ въ Трирскій соборъ, и потомъ странствовалъ изъ крѣпости Эренбрейтштейнъ въ Висбаденъ, а съ 1827 года хранится въ соборной церкви города Лимбурга на р. Ланъ.

Великолѣпно-изданная монографія, заглавіе которой приведено въ началѣ этой статьи, посвящена описанію и изображенію этого капитальнаго произведенія визан-

тійскаго искусства. Нельзя сказать, чтобы оно оставалось до сихъ поръ совершенно неизвѣстно. Еще въ XVІІ вѣкѣ Лимбургскій ковчегъ описывалъ Бруверъ (Brouwerus). Въ настоящемъ столѣтіи его надписи и украшенія были объяснены и описаны Бребсомъ, Каноникомъ Ибахомъ и Лабартомъ (*Histoire des arts industriels au moyen-âge* II. стр. 83), но всѣ до сихъ поръ изданные снимки съ этого памятника были или не полны или неудовлетворительны. Настоящая монографія, какъ относительно текста, такъ и изображеній, удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ науки. Нельзя не порадоваться, что литература памятниковъ византійскаго искусства, которымъ западные ученые начали посвящать въ послѣднее время усиленное вниманіе, обогатилась столь тщательно описаннымъ и изящно изданнымъ сочиненіемъ. Авторъ его Г. Аусвертъ, извѣстный въ Германіи какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковаго искусства, воспитанъ на знаніи классической древности, ея языковъ и филологіи. Но только съ матеріальнымъ вспомошествованіемъ прусскаго правительства Общество Любителей Древности въ прирейнской странѣ могло приступить къ столь роскошному изданію. Монографія издана въ форматѣ фоліо самаго большаго размѣра, на прекраснѣйшей бумагѣ. Не говоря о многочисленныхъ политапажахъ, которыми украшенъ текстъ, къ нему приложены три превосходно исполненные хромофотографическіе снимки, изъ которыхъ два посвящены Лимбургскому ковчегу, а третій — замѣчательному памятнику нѣмецкаго эмальернаго искусства X вѣка, но котораго мы не касаемся. Четвертая литографированная — но безъ красокъ, таблица посвящена также вышеупомянутому ковчегу. Снимки сдѣланы съ точнымъ сохраненіемъ стиля подлинника. Мелчайшія детали отпечатаны ясно и даже, несмотря на большой форматъ изданія, золотыя линіи тонкихъ и многочисленныхъ очертаній переданы отчетливо. Желая познакомить русскихъ читателей съ византійскимъ ковчегомъ, мы опишемъ его, руководясь новоизданною монографіею. Знакомство съ этимъ памятникомъ важно для насъ въ двоякомъ отношеніи: византійскій ковчегъ есть важный памятникъ въ иконографическомъ отношеніи и важенъ преимущественно для иконографіи ангеловъ. Во вторыхъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ византійскаго искусства, которое было источникомъ древне-русскаго искусства. Изучая начало нашего искусства, мы всегда при-
нуждены восходить къ его византійскимъ первообразамъ.

Цѣль, для которой былъ устроенъ византійскій ковчегъ, нами разсматриваемый, была — хранить достойнымъ образомъ побѣдоносный палладіумъ византійскихъ императоровъ, который носили въ битвахъ противъ враговъ имперіи, — крестъ рѣзанный, изъ древа св. Животворящаго Креста. Самый ковчегъ состоитъ изъ плоскаго ящика, четвероугольной и продолговатой формы съ выдвижною крышкою. Ящикъ имѣетъ въ вышину 60, а въ ширину 45 сантиметровъ. Онъ сдѣланъ изъ твердаго дерева, темнаго цвѣта. Бока и низъ ящика покрыты серебрянымъ окладомъ съ разными орнаментами. Крыша же ящика и, если выдвинуть крышу, открывающаяся глазамъ поверхность внутренности его покрыты золотыми окладами, на которыхъ находятся эмальированныя изображенія, придающія необыкновенное значеніе этому произведенію. На этихъ то двухъ доскахъ византійскаго ковчега мы сосредоточимъ наше

вниманіе, оставляя въ сторонѣ описаніе всѣхъ прочихъ его орнаментовъ и украшеній. Но прежде взглянемъ на самый крестъ, хранящійся въ ковчегѣ.

По формѣ этотъ крестъ — есть византійской двойной крестъ, т. е. имѣющій двѣ поперечныя перекладки. Въ поверхности внутренности ящика вырѣзано углубленіе, совершенно схожее съ формою креста, такъ что его было весьма удобно туда вложить: въ этомъ то углубленіи хранится святыня. Самый крестъ, позднѣе нѣсколько измѣненный въ своей формѣ, лишился и нѣкоторыхъ изъ первобытныхъ своихъ украшеній. На оборотной сторонѣ креста находится надпись въ стихахъ, состоящая изъ девяти строкъ, на греческомъ языкѣ. Она называетъ виновниками украшеній креста императоровъ Константина и Романа. Оба въ надписи имѣютъ тотъ же санъ и обозначены обычнымъ византійскимъ царскимъ титуломъ: деспотъ. Стихи говорятъ, что они изукрасили крестъ прозрачными драгоцѣнными камнями и жемчугами и съ помощью его побѣждаютъ смѣлость враговъ. Вотъ почему Г. Аусмвертъ имѣлъ полное право назвать этотъ крестъ побѣдоноснымъ — *das Siegeskreuz*. Въ походахъ или битвахъ его несли на высокомъ древкѣ, такъ что войско могло его издали видѣть. Изъ историческихъ соображеній авторъ вывелъ то заключеніе, что названные въ надписи императоры суть Константинъ VII Порфирородный (913 + 959) и его сынъ Романъ II, приобщенный отцемъ къ правленію въ 948. Такимъ образомъ время происхожденія этого креста Аусмвертъ относитъ ко времени ихъ соправительства отъ 948—959, такъ что эпоха изготовленія креста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Объ опредѣленныхъ какихъ либо побѣдахъ, которымъ содѣйствовалъ этотъ крестъ, надпись не говоритъ: она просто гласитъ, что этотъ палладіумъ служить (въ настоящее время) для побѣжденія смѣлости враговъ. Сообразно обычаямъ того времени, реликвию, какъ покровительственная сила, брались на войну, въ походы и т. д. Такъ Романъ Лекапентъ одѣлъ себя въ одежду Пресв. Дѣвы, чтобы въ этомъ облаченіи успѣшно вымолить миръ у Болгаръ, окружавшихъ врата Константинополя.

Но и время изготовленія важнаго въ археологическомъ отношеніи ковчега и двухъ его золотыхъ досокъ съ эмалированными изображеніями столь же мало подвержено сомнѣнію. На крышѣ ковчега находится надпись въ восьми стихахъ, повторенная и на внутренней доскѣ, на греческомъ языкѣ, начертанная большими прописными буквами, которая говоритъ, что Василій Проздръ въ глубокомъ благочестіи своемъ изукрашилъ ковчегъ. Этотъ Василій Проздръ былъ сынъ императора Романа II. Второй мужъ его матери, Никифоръ Фока, недопускалъ до престола и возвысилъ его (или, лучше сказать, низвелъ), даровавъ ему первую придворную должность Проздра. Отецъ его, Романъ II, умеръ, когда Василю было пять лѣтъ (963) и только въ 976 году онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Василя II. Следовательно, ковчегъ для вышеозначенной святыни былъ изготовленъ, по его порученію, между годами 963—976. Это былъ самый блестящій въ исторіи византійскаго искусства періодъ изготовленія картинъ, исполняемыхъ разноцвѣтными эмазевыми красками на золотомъ полѣ.

Перейдемъ къ описанію исполненной этимъ процессомъ внутренней доски ковчега, въ углубленіи которой лежитъ крестъ. Какъ почетною стражею, святыня окружена изображеніями десяти ангеловъ, изъ которыхъ четыре верхніе ангела исполнены въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ шесть нижнихъ. По ученію Діонисія Ареопагита они суть діаконы Божіи. За исключеніемъ одного, главу ихъ окружаетъ свѣтло голубое сіяніе; сверхъ того — на главахъ діадемы, украшенныя посрединѣ краснымъ драгоцѣннымъ камнемъ. Волосы ихъ черные, крылья многоцвѣтныя и обувь на ногахъ весьма замѣчательная. Въ рукахъ держатъ они скипетры разнообразной формы и, за исключеніемъ двухъ, земной шаръ, украшенный лиліями. Всѣ облечены въ одежды синяго цвѣта. Но, что въ особенности характеризуетъ четырехъ верхнихъ и двухъ среднихъ изъ числа шести нижнихъ ангеловъ, есть навидная одежда, похожая на длинный шарфъ и заимствованная съ одежды римскихъ консуловъ, которыхъ изображенія мы находимъ на диптихахъ, а также и съ костюма византійскихъ императоровъ. Эта одежда состоитъ изъ куска желтой матеріи, украшеннаго кистями и нашитыми на немъ драгоцѣнными каменьями. Онъ накидывался на плечи и, подобно омофоріону, скрещивался на груди. Одинъ конецъ его ниспадалъ спереди, а другой, обойдя корпусъ справа, носился переброшенный на лѣвой рукѣ.

Возлѣ этихъ стражей креста находятся десять паръ другихъ ангеловъ, изображенныхъ на золотыхъ крышахъ десяти углубленій, вѣзаныхъ въ ту же доску и служившихъ, въ видѣ ящиковъ, для храненія другихъ святынь. Корпусъ четырехъ паръ этихъ ангеловъ, кромѣ головы и оконечностей рукъ и ногъ, прикрытъ четырьмя крыльями, усѣянными глазами. Ангелы имѣютъ вокругъ головы, увѣнчанной діадемою, свѣтло-голубыя сіянія. Между ихъ крыльями и надъ головами помѣщаются символы Евангелистовъ. У ногъ каждого ангела — два красные шара, съ свѣтло-голубою звѣздою по срединѣ. Красно эмальированныя надписи называютъ ихъ 'Архан. Этимъ именемъ обозначался седьмой хоръ въ ряду девяти хоровъ ангеловъ. Другія шесть паръ ангеловъ, изображенныя на крышахъ прочихъ углубленій, по надписямъ суть Εξουσια. Корпусъ ихъ совершенно скрытъ отъ взоровъ шестью разноцвѣтными крыльями. Греческія надписи обозначаютъ святыни, хранимыя въ каждомъ вмѣстилищѣ.

Самое богатое украшеніе эмалевою живописью представляетъ крыша ковчега. Средина доски раздѣлена красивыми бордюрами на девять полей. Въ нихъ изображены нижеслѣдующія лица, имена которыхъ обозначены голубыми эмальированными греческими надписями. Въ центрѣ, на богато изукрашенномъ престолѣ, возсѣдаетъ Спаситель. Правая его рука благословляетъ (греческимъ перстосложеніемъ), лѣвая покоится на Евангеліи. Главу Его окружаетъ сіяніе, въ которомъ находится крестъ. Пресв. Дѣва, обыкновенно изображаемая стоящею по правую руку Спасителя, здѣсь представлена по лѣвую сторону, по обыкновенію въ молебномъ положеніи. По правую руку, въ той же позѣ, изображенъ Іоаннъ Креститель, въ одеждѣ темнокоричневаго цвѣта, обшитой голубою каймою. Возлѣ Маріи и Іоанна находятся архангелы Гавріилъ и Михаилъ. Костюмъ ихъ, схожій съ костюмомъ «діаконовъ Божіихъ» на внутренней доскѣ ковчега, отличается только необыкновеннымъ изобиліемъ драгоцѣнныхъ

каменной, которыми устьяна одежда. Въ правой рукѣ держатъ они знамена, похожія на императорскій лабарумъ, только вмѣсто монограммы Спасителя, они увѣнчаны лиліями. Обувь весьма своеобразная. Двѣнадцать апостоловъ изображены съ бѣлыми или черными бородами, кромѣ Ѳомы и Филиппа, изображенныхъ безбрадыми. Эта эмальированная картина окружена богатою рамою филигранной работы и драгоценными камнями. Въ рамѣ же, по угламъ и по срединѣ, находятся шесть эмальированныхъ поясныхъ изображеній. Это — лики трехъ св. воиновъ: Георгія, Ѳедора и Евстагія, которые держатъ въ рукахъ небольшой крестъ и трехъ св. учителей: Николая, Василия и Іоанна Крестителя, съ книгами въ рукахъ. Послѣдній въ надписи пояснаго изображенія названъ не *πρόδρομος*, но *κῆρυξ*. (Не Іоаннъ ли Евангелистъ?) Впрочемъ не всѣ изъ этихъ поясныхъ изображеній сохранились въ оригиналѣ.

Разсмотрѣнный нами замѣчательный памятникъ византійской эмалевой живописи проливаетъ новый свѣтъ на вліяніе, которое имѣлъ Константинъ VII Порфирородный на развитіе византійскаго искусства. Самый фактъ этого вліянія былъ уже прежде извѣстенъ, какъ изъ собственныхъ сочиненій Императора, такъ и изъ свидѣтельствъ другихъ лицъ. Извѣстно, что онъ провелъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ вынужденномъ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. Живя въ своемъ дворцѣ, императоръ исключительно занимался расписываніемъ заглавныхъ буквъ въ рукописяхъ, писаніемъ небольшихъ иконъ и сочиненіемъ разныхъ книгъ, изъ которыхъ самая извѣстная есть книга: о Церемоніяхъ византійскаго двора, — драгоценный источникъ для византійской археологіи. Но кромѣ личной дѣятельности въ сферѣ искусства, императоръ занимался и устройствомъ выставокъ разныхъ произведеній искусства въ залахъ императорскихъ дворцовъ. Подобныя выставки были въ обычаѣ въ Византіи при большихъ празднествахъ и при приѣмѣ чужестранныхъ посольствъ. Вслѣдствіе восточнаго характера византійскаго двора и византійское искусство, направленное на увеличеніе внѣшняго блеска, получило тотъ же характеръ и полюбило блескъ и богатство изукрашеній. Въ Византіи въ особенности поощрялось изготовленіе драгоценныхъ одеждъ, украшенныхъ живописными изображеніями, ковровъ, произведеній золотыхъ дѣлъ мастерства и всѣхъ зависящихъ отъ послѣдняго рода украшеній, напр. драгоценными камнями, филигранною работою и эмалью. Поэтому эти вѣтви художественныхъ ремеселъ, въ слѣдствіе историческихъ причинъ, всего болѣе процвѣтали въ Византіи во второй половинѣ X-го вѣка, особенно эмалевая живопись. Разсмотрѣнный нами византійскій ковчегъ, по совершенству техническаго исполненія, есть высокое произведеніе этой цвѣтущей эпохи и краснорѣчивое свидѣтельство процвѣтанія живописи. Эмалевая живопись, покрывающая двѣ доски этого ковчега, исполнена съ изумительнымъ искусствомъ и тонкостью работы процессомъ, называемымъ *émail cloisonné*: всѣмъ извѣстно значеніе этого термина¹⁾). Художники этого произведенія употребили двѣнадцать красокъ для своихъ картинъ: разнообразіе удивительное! Авторъ настоящей монографіи отлично характе-

¹⁾ См. нашу статью: Исторія византійской эмали, въ первой книжкѣ Лѣтописей пров. Тихомирова.

ризировалъ и описалъ исполненіе и техническія достоинства этого памятника (стр. 11 и 12). Разсматривая съ этой точки зрѣнія эмали византійскаго ковчега, онъ убѣдился, что обѣ эмалированные доски исполнены въ одно время, но двумя въ различной степени искусными художниками. Превосходство этого памятника было такъ знаковаемо въ средніе вѣка, что ему подражали рейнскіе эмальеры, чему авторъ приводитъ любопытный примѣръ (стр. 14).

Наконецъ Г. Аусмвертъ описываетъ и передаетъ въ снимкѣ еще неизданный памятникъ византійскаго искусства, совершенно схожій, хотя и меньшихъ размѣровъ, съ побѣдоноснымъ крестомъ императоровъ Константина VII Порфиророднаго и Романа II. Это простой золотой крестъ, тоже украшенный финифтью и драгоценными камнями. Возстановляя неполную, попорченную греческую надпись, находящуюся на этомъ крестѣ, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что крестъ есть произведеніе рукъ самого императора. Извѣстно, что Константинъ Порфирородный былъ самъ ревностнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и предположеніе нашего автора болѣе чѣмъ вѣроятно. Первоначальному ковчегу, въ которомъ хранился этотъ крестъ, можетъ быть, принадлежатъ два золотыхъ рельефныхъ изображенія св. Константина и Елены, снятыя на стр. 14 настоящей монографіи.

К. Гёрцъ.

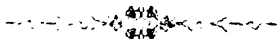
Старина русской Земли. Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Москва. Въ Синодальной типографіи, на Никольской улицѣ. 1867. 36 стр. въ м. 4-ую д. л.

Мы привели заглавіе сочиненія, о которомъ уже было говорено въ первой книжкѣ «Археологическаго Вѣстника» по случаю перваго его изданія. Кромѣ того пишущимъ эти строки было о немъ сказано нѣсколько словъ въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» (Т. VI, Отд. 2, стр. 228—31). Хотя второе изданіе весьма мало различается отъ перваго, мы однако не считаемъ лишнимъ упомянуть о «Русской Старинѣ» и въ настоящее время, именно потому, что сочувствуя цѣли, для которой она издана, не можемъ не сожалѣть о томъ, что не имѣемъ возможности заявить объ исправленіи прежнихъ ея недостатковъ, даже ни одного. Замѣченное нами различіе обоихъ изданій столь незначительно и при томъ только внѣшнее. Состоитъ оно въ слѣдующемъ: 1) второе изданіе печаталось не въ той типографіи, въ которой печаталось первое, при чемъ однако подобранъ почти одинаковый шрифтъ; 2) на стр. 10 помѣщенъ рисунокъ, котораго нѣтъ въ первомъ изданіи (именно, внутренность древней могилы въ Даніи), 3) на стр. 11 въ первомъ столбцѣ, въ выносѣкъ прежнее примѣчаніе въ 4 строки измѣнено и данъ ему объемъ 8 строкъ. Кромѣ этихъ незначительныхъ отличій втораго изданія отъ перваго намъ не удалось встрѣтить другихъ, относящихся къ содержанію, развѣ только одного. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ теперь отказался отъ мнѣнія, высказаннаго имъ въ первомъ изданіи на счетъ способа хороненія сожигаемыхъ труповъ, которые онъ прежде считалъ возможнымъ класть

въ могилы на корточкахъ. Но за то онъ не могъ отказаться отъ своихъ оригинальныхъ взглядовъ на первоначальное развитіе человѣческой культуры и отъ повторенія прежнихъ экскурсій въ область этимологій, чтобы снова намъ поднести тѣ рѣдкіе цвѣтки, которые были имъ собраны уже въ первомъ изданіи.

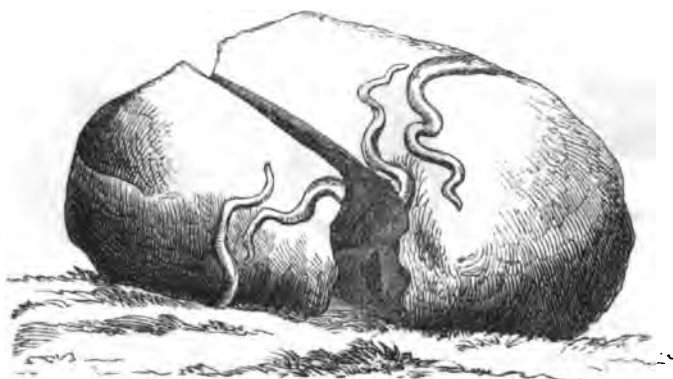
Увидавъ первое свое изданіе черезъ полгода распроданнымъ, авторъ приступилъ къ возобновленію его, вѣроятно въ томъ убѣжденіи, что оно въ неизмѣненномъ видѣ разойдется и вторично. Мы уже по поводу перваго изданія выразили наше сожалѣніе о томъ, что текстъ не сокращенъ на половину и поэтому въ настоящемъ случаѣ позволяемъ себѣ увѣрить автора, что причина успѣха его книжки передъ публикою заключается не въ текстѣ, а въ рисункахъ, которые помѣщены въ ономъ и частію заимствованы имъ изъ изданій, мало распространенныхъ въ Россіи, частію сообщены ему изъ необнародованныхъ матеріаловъ. Мы отъ души желаемъ, чтобъ и настоящее второе изданіе разошлось въ столь же не продолжительное время, какъ и первое; желаемъ мы этого конечно въ той надеждѣ, что при третьемъ изданіи авторъ приметъ въ расчетъ требованія науки и потребности читателей, постаравшись удалить изъ нея все лишнее и неосновательное. Подобная воздержанность отъ ученыхъ порывовъ будетъ вполне соответствовать той скромности, съ которою авторъ «Русской Старины» по настоящее время скрываетъ отъ публики свое имя.

II. Л.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Графъ Е. П. Тышкевичъ доставилъ намъ рисунокъ любопытнаго памятника литовской старины: камня съ изображеніемъ трехъ змѣй. Представляя здѣсь этотъ рисунокъ, даемъ мѣсто и объясненію гр. Е. П.

«Дикій гранитный камень съ изображеніемъ трехъ змѣй находился прежде около мѣстечка Рогова (лит. Rogas -олтарь) Ковенской губерніи, вилькомирск. уѣзда надъ рѣкою Невяжа, камень назывался Жалтисъ (лит. Zaltis -змѣя) и былъ предметомъ суевѣрнаго поклоненія не только древнихъ языческихъ Литовцовъ, но простолюдиновъ нашего времени. Жалтисъ въ мифологіи Литвы и Жмуды былъ божествомъ домашнимъ и владѣлъ даромъ лѣченія болѣзней. Вообще Литовцы поклонялись живымъ змѣямъ и держали ихъ въ домахъ своихъ не только до введенія Христіанства (что случилось для Литвы въ 1386 г., а для Жмуды въ 1418 г.), но и гораздо позднѣе, въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ еще упоминанія о подобныхъ случаяхъ, какъ напр. въ селѣ Лаваришкахъ (въ 30 верст. отъ Вильны) — у всякаго крестьянина содер-

жались еще домашнія змѣи. Древніе Литовцы вѣрили въ высокую мудрость змѣи и приписывали имъ даже безсмертіе, такое суевѣріе находило пищу еще и въ томъ простомъ явленіи, что змѣи ежегодно мѣняли кожу. Памятникъ этотъ — есть почти единственное, доселѣ сохранившееся изображеніе литовскаго божества, онъ — длиной $2\frac{1}{4}$, шириной $1\frac{1}{4}$, а вышиной — $\frac{3}{4}$ аршина. Въ 30-хъ годахъ его перевезли въ имѣніе гр. Чапскаго Кейданы (ковенск. губ.), гдѣ и понынѣ находится; при неосторожной перевозкѣ онъ былъ разбитъ на двѣ половины. Имѣніе Кейданы въ 1863 году поступило въ вѣдѣніе правительства».

— Къ небольшому числу кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ Киевской губерніи (см. Археологическій Вѣстникъ, стр. 42), въ настоящее время присоединяется интересная находка, сдѣланная еще въ 1863 году, въ самомъ Киевѣ, на кладбищѣ Юрданской церкви. Находка эта, недавно доставленная въ Археологическую Коммиссію, состоитъ изъ 191 экземпляра куфическихъ диргемовъ IX и X столѣтій, изъ двухъ серебряныхъ перстней, украшенныхъ рѣзными изображеніями (см. полиטיפажи), небольшой круглой привѣски изъ того-же метал-

ла, перегнутого куска тонкой серебряной проволоки, на которую вѣроятно нанизаны были какъ упомянутая привѣска, такъ и восемь, просверленныхъ съ этою цѣлью, монетъ (изъ числа 191). Всѣ эти вещи, вѣсомъ въ 1 фунтъ 37 зол. 78 долей, заключались въ глиняномъ горшечкѣ, отъ котораго лица, нашедшія кладъ, сохранили только незначительный черепокъ, не позволяющій судить о формѣ всего сосуда. Большую часть монетъ составляютъ саманидскіе диргеми (всего 178 экз.), чеканенные въ Шашѣ, Самаркандѣ, Эндерабѣ, Балхѣ, Нисабурѣ и Мервѣ, при Исмаилѣ сынѣ Ахмеда, Ахмедѣ сынѣ Исмаила и Насрѣ, сынѣ Ахмеда. Остальная часть состоитъ изъ 12 такъ-называемыхъ подражаній саманидскимъ диргемамъ и 1 тагеридской монеты. Считаемо нелишнимъ сообщить краткій перечень всѣхъ монетъ:

І. САМАНИДЫ.

Исмаилъ, сынъ Ахмеда.

Шашъ 282, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 294 и 295 г., всего 20 экзempl.

Самаркандъ 285, 287, 293 и 294 г., 5 экз.

Нисабуръ, съ потертымъ годомъ, 1 экз.

Балхъ 292 г., 1 экз.

Съ потертымъ иѣстомъ чеканки 291 или 292 г., 1 экз.

Ахмедъ, сынъ Исмаила.

Шашъ 295, 296, 298, 299 и 300 года, всего 16 экз.

Самаркандъ 295, 296, 297 и 299 г., 4 экз.

Эндерабе 298 и 299 года, 2 экз.

Пенджегиръ (?) 299 года, 1 экз.

Насръ, сынъ Ахмеда.

Шашъ 302, 308, 309, 310, 311, 312, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324 и неизв. года, всего 46 экз.

Самаркандъ 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 320, 322, 323, 324 и одинъ съ старымъ лицев. штем-пелемъ 280 года, всего 67 экз.

Нисабуръ 306 и 31* года, 2 экз.

Балхъ 302, 315 и 316 (?) г., 3 экз.

Эндерабе 303 (?), 304, 305 и 308 г., 5 экз.

Мервъ 301 года, 1 экз.

Неизвѣстно гдѣ чеканенныя 300, 309 и 318 г., 3 экз.

II. ПОДРАЖАНІЯ САМАНИДАМЪ.

Грубago неразборчиваго чекана, 12 экз.

III. ТАГЕРИДЫ.

Фарсъ 293 года, 1 экз.

Къ просверленнымъ монетамъ, служившимъ привѣсками, принадлежатъ слѣдующія:

5 Шашскихъ 292, 293, 295, 310 и 312 г.

1 Самаркандская 303 года.

2 Эндерабскія 304 и 308 г.

Во всемъ кладѣ находится только одна неизданная монета — диргемъ Ахмеда, сына Исмаила, чеканенный кажется, въ Пенджегирѣ. Онъ отличается отъ обыкновеннаго саманидскаго типа тѣмъ, что въ круговой надписи лицевой стороны, вмѣсто стереотипнаго выраженія: выбить этотъ диргемъ, читаются слѣдующія слова изобразилъ это..... (накаша гадза....) такой-то. Имя лица мнѣ къ сожалѣнію еще не удалось разобрать, такъ какъ монета дурно сохранилась.

В. Т.

— Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ Эстляндской губерніи, близъ Ревеля, на мызѣ Мойкѣ, на футъ глубины въ землѣ, подъ плоскимъ камнемъ, случайно най-

денъ мѣдный, покрытый мѣдною же крышкою котелокъ, въ которомъ оказались слѣдующія вещи: 1) пять серебряныхъ шейныхъ гривенъ въ видѣ жгутовъ, сплетенныхъ одинъ изъ 6-ти тройныхъ, другой изъ 3-хъ двойныхъ, третій изъ 4-хъ двойныхъ, четвертый изъ 5-ти одиночныхъ, и пятый изъ 4-хъ одиночныхъ, болѣе или менѣе толстыхъ, проволокъ; 2) пять серебряныхъ, украшенныхъ рѣзьбою пряжекъ или застежекъ, имѣющихъ форму подковокъ, съ передвижнымъ язычкомъ или булавкою; къ одной изъ этихъ пряжекъ сверху припаяно изображеніе креста; на другой верхнее украшеніе обломано; 3) шесть серебряныхъ браслетовъ, которые состоятъ изъ тонкихъ, дугообразныхъ пластинокъ, къ концамъ суживающихся; 4) множество обломковъ отъ подобныхъ же гривенъ, пряжекъ и браслетовъ, 5) два мѣдныхъ украшенія отъ рукоятки меча, съ рѣзными изображеніями, и 6) — нѣсколько обломковъ отъ какой-то мѣдной вещи, неизвѣстнаго назначенія. Древности эти однородны съ вещами, изображенными въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Ворсо: Съверныя древности корол. музея въ Копенгагенѣ (№ 216, 217, 454, 456, 457), Крузе: *Necrolivonia* (табл. I, i, k; II, l, m; IV, M; V, 2; VII, 4; XI, 6; XVII, 11; XXVI, 2; XXVII, 5; XL, 1; LI—LII, 2, 8, 9) и Бера: *Die Gräber der Liven* (табл. VIII, 6; XIII, 5; XVIII, 1).

Нѣтъ сомнѣнія, что Эстское Ученое Общество въ Дерптѣ, зорко слѣдящее за открытіемъ мѣстныхъ древностей, не преминетъ издать подробное описаніе и рисунки означенныхъ вещей.

В. Т.

— Въ засѣданіи 15 февраля 1867 года, Прусскаго Археологическаго Института въ Римѣ, извѣстный изслѣдователь римскихъ катакомбъ Дж. Б. де Росси представилъ на разсмотрѣніе гг. членамъ исполненные подъ его руководствомъ большіе карты, изготовленныя для всемірной выставки въ Парижѣ. На первой изъ нихъ нанесены слѣды доисторической культуры, найденной на почвѣ древняго Лациума (*Laticum*); на двухъ другихъ представлены результаты изслѣдованій г. де Росси о топографіи римскихъ катакомбъ.

— Въ Римѣ, въ декабрѣ прошлаго года, открыто было подъ развалинами древней базилики Св. Климента, на которой сооружена нынѣшняя церковь во имя того же святаго, принадлежащая XI вѣку, капище Митры (*Mithreum*).

ВТОРОЙ СЪѢЗДЪ ПО ДОИСТОРИЧЕСКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ И АНТРОПОЛОГИИ, ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ 1867 г.

Во время настоящей всемірной выставки, на которой, какъ извѣстно, особый отдѣлъ посвященъ произведеніямъ, характеризующимъ различныя эпохи въ исторіи человѣческаго труда, въ Парижѣ 5 (17)-го августа будетъ открытъ второй международный съѣздъ по доисторическимъ древностямъ и антропологии (*Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques*). Первое собраніе ученыхъ

для этой цѣли было не дальше, какъ въ прошломъ году въ Невшателѣ подъ названіемъ *Congrès paléontologique*. Мысль о подобныхъ ежегодныхъ сѣздахъ возникла на собраніи Итальянскаго Общества Естествознанія въ 1865 году въ Спеціи (la Spezia); см. Mortillet *Matériaux pour l'histoire de l'homme*, 2-е année, стр. 213—215. Прошлогоднее невшательское собраніе, подъ предсѣдательствомъ Э. Дезора, продолжалось 4 дня, съ 10 (22) по 13 (25) августа. Въ немъ, кромѣ Дезора, участвовали Карлъ Фогтъ, Эд. Дюпонъ (Dupont) — извѣстный и счастливый изслѣдователь бельгійскихъ пещеръ, Форель, Мортилье, покойный Тройонъ, Александръ Бертранъ — редакторъ парижской *Revue archéologique*, Ружмонъ (Rougemon), краініологи Эскеръ (Eskær) и Гисъ (His) и многіе другіе. Протоколы этой сессіи сообщены секретаремъ сѣзда, Мортилье, въ его журналѣ *Matériaux pour l'histoire de l'homme*, 2-е année стр. 489—528. Самыми важными и интересными сообщеніями на невшательскомъ сѣздѣ сдѣланы бельгійцемъ Дюпономъ, именно о произведенныхъ имъ, по порученію брюссельской академіи, раскопкахъ въ бельгійскихъ пещерахъ, въ которыхъ сохранились слѣды весьма древняго быта человѣка.

Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя правила и программу парижскаго сѣзда по доисторическимъ древностямъ и антропологіи, засѣданія котораго будутъ продолжаться съ 5 (17) по 18 (30) августа.

. Всякое лицо, интересующееся успѣхами науки, можетъ участвовать въ сѣздѣ, уплативъ 10 франковъ. Росписка казначея сѣзда въ уплатѣ послѣднихъ даетъ право на полученіе членскаго билета для сѣзда и всѣхъ его изданій.

Корреспонденты учредительнаго комитета и всѣ лица, сочувствующія изслѣдованіямъ, входящимъ въ кругъ засѣданій сѣзда, приглашаются къ возбужденію въ кругу своемъ участія въ ономъ.

Намѣреющихся участвовать въ сѣздѣ просятъ доставить въ возможно скоромъ времени свои взносы казначею сѣзда, г. Э. Колломбу (E. Collomb, Rue de Madame, 26), съ подробнымъ сообщеніемъ фамиліи, имени, званія и мѣста жительства. Эти подробности необходимы для составленія списка членовъ и приготовленія для нихъ билетовъ. Послѣдніе и подробная программа сѣзда будутъ раздаваться съ 10 по 16 августа (29 іюля по 4 августа) отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ по полудни, у секретаря г. Мортилье, (Gabriel de Mortillet), Rue de Vaugirard, 35, à l'angle de la Rue de Madame въ Парижѣ.

На основаніи VII-ой статьи общаго устава, Учредительный Комитетъ назначилъ 6 вопросовъ для очередныхъ преній въ слѣдующіе дни:

I. Въ воскресенье, 6, (18) августа: При какихъ геологическихъ обстоятельствахъ, среди какой фауны и какой флоры усмотрѣны въ различныхъ странахъ земнаго шара древнѣйшіе слѣды быта человѣческаго? Какія перемѣны могли съ того времени произойти въ распредѣленіи суши и воды въ данной странѣ.

II, Во вторникъ, 8 (20) августа. Было ли обитаніе въ пещерѣ обще-распространеннымъ? было ли оно въ обычаѣ у одной человѣческой породы и слѣдуетъ ли его отнести къ одному и тому же періоду времени? Въ противномъ случаѣ, какія подраздѣленія принять для эпохи обитанія человѣкомъ пещеръ и какія могутъ быть указаны отличія каждаго изъ этихъ подраздѣленій?

III. Въ четвергъ, 10 (22) августа. Памятники, сооруженные изъ большихъ камней, оставлены ли населеніемъ, которое по очередно занимало различныя страны? Въ послѣднемъ случаѣ по какому пути слѣдовало передвиженіе этого населенія? Можно ли указать постепенные его успѣхи въ искусствахъ и промышленности? Наконецъ, какія могли существовать отношенія между этимъ населеніемъ и поселеніями сваястроителей съ подобною промышленностью?

Въ субботу, 12 (24) августа. Употребленіе бронзы на западѣ — есть ли слѣдствіе мѣстной промышленности или нашествянаго завоеванія, или новыхъ торговыхъ сношеній?

V. Въ понедѣльникъ, 14 (26) августа. Какія существуютъ въ различныхъ странахъ Европы главѣйшія черты ранней эпохи желѣзнаго вѣка? Предшествовала-ли эта эпоха историческимъ временамъ?

VI. Въ среду, 16 (28) августа. Какія имѣются данныя на счетъ анатомическихъ свойствъ человѣка во времена доисторическія, съ древнѣйшей эпохи до появленія желѣза? Можно ли указать послѣдовательное появленіе многихъ человѣческихъ породъ, въ особенности въ западной Европѣ и можно ли опредѣлить эти породы?

Относительно российскихъ странъ, по отсутствію достаточнаго числа данныхъ, трудно отвѣчать на выше приведенные вопросы, кромѣ пятого, потому что нѣсколько раскопокъ у насъ свидѣтельствуютъ объ эпохѣ первоначальнаго употребленія желѣза въ различныхъ частяхъ Россіи. Памятники же, свидѣтельствующіе объ употребленіи каменныхъ и бронзовыхъ орудій, пока были находимы болѣе случайнымъ образомъ, нежели вслѣдствіе систематическихъ раскопокъ.

II. Л.

— Убѣжденные печальнымъ опытомъ многихъ поколѣній въ равнодушіи большинства къ памятникамъ отечественной древности и происходящихъ отсюда, часто безвозвратныхъ, утратахъ для науки, считаемъ нашею обязанностью дать мѣсто слѣдующему заявленію отъ Императорской Археологической Коммиссіи (см. Сѣверн. Почта, 1867, № 36), присоединивъ къ нему искреннія пожеланія добраго успѣха:

•Почти во всѣхъ губерніяхъ нашихъ ежегодно, при распашкѣ полей, при устройствѣ дорогъ и производствѣ разныхъ другихъ земляныхъ работъ, при обвалахъ рѣчныхъ береговъ, послѣ сильныхъ проливныхъ дождей или по убыли воды разлившихся рѣкъ, открываются различныя древности, относящіяся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ нѣкогда въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

«Не смотря на существующія у насъ узаконенія о сохраненіи находимыхъ древностей, изложенныя въ прилож. къ ст. 539, ч. 1 т. X св. гражд. законовъ, изъ всѣхъ такихъ случайныхъ находокъ только самая незначительная доля поступаетъ въ государственныя древнехранилища и дѣлается достояніемъ науки; болѣею же частью онѣ или совершенно пропадаютъ, или слухи о нихъ появляются долгое время спустя послѣ открытія, когда уже нѣтъ никакой возможности не только отыскать найденныя вещи, но и собрать надлежащія свѣдѣнія о томъ, что найдено, и о ближайшихъ обстоятельствахъ, при которыхъ сдѣлана была находка.

«Между тѣмъ всѣ такія находки, какъ бы ничтожны иногда онѣ ни казались, имѣютъ въ научномъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе и требуютъ самаго тщательнаго сохраненія и описанія.

«По этому Императорская археологическая коммиссія покорнѣйше проситъ всѣхъ, кому представится случай, либо самимъ открыть какіе бы то ни было остатки древности (какъ-то: каменные орудія, костяныя, глиняныя и металлическія издѣлія, надписи, монеты и т. д.), либо узнать о находкѣ такихъ вещей другими, тотчасъ же извѣщать коммиссію о сдѣланныхъ открытіяхъ и, если не представится какихъ-либо особыхъ затрудненій, переслать ей и самыя вещи или по крайней мѣрѣ доставить ей подробное и обстоятельное ихъ описаніе, а въ случаѣ возможности и рисунки.

«При этомъ коммиссія считаетъ долгомъ обратить вниманіе на слѣдующіе пункты:

«1. Случайно открытыя древности находчикъ не обязанъ уступать бесплатно, но если пожелаетъ продать ихъ, то получаетъ за нихъ соотвѣтственное денежное вознагражденіе, а именно не только цѣну по дѣйствительной стоимости золота, серебра или того вещества, изъ котораго онѣ сдѣланы, но и особую добавочную сумму, сообразную съ степенью древности и рѣдкости найденныхъ вещей.

«2. Древности, которыя находчикъ пожелаетъ оставить за собою или коммиссія почему-либо не признаетъ нужнымъ приобрести, будутъ возвращаемы по принадлежности, съ оплатою всѣхъ расходовъ по сему случаю.

3. «Найденныя древности могутъ быть доставлены или непосредственно въ археологическую коммиссію, на имя предсѣдателя ея, графа Сергія Григорьевича Строгонова (въ С.-Петербургѣ, у Полицейскаго моста, домъ № 17), или чрезъ мѣстные статистическіе комитеты, съ которыми она, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, находится въ сношеніяхъ по этому предмету.

— Московское археологическое общество не могло не принять участія въ общемъ привѣтѣ, съ какимъ встрѣчены были представители южныхъ и западныхъ Славянъ, пріѣхавшіе упрочить свои связи съ русской землей: ревнуя о высшемъ благѣ науки, заботясь объ успѣхахъ ея и видя прочныя залогомъ этихъ успѣховъ въ нравственномъ союзѣ Славянъ, оно привѣтствовало ихъ тѣмъ съ большимъ правомъ, что идея славянскаго возрожденія, науки и взаимности родилась изъ археологическихъ стремленій, возмужала подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Приводимъ здѣсь привѣтствіе С. М. Соловьева, обращенное къ Славянамъ отъ имени Московскаго Археологическаго Общества на соединенномъ собраніи (18-го мая) Московскаго университета и Московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ.

«Московское Археологическое Общество привѣтствуетъ родныхъ, дорогихъ гостей. Бываютъ въ жизни народовъ времена, когда потребность самопознанія становится одною изъ главныхъ духовныхъ потребностей. По всѣмъ признакамъ, такое время, время зрѣлости, наступаетъ для нашего народа; занятія отечественною исторіей и археологіей получаютъ важное значеніе, привлекаютъ особенное сочувствіе. Какъ одно изъ выраженій этой потребности народнаго самопознанія, является и

Московское Археологическое Общество, которое имѣетъ цѣлю изслѣдованіе археологіи вообще и преимущественно русской. Но Общество, предположивъ себѣ эту цѣль, имѣло ясное сознаніе, что успѣшное занятіе русскою археологіей невозможно безъ усерднаго занятія археологіей славянскою, и восемь именъ славянскихъ ученыхъ украсили списокъ его членовъ *). Было время, когда ученые тратили много времени, проводили много бессонныхъ ночей для открытія философскаго камня, эликсира жизни и т. п. Теперь наука, при своей зрѣлости, оставила подобныя мечты. Теперь многіе ученые также занимаются, повидимому, страннымъ дѣломъ, роются въ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ извлекать изъ нея драгоцѣнности въ общемъ смыслѣ: для нихъ драгоцѣнность — надгробная надпись, какая-нибудь уцѣлѣвшая вещь изъ быта прошедшихъ поколѣній. И эти ученые не проходятъ мимо своей цѣли, подобно искателямъ философскаго камня или эликсира жизни; они ищутъ жизни и находятъ ее; съ запросами духа, науки, обращаются они къ могиламъ, и могилы отвѣчаютъ имъ живыми глаголами. Отдѣльныя слова, отрывочныя преданія, собранія вещей, изгладанныхъ временемъ, служатъ, благодаря наукѣ, къ созданію живаго народнаго образа, живаго и дающаго жизнь, потому что этотъ образъ просвѣтляетъ сознаніе народа о самомъ себѣ, освѣщаетъ для него его историческій путь. Надежда, что своими посильными, скромными трудами оно можетъ хоть сколько-нибудь содѣйствовать достиженію такой великой цѣли, одушевляетъ наше юное Общество, и, чувствуя, какъ новый духъ жизни вѣетъ надъ Русскимъ народомъ и надъ всѣмъ великимъ славянскимъ племенемъ, оно смѣло рѣшается поднимать трудные вопросы, какъ на примѣръ вопросъ о составленіи археологическаго словаря, вопросъ объ археологическихъ сѣздахъ. Что трудное, неудобноисполнимое прежде становится теперь возможнымъ, доказываетъ пріѣздъ въ Москву представителей славянской науки. Заслышавъ, что въ отдаленномъ стольномъ городѣ сѣвернаго Славянскаго государства задумано общеславянское научное дѣло, они, презрѣвъ дальность пути, поспѣшили собраться сюда къ намъ. Такая изощренная чуткость къ общеславянскимъ духовнымъ интересамъ служить вѣрнымъ признакомъ сильнаго духовнаго развитія; а такъ какъ духъ есть и же живить, то имѣемъ полное право надѣяться, что славное будущее великаго племени обезпечено, основа единства его упрочена. Съ такою надеждой работа самая тяжелая легка и плодотворна; и слава вамъ, братья, что навѣстили вы насъ, своихъ сродниковъ и сотрудниковъ, пришли посмотрѣть, что мы тутъ дѣлаемъ въ великой Русской землѣ, требующей и работы великой, пришли сказать намъ: «Богъ помочь!» Слава вамъ, братья, за ваше доброе дѣло, которое не будетъ пропущено въ лѣтописяхъ славянской земли; слава вамъ, братья, слава! Въ особенности слава патріарху между славянскими историками, слава Палацкому. Слава старѣйшему славянскому археологу, глубокому знатоку народныхъ литературъ славянскихъ, слава Эрбену!»

*) Изъ присутствовавшихъ на Университетскомъ праздникѣ: Палацкій, Эрбенъ, Вртатко, Коляръ, Патера, Смоляръ, Головацкій и Я. Шафарикъ. Всѣхъ славянскихъ дѣйств. членовъ своего Общества считаетъ 19 и 1-го члена корреспондента.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при казанской духовной академіи. 1867. Январь—Іюнь 6 №.

Всѣобщее отвлеченіе отъ науки въ сферу современныхъ интересовъ — невыгодно отозвалось и на такомъ почтенномъ изданіи, какъ «Православный Собесѣдникъ»: уже прошедшій годъ — сравнительно съ предыдущими — представилъ несравненно менѣе запасъ серьезныхъ статей по общей христіанской и спеціально русской церковной древности, вышедшій [1867] — представляетъ ихъ еще менѣе: все важное было начато прежде и теперь только продолжается, таковы: «Дѣянія вселенскихъ соборовъ т. IV продолженіе — (№ 4, стр. 497—576), «Сказанія о мученикахъ христіанскихъ» т. II, начало (№ 1-ой стр. 1—80), «Сказанія о святыхъ христіанскихъ» т. 1-ой, продолженіе (№ 3 стр. 161—240), «Мечеть духовной» — сочиненіе братьевъ Лихудовъ, продолженіе (№ 2-ой стр. 81—160 и № 6, стр. 161—224). Нельзя, конечно, не быть благодарнымъ за помѣщеніе такихъ, важныхъ и въ археологическомъ отношеніи, матеріаловъ; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожелать, чтобы во 2-мъ отдѣлѣ журнала снова помѣщались такіе прекрасныя изслѣдованія и такіе важные памятники древне-русской духовной письменности, какіе мы привыкли встрѣчать въ прежнихъ годахъ Православнаго Собесѣдника и которыхъ въ 1-хъ 6-ти книгахъ нынѣшняго года мы находимъ всего 3, именно: «Объ отношеніи русскихъ священноцерковнослужителей къ приходамъ въ XVII и XVIII стол.» (№ 1, стр. 6—27), «Очеркъ участія русской Церкви въ дѣлахъ восточной до начала XVIII вѣка» (№ 3, стр. 175—219, № 6, стр. 81—165) и «Обзоръ древнихъ постановленій о почитаніи воскреснаго дня» (№ 4, стр. 324—340), остальные статьи посвящены новѣйшей исторіи раскола, полемика съ нимъ и новѣйшему духовному краснорѣчію; мы далеки отъ мысли не признавать интереса первыхъ, умѣстности вторыхъ и поучительности послѣднихъ, но позволяемъ себѣ думать, что никакая полемика не можетъ быть дѣйствительнѣе и убѣдительнѣе той, которая на лицо представляетъ памятники старинной русской письменности, никакое краснорѣчіе не можетъ быть краснорѣчивѣе неподкупныхъ свидѣтельствъ древнерусской религиозной жизни. Что вниманіе къ старинѣ можетъ быть совмѣщено съ интересами современности — это доказалъ «Православный Собесѣдникъ» 10-ю годами своего блестящаго существованія. Владѣя такимъ талантомъ, какъ Соловецкая бібліотека, онъ не сдержалъ его въ землѣ, но обогатилъ русскую историческую и археологическую науку множествомъ драгоценныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, и если мы въ немъ встрѣчаемъ теперь менѣе строгій ученый характеръ, то пожелаемъ, чтобы это было лишь временнымъ отдыхомъ отъ прежней дѣятельности, а не измѣненіемъ въ направленіи, плодотворность котораго очевидна и уважена всѣми.

Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Heft XLII. Mit 8 lithographischen Tafeln und mehreren Holzschnitten. Bonn A. Marcus. 1867, 256 стр. in. 8°.

Дѣятельное, и уже болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ основанное въ Боннѣ, Общество для изслѣдованія древностей при-Рейнскихъ странъ неутомимо продолжаетъ изданіе своихъ Записокъ, въ которыхъ помѣщаются столь много изслѣдованій, не носящихъ на себѣ спеціально-мѣстнаго характера. Съ 42-ой книжкѣ своихъ записокъ оно измѣнило и увеличило форматъ своихъ изданій, что выгодно для прилагавшихся рисунковъ, весьма тщательно и сообразно съ стилемъ памятниковъ исполняемыхъ. Общество посвящаетъ свои труды преимущественно языческимъ римскимъ и древнехристіанскимъ памятникамъ, находящимся въ при-Рейнскихъ странахъ и средневѣковыхъ зданіямъ, возвышающимся на берегахъ этой рѣки. Общество состоитъ въ настоящее время изъ 600 членовъ. Въ недавно изданной 42-ой книжкѣ его записокъ для нашихъ читателей въ особенности интересна статья Пр. Дюнцера, въ которой описываются фрагменты древне-христіанскаго сосуда съ изображеніями на немъ, исполненными золотомъ (*vetri opati d'oro*), находящіеся въ Кабинетѣ Г. Герштатта въ Кельнѣ. Сосудъ котораго средняя часть, къ сожалѣнію, не дошла до насъ, открытъ былъ также въ Кельнѣ, гдѣ уже найдены были и другіе сосуды подобнаго рода. Этотъ фактъ служитъ новымъ доказательствомъ, что употребленіе подобныхъ сосудовъ древними христіанами въ аганахъ, не ограничивалось однимъ Римомъ, гдѣ впрочемъ сдѣлано было самое большое число находокъ подобнаго рода въ патакомбахъ. Эти сосуды клали усопшихъ въ могилу, какъ воспоминаніе и свидѣтельство Христіанства усопшихъ. Къ статьѣ приложено прекрасное хромофотографическое снимокъ.

Revue de l'art chrétien etc. № 3 et 4. Mars et Avril 1867.

Окончаніе статей объ иконографіи Іоанна Крестителя и Аппаскихъ коврахъ. Весьма интересна статья аббата Тапена (Tapin): *de l'origine de la chasuble*, которая справедливо возводитъ происхожденіе этой части одежды къ римской тогѣ.

Philologus etc. 25-ten Bandes III Heft.

Не содержитъ въ себѣ статей археологическаго содержанія.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЪ 6-Ю ВЫПУСКАМИ ВЪ ГОДЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ 6 ЛИСТОВЪ.

ЦѢНА ТРЕТЬЕМУ ВЫПУСКУ 1 Р. С:

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги, ст. П. И. Срезневскаго (съ 5-ю рисунками); Лабарумъ Константина Великаго, ст. П. С. Базаискаго; Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ, ст. А. В. Брыкина; О греческой кормчей древняго состава, ст. арх. Амфилохія (съ рисункомъ); Для археологій каменнаго вѣка въ Россіи, статьи: П. Ревякина и А. А. Котляревскаго; (съ тремя полиטיפажми); Критика и библіографія, статьи: П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденціи; Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на обертѣ); Приложение: Засѣданія Московскаго археологическаго общества № 1, 2 и 3 (съ полиטיפажми).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ — статья члена общ. А. С. Уварова. (съ полиטיפажемъ), Два надгробные камня, открытые на Таманскомъ полуостровѣ, — статья чл. общ. К. К. Гёрца (съ рисункомъ), Для исторіи древне-славянскаго наряда, — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгарта. Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, статья д. члена Д. О. Шеллингга (съ рисункомъ), Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей, — статья чл. о. Д. П. Сонцова (съ двумя полиטיפажми), Критика и библіографія, статьи чл. о гр. А. С. Уварова о сочиненіи Папера: „JOHANNES DER TÄUFER IN GRIECHISCHEN KUNSTVORSTELLUNGEN“, статьи: чл. о К. К. Гёрца и д. чл. А. А. Котляревскаго; Археологическія извѣстія и корреспонденція, статьи: г. Падрена де Карне и А. А. Котляревскаго (съ четырьмя полиטיפажми); К. А. Морло, объ археологическихъ трудахъ его, — ст. д. чл. А. А. Котляревскаго. Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (см. на обертѣ).

ЦѢНА 1 и 2-му ВЫПУСКУ 1-му РУБ. С.

Печатано по опредѣленію Общества

Типографія Гривева и К^о у Пречастенскихъ воротъ д. Милановой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ.

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ, — статьи дѣйств. чл. А. А. Потебни (окончаніе).	145—153
О древнихъ камняхъ — памятникахъ западной руси и подлихін — статьи дѣйств. чл. графа К. П. Тышкевича (съ шестью полнотипажамн см. стр. 192)	154—160
Къ русской иконографіи, о нѣкоторыхъ произведеніяхъ русской иконописи, находящ. въ западной Европѣ, ст. чл. Н. С. Некрасова	161—164
Нумизматическіи замѣтки: I. о монетѣ Антимаха Θεοσα съ именемъ Діодота, ст. дѣйств. чл. В. В. Григорьева	165—168
II. деньга Андрея Ивановича сына Калиты (съ поли- типажемъ) ст. чл. основ. Д. П. Сонцова	168—169
Критика: о сочиненіи Богданова „Матерьялы для антропологіи Курганнаго пе- ріода московск. губерній“ ст. дѣйств. чл. А. А. Котляревскаго	170—176
Визнография, статьи чл. А. Н. Аванасьева, К. К. Гѣрца, А. А. Котляревскаго	176—179
Археологическіи извѣстия и корреспонденція — статьи: А. Терещенко, чл. гр. А. С. Уварова, П. С. Казанскаго и др.	180—190

МОСКВА.
1867.

Académie des Inscriptions et belles lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1867. Bulletin de Janvier et Février 1867. Paris, August Durand.

Замѣчательныя сообщенія, касающіяся области археологій, въ Январѣ и Февралѣ нынѣшняго года были сдѣланы Парижской Академіи Надписей, въ Президенты которой былъ избранъ на текущій годъ извѣстный археологъ и нумизматъ А. де Лонперрье, слѣдующими лицами: Г. де Ластейри представлялъ рисунокъ конскаго удила, хранящагося въ Real Armeria (оружейная палата) въ Мадридѣ. Это удило, чрезвычайно странной формы и очень тяжелое, изъ желѣза, но покрыто нѣллами изъ серебра. Эта металлическая техника была исключительно свойственна варварскимъ народамъ, разрушившимъ римскую имперію. Мадридскій каталогъ вышеозначеннаго собранія приписываетъ это удило, найденное въ 1836 въ Андалузіи, предшественному готскому королю Виттицѣ. Двѣ монограммы, которыми украшенъ этотъ предметъ, схожи съ монограммами, находящимися на монетахъ послѣднихъ визиготскихъ королей. Но въ разборѣ ихъ члены Академіи не могли между собою согласиться. — Знаменитый Египтологъ де Ружэ сообщалъ объ открытіи папируса, содержащаго въ себѣ новый фрагментъ поэмы Пентаура, относящейся къ походамъ Рамсеса II. — Г. Ренанъ предложилъ Академіи приступить къ изданію сборника семитическихъ надписей (corpus inscriptionum semiticarum). Онъ говоритъ о необходимости подобнаго сборника, требуемаго современными состояніемъ науки, подобная задача въ настоящее время можетъ быть выполнена только такимъ учрежденіемъ, какова Академія Надписей. Мысль этого сборника повадиному принадлежитъ Г. Ренану, де Сольси, Лонперрье и Ваддингтону. Надписи предполагаютъ издать въ точныхъ снимкахъ, съ транскрипціею, переводомъ и краткимъ комментариемъ. Академія передала это предложеніе на разсмотрѣніе особой комисіи. — Г. де Сольси объяснилъ латинскую надпись, недавно открытую въ Баальбекѣ. — Г. Туази представлялъ результаты раскопокъ театра Ванхъ въ Афинахъ, но бюджетъ Академіи, къ сожалѣнію, передаетъ его сообщеніе слишкомъ кратко. — Г. Ленорманъ сообщаетъ неизданную надпись изъ рукописей Фовеля, хранящихся въ публичной Библіотекѣ въ Парижѣ. Изъ этой надписи, сравненной Г. Ленорманомъ съ другою надписью, явствуетъ, что въ древней Греціи существовали чиновники, именуемые хранителями Понта Эвксинскаго (Εὐξεινοπολίται), которые на Босфорскомъ проливѣ, при входѣ въ Понтъ-Эвксинскій, наблюдали за вывозомъ товаровъ, и, вѣроятно, собирали такія же пошлины, которыя нынѣ собираются при входѣ въ Зундъ. Изъ портовъ же Чернаго моря вывозилась преимущественно шеница которую доставляли Сяны южной Россіи. Эту надпись Г. Ленорманъ хотѣлъ связать съ однимъ до сихъ поръ неразъясненнымъ фактомъ древне-греческой нумизматики, но Академія не согласилась съ его мнѣніемъ.

Археологическіе журналы на 1867 годъ.

Philologus, Zeitschrift für das klassische Alterthum. Herausgegeben von Ernst von Leutsch. Fünfundzwanzigsten Bandes erstes und zweites Heft. Göttingen, 1867.

Въ превосходномъ изданіи, нынѣ уже дошедшемъ до двадцатьятаго тома, которое по преимуществу посвящено классической филологіи, въ нынѣшнее время чаще стали появляться статьи, посвященныя и археологіи классическихъ народовъ древности. Такъ въ двухъ книжкахъ, вышедшихъ въ теченіи нынѣшняго года, продолжается рядъ статей, въ которыхъ Берлинскій профессоръ Биттихеръ объясняетъ много памятниковъ Аѳинъ, изслѣдованныхъ имъ во время его пребыванія въ Греціи. (Ergänzungen zu den letzten Untersuchungen auf der Akropolis zu Athen.) Въ первой статьѣ (съ рисункомъ) объясненъ большой алтарь Деметры въ Элевзисѣ, во второй — цѣль и назначеніе Элевзиніона въ Афинахъ. Профессоръ Герцогъ представлялъ дополненія къ напечатанному имъ въ предыдущемъ томѣ прекрасному обзору нынѣшнихъ трудовъ о латинской эпиграфикѣ. Очень интересна также первая статья библиографическаго обзора всѣхъ важнѣйшихъ путешествій, изслѣдованій и открытій, сдѣланныхъ съ 1859 года во всѣхъ странахъ древняго міра, гдѣ распространена была греческая культура, представленная профессоромъ А. Конце. Само собою разумеется, что въ этомъ обзорѣ не забыты ни отчеты Императорской Археологической Комиссіи, ни изданныя ею Древности Геродотовой Сивіи.

Denkmäler, Forschungen und Berichte, als Fortsetzung der Archäologischen Zeitung heraus gegeben von Eduard Gerhard. 73. Lieferung. Berlin. 1867 Januar, Februar und März. Сътремья рисунками.

Послѣдній выпускъ Археологической Газеты, вышедшій еще при жизни неумолимаго и знаменитаго издателя ея, профессора Э. Гергарта въ Берлинѣ, котораго слабѣющія силы принудили прибѣгнуть къ посторонней помощи, чтобы въ началѣ года по обыкновенію, представить читателямъ обзоръ археологической дѣятельности за истекшій годъ. Кромѣ этой археологической дѣятельности за 1866 годъ, составленной съ большою добросовѣстностью и точностью съ содѣйствіемъ Проф. Михаэлиса, въ настоящемъ выпускѣ еще помѣщены слѣдующія замѣчательныя статьи: Проф. Михаэлиса — объясненіе большаго архаическаго рельефа, открытаго на островѣ Тазосѣ Э. Миллеромъ; Пронешъ-Остена, объясненіе четырехъ неизданныхъ монетъ Аттала I и III и Клеомена III, и любопытная замѣтка о смерти Фидія, профессора Петерсена. Въ Архе-

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ

И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ.

[ОКОНЧАНІЕ]

Когда небесныя явленія объяснены земными, то можетъ начаться обратный первому процессъ, объясненія земныхъ явленій, какъ болѣе слабыхъ, менѣе поражающихъ человѣка — небесными, какъ болѣе сильными. Отъ того, что человѣку много разъ случалось самому добывать огонь изъ дерева, появленіе огня не потеряло своей таинственности. Огонь заключенъ въ деревѣ до своего появленія ¹⁾. Откуда же онъ взялся тамъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служило вѣрованіе, что извѣстныя растенія суть воплощенія небеснаго огня, который представлялся послѣднею причиною земнаго. Мысль, не привычная къ напряженіямъ, устаетъ, дошедши до такого объясненія и не спрашиваетъ далѣе: откуда взялся огонь въ самомъ небесномъ деревѣ?

Рядомъ съ вышеупомянутымъ объясненіемъ молніи существуетъ и другое. Молнія падаетъ быстро. Изъ живыхъ существъ человѣку извѣстно только одно, способное къ такой быстротѣ, именно птица, особенно орелъ, соколъ. Поэтому молнія есть орелъ или соколъ. Такое представленіе соединяется съ предыдущимъ: соколъ гнѣздится на небесномъ деревѣ, и когда оно загорится, уноситъ горящую вѣтку на землю. Эти представленія сплетаются съ третьимъ: гроза есть борьба силы благотворной и враждебной. Когда соколъ сноситъ на землю огонь ²⁾, то враждебное существо стрѣлою отбиваетъ у него коготь или вышибаетъ перо изъ крыла. Человѣку извѣстны растенія, своимъ существованіемъ обязанныя птицѣ, т. е. выросшія изъ занесеннаго ею зерна. Частью тѣ же растенія, частью другія формою листьевъ напоминаютъ перо или крыло, цвѣтомъ сока или яркими красками цвѣтовъ — кровь пущенную раненою птицею, шипами — коготь хищной птицы. Все вмѣстѣ взятое заставляло думать,

¹⁾ Такъ и въ гримѣ. По выраженію загадки — огонь спитъ въ камнѣ. (Даль, 1065).

²⁾ И небесный напитокъ, о которомъ теперь говорить не будемъ.

что извѣстныя растенія произошли изъ небеснаго огня, объявшаго вѣтку небеснаго дерева и изъ пера, крыла, крови, когтя птицы, принесшей этотъ огонь на землю. Такъ, по индѣйскому вѣрованію, дерево паріа (собств. листь и крыло) родилось изъ соколяго крыла или пера, упавшаго на землю и ставшаго листьомъ. Цвѣты и сокъ этого растенія красны, потому что красно мясо (Kuhn, *Herabkunft des Feuers* etc 192). Такъ растенія, изъ коихъ добывался огонь, *Самм* (*acacia summa*—дерево съ перистыми листьями) и выросшее на немъ *ауваттха* (*figus religiosa*) произошли: первое, служащее какъ бы сосудомъ второму, — изъ сосуда, въ коемъ Гандхарвы принесли на землю небесный огонь, а второе — изъ самаго этого огня (ib. 193). Болѣе подробныя подтвержденія вышеизложенныхъ положеній можно найти у Куна. Я приведу только доказательства того, что явственныя слѣды мифовъ и связи извѣстныхъ растеній съ небеснымъ огнемъ остались и у Славянъ.

О мела. Поль. *jemioła*, Чеш. *jmell*, *jmel*, Серб. *ймела*, мела, *viscum album* (= Скр. а-мала, безъ пятенъ, чистый, свѣтлый). «На којој би се лјесци нашла мела, подъ ономъ лјескомъ има гуја с драгимъ каменомъ на глави, или још Бог зна какво друго благо поредъ ње. Тако приповиједају: јер се мела ријетко налази на лјесци». (Кар. Рјечи. мела). Есть подобное нѣмецкое повѣрье: подъ лѣщиною, на которой растетъ омела (*asaugum uigoraueum*), лежитъ бѣлая змѣя, стерегущая кладъ. Змѣю эту, полагаетъ Кунъ, можно сблизить со змѣемъ, лежащимъ подъ однимъ изъ корней всемірнаго ясеня (Негавк. 228). Въ такомъ случаѣ орѣшникъ съ выросшемъ на немъ омелою будетъ изображеніемъ всемірнаго дерева, которое, слѣдуетъ думать, представлялось обвитымъ чужеродными растеніями. Сверхъ того кладъ подъ лѣщиною съ омелою указываетъ на то, что оба растенія были воплощеніемъ небеснаго огня, громовой стрѣлы. Кладъ, какъ извѣстно, есть огонь, потому что горитъ пламенемъ бѣлымъ, краснымъ, желтымъ, смотря по металлу. По польскому разсказу, каждая попытка одной пани взять горсть золота изъ клада ведетъ за собой пожаръ въ одномъ изъ ея селъ ((*Siemień. Pod. 69*). Кладъ есть именно небесный огонь. Какъ кладъ появляются на поверхности земли только въ извѣстные сроки, наприм. разъ въ семь лѣтъ, такъ и громовая стрѣла (*strzała piorunowa, kulička piorunowa*), убивши чорта, уходитъ въ землю и остается тамъ три года (Русс.) или семь лѣтъ (Поль. Чеш.). Ее можно найти только тогда, когда она выйдетъ на поверхность земли по истеченіи этого времени (Абевага 172, Ноишка III, 182; Gołębowski; Lud Polski 151). Сама по себѣ омела есть воплощеніе громовой стрѣлы, по крайней мѣрѣ по Германскимъ повѣрьямъ. Въ Швейцаріи омела называется *doppel-besen*. Въ Швеціи ее держатъ по домамъ, какъ предохранительное средство отъ всякихъ бѣдъ, особенно отъ пожара, какъ въ Чехахъ — громовую стрѣлу. У разныхъ Германскихъ племенъ и у древнихъ Римлянъ омелѣ приписывались и приписываются цѣлебныя свойства, подобно тому какъ у Славянъ — громовой стрѣлѣ, водѣ, которою она обмыта, дождю выпавшему при громѣ или въ праздникъ громоваго божества (на Ильинъ день) (Абев. 162; Ноишка III, 332; Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45; Терещ. V, 14). Что Германцы приписывали омелѣ и разрушительную силу громовой стрѣлы, видно изъ мифа о смерти Бальдера отъ вѣтки омелы (Куһн, *Негавк.* 231 слѣд.).

Лѣщина (орѣшникъ. См. Kuhn, *Neuabk. hasel* и *wünschelruthe*). Чеш. повѣрье: въ первое воскресенье по рожденіи мѣсяца (о повонu neděli), до восхода солнца, во имя О. и С. и Св. Д., съ трехъ разъ отрѣзать новымъ ножомъ вѣтку лѣщины (*bilé lisky*), при чемъ братья за нее рукою, обернутою бѣлымъ платкомъ. Если такую вѣтку окрестить, давши ей имя перваго изъ трехъ царей (волхвовъ), Каспара, то она служить для копанія золота; другая, съ именемъ Бальтазара — для серебра; третья съ именемъ Мелихара — для отыскиванія скрытыхъ водяныхъ источниковъ *Nováka Rověru*, ib. II, 533). Волшебная вѣтка указываетъ на кладъ, наклоняясь въ ту сторону, гдѣ онъ лежитъ (*Plíe* 125. Иличъ зналъ въ Пожегѣ искателя кладовъ, у коего были двѣ такіа вѣтки). Объясняется это слѣдующимъ. У Германскихъ племенъ волшебная вѣтка (*wünschelruthe*) дѣлается изъ растений, въ коихъ воплотился небесный огонь: изъ рябины, выросшей на другомъ деревѣ изъ занесеннаго птицею зерна, изъ омелы, терновника, орѣшника. Она не только указываетъ на кладъ и исполняетъ всѣ желанія обладателя, но, что особенно важно, подобно разрывъ-травѣ (см. ниже), ломаетъ двери и запоры, разрываетъ скалы, въ коихъ скрытъ кладъ. Послѣдній признакъ отождествляетъ ее съ громовою стрѣлою. Изъ Индо-европейскаго представленія тучи — горою и скалою, а солнечнаго свѣта золотомъ, возникло вѣрованіе, что вѣтка, какъ воплощеніе и замѣна Перуна, разсѣкающаго тучу, ломаетъ скалы и отрываетъ сокровища. Изъ другаго представленія тучи коломъ или источникомъ произошло повѣрье, что волшебная вѣтка, какъ Перунъ, освобождающій заключенныя небесныя воды, показываетъ скрытые источники. По Нѣмецкому повѣрью, орѣшникъ (*hasel*) прогоняетъ змѣй, потому что туча, съ кою борется громовое божество, есть змѣй, а земныя мелкія змѣи произошли отъ великаго небеснаго. Съ этимъ сродно то, что у Хорватовъ — въ среду, четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ дѣти ходятъ къ вечернѣ съ вѣтками лѣщины «Ируда туѣи» или «коризму ћерати», т. е. прогонять постъ (*Plíe* 121). Баба коризма (*Quadragesima*) есть существо тождественное съ мареною и враждебное грому, подобно змѣю. Какъ всѣ замѣны Перуна, вѣтка орѣшника (по Нѣм. пов.) предохраняетъ отъ громоваго удара. Въ млр. разсказѣ (*Siemień. Pod. i Leg.* 118. Ср. Зап. о Ю. Р. II, 40) вѣтка лѣщины является въ рукахъ знахаря символомъ его власти надъ градомъ, градъ замѣнилъ здѣсь грозу (Kuhn, *Neuabk.* 215), на что указываетъ какъ то, что лѣщина первоначально имѣетъ отношеніе къ небесному огню, а не ко граду, такъ и то, что въ упомянутомъ разсказѣ знахарь упрекаетъ всадника на сѣромъ конѣ — представленіе грознаго божества, посылающаго градъ — «почему ты не пришелъ ко мнѣ въ гости на Купала?» Конечно, онъ не сталъ бы приглашать къ себѣ въ гости града, но посѣщеніе людей огнемъ (Агни, Индра) — черта очень обыкновенная. — Крещеніе волшебной вѣтки въ Чеш. повѣрьи свидѣтельствуетъ, что и у Славянъ, какъ у Германцевъ, божеству, воплощенному въ ней, приписывалась человѣкообразная форма. Такъ въ Ведахъ, тождественные съ волшебною вѣткой, по происхожденію, куски дерева, изъ коихъ добывался огонь, представляются мужемъ и женой, отъ совокупленія коихъ рождается огонь.

Основанія сближенія лѣщины съ небеснымъ огнемъ заключаются не только въ томъ, что на ней растетъ омела, но и въ ея плодахъ, орѣхахъ, напоминающихъ громовой камень (Чеш. hromovou kulíčku) и въ Слав. Герм., повѣрьяхъ имѣющихъ явственное отношеніе къ грому.

Дубъ считался воплощеніемъ Перуна и у Грек. Рим. Герм. употреблялся для добыванія огня по тѣмъ же причинамъ: и на немъ растетъ омела; жолуди напоминаютъ громовой камень и повѣрьями приводятся въ связь съ громомъ; сверхъ того могъ приниматься въ соображеніе и красный цвѣтъ дубовой коры (Kuhn Hegabk. 47). Славянскихъ свидѣтельствъ объ отношеніи дуба къ грому мало. По Сахарову, въ Туль. губ. на Ильинъ день искали старыхъ дубовъ, при которыхъ вытекали бы ключи. Съ такихъ дубовъ сдирали кору, вымачивали ее въ ключевой водѣ, потомъ привѣшивали себѣ на ладонки, въ предохраненіе отъ зубной боли (Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45). Возможно, что Серб. Грм, родъ дуба и кустарникъ, одного происхожденія съ громъ. Миклошичъ сближаетъ Ст. Сл. Грѣмъ, кустъ, съ Лит. kúmas, кустъ, кустарникъ, заросль; но это послѣднее слово = поль. kżew, Чеш. křov (гдѣ в вм. и, какъ въ червь = Лит. kirmis) которыхъ нельзя отдѣлить отъ Поль. kierz, кустъ. Русс. коръ, корень; между тѣмъ согласные зв. слова громъ остаются неизмѣнными и въ Лит. gromti, grumėnti, гремѣть. Вѣроятно, что Серб. грм и Лит. kúmas не имѣютъ ничего общаго. По Вр. загадкѣ, всемірное дерево есть именно дубъ, а на немъ солнце сидитъ птицею: «стоитъ дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ стародубъ сидитъ птица веретеница, никто ея не поймаетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица» (Даль, Посл. 1060).

Папороть (см. Kuhn, Hegabk. farnkraut, farnsaamen). Наиболѣе близко къ основной формѣ Слав. слова—Литов. raptis (м. р.), съ тѣмъ же значеніемъ; Сл. папороть заключаетъ въ себѣ удвоеніе того-же корня, отъ котораго перо, и значить собств. перо, крыло, судя по Вр. обл. папоротокъ, птичье крыло. Тоже основное значеніе въ Слов. регаѣна, папороть, Мадяр. (заимствованное отъ Слав.) regje, id., Нѣм. farn, id (= Скр. парна, перо, крыло и назв. вышеупомянутаго дерева), Греч. πτέρως, id (по Куну, это старинная женская форма при πτέρω, крыло). «По очень распространенному повѣрью, говоритъ Кунъ, въ горизонтальномъ разрѣзѣ стебля одной изъ породъ папоротника (pteris aquilina, adlerfarnkraut) видна фигура орла. Это и на самомъ дѣлѣ не лишено нѣкотораго основанія. Видъ всего этого растенія о двухъ большихъ перистыхъ листахъ долженъ былъ напоминать птицу, тѣмъ болѣе, что ростки этого раст., только что вышедшіе изъ земли, покрыты пухомъ, подобно недавно вылупившимся птенцамъ». Таковы реальныя основанія вѣрованія, что папороть есть воплощеніе птицы, принесшей огонь, а тѣмъ самымъ и самого небеснаго огня, вѣрованья, которымъ объясняются всѣ мифическія свойства папороти.

Въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, огненныхъ или громовыхъ растеніяхъ цвѣтокъ цвѣтомъ напоминалъ огонь; того-же ожидали и отъ папороти. Человѣкъ не могъ помириться съ мыслью, что это растеніе не цвѣтетъ, подобно тому, какъ онъ, подъ влияніемъ предвзятой мысли, не вѣрилъ тому, что у змѣи нѣтъ ногъ. У змѣи, думалъ

онъ, есть ноги, но она ихъ прячетъ ¹⁾); у папороти есть роскошный цвѣтокъ, но трудно его увидѣть. Такъ слѣдуетъ понимать Мр. «папороть цвѣте безъ усякого цвѣту» и др. подобныя выраженія пѣсенъ и загадокъ. Папороть цвѣтетъ въ полночь подь Ивановъ день. Изъ широколистаго папоротника подымается свѣтлая цвѣточная почка; она движется и прыгаетъ, какъ по Нѣм. повѣрью желтый цвѣтъ разрывъ-травы, растущій между папоротникомъ и цвѣтущій въ ту-же-ночь (Kuhn, *Neuabk.* 218). Иные слышатъ при этомъ щебетанье, что объясняется, родствомъ папороти съ птицею. Въ полночь почка съ трескомъ разрывается и распускается огненный цвѣтокъ; невыносимый блескъ его освѣщаетъ все далеко вокругъ (Тер. V, 88 — 9). По Войццкому, цвѣтеніе папороти сопровождается землетрясеніемъ, громовыми ударами, ослѣпительными молніями. Все это, равно какъ и трескъ, съ которымъ распускается цвѣтокъ папороти, объясняется тождествомъ папороти съ Перуномъ. Въ силу этого тождества папороть предохраняетъ отъ громоваго удара, (Kuhn, *Die Neuabk.* 222), подобно тому, какъ по Чеш. пов. растенія *netřesk* = *hromotřes* (безъ к на концѣ) (*hauslaub*) и *hromové koření* (*Houska* II, 547). Наоборотъ, это тождество можетъ давать растенію силу наводить грозу. На лугахъ есть такіа растенія, что если ско-силь ихъ, то неминуемо слѣдуетъ дождь и буря (*Wójc. Pies.* II, 217).

Нечистая сила въ разныхъ видахъ и разными голосами старается испугать смѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти. Если онъ испугается, цвѣтокъ для него потерянь. Черти здѣсь замѣняютъ враговъ громоваго божества, змѣевъ. Въ одной сказкѣ чортъ говорить: я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на царскую дочь. Они сосутъ у нея груди. А выльчить ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ (= цвѣтъ папороти). Это такой цвѣтъ, что когда цвѣтетъ, море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня. Черти его боятся (Ае. ск. V, 55—6). Сосанье груди приписывается змѣямъ, а обладатель жаръ-цвѣта, обыкновеннаго и у Герм. представленія громовой стрѣлы, есть громовое божество. О свойствѣ папороти прогонять земныхъ змѣй см. Kuhn, *Neuabk.* 220. На тоже свойство указываютъ два Русскія названія растеній: звѣробой. Имя это носятъ многія растенія, между прочимъ, изъ болѣе извѣстныхъ, — желтоголовникъ, Мр. *горичвѣтъ* (кажется *caltha palustris*), коровьякъ или царскій скипетръ, царская свѣча (*verbasum thapsus*), и особенно Купальское раст. *hypericum perforatum*, (Поль. *świętojańskie ziele*, собираемое въ полдень на Ивана Купала, Нѣм. *johanniskraut*). Оно напоминаетъ огонь не только желтыми цвѣтами (какъ и два первыхъ раст.), но и темно-оранжевымъ цвѣтомъ сока цвѣточныхъ лепестковъ, отъ которыхъ растеніе это получило названіе Чеш. *krevniček* (*flores hyperici*) Мр.

¹⁾ Серб. «Крује као гуја ноге». Приновѣжда се, да гуја има ноге, које само онда покаже, кад се у процѣпену (*logserp liguen*), расколота на концѣ палка) припече и ватри; али ко их гођ види, она њ мора одмахъ укријети (Кар. Посл. 161). Замѣчательно сходство начала Серб. см. Немущи језици съ сѣд. приключеніемъ Нала: онъ находитъ царя змѣй, по им. Карио така-с (Ср. это имя, съ Сир. *карата* *равъ* и *закѣну* *змѣй* *равомъ* въ спазмахъ. Мое соч. О мнѣ. зн. нѣмот. обр. 207—9), окруженнаго огнемъ. Змѣй этотъ, вслѣдствіе проклятія пустыниина Нарады (Нарада—с), лишень употребленія ногъ и принужденъ оставаться въ огнѣ, пона не выручить его Нала. Нала выноситъ его изъ огня, и змѣй отслуживаетъ ему за это.

заяча кривця (почему заяча?). З вѣробой значить бьющій волкъ, а волкъ (звѣрь по преимуществу) въ мнѣч. отношеніи есть синонимъ змѣя. Чертополохъ (пугающій чертей) отнесенъ къ тому-же разряду растений вѣроятно за широкія листья (какъ Инд. парна) и за красныя цвѣты. Сила его такова, что человѣкъ спасается отъ преслѣдованія чертей, ставши на мѣстѣ поросшемъ чертополохомъ и бросая въ чертей шишками этого растенія. По другому повѣрью, вилочками прищипливаютъ чертополохъ къ землѣ, говоря: если стонишь червей съ моею скотины, то отпущу тебя (Тер. V, 93). Черви тоже враждебная сила, такъ какъ болѣзни вообще съ родни темнымъ силамъ, и такъ можно предположить, что большинство купальскихъ растений имѣютъ одно и тоже мнѣч. значеніе, то понятно, почему зельямъ, собраннымъ на Купала, приписываются цѣлебныя свойства.

Цвѣтъ папоротника показываетъ своему обладателю, какъ цвѣтутъ въ землѣ клады. Послѣ сказаннаго выше о волшебной вѣткѣ это не потребуетъ объясненія. Прибавлю еще чеш. пов.: кто достанетъ цвѣтокъ мочерака (květ byliny močegaка), которая цвѣтетъ синимъ цвѣткомъ разъ въ семь лѣтъ (какъ громовая стрѣла и кладъ выходитъ на поверхность земли черезъ семь лѣтъ), тотъ можетъ превращать простые металлы въ золото (Houška III, 331). Вѣроятно такова же чудесная сила мнѣческой золотой метлицы (zlatá metlice), которая вырастаетъ разъ въ году, но неизвѣстно когда именно, на многихъ горахъ напр. у Доможицъ, у Пльзни, и вскорѣ потомъ исчезаетъ (Houška III, 328).

Цвѣту папоротника приписываются свойства разрывъ-травы (Тер. V, 88). По нѣм. пов. эта послѣдняя (springwurz, johannis wurz) есть ни что иное, какъ корень папоротника (filix mas). Тожественность папоротника и разрывъ-травы видна между прочимъ изъ Вр. повѣрья, что разрывъ-трава достается только тому, у кого уже есть цвѣтъ папоротника и корень плакуна (Сх. Ск. Р. Н. I, 2, 43, 4). Разрывъ-трава разрываетъ запоры, почему ее ищутъ воры и искатели кладовъ. Коса, напавши на нее, ломается (Тер. V, 92); если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нее, то пута отпадутъ (Абевега, разрывъ-). тоже говорятъ у Сербовъ о травѣ расковникъ. Одинъ Земунскій купецъ надѣлъ на бабу желѣзныя пута (вѣроятно предполагая, что она знахарка) и пустилъ ее по полю: гдѣ отпадутъ пута, тамъ расковникъ (Рјечн.). По повѣрью, очень распространенному въ западной Европѣ, у дятла, одной изъ птицъ поджигающихъ дома, т. е. сносящихъ съ неба огонь, есть камень, имѣющій свойства разрывъ-травы (Kuhn, Hergabk 219). По Чеш. пов. Sojka (кедровка, сѣроокрасоватые перья на тѣлѣ и голубыя на крыльяхъ), увидѣвши человѣка кричитъ и ведетъ его къ своему гнѣзду, гдѣ у нея есть камышекъ (sojčí kamínek), при помощи коего можно находить скрытые въ землѣ клады. Иначе: кто найдетъ гнѣздо сойки съ яйцами или птенцами, тому слѣдуетъ молча обвязать это гнѣздо новымъ бѣлымъ платкомъ, такъ чтобъ оба узла приходились противъ отверстія. Сойка прилетѣвши, выпуститъ изо рта свой камень, чтобъ развязать узлы (Sumlogk I, 111—12). Слѣдовало бы ожидать, что камень (то есть громовой, приносимый птицею и тождественный по значенію съ разрывъ-травой) своимъ прикосновеніемъ разрываетъ узлы.

Названія разрывъ-травы: скаунъ и прыгунъ (Абев. Сах.) объясняются нѣм. повѣрье, что огненный цвѣтокъ разрывъ-травы, разцвѣтающій въ ночь на Бупала, не стоитъ на мѣстѣ, а прыгаетъ.

Другая трава, необходимая для обладанія разрывъ-травой — плакунъ. Корень ея копаютъ утреннею зарею на Ивановъ день, безъ желѣза (тоже у Герм. объ омелѣ и рябинѣ); онъ прогоняетъ нечистую силу, какъ и папороть и т. п. По названію, происходящему отъ того, что онъ плачетъ и воетъ (когда его вырываютъ изъ земли, какъ мандрагора, (Gr. Myth. 1053 сл. Kuhn, Herabk. Mandragora) или въ другое время?), плакунъ тождественъ съ растеніемъ, называемымъ ревенька. Оно растетъ подлѣ воды и въ водѣ, вышиною отъ полу- до трехъ четвертей аршина, цвѣтетъ красновато; стонетъ и реветъ по ночамъ. Кто хочетъ хорошо плавать и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки (Тер. V, 91). Съ этимъ послѣднимъ ср. слѣдующее: когда сломится коса, попавши на разрывъ-траву, то чтобъ узнать какая именно трава есть разрывъ, слѣдуетъ бросить все скошенное за послѣднимъ взмахомъ въ воду: какая трава всплыветъ, та и есть разрывъ-трава (ib 92—3). Мнѣніескія основанія этого могутъ быть тѣ самыя, по которымъ въдьма не тонетъ. — По Мр. пов. вехъ, болотная ядовитая трава (кажется *cicuta*) «якъ солнце пригрѣе, то ѿ застогне». Стонъ этихъ растеній есть конечно громъ, тѣмъ болѣе, что стонъ мандрагоры убиваетъ человѣка. Гроза стонетъ: «Ночь стонуши ему грозою птичь убуди» (Сл. о П.); Самый корень слова стонать имѣетъ и значеніе грома: Скр. Стан-ати стенать, Греч. στένω, стан-аја-ти гремѣть, Лат. tonare; отсюда же tonitru и thupag. Относительно связи плакуна съ другими громовыми растеніями ср. то замѣчательное обстоятельство, что луговой звѣробой (*hypericum ascyron*) иначе называемыя также плакуномъ.

Цвѣтъ (Сах. Терещ.), а у нѣмцевъ сѣмя папортника дѣлаетъ невидимкою, что Бунъ объясняетъ такимъ образомъ: какъ въ шапкѣ невидимкѣ (*nebelkarpe*) можно явственно распознать облако скрывающее Бога и его спутниковъ, такъ и растенію происходящему изъ облака приписывается свойство этого послѣдняго (222). Къ сказанному выше о сходствѣ папороти и чертополоха въ свойствѣ прогонять чертей здѣсь прибавимъ, что породамъ чертополоха приписываются и свойства шапки невидимки: кто хочетъ воровать ночью, чтобъ даже собаки не лаяли, тотъ долженъ носить съ собою лопушокъ (Тер. V, 93). Какъ выше разрывъ-травѣ соотвѣтствовалъ *sojč kámínek*, такъ здѣсь цвѣту дѣлающему невидимкой — камень невидимка. Чиждъ вьетъ гнѣздо подлѣ водою. Кто хочетъ найти это гнѣздо, пусть смотритъ въ воду: иначе его не увидитъ, потому что въ немъ есть камень (*čičkŭv kámínek*), дѣлающій его невидимымъ. И кто носитъ этотъ камень при себѣ, тотъ становится невидимкой (Sumlork. I, 112).

Есть Хорв. повѣрье, встрѣчаемое и у Мр. и другихъ Славянъ, что у кого есть сѣмя папороти, тотъ знаетъ все и разумѣетъ языкъ всякой твари (Шіс 167 — 8). Объясненія можно искать въ томъ, что первоначальный обладатель папороти, т. е. Перуна, есть божество, или въ связи представленій грома, рѣчи и мудрости.

Такъ какъ огонь молніи зажигается по вышесказанному, такимъ же образомъ, какъ и огонь солнца, то а priori можно ожидать связи между громовыми растеніями и солнцемъ. И дѣйствительно есть ясныя, хотя и довольно скудныя указанія на эту связь. У Лужичанъ папороть цвѣтетъ въ полдень на Бупала (Нануш, kalend. 183). У Хорутанъ папороть называется *Supbes* и разцвѣтаетъ, когда солнце побѣдитъ чорнаго волка (Срезнв. объ обож. солнца 45). По нѣмецкому повѣрью, если въ солнцеворотъ въ самый полдень выстрѣлить въ солнце, то кануть три капли крови, и они то и есть папоротное сѣмя (*farnsaamen*. Kuhn, *Herabk*, 221).

Вербъ. Что верба принадлежитъ къ одному разряду съ папортью и т. п. видно изъ того, что у Хор. зеленныя вѣтки (вербовыя), освященныя въ вербное воскресенье, сохраняются въ домахъ, для предохраненія отъ громоваго удара (*Jlic* 121), а у Чеховъ *košičku* (Мр. Бруньки) и вѣтки свяченой вербы бросаютъ въ огонь во время грозы (Нануш, Kalen. 106). То же основное значеніе (Перуна) имѣетъ верба и въ слѣдующихъ обрядахъ:

Въ Мр., кто проспигъ заутреню въ вербное воскресенье, того бьютъ свяченою вербою приговаривая: Не я бью, верба бье, за тиждень великденъ, будь висока, якъ верба, а здоровъ, якъ вода, а богатъ, якъ земля.

Въ Бр. вмѣсто 3-хъ послѣднихъ стиховъ, говорятъ: «хира (= болѣзнь) въ лѣсъ, здоровье въ коси» (Тер. VI, 85). Нѣтъ никакого основанія желать всякаго добра особенно тѣмъ, которые проспигли заутреню; это позднѣйшая прибавка, которая стала возможна только тогда, когда на стеганье вербою стали смотрѣть, какъ на наказаніе. Въ Чехахъ тотъ же обычай имѣлъ мѣсто на 2-й и 3-й день свѣтлаго праздника, когда парни и дѣвочки ходятъ по домамъ «s romlázkou». *Romlázka* есть вербовая вѣтка, или хлыстъ, сплетенный изъ нѣсколькихъ вербовыхъ или ивовыхъ прутьевъ, винныхъ лозъ (откуда *vinováčka*), мѣстами даже изъ ремней или жилъ, и украшенный пестрыми лентами и т. п. Помлазкою бьютъ другъ друга — на счастье, парни дѣвицъ — въ знакъ любви; ходящіе по домамъ «s romlázkou» — хозяевъ — чтобъ у нихъ велся скотъ. Хозяевамъ при этомъ обѣщаютъ: *budete mít co vyhánět ze dvora: z mašale — hřibátka, a z chlívu — telátka, a z toho nejmenšího chlívka Jehňátka* (Sumlork II, 12 вып. 33 — 43; *Erb. písně* 61 слѣд.; Нануш, Kalend. 123). Въ Вр. день Св. Георгія (23 Апр.) считается обычнымъ временемъ, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, именно свяченою вербою, сохраненною отъ вербнаго воскресенья. Иногда выгоняютъ скотъ и раньше, но въ этотъ день служатъ молебны Св. Георгію (извѣстной замѣнѣ громоваго божества) и просятъ его пасти скотъ и оберегать его отъ звѣря (Тер. VI, 38. Діевъ, въ И. Об. И. и Др. 1846, кн. 2). Обычай выгонять на Юрьѣ скотъ свяченою вербою есть и въ Мр. Тамъ же мѣстами въ этотъ день втыкаютъ въ хлѣвахъ вѣтки свяченой вербы и страстныя свѣчи, чтобъ отогнать нечистую силу и вѣдьмъ, (Тер. VI 29, 30). Во всей южной и западной Руси угощаютъ въ этотъ день пастуховъ (ib.). У Сербовъ и Хорватовъ на Юрьевъ день многія хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала сосѣднихъ коровъ, потомъ своихъ, съ тѣмъ чтобъ молоко перешло отъ первыхъ къ послѣднимъ. Хорошая хозяйка въ этотъ день сама выго-

няютъ своихъ коровъ за село, чтобы сосѣдка не отобрала у нихъ молока (Pis 127). У Чеховъ пастушій праздникъ (Krauské hody, коровій праздникъ) прежде справлялся повсемѣстно 1 мая, а теперь мѣстами перенесенъ на послѣ Троицы. Сравниваютъ навозъ на гноищѣ и утыкаютъ его зелеными вѣтками; рога и шеи коровъ украшаютъ зеленью. На разсвѣтѣ кормятъ коровъ разными травами, въ числѣ коихъ есть petršek, окуриваютъ ихъ и выгоняютъ въ стадо метлою (помеломъ), свяченою вербою или зеленою вѣткою изъ тѣхъ, которыми было убрано гноище. Уже около 9-ти часовъ дѣвки гонятъ коровъ домой, при чемъ поютъ тѣ-же пѣсни и такъ же бьютъ вѣткою встрѣчныхъ мужчинъ, особенно своихъ милыхъ, какъ и на свѣтлый праздникъ (o romlázce velkoposní). По полудни коровницы и дѣти, выгоняющія скотъ, устраиваютъ угощеніе изъ припасовъ, собранныхъ отъ хозяекъ наканунѣ. На этомъ пиру коровницы играютъ главную роль; на этотъ разъ онѣ выбираютъ себѣ танцоровъ, а не на оборотъ (Sumlogk II, 393). Исторія этихъ обрядовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Слово romlázka (ср. Серб. млаз, струя молока, выдаиваемая за разъ, отъ кор. млаз, Скр. мардж со знач. донть) значитъ вѣроятно: то что дѣлаетъ коровъ молочными. Во всякомъ случаѣ это слово показываетъ, что вѣткою били первоначально коровъ. Первообразомъ этого служило вѣрованье, что громовое божество (у Инд. Индра, называемый отъ этого gōhan, доящій) своимъ оружіемъ донть небесныхъ коровъ, отъ чего на землѣ дождь. Дождь представлялся и небеснымъ напиткомъ, а потому о помлазкѣ поютъ: «proutek se otočí, korbel piva natočí», съ чѣмъ сравни слова изъ пѣсни «na smrtlou nedělí»: Svatý Petr hřímá, natočí nám vína. Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за тѣмъ вѣтка, какъ воплощеніе Перуна, стала средствомъ давать «богатство» землѣ, которая, какъ и туча, представляется коровою (ср. Скр. гô, ила). Отсюда мысль легко перешла къ плодородію женъ, чѣмъ объясняется любовное значеніе стеганья вѣткою, и къ довольству, счастью вообще. Индійскій обрядъ, соотвѣтствующій помлазкѣ и, косвенно, Мр. обычаю бить вербою состоитъ, въ томъ, что жрецъ, чтобы получить молоко, годное для жертвы, отлучаетъ отъ коровъ телятъ, выгоняя ихъ на пашу вѣткою с ами или парна (см. выше), срѣзанною съ извѣстными обрядами. Тою-же вѣткою бьетъ онъ одну изъ коровъ, вмѣсто всѣхъ, говоря при этомъ между прочимъ: «умножайте долю» (т. е. долю молока, приносимаго Индрѣ). По традиціональному объясненію, вѣтка эта есть само божество, такъ какъ она есть воплощеніе того священнаго стихотворнаго размѣра gājatrī, который въ видѣ сокола снесъ на землю божественный напитокъ. Въ Германіи и Швеціи, давая имя коровамъ, бьютъ ихъ вѣткою рябины или другихъ огненныхъ растений, что имѣетъ мѣсто тогда, когда начинаютъ донть коровъ трижды въ день. Этотъ обрядъ въ Вестфалии называется quiken, т. е. дѣлать (коровъ) сильными, свѣжими, давать имъ новую жизнь (Kuhn Heralbk. 181).

2 Гена. 1866.

А. Потебня.

О ДРЕВНИХЪ КАМНЯХЪ-ПАМЯТНИКАХЪ

западной Руси и Подляхи.

Въ древнѣйшей Славянской цивилизаціи, когда еще не знали желѣза, а искусство плавить бронзу составляло тайну, потребность созидать вѣковѣчные памятники, столь сильно занимавшая мысль древнихъ, — удовлетворялась тѣмъ, что выѣкали надписи на самородныхъ камняхъ, по самой природѣ отличавшихся рѣзкою формою. Подобными камнями владѣтельные князья на Руси обозначали предѣлы своихъ владѣній; ими увѣковѣчивали они надгробные памятники, предавали безсмертію особенно важныя событія своего княженія. По примѣру князей и знатнѣйшіе люди въ странѣ обозначали также подобными камнями границы своихъ земель. Наконецъ, простой народъ выбиралъ такіе же камни, чаще всего залегавшіе по берегамъ рѣкъ, и обдѣлывалъ ихъ въ форму креста, либо изсѣкалъ на нихъ крестное изображеніе, дѣлая это какъ-бы въ память распространявшагося на Руси христіанства, въ которое обращали народъ массами, крестя его сначала, вѣроятно, водою, текущею въ рѣкахъ, — какъ это дѣлалось въ сосѣдней Литвѣ при обращеніи въ христіанскую религію.

Съ историческими перемѣнами судебъ этого края, съ перерожденіемъ народныхъ понятій, и этотъ обычай упалъ: время, проходившее среди общественныхъ преобразованій, совсѣмъ истребило одни изъ такихъ памятниковъ, другіе же, разбросанные по лѣсамъ и по болотамъ, покрылись вѣковою плесенью, подъ слоемъ которой скрывается, быть можетъ, еще не одна важная историческая тайна.

Когда пришли въ забвеніе каменные памятники, когда утратилась память ихъ историческаго значенія, — уцѣлѣвшіе ихъ остатки породили много преданій, легендъ, которыя простой народъ творилъ въ своемъ поэтическомъ воображеніи и передавалъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Исполнивъ свое историческое назначеніе, переживъ самихъ себя, памятники эти ветшали въ забвеніи и, чуждые живой исторіи, вошли въ область археологій. Въ теченіи многихъ вѣковъ они не обращали на себя вниманія ученыхъ: хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ XVI еще столѣтіи упоминаютъ лѣтописи, однакожъ эти упоминанія проходили даромъ — и едва на долю нашего поколѣнія выпала обязанность разыскивать ихъ и оцѣнивать ихъ вѣковое достоинство.

Въ западномъ краѣ находятся мѣстами разбросанные подобныя камни; изъ числа ихъ намъ извѣстны два граничныя камня Бориса въ Западной Руси, — пять камней въ Подлясѣ и еще нѣсколько находящихся по берегамъ нашихъ рѣкъ.

Въ 1846 году, когда я собиралъ матеріалы для исторіи Борисовскаго уѣзда и повѣрялъ таковыя на мѣстѣ, то о Борисовомъ граничномъ камнѣ, вѣрное изображеніе котораго приложено было пов. П. И. Келпеномъ въ его статьѣ «о Рогволодовомъ камнѣ» (Ученыя Записки Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отд. т. 3-й Спб. 1855, стр. 59—69), собралъ я слѣдующія свѣдѣнія: «камень лежитъ на старомъ московскомъ трактѣ въ Могилевской губерніи, между мѣстечкомъ Быхановомъ и Оршею, по дорогѣ отъ Быханова до Орши на седьмой верстѣ по лѣвую сторону, въ разстояніи полуверсты отъ почтовой дороги. Лежитъ онъ на землѣ, принадлежащей имѣнію графини Воронцовой, близъ деревни Листиновъ. Длина этого камня четыре шага, а ширина — три; темя его подымается на четыре вершка надъ поверхностью земли, на немъ изсѣченъ двойной крестъ, вокругъ котораго въ двѣ строки въ срединѣ вырѣзана славянскими буквами слѣдующая надпись: Къ лѣ (то) $\text{sx}^{\text{+}}$ (1171) $\text{m}^{\text{+}}$ ca мана къ з⁷ днѣ дѣпенъ $\text{x}^{\text{+}}$ (ж⁷з) снѣ. Гн помозн рѣу сѣкму Басланю въ крещеніи именемъ Рогволод^у. . . въ срединѣ: нс $\text{x}^{\text{+}}$ нн $\text{k}^{\text{+}}$ а. сн^у Б^ир^ис^ов^у.

Многія столѣтія пролежалъ онъ на открытомъ полѣ; шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, крестьяне графини Воронцовой, почитая этотъ камень святынею, собственнымъ иждивеніемъ устроили вокругъ него стѣны и накрыли кровлею, такъ что нынѣ онъ находится какъ бы въ маленькой деревянной часовнѣ. — Мѣстные поселяне рассказываютъ слышанное отъ дѣдовъ своихъ, что этотъ камень былъ на четырехъ ногахъ и имѣлъ голову, что въ совокупности представляло фигуру животного. Есть о немъ такое преданіе: что тамошній мельникъ, отрубивъ ему голову, передѣлалъ на мельничный камень, который не только самъ перемололся въ песокъ, но также измолотъ всё состояніе и все семейство мельника. Старые люди рассказывали мнѣ, что они сами помнятъ, какъ подъ этимъ камнемъ было порожнее мѣсто, куда обыкновенно прятались отъ дождя пастухи, пасшіе скотъ; впоследствии оно засыпалось, и камень все болѣе и болѣе углублялся въ землю. Теперь вокругъ него подкладены камни меньшей величины, и онъ такимъ образомъ занимаетъ всю средину часовни, оставляя вокругъ себя узкую тропинку, по коей можно кругомъ обойти его. — Въ началѣ текущаго столѣтія онъ былъ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій общезвѣстнаго любителя отечественныхъ памятниковъ и щедраго покровителя наукъ, Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова. — Для полнаго свѣдѣнія о памятникѣ, я повторяю здѣсь описаніе результата тѣхъ изысканій, которыя въ свое время были напечатаны въ Виленскомъ Дневникѣ (1818, 11, 394): «Многіе, читая въ русскомъ сочиненіи Г. Мальгина (Зерцало Россійскихъ Государей стр. 168) о времени кончины князя Василія Святославича внука Мономахова, сомнѣвались въ достовѣрности потому, что авторъ основываетъ это преданіе на свидѣтельствѣ найденнымъ близъ Орши, — гробницѣ этого князя. Графъ Ру-

мянцевъ старался повѣрить это преданіе; онъ сдѣлалъ вызовы къ разнымъ лицамъ, отъ коихъ надѣялся получить по этому предмету разъясненіе; именно: обращался къ людямъ, посвящавшимъ себя наукѣ, изслѣдованію исторіи, какъ-то: къ учителямъ, книгопродавцамъ. Съ тою же цѣлію канцлеръ лично пріѣхалъ въ Оршу и поощрялъ жителей города къ раскрытію этого народнаго памятника. Наконецъ, ректоръ Оршанской Іезуитской Коллегіи Кс. Деизидерій Ришардо дѣйствительно отыскалъ упомянутую гробницу у препроводилъ графу канцлеру описаніе ея въ слѣдующихъ словахъ: «Надгробный камень сдѣланъ изъ сѣраго гранита и поставленъ внутри часовни въ 24 верстахъ отъ Орши, по дорогѣ ведущей къ Толочину. Гробница эта имѣетъ въ ширину 3 аршина и 6 вершковъ, въ длину 4 аршина и 4 вершка. — Камень этотъ въ большомъ почитаніи у окрестныхъ жителей; зовутъ его Борисоглѣбскимъ, а иные Владимірскимъ камнемъ. Надгробный камень утвержденъ на четырехъ столбахъ, а многіе старики помнятъ, что подъ нимъ можно было проходить, и что дѣти гуляя бѣгали подъ нимъ. Очевидно, что гробница подалась въ землю, ибо теперь она лежитъ совсѣмъ на землѣ. Надпись на камнѣ слѣдующая: «Въ 6679: (1171): мѣсяца Мая въ 7 день Успе. Господи помози рабу своему Василю въ крещеніи именемъ Рохволду сыну Борису».

(Очевидно, ректоръ говорилъ о томъ же самомъ камнѣ, только принялъ его за гробницу Бориса, согласно съ чѣмъ и читалъ Успе вм. доспенъ (т. е. сдѣланъ); съ своей стороны мы желаемъ смотрѣть на памятникъ, какъ на граничный камень между удѣлами князей Оршанскаго и Борисовскаго.

Другой камень, будто Бориса Гинвиловича, составлявшій нѣкогда границу Полоцкаго княжества, лежитъ до нынѣ въ Западной Двинѣ въ разстояніи одной мили отъ уѣзднаго города Дисны, по направленію къ Дриссѣ. Онъ съ давняго времени былъ извѣстенъ польскимъ лѣтописцамъ. Матвѣй Стрыйковскій, лѣтописецъ XVI-го столѣтія, говоритъ, что плавая по Двинѣ, онъ самъ видѣлъ его и на 274 стран. своей лѣтописи описываетъ его такимъ образомъ: «на камнѣ есть крестъ изсѣченный по русской формѣ, а этого князя Бориса надпись подъ нимъ, вспоможи Господи раба своего Бориса сына Гинвиловича». — Стрыйковскій, желая чтобы этотъ камень былъ положенъ непременно Борисомъ Гинвиловичемъ и безъ сомнѣнія полагая что позднѣйшія поколѣнія видѣтъ его, читать надписи на немъ и оцѣнивать историческаго ея значенія не будутъ, позволилъ себѣ прибавить «сына Гинвиловича», — слова, коихъ на камнѣ нѣтъ.

Жившій гораздо позже Стрыйковскаго, историкъ Кояловичъ, — какъ видно, — не осмотрѣвъ его лично, а полагаясь на слова Стрыйковскаго, оставилъ намъ такое его описаніе; онъ говоритъ, что въ его время можно было видѣть выдающійся посреди водъ Двины неимоверной величины камень, на коемъ изсѣченъ былъ пятерной крестъ съ такою надписью: «Misereere Domine mancipio tuo Boryso Ginvilonis filio».

Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія, Фома Свенцкій, собирая матеріалы для своего описанія древней Польши, при описаніи Полоцкаго княжества, не умолчалъ и объ этомъ камнѣ; онъ повторилъ слова Кояловича (См. *Opis starożytniej Polski* t. II str. 279). —

Въ 1842 году графъ Евстафій Тышкевичъ, въ трудѣ своемъ: «Взглядъ на историческимъ отечественной археологіи», помѣстилъ рисунокъ этого камня и описаніе его.

Наконецъ, секретарь Витебскаго Статистическаго Комитета, А. Сементовскій, въ текущемъ 1867 году, въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: «Памятники старины Витебской губерніи», — сообщилъ намъ рисунки пяти камней — памятниковъ находящихся въ рѣкѣ Двинѣ; въ числѣ ихъ помѣстилъ онъ и камень Борисовъ, о коемъ здѣсь говорится, и который мы считаемъ граничнымъ. Въ описаніи, приложенномъ къ этимъ камнямъ Г. Сементовскій находитъ ошибочную мысль Стрыйковскаго, что этотъ камень былъ памятникомъ благополучной доставки изъ Лифляндіи вверхъ по Двинѣ матеріаловъ, предназначенныхъ для постройки монастыря Бориса и Глѣба, — и выражаетъ свое личное мнѣніе, что надпись эта на камнѣ, скорѣе знаменуетъ призваніе помощи Всевышняго къ совершенію предпринятаго Борисомъ дѣла (стр. 62 и 63).

Отъ Борисовыхъ камней Западной Руси, умалчивая, быть можетъ, о многихъ подобныхъ нераскрытыхъ еще памятникахъ, находящихся на пространствѣ этого края, — я перехожу въ страну Подляхін, чтобы оцѣнить археологическое достоинство лежащихъ тамъ граничныхъ камней, коихъ изображеніе прилагаю при семъ, на таблицѣхъ подъ № 1—5. Разсмотримъ эти пять камней съ надписями и съ какими-то теперь загадочными для насъ знаками, которые въ свое время, безъ сомнѣнія, выражали извѣстную мысль.

Камни эти находятся въ Подляскомъ при маленькой рѣчкѣ, называемой Пивонія, между имѣніемъ Сухой-волею и Вогинскимъ ключемъ; лежатъ они подъ рядъ отъ юга къ сѣверу. Камень означенный буквою А, начинается собою граничный рядъ; онъ лежитъ въ дубравѣ, — въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, по направленію къ сѣверу, при небольшой дорожкѣ, лежитъ камень означенный буквою В. Камень подъ буквою С, по тому же направленію лежитъ на полѣ при трактѣ, соединяющемъ мѣстечки Вогинь съ Радзиномъ; два слѣдующіе D и E лежитъ въ глухомъ лѣсу.

Нѣкоторые полагаютъ, что камни эти были граничными знаками не только частныхъ имѣній, но и составляли также одну изъ граничныхъ стѣнъ между Литвою и Польшею; догадки эти основываются на томъ, что межевые документы, съ XVI столѣтія, со времени царствованія Сигизмунда Августа, находящіеся въ Суховольскомъ архивѣ и разграничивающіе Литву отъ царства Польскаго, служатъ по настоящее время документами, разграничающими Сухую-волю отъ Вогинскаго ключа, лежащаго уже въ Литвѣ. Мѣстные народные преданія равномерно признаютъ эти камни границею Литвы отъ Польши, а многочисленныя межевыя тяжбы, почасту заводившіеся между давними жителями мѣстечка Вогиня и владѣльцами Сухой-воли, разрѣшались по представлявшимся въ судебныя мѣста актамъ разграниченія Царства Польскаго отъ Литвы. Однакожъ въ официальномъ размежеваніи Польши съ Литвою, произведенномъ въ 1546 году королевскими комиссарами, присланными для сей цѣли въ вышеупомянутую мѣстность, подъ заглавіемъ: «*Granicza Polonia contra Wohin*», мы не встрѣчаемъ упоминанія ни о той рѣчкѣ, именуемой Пивоніею, ни о тѣхъ камняхъ, о ко-

ихъ комиссары навѣрное не умолчали бы, если бы они въ самомъ дѣлѣ служили граничными знаками между обѣими этими странами. Въ упомянутомъ описаніи королевскіе комиссары проводятъ въ этой мѣстности границу такимъ образомъ: «Ab eodem scopulo Kierzek dicto, Nobiles de medietate villaram Branicza et Zbielintovo in destructu Lucoviensi existentes, — Adam Guth, et Dominicus, duxerunt fines inter Ducatum Litvania et Districtum Lucoviensem per paludem Bielsko dictam, ad silvam Siemicziesz dictam et iterum per borram parva via eundo usq, ad fluvium Branca dictum, ad eum videlicet locum, ubi est molendinum aquaticum Plebani in Wohin et ubi Districtus Lucoviensis esse desiit etc. (Limes Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae in lucem editi. Vilnae anno 1758).

Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что когда въ официальномъ актѣ, разграничивающемъ между собою двѣ страны, о нихъ не упомянуто, то эти камни не составляли никогда граничныхъ знаковъ между Польшею и Литвою. При оцѣнкѣ съ археологической точки зрѣнія находящихся на нихъ знаковъ и надписи, окажется необходимымъ отнести ихъ начало ко времени гораздо болѣе отдаленному нежели то, въ которое Литва разграничивалась съ Польшею; ибо въ Польшѣ употреблялся уже въ ту эпоху Латинскій языкъ надписяхъ, Литовцы же говорили своимъ собственнымъ, а на памятникахъ не писали ни на какомъ языкѣ. — Система класть такого рода знаки, какъ подковы, мечи, стопы была употребительна въ дохристіанскомъ славянскомъ мірѣ, чего слѣды имѣемъ въ Западной Руси на кладкахъ, положенныхъ чрезъ ручьи: въ Литвѣ же и Самогитіи на камняхъ по ручьямъ и небольшимъ рѣчкамъ. Славянская же надпись, сдѣланная на одномъ изъ нихъ, заставляетъ догадываться, что эти памятники можетъ быть современны Борисовымъ камнямъ, что вѣроятно они принадлежатъ къ тому періоду, когда славянскій міръ былъ раздѣленъ по удѣламъ сильныхъ владѣтелей. Камни эти, согласно предположенію, могли въ то время служить межевыми знаками собственности частныхъ лицъ. На камнѣ, означенномъ буквою С, находится надпись изсѣченная славянскими буквами: Г. (ГѢДЖ?) СѢНГ҃Ш(Е)Б, а это, кажется, имѣетъ очевидную связь тѣмъ, что мы говоримъ; ибо въ двухъ съ половиною миляхъ отъ мѣста, гдѣ онъ находится, лежитъ мѣстечко и дворецъ Любартовъ, искони-вѣковое помѣстье Сангушковъ, по которому они именовались Любартовчиками. Слѣдственно, камень этотъ, по всей вѣроятности, означалъ границу поземельной собственности Сангушковъ, соприкасающейся съ границей будущихъ двухъ странъ. Лежитъ онъ на полѣ близъ насыпаннаго нѣкогда вала, слѣды котораго, не взирая на разрушительное дѣйствіе времени, видны еще и теперь; народныя же преданія, почти всегда связаннымъ съ древними памятниками было, сохранили намъ объ этой насыпи рассказъ: что за многія столѣтія до нашего времени здѣсь возвышался укрѣпленный замокъ; однако слѣды его уже совсѣмъ исчезли. Въ такомъ случаѣ, основываясь на народномъ преданіи, можно бы предположить, что на границѣ отъ народа, неоднократно тревожившаго своими нападеніями, какой-то Сангушко могъ содержать въ этой части края укрѣпленіе; положенными-же тутъ камнями хотѣлъ увѣковѣчить память свою; по-

тому что и эти конскія концы, и эти изсѣченные на камняхъ какъ-бы мечи, концы значеніе трудно разгадать въ настоящее время, быть можетъ, имѣютъ тѣсную связь съ тѣмъ, нѣкогда укрѣпленнымъ, мѣстомъ, о существованіи котораго народъ повторяетъ одни лишь преданія.

На рисункѣ Г изображенъ камень находящійся на берегу Вилии, нынѣ въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ имѣніи Долгимовъ помѣщика Каменскаго, въ деревнѣ Камень. Это самородная глыба темнаго гранита, получившая отъ природы видъ конуса, представляющая какъ-бы сахарную голову, вышиною почти въ пять аршинъ и два слишкомъ аршина въ поперечникѣ основанія; на этомъ камнѣ изсѣченъ двойной крестъ. Мѣстное населеніе сохранило о немъ въ преданіяхъ своихъ легенду, что будто за много вѣковъ до насъ, жившій здѣсь крестьянинъ, въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, сохою запряженною двумя быками пахалъ въ этомъ мѣстѣ свое поле, Господь, желая наказать его за нарушеніе торжественнаго праздника, обратилъ на этотъ камень крестьянина и быковъ запряженныхъ въ соху.

Разсматривая съ ученой точки зрѣнія этотъ камень, означенный двойнымъ крестомъ, слѣдуетъ отнести его къ памятникамъ, почасту встрѣчающимся по берегамъ рѣкъ въ славянскихъ странахъ, принадлежащимъ къ эпохѣ распространенія христіанства въ нашемъ краѣ.

гр. К. Тышкевичъ.

Приписка. При разсмотрѣніи рисунка подлѣскихъ камней гр. А. С. Уваровъ сдѣлалъ замѣчаніе, что славянскую надпись ихъ, которую гр. К. П. Тышкевичъ читаетъ: градъ Сангушевъ, можно прочесть и такимъ образомъ: $\tilde{G}$ = господи, СПН = спаси ГУШ = душу...., что значило К—остается неизвѣстнымъ. Что касается до знаковъ, находящихся на камняхъ, то они послужили предметомъ двухъ чтеній въ Обществѣ, которыя мы и представимъ вниманію читателя въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Вѣстника», теперь же считаемъ не лишнимъ сдѣлать немногія библиографическія дополненія къ исторіи вопроса о западнорусскихъ камняхъ, представленной въ статьѣ гр. К. П. Тышкевича. Дѣлаемъ это въ той мысли, что и немногія указанія могутъ быть пригодны изслѣдователю столь любопытнаго предмета русской археологій.

1) Первое точное описаніе Рогвольдова и Борисова камня сдѣлано было П. И. Кеппеномъ въ 1822 году въ сочин.: «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи М. 1822, стр. 45—41.

2) Ст. A. Platęra: o starożytnych kamieniach z napisami, znajdujących się w rzecze Dźwinie (od XIII wieku) koło Połocka i Dziéсны, въ сборникѣ Rubon, Wilno 1842, t. II, стр. 37—48 съ табл. рисунковъ четырехъ камней.

3) «Древніе камни съ надписями, въ рѣкѣ Двинѣ близъ Полоцка и Дисны» ст. Нарбута въ Витебск. Губерн. Вѣд. 1846 г. № 14. Камней описано четыре.

4) Статья Подберезскаго о тѣхъ же камняхъ — въ Иллюстраціи 1848, намѣ известна лишь по чужой ссылкѣ.

5) Ст. П. И. Кеппена — «Der Rogwoldsche Stein vom Jahre 1171 und die Steinenschriften in der Düna», въ Mélanges russes т. 2-ой (1855 г.) стр. 390—405 съ 1-мъ рисункомъ (рогвольдова камня) и изображеніями въ текстѣ; по русски таже статья была напечатана въ «Ученыхъ Запискахъ Импер. Академіи Наукъ» по 1-му и 3-му отд. т. 3-й, стр. 59—70.

6) «Камни Бориса Всеволодовича и Василя Борисовича» ст. въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1864, № 56, содержаніе ея — въ «Трудахъ» Общества т. 1. стр. Если включить въ этотъ списокъ сочиненія, указанныя гр. К. П. выше на стр. 154—5 — то — кажется — будетъ все что извѣстно по вопросу о западно-русскихъ камняхъ! Срав. также свѣдѣнія о Рогвольдовомъ камнѣ, переданныя въ сочиненіи г. Шпилевскаго: «Путешествіе по Бѣлоруссіи». Спб. 1858, стр. 185.

А. К.

КЪ РУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.

О НЕКОТОРЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Произведенія иконописи не только Русской, но и Византійской — очень рѣдки въ западной Европѣ. Если гдѣ сохранилось ихъ больше, то это, безъ сомнѣнія, въ Италіи. Чаше всего они встрѣчаются въ тѣхъ небольшихъ галлереяхъ, которыя находятся при академіяхъ художествъ, сохранившихъ по преимуществу древнѣйшую Италіанскую живопись. Сколько мы знаемъ, больше всѣхъ сохранила Византійскія иконы академія художествъ въ Равеннѣ. Въ ней находятся Византійскія иконы съ обширными греческими подписями (№ 231, 233). Особенно рѣзко выдѣляется по своему сюжету одна икона небольшого формата, представляющая Знаменіе Богородицы. Какъ икона съ такимъ сюжетомъ, хотя и не важная по письму, она представляетъ очень рѣдкое явленіе на Западѣ. Хотя сюжетъ этотъ является въ IV вѣкѣ въ катакомбахъ Св. Агнессы, но Мартини въ своемъ словарѣ христіанскихъ древностей приводитъ только предшествующій типъ Богородицы молящейся (*orans*) и послѣдующій, выработавшійся уже изъ изображенія Знаменія и извѣстный подъ именемъ Живоноснаго источника ¹⁾). Кромѣ того въ Равенской академіи сохранилось нѣсколько Византійскихъ иконъ Богородицы, но всѣ они съ одной стороны не отличаются хорошимъ стилемъ стараго Византійскаго искусства, съ другой ни одна изъ нихъ не выдается своими размѣрами, такъ что всѣ онѣ относятся къ роду тѣхъ, которыя такъ сильно привились къ нашей иконописи, а потому для насъ не могутъ представить ничего новаго и поучительнаго. Болонская пинакотекка также имѣетъ нѣсколько греческихъ иконъ, хотя и не внесенныхъ въ каталогъ ея, хотя также не отличающихся хорошимъ древнимъ стилемъ, но довольно значительныхъ по размѣру, такова икона, представляющая распятіе Христа съ греческими подписями. Дѣйствительно, всѣ эти иконы даютъ понятіе о Византійской манерѣ (*manière Grecque*), но неранняго, изящнаго стиля, точно также какъ и образъ Богородицы безобразнаго письма съ греческими подписями, находящійся въ Villa Albani близъ Рима. Въ Италіи даже на аукціонахъ попадаются иконы Византійскія, такъ 1865 года зимою на одномъ аукціонѣ

¹⁾ Dict. des ant. chrét., par Martigny. 1865 г. стр. 660—662

во Флоренціи было выставлено иконописное изображеніе града Іерусалима съ Греческими подписями, въ томъ же стилѣ и съ тѣмъ же характеромъ расположенія, какъ встрѣчается этотъ самый сюжетъ въ нашихъ лубочныхъ изданіяхъ на одномъ листѣ. Нѣтъ сомнѣній, что въ Римѣ можно встрѣтить лучшія произведенія Византійской иконописи, не говоря о Ватиканской бібліотекѣ, въ которой найдется не одна икона Греческаго письма, въ которой есть изображенія Спаса, напоминающія извѣстную икону нашего Ушакова, хотя и нѣтъ образцовъ такого непропорціональнаго размѣра, до котораго иногда доходило наше изображеніе головы Христа, какъ напримѣръ внутри надъ входными дверями Благовѣщенскаго собора. Особеннымъ изяществомъ отличается икона Богородицы въ церкви ея имени in Cosmedin. Эта икона, приписываемая Евангелисту Лукѣ, соединяетъ въ себѣ съ особенностями Византійскаго стиля изящество Итальянскаго искусства, особенно въ типѣ малютки Христа, далеко не такомъ строгомъ, къ какому привыкла Византійская иконопись. Однимъ изъ изящныхъ Византійскихъ иконописныхъ типовъ Христа владѣетъ Музей Іезуитской коллегіи въ Римѣ (Museum Kircherianum). Это поясное изображеніе Христа съ широкими орнаментами внизу даетъ видъ всей иконѣ продолговатый. Не совмѣщая въ себѣ того живописнаго оттѣнка, который находится въ упомянутой нами Римской Мадоннѣ, въ тоже время онъ письмомъ своимъ и орнаментами указываетъ на хорошій стиль Византійскаго художества, почему, можетъ быть, относится ко времени болѣе древности. Но если Італія сравнительно такъ небогата произведеніями Византійской иконописи, то другія страны Западной Европы еще того менѣе. Какъ Византійскихъ, такъ и Русскихъ иконъ въ Западной Европѣ мало.

Какъ же отнеслась Западная Европа къ произведеніямъ нашей иконописи, какъ она взглянула на нихъ?

Всѣхъ легче и поверхностнѣе отнеслись къ нашей иконописи французы. Конечно Русскихъ иконъ вы не встрѣтите въ Луврѣ. Въ музеѣ К्लюни есть двѣ случайно попавшія туда, благодаря Крымской войнѣ. Изъ множества иконъ, захваченныхъ во время этой войны, Французы выбрали двѣ и непременно въ ризахъ. Русскій образъ подъ № 3669 такъ покрытъ ризою, что только видны головы Богородицы и Христа-младенца, который у ней на рукахъ. Такой выборъ ясно говоритъ за то, что Французы не дали никакой цѣны нашей иконописи. Другая Русская икона подъ № 3668, раздѣленная на три части и представляющая въ срединѣ Богородицу съ младенцемъ, по сторонамъ исторію жизни и мученій Святаго Никиты. Этотъ образъ, тоже неотличающійся ни высокою техникой, хотя и написанъ довольно тщательно, ни древностью, могъ представляться для Французовъ интереснымъ развѣ въ томъ отношеніи, что на немъ есть надпись съ обращеніемъ къ Богородицѣ, какъ утѣшительницѣ скорбящихъ. Но что всего страннѣе въ отношеніи Французовъ къ нашей иконописи — это то, что они не помѣстили нашихъ иконъ въ числѣ живописи на деревѣ, а дали имъ мѣсто въ числѣ различныхъ предметовъ (objets divers), такъ что въ одномъ съ ними отдѣлѣ вы встрѣтите какой-нибудь курьозный карманный зонтикъ (№ 3680¹⁾), словомъ какъ вещи курьозныя.

¹⁾ Musée des thermes et de l'hôtel de Cluny стр. 423.

Иначе отнеслись къ нашей иконописи Итальянцы. Въ Равенской академіи художествъ Русскія иконы поставлены вмѣстѣ съ Византійскими, наряду съ которыми дѣйствительно ихъ настоящее мѣсто. Но въ Равеннѣ только двѣ небольшія Русскія иконы. Одни изъ нихъ безъ №, въ мѣдномъ окладѣ и очень небольшого формата, представляетъ Ивана Златоуста съ подписью: *Аг Иван Златоустъ* впрочемъ далеко не отличающаяся хорошимъ письмомъ. Другая Русская икона подъ № 100 тоже не большого формата, раздѣленная на четыре отдѣльныя части, посвященная обстоятельствамъ изъ жизни Крестителя, начиная съ его зачатія. Въ этой иконѣ замѣчательно то, что при усѣкновеніи головы Крестителя въ сосудѣ лежитъ уже голова въ то время, какъ самъ онъ стоитъ въ ожиданіи казни, что, конечно, какъ предшествующій моментъ, идетъ къ извѣстному мистическому изображенію Крестителя съ своей головой въ чашѣ. Большое количество иконъ Русскихъ можно встрѣтить въ Римѣ. Музей іезуитской коллегіи имѣетъ только одинъ маленький, продолговатый образокъ, изображающій праздники. Онъ на золотомъ фонѣ съ подписями «успенье» и т. п., мелкимъ, но не тщательнымъ письмомъ. Гаруччи помѣстилъ его въ стеклянномъ шкафѣ, рядомъ съ которымъ виситъ и упомянутый нами выше Византійскій образъ Христа. Одна изъ Русскихъ иконъ, находящихся въ Римѣ и изображающихъ Петра и Павла уже была описана въ нашей литературѣ ¹⁾. Но Византійская библіотека въ этомъ отношеніи представляетъ единственное собраніе Русскихъ иконъ на Западѣ. Какъ почти вездѣ на Западѣ, гдѣ есть Русскія иконы непременно встрѣчается одна такая, которая представляетъ на одной доскѣ нѣсколько праздниковъ, чѣмъ какъ бы отмѣчается взглядъ Запада на нашу иконопись, въ библіотекѣ Ватикана есть довольно большой образъ, раздѣленный на 12 равныхъ частей, изображающій праздники двенадцатые съ подписями: срътіе Бѣе, крещеніе, цветоносіе и т. п. На этой иконѣ Благовѣщеніе представлено, какъ благословеніе ангела, летящаго сверху; сошествіе Св. Духа безъ Богородицы, но съ олицетвореннымъ міромъ въ видѣ человѣка съ короной; воскресеніе Лазаря съ мертвецомъ выходящимъ изъ пещеры. Понятно отсюда, что подобная икона, неотличающаяся въ техническомъ отношеніи и не претендующая на древность, могла попасть въ Византійское собраніе иконъ, благодаря удержавшимся въ ней первичнымъ христіанскимъ сюжетамъ. Тутъ же находится образъ «воскрніе Х-во», представленное въ видѣ сошествія во адъ. Понятно, что подобный сюжетъ легко могъ подойти къ группѣ художественныхъ произведеній древнеитальянскаго искусства. Къ подобнымъ сюжетамъ привыкли, съ нимъ сроднились Итальянцы. До чего сильно пропитаны они композиціей Библейскихъ и Евангельскихъ сюжетовъ, можно видѣть на томъ, что каррикатуристъ для выраженія какой-нибудь своей мысли представляетъ Гарибальди, то въ позѣ Ивана Крестителя, то Моисея съ лучами и на берегу, въ то время какъ Наполеонъ тонетъ въ волнахъ, какъ Фараонъ. хотя справедливо и то, что въ подобномъ отношеніи къ религіознымъ сюжетамъ профанируемъ религіозное искусство. Такимъ образомъ Итальянцы, ставя наши иконы съ Византійскими, приурочили ихъ

¹⁾ Изв. Арх. Общ. т. I.

къ произведеніямъ древне-итальянскаго и древне-христіанскаго искусства. Но они имѣютъ, какъ образецъ особенности чисто Русской иконописи, извѣстные складные святцы чрезвычайно мелкаго письма съ мельчайшими подписями. На средней доскѣ ихъ въ срединѣ изображенъ страшный судъ. На одной изъ досокъ есть сюжетъ изъ библейской исторіи, какъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, какъ исторія блуднаго сына, или изъ христіанской исторіи, какъ изображение тайной вечери съ сидящими вокругъ стола, такъ что иконописныя доски не совсѣмъ подходятъ къ характеру нашихъ святцевъ, какъ изображеніямъ по преимуществу только святыхъ и очень немногихъ событій только христіанскихъ праздниковъ, какъ Рождества Предтечи. Но этотъ, какъ называютъ его итальянцы, Русскій календарь (*calendario Russo*) не имѣетъ ни одного изображенія Русскаго святаго, сколько намъ помнится послѣ бѣглого осмотра, на всѣхъ рядахъ его. А между тѣмъ не только по подписямъ, миниатюрному письму, но и по подписямъ иконописцевъ — онъ Русскій. Изъ подписей видно, что его писалъ не одинъ Сергій Васильевъ, о которомъ упоминаетъ и Д. А. Равинскій ¹⁾, но и другой изъ царскихъ жалованныхъ иконописцевъ, жившій въ 1668 году — Никита Ивановъ.

Что же касается до Нѣмцевъ, то они, какъ напр. въ Берлинскомъ музеѣ, помѣстили нѣсколько нашихъ иконъ, какъ изображеніе Св. Екатерины и нѣсколько другихъ, правда неважныхъ по письму, вмѣстѣ съ немногими Византійскими иконами въ залѣ древнѣйшаго итальянскаго искусства. Но они, почти не имѣя возможности запасть Византійскими, такъ рѣдкими иконами, безъ сомнѣнія будутъ приобрѣтать Русскія для составленія своихъ музеевъ — христіанскихъ и средневѣковыхъ древностей. Такъ музей средне-вѣковаго искусства, находящійся при Базельскомъ соборѣ, приобрѣлъ у антикваріа двѣ Русскихъ иконы. Одна изъ нихъ подъ № 91, вершковъ около десяти величиною, раздѣленная на нѣсколько четверугольниковъ имѣетъ наверху надпись «печали пресвятыя Богородицы умягченіе злыхъ сердець». Въ срединѣ иконы Богородица съ младенцемъ между ангелами и евангельскими знаками, а вокругъ, въ маленькихъ квадратахъ рождества Богородицы, Богородица съ мечами въ сердцѣ, поклоненіе волхвовъ, наконецъ нѣсколько святыхъ, между которыми есть Сергій, Ѳеодосій и Иннокентій Иркутскій. Другая икона болѣе мелкаго, но не миниатюрнаго письма съ желтымъ фономъ. Въ срединѣ она представляетъ «Воскресеніе Христа и сошествіе во адъ». Кругомъ, въ небольшихъ четверугольникахъ написаны: рождество Богородицы, введеніе ея во храмъ, благовѣщеніе, поклоненіе волхвовъ, символическое изображеніе Троицы, воздвиженіе креста Господня подъ видомъ выноса его изъ алтаря въ присутствіи созерцающихъ Константина и Елены. Подписи отдѣланы иконы сдѣланы вязью. Обѣ иконы намѣчены XVII вѣкомъ, временемъ для русскихъ иконъ почтеннымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ едва ли могутъ принадлежать такой русской старинѣ. Но не только музей христіанскихъ древностей при Базельскомъ соборѣ, а и Берлинскій музей Пипера охотно принимаетъ въ свое собраніе русскія иконы, такъ что изученіемъ ихъ съ археологической стороны будутъ заниматься не одни русскіе ученые.

Ив. Неврасовъ.

¹⁾ Ист. Рус. школъ иконописанія стр. 134.

НУМИЗМАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

О НОВОМЪ ЭКЗЕМПЛЯРѢ МОНЕТЫ АНТИМАХА-ΘΕΟΣΑ СЪ ИМЕНЕМЪ ДІОДОТА.

Извѣстно что Греко-Бактрійскіе монеты, до 1820-хъ годовъ крайно-рѣдкія въ Европѣ, стали съ тѣхъ поръ открываться въ такомъ обиліи, что обнаружили существованіе пятнадцати государей, о которыхъ не упоминается ни словомъ ни въ какихъ историко-литературныхъ источникахъ. Извѣстно также, что нумизматы и археологи, не находя на означенныхъ монетахъ никакихъ положительныхъ данныхъ къ хронологическому и географическому размѣщенію пятнадцати помянутыхъ государей, приурочивали ихъ въ томъ и другомъ отношеніи совершенно-произвольно и прямо-противуположно одинъ другому, сходясь въ томъ только, что почти всѣхъ этихъ государей относили къ періоду распаденья Греко-Бактрійскаго Царства послѣ Эвкратиды. Такой хаосъ господствовалъ въ Греко-Бактрійской нумизматикѣ до тѣхъ поръ, пока не стали отрываться двуименныя монеты, т. е. такія, которыя представляютъ два царскихъ имени: одно — на передней, другое — на оборотной сторонѣ монеты. Благодаря этимъ двуименнымъ монетамъ обнаружилось, что многихъ изъ монетныхъ государей, которыхъ относили, какъ сказано, къ періоду разложенія Греко-Бактрійскаго царства, придется приурочить къ періоду его возникновенія. Относительно Антимаха-Θεоса и Агаѳокла стало это несомнѣннымъ вслѣдствіе того, что нашлись монеты ихъ съ именемъ Діодота, основателя означеннаго царства; а лишь только стало это несомнѣннымъ, какъ пришлось перестроивать всѣ прежнія относительно ихъ гипотезы, съ такимъ трудомъ и такою тратою учености придуманныя.

Двуименныхъ Греко-Бактрійскихъ монетъ извѣстно до сихъ поръ всего шесть видовъ, а именно: 1) Агаѳоклова съ именемъ Діодота; 2) Агаѳоклова съ именемъ Эвкратиды; 3) Антимахова съ именемъ Діодота; 4) Эвкратидова съ именемъ Геліокла и Лаодикеи; 5) Лисіева съ именемъ Антиалкиды; и 6) Стратонова съ именемъ Агаѳокла. Экземпляры всѣхъ видовъ этихъ крайне-рѣдкихъ, тогда какъ одноименныя Греко-Бактрійскія монеты имѣются нерѣдко въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ одного вида.

Изъ перечисленныхъ двуименныхъ монетъ, Антимахова съ именемъ Діодотъ а описана была впервые въ 1862 году, знаменитымъ Э. Томасомъ, въ Numismatic Chronicle (new series), vol. II, p. 184. Описание сдѣлано не по подлиннику, а по слѣпку, полученному изъ Индіи отъ извѣстнаго тамошняго собирателя монетъ, маіора Гэй (Hay). Впоследствии (см. Numismatic Chronicle, new Series, vol. IV, p. 200) полученъ былъ Томасомъ и другой слѣпокъ съ той же монеты, сообщенный капитаномъ Стоббсомъ (Stubbs). Извѣстенъ и третій слѣпокъ, принадлежащій г. Бриретону (Bregeton). Но гдѣ и у кого именно находится въ Индіи подлинникъ, съ котораго дѣланы всѣ эти слѣпки, покрыто какою-то тайною.

По слѣпку присланному Гаемъ, монета описывается такимъ образомъ:

Пер. стор. Голова въ царской повязкѣ, обращенная вправо

Надп. ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ.

Обор. стор. Юпитеръ въ стоячемъ положеніи, мещущій грома; на лѣвой рукѣ его Эгида; ниже Эгиды—вѣнокъ; у ногъ—орелъ.

Надп. ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ ΘΕΟΥ и монограмма ΑΝ.

Рисунокъ, сдѣланный съ означеннаго слѣпка (который находится теперь въ Британскомъ Музеѣ) вполне удостовѣряетъ въ точности этого описанія (см. Num. Chr. II, table IV, fig. 7).

Въ изложенныя подробности вошелъ я потому, что на-дняхъ нашелся въ Россіи двойникъ тому подлиннику описанной монеты, съ котораго дѣланы слѣпки. Нашелся онъ въ Петербургѣ, не далѣе какъ въ собственной моей маленькой коллекціи Греко-Бактрійскихъ монетъ. Такимъ образомъ, этотъ мой экземпляръ есть теперь единственный, находящійся въ Европѣ экземпляръ Антимаховой монеты съ именемъ Діодота.

Экземпляръ этотъ — тетрадрахма — не представляетъ никакихъ отличій противу описанія и рисунка у Томаса. Вѣсъ его 2 золот. 78 долей. Получилъ я его, выѣсть съ другими Греко-Бактрійскими монетами, изъ Бухары, лѣтъ семь тому, а вниманіе на него обратилъ, какъ сказано, лишь на-дняхъ, занявшись обработкою небольшого труда о Греко-Бактрійскомъ Царствѣ.

Замѣчательно что и первая, сдѣлавшаяся извѣстною двуименная монета съ именемъ Діодота, именно Агаѳоклова, описанная впервые въ 1843 году прославившимся съ тѣхъ поръ нумизматомъ нашимъ генераломъ Бартоломеемъ, вывезена была въ Петербургъ изъ Бухары же, ученымъ путешественникомъ и оріенталистомъ нашимъ Н. В. Ханьковымъ.

Какъ на нашей монетѣ Антимахъ-Θεοῦ, такъ и на двуименной Агаѳокловой — Агаѳоклѣ, являются оба съ титуломъ ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ, вмѣсто обыкновеннаго ΒΑΣΙΛΕΩΣ, который и они, и другіе Греко-Бактрійскіе государи, носятъ на своихъ одноименныхъ монетахъ. Не обративъ вниманія на это обстоятельство, Бартоломей утверждалъ, что означенная монета Агаѳоклова бита явно по смерти Діодота, и что Агаѳоклѣ былъ не только преемникомъ Діодота, но даже и сыномъ его, тѣмъ самымъ, котораго Юстинъ положительно именуетъ, какъ и отца, Діодотомъ (собственно

Феодотомъ; lib. XII, стр. 4). Теперь пришлось-бы, по этой логикѣ, и Антимага-Феоса давать въ сыновья Діодоту. Что-бы, въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ употреблено ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ, ни значило это выраженіе, мы согласны съ Томасомъ, что на монетахъ Агаеокла и Антимага-Феоса, означаетъ оно подчиненное отношеніе этихъ лицъ къ Діодоту, указывая тѣмъ на особое устройство основаннаго послѣднимъ государства. Развитие этой мысли тѣ, кого интересуетъ предметъ—найдутъ въ упомянутомъ трудѣ ~~нашемъ~~ о Греко-Бактрійскомъ Царствѣ, который будетъ отпечатанъ въ текущемъ году.

Но — замѣтимъ при настоящемъ случаѣ — весьма смущаетъ насъ то обстоятельство, какимъ образомъ одинъ и тотъ же Агаеоклъ могъ находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ и къ Діодоту, и къ Эввидему. Когда умеръ Діодотъ, неизвѣстно. По соображенію разныхъ обстоятельствъ, кончину его относятъ, кто (Байеръ) къ 243, кто (Лассенъ) къ 237 году до Р. Х. Неизвѣстно, равнымъ образомъ и когда вступилъ на престолъ Эввидемъ. Это событіе, тоже по разнымъ соображеніямъ, относятъ (Байеръ, Вильсонъ, Конинггемъ) къ 220 году до Р. Х. Чтобы Агаеоклъ могъ быть подручникомъ обоихъ этихъ государей, надо чтобы властвовалъ онъ, по-крайней мѣрѣ, ранѣе 237 и позже 220 годовъ по Р. Х. Это ужъ порядочный клочокъ времени. Но судя по выраженіямъ, употребленнымъ Полибіемъ, Страбономъ, и Юстиномъ, когда упоминаютъ они объ отложеніи Діодота отъ Селевкидовъ, и образованіи особаго, независимаго Греко-Бактрійскаго Царства, подручники Діодотовы, въ родѣ Агаеокла и Антимага Феоса, должны были свергнуть съ себя зависимость отъ Селевкидовъ въ одно время съ нимъ, или много годомъ, двумя позже. А какъ отложеніе Діодота произошло около 256 года до Р. Х. (въ этомъ согласны почти всѣ изслѣдователи), то, выходитъ, и Агаеоклово царствованіе надо считать начавшимся съ 254—253 года до Р. Х. Въ такомъ случаѣ, чтобы дожить до времени, когда владычество надъ Бактріею перешло въ руки Эвидема, долженъ онъ былъ провластвовать, по крайней мѣрѣ, тридцать три года — что-то ужъ очень долго! Но, на какомъ основаніи, спрашивается, считаютъ Агаеокла сверстникомъ Діодота I-го, и заставляютъ его быть первымъ царькомъ въ своемъ удѣлѣ? мы не знаемъ такого основанія, и считаемъ потому весьма позволительнымъ предположеніе, что въ удѣлѣ своемъ могъ онъ быть не первымъ, а имѣть предшественника, дѣйствительно сверстника Діодоту I-му, одновременно съ этимъ послѣднимъ отложившагося отъ Селевкидовъ. Этому предшественнику своему Агаеоклъ могъ наследовать еще при жизни Діодота I-го, и потому бить монету съ именемъ этого сюзерена своего. И почему-бы этимъ предшественникомъ Агаеокла не быть Панталеону, котораго обыкновенно даютъ ему въ преемники, тоже безъ всякаго достаточнаго на то основанія? Скажутъ, пожалуй, что неизвѣстно монетъ Панталеона, которые бы свидѣтельствовали о подчиненности его Діодоту I-му. Но, вѣдь, и Агаеокловы монеты, свидѣтельствующія о подчиненности его Діодоту I-му и Эввидему, сдѣлались извѣстны, относительно, въ недавнее время, а до того находимы были только автономныя, одноименныя его монеты: нельзя отвергать, потому, чтобы не могли найтись со-временемъ и Панталеоновы монеты съ именемъ Діодота, тѣмъ-болѣе что всѣ извѣстныя доселѣ Пантелеоновы монеты — мѣд-

ныя, или изъ композицій, которыя, по этому самому, и не могли служить для той цѣли, для которой чеканились двушвенныя серебряныя.

Вообще такова уже участь Греко-Бактрійской Исторіи, что всякій новый монетный памятникъ этого царства на столько же и затемняетъ ее, насколько разъясняетъ. Мы позволимъ себѣ пуститься въ изложенныя соображенія потому что — кто-же не позволялъ себѣ этого?

В. Григорьевъ.

Д Е Н Ъ Г А

АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА, СЫНА І. Д. КАЛИТЫ.

По отпечатаніи 2-го выпуска моихъ Общеславянскихъ Нумизматическихъ изслѣдованій, я имѣлъ случай пріобрѣсти деньгу, которая достойна обратить на себя вниманіе Нумизматовъ. На одной ея сторонѣ: человекъ во весь ростъ, идущій направо; голова его замѣчательно велика и волосы на ней длинные, одежда по колѣни; въ правой рукѣ держитъ онъ петлю изъ веревки, въ лѣвой — мечъ, ефесъ котораго оканчивается шаромъ; на оборотѣ: всадникъ, скачущій направо съ занесеннымъ въ рукѣ мечемъ; голова всадника велика и также съ длинными волосами; изображеніе въ четверугольникѣ, вокругъ котораго украшенія. На моемъ экземплярѣ надпись почти совершенно истерта, остались только слова: тѣ, княжа, — слова, не могущія сказать ничего ровно утвердительнаго. Но въ собраніи Русскихъ древностей сочлена нашего А. В. Брыкина находится экземпляръ деньги, съ тѣми же изображеніями и съ сохранившеюся явственно надписью: ПѢЧАТЬ КНЯЖА ОНДР ЯНА; что несомнѣнно: князя Андрея Ивановича.

У насъ былъ князь этого имени и отчества, меньшей братъ Великихъ Московскихъ князей: Симеона Гордаго и Іоанна Іоанновича, — отецъ побѣдителя татаръ на Кули-

ковскомъ полѣ, Владимира Андреевича Храбраго. Объ немъ едва упоминается въ нашей Исторіи; но что онъ имѣлъ удѣлъ, видно изъ словъ Карамзина: говоря о началѣ Троицкой Лавры, онъ упоминаетъ, что бояринъ Ростовской Бирлла переѣхалъ въ г. Радонежъ, — удѣлъ меньшаго брата Симеонова Андрея, для избѣжанія самовольствъ чиновниковъ Великокняжескихъ. Въ 1340 году Андрей владѣлъ Серпуховомъ, Перемышломъ, Лопастью и третью Москвы; въ 1353 онъ умеръ. Я полагаю, что вышеупомянутая денѣга принадлежитъ князю Андрею Ивановичу, младшему сыну Іоанна Даниловича Калиты. Мое мнѣніе основано на слѣдующемъ: 1) форма этой денѣги, болѣе круглая и вѣсъ позволяютъ отнести ее ко времени Великаго князя Іоанна Іоанновича, по извѣстнымъ намъ серебрянымъ денѣгамъ этого Московскаго владѣтеля; 2) чеканъ ея изображеній—довольно грубый, не имѣетъ артистическаго выбитія монетъ Донскаго и ниже въ художественномъ отношеніи денѣгъ, современныхъ Василию Дмитріевичу; чеканъ ея болѣе приближается къ чекану денѣгъ первыхъ Московскихъ князей; 3) Печать князя, безъ слова: Великаго въ надписи—показываетъ, что она удѣльная, а не Великокняжеская: Великіе князья слишкомъ дорожили своимъ званіемъ Великаго, чтобы выпускать его въ надписяхъ своихъ денѣгъ; доводомъ тому можетъ служить то, что на всѣхъ денѣгахъ, XII и XIII столѣтій, неопредѣленныхъ, читаемъ: «печать князя Великаго», и то же встрѣчаемъ на всѣхъ денѣгахъ 14 и 15 столѣтій, съ именами и отчествами, до самаго перваго Грознаго Царя. 4) По чекану, формѣ, буквамъ и вѣсу — эта монета можетъ быть середины XIV столѣтія, — и въ эту эпоху изъ удѣльныхъ князей былъ только одинъ князь, Андрей Ивановичъ, — князь Серпухова, — меньшой сынъ Московскаго Великаго князя Іоанна Даниловича Калиты. Монета эта—важное пріобрѣтеніе для нашей Нумизматики. Изъ Серпуховскихъ удѣльныхъ денѣгъ мы знали только: Владимира Храбраго, его сыновей и внука Василія Ярославича. Чертковъ изобразилъ нашу монету въ своемъ изданіи, но въ числѣ неопредѣленныхъ. Прилагаемый мной рисунокъ снятъ съ денѣги, находящейся въ собраніи А. В. Брыкина.

Д. Сенцовъ.

27 октября 1867 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Матерьялы для антропологіи курганнаго періода (?) московской губерніи. — соч. Анатолія Богданова, Москва 1867, 4° стр. 176.

Прежде чѣмъ мы дадимъ читателю отчетъ о содержаніи и археологическомъ интересѣ любопытнаго труда г. Богданова, считаемъ не лишнимъ предварительно привести въ ясность отношенія двухъ наукъ: археологіи и краніологіи. Вопросъ, какъ увидимъ, не лишень своего живаго современнаго значенія.

Сравнительное изслѣдованіе череповъ различныхъ народовъ въ послѣднее время привлекло вниманіе не однихъ естествоиспытателей-антропологовъ, но и археологовъ и историковъ-этнографовъ. Отъ этой новой науки они ждутъ дѣятельной помощи въ рѣшеніи вопросовъ, которыхъ не могутъ рѣшить изъ запаса собственныхъ средствъ. Оправдаются ли подобныя ожиданія и въ какой мѣрѣ — рѣшить будущее; но не рѣдки случаи, что археологи и теперь уже пользуются заключеніями сравнительной краніологіи и вносятъ ихъ въ свои изслѣдованія, какъ фактъ дознанный и стоящій внѣ всякихъ сомнѣній. Въ виду такихъ явленій — наука вправѣ спросить: въ какой степени теперь археологу позволительно слѣдовать указаніямъ сравнительной краніологіи, въ какой мѣрѣ — въ рѣшеніи темныхъ вопросовъ своей науки — онъ можетъ положиться на заключенія и выводы современныхъ краніологовъ, однимъ словомъ — возможенъ вопросъ о степени пользы, какую можетъ принести современная сравнительная краніологія для археологіи и исторической этнологіи. Вопросъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда: отъ установки правильныхъ отношеній между этими науками во многомъ зависятъ — если не успѣхи науки древности, то по крайности болѣе прочное ея развитіе, устраненіе многихъ произвольныхъ выводовъ и заблужденій, къ которымъ неминуемо ведетъ всякое безъотчетное, неустановившееся отношеніе. Касаясь здѣсь этого вопроса, я далекъ отъ мысли предложить удовлетворительное рѣшеніе его и имѣю въ виду лишь вызвать взаимное обсужденіе его со стороны археологовъ и антропологовъ-естествоиспытателей; потому своимъ мнѣніямъ, догадкамъ и сомнѣніямъ даю форму мнѣній и догадокъ совер-

шенно личныхъ и излагаю ихъ съ возможною краткостью, останавливаясь лишь на самомъ существенномъ. Всякій археологическій памятникъ, извлеченный изъ земли, или находящійся на поверхности ея — будетъ пустою игрушкою, если нѣтъ надежды доискаться, какому народу и времени принадлежитъ онъ, какія матерьяльныя и нравственныя потребности и мысли вызвали его возникновеніе: камень и металлы остаются нѣмымъ камнемъ и металломъ, если они не говорятъ намъ: изъ чьихъ рукъ, когда и для чего получили они извѣстную обдѣлку. И историкъ и археологъ не идутъ далѣе предѣловъ человѣческой жизни и дѣятельности: рассматривая и природу лишь по отношенію къ человѣку, они остаются равнодушны, почти холодны къ тому, что было до появленія людей: только человѣческая дѣятельность, человѣческія потребности и способы ихъ удовлетворенія согрѣваютъ историка и археолога, потому къ каждому предмету своего вѣдѣнія они обращаются съ вопросами: о времени, виновникахъ и причинѣ его происхожденія. Обойти, миновать эти вопросы археологъ не можетъ даже и тогда, когда дѣло идетъ о предметахъ глубочайшей древности, лежащей за предѣлами всякаго воспоминанія; правда, здѣсь онъ долженъ пока довольствоваться вѣроятными догадками, предположеніями, основанными лишь на слабыхъ наведеніяхъ, отвѣты выходятъ глухіе, неопредѣленные, но по крайности они имѣютъ хотя нѣкоторые залого историческаго правдоподобія, они заслуживаютъ нашей признательности хотя бы потому только, что вызываютъ пытлиую любознательность къ дальнѣйшему изслѣдованію, а не усыпляютъ ее ложными призраками непогрѣшительныхъ готовыхъ выводовъ. Не имѣя средствъ рѣшить многіе вопросы доисторической археологіи, изслѣдователь обращается за помощью къ наукамъ естественнымъ, къ тѣмъ изъ нихъ, которыя изслѣдуютъ доисторическую жизнь нашей планеты, перевороты, какіе вынесла она, фауну и флору различныхъ періодовъ ея существованія. Кажется, онъ долженъ найти здѣсь весьма прочную поддержку: сравнительная краниологія даетъ, повидимому, средство опредѣлить, какому племени принадлежалъ тотъ, чьи останки потревожены рукой пытливаго археолога, какому народу принадлежать произведенія искусства, встрѣчаемыя въ данной могилѣ... О чемъ лишь смутно гадалъ археологъ, то получаетъ онъ изъ другихъ рукъ, какъ готовую добытую наукою истину. Понятно, что если справедливы заключенія сравнительной краниологіи — для науки древнѣйшей археологіи наступаетъ новая эпоха, предположенія должны уступить мѣсто строгой достовѣрности выводовъ. Но справедливы-ли эти заключенія, имѣютъ ли они обязательную силу исторической истины, точно ли археологъ можетъ безопасно на нихъ положиться? — Вотъ вопросы, на которые съ точки зрѣнія археолога и этнолога-историка — должно, я думаю — отвѣчать пока отрицательно, иначе придется отвергнуть многія положенія историко-археологической науки, положенія, которыя стоятъ почти на степени аксіомъ.

Дѣло идетъ о томъ, чтобъ на основаніи разности, замѣчаемой въ строеніи череповъ у различныхъ народовъ, опредѣлить, какому народу принадлежатъ могилы, вскрытыя рукою археолога, а между народами теперь живущими — установить правильную классификацію, показать ихъ родство между собою, опредѣлить степень чистоты ихъ крови, или степень помѣси съ кровью народовъ чуждаго происхожденія. Чтобы

сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію перваго вопроса о принадлежности могилъ тому или другому племени, необходимо доказать, что каждое племя имѣетъ свое особое черепное строеніе, что это строеніе не измѣняется съ теченіемъ времени отъ переменъ образа жизни, природы и вообще матерьяльных условій жизни. Сравнительная краниологія, кажется, принимаетъ, что каждое племя имѣетъ свое особое, отличное отъ другихъ, черепное строеніе, по крайней мѣрѣ, не смотря на нѣкоторыя колебанія въ формѣ череповъ одного и того же племени, она хочетъ установить среднія числа для характеристики череповъ племенъ германскихъ, кельтскихъ, славянскихъ и др. Очень вѣроятно, что каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ теперь вой особый черепной типъ, хотя еще и неопредѣленный; но можно ли отъ настоящаго заключать къ прошедшему? Можно ли думать, что черепное строеніе племенъ славянскаго, нѣмецкаго, кельтскаго, финскаго имѣло ту же самую форму и въ эпоху глубокой древности, что оно ни на югу не измѣнилось съ того времени? Думать это можно, если было бы доказано, что ни природа, ни переменъ образа жизни не обнаруживаютъ рѣзкаго вліянія на измѣненіе строенія черепа, но сравнительная антропологія представляетъ въ этомъ случаѣ очевидныя и несомнительныя данныя, свидѣтельствующія, что разность въ климатѣ и образѣ жизни имѣетъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе черепа у людей одного и того же племени; жители горъ имѣютъ совершенно другое устройство черепа, чѣмъ жители низменныхъ мѣстъ, хотя и тѣ и другіе не только родственны, но и тождественны по происхожденію, имѣютъ одинъ и тотъ же языкъ одни и тѣ же понятія и нравы; тоже слѣдуетъ замѣтить и объ измѣненіяхъ въ строеніи челюстей и костей лица: форма ихъ зависитъ, какъ показалъ Бэръ, отъ долговременнаго употребленія растительной или животной пищи. И такъ — черепъ подъ вліяніемъ природы, переменъ образа жизни — измѣняется, — это признаютъ сами краниологи, но они говорятъ, что эти измѣненія не такъ рѣшительны, чтобъ изъ-за нихъ нельзя было бы увидѣть первичнаго типа... Допустимъ на время эту мысль. Спрашивается, когда появился этотъ типъ: въ эпоху ли единства индо-европейскихъ племенъ, или уже по обособленіи каждаго племени? Если еще въ эпоху единства племенъ, то нужно отказаться отъ всякой попытки опредѣлять славянскій, нѣмецкій, кельтскій, или греческій типъ череповъ: всѣ они будутъ лишь позднѣйшими видоизмѣненіями первоначальнаго племеннаго арійскаго типа, всѣ они не будутъ имѣть постоянства и твердости типа въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Если же примемъ, что каждый типъ черепнаго строенія явился у народовъ индо-европейскаго корня уже по отдѣленіи ихъ изъ общаго племеннаго потока, то, не шутя, слѣдуетъ допустить, что, наши индо-европейскіе предки не имѣли опредѣленнаго строенія череповъ; притомъ, что была за причина, которая создавала особые типы; если это была природа и образъ жизни (а другую причину и допустить невозможно), то индо-европейскія племена — въ продолженіи долгаго странствованія изъ равнинъ Азіи въ Европу и въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ жизни на европейской почвѣ — такъ часто мѣняли мѣста и образъ жизни, что должно допустить, что эта причина дѣйствовала много разъ... Стало быть объ установленіи постоянныхъ типовъ черепнаго строенія лишь со времени обособленія индо-европейскихъ народовъ — не можетъ

быть и рѣчи: съ этихъ поръ проходить лишь измѣненія первоначальнаго индо-европейскаго типа: а если при этомъ вспомнимъ, что какъ Славяне, такъ и Кельты, и Нѣмцы, Греки, Римляне также раздѣлялись на отдѣльныя вѣтви, изъ которыхъ каждая вела свою особую жизнь, имѣла такъ сказать свою особую, отличную отъ другихъ природу и удовлетворяла своимъ потребностямъ особымъ образомъ, стало быть могла и должна была имѣть особое черепное строеніе, то мысль объ обществѣ славянскомъ, нѣмецкомъ или греческомъ — типахъ черепа — едва ли можетъ назваться имѣющею ученое основаніе. Все что можно сказать здѣсь — это, что въ извѣстный періодъ жизни извѣстное племя могло имѣть такой или иной средній типъ! Остаётся, по крайней мѣрѣ, признать, что сравнительная краниологія точно опредѣлила общеарійскій типъ черепнаго строенія — и это одно была бы великою помощію для археологіи; она могла бы узнать, къ какому обширному племени принадлежитъ встревоженная могила: къ индо-европейскому, или иному какому...; но и въ этомъ случаѣ краниологія не можетъ дать археологу надёжной точки опоры: она говоритъ, что всѣ индо-европейскія племена принадлежатъ къ семьѣ длинноголовыхъ прямочелюстныхъ, но къ этой семьѣ принадлежатъ и другія народы совершенно чуждаго происхожденія; но Славяне, безспорно относящіеся къ племени индо-европейцевъ и по языку, правамъ и обычаямъ, образу жизни — Славяне не длинно, а короткоголовы (*brachycephali*), Персы также индо-европейцы — короткоголовы. Для археолога — немного утѣшенія представляетъ то обстоятельство, что антропологи умѣли найти причину этихъ отступленій отъ обыкновеннаго правила, причину, заключающуюся въ помѣси съ племенами другой крови, фактъ остается несомнѣннымъ, что черепное строеніе извѣстнаго племени можетъ совершенно измѣниться и перейти изъ длинной формы въ короткую. При такомъ результатѣ современной краниологіи — становится болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы археологъ могъ въ настоящее время извлечь изъ нея пригодныя для себя указанія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ его положеніе; онъ разрылъ могилу, нашёлъ многія вещи изъ камня или металла, нашёлъ нѣсколько череповъ одинаковаго строенія, но остается неизвѣстнымъ, какому народу принадлежали эти вещи. Онъ обращается къ краниологу съ просьбой разрѣшить загадку посредствомъ измѣренія череповъ, краниологъ находитъ, что черепа принадлежатъ къ длинноголовымъ прямочелюстнымъ и притомъ очень близки къ современному нѣмецкому типу; отсюда онъ заключаетъ, что могила принадлежала людямъ нѣмецкаго племени; но долженъ ли осторожный археологъ довѣриться такому заключенію? Не вправѣ ли наука сказать, что къ длинноголовымъ прямочелюстнымъ принадлежатъ не одни нѣмцы, а и романскія племена, и кельты и др. народы, а что данные черепа строеніемъ своимъ приближаются къ современному нѣмецкому типу, то легко могло быть, что въ древности иные народы, напр. хотъ Кельты — имѣли строеніе черепа, совершенно схожее съ современнымъ нѣмецкимъ такъ какъ оба эти племена идутъ отъ одного корня и Кельты въ началѣ обитали въ тѣхъ странахъ, которыя потомъ заняты были Нѣмцами.. И такъ — почему же эта могила должна быть исключительно нѣмецкою, почему она не кельтская, не романская, не славянская даже, такъ какъ Славяне въ началѣ своей жизни должны были также имѣть длинное

строение черепа? Назовутъ ли какую могилу славянскою, потому что черепа въ ней находившіеся коротки и примочелюстны, но вѣдь таковы черепа и у Финновъ и другихъ племенъ; сошлются ли на близость строенія ея къ современному славянскому типу, но за нѣсколько сотенъ лѣтъ онъ долженъ былъ имѣть иное строеніе и отъ настоящаго къ прошедшему заключать не возможно, или слишкомъ смѣло. Въ одной изъ своихъ статей Бэръ выражаетъ мысль, что заслуга сравнительной краниологіи состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, что она показываетъ, какому племени принадлежитъ черепъ, а въ томъ, что она показываетъ къ какому онъ не принадлежитъ....; но существуютъ ли прочныя речательства, что длинноголовые по своему происхожденію всегда принадлежатъ къ другому корню. чѣмъ коротко-головые? Примѣръ противнаго только что представленъ: Славяне—короткоголовы, остальные индо-европейскія племена — длинноголовы, а кто же нынѣ станетъ отрицать, что первые идутъ изъ одного источника со вторыми. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль Бэра можетъ найти оправданіе, но не иначе, какъ при помощи археологическихъ и историческо-этнологическихъ указаній.

Такъ зыбка, такъ непрочна почва, на которую можетъ вступить археологъ, доверившись указаніямъ современной сравнительной краниологіи. Къ трудностямъ въ настоящее время почти неустрашимымъ, прибавляется еще одна, значительно запутывающая и безъ того сложный вопросъ. Я говорю о черепахъ народовъ исчезнувшихъ, которые во множествѣ проходили по южной и срединной части Европы и происхожденіе которыхъ по большей части гадательно. Если на основаніи наблюденій надъ современнымъ нѣмецкимъ типомъ черепа недозволительно дѣлать заключенія о формѣ черепнаго строенія нѣмецкаго племени въ эпоху древнѣйшую, то здѣсь для краниолога нѣтъ рѣшительно никакой точки опоры: народы исчезли, средней повѣрочной мѣрки не существуетъ —и кажется въ рукахъ осторожнаго краниолога эти черепа—безъ историко-этнологическихъ указаній навсегда останутся нѣмыми, загодочными памятниками... , потому я не побоюсь высказать, что археологу, дорожащему точностью знанія, едвали теперь возможно положиться на заключенія сравнительной краниологіи: въ ней не найдетъ онъ для себя тѣхъ общихъ твердыхъ положеній, которыя имѣли бы силу несомнѣнной, убѣждающей истины: основывая свои заключенія на краниологическихъ данныхъ, онъ рискуетъ къ своимъ собственнымъ догадкамъ прибавить догадки, еще болѣе шаткія. А много ли выиграетъ наука построенная на однѣхъ догадкахъ!

Касаясь современной краниологіи лишь по отношенію къ наукѣ древностей, я вообще далека отъ мысли отрицать важное значеніе изслѣдованія череповъ и для нашей науки: и теперь она принесла намъ уже несомнѣнную пользу рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, каковъ напр. вопросъ о макрокефалахъ; но все хорошо въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, и въ законной мѣрѣ: когда сравнительная антропологія пріобрѣтетъ прочность точной науки,—тогда воспользуемся тѣмъ, что она дастъ намъ; а до той поры не станемъ строить зданія на пескѣ, чтобы не быть свидѣтелями его скорого разрушенія. Я не сталъ бы говорить столь рѣшительно, если бы не находилъ поддержки со стороны такого гениальнаго антрополога, какъ

акад. Бэръ: «нельзя еще, говорить онъ, заключать о происхожденіи по однимъ формамъ череповъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы намъ отыскивать общую колыбель Германцевъ и Тунгусовъ. Короткость, вышины и ширину черепа Малороссіянъ, съ почти перпендикулярно спускающимися затылкомъ, можно бы приписать большей примѣси татарской и монгольской крови, что дало бы повидимому удовлетворительное объясненіе короткоголовости ихъ сравнительно съ другими русскими племенами; но Поляки и Чехи, которые, по крайней мѣрѣ въ историческое время, менѣе были смѣшаны съ Монголами, чѣмъ Малороссіянне, имѣютъ однакоже, какъ кажется, черепъ еще болѣе короткій и широкій, чѣмъ всѣ русскія племена»... «Мнѣ кажется, продолжаетъ Бэръ, что при такихъ условіяхъ—надо пока совершенно отодвинуть на задній планъ исторію распространенія человѣческаго рода..., сравнительная антропологія, подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденіи, должна начать съ изслѣдованія частныхъ, дабы выводить изъ нихъ въ послѣдствіи—общіе результаты.»

Трудно въ немногихъ словахъ сказать что нибудь болѣе вѣрное и въ тоже время болѣе скромное: это поучительный урокъ торопливымъ краниологамъ и замѣтка для памяти довѣрчивымъ археологамъ!

Обращаемся къ сочиненію г. Богданова, заглавіе котораго мы выписали выше: оно представляетъ только двѣ первыя части задуманнаго изданія «Антропологическихъ матерьяловъ», третья — и самая интересная для насъ, посвященная изученію археологическихъ предметовъ, которые найдены въ курганахъ московской губерніи — не вошла сюда: обработку ея принялъ на себя извѣстный специалистъ И. Д. Бѣляевъ, которому русская археологическая наука уже обязана многими изумительными открытіями (напр. открытіемъ что Карна и Жля, упоминаемые въ словѣ о П. Игоревѣ, были подземныя славянскія божества); не смотря, однако, на это обстоятельство — и лежащая предъ нами часть Антропологическихъ матерьяловъ можетъ занять вниманіе и археологовъ: въ ней мы находимъ перечневое извлеченіе изъ журналовъ и описаній раскопокъ, произведенныхъ въ московской губерніи, а также и описаніе раскопокъ самаго автора въ той же мѣстности, впрочемъ послѣднія уже прежде были извѣстны изъ брошюры, изданной имъ въ 1865 году — подъ заглавіемъ «Курганное племя Московской губерніи М. 1865 (оттискъ изъ извѣст. Моск. Унив. 1865 № 3), первое же не совсѣмъ полно, такъ авторъ не воспользовался любопытной (хотя и случайной) раскопкой, произведенной въ коломенскомъ уѣздѣ въ 1842 году, извѣстіе о которой напечатано въ Журн. Мин. Внутр. дѣлъ, 1843, Августъ стр. 293—7. Раскопка эта тѣмъ важнѣе, что для заключеній о могилахъ московской мѣстности — она представляетъ нѣкоторыя новыя данныя. Главная часть книги г. Богданова занята числовыми таблицами измѣренія череповъ. Не будучи знатоками по этой части мы не можемъ рѣшить: правильно ли произведены исчисленія и въ особенности правильно ли выведены среднія числа, но во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ думать, что никакая правильность ихъ не уполномочивала автора дѣлать тѣ заключенія, какія мы находимъ въ послѣдней, 3-ей, главѣ, гдѣ разсматривается вопросъ: принадлежало ли московское длинноголовое племя къ финнскому племени. Рѣшая этотъ вопросъ отрицательно, авторъ говоритъ:

«нашъ результатъ изъ принятаго нами способа изложенія, цифроваго и фактическаго — никакъ нельзя объяснить какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ массы фактовъ, и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ». Въ рѣшительности приговора никто, конечно — и сомнѣваться не станетъ, до безсердечности его — никому нѣтъ дѣла, но о строго научности можно бы казаться и помолчать въ настоящемъ случаѣ: въ самомъ дѣлѣ: обладаетъ ли антропологическая наука столь несомнѣнными твердыми учеными основаніями, чтобы дѣлать рѣшительныя этнологическія заключенія? Изъ предыдущаго видно, что не только мы, но даже и такіе гениальные ученые, какъ ак. Бэръ — сомнѣваются въ этомъ, усумнятся въ этомъ и г. Богдановъ, когда на свой предметъ онъ взглянетъ безсердечно и строго научно, до той же поры мы имѣемъ полное право объяснять его заключеніе субъективнымъ мотивомъ или личнымъ понятіемъ о предметѣ. Тѣмъ не менѣе — повторимъ — «Матеріалы для антропологіи курганнаго періода московской губерніи» интересны и для археолога по нѣкоторымъ фактамъ и по заключеніямъ, отмѣченнымъ печатью археологическаго періода науки.

А. К.

Труды Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, выпускъ VI-й — подъ редакціею секретаря комитета Тихонравова.
Владиміръ 1867.

Въ числѣ другихъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ, только слѣдующія четыре относятся къ области археологіи: а) г. Тихонравова — «изслѣдованіе кургановъ близъ Вознесенскаго посада въ шуйскомъ уѣздѣ» (съ рисунками добытыхъ въ этихъ курганахъ вещей), и в) г. Гарелина: «этнографическій очеркъ обычаевъ жителей шуйскаго уѣзда», «Мѣстныя народныя суевѣрія» и «Народный календарь» въ томъ-же шуйскомъ уѣздѣ. Нельзя не пожалѣть, что наши собиратели мѣстныхъ суевѣрій, обрядовъ и обычаевъ приступаютъ къ этому дѣлу безъ всякой подготовки, и не справляясь съ печатными матеріалами, повторяютъ въ сотый разъ то, что уже давнымъ давно всѣмъ и каждому извѣстно. Подобныя повторенія тѣмъ болѣе досадны, что множество любопытныхъ и несомнѣнно-важныхъ для науки сторонъ народнаго быта донныѣ никѣмъ не описано и не изслѣдовано такъ наприм. дѣтскія игры и причитанія, юридическіе обычаи и тѣ разнообразныя обряды, которыми сопровождаются земледѣльческія и другія работы крестьянина, остаются почти не тронутыми. Сверхъ того, собиратели никакъ не хотятъ отнестись къ своей задачѣ просто, не мудрствуя лукаво, не хотятъ ограничиться только наблюденіемъ и передачею существующихъ

въ народѣ обычаевъ и повѣрій, но и спѣшать съ своими преждевременными и почти всегда поверхностными заключеніями. Эти недостатки замѣтили мы и въ статьяхъ г. Гарелина, который въ добавокъ еще пишетъ языкомъ неправильнымъ и подѣ часъ совершенно-непонятнымъ, нанизывая слова и выраженія, повидимому мало ему знакомыя. Въ доказательство приведемъ двѣ выписки: «между оставшимися суевѣріями есть нѣкоторыя языческія преданія, которымъ вѣритъ народъ, хотя не видитъ и не анализируетъ матеріальныя способности и духовную силу ихъ жизненнаго продукта на окружающіе предметы.» (стр. 70) — «Большая часть калѣкъ и нищихъ служитъ народу въ развитіи какой-то чудесной или сверхъестественной силы проявленія безвыходнаго убожества, безъ котораго нельзя обойтись, хотя въ сущности само общество, олицетворяя эту идею, могло бы излечить подобныя язвы, безъ всякаго своего фантастическаго предположенія, разумно разобравши ихъ недостатки » (стр. 76).

Что же касается до статьи г. Тихонравова, то она представляетъ продолженіе статей о томъ же предметѣ, напечатанныхъ въ предыдущихъ книгахъ «Трудовъ»: по обстоятельности и точности описанія — ее должно причислить къ небольшому числу полезныхъ археологическихъ дневниковъ.

А. Ае.

Nouvelles découvertes archéologiques, faites à Constantinople
par le Dr. Dethier, directeur du collège autrichien. Constanti-
nople. 1867. 27 стр. и 1 таблица. 4°.

Авторъ этой небольшой брошюры, извѣстный въ ученомъ мірѣ изданіемъ сборника надписей, открытыхъ въ Константинополѣ, года четыре тому назадъ открылъ въ Иглицѣ, на Нижнемъ Дунаѣ, цѣлый рядъ важныхъ въ историческомъ отношеніи римскихъ надписей, которыя были имъ прочтены, дополнены и восстановлены. Копія съ этого рукописнаго его труда попала въ руки извѣстнаго французскаго эпиграфиста Г. Леона Ренье, который успѣшилъ издать въ свѣтъ надписи, не упомянувъ ни словомъ имени ихъ перваго открывателя и комментатора — г. Детье. Римскія надписи города Троесмиса (въ Нижней Мѣзін) были представлены Римскому Археологическому Институту и Парижской Академіи Надписей и возбудили пренія между Гг. Ренье и Моммсеномъ. Но и въ этихъ спорахъ имя Г. Детье, впервые правильно восстановившаго эти надписи, не было произнесено. Нежелая, чтобы новыя открытія, дѣлаемые имъ съ такимъ трудомъ и жертвою времени, на почвѣ Константинополя, гдѣ Г. Детье имѣетъ свое постоянное мѣстопребываніе, перешли въ чужія руки, онъ рѣшился самъ сообщать ихъ ученому міру. Настоящая брошюра содержитъ рядъ такихъ сообщеній, изъ которыхъ большая часть относится къ послѣднимъ временамъ римской Имперіи. Авторъ описываетъ въ ней слѣдующіе любопытные памятники: 1. Копія

съ греческой надписи на надгробномъ камнѣ маленькой дочери Юстина II. Оригиналы этой надписи истерлись, и самъ авторъ въ подлинникѣ ее не видалъ. 2. Открытіе греческой надписи съ воротъ, построенныхъ Георгіемъ, котораго личность трудно установить. 3. Весьма отрывочный фрагментъ сильно-попорченного барельефа, изображающаго Гордіана III, убивающаго льва на охотѣ близъ Антиохіи, въ Пизидіи, въ 242 году. Г. Детье возстановилъ этотъ барельефъ по монетѣ Гордіана. 4. Памятникъ Θεодосіа II (408 — 450), стоявшій на Фоуш Таугі. Авторъ возстановляетъ его по весьма остроумнымъ соображеніямъ. 5. Монеты послѣдняго Константина (XIV), единственная золотая медаль Императора Песценнія Нигера и бронзовая монета съ изображеніемъ двухъ Валеріановъ, Галіена и Салотты, принадлежащая Кабули-Пашѣ. Къ брошюрѣ приложена исполненная самимъ авторомъ таблица, впрочемъ весьма небрежливо передающая изображенныя на ней памятники. Если нумизматы будутъ благодарны автору за его сообщенія, то прочія открытія въ самой незначительной степени обогащаютъ археологическую науку.

К. Г.

Свѣдѣнія и замѣтки о малонизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. Срезневскаго. Спб. 1867, 8°, стр. VIII + 86 + 96 + 88 + 100 + 16.

Новый трудъ г. Срезневскаго будетъ, конечно—встрѣченъ съ полною признательностью всѣми, кто не безучастно относится къ отечественной наукѣ: онъ можетъ равнымъ образомъ удовлетворить и археолога, и филолога, и историка литературы—обиліемъ новыхъ фактовъ, розысканій и новыхъ счастливыхъ соображеній, даже и тамъ, гдѣ авторъ осматриваетъ уже извѣстное, онъ умѣетъ взглянуть на него съ новой стороны, остановиться на томъ, что еще не было затронуто, что рѣшалось недостаточнымъ образомъ. Эти достоинства труда, не позволяя отнести его къ обыкновеннымъ явленіямъ современной ученой литературы, заставляютъ желать, чтобы онъ вызвалъ основательную критическую оцѣнку; въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ тѣхъ частей его, которыя особенно могутъ привлечь вниманіе археолога. Книга составила изъ сорока отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ славянской и русской древности, преимущественно письменной: кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о памятникахъ, авторъ представляетъ разборъ и важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, иногда и полный текстъ письменнаго памятника, иногда же только выдержки изъ него и словарныя извлеченія. Къ статьямъ собственно археологическимъ относятся: «запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ» XIII в., «Каменецкая вежа» XIII в., (пожалѣемъ здѣсь, что къ этой статьѣ не приложенъ любопытный рисунокъ памятника, который былъ при первомъ изданіи ея въ «Запискахъ Академіи Наукъ»),» остатки зарубскаго мона-

стыря» XII—XIII в., «древнее изображение князя Всеволода Гавриила» XII в., «покровъ съ гробницы князей ярославскихъ 1501 года»; по бытовой археологii — въ книгѣ г. Срезневскаго находимъ множество новыхъ данныхъ, въ особенности любопытны въ этомъ отношеніи свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ Златоструяхъ и извлеченія изъ нихъ, свидѣтельствующія, что замѣтки о языческихъ нравахъ, встрѣчающіяся въ нашихъ старинныхъ поученіяхъ—не всѣ могутъ быть относимы къ русской древности; истинною драгоценностью въ археологическомъ отношеніи должно быть названо «Слово о богачѣ и Лазарѣ», которое было напечатано авторомъ еще прежде, въ его «древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма», а въ настоящемъ трудѣ представляется по новому списку XII вѣка; неизвѣстнымъ пока остается, какому племени—по происхожденію и изображаемымъ чертамъ быта — принадлежитъ это слово, но кажется несомнѣннымъ или русскому, или одному изъ южныхъ племенъ славянскихъ. Чтобы указать на важность памятника, предлагаемъ краткую изъ него выдержку, изображающую жизнь богатаго: «Тѣ богатыи на земли живаше. и въ багърѣ хожаше. кони его были бѣша. златѣмъ оукрашени. сѣдѣла его позлащена. раби его предѣтекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ. а друзнии съ зада оброучи и мониста носаше. и отъ иноудѣ рещи въ величѣ славѣ излаза. на обѣдѣ же его служба бѣ многа. злата и сребрьна. вино много. тетерѣ гоуси жеравице. и раби голуби коури зацаци и елени. множество сокачии работающе и дѣлающе съ потѣмъ. нии мнози токоуще и на пѣрстѣхъ блюди носаше. нии же махающе съ богазнию. нии же сребрьныа оумывальница дѣржаще. нии же оукропъница дѣмоуще нии стѣклѣница съ виномъ носяще. и ти вси троужаахоуа тѣшашесѣ единого богатааго чрѣво насытити. готоваше ему и одрѣ слоновъ съ прѣтыканами понавами свилѣнами макѣками. възлежащу же ему и не могѣщу оусьноути. друзнии новѣ ему гладѣти нии по ладвиамъ тѣшати его. нии бають ему. нии гоудоути ему». Къ достоинствамъ труда г. Срезневскаго должно отнести и обстоятельные указатели: сначала предлагается хронологическій списокъ памятниковъ, изданныхъ или описанныхъ, затѣмъ, въ концѣ, указатель именъ личныхъ и мѣстныхъ, указатель предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, наконецъ — указатель словъ, удобный для справокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—прекрасное дополненіе къ словарямъ церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ.

Русская старина любила вести счетъ вещественнымъ предметамъ — сороками, глядя на эти первыя сорокъ свѣдѣній, замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, позволимъ себѣ пожелать, чтобы въ скоромъ времени къ нимъ присоединились и другія и третьи сорока, если не цѣлыя сорокъ сороковъ.

А. К.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ЗАМѢТКИ О ЗВЕНИГОРОДСКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ.

Въ описаніи древностей, найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ А. Д. Чертковымъ,¹ поименованы между мѣдными вещами слѣдующія: обручи, зарукавья, пряжка, кольца, перстни, бубенчикъ и крестикъ, и изъ нихъ г. Чертковъ выводитъ заключеніе: «мѣдныя вещи, находящіяся на сѣверѣ и неимѣющія знака, должны, кажется, относиться къ эпохѣ, предшествовавшей Рождеству Христову, а тѣ, въ которыхъ уже цинкъ находится, къ позднѣйшему времени». Далѣе: «предположеніе наше о принадлежности Звенигородскихъ древностей Варяго-Руссамъ, подтверждается и самыми фактами».²

Прочитывая со вниманіемъ полезныя розысканія А. Д. Чертова и сравнивая его находки³, съ давно открытыми мною на развалинахъ Сарая, бывшей столицы Золотой Орды, я нахожу ихъ совершенно однообразными съ Сарайскими, и даже всѣ вещи мѣдныя (Сарайскія) были дѣланы изъ одной мѣди, безъ примѣси цинка. Крестикъ же, приложенный на рисунокъ таблицы XV. подъ буквою J., точь въ точь какъ мною находимый, не одинъ разъ, и такой величины.

¹ Записки С. Петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества за 1849 г. с. 234—250.

² Факты эти заключаются въ сравненіи съ вещами, открытыми въ остзейскихъ губерніяхъ разлитіемъ Западной Двины. Сильный напоръ воды въ Ашераденѣ и Дунгоѣ, оторвалъ (въ 1837 г.) часть берега, въ коемъ находились человѣческіе остоны съ украшеніями, и изъ числа тѣхъ древностей нѣмцы сходны съ звенигородскими вещами. См. описаніе Крузе: Necrolivonica oder Alterth. Liv-Esth. und Kurländisch. bis zur Einföhr. Chr. Relig. in der Kais. Russich. Ostsee.-Gouvern., изд. 1842. г.

³ См. табл. XV въ зап. археол. нумизм. общ. и заключеніе (эпоха погребенія) с. 249.

Изъ древностей Звенигородскихъ можно, кажется, вывести иное заключеніе, а именно, что вещи — современны Христіанству и составляли украшеніе кого либо изъ Христіанъ, ибо извѣстно, что язычниковъ не погребали съ крестами. Но на предположеніе, что древности принадлежали къ Варяго-русской эпохѣ (тоже языческой?), не представлено доводовъ неопровержимыхъ.

Изложенное мнѣніе г. Крузе о находкахъ въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Ашераденѣ и Дунгофѣ, причисляемыхъ къ Варяго-Руссамъ, есть одно гадательное, потому что вещи такого рода я находилъ въ могиллахъ, уже Христіанскихъ, начала XIII, а быть можетъ и XIV. вѣка.

А. Терещенко.

11. Февраля 1855 г.

С. Петербургъ.

О САРАЙСКОМЪ СЕРЕБРЯНОМЪ РУБЛѢ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было открыто мною на развалинахъ Сарая 12 слитковъ серебряныхъ, названныхъ мною рублями, изъ коихъ одинъ, вѣсомъ въ 74 золотника, былъ пожалованъ Государемъ Императоромъ археологическо-нумизматическому обществу, и тамъ онъ хранится подъ именемъ любопытнаго серебрянаго слитка ¹⁾, а не рубля.

Во многихъ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ и описаніяхъ, какъ то: гг. Черткова, бар. Шодуара и Муравьева, такіе слитки обозначены рублями, и равномѣрно найденные въ Новгородѣ, Рязанѣ, Псковѣ и другихъ мѣстахъ, такъ же наименованы рублями. Но почему хранящійся въ археологическомъ обществѣ Сарайскій рубль, обращенъ въ одинъ простой слитокъ, не имѣющій значенія ходячей монеты? По этому мнѣ казалось не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ въ мое оправданіе, такъ и потому, что этотъ слитокъ не есть одинъ кусокъ металла, но древняя ходячая монета.

Нѣкоторые доселѣ возобновляютъ спорныя противорѣчія о томъ, что нашими нумизматами дано слишкомъ не правильное названіе рублей, что къ такому разряду принадлежатъ новгородскіе, рязанскіе и другіе; что дѣйствительные рубли суть куски рубленнаго серебра и разновѣсны, а потому найденные въ Сараѣ, Новгородѣ, Рязанѣ и т. д., какъ нѣсколько гладкіе и разновѣсные, должны быть и суть одни слитки.

Нумизматы конечно знали, что рубли были разновѣсны; что слитки, вѣсившіе до полъ-фунта, были рубли; что неравенство въ вѣсѣ происходило отъ произвольной разрубки серебра, что при употребленіи мелкой монеты, она билась изъ фунта различно; — и за всѣмъ тѣмъ нумизматы не усомнились принять рязанскіе и нового-

¹⁾ Записки археологическо-нумизмат. общ. за 1849 г. с. 271.

родскіе слитки за рубли. Если же нѣкоторымъ показались они гладкими и какъ бы отлитыми, и не видать въ нихъ грубой разрубки, то это произошло отъ обращенія, какъ всякая ходячая монета, переходящая изъ рукъ въ руки. Серебряныхъ обрубковъ въ грубомъ видѣ не дошло до насъ, а всѣ болѣе или менѣе обглаженные, и утверждать, что Сарайскіе слитки не суть рубли по одному лишь словопроизводству, это ни съ чѣмъ не сообразно, и значило бы ниспровергать древнюю денежную систему. На подобныхъ слиткахъ сохранились для насъ слѣды буквъ, надписей и изображеній, какъ напримѣръ: на Новоторжскомъ, знакъ оборотней буквы *э* и надпись Новоторжски, или Новоторжско; на Псковскомъ родъ монограммы города Пскова и изображение герба его, барса. На многихъ другихъ слиткахъ, дошедшихъ до насъ, не осталось никакихъ слѣдовъ, а между тѣмъ они подобны новгородскимъ и псковскимъ. При томъ всѣмъ извѣстно, что Россія, находившаяся подъ игомъ Татарскимъ, платила дань, которую конечно вносила не только золотомъ, но и серебромъ. Почему же теперь сомнѣваться, что слитки Сарайскіе не суть тѣ же серебряные рубли? Нѣтъ никакой причины, казалось бы, опровергать, однако нашлись люди, которые хотятъ, чтобы высказанное ими мнѣніе было бы принято безъ противурѣчія.

Извѣстно такъ же, что есть древніе серебряные рубли совсѣмъ другой формы, это кievскіе, именуемые гривенками, почти гладкіе слитки. Кто же далъ и это названіе? Если же произошло отъ рубки, то это не основательно, потому что они не обрубки, а имѣющіе уже свою опредѣленную форму, между тѣмъ именуется рублями. Недалеко примѣры: наши рубли совсѣмъ другой формы, называемые еще цѣлковыми и корбованцами. Такъ измѣнились названіе, величина, вѣсъ и наружность денегъ! Замѣтимъ еще, что имя рубля доселѣ въ употребленіи, что оно есть самое древнее и перешло къ намъ отъ предковъ.

Отечественныя лѣтописи, говоря о бывшей ходячей монетѣ, подъ именемъ рублей, именуютъ въ послѣдствіи гривны и гривенки, слѣдовательно мы получили первоначальное свѣдѣніе отъ лѣтописцевъ, современниковъ серебряныхъ слитковъ. Если наши лѣтописцы опредѣляютъ вѣсъ, то по сравненію съ рублями новгородскими, псковскими, рязанскими и московскими. Нѣтъ никому никакой охоты называть вещь не своимъ именемъ, отъ того и слитки Сарайскіе были названы рублями, какъ одинаковой формы съ хранящимися во многихъ минцъ-кабинетахъ, и я нахожу, что напрасно причислили ихъ къ простымъ слиткамъ, т. е. къ неимѣющимъ значенія монеты, и мнѣ кажется, что сарайскіе рубли весьма любопытны, какъ свидѣтели нашей дани — Золото-ордынскимъ ханамъ.

А. Терещенко.

11 февраля 1855.

С.-Петербургъ.

РЕЕСТРЪ БРОНЗОВЫМЪ МЕДАЛЯМЪ

Подъ этимъ заглавіемъ находится въ одной рукописи (№ 455 въ листъ, стр. 62.) нашего собранія любопытный перечень чеканенныхъ медалей, начиная съ 1672 года. По видимому это копія съ официальной описи Петербургскаго монетнаго двора, судя по скрѣпѣ, помѣщенной на концѣ реестра. Между 95 медалями исчисленными, находится много малозвѣстныхъ, и находятся даже таія, которыя не извѣстны намъ по нумизматическимъ собраніямъ, но во всякомъ случаѣ этотъ перечень чеканенныхъ медалей весьма любопытенъ для собирателей и для знатоковъ отечественной нумизматики. Рукопись, изъ которой мы заимствуемъ свѣдѣнія, принадлежало Г. П. Хлѣбникову. Мы сохраняемъ правописаніе подлинника.

1. На рождение Государа Императора Петра перваго. 1672 года Маія 30 дня.
2. На вступленіе на всероссійскій престолъ Г. Императора Петра перваго 1682 года, апреля 27 дня.
3. На взятіе города Азова 1696 года.
4. На учрежденіе на Черномъ море карабелнаго флота 1696 года.
5. На искоренѣніе стрелцовъ. 1698 г.
6. На Карловическое замиреніе 1700 г.
7. На взятіе крепости Шлюсенбурга 1702 году.
8. На то же взятіе.
9. На взятіе крепости Нейшанць 1703 г.
10. На взятіи Швецихъ дву шкуновъ 1703 г.
11. На золоженіе Санктъ Петербурга 1703 г.
12. На учрежденіе флота в Балтискомъ море 1703 г.
13. На построение крепости и гавани Кронштата 1704 г.
14. На взятіе города Дерпта 1704 г.
15. На взятіе города Нарвы 1704 г.
16. На тоужъ Нарву спланомъ,
17. На онуюжъ Нарву слатинскою надписью.
18. На взятіе города Митавы 1705 г.
19. На баталию при Камише 1706 г.
20. На Левенгаупскую баталию 1708 г.
21. На тоужъ баталию,
22. На знакъ милости Графу Головину 1708 г.
23. На знакъ милости Генералу Адмиралу Графу Апраксину 1708 г.
24. На Полтавскую баталию 1709 г.
25. На онуюжъ баталию.
26. На взятіе вполонъ Швецкой арміи при Переволочной 1709 г.
27. На оноужъ взятіе.
28. На построение гавани Таганрога 1709 г.

29. На взятие города Элбинга 1710 г.
30. На взятие города Риги 1710 г.
31. На взятие города Динамента 1710 г.
32. На взятие города Пернова 1710 г.
33. На взятие крепости Аренбурга 1710 г.
34. На взятие города Ревеля 1710 г.
35. На взятие города Выборга 1710 г.
36. На взятие города Кексголма 1710 г.
37. На счастливое завоевание Лифляндии и Финляндии 1710 г.
38. На оноежъ завоевание.
39. На владение четырьмя морями 1711 г.
40. На выходение російскаго флота 1713 г.
41. На взятие города Абова 1713 г.
42. На баталию при речѣ Пелкинѣ 1713 г.
43. На баталию при Вассахъ 1714 г.
44. На взятие крепости Нейшлота 1714 г.
45. На морскую баталию при Аланте 1714 г.
46. На онуюжъ баталию.
47. На соединение четырехъ флотовъ 1716 г.
48. Орелъ здетми 1717 г.
49. Неизвестная гора 1718 г.
50. На взятие трехъ Швецихъ фрегатовъ 1719 г.
51. На взятие четырехъ фрегатовъ в Лифляндіи у острова именуемаго Рязе-
ранъ 1720 г.
52. На заключение мира с Шведами 1721 г.
53. На онойже со швецкою короною вечной миръ.
54. На коронацію Государыни Импер. Екатерины Алексѣевны 1724 г.
55. На погребение тела Гос. Импер. Петра Перваго 1725 г.
56. На коронацію Государя Импер. Петра втораго 1728 г.
57. На коронацію Госуд. Импер. Анны Иоанновны 1730 г.
58. На установление монетнаго дѣла 1731 г.
59. На замирение с Оттоманскою портою 1739 г.
60. На славныя дѣла во время царствования Госуд. Им. Анны Иоанновны.
61. На вступление на всероссійскій престолъ Гос. Имп. Елисаветъ Петровны
1741 году ноября 25 дня.
62. На отпущение преступленей 1741 году. Декабря 15 дня.
63. На коронацію Гос. Имп. Елисаветъ Петровны 1742 г.
64. На замирение со Швецією в Абове 1743 г.
65. На окончание кронштатскаго канала 1752 г. Июля 30 дня.
66. На сложеніе внутреннихъ пошлинъ 1753 г.
67. На отпущение казенныхъ долговъ 1754 г.
68. На окончание межевыхъ споровъ 1754 г. Мая 13 дня.

69. На учреждение новой Сербіи 1754 г.
70. На рождение Государя Цесаревича і В. Кн. Павла Петровича реверсъ 1754 г.
71. На учреждение Импер. Московскаго Университета 1754 г.
72. О томъ же Университете.
73. На баталию при Франктфурте і Палцыхове 1759 г.
74. На погребение тела Гос. Импер. Елисаветъ Петровны 1761 г.
75. На вступленіе на всероссійскій престолъ Гос. Им. Екатерины Алексѣевны второй 1762 г.
76. На полезныя обществу труды купцамъ 8 человекамъ торгующимъ в Камчатке 1762 г.
77. На коронацію Гос. Им. Екатерины Алексѣевны 1762 г.
78. На учреждение воспитательнаго дому 1763 г.
79. На установление исправной манеты 1763 г.
80. На установление Импер. Академіи Художествъ на инаугурацію 1765 г.
81. На бывшую карусель 1766 г.
82. Данной депутатомъ к сочинению проэкта новаго Уложения знакъ 1766 г.
83. На привозъ сюда изъ Лифляндіи и Естляндіи на продажу хлѣбъ с мая мѣся 1767 года.
84. На золожение Ісакиевской церкви мая 26 дня 1768 г.
85. На одержанную победу при Кагуле Іюля 26 дня 1770 г.
86. На одержанную победу флотомъ при Чесме Іюля 24 дня 1770 г.
87. Императорской Академіи художествъ рисовальныхъ живописныхъ учениковъ, натура.
88. Оноиже Академіи художествъ рисовальныхъ и живописныхъ учениковъ антыкъ.
89. На девичей монастырь.
90. На прививаніе оспы.
91. На победу при Чесмѣ в честь Его Снятельства Графа Алексея Григорьевича Орлова данная отъ Адмиралтейской коллегіи.
92. На золожение Кремлевскаго дворца.
93. На избавленіе Москвы отъ язвы в честь Его светлости Князя Григорья Григорьевича Орлова.
94. В честь его Превосходительства Івана Івановича Бецкаго.
95. На бракосочетаніе ихъ Императорскихъ Высочествъ.

У подлинна реэстра подписано тако:

Секретарь Ігнатей Андреяновъ

Бухгалтеръ Василій Михайловъ.

Изъ перечисленныхъ здѣсь медалей любопытно замѣтитъ двѣ подъ № 48 и 49 1717 и 1718 года. Первая названная: «Орелъ съ дѣтьми», была чеканена по случаю возвращенія Петра Великаго въ Россію (Рейхель № 1297) Вторая медаль подъ именемъ: «Неизвѣстная гора», была чеканена въ 1718 по случаю уничтоженія Стрѣлецкаго бунта; на оборотѣ ея представлена скала, возвышающаяся выше облаковъ, а на ней лежитъ императорская корона, освѣщенная солнцемъ (Рейхель. № 1301). Подъ № 87 опи-

сана медаль Академіи Художествъ «рисовальныхъ и живописныхъ учениковъ натура» вѣроятно извѣстная по надписи: «слѣдуя достигнемъ» (Рейхель. № 2305 ; но за тѣмъ слѣдующая медаль (№ 88): «рисовальныхъ и живописныхъ учениковъ антикъ» не находится въ каталогъ Рейхеля, и мнѣ никогда не попадалась. Тоже самое надо замѣтить и о медали № 89 «на Дѣвичій монастырь.»

Графъ Уваровъ.

Порѣчье 3 Ноября. 1867.

Въ Московской губерніи извѣстно обыкновеніе хозяекъ вѣшать на нашествіи, гдѣ сидятъ куры, горлышки отъ разбитыхъ кувшиновъ. Въ собраніи пословицъ Русскаго народа г. Даля записано: насѣсть обвѣшивать битыми кувшинами, куры хорошо нестись будутъ. — Можно кое гдѣ слышать, что эти горлышки отъ кувшиновъ называютъ куричьими богами. Между тѣмъ въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи во всякомъ курятникѣ навѣшаны курицьи боги. Но это не горлушки отъ разбитыхъ кувшиновъ, а камни съ натуральнымъ отверстіемъ. Они считаются необходимою принадлежностію курятника, дабы кикиморы не давили куръ. У г. Даля записано: если найти камень съ дырою и повѣсить въ курятникѣ, то куры будутъ цѣлы (Пословицы русскаго народа стр. 1058). Камни эти собираютъ по оврагамъ, по рѣкамъ. Узнавъ о семъ обычаѣ, я пожелалъ видѣть этихъ куриныхъ боговъ въ надеждѣ не найдутся ли изъ числа ихъ памятники, относящіеся къ такъ называемому каменному вѣку т. е. нѣтъ ли въ числѣ ихъ искусственныхъ издѣлій изъ камня?

Не безъ сопротивленія со стороны женской половины, боявшейся за благосостояніе своихъ куръ, съ утратою куричьихъ боговъ, добыли для меня нѣсколько штукъ этихъ камней. О большей части ихъ нельзя сказать положительно, чтобы отверстія ихъ были искусственныя, но нѣкоторыя явно носятъ слѣды отдѣлки рукъ человѣческихъ. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ изображающій голову, у которой ясно видны носъ, просверлины ноздри, означены уши, видны глаза, представляю при семъ вниманію Археологическаго общества. Сувѣріе женское, держащееся съ древнихъ временъ, сохранило, можетъ быть, замѣчательные памятники древняго быта. Другой камень—тоже изъ числа куричьихъ боговъ — можетъ быть не болѣе, какъ грузило отъ рыболовнаго бредня, но прилагаю и этотъ камень. Первый камень, можетъ быть, не былъ ли и настоящимъ куричьимъ богомъ?

Петръ Казанскій.

Августа 10-го
1867 г.

Въ засѣданіи Берлинскаго Археологическаго Общества 4-го іюня 1867. г. Гюбнеръ представилъ гипсовой слѣпокъ золотого сосуда, находящагося въ Музеѣ въ Бухарестѣ и открытаго въ самой Вадахіи. Слѣпокъ этотъ былъ сообщенъ Обществу на разсмотрѣніе въ слѣдствіе благосклонности совѣтника посольства Herr von Pfuell, который присутствовалъ какъ гость. Онъ самъ сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о внѣшнемъ видѣ оригинала. Эта круглая чаша (Schale), имѣющая 9 1/2 дюймовъ въ поперечникѣ, вылитая изъ золота массивно, со внѣшней стороны гладкая, внутри богато украшенная рельефами. Внутри въ срединѣ, на подобіе рукоятки (gleichsam als Griff), находится небольшая сидящая женская фигура, которая обѣими руками, какъ кажется, держитъ бокалъ (Becher). Рельефы (содержащіе въ главной сценѣ 16 фигуръ, окруженныхъ гирляндой изъ виноградныхъ листьевъ и гроздей, внутри около середины лежащій пастухъ съ различными животными) показываютъ нѣсколько знакомыхъ образовъ греко-римскаго искусства, Аполлона съ лирою и грифономъ, Палло-силена съ тирсомъ и разныя другія вакхическія фигуры; далѣе сидящія на престолахъ и стоящія женщины съ скиптрами и факелами, которыя напоминаютъ бытъ элевзинскихъ мистерій; наконецъ видно нѣсколько трудно объяснимыхъ лицъ. Г. Гюбнеръ полагалъ, что судя по стилю и изложенію и обращая вниманіе на исторически извѣстную продолжительность римской культуры въ тѣхъ странахъ, это произведеніе должно быть отнесено всего позже (spätesten) къ началу третьяго столѣтія (эпохѣ Септимія Севера). Въстѣ съ тѣмъ должно предполагать, что это работа варварскихъ или полуварварскихъ художниковъ (можетъ быть продуктъ недалекихъ семиградскихъ золотыхъ пріисковъ) по греко-римскимъ образцамъ, но со внесеніемъ варварскихъ деталей. — Напротивъ Г. Фридериксъ считаетъ это произведеніе работою Константиновыхъ временъ. Мнѣнія гг. членовъ Общества остались раздѣленными, и г. Мюлленгофъ видитъ въ изображеніяхъ варварскіе элементы. Г. Гюбнеръ полагаетъ, что при отсутствіи датированныхъ памятниковъ изъ тѣхъ странъ для сравненія, лучше предварительно отложить мнѣніе объ эпохѣ этого памятника. Владѣлецъ снимка съ памятника дозволилъ его издать что будетъ скоро сдѣлано, какъ покажется возможнымъ, и приведетъ къ всестороннему обсужденію специалистовъ для разрѣшенія многочисленныхъ вопросовъ, которыя соединены съ этимъ интереснымъ памятникомъ. (Gerhard's Archäol. Anzeiger 1867, № 222).

— Въ пештскихъ газетахъ сообщаютъ, что во время земляныхъ работъ на проводимой вновь желѣзной дорогѣ отъ Арада въ Альвинцъ были обнаружены многочисленныя римскія древности. Кромѣ серебряныхъ и золотыхъ монетъ выкопанъ алтарь изъ бѣлаго мрамора превосходнѣйшей отдѣлки, по бокамъ котораго помѣщены замѣчательно выполненныя изображенія Вакха и Цереры; кромѣ этого найдено сѣдалище на подобіе трона изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, съ сидящею мужскою фигурой, къ сожалѣнію лишенною головы и рукъ. — Точно также и въ Деешѣ, при перестройкѣ зданія училища найдено было большое количество замѣчательныхъ древностей изъ первыхъ временъ христіанства въ Венгріи; слѣды существованія древней церкви, слу-

жившей потомъ Августинскимъ монахамъ, выказываются съ каждымъ днемъ въ раскопкахъ, порученныхъ вѣдѣнію директора трансильванскаго музея.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Археологическую Коммиссію присланъ изъ Виленской губерніи кладъ серебряныхъ куфическихъ монетъ, найденный крестьяниномъ при копаніи земли въ Дисненскомъ уездѣ и состоящій изъ 120 болѣе или менѣе хорошо сохранившихся экземпляровъ и 15 небольшихъ обломковъ. Древнѣйшая монета этого клада относится къ 277-му году гижры или 890 — 891 году по Р. Х., позднѣйшая къ 332 = 943—944 г.

Главную часть находки составляютъ, по обыкновенію, саманидскіе диргеми: 1) Исмаила, сына Ахмеда, 2) Ахмеда, сына Исмаила, 3) Насра, сына Ахмеда, и 4) Нуха, сына Насра, чеканенные въ Шашѣ, Самаркандѣ, Балхѣ и Эндерадѣ.

Кромѣ того въ этомъ кладѣ заключаются два диргема аббасидскихъ халифовъ Мутадыдъ-билляха и Муктедиръ-билляха, выбитые въ Васитѣ, одинъ въ 281 (894—895), другой въ 309 (921) году; двѣ соффаридскія монеты съ именемъ Амра, сына Лейса, битые въ Ширазѣ въ 277 (890—891) и 283 (896 — 897) годахъ, и двѣ бувейгидскія монеты съ именемъ Алія, сына Бувейла, но съ истертыми годами и названіями мѣста чеканки.

— Въ Смоленскихъ губерн. Вѣд. № 37 г. Полѣсскій Щипило сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ открытыхъ развалинахъ древняго храма на восточной сторонѣ Смоленска. Въ первыхъ числахъ Іюля этого года, Контора Орловско-Витебской желѣзной дороги для раскопки камня приобрѣла покупкою за 15 руб. сер. курганъ, отъ крестьянина, поселеннаго на государственной землѣ, близъ черты г. Смоленска, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, между слободою Рачевкою и деревнею Шейнъ-Острогъ. — При началѣ раскопки означеннаго кургана обнаружились стѣны древняго зданія, съ остатками колоннъ, сложенныя изъ тонкоплитнаго кирпича, вязаннаго толстымъ слоемъ известковаго цемента. Стѣны зданія, вначалѣ раскопываемыя въ четырехъ ямахъ, обнаружили къ сѣверной или днѣпровой сторонѣ рисунокъ древней, хорошо сохранившейся живописи.

Губернское начальство, по осмотрѣ развалинъ 10-го Іюля, найдя въ разломанномъ сводѣ съ западной стороны кургана изображенія церковной живописи, признало важнымъ сохраненіе мѣстной древности. — Тогда же Начальникъ губерніи приказалъ прекратить ломку стѣнъ зданія рабочимъ отъ конторы желѣзной дороги и поручилъ мнѣ разслѣдованіе развалинъ при тѣхъ средствахъ, которыя были подъ руками.

Ислѣдованія хотя неполныя и неоконченныя обнаруживаютъ однако слѣдующее:

1) Курганъ имѣетъ около 300 аршинъ въ окружности и 7 арш. $3\frac{1}{4}$ вершк. высоты; онъ лежитъ на юго-западъ отъ развалинъ древняго Духовскаго монастыря въ разстояніи около 400—500 сажень, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и представляетъ развалины православнаго храма, котораго построеніе по нѣкоторымъ даннымъ можно отнести къ половинѣ XII вѣка.

2) Храмъ былъ построенъ изъ плитоваго древняго кирпича, выжити болѣе краснаго и менѣе желѣзняка, различной и неаккуратной выдѣлки; размѣры плитъ, напримеръ: длина 6 вершковъ, ширина $4\frac{1}{2}$ вершка, толщина 1 вершокъ, $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ вершка; но встрѣчается другая длина и другая ширина; на нѣкоторыхъ плитахъ встрѣчаются ясные и не ясные оттиски. Между частями зданія желѣзныхъ скрѣпленій не замѣтно.

3) По обилію матеріала и остаткамъ многихъ сводовъ можно полагать, что храмъ былъ двухъ-этажный, величины значительной, и напоминаетъ здѣшнюю церковь Св. Ап. Петра и Павла, построенную въ 1146 г. Великимъ Княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, что въ особенности изобличаетъ кирпичъ и манера его кладки. Разрушенъ храмъ по видимому взрывомъ пороха, на что указываютъ значительныя части колоколни, отпавшія на обѣ стороны въ косвенномъ направленіи (лѣвая часть колоколни упала на землю своею нижнею стороною), а также неправильное положеніе человѣческихъ скелетовъ, хотя положеніе нѣкоторыхъ костей обнаруживаетъ позднѣйшій перекопъ; также на черепахъ замѣтны признаки насильственной смерти.

4) Сличая это зданіе съ остатками Духовскаго монастыря, видно, что окружныя линіи кургановъ относятся какъ 3: 2; высоты кургановъ — какъ 7: 2 (хотя послѣднее менѣе важно); можно полагать, что открываемый храмъ былъ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе Духовскаго храма. Хотя въ отечественной исторіи роль Духовскаго монастыря довольно замѣтна, какъ приднѣпровской пристани Смоленска съ московской стороны; но кирпичъ его изобличаетъ позднѣйшее построеніе, напоминая кирпичъ Смоленской крѣпости. — Въ планѣ осады Смоленска въ 1633 и 1634 годахъ Духовскій монастырь значится прилегающимъ къ лѣвой сторонѣ передовыхъ редутовъ Короля Владислава противъ кургана Шейна; слѣдовъ же открываемаго теперь храма невидно; это мѣсто по видимому было занято батареями Владислава. Эпоха разрушенія значительнаго числа Смоленскихъ храмовъ относится къ 1610 году (донесенія Шемна и Горчакова Боярской Думѣ въ этомъ году, изданныя въ актахъ Арх. Ком.).

5) Теперешнія раскопки обнаруживаютъ, что западная сторона храма строена безъ основнаго бута, а восточная съ бутомъ; о другихъ же сторонахъ храма еще неизвѣстно.

6) Окружная почва площади и восточныхъ гористыхъ зарослей обнаруживаетъ древнее городское поселеніе, хотя по историческимъ актамъ со временъ литовскихъ, эта и прилегающія мѣстности значатся то посадами, то слободами; историческое время застааетъ Смоленскъ въ теперешней Свирской слободѣ, т. е. на западъ отъ нынѣшняго города; но это обстоятельство требуетъ болѣе подробныхъ изслѣдованій.

7) Нѣсколько признаковъ въ развалинахъ храма обнаруживаютъ періодъ варяжскій (т. е. конецъ языческаго и начало христіанскаго Смоленска), и даже два признака выказываютъ присутствіе въ этой мѣстности древне-славянскихъ священныхъ дубровъ; подробному изложенію этихъ признаковъ не позволяетъ объемъ этой записки, и положительныя заключенія объ такомъ важномъ дѣлѣ я считаю еще весьма преждевременными.

8) О названіи исчезнуваго храма положительно сказать теперь невозможно; эти развалины могли принадлежать храму Космы и Демьяна или другому храму; хотя въ Историко-Статистическомъ обзорѣніи Смоленской епархіи (изд. 1864 г.) и значится мѣсто храма Космы и Демьяна въ противоположной части города Смоленска, но это обозначеніе бездоказательно и не выдерживаетъ серьезной критики.

Раскопки настоящаго времени происходятъ съ западной стороны зданія, съ цѣлю постепеннаго разширенія вокругъ; начало раскопокъ обнаруживаетъ остатки довольно узкаго крыльца, распавшейся колокольни и отброшенныхъ треугольныхъ плитокъ штучнаго пола изъ тиглевой глины, находящихся въ 20 арш. къ западу отъ кургана въ черноземѣ площади (всѣ плитки прямоугольно — равнобедренные треугольники, т. е. четверти квадрата).

— Въ двѣнадцати верстахъ отъ Бѣлостока, въ тридцати отъ Прусской границы чрезъ Ломжинскій уѣздъ, у Неводницкаго костела, посвященнаго Святой Троицѣ, на старенькой колокольнѣ, 21-го сего іюля нашелся колоколъ со слѣдующею на немъ славянскою въ двухъ строкахъ надписью: *Дъ въ лѣто 3 ное 11 сотъ КИ созданъ бысть колоколъ святей Троици по + велѣніемъ раба Божія пана Шедивора Волимонтовича. А мастеръ Устякъ.*

Такой любопытный памятникъ русской древности (1420 г.) сохранился благодаря просвѣщенному взгляду г. настоятеля Неводницкаго костела, ксендза-каноника Іосифа Малышевича.

— Г. Предтечевскій сообщилъ намъ слѣдующую замѣтку о двухъ колоколахъ Казанскаго собора въ Москвѣ: въ 1866 г., когда вмѣстѣ съ прочими зданіями, принадлежащими московскому Казанскому собору, поправляли и колокольню его, тогда привелось видѣть намъ снятые по давней неупотребительности для церковнаго богослуженія два небольшихъ колокола, одинъ въ 15 пудъ и другой въ 6 пудъ, — оба разбитые и безъ языковъ. По формѣ колокола эти одинаковы и очень похожи на обыкновенно употребляемый для цѣлотовъ горшки, — высокіе, узкіе и только къ краямъ особенно разширяющіеся. Оба съ одинаковыми почти надписями церковной вязью. На большемъ колоколѣ читается слѣдующая надпись: *«Вѣнѣю мѣтню. покеленнѣмъ. гдѣа цѣа. і. келанкѣ. кнѣа. мнѣа. Федоровѣа всеа рѣсн і. самодержца. сѣнтъ снѣ колоколъ. к цѣкен покеленнѣа «вѣаа прѣтѣе бѣдѣ. казанска» лѣта 2, 137) годѣу: на меньшемъ же: S1S2 (1639) годѣу сѣнтъ. снѣ. колоколъ к цѣе покеленнѣа. «вѣаа прѣтѣе бѣдѣ. казанска»* Колокола эти, такимъ образомъ, могутъ служить доказательствомъ построенія собора въ этихъ годахъ Михайломъ Федоровичемъ.

**ГГ. ЧЛЕНАМЪ МОСКОВСКАГО АРХЕО-
ЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И КО
ВСѢМЪ ЛЮБИТЕЛЯМЪ ОТЕЧЕСТВЕН-
НЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ.**

Сообщая подробныя свѣдѣнія о русскихъ иконописцахъ, имѣю честь обратиться ко всѣмъ нашимъ Членамъ и ко всѣмъ любителямъ отечественной старины съ покорнѣйшею просьбою, сообщить мнѣ всѣ имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о русскомъ иконописаніи. Для лучшаго уясненія моей просьбы, я ставлю въ видѣ вопросовъ тѣ именно свѣдѣнія, которыя желалъ бы получить для предпринятаго Московскимъ Археологическимъ Обществомъ труда поэтой части нашихъ отечественныхъ древностей.

1) Имя русскихъ или греческихъ иконописцевъ, коихъ иконы находятся въ соборахъ, въ церквахъ или въ монастыряхъ.

2) Не находятся ли на иконахъ древнихъ: имя художника, или годъ, или другая какая-нибудь надпись.

3) Нѣтъ ли иконъ, коихъ иконописецъ извѣстенъ по древнимъ описямъ или по какому-нибудь другимъ источникамъ.

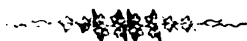
4) Біографическія свѣдѣнія объ иконописцахъ до начала XVIII вѣка; жизнеописанія ихъ или просто указанія на иконописцевъ по мѣстнымъ источникамъ.

5) Не находятся ли гравюры или рисунки, или переводы съ древнихъ иконъ съ обозначеніемъ имени иконописца.

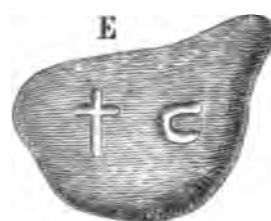
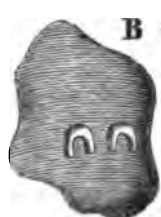
6) Не находятся ли надписи въ внутри храмовъ, въ которыхъ изчислены имена художниковъ, украшавшихъ храмъ живописью.

7) Не сохранились ли древнія рукописи, относящіяся до иконописанія, или въ которыхъ упоминается объ иконописаніи.

Графъ Уваровъ.

Рисунки къ статъѣ гр. Б. П. Тышкѣвича (выше, стр. 154—160).

логическомъ указателѣ помѣщенъ списокъ новѣйшихъ сочиненій, изданныхъ въ Европѣ по части классической археологіи.

Mittheilungender K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Redacteur: Anton Ritter von Perger. XII. Jahrgang. Januar-Februar. Wien. 1867, 4° съ гравюрами и полиптиками.

Центральная Комиссія для изслѣдованія и храненія архитектурныхъ памятниковъ Австріи уже двѣнадцатый годъ издаетъ журналъ, специально посвященный изученію многочисленныхъ древностей разнообразныхъ странъ, соединенныхъ подъ скипетромъ Австрійскій монархіи. Не смотря однако на специальное назначеніе этого журнала, содержаніе его очень разнообразно, именно въ слѣдствіе разнообразія народностей и культуръ Австріи. Монументальныя древности Австріи относятся къ эпохѣ до исторической, къ временамъ владычества Римлянъ въ этихъ странахъ, къ древне-христианскому періоду и наконецъ къ среднимъ вѣкамъ, которымъ журналъ этотъ посвящаетъ особое вниманіе. Поэтому ученые найдутъ въ немъ любопытные и серьезно обработанные матеріалы для археологіи всѣхъ вышеозначенныхъ періодовъ. Превосходно исполненные гравюры, хронолитографіи и полиптики поясняютъ текстъ. Въ январскомъ и февральскомъ выпускѣ нынѣшняго года, поговори о специально интересныхъ для исторіи средне-вѣковаго искусства статьяхъ, въ особенности замѣчательны двѣ статьи: извѣстный знатокъ византийской архитектуры въ Сербіи, Ф. Каницъ представилъ новыя свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся на берегахъ сербскаго Дуная отъ Право до Градица (Beiträge zur Alterthumskunde der serbischen Donau von Prawo bis Gradigle). Особое вниманіе обращаетъ онъ на римскія древности этихъ странъ, съ которыми такъ часто связано имя Императора Траяна. Любопытна замѣтка, помѣщенная въ концѣ этого выпуска, о способѣ сооруженія дольменовъ, основанная на статьѣ, помѣщенной въ Копенгагенскомъ журналѣ: Antiquarisk Tidsskrift.

Revue de l'art chrétien. Recueil mensuel d'archéologie religieuse, dirigé par M. l'abbé I. Corblet. Onzième année, N° 1 et 2. Janvier et Février. 1867 Arras et Paris.

Журналъ аббата Корбля имѣетъ цѣлью популярнымъ изложеніемъ вопросовъ христіанской археологіи обратить вниманіе французской публики на многочисленные памятники христіан-

скаго искусства, которыми такъ богата Франція, содѣйствовать къ уразумѣнію ихъ значенія и вообще пробудить, посредствомъ вопросовъ, касающихся искусства и христіанской древности, религиозный духъ въ этой странѣ. Не смотря на то, что статьи этого журнала не преслѣдуютъ строго-научной цѣли, и часто отличаются алерикальнымъ направленіемъ, участіе такихъ сотрудниковъ, какъ напр. извѣстный эмигрантъ Франціи Лебланъ, не можетъ не придавать научной цѣны этому изданію.

Въ первой книжкѣ помѣщена первая статья Графа Гримуара де Сень-Лорана объ иконографіи св. Іоанна Крестителя, въ которой автору источникомъ служили даже произведенія живописцевъ времени Возрожденія (renaissance), и начало интересной статьи каноника Ванъ-Дриала объ арабскихъ коврахъ. Статья аббата Обера: Histoire et théorie du symbolisme religieux (3-me article) весьма странна, чтобы не сказать еще болѣе.

Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie. Sixième année. Janvier et Février 1867. Bruxelles. C. Muquardt.

Официальное изданіе Бельгійскаго Правительства дастъ отчеты о реставраціяхъ старинныхъ зданій этой страны, о состояніи художественныхъ собраній, о путешествіяхъ, совершаемыхъ съ археологическою цѣлью хранителями коллекцій государства и т. п. Къ этому официальному отбѣлу присоединяются въ каждой книжкѣ журнала оригинальныя статьи, описывающія археологическія достопамятности Бельгіи. Статьи эти, въ слѣдствіе тщательной обработки, получаютъ часто значеніе и для читателей вѣнскихъ Бельгіи. Таковы въ первой двухтысячной книжкѣ нынѣшняго года двѣ статьи: Археологическая замѣтка по поводу печати римскаго окулиста, открытой въ Геерленѣ, между Ахеномъ и Мастрихтомъ, соч. Іоѳ. Абб (Jos. Nabets) и замѣтка о старинномъ вышиваніи (tapisserie), найденномъ въ раяѣ св. Ландри въ Сонь, статья Каноника Войзена, съ хронолитографическимъ рисункомъ. Въ первой авторъ воспользовался всѣми новѣйшими изслѣдователями, даже и нѣмецкими писателями, что довольно рѣдко встрѣчается у французскихъ авторовъ, для объясненія значенія надписей, нынѣ довольно многочисленныхъ, находящихся на печатяхъ римскихъ окулистовъ; во второй ученый каноникъ знакомитъ насъ съ чрезвычайно любопытнымъ и рѣдкимъ средне-вѣковымъ памятникомъ, который по стилю напоминаетъ намъ важныя и для русской археологіи (Тарис) ковры города Вауенъ, обыкновенно приписываемые королеви Матильдѣ, супругѣ Вильгельма Завоевателя.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЪ 6-Ю ВЫПУСКАМИ ВЪ ГОДЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ 6 ЛИСТОВЪ.

ЦѢНА ЧЕТВЕРТОМУ ВЫПУСКУ 1 Р. С.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги, ст. П. И. Срезневскаго (съ 5-ю рисунками); Лабарумъ Константина Великаго, ст. П. С. Казанскаго; Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ, ст. А. В. Брыкина; О греческой кормчей древняго состава, ст. арх. Амфилохія (съ рисункомъ); Для археологій каменнаго вѣка въ Россіи, статьи: П. Ревкина и А. А. Котляревскаго; (съ тремя политипажамі); Критика и библіографія, статьи: П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденція; Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ); Приложение: Засѣданія Московскаго археологическаго общества № 1, 2 и 3 (съ политипажамі).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ — статья члена общ. А. С. Уварова. (съ политипажемъ), Два надгробные камня, открытые на Таманскомъ полуостровѣ, — статья чл. общ. К. К. Гёрца (съ рисункомъ), Для исторіи древне-славянскаго наряда, — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгардта. Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, статья д. члена Д. О. Шеппинга (съ рисункомъ), Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей, — статья чл. о. Д. П. Сонцова (съ двумя политипажамі), Критика и библіографія, статьи чл. о. гр. А. С. Уварова о сочиненіи Пипера: „JOHANNES DER TÄUFER IN GRIECHISCHEN KUNSTVORSTELLUNGEN“, статьи: чл. о. К. К. Гёрца и д. чл. А. А. Котляревскаго; Археологическія извѣстія и корреспонденція, статьи: г. Падрена де Карне и А. А. Котляревскаго (съ четырьмя политипажамі); К. А. Морло, объ археологическихъ трудахъ его, — ст. д. чл. А. А. Котляревскаго. Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА:

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ — статьи дѣйств. чл. А. А. Потебни; О древностяхъ заволоцкой Чуди печорскаго края — статья дѣйств. чл. Э. И. Эйхвальда. Замѣтки по литературной археологій 1) бронтологій и астрологическія предвѣщанія 2) Гермесъ Трисмегистъ — статья дѣйств. чл. А. Н. Пыпина; критика и библіографія: ст. дѣйств. чл. А. Н. Афанасьева о сочиненіи *RUSTEL DE SOULANGES* — LA CITÉ ANTIQUE. статьи: дѣйств. чл. В. Е. Тизенгаузена, П. И. Лерха и чл. общ. К. К. Гёрца. Археологическія извѣстія и корреспонденція — статья дѣйств. чл. гр. Е. П. Тышкевича, П. И. Лерха, В. Е. Тизенгаузена и др. (съ четырьмя политипажамі)

Цѣна 1, 2 и 3-му выпуску по 1 руб. с.

Печатано по опредѣленію Общества.

Типографія Гречова и К^о у Пречистенскихъ воротъ д. Мидяковой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКОГО.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ.

рѣзная икона: „Премудрость созда себѣ домъ“ принадлежавшая Пинскому кнзю Федору Ивановичу Ярославичу, 1499—1522, — статья дѣйств. чл. графа А. С. Уварова (съ литографическимъ снимкомъ).	193—203
украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Дибромъ, возлѣ Михайловой горы,—ст. дѣйств. чл. М. А. Максимовича (съ изображеніями 45 стрѣлъ).	204—219
описание Кашпирскаго Благовѣщенскаго Симеонова монастыря, ст. дѣйств. чл. К. Н. Невоструева.	220—225
критика и библиография: о новыхъ сочиненіяхъ Пипера, Морри и Фиорелли, ст. дѣйств. чл. К. К. Герца.	226—234
археологическіе извѣстія и корреспонденція: письмо изъ Италіи, ст. В. Н. Виноградскаго; старыя деревянныя церкви Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, ст. А. Минха; находка монетъ, ст. дѣйств. ч. В. Е. Тизенгаузена.	235—240

МОСКВА.
1867.

Академія Надписей въ Парижѣ, съ Марта по Октябрь, были сдѣланы слѣдующія замѣчательныя сообщенія. Г. Ваддингтонъ прочелъ мемуаръ о портретахъ проконсуловъ Азии и Африки, встречаемыхъ на монетахъ. Изъ приведенныхъ авторомъ семи примѣровъ видно, что, во время правленія императора Августа, нѣкоторые проконсулы означившихъ выше странъ имѣли обычай чеканить свои изображенія на мѣстныхъ монетахъ. — Г. Венсенъ сообщилъ свои изслѣдованія о календарѣ Лигидовъ, изслѣдованія, которыя необходимы для точнаго опредѣленія времени происхожденія Кипопскаго декрета, недавно открытаго въ Египтѣ. — Г. де Ружъ представилъ Академіи замѣчательную эмальрованную египетскую вазу, на которой начертаны имена Фараона Аменхотиса III и его супруги царицы Таи. Ваза приобретена для Луврскаго Музея. — Г. Лешанъ показалъ десять фотографій со скульптуръ, найденныхъ въ развалинахъ одного стариннаго буддистскаго монастыря въ Индіи. — Г. Ленорманъ объяснилъ неизданныю пуническую надпись, открытую на островѣ Пантелларія (Коссура древнихъ). — Г. Ренанъ прочелъ мемуаръ о династїи Лизанія Абиденскаго. — *Corpus inscriptionum semiticaarum*, задуманный Академіею, былъ предметомъ обсужденія особой комиссіи, которая представила о немъ отчетъ и полный планъ надписей, которыя войдутъ въ его составъ. — Г. Брюне де Прель обратилъ вниманіе на нѣкоторые мѣста древнихъ писателей — землемѣровъ (*Agri-mensores* или *geomatistici scriptores*), изъ которыхъ явствуется, что древніе сооружали курганы, во внутренность коихъ клали угли, пепелъ и разбитые сосуды, для обозначенія межей и, что, слѣдовательно, не всѣ курганы подобнаго содержанія имѣютъ погребальное значеніе. — Г. Ленорманъ объяснилъ нѣсколько неизданныхъ гиміаритическихъ надписей. — Новая погребальная аллея была открыта въ департаментѣ Сены и Оазы и описана Г. Брюне де Прелемъ. — Г. де Вогюэ прочелъ весьма ученое изслѣдованіе о финикійскихъ надписяхъ, открытыхъ на островѣ Кип-

рѣ. — Для насъ весьма интересно письмо г. Альберта Дюмона въ Аѳинахъ, который сообщаетъ, что недавно въ Эпирѣ была найдена весьма тщательно писанная на хлопчатой бумагѣ рукопись, съ 40, подъ заглавіемъ *Μακκάριος Μήνυτος Ἀπο-κρίσις*. Ни одно изъ сочиненій этого церковнаго писателя не было издано и единственная рукопись этого отца церкви, существовавшая прежде въ библиотекѣ въ Венеціи, говорить, потеряна. Макарій жилъ во второй половинѣ третьяго вѣка по Р. Х. и новооткрытое сочиненіе этого одного изъ первыхъ христіанскихъ апологетовъ, вѣроятно, прольетъ новый свѣтъ на исторію Христіанства первыхъ вѣковъ. По повѣдѣнію извѣстіямъ эта рукопись снова затерялась. — Тотъ же самый Г. Дюмонъ сообщилъ фотографіи съ раскрашенной терракоты открытой въ Аѳинахъ, съ надписями, на которой изображена сцена оплакиванія покойника у гробовъ. Онъ же изучилъ собраніе древне-христіанскихъ надписей, находящихся въ музеѣ археологическаго общества въ Аѳинахъ. — Въ годичномъ собраніи Академіи Г. Миллеръ прочелъ статью о посольствахъ Михаила Пселлы въ узурпатору Псалуку Комнину. — Въ особомъ мемуарѣ, вполнѣ сообщаемомъ въ настоящемъ изданіи, Г. Ренанъ старается освободить отъ разныхъ нареканій Фаустину, супругу Императора Марка Аврелія. — Г. Оппертъ объяснилъ восемь неизданныхъ Карфагенскихъ надписей и кромѣ того, прочелъ обширный трудъ о сношеніяхъ Египта и Ассиріи по клинообразнымъ надписямъ, который будетъ напечатанъ въ изданіи Академіи: *Recueil des mémoires de savants étrangers*. — Г. Лопперрье описалъ неизданныю серебрянную византійскую монету, на которой находится изображеніе иконы Спасителя, существовавшей надъ вратами Халке, въ Императорскіи дворцѣ въ Константинополѣ. — Гг. Ренье и Лопперрье подробно объяснили римскую надпись, находящуюся на бронзовой дощечкѣ, открытой въ Испаніи, близъ Гибралтара. — Гг. Де Витте и Безе имѣли оживленный споръ о времени происхожденія колоссальной бронзовой статуи Геркулеса, недавно открытой въ театрѣ Помпея, въ Римѣ. — Г. Эдмеръ прислалъ замѣтку о неизданнымъ греческомъ папирусѣ изъ коллекціи Г. Райза. Вообще дѣятельность Академіи Надписей была весьма разнообразна и это учрежденіе съ честью поддерживаетъ свою престижную славу.

**РѢЗНАЯ ИКОНА: „ПРЕМУДРОСТЬ СО-
ЗДА СЕБѢ ДОМЪ“, ПРИНАДЛЕЖАВ-
ШАЯ ПИНСКОМУ КНЯЗЮ ФЕОДОРУ
ИВАНОВИЧУ ЯРОСЛАВИЧУ, 1499—1522.**

Въ первой части сборника: *Mélanges d'Archéologie, d'Histoire et de Littérature* (Paris. 1847 — 1849. 4°. pag. 127, planche XXV) описана и изображена рѣзная икона: «Премудрость созда себѣ домъ». Эта икона принадлежит графу Бланжи и весьма для насъ любопытна, какъ русскій памятникъ, имѣющій надпись, определяющую время, къ которому онъ принадлежитъ. Мы сперва обратимся къ этой надписи, вырѣзанной на верхней и на правой сторонахъ рамы самой иконы слѣдующимъ образомъ:

**СОФІИ ПРЕМУДРОСТЬ ОБЖІА ВРОБЛЕНА ПОВЕЛЕНІЕМЪ БЛАГОВѢРНА[ГО] КНЯЗІА
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ЯРОСЛАВЕ...**

Внизу самой иконы, на представленной скалѣ, вырѣзаны, между двумя выпуклыми линіями, слова:

+ попл
амж. ау(?)

Вѣроятно имя художника, сдѣлавшаго эту икону.

Къ описанію приложены два изображенія иконы въ настоящую ея величину; одно сдѣлано по способу г-на Кола; другое, чтобы яснѣе выразить надписи, гравировано чертою. Іезуитъ Кайе, издавшій этотъ памятникъ съ помощью какого-то русскаго, и согласно свѣдѣніямъ, находящимся въ описаніи рукописей Румянцовскаго Музея Востокова, опредѣлилъ очень вѣрно, кто былъ этотъ благовѣрный князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ. Дѣйствительно, разсматривая слогъ этой надписи и каллиграфическіе ея признаки, мы также убѣждаемся, что икона сдѣлана въ Литвѣ и въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

Во первыхъ, на надписи этой иконы мы встрѣчаемъ слово вроблена т. е. по южно-русски, гдѣ В часто произносится какъ У, вмѣсто уроблена, сдѣлана.

Сверхъ того ошибка въ словѣ: *солом* вмѣсто именительнаго *солома* ¹⁾; отсутствіе во всей надписи буквы *л*, пропускъ *ь* ²⁾ въ прилагательномъ благовѣрнаго и за-мѣна *ь* гласною *и* въ словѣ повеленіемъ вмѣстѣ повелѣньемъ, какъ на окладѣ евангелія В. Кн. Василія Дмитріевича 1432 года, могутъ также быть признаны за доказательства, что художникъ, вырѣзавшій надпись, жилъ на югѣ и не принадлежалъ къ числу уроженцевъ восточной части Россіи. Слово повеленіемъ, за исключеніемъ буквы *л*, написано здѣсь одинаковымъ образомъ, какъ на Сіонѣ, сдѣланномъ въ 1456 году при Іоаннѣ III.

За тѣмъ приступая къ разбору надписи со стороны палеографіи, надо теперь при-помнить рѣзкое различіе, существующее между палеографіею письменныхъ документовъ и палеографіею вещественныхъ памятниковъ, отъ чего необходимо сравнивать нашу надпись съ надписями на предметахъ русскаго издѣлія. При этомъ видя, какъ надпись нашей иконы изобилуетъ слитыми вмѣстѣ буквами, гласными и согласными, какъ напримѣръ: *пр*, *пъ*, *лѣ*, *лѣ*, *мъ*, *лѣ*, *лѣ* и проч. мы съ перваго взгляда узнаемъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ памятниковъ XV вѣка ³⁾. Доказательствомъ тому могутъ, между прочимъ, служить наши древнія монеты. На деньгахъ Дмитрія Донскаго начинаютъ показываться буквы слитыя вмѣстѣ, но тутъ онѣ попадаютъ еще какъ исключенія, между тѣмъ какъ на деньгахъ сына его Василія, и внука его Темнаго онѣ встрѣчаются такъ часто, что иногда въ одномъ словѣ бываютъ нѣсколько слитыхъ буквъ. Подъ конецъ XV вѣка онѣ встрѣчаются уже рѣже и совершенно исчезаютъ съ позднѣйшихъ монетъ Іоанна III Васильевича.

Тоже самое можетъ быть замѣчено и на деньгахъ удѣльныхъ князей, современныхъ этимъ правителямъ. На такомъ основаніи мы видимъ, что при сравненіи нашей надписи въ палеографическомъ отношеніи, мы должны руководствоваться памятниками XV вѣка, изъ которыхъ, самые важные для нашей цѣли суть слѣдующіе:

А) Платаница Митрополита Фотія въ Вознесенской церкви села Коломенскаго (Москва. 1864 Свящ. Павла Кроткова фотографической снимокъ).

В) Окладъ В. Князя Василія Дмитріевича 1432 года въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ (Древн. Р. Госуд. Отд. I. № 79. Фотографія, снятая въ монастырѣ).

С) Артосная панагія 1436 года въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора (Древн. Р. Госуд. Отд. I, № 54—58).

Д) Сіонъ или Іерусалимъ 1456 года въ Успенскомъ соборѣ (Древн. Рос. Госуд. Отд. I. № 60).

Е) Братина В. Князя Іоанна III Васильевича, вѣроятно принадлежала Іоанну IV. (Собр. Карабанова. Отд. II. рис. II. № 1).

Р) Сосудъ въ видѣ пѣтуха В. Князя Іоанна III Васильевича. (Древ. Рос. Госуд. Отд. V № 18).

6) Ковшъ царя Іоанна IV Васильевича. (Древн. Рос. Госуд. Отд. V. № 26.)

¹⁾ Ошибка *окжѣ*, вмѣсто *кожѣ*, могла произойти отъ недосмотра рѣшца.

²⁾ Miklosich. *Hexicon palaeosloven.* pag. 23. *благовѣрно*, *благовѣрьнъ*, *благовѣрънѣ*.

³⁾ Тутъ рѣчь не идетъ о вязи, которая составляетъ совершенно особый способъ съ отдѣльными правилами для изображенія и разстановки буквъ въ надписяхъ.

Н) Чаша царя Иоанна IV Васильевича въ Смоленскѣ (Древн. Рос. Госуд. Отд. I. № 69).

На всѣхъ этихъ памятникахъ мы найдемъ отличительной признакъ XV вѣка — слитыя буквы, и многія изъ тѣхъ, которыя находятся на надписи нашей иконы.

пр Находится какъ на окладѣ 1432 года, такъ и на панагіи 1436 года.

лѢ Вмѣсто этихъ буквъ, на Сіонѣ 1456 года встрѣчается лѢ.

мн На Коломенской плащаницѣ связаны вмѣстѣ мн.

На пѣтухѣ Иоанна III слитыя буквы лѢ напоминаютъ слитыя м нашей надписи.

Разсматривая теперь каждую букву отдѣльно, мы найдемъ: Буква м вырѣзана двоякимъ образомъ на нашей надписи: м и м. Второй видъ этой буквы встрѣчается на окладѣ 1432, на панагіи 1436, и въ словѣ марко на сіонѣ 1456 года, но на вещахъ времени Иоанна IV уже не попадаетъ; такъ что крайній срокъ употребленія этой формы буквы м слѣдуетъ опредѣлить концемъ царствованія Иоанна III, 1505 годомъ. Буква ѣ, въ той прямой формѣ, какъ она вырѣзана на надписи нашей иконы, не встрѣчается ни на памятникахъ XV, ни даже на позднѣйшихъ памятникахъ самаго XVII вѣка ¹⁾, почему мы должны признать ее или за отличительную черту палеографіи памятниковъ Западной Россіи, или объяснить ея форму тѣмъ, что самое вещество, изъ котораго вырѣзана наша икона, финиковое или смоковное дерево, не способно вырѣзаться тонкими загнутыми линиями, а болѣе удобно для прямыхъ очертаній.

Буква ҃, сдѣланная въ наклоненномъ положеніи, не походитъ на очертаніе этой же буквы на памятникахъ первой половинѣ XV вѣка. Тутъ она всегда отвѣсна и на вершинѣ правильно раздвѣивается прямыми или полукруглыми ровными чертами. Такой формы, какъ на надписи иконы, съ главною чертою, примыкающею не къ серединѣ, а къ правой верхней чертѣ, мы ее въ первый разъ встрѣчаемъ на сіонѣ 1456 года и на пѣтухѣ Иоанна III, откуда можно заключить, что такая буква ҃ была употребляема только со второй половины XV вѣка. Буква т, составленная изъ трехъ равныхъ черточекъ, не употреблялась въ надписяхъ, составленныхъ изъ заглавныхъ буквъ, и до конца XVI вѣка всегда предпочитали этой формѣ заглавное т. Только на шитой пеленѣ 1525 года, въ ризницѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря, мы видимъ въ надписяхъ, низанныхъ жемчугомъ, букву т на заглавной формѣ тремя чертами.

Буква л сдѣлана двумя различными очерками м и м, но очень схожими между собою. Эта форма встрѣчается на памятникахъ XV вѣка (окладъ 1432, сіонъ 1456), но иногда и съ другою формою л (панагія 1436 года), которая въ послѣдствіи получила предпочтеніе. Такимъ образомъ на крестѣ царя Иоанна IV 1560 года въ Архангельскомъ соборѣ ²⁾ старинное — м, замѣнено вездѣ болѣе новою формою въ видѣ буквы л съ чертою на серединѣ л.

¹⁾ Древн. Р. Госуд. Отд. V. № 28. Серебряная перечница царя Федора Иоанновича; Золотой ковчегъ царя Бориса Годунова. № 33. Чарна царя Василия Шуйскаго, Чарна Михаила Федоровича. № 42, Тарелка царя Алексѣя Михайловича.

²⁾ Солицевъ. Древн. Р. Госуд. отд. I. № 29.

Касательно правописанія имени Федора, мы должны замѣтить, основываясь на памятникахъ, что оно, вѣроятно, писалось безъ различія то съ буквою ѳ, то съ буквою ф. Такъ напримѣръ на шлемѣ В. Князя Ярослава Всеволодовича ¹⁾, это имя написано съ ѳ, а между тѣмъ на окладѣ евангелія 1432 и на другихъ позднѣйшихъ памятникахъ, оно пишется съ буквою ф.

Вообще палеографія надписи съ иконы: «Премудрость созда себѣ домъ» доводитъ насъ до заключенія, что этотъ памятникъ сдѣланъ не прежде 1456 (по буквѣ ѳ) и не позднѣе 1505 года.

Опредѣливъ такимъ образомъ эпоху нашего памятника, мы увидимъ, что къ этому времени принадлежитъ только одинъ князь Феодоръ Ивановичъ, а именно князь Пинскій Феодоръ Ивановичъ Ярославичъ. Всѣ другіе князья этого имени или жили прежде, или не имѣли причины называться Ярославичами или Ярославскими. Князь Феодоръ Ивановичъ, изъ младшей отрасли князей Ярославскихъ правилъ въ Мологѣ и назывался княземъ Моложскимъ ²⁾. Князь Феодоръ Ивановичъ Стародубскій, прозванный благовѣрнымъ, погибъ въ Ордѣ въ 1330 году. ³⁾ Другихъ князей этого имени, и жившихъ въ опредѣленное нами время отъ 1456 до 1505 года, не находится, за исключеніемъ князя Пинскаго. Свѣдѣнія объ этомъ князѣ находятся въ грамотахъ Литовскихъ, и хотя они довольно скудны, но все таки довольно ярко обрисовываютъ эту личность. Всѣ эти свѣдѣнія сосредоточиваются между 1499 и 1522 годами.

Князь Александръ — Олелько Слуцкій ⁴⁾ имѣлъ два сына. Старшій изъ нихъ Симеонъ, женатый на Маріи, взялъ себѣ «Кіевъ со всѣми пригородками и волостями кіевского повѣта». Младшій сынъ Михаилъ взялъ себѣ «Слуцкъ и Копыль со всѣми дворами и волостями Слуцкаго и Копыльскаго повѣта.» По смерти князя Симеона кіевского († 1471 г.), король Казимиръ Ягелловичъ отобралъ отъ вдовы его Маріи Кіевъ, и взамѣнъ далъ ей «въ хлѣбокормленье» городъ Пинскъ. Въ 1499 году (января 29) вдовствующая княгиня Марія съ дочерью своею княгинею Александрою, замужемъ за княземъ Феодоромъ Ивановичемъ Ярославичемъ, приноситъ жалобу королю и великому князю Александру Казимировичу на «дѣверича своего», на князя

¹⁾ Древн. Р. Г. Отд. III. № 4.

²⁾ Головинъ. Родословная роспись.
Св. Феодоръ Ростиславичъ Черный, князь
Смоленскій, потомъ Ярославскій † 1299.

Давидъ Феодоровичъ Ярославскій † 1321.

Михаилъ Моложскій 1362.

Карамз. IV, пр. 120.

Іоаннъ Моложскій.

Феодоръ Моложскій Ушатый

³⁾ Строевъ. Родосл. кн истор. Карамзина.
Всеволодъ большое гнѣздо † 1212.

Іоаннъ 1239.

Михаилъ 1281.

Іоаннъ Калистратъ † 1315.

Феодоръ благовѣрный

Карамз. IV. стр. 144. пр. 308.

Соловьевъ. Истор. III. стр. 293.

⁴⁾ Акты, относ. къ истор. Запад. Россіи I, прим. 25.

Семена Михайловича Слуцкого, желая отнять у него его удѣлъ Слуцкѣ и Копыль¹⁾. Изъ этой грамоты можно заключить, что около 1471 или 1472 года король отнялъ у вдовы князя Симеона Кіевскій удѣлъ, и что тогдаже отдалъ ей Пинскъ, а король Александръ Казимировичъ, вѣроятно, послѣ жалобы 1499 года, подтвердилъ даръ своего предшественника²⁾; но любопытно тутъ замѣтить, что городъ Пинскъ, которымъ великіе князья Литовскіе такъ свободно распоряжались, принадлежалъ князю Ивану Ярославичу, какъ видно изъ жалобы епископа Туровскаго и Пинскаго, на незаконныя распоряженія по этимъ городамъ князя Ивана и сына его Федора: «Билъ намъ (Сигизмунду!) чоломъ владыка Туровскій и Пинскій Іона и повѣдилъ передъ нами, штожъ братъ нашъ, славноѣ памяти Александръ король его милость и великій князь, судилъ предка его, владыку Туровскаго и Пинскаго Васіана съ княземъ Иваномъ Ярославичемъ и съ княземъ Федоромъ Ивановичемъ Ярославичемъ, оже они начали были ему кривды чинити и новины вводити»³⁾. Изъ этой грамоты можно заключить, что князь Иванъ Ярославичъ владѣлъ Туровымъ и Пинскомъ или что онъ владѣлъ только однимъ первымъ изъ этихъ городовъ, а потомъ уже сынъ его Федоръ, бракомъ своимъ съ княжною Александрою, присоединилъ Пинскъ къ отцовскому удѣлу; но тогда непонятно, отъ чего князь Федоръ при изчисленіи подвластныхъ ему городовъ не упоминаетъ о Туровѣ. Во всякомъ случаѣ видно, что дочь вдовствующей княгини Маріи вышла за сосѣдняго ей князя, который, съ своей стороны, посредствомъ этого брака возвратилъ себѣ городъ, утраченный, можетъ быть, его отцемъ княземъ Иваномъ Ярославичемъ. Самый же бракъ состоялся, по всѣмъ вѣроятіямъ, вскорѣ по приобрѣтеніи княгинею Маріею города Пинска, потому что уже въ 1509 году, князь Федоръ и супруга его Александра, не надѣясь болѣе имѣть дѣтей, завѣщали свои владѣнія королю Сигизмунду.⁴⁾ Княгиня Александра, прозываемая также Ольгою, въ нѣкоторыхъ грамотахъ, по ошибкѣ, вѣроятно, называется иногда Еленою; ибо нѣтъ причинъ предполагать, что князь Федоръ женился во второй разъ, тѣмъ болѣе что въ грамотахъ его всегда упоминается его супруга, какъ настоящая, послѣ матери своей, владѣтельница Пинскѣ. Въ жалобѣ, принесенной королю Александру мѣщанами Пинскими, князь Федоръ обвиняется, что «кривды чинилъ, и новины вводилъ и подводы на нихъ бралъ не постарому»⁵⁾. Эта грамота весьма любопытна, потому что показываетъ, какою властью пользовался князь Пинскій. Онъ управлялъ своими городами, какъ бы, подъ наблюденіемъ короля, которому могли приносить на него жалобы, хотя самъ король въ грамотѣ, данной мѣщанамъ Пинскимъ, ясно опредѣляетъ власть князя

¹⁾ Судная грамота. № 163.

²⁾ Судная грамота № 191. 1501 года. Іюня 10. Какъ далъ есмо ему (Федору Ивановичу) городъ Пинскъ и со всеми волостями Пинскими, и его княгини, дочкѣ князя Семена Олеговича, и ихъ дѣтемъ, потому какъ былъ далъ отецъ нашъ, король его милость (Казимиръ), тещи его княгини Семеновѣй, и мы листомъ нашимъ то есмо ему подтвердили у вѣстину.

³⁾ Жалованная подтвердительная грамота 1522 г. февраля 9. ч II. № 109.

⁴⁾ За вѣрную службу князя Федора, король Сигизмундъ даровалъ ему «и его княгини и ихъ дѣтямъ» отчину князей Галицкихъ подъ Клецкомъ и Виденую волость въ Новгородскомъ удѣлѣ. 1508 г. № 34 (Акты II).

⁵⁾ Грамота № 191. 1501 года.

Федора: «иже есмо дали ему тотъ городъ у вотчины, маєть его держати, тагъ какъ— то отчичь, прибавляючи и розширяючи, какъ то самъ налѣпѣй разумѣючи, какъ-то господарь отчинный свое имѣніе, подлугъ данины и листовъ отца нашего» и проч. Въ другой грамотѣ король прямо называетъ князя Федора: «господаремъ Пинскимъ держати ихъ (мѣщанъ) потому какъ бывало за великого князя Витовта и за Жигимонта и перво сего за отца нашего короля его милости.»¹⁾ Князь Федоръ выдавалъ грамоты отъ своего имени и отъ имени своей супруги, и сирѣчьмъ ихъ: «печатъ есмо свою привѣсили къ сему нашему листу»²⁾.

Вникая еще болѣе въ дѣйствія князя Федора, мы легко поймемъ, почему онъ удостоился отъ священника Ананія, поднесшаго эту икону «Премудрость созда себѣ домъ» прозванія благовѣрнаго князя. Во первыхъ, мы въ этомъ прозваніи можемъ видѣть знакъ, что князь Федоръ Ивановичъ остался вѣрнымъ православію, въ чемъ насъ подтверждаютъ и самыя его грамоты. Напримѣръ, отказною грамотою онъ даетъ островъ Пинскій въ вѣчное владѣніе Пинской церкви «на святого чудотворца Николу» и другой еще церкви Святаго Димитрія. Родъ свой онъ записываетъ въ синодикъ Печерскаго монастыря въ Кіевѣ, на мѣстѣ родины его супруги Олельки³⁾. Въ Ставецкую церковь св. Богоотецъ Іакова и Анны онъ съ супругою своею записалъ десятину⁴⁾. Кромѣ того мы, изъ другой грамоты, узнаемъ что онъ и отецъ его до такой степени усердны были къ православію и къ построенію церквей, что возбудили противъ себя жалобы епископа Іоны. Въ этомъ любопытномъ документѣ оба князья обвиняются въ томъ, что строятъ церкви и опредѣляютъ къ нимъ причты, не предупредивъ даже самаго епископа. «Церкви новыя безъ воли «и безъ благословенья его въ мѣстахъ нашихъ и по волостяхъ закладати и будовати, такъ же и попы до тыхъ церквей установляти и ими рядити, выимуючи ихъ съ послушенства владычного.» И въ доказательство, что всѣ построенныя новыя церкви были православныя, мы видимъ, что епископъ Іона проситъ короля: «и тые всѣ церкви, которые князь Ярославичъ безъ воли и безъ благословенья его побудовалъ, съ нопами и со всякими наданьями въ послушенство ему владыцѣ присудити рачилъ.»⁵⁾ Не смотря на излишнее, можетъ быть, усердіе князя Федора Ивановича, подобныя постройки, подобныя старанія для благолѣпія храмовъ, вполне оправдываютъ прозваніе благовѣрнаго, и въ особенности со стороны священника Ананія. Даже намъ кажется, что предметъ, избранный имъ: «Премудрость созда себѣ домъ» для подносной иконы князю, долженъ былъ аллегорически намекать на это усердіе къ православнымъ церквамъ.

Послѣ всего этого, намъ остается только обратить вниманіе на иконографическую сторону этого памятника.

¹⁾ Грамота № 190. 1501 года.

²⁾ Акты. I, № 227, II. № 103.

³⁾ Востокъ. Опис. Рук. М. стр. 580.

⁴⁾ Собр. древн. грам. и акт. Минской Губерніи. стр. 11 № 11.

⁵⁾ Акты. II. № 109. Февраля 9 Жалованная грамота Туровскому и Пинскому православному епископу Іонѣ.

Священникъ Ананій написалъ на своей иконѣ: «Софія Премудрость Божія», хотя собственно предметъ его иконы образуетъ особый отдѣлъ въ общей иконографіи св. Софіи, и—долженъ быть точнѣе опредѣленъ исключительнымъ названіемъ: «Премудрость созда себѣ храмъ.»

Въ исторіи христіанской иконографіи мы находимъ икону св. Софіи Премудрости Божіей въ числѣ самыхъ древнихъ. Обстоятельства такъ сложились, что всѣ они способствовали къ распространенію этой иконы. Съ начала IV вѣка императоръ Константинъ посвящаетъ Св. Софіи первый храмъ, воздвигнутый въ Царьградѣ. Въ послѣдствіи, а въ особенности съ XI вѣка, по всему почти христіанскому міру строятся церкви въ честь Св. Софіи. Между тѣмъ первые отцы церкви, начиная со II вѣка, толкуютъ и объясняютъ значеніе Премудрости, какъ свойство по преимуществу *σοφίας*, Божье. Съ такого же ранняго времени и христіанское искусство должно было послѣдовать за даннымъ направленіемъ, а съ этихъ поръ начинается постепенное развитіе иконографіи Св. Софіи Премудрости Божіей. Но вскорѣ также, какъ слѣдствіе богословскихъ толкованій, отъ главнаго типа Св. Софіи, иконографія отдѣлила иконы, изображающія нѣкоторыя особенности символическихъ толкованій о Премудрости. Такимъ образомъ произошелъ особый переводъ иконы: «Премудрость созда себѣ домъ», который изображаетъ намъ символическое значеніе этихъ словъ въ связи съ таинствомъ Воплощенія и съ таинствомъ Св. Причастія. Уже въ III вѣкѣ Св. Кипріанъ, Епископъ карфагенскій, толкуетъ въ этомъ смыслѣ первые стихи IX главы Притчей Соломона. «Также чрезъ Соломона Духъ Святый предначерталъ образъ жертвоприношенія Господня, указавъ не только на закланную жертву, на хлѣбъ и вино, но и на жертвенникъ и апостоловъ. Премудрость, говоритъ, созда себѣ домъ и утверди столповъ семь; закла своя жертвенная и раствори въ чаши своей вино и уготова свою трапезу. Посла своя рабы, созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ на чашу глаголющи: иже есть безуменъ, да уклонится ко мнѣ; и требующимъ ума рече: приидите, ядите мой хлѣбъ, и пійте вино, еже растворихъ вамъ» (Прит. IX, 1—5) «Говорится о винѣ растворенномъ, т. е. пророчески возвѣщается о чашѣ Господней, растворенной водою и виномъ съ намѣреніемъ показать, что въ страданіи Господнемъ совершилось то, что предварительно было предсказано» ¹⁾:

Еще подробнѣе изъясняется св. Аѳанасій, и въ особенности указываетъ на таинство Воплощенія ²⁾; когда истолковываетъ слова притчи, то придерживается одного толка съ св. Кипріаномъ. Наконецъ св. Анастасій Синайскій такъ наглядно толкуетъ слова Соломона, что по немъ, безъ сомнѣнія, созданы переводы иконы: «Премудрость созда себѣ храмъ.» Онъ изъясняетъ IX главу Притчей подробностями, что слова его передали и иконно образовали всю икону, какъ мы ее видимъ на произведеніи священника Ананія. ³⁾

¹⁾ Труды. Кіев. Дух. Академіи, годъ первый. Кн. I, (Кіевъ 1860 г) стр. 340—341.

²⁾ S. Athanasii Opp. (ed 1777) I, 405, 409, 509; Orat. II contra Arian, § 44, 50; Orat. IV. § 34. Твор. Св. Отцевъ. XIX, стр. 322, 330, 519. — De S. Trinit dialog. III. 25. t. II, p. 457. — Contra Maced. dial. I, 13 t. II, p. 481.

³⁾ S. Anastasii. Opp. Gretseri, tom. XIV. P. II p. 321.

Quaestio XLII. Prov. 9.

Quid est, Sapientia aedificavit sibi domum?

Responsio.

Christus Dei et Patris sapientia et virtus aedificavit sibi domum, nempe carnem; nam Verbum caro factum est, et habitavit in nobis. Et Joan. 1. fundavit columnas septem, nempe sancti Spiritus septenarium, ut dicit Esaias: Et quiescent super eum septem Spiritus Dei. Immolavit suas Esa. 11. hostias, nempe Prophetas, qui suo tempore perimebantur ab incredulis pro veritate, et clamabant: Propter te mortificantur tota die, aestimati Psal. 43. sumus tamquam oves occisionis. Miscuit in cratere vinum suum, quia in utero sacratissimae virginis divinitatem suam carni, tamquam vinum merissimum, univit et ex illa inconfuse Deus et homo natus est. Paravit mensam suam, nempe Trinitatis, quae annunciabatur, cognitionem. Misit servos suos, convocans illos elata voce: Si quis est parvulus, veniat ad me, minimum Apostolos, qui universum mundum ad agnitionem Dei advocarunt. Et insipientibus locuta est, nempe iis, qui nondem possidebant virtutem Sancti Spiritus: Venite, comedite panem meum, et bibite vinum, quod miscui vobis. Divinam suam carnem, et sanctum sanguinem dedit nobis comedendum et bibendum, in remissionem peccatorum.

Итакъ мы видимъ, что изъ первыхъ стиховъ IX главы Притчей Соломона, созданъ былъ особый переводъ иконы «Премудрость созда себѣ домъ.» Отличительность этой иконы сохранилась и въ русской иконографіи, отдѣльно отъ иконъ св. Софіи. Такимъ образомъ въ Новѣгородѣ мы видимъ иконы «Премудрость созда себѣ домъ», совершенно отдѣльно отъ общихъ иконъ св. Софіи; но если судить о древности по простотѣ и несложности рисунка, то икона нашего собранія, рѣзанная также изъ сиколоя и имѣющая на оборотѣ изображеніе собора Пресвятыя Богородицы, принадлежитъ къ первоначальнымъ переводамъ. По палеографіи она принадлежитъ къ концу XV вѣка и многія подробности этой иконы напоминаютъ самую древнюю христіанскую иконографію. Она по простотѣ и несложности рисунка кажется немного древнѣе иконы священника Ананія, при чемъ и простота надписей указываетъ на тоже самое. Сравнивая теперь эту икону съ толкованіями отцевъ церкви, видно, что художникъ приложилъ все стараніе свое, такъ сказать дословно передать рѣзцемъ значеніе словъ Соломоновыхъ, какъ они объяснены были, начиная съ св. Кипріана и до св. Анастасія Синайскаго. Общее расположеніе иконы такъ умно соображено, что выказываетъ прежде всего три главные предмета ея: слова Соломона, какъ основаніе всей иконы; таинство Воплощенія и таинство Св. Причастія, какъ главная цѣль толкованій отцевъ церкви. На лѣвой сторонѣ иконы храмъ въ стилѣ древнихъ базиликъ въ два яруса, украшенный семью колоннами. Передъ входомъ стоитъ царь Соломонъ, въ коронѣ; въ рукахъ онъ держитъ развернутый свитокъ, на которомъ уместилось только первое слово перваго стиха IX главы Притчей. Переходя за тѣмъ къ толкованіямъ, худож-

никъ представилъ Богородицу съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на волѣняхъ, въ большомъ кругломъ сіяніи, надъ которымъ изображены семь ангеловъ, каждый въ отдѣльномъ сіяніи и со свиткомъ, на которомъ стоитъ только одно слово: Духъ. За то у каждого изъ нихъ на свиткѣ стоитъ числительная буква, отъ а и до зъ. Эти семь духовъ напоминаютъ слова пророка Исаіи (XI, 2); «И почиетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія.» На самомъ верхнемъ углу иконы, возлѣ семи духовъ, видно поясное изображеніе святаго старца, св. Іоанна Дамаскина, какъ гласитъ надпись возлѣ него. Онъ лѣвою рукою

кз

держитъ свитокъ съ неясною надписью «(?)»; а правою рукою указываетъ на свитокъ.

па

Потомъ художникъ, передавая слова св. Кипріяна: «Черезъ Соломона Духъ Святый предначерталъ образъ жертвоприношенія Господня, указавъ не только на закланную жертву, на хлѣбъ и вино, но и на жертвенникъ и апостоловъ», изобразилъ подъ самымъ храмомъ, въ большомъ кругломъ сіяніи, Спасителя на престолѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ и съ потиромъ въ лѣвой. Тутъ же вырѣзана надпись: Божія сила, Божія мудрость, согласно толкованіямъ св. Игнатія Богоносца, св. Амвросія Медіоланскаго и блаженнаго Августина, разумѣвшихъ подъ словомъ Премудрость—Сына Божія¹⁾. На право отъ Христа, возлѣ самаго сіянія, стоитъ жертвенникъ съ потиромъ и съ хлѣбомъ, отиѣченнымъ крестомъ, что въ первыя времена христіанства называли хлѣбомъ *tetrà blasmos*. Къ жертвеннику подходили люди, изъ которыхъ первый благоговѣнно становится на колѣни передъ жертвенникомъ. Возлѣ жертвенника стоятъ апостолы и раздаютъ подходящимъ христіанамъ хлѣбъ и вино. Подъ самымъ изображеніемъ Спасителя «закланную жертву» художникъ выразилъ людьми, которыя закалываютъ тельцовъ. Телецъ, какъ извѣстно, считался всегда символомъ Спасителя. По ниже жертвенника, человекъ черпаетъ въ колодезь воду, и въ чашѣ протыгиваетъ ее къ апостоламъ. Тутъ ясно высказалось намѣреніе художника напомнить вѣрующимъ слова св. Кипріяна: «о чашѣ Господней растворенной водою и виномъ». Теперь, подробно описавъ нашу икону, посмотримъ на икону князя Федора Ивановича. Хотя общее расположеніе одно и то же, но мы замѣтимъ нѣкоторыя отступленія и нѣкоторыя уклоненія отъ первоначальнаго рисунка. На самомъ верху иконы нѣтъ изображенія св. Іоана Дамаскина, а на свиткахъ семи духовъ написаны какія-то неясныя слова. Іезуитъ Кайе²⁾ говоритъ, что изъ этихъ непонятныхъ словъ, можно приблизительно догадываться, что они относятся къ 23 стиху 2 главы Соломоновой книги Премудрости. Если допустить тутъ предположеніе, по невозможности прочтенія словъ, то скорѣе можно искать намека на 10 стихъ девятой главы Притчей: «Начало премудрости — страхъ Господень». Форма зданія, представленнаго возлѣ Царя Соломона, не только не напоминаетъ древнія базилики, но даже не походитъ на церковь. Вокругъ сіянія Богородицы написанъ 4 гласъ послѣ тропаря воскреснаго

¹⁾ Евгений. Опис. Кіевскаго собора (изд. 1825) стр. 18.

²⁾ Mélanges. pag. 433.

Богородиченъ: «Еще отъ вѣка утаенное»... Надпись вокругъ сіанія Спасителя еще болѣе объясняетъ намъ желаніе художника и показываетъ, какъ онъ постоянно руководствовался толкованіями св. Епифанія. Священникъ Ананія вырѣзалъ тутъ подлинныя слова изъ Притчей: «Закла своя жертвенная и раствори въ чаши своей вино и угодова (Премуд. IX. 2)»... Не умѣстившееся слово «свою трапезу» замѣняется самымъ изображеніемъ жертвенника. Надъ всею этою сценою, старикъ, безъ сіанія вокругъ головы, держитъ свитокъ, на которомъ, по видимому написано: «Посла свои рабы» и проч. Многія надписи этого памятника остаются для насъ неясными, потому что приложенная гравюра по системѣ Кола, передаетъ ихъ нечетко и совершенно неразборчиво. Между тѣмъ какъ другая, изображенная чертою гравюра, не представляетъ намъ никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя насъ бы убѣдили, что она правильно передаетъ то, что написано на иконѣ. Напротивъ того, мы должны остерегаться впасть въ ошибку и, къ несчастію, совсѣмъ не можемъ положиться на вѣрность срисованныхъ надписей, судя по всему направленію статьи Іезуита Кайе, который стараясь изъ описанія археологическаго памятника сдѣлать полемическую статью противъ Православія русской церкви. Мы, по справедливости, вполнѣ должны удивляться ловкости и изворотливости ума Іезуита Кайе; но именно эти качества отнюдь не располагаютъ насъ вѣрить его справедливости или его добросовѣстности.

Послѣ описанія этихъ двухъ памятниковъ, если мы рассмотримъ тѣ древнія иконы одинаковаго перевода: «Премудрость созда себѣ домъ», которыя находятся въ разныхъ церквахъ Россіи, то увидимъ, что хотя общій составъ этого перевода постоянно усложнялся, но все таки общее его расположеніе, согласное съ толкованіями отцовъ церкви, оставалось постоянно одно и тоже въ главныхъ основныхъ чертахъ. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ¹⁾ стоитъ древняя икона: «Премудрость созда себѣ домъ», на которой вверху представленъ Господь Вседержитель, окруженный святыми; подъ изображеніемъ Господа, Духъ Святой въ видѣ голубя; отъ него идутъ лучи съ надписями: «премудрость, совѣтъ, разумъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе, страхъ Божій»; по сторонамъ ангелы. Подъ изображеніемъ Духа Святаго распятіе съ таинствами вокругъ него; около надписей о таинствахъ, въ десяти мѣстахъ, разные лики святыхъ, а на нижней части Апостолы. Тутъ иконографія разширила древнія толкованія и вмѣсто одного таинства изобразила всѣ семь. Въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, въ Крестовоздвиженской церкви, такая же почти икона, но на ней особенно указывается на семь даровъ Духа Святаго. Въ срединѣ распятіе съ разбитыми указаніями на вѣру, любовь и надежду, на семь таинствъ и на семь соборовъ. Любопытно при этомъ замѣтить, въ доказательство, какъ символическія толкованія и иконы всегда были на памяти у нашихъ предковъ, что въ опроверженіе Флорентинскаго собора, между прочимъ, писали слѣдующее: «и того мы собора не хотимъ и слышати, отринувены отъ Бога и отъ четырехъ Патріархъ, но будемъ держати Седмъ Святыхъ Соборъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ, въ тѣхъ бо благоволи Богъ, яко же рече: «Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столповъ седмъ»; явѣ жь есть седмъ со-

¹⁾ Макарий. Археол. описаніе древн. въ Новгородѣ. II. стр 122—123.

боръ святыхъ Отецъ и семь вѣтъ доводяще до будущаго вѣка, по Богослову Іоанну ¹⁾). Вотъ что писали Архіепископу Геннадію въ Новгородъ, гдѣ всегда изобил-
ловали иконы Премудрости и гдѣ главный храмъ посвященъ былъ св. Софіи.

Въ другомъ Новгородскомъ монастырѣ, въ Кирилловѣ, въ церкви св. Кирилла и
Авванасія Александрійскихъ, находится икона, по переводу, всѣхъ ближе подходящая
къ описаннымъ намъ иконамъ. Надъ Софіею надпись: Божія сила и Божія мудрость,
а окружающіе святыя подаютъ чаши; между Софіею и Божіею Матерью Соломонъ со
свиткомъ: «Премудрость созда себѣ домъ».

Наконецъ въ моемъ собраніи находится икона, тоже достойная вниманія, потому
что на ней соединены два главные мотива. Подъ изображеніемъ св. Софіи, по Новго-
родскому переводу, изображенъ жертвенникъ съ чашею и хлѣбомъ, вокругъ котораго
стоятъ Апостолы.

Порѣчь. Октябрь. 1867.

Гр. А. Уваровъ.

¹⁾ Агты Истор. Т. I. стр. 523. № 286 отъ 1491 года. Въ этомъ актѣ, какъ на иконѣ свя-
нна Ананія, слово «домъ» замѣнено словомъ «храмъ».

УКРАИНСКІЯ СТРЕЛЫ

древнѣйшихъ временъ,

СОВРАНИИ НАДЪ ДНѢПРОМЪ, ВОЗЛѢ МИХАЙЛОВОЙ ГОРЫ.

„Се вѣтри, Стрибоги внуци, вѣютъ
съ моря стрѣлами....“

Изъ слова о полку Игоревѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Небольшая усадьба Михайлова-Гора, основанная мною 1837 года, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, надъ селомъ Прохорѣвкою, уѣзда Золотоношскаго, — противъ того мѣста, гдѣ съ правой стороны Днѣпра впадаетъ въ него рѣка Рось. Тамъ, возлѣ урочища Княжой-Горы, былъ нѣкогда бѣдовый городъ Родня, извѣстный осадою Ярополка Владиміромъ 980 года. Здѣсь, противъ устья Роси, впадаетъ въ Днѣпръ судоходный рукавъ его, называемый Козаркою, а на сѣверъ отъ Михайловой-Горы лежатъ вдоль Днѣпра песчаные холмы и розсыпи. Въ этихъ пескахъ, и особенно во-кругъ долины Савранки встрѣчаются иногда наконечники древнихъ стрѣлъ, называе-мые здѣсь плѣщиками. Я собиралъ ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, и у меня набралось ихъ уже болѣе сорока особыхъ видовъ и разностей.

Объ нихъ я упоминалъ еще въ 1848 году, въ моей Бубновской Сотнѣ ¹⁾, и говорилъ тамъ: «дойдетъ ли наша наука о древностяхъ до того, чтобы по этимъ стрѣ-ламъ могла она угадывать воевавшіе ими народы и вѣкъ войны, подобно тому, какъ испытатель природы, по одному ископаемому зубу, опредѣляетъ цѣлое животное и періодъ его бытія на землѣ».

Нынѣшнимъ лѣтомъ я составилъ небольшую велографію или описаніе всѣхъ михайло-горскихъ стрѣлъ и нѣсколькихъ однородныхъ съ ними, найденныхъ въ Ук-раинѣ западной или правобережной. А чтобы яснѣе видны были отличительныя при-мѣты описанныхъ мною стрѣлъ, сдѣланы рисунки съ нихъ, снятые въ мѣру подлин-никовъ.

¹⁾ Напечатана въ Журналѣ мин. внутр. дѣлъ 1848—1849 г.

Въ числѣ михайло-горскихъ стрѣлъ нашлось — красножѣдныхъ и бронзовыхъ 44 вида, кремневыхъ 1 видъ, и только одна стрѣла желѣзная (четырёхгранная). Очевидно, что здѣшнія стрѣлы принадлежатъ временамъ, бывшимъ задолго до истекшаго тысячелѣтія Русской исторической жизни и составляющимъ собою такъ-называемый періодъ бронзовый. Тутъ возникаетъ неизбежный вопросъ: въ какіе-же вѣка былъ тотъ періодъ на Украинѣ-Днѣпровской?... Но разграниченіе періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, кажется, еще не установилось окончательно у подвижниковъ археологіи доисторической. Ихъ рѣшенію подлежатъ и этотъ вопросъ; а пока оно состоится, я предложу слѣдующія замѣчанія о собранныхъ мною стрѣлахъ.

Прежде всего надо было привести ихъ въ порядокъ, по степенямъ ихъ взаимнаго ходства. И многообразный разрядъ жѣдяный или бронзовый распредѣлился у меня въ два отряда (*tribus*) и восемь родовъ, которымъ далъ я слѣдующія имена:

Отрядъ I. Крюкастыя (*Uncinatae*).

- Родъ 1. Двубокія (*Aucipites*). 3.
— 2. Трехбокія (*Trilaterae*). 4.

Отрядъ II. Трехгранныя (*Triquetrae*).

- Родъ 3. Пирамидальныя (*Pyramidatae*). 1.
— 4. Желобленныя (*Alveatae*). 12.
— 5. Борытчатая (*Lintratae*). 10.
— 6. Бороздчатая (*Sulcatae*). 6.
— 7. Значковыя (*Signatae*). 7.
— 8. Гладкія (*Glabrae*). 1.

44.

Вслѣдъ за тѣмъ надо было сличить здѣшнія стрѣлы съ найденными въ другихъ мѣстахъ Украины. Но въ отношеніи къ древностямъ доисторическимъ Украина восточная оставалась до нынѣ — полемъ незнаемымъ: гораздо болѣе изслѣдована Украина западная, имѣющая на своей сторонѣ всю выгоду просвѣтительнаго Кіева. Тамъ, въ университетскомъ музеѣ древностей, есть уже, между прочимъ, и небольшое собраніе древнихъ стрѣлъ, преимущественно украинскихъ. Я осмотрѣлъ ихъ въ іюнѣ сего года и оказалось, что на правой сторонѣ Днѣпра найдены уже стрѣлы всѣхъ вышеозначенныхъ восьми родовъ жѣдянаго разряда, и только этихъ родовъ (не говорю о стрѣлахъ разряда желѣзнаго). Что же касается до ихъ видовъ и разностей, то изъ 44-хъ михайло-горскихъ, нашлось и тамъ 24 тѣхъ-же самыхъ, а прочіе 23 вида остаются пока извѣстными мнѣ только отсюда и составляютъ особенность здѣшней мѣстности. Но и между западноукраинскими стрѣлами замѣтилъ я 10 видовъ, какихъ не нашлось въ пескахъ михайло-горскихъ. Эти числа легко могутъ измѣниться при дальнѣйшихъ находкахъ; въ настоящую-же пору итогъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ украинскихъ стрѣлъ жѣдянаго разряда состоитъ въ пятидесяти-четыре-хъ видахъ и разностяхъ, въ томъ числѣ — 9 изъ отряда крюкастыхъ и 45 изъ отряда трехгранныхъ.

Нельзя не признать, что на стрѣлахъ перваго отряда лежить отпечатокъ особенности племени, не того, отъ котораго остался на Украинѣ многочисленный отрядъ второй. Постоянное нахождение трехгранныхъ стрѣлъ въ древнѣйшихъ украинскихъ могиллахъ, начиная съ знаменитой могилы Перипетіи, свидѣтельствуетъ о принадлежности ихъ преимущественно насельникамъ здѣшняго края; а стрѣлы крюкастыя надо отнести къ иноплеменнымъ находникамъ на землю украинскую.

Красномѣдная пирамидальная стрѣла, очевидно, составляютъ старѣйшій родъ въ отрядѣ трехгранныхъ; а бронзовыя стрѣлы остальныхъ пяти родовъ составляютъ въ немъ младшее поколѣніе. Многіе виды этихъ пяти родовъ отличаются весьма отчетливою и красивою, прямо сказать, греческою работою, и притомъ разныхъ стилей или пашивовъ. Это даетъ намъ знать, что большинство здѣшнихъ бронзовыхъ стрѣлъ принадлежитъ не къ первоначальной, а уже къ дальнѣйшей и цвѣтущей порѣ бронзоваго періода. Тоже показываетъ и составъ ихъ, изслѣдованный, по моей просьбѣ, кievскимъ профессоромъ химіи И. А. Тютчевымъ: онѣ вылиты изъ сплава мѣди съ оловомъ и цинкомъ, или съ однимъ цинкомъ — металлъ, котораго не было въ бронзѣ первоначальной.

Для окончательнаго соображенія объ украинскихъ стрѣлахъ надо было еще сравнить ихъ съ находимыми въ другихъ краяхъ Россіи и въ странахъ западноевропейскихъ. Къ сожалѣнію моему, я не имѣлъ случая ознакомиться съ ними, даже и по книгамъ. Были у меня въ небольшомъ числѣ только стрѣлы ольвійскія и пантикапейскія, — и я нашелъ, что наши трехгранные стрѣлы однородны съ ними, а нѣкоторыя и совсѣмъ одинаковы. Такъ Чигиринская красномѣдная стрѣла нумера 11-го — одинакова съ найденною въ Керчи, въ бытность мою тамъ 1836 года. Такъ михайлогорскія бронзовыя стрѣлы нумера 28-го — одного вида съ стрѣлою изъ Царскаго-кургана, донынѣ у меня сохранившеюся, какъ память керченскаго археолога Ашика.... Не есть-ли это прямое указаніе на племя и время для нашихъ стрѣлъ украинскихъ?

Не сомнѣваюсь, что производство трехгранныхъ стрѣлъ, находимыхъ на мѣстахъ древней Пантикапеи, Ольвіи и другихъ эллинскихъ городовъ того края ¹⁾, принадлежало милетскимъ и другимъ выходцамъ, селившимся въ Тавридѣ и въ сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря, — что имъ же принадлежало и торговое распространѣніе тѣхъ стрѣлъ у сосѣднихъ народовъ, особенно у своихъ землевладѣтелей Скиновъ. Такъ и большинство здѣшнихъ трехгранныхъ стрѣлъ, особенно тѣ виды ихъ, какихъ не найдется между стрѣлами эллинопонтійскими, надо отнести къ мастерству тѣхъ Эллиновъ, которые жили нѣкогда на землѣ украинской. Вотъ первое наслѣдіе нашей страны отъ древней Эллады, перешедшее сюда вмѣстѣ съ ея переселенцами! Старѣйшими изъ нихъ были Гелоны, которые отдѣлились отъ приморскихъ Эллиновъ и

¹⁾ Я сказалъ здѣсь о другихъ городахъ, основываясь на словахъ знатока понтійскихъ древностей Н. Н. Мурзаневича, который, перечисляя свои находки на знаменитомъ нѣкогда Ахиллесовомъ островѣ, упоминаетъ о четырехъ мѣдныхъ наконечникахъ стрѣлъ, „такихъ, какіе попадаются на мѣстахъ, гдѣ были Пантикапея, Ольвія и другіе эллинскіе города“. См. его „Поѣздка на островъ Левки или Фидосіи, въ 1841 году“ въ 1 томѣ записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей. 1844 г.

прижились къ здѣшнимъ Будинамъ, составлявшимъ собою «народъ великій и многочисленный», по выраженію Геродота. Изъ его сказаній видно, что Будины и Гелоны не отказались помогать Скивамъ, при нашествіи на нихъ Дарія I-го, сына Гистаспова, за то заплатились ему своимъ городомъ Гелоносомъ.... Вотъ этимъ знаменитымъ, хотя и неудачнымъ нашествіемъ персидскаго царя, бывшимъ за 508 лѣтъ до Р. Х. и составляющимъ историческую эпоху въ бытіи нашей украины, — и можно, мнѣ кажется, означить приблизительно средину бронзоваго періода на берегахъ днѣпровскихъ.

Само собою разумѣется, что отъ семисотъ-тысячнаго войска, съ которымъ Дарій гонялся за скивами, заронилось немало стрѣлъ и въ землѣ приднѣпровской. Хотѣлъ бы я знать теперь, какими стрѣлами вооружались древніе Персы, и сличить съ ними находимыя здѣсь мѣдяныя стрѣлы перваго отряда, чтобы сказать себѣ хотя отрицательно, что онѣ не персидскія. Тоже я сказалъ бы о нихъ, еслибы зналъ, что онѣ разсыяны и по русскому сѣверо-востоку, куда не могли заходить полчища персидскія.

Мое описаніе украинскихъ стрѣлъ называлъ я велографіею — отъ греческаго слова *βέλος*, стрѣла — заявляя этимъ именемъ научную потребность сравнительнаго и подробнаго изслѣдованія о всѣхъ стрѣлахъ, какими засѣвалась Русская земля во всѣхъ концахъ ея, съ незапамятныхъ временъ. Неизвѣстно, какимъ столѣтіемъ окончился бронзовыи періодъ въ Украинѣ днѣпровской; Русское тысячелѣтіе было уже продолженіемъ періода желѣзнаго: «Лѣтять стрѣлы каленыя — трещать копія харалужныя».

Въ образецъ старѣйшихъ русскихъ стрѣлъ, я указалъ бы на тѣ, которыми обстреляно было дно въ коростенской могилѣ Игоря Рюриковича, 945 года; но мнѣ неизвѣстно, куда дѣвались изъ Кіева тѣ желѣзныя стрѣлы, вырытыя г. Петровскимъ.

Въ кіевскомъ университетскомъ музеѣ древностей хранятся (подъ номерами 325 и 326) двѣ желѣзныя стрѣлы, вырытыя г. Ставровскимъ изъ Овруцкой могилы Олега Святославича. Не знаю только, въ которомъ году зашли онѣ въ ту могилу: въ 977-мъ, когда погребали Олега, — или въ 1044-мъ, когда были выгребены кости Олега и Ярополка, для крещенія ихъ въ Кіевѣ, — или еще позднѣе?

Поискать-бы древнихъ русскихъ стрѣлъ еще въ Люблинѣ. Волинская лѣтопись, извѣщая объ осадѣ этого города Даниломъ и Василькомъ Романовичами въ 1245 г., говоритъ такъ: «мечущимъ-же пращамъ и стрѣламъ яко дождю идушу на градъ ихъ, и увѣдѣше Ляхове, яко крѣпчѣе брань руская належитъ, начаша просити милость получить».

Вооруженіе стрѣлами на Украинѣ, какъ и во всей Руси, продолжалось еще и въ XVII-мъ вѣкѣ. Для того и были тогда въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, между цеховыми людьми, лучники и стрѣльщики. Оттудаже и приблизительная мѣра земли — «якъ изъ лука стрѣлою кинути» — бывшая здѣсь въ ходу еще и въ началѣ прошлаго столѣтія.

И ни одной русской каленой стрѣлы, ни древней, ни поздней, еще не встрѣтилось мнѣ въ здѣшнихъ пескахъ,—какъ будто вѣтры стрибжи-виуци уже и не вѣяли сюда стрѣлами, съ появленія Оскольда и Дира на берегахъ днѣпровскихъ!

Въ нижеслѣдующемъ описаніи стрѣлъ, означены нумерами только тѣ, которыя находятся въ моемъ собраніи. Звѣздочкою отмѣчены тѣ изъ нихъ, которыя нашлись только въ здѣшнихъ пескахъ и еще неизвѣстны мнѣ изъ другихъ мѣстъ; а прибавочные къ нимъ виды западно-украинскіе означены крестикомъ.

Разрядъ I: стрѣлы кремниевыя.

Въ прежніе годы находили ихъ въ здѣшнихъ пескахъ часто, и онѣ шли вмѣсто обыкновенныхъ кремней, для кресанія огню¹⁾; черезъ это онѣ мало по малу утратились, избитыя огнивыми, и теперь составляютъ здѣсь большую рѣдкость. Всѣ онѣ были, кажется, одного вида — триугольныя. Кремневая стрѣла попадаетъ иногда и въ Западной Украинѣ, но мнѣ не случилось ихъ видѣть.

№ 1. Въ моемъ собраніи находится здѣшняя стрѣла изъ темнубураго кремня, триугольная, вѣсомъ 38 гранъ. На нижнемъ, вогнутомъ ея краю нѣтъ и не было шейки, и она прямо этимъ краемъ ущемлялась въ древно.

Р. 1.

Этого же вида кремневая стрѣла, принадлежащая музею академіи ирландской, изображена въ книгѣ Джона Люббока, изданной нынѣшняго 1867 г. въ Парижѣ, во французскомъ переводѣ Барбье, подъ заглавіемъ: *L'homme avant l'histoire*. (См. фиг. 90).

Разрядъ II: стрѣлы мѣдныя.

Стрѣлы этого многочисленнаго и господствующаго здѣсь разряда вылиты иногда изъ красной мѣди, но гораздо чаще изъ мѣднаго сплава или бронзы. Шейка у всѣхъ ихъ трубчатая, въ которую вправлялось древно²⁾.

¹⁾ Въ здѣшней народной цѣснѣ кремни идутъ въ подобіе ворогамъ:

Ой выйду я, подивлюся,
Якъ на горѣ кремні кремуть;
Ой выйду-ть я, послухаю,
Якъ про мене ворогі брешуть.

²⁾ При мѣднанныхъ стрѣлахъ, вырванныхъ изъ древнихъ могилъ, находится иногда кусочекъ древна. У меня была стрѣла изъ Царскаго-пургана съ уцѣлѣвшимъ кусочкомъ древна, испещреннаго красными и золотеными полосами. Обычай золотить древно для стрѣлъ царскихъ и ханскихъ велелъ и въ позднѣйшіе вѣка. Такъ въ словѣ о полку Игоревѣ, половецкій ханъ Гза говорить Кончану: „соколича рострелявѣть своими злачеными стрѣлами“.

Я раздѣлилъ ихъ на два отряда: на Крюкастыя (Uncinatae) и Трехгранныя (Triquetrae); а для общаго ихъ имени избралъ церковнославянское слово мѣдяны й, равно идущее къ мѣди и бронзѣ. (Такъ въ 3-ей книгѣ Царствъ: «И отецъ его (Хирама) бѣ мужъ Тиринъ, дѣлатель мѣди, и исполненъ художества и разума и вѣдѣнія, еже дѣлати всяко дѣло мѣдяное; и приведоца его къ царю Соломону, и сотвори вся дѣла». 2, 14).

Отрядъ I: Стрѣлы крюкастыя.

Однѣ изъ нихъ двубокія, красномѣдныя, другія требокія, бронзовыя; у всѣхъ края боковъ внизу сѣуженные и направленные къ шейкѣ. Особенность ихъ состоитъ еще въ томъ, что у большей части ихъ находится загнутый внизъ крючекъ, сидящій снизу одного бока и продолженный ниже шейки; впрочемъ, онъ легко отламывался, и отъ него остается обыкновенно только пенѣкъ, болѣе или менѣе выдавшійся. Есть, однакоже, въ этомъ отрядѣ два вида стрѣлъ, которыя и вылиты были безъ крючка (можетъ быть, по случайному изъяну литейной формы).

Родъ I: *Ancipites* (Ancipites).

Шейка у нихъ продолжается до конца всей стрѣлы круглымъ валкомъ, по бокамъ котораго двѣ пластинки, что даетъ стрѣлѣ видъ древеснаго листка. Всѣ онѣ красномѣдныя.

Р. 2.

Р. 3.

Р. 4.

Видъ 1. — угластая, съ боками выдавшимися угласто. Тутъ двѣ разности:

№ 2.—а) большая, вѣсомъ 1 драхма 42 грана. (См. рис. 2) найдена здѣсь одна. Встрѣчаются на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, въ уѣздахъ Хорольскомъ и Чигиринскомъ.

† № 3.—б) малая, вѣсомъ 35 гранъ. Изъ у. Чигиринскаго.

№ 4.—Видъ 2: Дв. округлая съ крючкомъ; вѣсомъ 1 др. 1 гр. (См. рис. 3). Находятся и въ уѣздахъ Чигиринскомъ, Таращанскомъ. Здѣшняя слегка согнута верхнею половиною.

№ 5.—Видъ 3: Дв. округлая безъ крючка; вѣсомъ 1 др. 6 гр. (См. рис. 4). Нашлись и въ у. Чигирин., Таращанскомъ.

Родъ II: Трѣхбоки (Trilaterae).

Съ тремя боками, по краямъ сплюснутыми и выдавшимися, а по срединѣ вдоль глубоко выжелоблеными. Вылиты изъ бронзы, но работы грубой (за исключеніемъ третьяго вида).

Р. 5.

Р. 6.

Р. 7.

Р. 8.

№ 6.—Видъ 1: Тр. протяженная, съ крючкомъ; края боковъ въ концѣ и внизу скругленные; вѣсомъ 1 др. 38 гр. (См. рис. 5). Найдены и въ у. Чигирин., Звенигородскомъ. Попадаются умаленныя точеніемъ (1 др. 8 гр.).

+ № 7.—Видъ 2: Тр. протяженная, безъ крючка; на всѣхъ трехъ бокахъ, подѣ-конецъ валки, идутъ врозь по стѣнкамъ желобка двѣ выпуклыя жилки; вѣсомъ 1 др. 38 гр. (См. рис. 6). Найденная въ Западной Украинѣ, получена мною отъ М. В. Юзефовича.

* № 8.—Видъ 3: Тр. заостренная, вѣсомъ 51 гр. (См. рис. 7). Найдена здѣсь одна.

Видъ 4: Тр. укороченная, съ головкою овальною, шейкою длинною. Тутъ двѣ разности:

* № 9.—α) съ крючкомъ подѣ самымъ бокомъ; вѣсомъ 46 гр. (См. рис. 8). Найдена здѣсь одна.

№ 10.—β) съ крючкомъ, сидящимъ пониже бока; вѣсомъ 49 гр. Шейка одной длины съ головкою.—Нашлась и въ у. Чигиринскомъ.

Отрядъ II: Стрѣлы трехгранныя.

Всѣ онѣ о трехъ бокахъ триугольныхъ, рѣзко отдѣленныхъ отъ шейки. Большая часть ихъ вылита изъ бронзы разнаго состава, и только стрѣлы перваго, малочисленнаго ихъ рода всегда красномѣдныя.

Родъ III: Пирамидальныя (Pyramidatae).

Красномѣдныя и самыя полновѣсныя между стрѣлами трехгранными; складомъ и работою онѣ грубѣе бронзовыхъ, не такъ остры, и отличаются еще шейкою крѣпкою, длинною въ полголовки.

† № 11.—Видъ 1: П. запалая, съ боками глубоко и полукругло выжелобленными; валомъ отъ шейки идетъ до половины желобка; вѣсомъ 1 драхма 49 гранъ. (См. рис. 9) Найдены въ уѣздѣ Чигиринскомъ и въ Берчи.

Р. 9.

Р. 10-а.

Р. 10-б.

Р. 10-в.

* № 12.—Видъ 2: П. разнобокая, съ валкомъ, идущимъ до половины боковъ, между двухъ закругленныхъ въ концѣ желобковъ, которые — на одномъ боку соединены дужкою надъ валкомъ, на другомъ боку ничѣмъ не соединены, на третьемъ также раздѣльны, а надъ валкомъ есть круглая впадинка съ выпуклою вдоль ея черточкой. (См. рис. 10 а, б, в). Найдена въ здѣшнихъ пескахъ одна, вѣсомъ 1 драх. 31 гранъ.

† Видъ 3: П. двуструйная съ двумя продольными короткими бороздками внизу гладкихъ боковъ. Такова стрѣла, найденная въ могилѣ Перипетіхъ¹⁾ (при ея разрытіи 1845 года, г. Иванишевымъ) и хранящаяся въ кievскомъ музеѣ древностей подъ номеромъ 330. Рисунокъ съ нея находится на 6 таблицѣ въ Древностяхъ, изданныхъ 1846 года кievскою временною комиссіей. (Рисунки другихъ пяти западноукраинскихъ стрѣлъ находятся въ Обзорѣни могилъ и валовъ кievской губерніи, изданномъ на русскомъ языкѣ И. И. Фундуклеемъ, 1848 года. Къ сожалѣнію, съ того года я не видалъ уже этой книги, первоначально составленной на польскомъ языкѣ М. А. Грабовскимъ и потомъ имъ изданной, съ тѣми же фундуклеевскими рисунками).

Родъ IV: Желобчатые (Alveatae).

На бокахъ идутъ вдоль краевъ двѣ бороздки, сходящіяся подъ-конецъ стрѣлы въ одинъ остроконечный желобокъ. Вылиты изъ бронзы.

¹⁾ О могилѣ Перипетіхъ, находящейся въ уѣздѣ Васильковскомъ, было сказано июномъ 1845 (года такое ииѣніе: "что эта могила можетъ быть приписана Гелонамъ, выходцамъ изъ прикарпатскихъ Валиновъ, и что ихъ городъ Гелонскъ можно полагать на Перипетовомъ полѣ, упоминаемомъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. Самое имя Перипетъ или Перипетъ звучитъ по-гречески". Изъ Бубновской сотни).

О Перипетовомъ (полѣ) и Перипетовыхъ (могилахъ) упоминается въ Кievской лѣтописи подъ 1150 и 1151 годами.

Раздѣлъ 1: Желобленные узорныя—съ разными прибавками къ валку, кончающемуся на половинѣ желобка.

Р. 11.

Р. 12.

Р. 13.

Р. 14.

* № 13.—Видъ 1: Ж. нарядная — первѣйшая между бронзовыми стрѣлами. На ея широкихъ бокахъ, отъ конца валка идутъ двѣ выпуклыя дужки, сперва врозь, а потомъ сходясь, и образуя собою ромбондальный щитокъ. Бока на послѣдней трети склоняются и сходятся въ острый конецъ. Шейка вѣпкая, длиною въ треть головки. Вѣсомъ 1 драхма 13 гранъ. (См. рис. 11). Найдена въ здѣшнихъ пескахъ только одна.

Видъ 2: Ж. деревчатая — съ тремя парами поперечныхъ вѣтокъ, сидящихъ вдоль валка въ засторонкахъ желобка. Здѣсь двѣ разности:

* № 14 — α) съ вѣтками, направленными внизъ, ёлочкой; вѣсомъ 37 гранъ. (См. рис. 12). Найдена здѣсь одна.

№ 15.— β) съ вѣтками, направленными въ стороны, сосонкой; вѣсомъ около 24 гранъ. См. рис. 13). Найдена здѣсь одна, поврежденная; другая, изъ у. Тарашанскаго, получена мною отъ Н. Я. Войшинскаго.

* № 16.—Видъ 3: Ж. рубчатая — вдоль валка, въ обоихъ засторонкахъ желобка по пяти или шести поперечныхъ рубчиковъ; вѣсомъ 25 гранъ. (См. рис. 14). Найдена здѣсь одна.

Раздѣлъ 2: Желобленные безузорныя, съ валкомъ простымъ, безъ всякихъ къ нему прибавковъ.

А) Валокъ кончается на половинѣ желобка.

Р. 15.

Р. 16.

Р. 17.

Р. 18.

Видъ 4: Ж. широкобокая, вѣсомъ около 45 гранъ. Здѣсь двѣ разности:

№ 17.— α) съ боками на второй половинѣ немного выпуклыми. (См. рис. 15).
Найдена здѣсь одна.

№ 18.— β) съ боками прямыми и ровными до конца, или же спущенными дуго-видно.

Обѣ разности найдены и въ Украинѣ Западной (въ у. Чигирин., Тараш.).

Видъ 5: Ж. узкобокая, чаще всѣхъ находимая въ здѣшнихъ пескахъ. Она так-же представляетъ двѣ разности, найденныя и въ Украинѣ Западной.

№ 19.— α) съ боками на второй половинѣ немного выпуклыми; вѣсомъ около 22 гранъ. (См. рис. 16).

№ 20.— β) съ боками прямыми до конца; разной величины и разнаго вѣсу, 32—27 гранъ. (См. рис. 17 а, б).

† № 21.—Видъ 6: Ж. малѣйшая—меньше всѣхъ стрѣлъ, вѣсомъ только 16 гранъ, но весьма острая. (См. рис. 18). Найденная въ Украинѣ Западной, получена мною отъ Я. Я. Волошинскаго.

Б) Валокъ доходить до конца желобка.

Р. 19.

Г. 20.

Р. 21.

* № 22.—Видъ 7: Ж. валковая—съ валкомъ цѣльнымъ до конца, на всѣхъ трехъ бокахъ; вѣсомъ 39 гранъ. (См. рис. 19). Найдена здѣсь одна.

Видъ 8: Ж. ложбинная — съ валкомъ цѣльнымъ только до половины, а потомъ онъ разсѣдается, оставляя въ развилинѣ ложбинку.

* № 23.— α) Такъ на всѣхъ трехъ бокахъ; ложбинка овальная; вѣсомъ 36 гранъ. (См. рис. 20). Найдена здѣсь одна.

* № 24.— β) Только на двухъ бокахъ валокъ кончается ложбинкою неровною, а на третьемъ боку онъ цѣльный до конца. Найдена здѣсь одна.

* № 25.—Видъ 9: Ж. толстоватая, короткая, съ валкомъ цѣльнымъ до конца; вѣсомъ 27 гранъ. (См. рис. 21).

Родъ IV. Корытчатый (Lintratae).

На бокахъ идутъ двѣ продольныя бороздки, соединенныя концами въ одно тупо-конечное корытце. Вылиты изъ бронзы.

Видъ 1: К. крещатая—отличается отъ всѣхъ стрѣлъ крестикомъ, образуемымъ по-срединѣ валка двумя поперечными отъ него отростками, раздѣляющими по-поламъ обѣ бороздки. Здѣсь двѣ разности:

Р. 22-а.

Р. 22-б.

Р. 23.

Р. 24.

† α) трехкрестная, съ крестикомъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Найденная въ у. Чигиринскомъ (при селѣ Шабельникахъ), хранится въ кievскомъ музеѣ подъ номеромъ 623.

* № 26.—β) однокрестная, съ крестикомъ на одномъ боку, а на другихъ двухъ простое корытце. (См. рис. 22 а, б) Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 25 гранъ.

* № 27.—Видъ 2: К. островерхая, съ корытцемъ усѣченнымъ прямолинейно и недоходящимъ до половины боковъ, которые до того мѣста идутъ ровные, а потомъ они спущены изломно въ долгій конецъ. (См. рис. 23). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 36 гранъ.

№ 28.—Видъ 3: К. бокастая—съ довольно широкими боками, до конца прямолинейными или же спущенными дуговидно. Корытце кончается неровными дужками на половинѣ боковъ или немного дальше. Образцовый экземпляръ этого вида, изъ Царскаго-Бургана, полученъ мною 1836 года, отъ г. Ашика; вѣсомъ 44 грана. (См. рис. 24) Здѣсь найденные три экземпляра не такъ широки; вѣсомъ 37—35 гранъ. (Всѣ онѣ безъ шейки).

Р. 25.

Р. 26.

Р. 27.

Р. 28.

Видъ 4: К. погонѣстая, съ боками узкими. Здѣсь четыре разности:

№ 29.— α) Съ корытцемъ, переходящимъ далеко за половину боковъ, которые въ томъ мѣстѣ немного выпуклы; вѣсомъ 37 гранъ. (См. рис. 25). Валокъ упирается въ конецъ корытца.

№ 30.— β) съ боками также немного выпуклыми при концѣ корытца, которое не такъ длинно, какъ въ предыдущей разности, и валокъ не доходитъ до его конца. Вѣсомъ около 27 гранъ. (См. рис. 26).

№ 31.— γ) съ боками прямыми до конца; валокъ иногда доходитъ, а чаще не доходитъ до конца корытца; вѣсомъ около 32 гранъ. (См. рис. 27). Всѣ три разности найдены и въ у. Чигиринскомъ.

№ 32.— δ) Бока также прямые до конца, но корытце наръзано только на двухъ бокахъ, а на третьемъ остались двѣ раздѣльныя бороздки. Вѣсомъ 25 гранъ (безъ шейки). Здѣсь нашлась одна; другая—въ у. Звенигородскомъ.

* № 33.—Видъ 5: Е. продолговатая — отличается концемъ корытца правильно округленнымъ на всѣхъ трехъ бокахъ. (См. рис. 28). Здѣсь найдена одна вѣсомъ 29 гранъ, а другая поменьше.

Видъ 6: Е. коротковатая, подходящая величиною и складомъ къ стрѣлѣ перваго вида (крещатой); вѣсомъ также 25 гранъ.

№ 34.— α) съ корытцемъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Найдена и въ уѣздѣ Чигиринскомъ.

* № 35.— β) съ корытцемъ только на двухъ бокахъ, а на третьемъ двѣ раздѣльныя бороздки.

Родъ VI: Бороздчатые (Sulcatae).

На бокахъ идутъ вдоль двѣ раздѣльныя бороздки. Вылиты изъ бронзы (весьма рѣдко попадаются красномѣдные).

А) Бороздки переходятъ за половину боковъ.

Р. 29.

Р. 30.

Р. 31.

Р. 32.

† № 36.—Видъ 1: Б. сугубая—крупнѣе всѣхъ бороздчатыхъ и тяжелѣе всѣхъ бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлъ: 1 драхма 15 гранъ. Бороздки у нея широкія и глубокія, доходящія почти до конца боковъ. (См. рис. 29). Западноукраинская, полученная мною отъ Я. Я. Волошинскаго.

* № 37. — Видъ 2: Б. иглистая—съ бороздками остроконечными, какъ иглы, разной длины; вѣсомъ 33 грана. (См. рис. 33). Найдена здѣсь одна.

Видъ 3: Б. клинчатая—съ бороздками къ концу утолщенными, клиновидными.

№ 38.—α) Такъ на всѣхъ трехъ бокахъ. (См. рис. 31). Здѣшняя вѣсомъ 27 гранъ. Нашлась и въ Украинѣ Западной.

† № 39.—β) Такъ на двухъ бокахъ, а на третьемъ бороздки соединены въ корытце. Найденная въ Украинѣ Западной, получена мною отъ М. В. Юзефовича

* № 40 — Видъ 4: Б. низковерхая — съ бороздками ровными во всю длину; отъ ихъ конца бока изломно спущены въ короткій конецъ; шейка довольно длинная; вѣсомъ 27 гранъ. (См. рис. 32). Найдена здѣсь одна. Работы отличной, той же какъ и стрѣлы слѣдующаго нумера.

Б) Бороздки не переходятъ за половину боковъ.

Р. 33-а.

Р. 33 б.

Р. 34.

Видъ 5: Б. крутоверхая, съ бороздками ровными, недоходящими до половины боковъ.

* № 41.—α) съ бороздками раздѣльными только на двухъ бокахъ, а на третьемъ идетъ накосъ, отъ конца лѣвой бороздки къ низу правой, выпуклая черта, составляющая съ ними какъ бы букву N. (См. рис. 33 а, б). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 41 гранъ.

* № 42.—β) съ короткими, ровными бороздками, раздѣльными на всѣхъ трехъ бокахъ, прямыхъ до конца. Найдена здѣсь одна, вѣсомъ (безъ шейки) 21 гранъ.

* 43. — Видъ 6: Б. туповерхая короткая и толстая. (См. рис. 34). Здѣсь найдены три отлѣны этой стрѣлы розной отливки и рѣзбы; вѣсомъ около 25 гранъ (безъ шейки).

Родъ VIII: Значковыя (Signatae).

Бронзовыя, съ боками отмѣченными только внизу разными значками.

(Всѣ здѣшніе экземпляры нашлись безъ шейки, а потому нижеозначенный ихъ вѣсъ неполонъ).

Видъ 1: З. крыжевая, отмѣченная двумя широкими и довольно еще длинными, тупоконечными бороздками, въ которыхъ находится по двѣ косвенныя, выпуклыя черты, сходящіяся у середины вала и составляющія съ нимъ какъ бы букву Ж. (См. рис. 35).

Р. 35.

Р. 36.

Р. 37.

Р. 38.

Р. 39.

№ 44.—а) такъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Здѣсь найдена одна, вѣсомъ 42 грана. Нашлась и въ у. Тарашанскомъ (съ уцѣлѣвшею шейкою).

* № 45.—б) такъ на двухъ бокахъ, а на третьемъ бороздки пустыя. Здѣсь найдена одна, вѣсомъ 28 гранъ.

Видъ 2: З. подзорная, отмѣченная внизу двумя широкими, но очень короткими бороздками. (См. рис. 36).

* № 46.—а) такъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 40 гранъ.

* № 47.—б) такъ на двухъ бокахъ, а на третьемъ обѣ бороздки слиты въ одну широкую заставку. Вѣсомъ 22—20 гранъ.

№ 48.—Видъ 3: З. заставная, отмѣченная на всѣхъ трехъ бокахъ широкою заставкою; вѣсомъ около 40 гранъ. (См. рис. 37). Найдена и въ у. Каневскомъ, Тарашанскомъ.

* № 49.—Видъ 4: З. бровчатая, надъ двумя раздѣльными короткими бороздками двѣ бровки. Такъ на всѣхъ трехъ бокахъ. (См. рис. 38). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 34 грана.

* № 50.—Видъ 5: З. ямчатая — надъ нижними краями боковъ по двѣ ямки. (См. рис. 39). Здѣсь найдены двѣ, вѣсомъ по 25 гранъ.

Родъ VIII: Гладкія (Glabrae).

Бронзовыя, съ боками ровными и гладкими, безъ всякихъ значковъ и нарѣзокъ.

№ 50.—Видъ 1: Г. продолговатая, вѣсомъ около 30 гранъ; бока снизу отдѣлены отъ шейки крутою душкою. (См. рис. 40). Находится нерѣдко и въ Украинѣ Западной (въ уѣздахъ Чигирин., Черкас., Канев., Звенигор. и Тараш.).

† Видъ 2: Г. короткая—найдена въ у. Звенигородскомъ.

Бронзовыя трехгранныя стрѣлы, отличаются отъ пирамидальныхъ меньшимъ вѣсомъ, который у нихъ обыкновенно отъ 45 до 22 гранъ; исключеніе представляютъ двѣ крайности: стрѣлы номеровъ 13 и 36, въ которыхъ

Р. 40.

1 драхма 13—15 гр., и стрѣла № 21, въ которой только 16 грань. Пирамидальныя стрѣлы вѣсомъ не менѣе полторы драхмы.

По изслѣдованію нѣсколькихъ стрѣлъ, сдѣланному кіевскимъ профессоромъ химіи Н. А. Тютчевымъ, оказалось слѣдующее различіе въ составѣ ихъ бронзы:

Изъ рода желобковыхъ видъ 5 (№ 19 и 20):

мѣди	64,08
олова	19,77
цинка	16,19
	100,04

Изъ рода корытчатыхъ видъ 4 (№ 31):

мѣди	76,73
олова	19,53
цинка	3,77
	100,03.

Изъ рода бороздчатыхъ видъ 6 (№ 43):

мѣди	71,83
цинка	28,19
	100,02.

Изъ рода гладкихъ видъ 1 (№ 50):

мѣди	78,97
цинка	21,02
	99,99.

Удельный вѣсъ ихъ (при + 21° С.) отъ 7,28—8,00.

Изъ бронзовыхъ стрѣлъ перваго отряда была подвергнута анализу трехбокая протяженная (№ 6).

У бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлъ шейка обыкновенно короткая и ломкая, почему онѣ часто находятся безъ шейки, даже и тѣ, которыя вырываются изъ могилъ. Лишь у немногихъ видовъ шейка довольно длинная, но не болѣе какъ въ четверть или треть головки.

Что касается до ихъ цвѣта, то большая часть найденныхъ въ здѣшнихъ пескахъ имѣютъ цвѣтъ и блескъ стальной, очень рѣдко желто-мѣдный.

Сколько вѣковъ пронеслось надъ этими стрѣлами! А между тѣмъ весьма многія изъ нихъ сохранились въ здѣшнихъ пескахъ совершенно цѣлыя, какъ-бы только-что отлитыя для битвы.

Разрядъ III: Стрѣлы желѣзные.

Изъ этого многочисленнаго и многовиднаго разряда стрѣлъ, нашлась въ Михайлогорскихъ пескахъ только одна, и то не полная—съ отломленнымъ шпинькомъ, кото-

рый былъ подъ шейкою и которымъ она вправлялась въ древко. (Это примѣта перваго отряда желѣзныхъ стрѣлъ; у втораго ихъ отряда шейка трубчатая, въ которую вправлялось древко).

№ 52.—Здѣсь найденная желѣзная стрѣла небольшая, четырехгранная, вѣсомъ 40 гранъ. (См. рис. 41).

Р. 41.

Несомнѣваюсь, что она принадлежитъ древнѣйшимъ временамъ.

Михаилъ Максимовичъ.

2-го октября 1867 года.
Михайлова Гора.

О П И С А Н І Е

КАШПИРСКАГО БЛАГОВѢЩЕНСКАГО СИМЕОНОВА МОНАСТЫРЯ. *)

Кашпирскій Благовѣщенскій монастырь находился Симбирской губерніи въ Сызранскомъ уѣздѣ внизъ по рѣкѣ Волгѣ на правой сторонѣ въ 6 верстахъ отъ пригорода Кашпира и 14 отъ города Сызрана въ нынѣшнемъ селѣ Симеоновскомъ, Упраздненный Благовѣщенскій монастырь тожъ. Положеніе имѣетъ привлекательное, стоя на возвышенности, которую съ трехъ сторонъ окружаютъ, какъ бы стрегущія святыню горы, покрытыя зеленью и благоухающими цвѣтами, а съ четвертой лицевой стороны—необозримая и грозная Волга, и въ тишину и бурю вызывающая такъ много и поэтическихъ думъ и глубокихъ размышленій о Богѣ... Въ 1711 г. царедворецъ Семенъ Константиновичъ Дмитріевъ построилъ здѣсь на крѣпостной своей землѣ церковь во имя Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, приходскую, но въ слѣдующемъ 1712 г., перемѣнивъ намѣреніе, основалъ при ней монастырь Благовѣщенскій. *) Въмѣсто этой церкви, вѣроятно деревянной, въ 1730 г. онъ же построилъ нынѣшнюю каменную во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы съ придѣлами Богоявленія Господня (отъ чего монастырь иногда писался Кашпирскій Богоявленскій) и св. Іоанна Богослова, съ каменною же волокольнею. **) Прочія зданія монастыря всѣ были деревянные. Онъ обнесенъ былъ круглою, многоугольною, изъ дикаго камня, стѣною. На пропитаніе монашествующихъ строитель далъ нѣсколько душъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, съ землею, поселившихся въ прилежащей къ монастырю (на СЗ.) слободѣ. **)

Такимъ образомъ въ вѣдомости о монастырѣ, составленной около 1738 г., значится въ немъ каменнаго строенія церковь 1 съ двумя престолами, 1 настоятельская и 4 братскихъ кельи, деревянные, ограда около монастыря каменная. По древнему уставу долженъ быть игуменъ, а братіи (по нижепоказ. описи 1764 г.) — 20 чело-

*) Составлено въ 1849 году.

вѣтъ). Нынѣ (около 1738 г.) игуменъ 1, монаховъ 4, бѣльцовъ 1 — діаконъ. За тѣмъ монастыремъ въ слободѣ по переписнымъ книгамъ 186 г. (1678) написано крестьянъ 10 дворовъ, въ нихъ по свидѣтельству генералитета 17 душъ. Къ монастырю по дачамъ земли 15 дес. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ 50 копенъ. *)

Какъ этотъ вкладъ, такъ и церковь съ ея украшеніями и утварью показываютъ въ основателѣ обители щедраго дателя. Сей основатель—Семень Константиновичъ Дмитріевъ примѣчательнъ. Онъ происходилъ отъ дворянской фамиліи господъ Дмитріевыхъ и по отцѣ былъ прямой прапрадѣдъ писателя и министра Юстиціи И. И. Дмитріева, а по мачихѣ—исторіографа Н. М. Карамзина *). Отецъ его, стольникъ, съ честію служилъ въ походахъ при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ, Теодорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ †). Семень Константиновичъ, также стольникъ, имѣлъ и оставилъ по себѣ слѣд. недвижимое имѣніе, жалованное за заслуги отца и свои, именпо въ Турецкой войнѣ 1672 — 1681 г., Троицкомъ походѣ 1683 г., при устройствѣ Кашпира и по случаю мира съ Польшею 1686 г., частію же вымѣненное: въ Курмышскомъ уѣздѣ при селахъ Семеновскомъ, Ивашкинѣ и др. мѣстахъ 103 четверти земли со крестьяны и со всѣми угодья (дано 1675 г.), въ Симбирскомъ уѣздѣ по рѣкамъ Юшанкѣ 130 ч. (1682 г.), Тукшуму 50 ч. (1683 г.), на рѣкѣ Свіягѣ 80 ч. (1692 г.), ниже города Кашпира при р. Волгѣ по нагорной сторонѣ 684 ч. (1682. 1698. 1699. 1703. 1704 г.), наконецъ по рѣкамъ большому и малому Тешерику (1704 г.) 1150 четей, всего 2197 четей, съ лѣсомъ, сѣнными покосы и со всѣми угодья. ‡) Въ сихъ дачахъ на р. Юшанкѣ Семень Константиновичъ построилъ село Покровское Дмитріевское, въ просторѣчій — Опалиха, ниже Кашпира — Благовѣщенскій монастырь и далѣе въ 3 отъ него верстахъ сельцо Богоявленское Симеоновка, потомъ Карамзинка тожъ, и противъ нея за Волгой деревню Дмитріевку, и на рѣкѣ большомъ Тешерикѣ село Троицкое, Дмитріево и Симеоновское тожъ (по Саратовскому изъ Симбирска тракту за 28 верстъ до Сызрана. **) †)

По гражданской службѣ Семень Константиновичъ Дмитріевъ въ 1686 г. является Пензенскимъ воеводою, §) въ 1689 г. по царскому указу изъ Симбирска посланъ въ новопостроенный городъ Кашпиръ для надѣленія переведенныхъ сюда солдатъ землями со всѣми угодья, что онъ и исполнилъ; §) въ 1706 г. является въ Кашпирѣ воеводою и въ Авг. сего же года разныхъ переведенцевъ въ новопостроенный городъ Алексѣевскъ (нынѣ пригородъ близъ Самары) надѣляетъ землями и угодьями, а 1708 г. Сент.—1709 Іюня былъ въ Симбирскѣ воеводою †), въ 1715 и 1716 г. комендантомъ въ городѣ Сызранѣ. †) Вообще былъ человѣкъ благочестивый и къ церкви

*) Муж. линія: Симеонъ, — Яковъ, — Гавріилъ, — Иванъ, — Иванъ Дмитріевы. Женская: Симеонъ, — Яковъ, — Гавріилъ, — Авдотья вторая супруга Михаила Егоровича Карамзина, отца исторіографа. На то и другое см. Симб. Гражд. палаты старая дѣла № 1004. Исторіографъ былъ сынъ отъ первой жены Михаила Егоровича, урожденной Павухиной.

**) Въ послѣдствіи, когда это село раздѣлено было между двумя его сыновьями Яковомъ и Иваномъ, Иванъ Семеновъ и въ другомъ доставшемся на его часть концѣ построилъ (нынѣшнюю) именную церковь, и отсюда произошло здѣсь другое село—Богородское.

Божіей усердный; по преданію—послѣдніе годы свои провелъ въ основанномъ имъ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ нарочно устроенной при придѣлѣ св. Іоанна Божеслова кам. кельи (на 2 квадр. саженьхъ). Умеръ около 1742 г. ¹²⁾ и погребенъ въ семъ же монастырѣ подъ олтаремъ настоящей церкви.

Настоятельство въ монастырѣ по первоначальному положенію, какъ замѣчено, должноствовало быть и сперва было игуменское. Но въ послѣдствіи управляли строители, и изъ нихъ по актамъ видны:

Ипполитъ іеромонахъ упом. 1758 г. ¹³⁾

Амвросій іеромонахъ, постриженъ изъ протопоповъ пригорода Маниска (нынѣ село старая Майна Ставроп. уѣзда) и управлялъ монастыремъ 1761—1764 г. ¹⁴⁾

Въ 1764 г. монастырь упраздненъ. По составленной въ то время прапорщикомъ Мих. Середонинымъ описи монастырь является въ слѣдующемъ положеніи: въ немъ вышеупомянутая каменная церковь съ двумя придѣлами въ длину 14 саж., поперешнику 9½ с., всѣхъ оконъ 21, изъ коихъ 10 съ желѣзными рѣшетками, на ней три главы каменныхъ и четвертая деревянная. Въ настоящей церкви иконостасъ, царскія двери и сѣнь рѣзные позолоченныя, мѣстныя иконы по правую сторону Господа Вседержителя, архистратига Михаила и Іліи пророка, по лѣвую — Благовѣщенія пресв. Богородицы и Іоанна Предтечи, а также и запрестольный крестъ въ иконостасѣ, всѣ писаны красками на кипарисѣ вверху въ шести ярусахъ иконы въ живописахъ рѣзныхъ же, золоченыхъ. Въ придѣлѣ Богоявленія мѣстныя иконы—Боголюбскія пресв. Богородицы и Успѣновія главы Предтечевой. Въ настоящей церкви и придѣлахъ двои св. сосуды оловянные. Изъ ризъ двои штофныя съ серебряными и одни персидской парчи съ золотыми травами,—ризница вообще значительная. Евангеліе на Александрійской бумагѣ, новоисправное, на верхней и исподней дскѣ евангелисты, средники и наугольники и застежки серебряныя. Да изъ монастыря по повелѣнію Казанскаго епископа Луки въ 1746 г. взято для сохраненія отъ воровскихъ людей въ Сызранскій Вознесенскій монастырь церковной утвари, и нынѣ (1764 г.) тамъ находящейся, два Евангелія новоправныя Москов. печати на Алекс. бумагѣ, на нихъ обоихъ верхнія дски сплошь кованыя, серебряныя, позолоченныя, на нихъ же и исподнихъ дскахъ средники и евангелисты и наугольники и застежки серебряныя позолоченныя, у закладицы перваго Евангелія запанъ серебряный и при немъ финифть обнизаны жемчугомъ. Священные сосуды—потиръ, дискосъ, звѣзда, три блюда, двѣ лжицы и ковшъ серебряные внутри позлащенные. Четверы ризы со стихарями такогожъ богатства. Въ монастырѣ: двѣ кельи, хлѣбный амбаръ. Монашествующіе: настоятель строитель Амвросій и два іеромонаха. Вокругъ монастыря ограда каменная 154 саж. въ окружности. На ней надъ святыми вратами колокольня каменная, осмеричная, безъ главы, съ 4 колоколами. При монастырѣ скотный дворъ, на коемъ 1 лошадь и 2 коровы. За монастыремъ состоитъ крестьянъ, данныхъ основателемъ Семеномъ Константиновичемъ Дмитріевымъ, по минувшей 2-й ревизіи 29 душъ, да земли съ угодья на нагорной сторонѣ 10 дес. въ полѣ, а въ дву потомужъ и сѣнныхъ покосовъ за Волгою на 400 копенъ, а означенные крестьяне пашутъ на монастырь яроваго и ржаного хлѣба по 4 дес. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна косятъ

по 60 копень, съ поставкою того и другаго. Ставятъ также они на монастырь дровъ по 100 воевъ въ годъ и ежедневно держать въ немъ караулъ по одному человѣку, а болѣе никакихъ повинностей, поставокъ и оброчныхъ платежей не несутъ. ¹³⁾

По упраздненіи монастыря крестьяне отошли въ вѣдомство Коллегіи Экономіи, монашествующіе всѣ трое переведены въ число братства въ Симбирскій Покровскій монастырь, и церковь обращена въ приходскую. ¹⁴⁾

Обитель и по преданію и по указанію актовъ часто находилась въ опасности и терпѣла отъ воровскихъ людей. Это были Русскіе бѣгле всякаго рода люди, особенно усилившіеся на Волгѣ въ прошедшемъ столѣтіи, и частію Самарскіе Калмыки, почти ежегодно сюда прѣзжавшіе улусами и вытравлявшіе луга, какъ сказано въ упомянутой описи 1764 г.

Бывшая церковь монастырская существуетъ доселѣ, снаружи и внутри почти въ томъ самомъ видѣ, какъ построена она С. К. Дмитріевымъ. ¹⁵⁾ Она по нынѣшней мѣрѣ въ длину 15 сажень 1 аршинъ, въ ширину 10 саж., высоты 12 саж., съ тремя главами; фигуры съ западной стороны четверугольной, съ вост. овальной; снаружи довольно величественная и внутри помѣстительная. Въ трапезѣ ея за стѣнами съ правой стороны придѣлъ во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы, съ лѣвой — св. Іоанна Богослова (оба длины съ олтаремъ 25 арш., шир. 2 сажени), за каждымъ позади по одной кельи (на двухъ квадратныхъ саженьяхъ). Подъ всею церковію — своды со входами, изъ коихъ подъ настоящею, кромѣ храмовдателя, по преданію погребены еще два неизвѣстныхъ настоятеля, — и всѣ подъ большими вросшими въ землю дикими камнями.

Иконостасъ въ настоящей церкви великолѣпный. Онъ о шести ярусахъ, весь богато раззолоченъ съ разными рѣзными изображеніями святыхъ и разными фигурами, въ старинномъ лучшемъ вкусѣ. ¹⁶⁾ Мѣстныя иконы Спасителя, Благовѣщенія пресв. Богородицы и противъ клиросовъ Михаила Архангела и Іоанна Предтечи (всѣ длины 2 арш., шир. 1 арш. съ вершикомъ) писаны лучшимъ Греческимъ письмомъ на кипарисовыхъ доскахъ и, что дѣлаетъ особенное впечатлѣніе, безъ всякаго внѣшняго украшенія, какъ было и прежде. Въ олтарѣ престолъ и запрестольный крестъ съ короной, обложенный прекрасно сдѣланными и густо позлащенными вѣтвями на подобіе виноградныхъ, также изъ кипарисоваго дерева. Примѣчательна еще въ придѣлѣ Богоявленія Господня древняя икона Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, по преданію, чудотворная и особенно чтимая мѣстными и окрестными жителями, которые въ сей день (Усѣкновенія) во множествѣ изъ селеній, верстъ за 100 отъ села Семеновскаго, стекаются сюда и молебствуютъ ей. Все сіе, какъ видѣли, значится въ описи 1764 г. и устроено самимъ еще храмовдателемъ. Иконостасы въ придѣлахъ простой столарной работы устроены уже послѣ. ¹⁷⁾

Изъ богатой ризницы, устроенной Семеномъ же Константиновичемъ Дмитріевымъ, не осталось ни одного почти предмета. Вышеупомянутыя Евангелія и св. сосуды, бывшіе подъ сохраненіемъ въ Сызр. Вознесенскомъ монастырѣ, по преданію, вскорѣ по закрытіи монастыря, предъ Пугачевскимъ бунтомъ, архіепископомъ Казанскимъ Веніаминомъ взяты въ Казань. Изъ богослужебныхъ книгъ, оставшихся отъ начала

монастыря, по подписямъ примѣчательны слѣдующія: на апостоѣ печ. 1707 г. современныи почеркомъ написано «аѣи года сія книга глаголемая апостоѣ Благовѣщенскаго монастыря, что на Волгѣ близъ Кашпира.» На мѣсячныхъ минеяхъ печ. 1692 и 1693 г. по листамъ написано: 1714 г. Кашпирской Николаевской церкви священникъ Алексѣй поступилъ келейную свою книгу стольнику Семену Константиновичу Дмитріеву.»

Вышепомянутая колокольня, стоявшая въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ церкви на восточной сторонѣ ограды, изъ дикаго камня, непрочно связанная, ночью 1 Мая 1806 г. упала и вся разсыпалась. ¹⁰⁾

Равнымъ образомъ ограда также изъ дикаго камня, ничѣмъ неподдерживаемая, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ обрушилась. По сторонамъ церкви съ сѣвера и юга видны остатки келій и яблонныхъ и вишневыхъ садовъ.

АКТЪ МОНАСТЫРЯ.

Челобитная въ Казанскую большую Губернаторскую канцелярію стольника Семена Дмитріева о справѣ земли къ построенной имъ въ своемъ помѣстьѣ Благовѣщенской церкви 1711 г.

Державнѣйшій царь; Государь милостивѣйшій! по благословенію преосвященнѣйшаго Тихона, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, по моему обѣщанію построена церковь пречистыя Богородицы честнаго ея Благовѣщенія на вотчинной моей землѣ въ Симбирскомъ уѣздѣ ниже города Кашпира на отхожемъ мѣстѣ на берегу Волги рѣки, а къ той церкви Божіи попу съ причетники на прокормленіе даю я изъ вотчинной своей земли на пашню 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ на 20 копенъ, и та моя данная земля къ той церкви не отказана.

Всемиловѣйшій Государь! прошу Вашего Величества, вели Государь тое вышеписанную землю къ той церкви справить и для вѣденія о томъ послать свой государевъ указъ въ Архіерейской Казенной Приказъ.

Вашего Величества нижайшій рабъ Семенъ Дмитріевъ.—Дек. въ день 1711 г.

На это челобитье въ справкѣ выписано: въ дачѣ прошлаго 1703 Декабря въ 18 день написано: дано стольнику Семену Константинову сыну Дмитріеву изъ помѣстья ево за вѣчный миръ съ Польскимъ королемъ въ Симбирскомъ уѣздѣ за валомъ на рѣкѣ Волгѣ ниже Кашпира — всего 200 чет. въ полѣ а въ дву потомужъ съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угоды. — А въ указѣ Великаго Государя и въ писцовомъ наказѣ 193 г. въ 3 статьѣ написано: гдѣ въ селѣхъ построены церкви послѣ писцовыхъ книгъ а земель къ нимъ не дано, и къ тѣмъ церквамъ изъ помѣщичьихъ и изъ вотчинниковыхъ земель писать и мѣрять и межевать по дачамъ тѣхъ селъ и деревень, къ которымъ та церковь построена, со шти сотъ четвертей и выше церковныя земли по 20 чети, а съ пяти сотъ чети и ниже до ста чети по 15 чети, а со ста чети и ниже по 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣнныхъ покосовъ на четверть по копнѣ. Определено: 1711 Дек. въ 20 день по указу Великаго Государя дать къ той церкви земли изъ вотчинниковой ево дачи противъ ево челобитья, а въ Архіерейской Приказъ о томъ для вѣдома послать память.

(Изъ архива бывшаго Симбирскаго Духовнаго правленія.)

Источники и примѣчанія.

1) См. въ Описаніи нижепомѣщенный актъ монастыря, нижепоказанную же надпись на церк. книгѣ апостолъ, въ архивѣ Сызранскаго Вознесенскаго монастыря опись Кашпирскаго Благовѣщенскаго монастыря 1764 г. и дѣла Симб. Покровскаго монастыря 1764 Іюля столпъ 1 № 70. Въ Сызр. Уѣзд. судѣ дѣла воеводской канцеляріи 1726 г. № 369, на стр. 16. въ 1717 г. сей Благовѣщенскій монастырь названъ новопостроеннымъ.

2) Крестъ храмоздательный въ настоящей церкви, антиминсъ и въ Сызр. Духовномъ правленіи дѣла 1806 и 1812 г. по описи №№ 479. 1025. — вѣдомости о церквяхъ.

3) Дѣла Симб. Покровскаго монастыря 1764 Іюля ст. 1. № 70. сл. Симб. Гражд. Палаты крѣпостныя книги 1738 г., № 103. стр. 7., отказныя книги 1758 г. № 684. стр. 8.

4) Вѣдомость въ архивѣ Сызранскаго Вознесенскаго монастыря.

5) См. жалованныя грамоты Семену Дмитріеву 7192 Февр. 16. въ архивѣ Сызр. Уѣзднаго суда дѣла воеводской канцеляріи 1763 г. по описи № 1719 стр. 54. Симб. Губернскаго Правленія дѣла 1777. Сент. ст. 2. № 257.

6) Симб. Гражд. Палаты отказныя книги 1757 г. № 684. стр. 3 и 4, въ частности см. старыя дѣла № 1004. стр. 5. на обор., отказныя книги 1777 г. № 1008. стр. 54—59. 1766 г. № 905.

7) Симб. Гражданской П-ты отк. книги 1757 № 684 стр. 5., Казенной П-ты дѣла 1710 г. по 7-й описи № 74. стр. 141. 37, по 5 оп. № 62. стр. 67, 68.; клировыя вѣдомости сихъ селъ.

8) Симб. Гражд. П-ты отказныя книги № 1801. стр. 13 и на обор. сл. опись Симб. грамотъ № 1067.; межевыя книги Симб. и Сызр. уѣздовъ 1710 г. № 6.

9) Симб. Гражд. П-ты грамоты Симб. №№ 715. 1153.

10) Сызр. Уѣзднаго суда дѣла воеводской канцеляріи 1706.; Симб. Гражд. П-ты отк. кн. 1708 г. № 1279., 1709 г. № 1292., 1711 г. № 13.; Самарскаго Уѣзднаго суда дѣла ст. 106 № 25. стр. 4.

11) Сызр. Уѣзднаго суда дѣла воев. канцеляріи 1715 г. № 104.

12) Симб. Гражд. П-ты старыя дѣла № 1004. стр. 5 на обор. слич. отк. книги 1738 г. № 307.

13) Указъ на имя его 1758 г. въ ризницѣ Архангельской церкви села Паншина.

14) Симб. Покровскаго м-ря дѣла 1764 г. ст. 1. № 70.

15) Опись сія хранится въ архивѣ Симбирскаго Духовнаго правленія.

16) См. примѣч. 14-е.

17) Исправленія ея въ 1784 г. (указъ въ церк. ризницѣ), 1827 г. (клир. вѣд.) были маловажныя, отнюдь не касавшіяся существеннаго.

18) Большая часть рѣзныхъ изображеній святыхъ, снятая, вѣроятно, для безопасности съ верхнихъ ярусовъ, стоитъ подъ сводами церкви въ кладовой.

19) Храмоздательный крестъ и клир. вѣдомости.

20) Это записано въ церк. синодикѣ.

К. Невоструевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Evangelischer Kalender. Jahrbuch für 1868. Herausgegeben von Ferdinand Piper. Neunzehnter Jahrgang. Berlin. Verlag von Wiegandt und Grieben. 1868. 12°.

Евангелическій календарь, въ теченіи девятнадцати лѣтъ издаваемый извѣстнымъ археологомъ, профессоромъ берлинскаго университета, Ф. Пиперомъ, есть литературное явленіе, ежегодно съ нетерпѣніемъ ожидаемое всѣми, кто занимается наукою христіанскихъ древностей. Въ отдѣленіи «Vermischte Aufsätze», ученый издатель имѣетъ обычай помѣщать рядъ собственныхъ изслѣдованій, касающихся или неизданныхъ или недостаточно объясненныхъ памятниковъ древнехристіанскаго искусства, символики этого искусства, устройства древнехристіанскихъ музеевъ, писателей, важныхъ для изученія этой вѣтви археологической науки и т. п. Эти статьи, хотя иногда и изложенныя популярнымъ образомъ, тѣмъ не менѣе служатъ къ постоянному обогащенію науки новыми фактами и соображеніями. Такъ и настоящій выпускъ Евангелическаго календаря содержитъ въ означенномъ отдѣлѣ три статьи, интересныя въ разныхъ отношеніяхъ. Первая изъ нихъ посвящена гимну Климента Александрійскаго, находящемуся въ его «Педагогѣ». Авторъ разсматриваетъ сперва древнѣйшую гимническую поэзію христіанъ, потомъ критически рѣшаетъ вопросъ объ авторѣ этого стихотворенія, сообщаетъ самый гимнъ въ оригиналѣ и въ переводѣ и оканчиваетъ прекраснымъ изъясненіемъ всѣхъ идей гимна и связи этихъ идей въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, принадлежащемъ главѣ школы катехетовъ въ Александріи. Во второй статьѣ авторъ обращаетъ вниманіе на рядъ языческихъ памятниковъ, прославляющихъ жертвоприношенія, извѣстныя подъ именемъ тавроболевъ и кріоболевъ. Памятники эти важны въ религіозно-историческомъ отношеніи, потому что они—свидѣтели языческаго образа мыслей, стремившагося, во времена упадка языческихъ религій, вступить въ соперничество съ Христіанствомъ.

Но для насъ всего важнѣе третья статья, посвященная греческому описанію одного древне-христіанскаго памятника искусства, а именно: картины, находившейся въ Халкедонѣ. Сравнительно до насъ дошло весьма мало вещественныхъ памятни-

ковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о раннемъ и богатомъ развитіи Христіанства въ Малой Азіи, хотя и сохранились о томъ письменныя свидѣтельства со временъ апостола Іоанна и Плинія, губернатора Вониніи. По крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ вещественныхъ памятникахъ, находившихся въ Малой Азіи, до насъ дошли краткія свѣдѣнія. Уже во второмъ столѣтіи по Р. Х. въ малоазіатской церкви была замѣтна сильная внутренняя жизнь, явилось много замѣчательныхъ писателей; въ третьемъ вѣкѣ уже строились значительныя церкви; но истинное процвѣтаніе строительнаго искусства началось собственно только со временъ Константина Великаго и продолжалось во времена императора Юстиніана I. Между этими церквами (не говоря о Іерусалимской), въ особенности замѣчательны три церкви по важнымъ историческимъ событіямъ, съ ними связаннымъ. Первая, построенная еще до временъ Константина Великаго, есть великолѣпная церковь въ Никомидіи: съ разрушенія ея, совершеннаго по повелѣнію Діоклетіана, начинается знаменитое преслѣдованіе Христіанъ, извѣстное подъ именемъ этого императора. Вторая, церковь Пр. Дѣвы Маріи въ Эфесѣ, служила мѣстомъ третьяго вселенскаго собора въ 431 году; а третья, церковь св. Евфеміи въ Халкедонѣ, видѣла въ своихъ стѣнахъ четвертый вселенскій соборъ въ 451 году.

По поводу этого послѣдняго собора, церковные историки, Сократъ и Созоменъ, упоминаютъ о церквѣ св. Евфеміи въ Халкедонѣ, но подробное описаніе ея оставилъ намъ Эвагріи, схоластикъ въ Антиохіи, написавшій свою исторію церкви въ 594 г. и лично знавшій много церквей и различныхъ памятниковъ живописи въ Малой Азіи. Изъ его описанія, написаннаго съ глубокимъ сочувствіемъ къ красотамъ природы и ландшафта, окружавшаго эту церковь, мы можемъ вывести то заключеніе, что зданіе состояло изъ передняго двора съ портиками, поддерживаемыми колоннами, собственной церкви и надгробной капеллы, имѣвшей куполь и второй этажъ, подобно гинакеюну въ церкви Св. Софіи въ Константинополѣ.

Еще замѣчательнѣе описаніе картины, изображавшей мученичество Св. Евфеміи, оставленное намъ Астеріемъ, епископомъ Амазіи въ началѣ пятаго вѣка по Р. Х. О личности этого церковнаго писателя мало извѣстно, но до насъ дошло нѣсколько его словъ. Описаніе этой картины сохранено въ актахъ седьмаго вселенскаго или втораго никейскаго собора (въ 787 году), который защищалъ почитаніе иконъ и въ особенности старался основать это почитаніе на историческихъ доказательствахъ. Между свидѣтельствами въ пользу почитанія иконъ, на этомъ соборѣ прочтено и описаніе, сдѣланное Астеріемъ. Подобныя описанія, относительно достоинства, не многочисленны въ Христіанской древности. У греческихъ писателей съ нимъ можно сравнить развѣ только мѣсто въ одной проповѣди Григорія Нисскаго, сказанной имъ въ церкви мученика Теодора, въ которой онъ описываетъ картину, на которой было изображено мученичество этого святаго. Но Астерій еще глубже проникнуть любовью къ искусству: онъ не только живо описываетъ самую картину, но видно, что онъ изучалъ какъ произведенія классической литературы, такъ и искусства. Онъ нѣсколько разъ сравниваетъ языческое искусство съ христіанскимъ, черта, рѣдко встречаемая въ церковныхъ писателяхъ этого времени.

«Недавно, братья, говоритъ Астерій, въ рукахъ моихъ находился Демосеенъ и именно та рѣчь Демосеена, гдѣ онъ сильными словами поражаетъ Эсхина. Я долго читалъ эту рѣчь и такъ какъ мысли оставались слишкомъ напряженными, то нуженъ былъ отдыхъ и прогулка, чтобы разрѣшить напряженіе души. Покинувъ комнату и погулявъ немного съ знакомыми по агорѣ, я оттуда направилъ мои шаги въ Божій домъ, чтобы спокойно помолиться. Когда душа успокоилась и я шелъ по крытому портику, то увидалъ тамъ картину и видъ этого произведенія совершенно овладѣлъ мною. Эту картину можно назвать художественнымъ произведеніемъ Эвфранора или котораго либо изъ древнихъ живописцевъ, которые возвеличили живопись, потому что создали картины, которыя кажутся почти одушевленными. Если ты желаешь, то теперь есть время для разсказа: я опишу тебѣ эту картину. Мы, сыновья музъ, владемъ волшебными чарами, которые не хуже средствъ живописцевъ. Жила святая жена и непорочная дѣва, посвятившая свою непорочность Богу, по имени Эвфемія. Однажды, когда тиранъ преслѣдовалъ благочестивыхъ, она съ ревностью избрала всѣ опасности смерти. Нынѣ сограждане и единоплеменники по вѣрѣ, для которой она положила свою жизнь, исполненные удивленія къ этой вмѣстѣ мужественной и святой дѣвѣ, соорудили ей близъ церкви надгробный памятникъ и, поставивъ тамъ ея гробницу, чтутъ ее высоко и ежегодно совершаютъ въ ея честь праздникъ, какъ общее торжество. И истолкователи тайны Бога рѣчами чтутъ ея память и пекутся о томъ, чтобы поучить собравшійся народъ разсказомъ, какъ совершила она свой мужественный подвигъ. Живописецъ же, благочестивымъ образомъ и съ своей стороны по силамъ изобразившій всѣ событія на индѣйскомъ полотнѣ, выставилъ это святое зрѣлище близъ гробницы святой. Художественное произведеніе изображаетъ слѣдующее.

Высоко на престолѣ сидитъ судья, строго и злостно взирающій на дѣву. Искусство, если желаетъ, умѣетъ выразить и гнѣвъ въ бездушномъ веществѣ. Тутъ присутствуютъ много копьеносцевъ и войновъ; протоколисты держатъ въ рукахъ записныя таблицы и стилеты. Одинъ изъ нихъ, поднимая руку отъ восковой таблицы, съ сильнымъ движеніемъ обращается къ той, которая стоитъ передъ судомъ, и, кажется, всѣмъ лицомъ устремляется впередъ, какъ будто призывая ея говорить громче, чтобы ему не устать отъ внимательнаго слушанія и незаписать чего либо ошибочнаго и достойнаго порицанія. Дѣва стоитъ, облеченная въ сѣрую мантию и въ одежду философовъ. Лицо ея прекрасно, потому что таковою желалъ ее изобразить художникъ; мнѣ же кажется, что душа ея изукрашена добродѣтелями. Но къ судѣ ея ведутъ два солдата; одинъ тащитъ ее впередъ, другой гонитъ сзади. Характеръ дѣвы—смѣсь стыдливости и твердости. Правда, она наклоняетъ голову къ землѣ, какъ бы прячась отъ взоровъ мужчинъ, но она стоитъ безъ испуга и боязни будущей борьбы. Я до сихъ поръ хвалилъ другихъ живописцевъ, когда видѣлъ картину, изображавшую извѣстную колхійскую жену (Медею): готовая поразить мечемъ дѣтей, на ея лицѣ колеблется выраженіе сожалѣнія и гнѣва. Одинъ взоръ выражаетъ гнѣвъ, а другой изобличаетъ мать, медлящую и ужасающуюся передъ своимъ преступленіемъ. Но теперь я перенесъ мое удивленіе къ тому произведенію на эту картину и я

очень удивляюсь художнику, который смѣшалъ характеръ красокъ, стыдливость и мужественность, качества, противоположныя по своей природѣ.

Но событія продолжаютъ развиваться и нѣсколько палачей, нагіе, въ короткихъ нижнихъ одеждахъ, начинаютъ свое дѣло. Одинъ схватилъ главу дѣвы, сгибаетъ ее назадъ и такимъ образомъ готовитъ другому положеніе, удобное для совершенія наказанія; второй же, стоя возлѣ, выбиваетъ дѣвѣ зубы. Орудіями являются молотъ и буравъ. Но слезы овладѣваютъ мною и горестъ душитъ рѣчь, потому что живописецъ такъ явственно изобразилъ на устахъ мученицы капли крови, что онѣ кажутся, пролитыми ея устами и, плача, удаляешия. — За тѣмъ слѣдуетъ темница и снова дѣва, въ сѣрой одеждѣ, возвышенная, сидитъ одна, простирая руки къ небу и призывая Бога, помощника въ нуждѣ. Во время ея молитвы, надъ ея главою, появляется знаменіе, которое Христіане обожаютъ: думаю, что это былъ символъ страданія, которое она ожидала. Потому что затѣмъ живописецъ возжегъ сильный огонь, изобразивъ тѣлесно пламя красною краскою, которая блеститъ тамъ и сямъ. Ее же онъ поставилъ среди пламени: она простираетъ руки къ небу, но на лицѣ ея не видно страданій, напротивъ оно выражаетъ радость, что переселяется въ безтѣлесную и блаженную жизнь.

Вотъ что рассказала рука художника и я описалъ мою рѣчь. Если же ты желаешь окончить написанную мною картину, то разсмотри картину живописца внимательно, потому что я, можетъ быть, далеко отсталъ въ ея истолкованіи».

Изъ этого любопытнаго описанія одного изъ прекраснѣйшихъ произведеній, созданныхъ древне-христіанскимъ искусствомъ, которое мало-азіатскій епископъ смѣло сравниваетъ съ знаменитѣйшими картинами классическаго искусства, археологическая наука можетъ вывести слѣдующія заключенія:

Картина неизвѣстнаго художника, находившаяся въ церкви св. Евфеміи въ Халкедонѣ, и, всего вѣроятнѣе, въ надгробной капеллѣ, состояла изъ ряда сценъ, изображавшихъ мученичество этой св. дѣвы. Первая сцена представляла, какъ св. Евфемію двое солдатъ тащатъ передъ судьей; вторая — палачъ подвергаетъ ее мученіямъ, откуда явствуется признаніе, сдѣланное ею передъ судомъ; третья изображаетъ дѣву, молящуюся въ темницѣ и, наконецъ четвертая, ея смерть въ огнѣ. Этимъ и историческимъ сценамъ искусство, слѣдуя одному воображенію, дало жизнь и дѣйствительность, которую Астерій глубоко чувствовалъ и передалъ съ большою ясностью. Въ особенности указываетъ онъ на противоположности, превосходно переданныя на этой картинѣ. Съ одной стороны всѣ матеріальные предметы были изображены съ необыкновенною истиною; съ другой, въ картинѣ видна была вся душа мученицы: красота ея служила отраженіемъ ея душевныхъ добродѣтелей и даже въ пламени костра оно выражало не страданіе, а радость. Такимъ образомъ задача художника лежала въ выраженіи внутренняго состоянія души и вотъ почему въ картинѣ было такъ мало символическихъ намековъ: надъ молящейся мученицей является только крестъ, въ которомъ истолкователь узнаетъ знаменіе ея страданія.

Въ высшей степени замѣчательно, что Астерій сравниваетъ это произведеніе съ картиною, созданною классическимъ искусствомъ и содержаніемъ, заимствованнымъ

изъ героическаго мѣста Меден. Съ такимъ же искусствомъ Тимомахъ изобразилъ «колхидскую жену» до убіенія дѣтей, какъ она колеблется между состраданіемъ къ нимъ и гнѣвомъ на Язона. Этой послѣдней картинѣ противопоставляетъ онъ произведеніе христіанскаго искусства, занимающее высшее мѣсто по выразительности избраннаго момента. Оно напоминаетъ школу великихъ живописцевъ Греціи, Эвфранора и другихъ, возвысившихъ искусство, «потому что они создавали картины, которыя казались почти одушевленными». Вотъ мѣрка, прилагаемая авторомъ къ художественнымъ произведеніямъ. Вотъ отчего оно произвело на него такое сильное и потрясающее впечатлѣніе.

Такъ какъ на второмъ никейскомъ соборѣ это описаніе Астерія должно было служить доказательствомъ въ пользу почитанія иконъ, то въ преніи, послѣдовавшемъ за этимъ чтеніемъ, преимущественно указывается на эти пункты. Такъ какъ Астерій живописца этой картины называлъ благочестивымъ, то отсюда было выведено заключеніе, что и живопись вообще искусство благочестивое. Другіе выводы мы опускаемъ. Но сочиненіе Астерія навсегда останется прекраснымъ памятникомъ о потерянномъ для насъ произведеніи древнехристіанскаго искусства и здравыхъ и глубокомысленныхъ воззрѣній отцевъ перкви.

К. Герцъ.

Recueil des rapports sur les progrès des lettres et des sciences en France. Exposé des progrès de l'archéologie, par M. Alfred Maury. Publication faite sous les auspices du ministère de l'instruction publique. Paris. A l'Imprimerie Impériale. 1867. 8°.

Французскій министръ народнаго просвѣщенія недавно возимѣлъ мысль — составить отчеты объ успѣхахъ литературы и наукъ во Франціи, сдѣланныхъ въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ. Исполненіе этой мысли было возложено на знаменитѣйшихъ ученыхъ и специалистовъ этой страны. Такимъ образомъ г. Катрфажу поручено было составить отчетъ объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ антропологіею ¹⁾, г. Мори, члену Института, автору извѣстнаго сочиненія «Исторія религій древней Греціи», объ успѣхахъ классической археологіи. Рядъ этихъ монографій уже началъ появляться въ свѣтъ и лежащій передъ нами отчетъ г. Мори, интереснѣй въ всѣхъ отношеніяхъ и написанный съ тою ясностью изложенія, которая отличаетъ французскій умъ, знакомитъ насъ, какъ съ ученою дѣятельностію французовъ въ области классической археологіи, такъ и съ характеромъ и съ особыми направленіями этой дѣятельности. Мы имѣли недавно случай познакомить нашихъ читателей съ новѣйшими трудами по этой части; мы указали въ особенности назначеніе для великихъ ученыхъ экспедицій въ отдаленныя страны и новые матеріалы, которыя внесли въ классическую археологію эти экспедиціи ²⁾. Книга г. Мори посвящена не этимъ экспедиціямъ; по его словамъ, имъ будетъ уделенъ особый отчетъ. Она знакомитъ насъ съ успѣхами, сдѣланными классическою археологіею въ тиши кабинетовъ ученыхъ, при изученіи по-

¹⁾ Отчетъ г. Катрфажа, состоящій изъ 570 страницъ, любопытенъ и для археологовъ.

²⁾ См. нашу статью. «Новые труды по археологіи древняго Востока, Греціи и Рима» въ I-мъ томѣ Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества.

выхъ монетъ или другихъ новыхъ памятниковъ древности, обогатившихъ какой либо музей Франціи. Читая отчетъ г. Мори, съ перваго взгляда замѣчаемъ ту разницу, которая существуетъ въ современной наукѣ Германіи и Франціи. Въ Германіи работаютъ преимущественно по письменнымъ памятникамъ древности, во Франціи — по вещественнымъ. Въ Германіи ежегодно выходитъ безчисленное множество статей, монографій и книгъ, въ которыхъ различные вопросы классической археологіи разработаны по древнимъ писателямъ, съ глубочайшимъ умѣніемъ примѣнять новѣйшія результаты филологіи къ возстановленію испорченныхъ текстовъ. Этому филологическо-критическому направленію современная классическая археологія въ Германіи обязана появленіемъ превосходныхъ трудовъ Велькера, Отто Яна, Брунна, Овербека и т. д. Подобныхъ филолого-археологическихъ изслѣдованій Франція вовсе неимѣетъ: они составляютъ огромный пробѣлъ въ ея литературѣ, котораго корни кроются въ упадкѣ классической филологіи въ Франціи. Вѣкъ Этьеновъ давно прошелъ въ этой странѣ; ея оперѣдила гигантскими шагами Германія. Напрасно г. Мори старается искусно замаскировать и скрыть этотъ пробѣлъ: во Франціи, со временъ Кларана, не вышло ни одного самостоятельнаго изслѣдованія объ античной скульптурѣ. Метода современныхъ французскихъ ученыхъ совершенно иная: появленіе какого-нибудь новаго вещественнаго памятника тотчасъ вызываетъ ихъ умственную дѣятельность. Появляются диссертации, поясняющія новый памятникъ, причемъ мнѣнія опираются на слова древнихъ писателей. Правда, эти тексты иногда не соответствуютъ успѣхамъ современной филологіи, но эти недостатки проходятъ безъ замѣчанія даже между учеными. Такимъ образомъ вся современная французская литература по части классической археологіи почти исключительно состоитъ изъ безчисленнаго множества статей, разбѣянныхъ по спеціальнымъ журналамъ, каковы: «Revue numismatique, Revue archéologique, Bulletin archéologique de l'Atheneum français, Journal des Savants и т. д. Стоитъ только заглянуть на цитаты, приводимые въ концѣ каждой страницы книги г. Мори, чтобы убѣдиться. Весь трудъ его состоялъ въ томъ, что, кромѣ немногихъ книгъ и отдѣльныхъ брошюръ, онъ просмотрѣлъ археологическіе французскіе журналы за послѣдніе двадцать лѣтъ и привелъ всю эту литературу въ систематическій порядокъ, разумѣется, съ ясностью и изяществомъ изложенія, свойственнымъ французскимъ ученымъ. Странно только, что въ этотъ отчетъ объ успѣхахъ наукъ во Франціи попало столько ученыхъ иностранныхъ, не только что не натурализованныхъ французовъ, но даже никогда не бывшихъ во Франціи. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Мори отчетъ о разныхъ трудахъ знаменитаго итальянскаго археолога Каведони, датскаго нумизмата Мюллера, автора «Нумизматикъ Александра Великаго и сѣверной Африки», не говоря о множествѣ бельгійскихъ ученыхъ, которыхъ всѣ труды причислены къ французскимъ. Эти присвоенія г. Мори оправдываетъ тѣмъ, что означенныя ученые писали и издали разныя изслѣдованія на французскомъ языкѣ. Употребленіе этого языка, въ глазахъ французовъ, перерождаетъ каждаго иностранца во француза. Не перешла ли политическая страсть аннексировать чужія земли и на французскихъ ученыхъ? Бѣдная Бельгія сдѣлалась первою ихъ добычею. Въ слѣдствіе этихъ присвоеній и книга г. Мори возрасла до 119

страницъ крупной и широкой печати. При другихъ обстоятельствахъ она была бы гораздо тоще.

Вмѣстѣ съ большинствомъ французскихъ ученыхъ, г. Мори видитъ въ классической археологіи не самостоятельную дисциплину, а вспомогательную науку, весьма важную для болѣе глубокаго пониманія древней исторіи. «Въ то время, говоритъ онъ, какъ письменные источники древней исторіи почти окончательно исчерпываются, источники, которые можно назвать археологическими, возрастаютъ въ числѣ и приобрѣтаютъ болѣе важности, доставляя драгоцѣнные матеріалы для хронологіи прошедшихъ временъ, для познанія ихъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ и обычаевъ». Подобное воззрѣніе едва ли заслуживаетъ серьезнаго опроверженія; во всякомъ случаѣ оно доказываетъ, что во Франціи наука классической археологіи не достигла еще того уровня, на которомъ она находится въ современной Германіи. Изслѣдованіе классической древности если нынѣ и не находится во Франціи на той высотѣ, на которой оно находилось нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, во времена Катрмера, Рауль-Рошетта и Летрона, тѣмъ не менѣе не могло упасть совершенно. Классическая археологія находитъ непрерывныя поощренія извнѣ, которые не позволяютъ предаться совершенной апатіи. Французское правительство организуетъ непрерывно ученыя экспедиціи въ различныя страны классическаго міра, которыхъ новые результаты необходимо входятъ въ составъ науки. Сама почва Франціи, начиная отъ Парижа до береговъ Средиземнаго моря, наполнена памятниками римской древности, вызывающими непрерывно на болѣе точныя изслѣдованія и новыя соображенія. Раскопки, предпринимаемыя правительствомъ и частными лицами на этой самой почвѣ, приводятъ къ открытіямъ, требующимъ всего остроумія ученыхъ. Музеи Франціи почти ежедневно обогащаются приращеніями изъ всѣхъ странъ міра. Нынѣ нѣкоторые изъ нихъ столь обширны, что Луврскій музей до сихъ поръ не имѣетъ каталоговъ для различныхъ своихъ отдѣленій древностей. Наконецъ, въ послѣдніе двадцать лѣтъ вся Франція, какъ съѣзъ, обтянута археологическими обществами, которыя имѣютъ постоянныя и регулярныя засѣданія, ежегодныя частныя и общіе съѣзды и цѣлый рядъ специальныхъ органовъ. Поэтому неудивительно, что классическая археологія получаетъ непрерывно новый матеріалъ, невольно вызывающій на обработку туземныхъ ученыхъ и послѣдніе двадцать лѣтъ не прошли напрасно, не вызвавъ новыхъ и оригинальныхъ изслѣдованій, о которыхъ даетъ отчетъ г. Мори.

Отчетъ г. Мори раздѣленъ на двѣ части. Въ первой (отъ стр. 3 — 69) онъ, съ большою подробностью, излагаетъ успѣхи классической нумизматики, метрологіи и глиптики во Франціи. Здѣсь указываетъ онъ на заслуги Ленормана, Вадингтона, Лонперье, Герцога де-Люина, Бюэна, де-Сольси и др. Во второй части (отъ стр. 71 — 119) онъ излагаетъ результаты, добытые изъ изслѣдованія новооткрытыхъ памятниковъ ваянія, именно мраморныхъ статуй и барельефовъ, бронзовыхъ и серебрянныхъ статуй и статуэтокъ, древняго вооруженія и орудій, треножниковъ, зеркалъ и украшеній. Затѣмъ онъ переходитъ къ этрусской археологіи, гдѣ въ особенности останавливается на живописи на вазахъ и оканчиваетъ свой отчетъ древнею живописью и мозаикою.

Мысль, вызвавшую къ жизни это собраніе отчетовъ объ успѣхахъ наукъ во Франціи, нельзя не назвать счастливою. Когда въ наукѣ, въ теченіи извѣстнаго періода, пройдено извѣстное пространство, всегда бываетъ поучительно бросить взглядъ назадъ на пройденное. Тогда увидишь, что сдѣлано, что остается сдѣлать, какія поля остались совершенно не воздѣланными, въ какое направленіе слѣдуетъ устремиться энергіи новыхъ тружениковъ науки. И у насъ были опыты подобныхъ отчетовъ¹⁾, и у насъ мысль французскаго министра могла бы найти поучительное примѣненіе. Поучителенъ могъ бы быть рядъ отчетовъ изъ тѣхъ областей русской науки, въ которыхъ она работаетъ самостоятельно. Сюда мы относимъ отечествовѣдѣніе въ самомъ обширномъ смыслѣ, исторію русской литературы древняго и новаго періода, русскую исторію, филологію и археологію. Но этими областями успѣхи, совершенные русскою наукою, еще не ограничиваются: столь же интересны были бы отчеты объ изслѣдованіяхъ о языкахъ инородцевъ Россіи, древностей Босфора Киммерійскаго, восточной филологіи и нумизматики. Задачи ретроспективныя, но интересныя.

К. Гѣрцъ.

Sulle scoperte archeologiche, fatte in Italia dal 1846 al 1866. Relazione al ministro della Istruzione pubblica di Giuseppe Fiorelli. Napoli, stabilimento tipografico Ghio. 1867. 8°. 109 стр.

Почти въ одно время съ книгою Г. Мори, вышло въ Италіи сочиненіе подобнаго же содержанія, въ высшей степени важное для всѣхъ, занимающихся классическою археологіею. Это — отчетъ объ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Италіи въ теченіи послѣднихъ двадцати послѣднихъ лѣтъ, отъ 1846 до 1866 года, представленный Итальянскому министру народнаго просвѣщенія археологомъ Фіорелли, столь извѣстнымъ своими счастливыми и остроумными изслѣдованіями въ Помпеѣ. Но перечислить всѣ находки, сдѣланныя въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ въ Италіи — этой классической почвы классическихъ находокъ — кажется трудомъ громаднымъ, особенно если для него избрана столь узкая рама, какъ сто девять страницъ этого сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, подробнаго перечисленія и описанія всѣхъ находокъ, сдѣланныхъ въ Италіи, въ книгѣ Г. Фіорелли нечего искать, но замѣчательнѣйшія открытія послѣднихъ двадцати лѣтъ сгруппированы здѣсь съ большимъ искусствомъ и литература всѣхъ находокъ приведена съ большою подробностью. Описаніе находокъ расположено въ слѣдующемъ историко-географическомъ порядкѣ. Авторъ начинаетъ съ описанія памятниковъ, открытыхъ въ древней Этруріи, потомъ переходитъ къ Фалискамъ, Сабелламъ, Самнитянамъ, Кампанцамъ, къ Луканіи и греческимъ колоніямъ въ Южной Италіи. Въ числѣ открытій въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, особое вниманіе его обращаютъ на себя росписныя вазы, которымъ онъ посвятилъ нѣсколько страницъ. Отсюда онъ переходитъ ко второй главѣ

¹⁾ См. А. Котляревскаго, *Старина и народность*. 1861 годъ. Москва. 1862.

своего сочиненія—описанію открытій, сдѣланныхъ въ Римѣ, соблюдая тотъ хронологическій порядокъ, который каждое открытіе занимаетъ въ исторіи искусства. Само собою разумѣется, что столица античнаго міра до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто и по важному значенію памятниковъ, въ ней находимыхъ. За тѣмъ авторъ переходитъ въ Лациуму, къ Умбріи, Эмилии, Кампаніи, къ открытіямъ въ Помпеѣ, которымъ посвящаетъ особое вниманіе, и Сициліи. Онъ оканчиваетъ свое сочиненіе обзорѣніемъ замѣчательнѣйшихъ этнографическихъ и нумизматическихъ открытій. Библиографическія его указанія особенно важны для тѣхъ, кто пожелаетъ ближе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ открытіемъ; для насъ же, при трудной доступности итальянскихъ книгъ, подобныя указанія драгоцѣнны. Г. Фиорелли изъясняетъ надежду, что Дж. Б. де Росси, первый знатокъ христіанскихъ древностей въ Италіи, издастъ подобный же отчетъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ области Христіанской археологіи въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ въ Италіи. Мы отъ души желаемъ, чтобы надежда его сбылась: это будетъ новое обогащеніе для науки.

К. Гёрцъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо изъ Италіи.

Почва южной половины Италіи въ особенности богата остатками древности. Кроме открытій, болѣе или менѣе случайныхъ, два пункта ея даютъ постоянно матеріалъ для археологій и древностей. Эти два пункта—Палатинъ и Помпея. Правда, только на одной части римскаго холма, принадлежащей императору Наполеону, идутъ раскопки непрерывно подъ дирекціей археолога и архитектора г. Розы; но за то эта часть наиболѣе важная: на ней стояли дворцы цезарей, многіе храмы и другія зданія, о которыхъ часто упоминаютъ древніе писатели.—Но если Палатинъ имѣетъ преимущественно значеніе для топографіи столицы и резиденціи императоровъ, то Помпея представляетъ интересъ еще болѣе широкій,—это неисчерпаемый кладъ произведеній древняго искусства и ремесла, почти единственный источникъ, изъ котораго почерпаются наглядныя свѣденія о древней живописи.

Прошло уже болѣе 120 лѣтъ, какъ начали разрывать древній городъ; до сихъ поръ еще открыта только часть его и больше половины лежитъ подъ пепломъ Везувія. Въ послѣднее время около двадцати работниковъ постоянно заняты раскопкой подъ главной дирекціей Фіорелли. Нѣсколько архитекторовъ и инженеровъ непосредственно наблюдаютъ за работами.

Общественныя заднія вмѣстѣ съ двумя площадями занимаютъ южную часть города, которая давно открыта. Отрыты: западная съ геркуланской дорогой внѣ города, городскія стѣны и ворота, и на восточной сторонѣ амфитеатръ. Одна большая улица (Стабіанская) пересѣкаетъ городъ съ СЗ на Ю. В. На западъ отъ нея находится отрытый городъ; на востокъ за немногими исключеніями, покрытый пепломъ. Въ послѣднее время работы шли сначала немного на востокъ отъ Стабіанской улицы. Въ

небольшомъ переулкѣ, перпендикулярномъ къ этой улицѣ, заслуживаютъ вниманія два дома. На одномъ читается надпись избирателя Сведія Клемента, который рекомендуетъ въ дуумвиры М. Эпидія Сабина. Последнимъ именемъ и принято называть новый домъ. Входъ въ него отличается отъ доселѣ извѣстныхъ входовъ Помпей. Во всѣхъ частныхъ помпейскихъ жилищахъ дверь выходитъ прямо на улицу и находится въ узкомъ корридорѣ или сѣняхъ (*ostium, vestibulum, prothyra*). Входъ въ зданіе Эпидія Сабина состоитъ изъ возвышенія или балкона, на который поднимаются по ступенькамъ съ боковъ. — Первая зала, или атриумъ, окружена дорическими колоннами. По обѣимъ сторонамъ атриума двѣ комнаты или, скорѣе, два большіе алькова, отдѣленные отъ него іоническими колоннами. Въ правомъ изъ нихъ алтарь съ колонками и фронтономъ (храмикъ), посвященный ларамъ и генію. Хорошо сохранилась комната въ глубинѣ дома справа, гдѣ на стѣнахъ, среди декоративной живописи, изображены Аполлонъ и музы. Задомомъ былъ садъ. Сохранились также слѣды верхняго этажа. — Второй домъ, рядомъ съ упомянутымъ, довольно богатъ картинами; здѣсь найдены Гермафродитъ и сатиръ, Геркулесъ музагетъ, Орфей и музы (подъ фигурами послѣднихъ сохранились греческія надписи), Актеонъ и Діана, Геркулесъ и Теламонъ освобождаютъ Гезіону, Ипполитъ и Федра и др.

Теперь работы идутъ въ срединѣ города, на западъ отъ Стабіанской улицы; открывается то, что до сихъ поръ было оставлено неоткрытымъ въ этой сторонѣ. — Тутъ найдены граціозныя мраморныя статуэтки, служившія украшеніемъ фонтановъ. Одна представляетъ Венеру. Верхней части ея головы еще не коснулась окончательная отдѣлка рѣзца. Другая статуэтка — смѣющийся Сатиръ стоитъ на одномъ колѣнѣ. — Въ одномъ изъ открытыхъ домовъ колонны были только сложены изъ кирпичей и еще не покрыты стуккомъ, когда Помпею застигло несчастье. Въ этомъ домѣ въ одной комнатѣ найдены три кровати. Вѣроятно, домъ передѣлывался послѣ землетрясенія 63 года, и хозяева его жили только въ одной его части. — Въ другомъ домѣ найдены хорошія картины, перевезенныя въ музей, золотыя и серебряныя вещи туалета и пять скелетовъ.

Перехожу теперь къ Палатину. Здѣсь открыты въ последнее время древнія улицы и ворота, остатки храмовъ и другихъ зданій. — *Palatium*, дворецъ цезарей, составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ зданій Палатина. Его расположеніе вполне ясно. Мы проходимъ по обширнымъ заламъ, въ которыхъ архитектурные фрагменты указываютъ на ихъ первоначальный видъ. Вправо отъ входа залы базилика, влѣво *La-garum*, мѣсто, посвященное домашнимъ богамъ. Далѣе вправо *pudicaeum*, бѣло-мраморный бассейнъ съ цвѣтами. Наконецъ рядъ залъ оканчивается библіотекой и школой, т. е., большой комнатой съ полукруглымъ сидѣньемъ въ родѣ аудиторіи: это зала для чтенія вслухъ или для философскихъ бесѣдъ. Вправо отъ дворца находится дворецъ Тиберія (*domus Tiberiana*), отъ котораго остались только кирпичныя стѣны, лишенные мраморовъ и другихъ украшеній. Между этими двумя зданіями былъ соединявшій ихъ ходъ. Открытіе его занимаетъ теперь директора раскопокъ. Откопали подземную галлерею этого хода со сводами, на штукатуркѣ которыхъ уцѣлѣли арабески, напоминающія подобныя украшенія Термъ Тита.

При палатинскихъ раскопкахъ находятъ надписи, фрагменты статуй, утварь и другія вещи, важныя для реального знакомства съ древностью. Послѣдній годъ былъ богатъ находками христіанскихъ лампъ, къ которымъ я и обращаюсь.

Извѣстно, что небольшія лампы (*lucernae*), преимущественно изъ глины, были въ большомъ употребленіи у древнихъ. Онѣ украшались барельефами мифологическаго содержанія, а у древнихъ христіанъ символами и изображеніями священными. Близъ лѣстницы дома Каллигулы на Палатинѣ въ одной комнатѣ найдено нѣсколько лампъ. На одной изъ нихъ — длинная фигура Христа. Голова окружена крестовымъ нимбомъ. Ногами Христосъ попираетъ большую змѣю; въ правой рукѣ у него длинное древо, на верхнемъ концѣ котораго крестъ (*signe gemmata*). Надъво отъ Спасителя другое пресмыкающееся поднимаетъ голову, а направо ахидна ползетъ у его ногъ; подъ ногами левъ. Два ангела, въ туникахъ и съ крыльями, подлетаютъ съ обѣихъ сторонъ къ Христу. Ясно, что изображеніе относится къ 13 стиху 90 псалма: «на аспидѣ и василискѣ наступиши и попереши льва и змѣя». Красная глина очень хорошаго качества и ободокъ изъ кружковъ съ монограммой Христа, заставляютъ относить найденную лампу къ V вѣку. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ ватиканскимъ диптихомъ V или VI вѣка (*Gori, Thesaurus dypticorum* III, 4). этотъ памятникъ представляетъ намъ одно изъ самыхъ раннихъ пластическихъ воспроизведеній вышеупомянутаго стиха, которыя часто встрѣчаются въ ерневековомъ искусствѣ. — Вмѣстѣ съ этой лампой тамъ же найдены другія IV, V и VI вѣковъ, съ символическими изображеніями рыбы, пальмы, съ монограммой Христа. Между прочимъ встрѣчается еврейскій семисвѣчникъ. Къ христіанскимъ памятникамъ первыхъ трехъ вѣковъ относится лампа съ изображеніемъ добраго пастыря въ кругѣ изъ виноградныхъ лозъ и блюдо съ изображеніемъ рыбы. Рельефы хорошаго стиля. Открытіе этихъ памятниковъ вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ писателей, даютъ поводъ заключить г. де Росси (*Bull. di Arch. Crist.* 1867. № 1), что христіанство въ III вѣкѣ различными путями проникало въ дворецъ цезарей, и къ его послѣдователямъ могли принадлежать самыя чины императорскаго дома.

Лампы, найденныя въ прошломъ году въ Сиракузѣ, имѣютъ своимъ украшеніемъ равносторонній крестъ (*gemmata*), треугольникъ и изображеніе бѣгущаго зайца. Треугольникъ могъ быть простымъ украшеніемъ. Заяцъ часто встрѣчается на христіанскихъ памятникахъ; но символическое значеніе его еще не достаточно объяснено. Г. Аретцо, директоръ археологическаго музея въ Сиракузѣ, видитъ въ зайцѣ представленіе человѣческой природы, наклонной къ грѣху, быстро стремящейся къ нему. (*Bull. di Arch. Crist.* 1867. № 2).

Христіанство было извѣстно въ Римѣ въ первые три вѣка наравнѣ со многими другими восточными вѣрованіями, которыя, сливаясь съ античнымъ язычествомъ, порождали новыя синкретическія религіи. Изъ такихъ религій наиболѣе распространенной въ древнемъ Римѣ было поклоненіе персидскому божеству Миэра. Кромѣ многихъ скульптурныхъ изображеній этого божества въ музеяхъ Рима, Флоренціи и Неаполя, на Аппіевой дорогѣ есть катакомбы съ стѣнописью синкретическаго поклоненія Миэры. — Въ концѣ прошлаго года Карлъ Людовикъ Висконти открылъ надпись, ко-

торая свидѣтельствуеъ о построеніи храма Мюръ въ IV вѣкѣ (близъ церкви S. Silvestro in Capite). Замѣчательно, что зданіе культа было построено не на общественный счетъ: строители святилища говорятъ въ надписи, что, съ паденіемъ языческой религіи, они не имѣютъ нужды въ римской казнѣ для издержекъ на потребности своего собственнаго вѣрованія.

Древнія іудейскія катакомбы входятъ также въ изученіе христіанскихъ древностей. Въ 1867 г. открыто еврейское кладбище близъ христіанскихъ катакомбъ св. Севастіана. Тамъ найдено нѣсколько интересныхъ надписей. Высѣченъ на камняхъ или написанъ краской на кирпичахъ іудейскій символъ — семисвѣчникъ.

На Аппіевой дорогѣ, гдѣ извѣстны теперь три древнееврейскихъ кладбища, находятся по обѣи ея стороны христіанскія катакомбы. На этой дорогѣ направо, если идти отъ Рима, лежатъ обширныя катакомбы Каллиста. Въ сосѣдствѣ съ ними, въ началѣ 1865 г., г. Росси открылъ подземное кладбище Бальбины. Разрытію этихъ катакомбъ преимущественно посвященъ былъ прошлый годъ. Онѣ обширны, ископаны въ нѣсколько этажей; въ нихъ много большихъ криптъ, освѣщенныхъ лучераріями (отверстіями въ потолокъ, которыя пропускаютъ свѣтъ сверху). Символическая живопись, надписи, монограмма Христа и многіе другіе признаки, согласно съ письменными свидѣтельствами, указываютъ на сравнительно позднее происхожденіе этихъ катакомбъ; ихъ слѣдуетъ относить ко времени Діоклетіана или Константина. — Продолженіе работъ на кладбищѣ Каллиста не дало важныхъ открытій. Раскопаны извилистые и узкіе корридоры, безъ живописи и другихъ украшеній; могилы ихъ уже были вскрыты прежде и унесено или уничтожено все, что можетъ интересовать археолога. (См. Bull. di. Arch. Crist. 1867.).

Катакомбы Неаполя извѣстны гораздо менѣе римскихъ. Изъ ихъ широкихъ и высокихъ корридоровъ доселѣ открыты очень немногіе. Въ истекшемъ году неаполитанскій ученый Галанте обратилъ вниманіе на одну подземную комнату, имѣвшую — по всей вѣроятности — сообщеніе съ кладбищемъ Януарія. Въ ней онъ открылъ живопись, представляющую неаполитанскаго епископа Севера и другихъ его современниковъ. Стилъ живописи указываетъ на ея сравнительно позднее происхожденіе: она не можетъ быть ранѣе V вѣка. (См. журн. Росси за прошлый годъ).

За неимѣніемъ другихъ новостей перехожу отъ древне-христіанскихъ памятниковъ прямо къ тому времени, которое близко было къ итальянскому возрожденію. Въ старинной церкви S. Angelo in Formis, близъ Капуи, открыты фрески XI вѣка. Ихъ содержаніе: страшный судъ и событія новозавѣтныя, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльных фигуръ Христа, Богородицы, Ангеловъ и евангельскихъ символовъ. Стилъ этой живописи — византійскій; происхожденіе ея можно объяснить призваніемъ изъ Константинополя мастеровъ для монастыря Монтекассино, которое вполне соответствуетъ по времени украшенію этой церкви аббатомъ Дезидеріемъ. Открытіе фресокъ въ S. Angelo in Formis принадлежитъ инспектору неаполитанской пинаотеки г. Салацаро. Ему поручило правительство осмотрѣть произведенія искусствъ въ бывшихъ (теперь упраздненныхъ) монастыряхъ Неаполитанской области и составить ихъ каталогъ. Изъ 66 произведеній живописи, вошедшихъ въ каталогъ г. Салацаро, нап-

болѣ важныя поступать въ галерею Студій. Изъ нихъ заслуживаетъ особенно вниманія картина миланскаго художника Кривелли съ латинскою надписью и обозначеніемъ времени 1491. г. Она написана на деревѣ и представляетъ Богородицу на тронѣ. До сихъ поръ эта картина находилась въ неаполитанской церкви S. Pietro ad Aram.

Заключу эти извѣстія сообщеніемъ о рукописи съ миниатюрами Джуліо Кловіо: «Служба Богородицы.» Вазари говоритъ что Джуліо работалъ надъ этими миниатюрами въ продолженіи 9 лѣтъ, и что онѣ исполнены съ такимъ стараніемъ и отчетливостію, что никакой суммой денегъ нельзя по достоинству оцѣнить ихъ. Рукопись до 1860 года находилась въ библіотекѣ Студій. Но бывший король Неаполя увезъ ее въ Римъ, чтобы подарить папѣ. Неизвѣстно, гдѣ ее слѣдуетъ искать теперь, въ Ватиканѣ ли или во дворцѣ Фарнезе.

В. Винограденій.

Неаполь.

Старыя деревянныя церкви Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

Не много осталось у насъ на Руси старыхъ деревянныхъ церквей, вездѣ перестроены они на каменные или деревянныя новой архитектуры; но многія изъ насъ помнятъ еще эти маленькіе, темные, деревенскіе храмы изъ круглыша чернолѣся или дуба, съ неотдѣланными, мрачными стѣнами и закоптѣлыми образами — внутри, обшитые снаружы полусгнившимъ тесомъ, съ крошечными, неправильно расположенными, окнами, низкой, и иногда покривившейся отъ времени, колокольней. Скоро первобытная архитектура ихъ сохранится развѣ только въ рисункахъ какого нибудь любителя древности.

Аткарскій уѣздъ сталъ правильно заселяться только со второй половины прошлаго столѣтія; въ это время изба замѣнила шалашъ и землянку бѣглаго выходца внутреннихъ губерній, начали образоваться хутора и поселки; вскорѣ являются рѣдкія, небольшія села, заселяемые по волѣ помѣщиковъ, переведенцами изъ разныхъ губерній. Но еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія разстоянія между этими селами были громадны; кругомъ лежали непаханные ковылье¹⁾, покрытые сурчинами и часто на 40, 50 и болѣе верстахъ степнаго пространства нельзя было встрѣтить ни одного поселка. Съ 1830-хъ годовъ заселеніе края пошло быстрое. Поэтому древнихъ церквей въ уѣздѣ быть не могло; постройки первыхъ храмовъ надо отнести ко 2-й половинѣ XVIII столѣтія; почти всѣ эти церкви еще на памяти мѣстныхъ жителей, но прошли уже десятки лѣтъ какъ они не существуютъ и замѣнены новыми. Здѣсь я назову только одну, которая доживаетъ свой вѣкъ.

Мнѣ случилось ѣхать изъ города Аткарска въ село Лисичкино; на пути лежитъ при рѣкѣ Медвѣдицѣ село Киселевка; въ сторонѣ отъ деревни, около оврага, неров-

¹⁾ Никогда непаханныя степи, поросшія ковылемъ (Stipa repens).

ная изрытая почва и остатокъ деревянныхъ крестовъ указываютъ мѣсто кладбища. Здѣсь, между могилъ, высится одинокая сѣренькая, ветхая церковь, съ полусогнувшей обшивкой, выбитыми окнами, заколоченными досками; это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ еще памятниковъ нашей деревенской архитектуры Божьихъ храмовъ конца прошлаго столѣтія. Миѣ сказали, что и этотъ почти послѣдній образецъ уже проданъ и осенью будетъ сломанъ. Церковь — во имя Дмитрія Ростовскаго, называется въ селѣ кладбищенской, не имѣетъ храмо-зданной грамоты; извѣстно только по церковнымъ документамъ, что она устроена и освящена въ 1800-мъ году, длина ея съ колокольнею 18 аршинъ, вышина храма съ куполомъ и крестомъ 6 сажень, вышина колокольни 5 сажень, внутри она обита холстомъ; куполы обшиты бѣлой жестию, кресты желѣзные фигурчатые. Послѣднее время въ ней производилось богослуженіе только на Дмитріевъ день, во время ярмарки.

А. Минхъ.

Находка монетъ. Въ Нижегородской губерніи, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, крестьянинъ села Ильинскаго случайно нашелъ на берегу рѣки Алатыри, около Мангушевской мельницы, 42 старинныя серебряныя монеты. Благодаря содѣйствію мирового посредника Лукояновскаго уѣзда, В. И. Яшерева, кладъ этотъ былъ доставленъ въ Нижегородскій Статистическій Комитетъ, а отсюда, въ сентябѣ мѣсяцѣ 1867 года, присланъ на разсмотрѣніе Археологической Комиссіи. Всѣ 42 монеты относятся къ XIV-му столѣтію и чеканены золото - ордынскими ханами Джанибекомъ, Бирдибекомъ, Наврузомъ, Хызромъ, Урду-Меликомъ, Абдуллахомъ и Тохтамышемъ въ Сараѣ, Гюлистанѣ, Ордѣ и Азакѣ (Азовѣ). Древнѣйшая изъ нихъ выбита въ 742 или 746 году гидржы, т. е. въ 1341—1342 или 1346—1347 году нашего лѣтосчисленія, позднѣйшая въ 796 = 1393—1394 году. Неизвѣстныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ между ними нѣтъ. По желанію Нижегородскаго Статистическаго Комитета вся находка предоставлена въ распоряженіе будущаго Нижегородскаго музея.

В. Т.

Mittheilungen der K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Redakteur: Anton Ritter von Perger. XII. Jahrgang. März-October. Wien 1867. 4° съ гравюрами и полтипажами.

Г. Каницъ, во второй статьѣ, описываетъ древности Сербіи по теченію Дуная отъ Градица до Бѣлграда. Разрѣшая многіе важные топографическіе вопросы, онъ обращаетъ особое вниманіе и на разныя скульптуры, открытыя въ описываемыхъ имъ мѣстностяхъ и сообщаетъ рисунки съ нихъ. Любопытны также изображенія крѣпости Семендрин и ея стѣнъ, и развалины средневѣковаго замка Авала, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Бѣлграда. — Д-ръ Карлъ Линдъ посвящаетъ особое изслѣдованіе митрѣ, какъ отличительному знаку епископскаго сана. Но въ изслѣдованіи своемъ, тоже сопровождаемомъ рисунками, онъ, въ сожалѣнію, обращаетъ вниманіе исключительно на памятники искусства западныхъ народовъ. — Извѣстный знатокъ средневѣковаго искусства, Д-ръ Францъ Бокъ, въ весьма обширной статьѣ знакомитъ насъ съ замѣчательными и досихъ поръ не описанными памятниками средневѣковой древности, хранящимися въ венгерскомъ національномъ музеѣ въ Пештѣ. Специальность этого автора — литургическія одежды и сосуды; на нихъ то онъ и обращаетъ особое вниманіе. Пештскій музей содержитъ весьма замѣчательные въ этомъ отношеніи предметы, представляющіе много загадокъ археологу. Для насъ въ его статьѣ весьма важно описаніе короны Константина Мономаха, весьма замѣчательной по находящейся на ней византійскимъ эмалямъ съ надписями. Корона эта была найдена въ 1860 и 1861 годахъ при обработкѣ одного поля въ Венгріи. Другія описываемыя въ этой статьѣ древности важны для венгерской исторіи. — Д-ръ Фридрихъ Кениеръ описалъ весьма живописное капище Митры, открытое близъ Крейсебаха, служащее новымъ доказательствомъ широкаго распространенія восточныхъ культа въ Римской Имперіи. Наконецъ, въ весьма интересной статьѣ, Д-ръ К. Линдъ разсматриваетъ средневѣковыя центральныя постройки, находящіяся преимущественно въ Нижней Австріи. Въ библиографическихъ образахъ этого журнала разсмотрѣно много сочиненій, касающихся средне-

вѣковаго искусства а въ мелкихъ статьяхъ есть любопытныя указанія на памятники, совершенно неизвѣстные, или факты, досихъ поръ ускользавшіе отъ вниманія археологовъ. Вообще все изданіе отличается весьма добросовѣстною и отчетливою редакціею.

Revue de l'art chrétien. Recueil mensuel d'archéologie religieuse dirigé par M. l'abbé I. Corblat. Onzième année. N° 5—12. Mai-Décembre. 1867. Arraset Paris.

Къ замѣчательнѣйшимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ означенныхъ книжкахъ журнала аббата Корблэ, принадлежитъ рядъ статей, писанныхъ Шарлемъ де Линасомъ объ археологическомъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставки 1867 года. Статьи эти озаглавлены: L'histoire du travail à l'exposition universelle de 1867 и представляютъ самый полный обзоръ отдѣла, имѣвшаго необыкновенную цѣну въ глазахъ каждаго археолога. Къ сожалѣнію, должно прибавить, что авторъ подавляемый избыткомъ матеріала, который ему слѣдовало обозрѣть, весьма часто переходитъ въ тонъ каталога, въ одну сухую номенклатуру. Тамъ же, гдѣ онъ дѣлаетъ собственныя замѣчанія и наблюденія, онъ, преимущественно въ спеціально ему знакомыхъ вѣтвяхъ искусства, весьма поучителенъ. Страницы, посвященныя русскому археологическому отдѣлу, написаны съ очаровательною любовью француза. Рядъ статей де Линаса, въ непродолжительномъ времени, выйдетъ въ свѣтъ отдѣльною книгою, въ болѣе полномъ объемѣ, съ гравюрами. — Г-жа Фелиси д'Айзакъ, изучающая по средневѣковымъ писателямъ и вещественнымъ памятникамъ символическую среднихъ вѣковъ, напечатала въ Майской книжкѣ отрывокъ изъ своей мистической и монументальной зоологіи о конѣ. — Аббатъ Ганъ Дриваль изслѣдовалъ нѣкоторыя религіозныя представленія древнихъ Египтянъ, встрѣчаемыя на ихъ памятникахъ, въ статьѣ: L'art et la philosophie de l'Égypte étudiés dans un de ses monuments. Годовое изданіе, по обыкновенію, оканчивается отлично составленными тремя указателями, обнимающими писателей, гравюры и предметы, изложенные въ изданіи аббата Корблэ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЬ 6-Ю ВЫПУСКАМИ ВЪ ГОДЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ 6 ЛИСТОВЪ.

ЦѢНА ЧЕТВЕРТОМУ ВЫПУСКУ 1 Р. С.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги, ст. П. И. Срезневскаго (съ 5-ю рисунками); Лабарумъ Константина Великаго, ст. П. С. Казанскаго; Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ, ст. А. В. Брыкина; О греческой кормчей древняго состава, ст. арх. Амфилохія (съ рисункомъ); Для археологій каменнаго вѣка въ Россіи, статьи: П. Ревякина и А. А. Котляревскаго; (съ тремя полиטיפажми); Критика и библіографія, статьи: П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденція; Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ); Приложение: Засѣданія Московскаго археологическаго общества № 1, 2 и 3 (съ полиטיפажми).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ — статья члена осн. А. С. Уварова. (съ полиטיפажемъ); Два надгробные камня, открытые на Таманскомъ полуостровѣ, — статья чл. осн. К. К. Гёрца (съ рисункомъ); Для исторіи древне-славянскаго наряда, — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгардта. Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, статья д. члена Д. О. Шепинга (съ рисункомъ); Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей, — статья чл. о. Д. П. Сонцова (съ двумя полиטיפажми). Критика и библіографія, статьи чл. о. гр. А. С. Уварова о сочиненіи Пипера: „JOHANNES DER TÄUFER IN GRIECHISCHEN KUNSTVORSTELLUNGEN“; статьи: чл. о. К. К. Гёрца и д. чл. А. А. Котляревскаго; Археологическія извѣстія и корреспонденція, статьи: г. Падрена де Карне и А. А. Котляревскаго (съ четырьмя полиטיפажми); К. А. Морло, объ археологическихъ трудахъ его, — ст. д. чл. А. А. Котляревскаго. Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ).

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА:

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ — статьи дѣйств. чл. А. А. Потебни; О древностяхъ заволоцкой Чуди печорскаго края — статья дѣйств. чл. Э. И. Эйхвальда. Замѣтки по литературной археологій 1) бронтологій и астрологическія предвѣщанія 2) Гермесъ Трисмегистъ — статьи дѣйств. чл. А. Н. Пыпина; критика и библіографія: ст. дѣйств. чл. А. Н. Аванасьева о сочиненіи FUSTEL DE COULANGES' A — LA CITÉ ANTIQUE. статьи: дѣйств. чл. В. Е. Тизенгаузена, П. И. Лерха и чл. осн. К. К. Гёрца. Археологическія извѣстія и корреспонденція — статьи дѣйств. чл. гр. Е. П. Тышкевича, П. И. Лерха, В. Е. Тизенгаузена и др. (съ четырьмя полиטיפажми)

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА:

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ, — статья дѣйств. чл. А. А. Потебни (окончаніе) О древнихъ камняхъ—памятникахъ западной руси и подляхъ — статья дѣйств. чл. графа Е. П. Тышкевича (съ шестью полиטיפажми). Къ русской иконографіи: о нѣкоторыхъ произведеніяхъ русской иконописи, находящ. въ западной Европѣ, ст. чл. Н. С. Некрасова. Нумизматическія замѣтки: I. о монетѣ Антимаха Θεοσα съ именемъ Діодота, ст. дѣйств. чл. В. В. Григорьева. II. деньга Андрея Ивановича сына Калиты (съ полиטיפажемъ), ст. чл. осн. Д. П. Сонцова. Критика: о сочиненіи Богданова: Матерьялы для антропологій курганнаго періода московск. губерніи ст. дѣйств. чл. А. А. Котляревскаго. Библіографія, статьи чл. А. Н. Аванасьева, К. К. Гёрца, А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденція — статьи: А. Терещенко, чл. гр. А. С. Уварова, П. С. Казанскаго и др.

ЦѢНА 1, 2 и 3-му ВЫПУСКУ ПО 1 РУБ. С.

Печатано по опредѣленію Общества.

Типографія Грачева и К^о у Пречистенскихъ воротъ д. Милаковой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

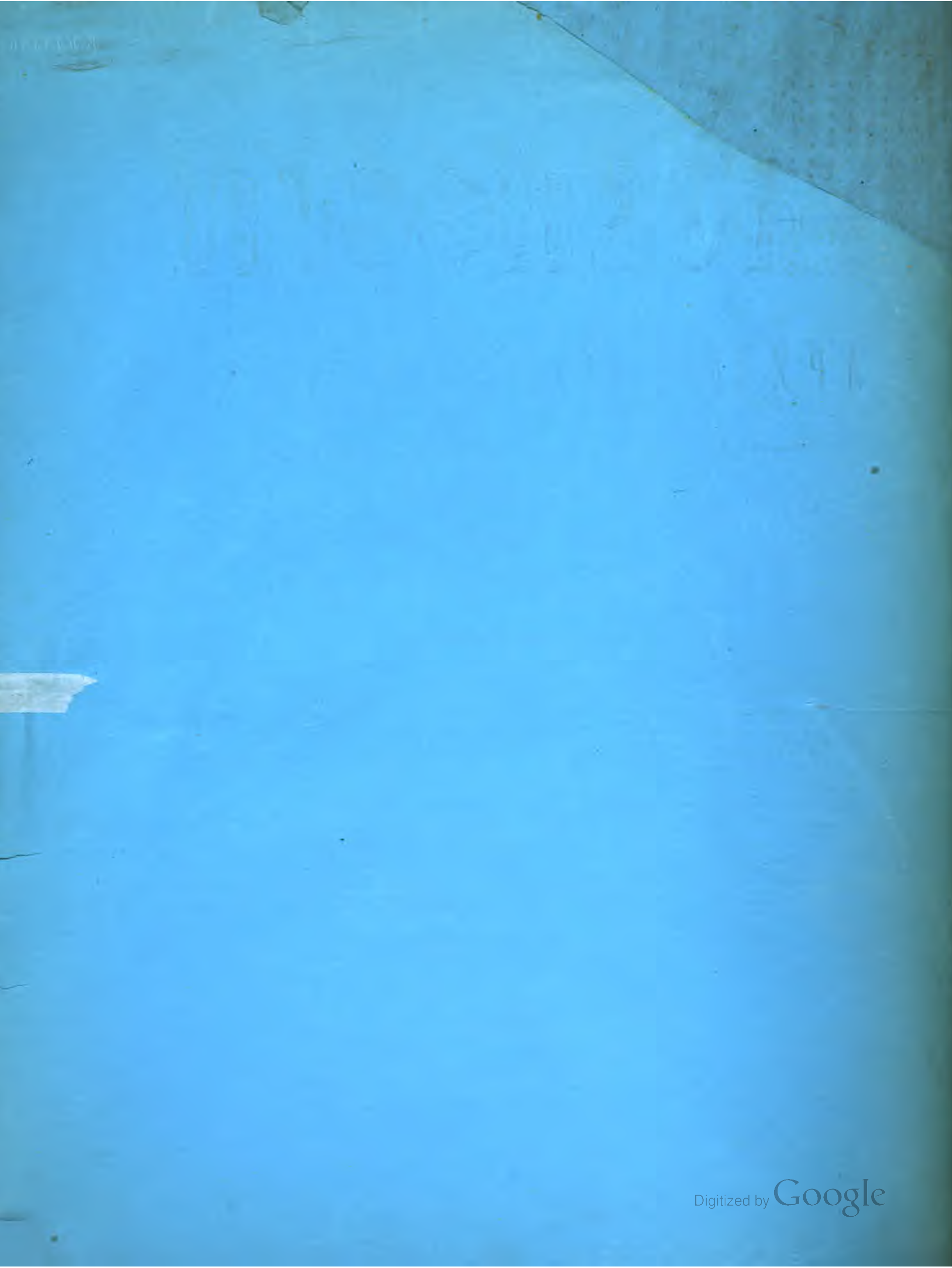
Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

ПАТРИАРШЕ ПЪВЧІЕ ДЪЯКИ И ПОДДІАКИ—статья д. чл. Д. В. Разумовскаго.	241-253
ПЕРЕПРАВА ЧРЕЗЪ ВОДУ, КАКЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БРАКА—статья д. чл. А. А. Потебни.	254-266
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ: 1) ДОМЪ МАЛЮТЫ СКУРАТОВА ст. чл. Н. В. Калачова.	267-270
2) ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ О ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКОМЪ СОСУДѢ, СТАТ. В. Н. ВИНО- ГРАДСКАГО.	271-274
3) НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ИЗЪ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕ- РУССКАГО ИКОНОПИСЦА, СТАТІЯ Д. ЧЛ. И. С. НЕКРАСОВА.	275-277
4) АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОЕОДОСІИ, СОСТАВЛЕНО ПО ОФФИЦІАЛЬ- НЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.	278-282
5) КУБАНСКАЯ КАМЕННАЯ БАБА (СЪ ПОЛИТИПАНІЕМЪ).	282-283
ИЗВѢСТІЯ, ГРАФЪ КОНСТАНТИНЪ ПІЕВИЧЪ ТЫШКЕВИЧЪ. А. К.	283-285

МОСКВА.

—
1868.

ПАТРИАРШІЕ ПѢВЧІЕ ДѢЯКИ И ПОДДІАКИ.

ХОРЪ ПАТРИАРШИХЪ ПѢВЦОВЪ, ЕГО ЧИСЛЕННОСТЬ, ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО, ОДЕЖДА, ЖИЛИЩЕ, ПИЩА, ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ. ПРАВА И ПРЕИМУЩЕСТВА ПАТРИАРШИХЪ ПѢВЧИХЪ ДѢЯКОВЪ И ПОДДІАКОВЪ.

Всероссійскіе Патріархи, во все время служенія своего Русской церкви, постоянно имѣли при себѣ особый хоръ пѣвчихъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ подъ именемъ Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддѣяковъ.

Хоръ Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддѣяковъ, по своей численности, былъ очень значителенъ. Но численность Патріаршаго хора никогда не была опредѣлена строго и точно. При первыхъ Патріархахъ число пѣвцовъ было гораздо менѣе, чѣмъ при Патріархахъ послѣдующихъ, жившихъ во второй половинѣ XVII в. При Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ (1626 и 1627 г.) находилось только двадцать девять пѣвчихъ дѣяковъ и поддѣяковъ, а при послѣднихъ Патріархахъ (1692 и 1698 г.) ихъ считалось уже пятьдесятъ человѣкъ; слѣдовательно почти вдвое болѣе.

Патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддѣяки составляли два отдѣльныхъ класса. Къ первому изъ нихъ принадлежали пѣвчіе дѣяки, а ко второму—пѣвчіе поддѣяки.

Собственно пѣвчіе дѣяки, всегда почти въ числѣ десяти человѣкъ, раздѣлялись на двѣ статьи, или станицы, по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ. Такое раздѣленіе пѣвчихъ дѣяковъ опредѣлялось ихъ служеніемъ въ храмѣ, гдѣ издревле находились, какъ и доселѣ находятся, два мѣста для пѣвцовъ: правая, десная, страна или правый клиросъ, и лѣвая страна, или лѣвый клиросъ. На правомъ клиросѣ всегда помѣщалась первая станица Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ, а лѣвый клиросъ занимала всегда вторая станица Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ. Поэтому въ лѣтописяхъ первая станица пѣвчихъ дѣяковъ называется большою станицею и пѣв-

чими праваго клироса; вторая-же станица тѣхъ-же дьяковъ именуется другою станицею, или, иначе, пѣвчими лѣваго клироса. При Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ первую станицу пѣвчихъ дьяковъ составляли, т. е. на правомъ клиросѣ становились—Андрей Кузьминъ, Иванъ Никитинъ, Димитрій Фалалеевъ и Богданъ Ивановъ, а ко второй станицѣ принадлежали, или становились на лѣвомъ клиросѣ, Даніилъ Ивановъ, Савинъ Михайловъ, Леонтій Михайловъ и Титъ Іосифовъ.

Патріаршіе пѣвчіе поддіаки раздѣлялись на шесть станицъ, также большею частію по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ. Нерѣдко къ нимъ присоединялась еще седьмая станица, состоявшая изъ новоприбылыхъ малыхъ поддіаковъ. Изъ этихъ станицъ первая и вторая станицы поддіаковъ назывались большими станицами, а третья и четвертая—меньшими станицами. Въ исходѣ же XVII в. только одна первая станица Патріаршихъ пѣвчихъ поддіаковъ называлась большею; прочія же шесть станицъ извѣстны были подъ именемъ рядовыхъ.

Всѣ пѣвчіе дьяки и поддіаки, по возрасту своему, раздѣлялись на большихъ или возрастныхъ, и малыхъ или недоростковъ. Возрастнымъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ невозбранно дозволялось вступать въ бракъ и проводить семейную жизнь. Новоприбыльные малые поддіаки всегда помѣщались въ шестую и седьмую станицы, отчего седьмая станица Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ была иногда менѣе, а иногда болѣе пяти человѣкъ, и считалась какъ-бы добавочною.

Въ Патріаршіе пѣвцы, безъ сомнѣнія, поступали преимущественно такіа лица, которыя обладали естественнымъ, сильнымъ и чистымъ, голосомъ, къ какой бы области онъ ни принадлежалъ. Но естественное дарованіе и въ то время, какъ нынѣ, имѣло въ пѣвцѣ второстепенное значеніе. Достоинство пѣвца главнымъ образомъ опредѣлялось знаніемъ того, что, когда и какъ, надлежало пѣть или исполнять. Патріарховы пѣвчіе дьяки и поддіаки въ совершенствѣ знали самый употребительный и старинный въ русской церкви знаменный или столповый распѣвъ, а также большое и малое демественное пѣніе, или просто демество. Кромѣ того Патріаршими пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ извѣстно было пѣніе трехстрочное, а со второй половины XVII вѣка—греческій, большій и малый, распѣвъ. Въ 1667 г. 7-го марта въ субботу пятую святыхъ постовъ, при торжествѣ въ похвалу Пресвятыя Богородицы «пѣвчіе дьяки Патріарши пѣли на обѣихъ клиросѣхъ Взбранной воеводѣ троестрочную, а по второй каензмѣ и по третей пѣсни и по шестой пѣли греческую меньшую, а послѣднюю самую пѣли на сходѣ обѣ станицы—большую греческую. ¹⁾

Прямая обязанность Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ состояла въ исполненіи церковнаго пѣнія при служеніи Патріаршемъ, за исключеніемъ однакоже Московскаго большаго Успенскаго Собора. Здѣсь пѣніе издавна исполнялось мѣстными священниками и діаконами. Поэтому при служеніи Патріарха въ семъ соборѣ пѣніе исполнялось то исключительно Патріаршими пѣвчими дьяками и поддіаками, то

¹⁾ Доп. въ V Т. А. Н. Выходы Патріаршіе № 26.

совокупно и попеременно съ соборными священниками, то единственно одними соборными священниками. Въ 1685 г., въ недѣлю мясопустную, Патріархъ указалъ пѣти всенощную службу священникамъ, а на пѣвцевъ гнѣвъ былъ за то, что не послѣли къ началу службы. Иногда Патріаршіе пѣвчіе исполняли церковное пѣніе совокупно съ священниками и въ другихъ храмахъ. Въ 1666 г. февраля 11-го, «Патріархъ слушалъ литургію у себя на дворѣ, у Трехъ Святителей, и всѣ власти, а пѣли знаменное на одномъ крылосѣ священники тое церкви со иными, а на лѣвомъ Патріарховы пѣвчіе поддіаки».

Кромѣ того Патріаршіе пѣвчіе принимали постоянное участіе въ пѣніи во время крестныхъ ходовъ, при торжествѣ новолѣтія, при погребеніи лицъ царскаго дома, при совершеніи торжественныхъ панихидъ и пр. Они также нерѣдко ходили за Патріархомъ на богомолье. Патріаршіи пѣвчій дьякъ Ѳеодоръ Константиновъ подъ 1667 г. записалъ, что «апрѣля въ 20-й день Вселенскіе Патріархи Памсіи Александрійскій, Макарій Антиохійскій ходили къ живоначальной Троицы въ Сергіевъ монастырь молиться; властей съ ними были Газскій Митрополитъ Памсіи да Грузинскій Митрополитъ, и нини ихъ Архимандриты и Игумены, да чудовской Архимандритъ Іоакимъ, да Всемилоствигаго Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Іосифъ, да пѣвчихъ діаконъ Патріарховыхъ станица лѣвой клиросъ, да поддіаконы съ поддіаки съ девятью человекъ, всѣхъ было четырнадцать человекъ». ¹⁾ Въ 1666 г., когда оба вселенскіе Патріархи ходили въ Звенигородъ, въ Саввинъ монастырь, съ ними отпущены были лѣвый клиросъ Патріаршихъ пѣвчихъ, да поддіаконы большая и меньшая станица. ²⁾ Нерѣдко Патріаршіе пѣвчіе діаки пѣли при столѣ, во дворѣ царя и при домѣ самаго Патріарха. Въ 1666 г. въ столѣ у царя пѣли стихъ пѣвчіе государевы первая станица: Ты царю сый и пребывай во вѣки, а потомъ пѣли Патріарховы пѣвчіе діаки и поддіаки виѣстѣ, прежде сѣдаленъ Рождеству пречистыя Богородицы: возопій Давиде, да потомъ канонъ Пасцѣ весь пропѣли. ³⁾

При отправленіи своей прямой обязанности въ храмѣ, при служеніи Патріаршемъ, пѣвчіе діаки и поддіаки Патріарха постоянно облачались въ стихари то золотые, то серебряные бѣлые, то черные, смотря по степени и значенію духовнаго торжества. При поставленіи царя Ѳеодора Алексѣевича на царство (1676), Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки были въ золотыхъ стихаряхъ. Стихари надѣвали даже и малые пѣвчіе поддіаки, какъ это обыкновенно бывало въ недѣлю цвѣтоносія, когда малые пѣвчіе стояли въ саняхъ при украшенной вербѣ и пѣли стихиры. Церковное облаченіе Патріаршихъ пѣвчихъ діаконъ и поддіаконъ было столь обыкновеннымъ явленіемъ, что сохранившіяся современныя записи упоминаютъ о пѣніи безъ облаченія, какъ о явленіи необычномъ. Такъ напр. было въ 1686 и 1695 годахъ.

¹⁾ Доп. къ V Т. А. И. стр. 125.

²⁾ Доп. къ А. И. Т. V Выходы Патріаршіе стр. 119.

³⁾ Доп. къ А. И. Т. V Выходы Патріаршіе стр. 113 и 123.

Въ обыкновенное-же, неслужбное, время, одежда Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ нисколько не отличалась отъ одежды современныхъ діаконовъ. Она состояла изъ рясы и подрясника, перетянутого поясомъ. Все это было суконное. Патріаршіе пѣвчіе діаки получали сукна или отъ царя, или отъ русскихъ епископовъ. Царскія сукна назывались у пѣвчихъ діаковъ причастными, когда выдавались по случаю причащенія царя и царицы, милостинными, когда выдавались въ награду или поощреніе, и при особенныхъ церковныхъ торжествахъ, на которыхъ присутствовалъ царь. Сукна царскія, разныхъ цвѣтовъ, выдавались по определенной мѣрѣ, смотря по лицу, для котораго назначались. Большею мѣрою сукна служило портище, т. е. четыре аршина безъ четверти. Въ расходной книгѣ 1613 г. по случаю «пещнаго дѣйства», подъ 21 декабря, записано: «дано тремъ отрокамъ за пещное дѣйство по три аршина сукна настрафилю вишневаго, по 17 алтынъ 2 деньги за аршинъ. Да пѣвчему діаку Григорью Андрееву за пещное ученье три съ половиною аршина сукна свѣтлозеленаго настрафилю, цѣна 2 рубли портище; да пѣвчимъ-же діакамъ четверемъ человекамъ за пещное дѣйство четыре портища сукна настрафилю-же. Въ томъ числѣ одно портище аглинскаго сукна вишневаго цвѣта цѣною два рубли, шесть алтынъ, четыре свѣтлозеленаго настрафилю цѣна два рубли, и два портища лазоревыхъ тоже цѣною два рубли каждая. Да двумъ человекамъ халдѣямъ Степану да Савѣ лазореваго-же настрафилю по портищу цѣною два рубли, четыре алтына, двѣ деньги». ¹⁾ Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки получали сукна отъ русскихъ епископовъ, во время поставленія ихъ въ санъ епископскій. Поставленіе въ епископа при Патріархахъ всероссійскихъ всегда совершалось въ храмѣ Успенія, или, какъ нынѣ принято называть, въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ. При этомъ новопоставляемый, по существовавшему тогда обычаю, для большаго благолѣпія и торжества въ священнослуженіи, обкладывалъ сукномъ нѣкоторыя мѣста въ Соборѣ. Это-то сукно и оставалось въ пользу Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Всѣ эти сукна, кажется, вполне обеспечивали годовое содержаніе пѣвчихъ діаковъ одеждою: поэтому нерѣдко можно встрѣтить просьбу Патріарховыхъ пѣвчихъ діаковъ къ царю о томъ, чтобы онъ вмѣсто суконъ, обычнаго дара въ извѣстныхъ случаяхъ, приказалъ выдать наличныя деньги. Эта просьба всегда удовлетворялась.

Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки имѣли постоянное пребываніе въ слободахъ Патріаршихъ, на землѣ, принадлежавшей въ Москвѣ Патріаршему дому. Въ половинѣ XVII вѣка вѣдно было у Патріарха слободы взяти совсѣмъ (Улож. гл. 19. ст. 1.). Но Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки не остались безъ приюта. Около 1670 г. Патріархъ купилъ землю для пѣвческихъ дворовъ у князя Голицына. Эта земля находилась въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, въ смежности съ землями Бого-явленскаго монастыря, Новгородскаго Митрополита и Троицкаго Сергіева монастыря. На этой землѣ пѣвчіе діаки и поддіаки Патріарха построили свои, вѣроятно, деревянные дворы. Въ 1684 году помѣщеніе пѣвчихъ оказалось тѣснымъ, и потому Пат-

¹⁾ Кн. расх. 121 г. М. О. П. № 717.

ріархъ указалъ къ пѣвческой землѣ прирѣзать отъ сосѣдней огородной земли Троицкаго монастыря въ длину полторы сажени, а въ ширину 18 сажень съ полусаженію. Черезъ шесть лѣтъ потомъ, Патріархъ Іоакимъ рѣшился замѣнить деревянное жилище пѣвчихъ каменнымъ строеніемъ и указалъ подъ жилье пѣвчихъ вновь прирѣзать отъ огородной земли Троицкаго монастыря въ длину три сажени одинъ аршинъ, а въ ширину 18 сажень съ полусаженію. Отчужденіе огородной земли Троицкаго монастыря совершилось по мѣновому акту. Въ грамотѣ Патріарха, писанной къ властямъ Троицкаго монастыря въ 1690 г., говорилось: «въ прошломъ 191 г. (1684 г.) по нашему указу взято въ домъ Пресвятыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ и намъ Патріархамъ, на Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, подъ дворы нашихъ домовыхъ пѣвчихъ, діаконъ и поддіаконъ, Троицкаго Сергіева монастыря подворья огородной земли, отъ Митрополичья Новгородскаго подворья, подлѣ нашей домовой пѣвческой земли до улицы, что позади Богоявленскаго монастыря, изъ длинника полторы сажени, а изъ поперечника восемнадцать сажень съ полусаженію. А въ нынѣшнемъ 197 г. Октября въ 20 день, по нашему-же Святѣйшаго Патріарха указу, а съ вами властями по договору, пристойлось принять подъ дворовое каменное строеніе ихъ, домовыхъ нашихъ пѣвчихъ діаконъ и поддіаконъ, того-же Троицкаго подворья огородной же земли къ прежней смежной изъ длинника три сажени одинъ аршина, а изъ поперечника противъ прежняго 18 сажень съ полусаженію; обою и съ прежнимъ изъ длинника пять сажень безъ четверти аршина, а изъ поперечника 18 сажень съ полусаженію. А вмѣсто той огородной Троицкаго подворья земли, прежней и нынѣшней, дать въ домъ Живоначальныя Троицы наши Святѣйшаго Патріарха церковные пустовые земли, которыя пустѣютъ изъ давнихъ лѣтъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ вынебожскомъ стану, въ вотчинныхъ земляхъ Троицкаго-же Сергіева монастыря церковную землю Николая Чудотворца, что было село Желтиково, да церковную-же землю Николая Чудотворца, что было село Лазарево съ пашнею и съ лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всѣми угоды. А по писцовымъ книгамъ 135 и 136 годовъ въ тѣхъ церковныхъ земляхъ пашни и перелѣсу и лѣсомъ поросли тридцать пять четей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, — сѣна двадцать пять копень; и на тѣ наши вышеписанные церковные земли впредь для вотчиннаго владѣнія дать въ домъ Живоначальныя Троицы мѣновную за нашею домовою казенною печатію и за руками казначеевъ нашихъ, а Троицкаго подворья на огородную вышеписанную, прежнюю и нынѣшнюю, землю взять въ домовую нашу казну противъ того-жъ мѣновную за вашими руками. И какъ къ вамъ сія наша Святѣйшаго Патріарха грамота придетъ, и вы бы, противъ нашего указу и своего договору, Московскаго Китайскаго Троицкаго Подворья на прежнюю взятую и нынѣшнюю огородную землю, которая пристойлась подъ дворовое каменное строеніе къ домовой нашей пѣвческой землѣ, прислали къ Москвѣ мѣновную за своими руками не мотчавъ, а на наши домовые вышеписанные церковные земли мѣновную велѣли у нашихъ казначеевъ принять.»

Столъ Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаконъ, по записямъ XVII в., можно почитать, если не совершенно роскошнымъ, то по крайней мѣрѣ достаточно полнымъ. Всѣ сѣстные припасы для стола пѣвчихъ отпускались ежегодно съ житнаго пат-

ріаршаго двора. Зерновой хлѣбъ, соль, ¹⁾ рыбныя припасы выдавались въ такомъ количествѣ, которое съ избыткомъ могло удовлетворять дневной потребности.

Выдача зерноваго хлѣба пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ (или иначе, годовое хлѣбное жалованье) производилась отдѣльно каждому пѣвчему дьяку и поддіаку.

Она соразмѣрялась съ значеніемъ станицы, къ которой принадлежалъ пѣвчій дьякъ или поддіакъ. Каждый пѣвчій дьякъ первой станицы получалъ вдвое болѣе зерноваго хлѣба, чѣмъ пѣвчій поддіакъ первой станицы; точно также пѣвчему дьяку второй станицы отпускалось вдвое болѣе хлѣба, чѣмъ пѣвчему поддіаку второй же станицы. Количество зерноваго хлѣба, выдаваемого пѣвчимъ поддіакамъ 1-й и 2-й станицы, въ свою очередь было вдвое болѣе количества того же хлѣба, выдаваемого пѣвчимъ поддіакамъ 5-й и 6-й станицы. Вотъ болѣе подробный счетъ:

				О д н о м у			
				Р ж и		О в с а	
				четвер- тей	четвер- ковъ.	четвер- тей.	четвер- ковъ.
Пѣвчимъ дьякамъ		первой	станцы	17	2	17	2
—	—	второй	—	14	—	14	—
—	поддіакамъ	первой	—	8	2	8	2
—	—	второй	—	7	—	7	—
—	—	третьей	—	5	4	5	4
—	—	четвертой	—	5	—	5	—
—	—	пятой	—	4	1	4	1
—	—	шестой	—	3	4	3	4
—	—	седьмой	—	3	—	3	—

Если принять во вниманіе полное число Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ: то окажется, что съ Патріаршаго житнаго двора выдавалось имъ ежегодно до 400 четвертей ржи и столько же четвертей овса.

Въ мясоистіе Патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки получали деньги на свиное мясо. Въ поденной обиходной книгѣ 1700 г. значится, что за годовое свиное мясо выдано изъ Патріаршей казны всѣмъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ 90 р. 26 к. Въ посты, строго соблюдавшіеся предками нашими, пѣвчимъ Патріаршимъ выдавалось немалое количество рыбныхъ припасовъ. Эти припасы состояли изъ осетрины, семги, бѣлуги и икры. Выдача сихъ припасовъ, по количеству своему, сообразовалась не только съ значеніемъ станицы, къ которой принадлежалъ пѣвчій дьякъ, но и съ различіемъ семейныхъ обстоятельствъ. Женатыя пѣвчіе дьяки получали болѣе припасовъ, чѣмъ холостые. Въ 1700 г. было выдано тридцати семи женатымъ пѣвчимъ

¹⁾ Соль выдавалась патріаршимъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ дважды въ годъ, въ посты — великій и Успенскій. Каждый семейный пѣвчій дьякъ и поддіакъ получалъ въ это время по два съ половиною нуда соли, а каждый холостой — по два нуда. Въ 1700 г. всѣмъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ выдано было отъ патріарха сто двадцать нудовъ соли.

дьякамъ и поддіакамъ, каждому, на филипповъ и петровъ посты — два осетра, и двѣ семги, икры армянской 10 фунтовъ; къ сырной недѣлѣ — по бѣлугѣ и семгѣ и 6 ф. икры. Холостые же пѣвчіе дьяки, въ числѣ 10-ти человекъ, получили въ тоже время на филипповъ постъ — по полуосетру, и по семгѣ и по 4 фунта икры; на петровъ постъ — по цѣлому осетру и по семгѣ; и, наконецъ, къ сырной недѣлѣ — по полубѣлугѣ, по семгѣ и по 4 ф. икры.

Вся эта пища находилась на обыкновенномъ, будничномъ, столѣ Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ. Въ праздники являлись на столѣ ихъ болѣе разнообразныя яства, отпускавшіяся также съ Патріаршаго двора. Въ воскресные и праздничные дни, а также въ государскіе Ангелы, столъ Патріаршихъ пѣвцовъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, по десяти нарядовъ въ блюдо. Въ эти дни съ Патріаршаго двора отпускалось пѣвцамъ «по два хлѣба съ половиною, по десяти пироговъ, по колачу хомутиному въ блюдо, икры армянской пять фунтовъ, визиги пять пучковъ въ нарядъ, щукъ десять колодокъ, ухи и варенчугу и штей съ снѣтками по десяти нарядовъ, — звень бѣлужьихъ одинъ пудъ восемь фунтовъ, семги, двѣнадцать фунтовъ съ половиною, и рыба паровая. Кромѣ того, въ господніе праздники поставлялись прибавочныя блюда изъ полтора пуда осетрины, десяти кружковъ тельнаго и десяти блюдъ пряженыхъ пироговъ». При яствахъ во всѣ воскресные и праздничные дни, и въ государскіе Ангелы выдавалось еще, съ расхожева погреба по кружкѣ пива и по кружкѣ меду на каждого пѣвчаго дьяка и поддіака.

Патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки нерѣдко также имѣли особый столъ у Царя и Патріарха, наравнѣ съ прочими духовными властями. Эти обѣды почитались торжественными. Къ Патріаршему столу для пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ до 1690 г. отпускалось съ такого погреба «по ведру меду краснаго, да по ведру меду бѣлаго». При Патріархѣ Іоакимѣ стали выдавать еще вино церковное «по ведерному оловенику». Въ послѣдствіи дача питей усилена прибавкою пива простаго по ведерному же оловенику. — По случаю молебновъ и панихидъ Патріаршими пѣвчимъ раздавали пѣты на расхожемъ Патріаршемъ погребѣ.

Почти вполне обеспеченное положеніе Патріаршихъ пѣвцовъ въ одеждѣ, домѣ и пищѣ, значительно улучшалось денежными средствами. Эти средства получались изъ разныхъ источниковъ, постоянныхъ и измѣняющихся.

Единственнымъ постояннымъ источникомъ денежныхъ пѣвческихъ средствъ служила Патріаршая казна, производившая Патріаршимъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ годовое жалованье. Оно, если судить по современной стоимости монеты, было не мало. Въ 1626 и 1627 годахъ Патріаршая казна выдала 168 р. 5 к. на 29-ть человекъ, а въ 1698 г. — 306 р. 50 к. на 50 человекъ. Пѣвчіе дьяки и поддіаки получали неодинаковое жалованье: дьяки — большее, поддіаки, — меньшее. Притомъ пѣвчіе дьяки первой станицы получали большее жалованье, чѣмъ пѣвчіе же дьяки второй станицы. Точно такая же постепенность въ распредѣленіи годового жалованья соблюдалась и между Патріаршими пѣвчими поддіаками: большее годовое жалованье выдавалась пѣвчимъ поддіакамъ первой станицы, и самое малое — пѣвчимъ поддіакамъ послѣдней, седьмой, станицы. Все различіе въ денежномъ жалованьѣ каждой станицы

яснѣе можно видѣть изъ таблицы 1710 г., утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ. Въ этой таблицѣ годовое жалованье между пѣвчими дяками и поддіаками распределено почти также, какъ оно выдавалось имъ при самихъ Патріархахъ.

	число лицъ	годовое жалованье			
		одному		всѣмъ	
		р.	к.	р.	к.
Пѣвчимъ дякамъ 1-й станицы	5	12	50	62	50
2-й станицы	5	10	50	52	50
Пѣвчимъ поддіакамъ 1-й станицы	1	10	—	10	—
—	2	7	—	14	—
—	2	6	50	13	—
2-й станицы	1	7	50	7	50
—	4	5	50	22	—
3-й станицы	5	5	—	25	—
4-й станицы	5	4	—	20	—
5-й станицы	5	3	—	15	—
6-й станицы	5	3	—	15	—
Итого	40	—	—	256	50

Неодинаковое распределение годового жалованья между станицами Патріаршихъ пѣвчихъ дяковъ и поддіаковъ побуждало пѣвцовъ низшихъ станицъ поступать въ станицы высшія, на окладъ большій. Оно же, въ управленіи Патріаршаго дома, служило довольно удобнымъ средствомъ награждать пѣвчихъ исправныхъ и наказывать нерадивыхъ и непокорныхъ.

Второстепенные, измѣняющіеся, источники пѣвческихъ доходовъ оказывались источниками болѣе существенными. Они замѣчательны по своему разнообразію. Патріаршіе пѣвчіе дяки и поддіаки получали деньги славленія, служебныя, пошлынныя, милостынныя или наградныя.

Въ праздникъ Рождества Христова Патріархъ, во время благовѣста къ Литургіи, ходилъ славить Христа въ хоромы Царя. «Пѣвчіе въ стихаряхъ идучи пѣли стихиры празднику, и пришедъ въ хоромы пѣвчіе пѣли: Рождество твое, Христе Боже нашъ, и, слава нынѣ, Дѣва днесъ, потомъ—Господи помилуй, трижды, Владыко благослови. Патріархъ говорилъ отпустъ и потомъ пѣвчіе пѣли многолѣтіе благовѣрнымъ царямъ». Царь всегда приказывалъ выдавать славленное. Пѣвчіе славили Христа въ домѣ Патріарха и Патріархъ также имѣлъ обычай выдавать славленное изъ своей домовою казны. Въ 1627 г. Патріархъ жаловалъ на всѣхъ пѣвчихъ дяковъ и поддіаковъ пять рублей десять копѣекъ, а въ 1698 г. Патріархъ Адріанъ давалъ славленого десять рублей, безъ пятака. Безъ сомнѣнія славленное пѣвчихъ дяковъ и поддіаковъ неограничивалось хоромами царя и домомъ Патріарха, а совершалось и по другимъ мѣстамъ въ Москвѣ. Отсюда собиралось славленное въ неопредѣленномъ, болѣе или менѣе значительномъ, количествѣ, смотря по значенію и щедрости принимавшаго пѣвчихъ съ славленнымъ.

Къ тому же празднику Рождества Христова, «по указу великихъ Государей и по благословенію святѣйшихъ Патріарховъ», русскіе архипастыри ежегодно присылали въ Москву съ иконы и сосвѣтими водами, а изъ монастырей архимандриты, игумены, строители, и келары, и казначеи, со иконы и со святою водою въ прїѣздѣ сами бывали. Всѣ эти лица славленыя деньги дьякомъ пѣвчимъ и поддѣакомъ платили по вся годы. Большее число славленнаго присылали Митрополиты Новгородскій и Казанскій ¹⁾. Но въ 1690 г. «по указу великихъ Государей и святѣйшаго Патріарха» присылка отъ архіереевъ и прїѣздъ начальниковъ монастырей въ Москву къ празднику Рождества Христова прекратились. «Того ради Патріарховымъ дьякамъ пѣвчимъ и поддѣакамъ учинилась скудость». Поэтому случаю Патріархъ Іоакимъ установилъ роспись славленнымъ рождественскимъ деньгамъ, и повелѣлъ «изъ Патріаршаго казеннаго приказу 1) послать къ архіереомъ грамоты, велѣтъ имъ деньги по росписи изъ ихъ архіерейскіе домовые казны и съ монастырей своея епархіи собрать и присылать къ Москвѣ ежегодно непременно на 198 годъ и впредь по вся годы, не мотчавъ, декабря къ двадцать пятому числу; 2) а святѣйшаго Патріарха Епархіи въ города послать грамоты къ закахамъ и велѣтъ имъ съ монастырей собрать и присылать къ Москвѣ съ старостами поповскими потомужъ». По этой росписи всѣ архіерейскія каедры и монастыри раздѣлены были на 11-ть категорій. Самый большій взносъ славленныхъ денегъ, 15 р., назначенъ былъ съ Троицкаго Сергіева Монастыря. За тѣмъ ежегодно должны доставлять славленнаго —

Семь рублей—Митрополиты: Новгородскій, Казанскій, Сибирскій, Ростовскій, Рязанскій, монастыри: Ипатьевскій Костромской, — Кирилловъ Бѣлозерскій и Спасскій Ярославскій.

Пять рублей — Митрополиты: Крутицкій, Нижегородскій, Бѣлгородскій, Суздальскій, Вологодскій Архіепископъ и монастыри: московскій Чудовъ, Новоспасскій, Симоновъ, Богородицкій Свіажскій; Спасскій Евѣмиевъ Суздальскій, и Псково-Печерскій.

Четыре рубля—Митрополиты: Псковскій и Смоленскій; Архіепископы: Тверскій, Коломенскій, Вятскій; монастыри: Савинъ-Сторожевскій, Воскресенскій, Ивер-

¹⁾ Именно:

	Новгородскій Митрополитъ		Казанскій Митрополитъ	
	Р.	к.	Р.	к.
Пѣвчимъ дьякамъ 1-й станицы. . . .	1	80	1	70
2-й станицы	1	50	1	40
Пѣвчимъ поддѣакамъ 1-й станицы. . .	1	20	1	10
2-й станицы	1	10	1	—
3-й —	1	—	—	90
4-й —	—	90	—	80
5-й —	—	80	—	70
6-й —	—	70	—	60
	9	—	8	20

скій-Новгородскій, Печерскій Новгородскій, Богоявленскій-Костромскій, Пафнутіевъ-Боровскій, Соловецкій, Покровскій дѣвичій Суздальскій.

Три рубля съ половиною—Новгородскіе монастыри: Юрьевъ и Хутынский.

Три рубля—Астраханскій Митрополитъ; Архіепископы Холмогорскій и Устюжскій; монастыри: Владимірскій-Рождественскій; Преображенскій Базанскій; Іосифовъ Волоколамскій; Макарьевъ Желтоводскій; Тихвинъ Новгородскій; Калязинъ Кашинскій; и Московскіе дѣвичи Вознесенскій и Новодѣвичій.

Два рубля съ половиною — Епископы Тамбовскій и Воронежскій; монастыри: Горипкій Переславскій; Каменный Вологодскій; Николаевскій Пѣшношскій.

Два рубля — Монастыри: Макарьевскій Унженскій, Прилуцкій Вологодскій, Троицкій Астраханскій, Антоніевъ Николаевскій, Бѣжецкаго верху, Крестный, Антоніевъ Сійскій и Рязанскіе — Спасскій, Солотченскій и Богословскій.

Полтора рубля—Монастыри—Московскіе: Андроніевъ, Петровскій, Николаевскій-Угрѣшскій; Новгородскіе: Антоніевъ, Вязицкій и Александро-Свирскій, Вологодскіе: Павловъ и Корнильевъ; Переславскій Даниловъ.

Одинъ рубль — Монастыри Московскіе: Донскій, Даниловъ, Златоустовскій, Богоявленскій, Знаменскій, Новинскій, Высоцкій-Серпуховъ, Лужецкій Можайскій, Возмицкій Волоколамскій, Борисоглѣбскій Дмитровскій; Ростовскіе Богоявленскій и Борисоглѣбскій; Отрочъ-Тверской; Духовъ Новгородскій; Переславскій Никитскій; Глушицкій Вологодскій и Терапонтовъ Бѣлозерскій.

Полтину—Воздвиженскій Московскій на Арбатѣ, и Колоцкій Можайскій.

Росписи славенныхъ денегъ, за собственноручною подписью Патріарха Іоакима, доселѣ хранятся въ Московской Синодальной (Патріаршей) Библіотекѣ. Современники остались довольны росписаніемъ славенныхъ денегъ. Патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки оставались довольны потому, что изсякшій источникъ денежныхъ доходовъ открывался для нихъ снова. Плательщики славенныхъ денегъ не могли не утѣшаться уменьшеніемъ ихъ въ росписи Патріарха. Такъ напр. Новгородскій Митрополитъ ежегодно платилъ славленнаго добровольно вмѣстѣ съ уподіаконами одинадцать рублей, а по росписанію Патріарха обязывался представлять впередъ всего только семь рублей. О Кіевскомъ же Митрополитѣ Патріархъ замѣтилъ по сему случаю, что «когда будетъ на Москвѣ, тогда и дачю учинить за честь свою» и потому не разрѣшалъ посылать къ нему грамоты о славленныхъ деньгахъ. Такимъ образомъ въ 1690 г. съ 21 архіерейскаго дома и 69 Патріаршей области и степенныхъ монастырей собрано было славленнаго для пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ 278 рублей.

Собранныя славленныя деньги поступали въ раздѣлъ пѣвчимъ дьякомъ и поддіакамъ. Патріархъ Іоакимъ предписывалъ «дьякомъ пѣвчимъ двумъ станицамъ брать по рублю на станицу,—подьякамъ первой и второй станицѣ — по рублю же на станицу, — подьякомъ же третьей и четвертой станицѣ по тридцати алтынъ на станицу,—подьякомъ же пятой и шестой станицѣ по двадцати пяти алтынъ, по четыре денги на станицу».

Съ прекращеніемъ Патріаршества, этотъ источникъ пѣвческихъ доходовъ прекратился не вдругъ. Росписаніе славленныхъ денегъ «имянными блаженными и вѣчною

славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1703 г. 14 марта указомъ было утверждено и повелѣно имѣть тѣ славенныя деньги отъ архіереовъ и монастырей давать по прежнему».

Другимъ источникомъ денежныхъ доходовъ для патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ служило пѣніе въ храмахъ, куда по особенному случаю приглашали самого патріарха на служеніе. Пѣвчіе дьяки и поддьяки получали при этомъ за свое пѣніе особыя деньги. Это—деньги, такъ называемыя, служебныя. За отправленіе каждой панихиды по преставившихся государяхъ царяхъ, царицахъ и всей высочайшей ихъ фамилии изъ дворцовой канцеляріи постоянно выдавалось патріаршимъ пѣвчимъ по 1 р. 80 к. *) Плата отъ другихъ мѣстъ и лицъ за пѣніе патріаршихъ дьяковъ и поддьяковъ была условна и зависѣла болѣе всего отъ щедрости производившаго ее. Впрочемъ при совершеніи погребенія производилась пѣвцамъ опредѣленная плата. Эта плата имѣла три статьи или различія. Она была или большая, когда деньги за пѣніе выдавались по большей статьѣ, или средняя, когда деньги за пѣніе платились по средней статьѣ, или малая, когда деньги за пѣніе выдавались по меньшей статьѣ. При платѣ по большой статьѣ слѣдовало давать каждому пѣвчему дьяку большей станицы—два рубля, а другой станицы—полтора рубля; поддьякамъ большой станицы одинъ рубль, второй станицы—девятисто копѣекъ третьей—восемьдесятъ копѣекъ, четвертой—семьдесятъ копѣекъ, пятой—шестьдесятъ копѣекъ, шестой—пятьдесятъ копѣекъ, и двумъ станицамъ новоприбыльнымъ малымъ подьякамъ десяти челоуѣкамъ по сорока копѣекъ челоуѣку. *) Такимъ образомъ за пѣніе патріаршихъ пѣвцовъ плата по большой статьѣ, въ общей сложности, простиралась до 44 р. Не приводимъ далѣе платы за пѣніе по средней и малой статьѣ. Эти платы—нѣсколько менѣе платы по большой статьѣ. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что вся совокупность служебныхъ денегъ, получавшихся патріаршими пѣвчими, должна представлять довольно значительную годовую цифру.

Пошлинныя деньги собирались патріаршими пѣвчими дьяками и поддьяками изъ двухъ источниковъ: съ московскихъ приходскихъ церквей и съ ставленниковъ.

Сборъ денегъ съ приходскихъ московскихъ церквей былъ, сравнительно, очень незначителенъ. На содержаніе патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ отдѣлено было только два сорока московскихъ церквей. Каждая церковь платила ежегодно по пятидесяти копѣекъ, и слѣдовательно пѣвчими и подьяками «въ роздѣль здву сороковъ збиралось» всего въ годъ тридцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

Гораздо значительнѣе былъ сборъ ставленническихъ пошлинъ. Патріархъ имѣлъ въ своемъ іерархическомъ вѣдѣніи особую область, точно также, какъ и всякій русскій епископъ имѣлъ свою отдѣльную епархію. Область исключительно патріаршаго управленія не составляла какою либо опредѣленную мѣстность; эта область была разсыяна по всей тогдашней Россіи. Храмы и приходы, принадлежавшіе къ патріар-

*) Выдача этихъ денегъ прекратилась въ 1750 г.

*) А. И. Т. V. № 296.

шей области, почитались лучшими мѣстами. Кто желалъ занять одно изъ такихъ мѣстъ, обыкновенно обращался съ просьбою къ самому Патріарху. Такъ начинались дѣла, производствомъ которыхъ преимущественно занимались патріаршіе уподіаконы, а также пѣвчіе діаки и поддіаки. Эти лица, вѣроятно, не получали отъ патріарха никакой платы за свой писменный трудъ. По этому до 1675 года каждый искатель мѣста въ патріаршей области, или иначе ставленникъ, долженъ былъ давать дѣлопроизводителю условныя, болѣе или менѣе значительныя, суммы. Но условія не всегда выходили обоюдно выгодны; нерѣдко даже представлялось затрудненіе достигнуть удовлетворительнаго взаимнаго соглашенія между просителемъ и дѣлопроизводителемъ; отчего происходило немало волокитъ и убытковъ. Патріархъ Іоакимъ, въ предотвращеніе многихъ затрудненій, установилъ опредѣленную плату со всѣхъ ставленниковъ. По сему установленію, каждый ставленникъ обязанъ былъ выдавать «пѣвчимъ дякомъ праваго клироса десять копѣекъ и столькоже пѣвчимъ дякомъ лѣваго клироса; пѣвчему дяку Θεодору Константинову за подъяческое ученіе три копейки; подъякамъ первой, второй и третьей станицѣ по девяти копѣекъ на станицу, а четвертой, пятой и шестой станицѣ по пяти копѣекъ на станицу.»¹ По сему разчисленію, каждый ставленникъ платилъ патріаршимъ пѣвчимъ дякамъ и поддіакамъ до шестидесяти копѣекъ пошлыны. Въ послѣдствіи эти пошлыны нѣсколько возвысились. Поставляемый въ діакона платилъ пѣвчимъ дякамъ пятьдесятъ четыре копѣйки, а поставляемый во священника—девятию одну копѣйку. Акты, относящіеся къ началу Синодальнаго управленія, справедливо находили сборъ ставленническихъ пошлынь немалымъ. Въ 1742 г. пѣвчими дяками и поддіаками собрано ставленническихъ пошлынь 788 р. 16 $\frac{1}{2}$ к.,— въ 1743 году—632 р. 38 $\frac{1}{2}$ к.,— въ 1744 году—653 р. 72 к. Весь этотъ доходъ патріаршихъ пѣвчихъ діаконъ и поддіаконъ совершенно прекратился въ 1751 году, потому что въ это время всѣ храмы бывшей патріаршей области были причислены къ тѣмъ епархіямъ, среди которыхъ находились. Патріаршія области, оставшіяся въ вѣдѣніи московской епархіи, также не доставляли никакихъ денегъ бывшему патріаршему хору, жившему еще въ Москвѣ въ полномъ составѣ. Причина такого обстоятельства заключалась въ томъ единственно, что въ московской епархіи въ то время были учреждены свои пѣвчіе.

Милостынные, или наградныя, деньги составляли также нерѣдкое явленіе въ жизни патріаршихъ пѣвчихъ діаконъ и поддіаконъ. Разныя радостныя и печальныя событія въ семействѣ царскомъ всегда почти сопровождались усердною милостынею. Въ 1649 году по случаю крещенія великаго князя Дмитрія Алексѣевича, и въ 1650 году, по случаю крещенія великой княжны Евдокіи Алексѣевны, выдано было изъ дворцовой казны патріаршимъ пѣвчимъ дякамъ первой станицы—сорокъ рублей. Въ первой станицѣ патріарховыхъ дяковъ числилось тогда пять человекъ: Богданъ Ивановъ, Θεодоръ Константиновъ, Иванъ Никитинъ, Иванъ Матвѣевъ, Иванъ Трофимовъ, Семенъ Михайловъ. Слѣд. каждый изъ

¹) А. И. Т. IV № 159.

нихъ въ указанныя два года получили отъ царя десять рублей. Нерѣдко также патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки получали наградные деньги изъ суммъ домової казны патріарха. По кончинѣ патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ изъ суммъ, оставшейся послѣ патріарха, собственноручно роздалъ каждому изъ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ по десяти рублей въ милостыни.

Такимъ образомъ хоръ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ, несмотря на свою значительную численность, во все время патріаршества, пользовался вполне удовлетворительными средствами къ жизни.

Большое значеніе патріарха въ церкви Русской отражалось въ немалой степени и на самомъ хорѣ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ. Патріаршіе пѣвцы всегда при исполненіи богослужебнаго пѣнія первенствовали предъ хорами пѣвчихъ великокняжескихъ, а тѣмъ болѣе предъ пѣвчими митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. При совмѣстномъ пѣніи этихъ хоровъ во храмѣ съ патріаршими пѣвцами, всегда патріаршіе пѣвчіе занимали правый клиросъ, а митрополичьи — лѣвый. Такъ было на память Алексѣя Митрополита, 20 мая 1687 г., въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Но независимо отъ іерархическихъ преимуществъ, самыя гражданскія права патріаршихъ пѣвцовъ были значительнѣе, чѣмъ прочихъ епархіальныхъ пѣвчихъ. Тогда какъ митрополичьи и прочіе епархіальные пѣвцы сравнивались вообще съ причетниками приходскихъ церквей, патріаршіе пѣвчіе дьяки имѣли права монастырскихъ казначеевъ, а поддіаки — права старцевъ всѣхъ монастырей. Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (гл. 10. ст. 95.) предписывалось: «а будетъ, кто нибудь, обезчеститъ патріаршихъ «и митрополичьихъ и архіепископскихъ и епископскихъ дьяковъ, или дѣтей боярскихъ, или иного чину домовыхъ людей, и на тѣхъ правити безчестіе. Патріаршимъ пѣвчимъ: 1-й станицѣ по семи рублей въ человѣку; 2-й станицѣ по пяти рублей въ человѣку. Поддьякомъ большихъ станицъ по пяти же рублей въ человѣку; а меньшихъ станицъ по три рубли въ человѣку».

Но и патріаршіе пѣвцы всегда уступали первенство государевымъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ. Въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, когда соблюдается особый чередъ или постепенность, патріаршіе пѣвцы постоянно шли прежде пѣвчихъ государевыхъ. При погребеніи царевны Ирины Михайловны и царя Теодора Алексѣевича, патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки шли предъ иконой, а государствены пѣвчіе дьяки и поддіаки шли и пѣли за патріархомъ передъ гробомъ. Когда богослужебное пѣніе въ храмѣ должны были исполнять и пѣвцы государевы, и пѣвцы патріаршіе: то государствены пѣвцы помѣщались на правомъ клиросѣ и предназначали пѣніе, а патріаршіе пѣвчіе дьяки занимали лѣвый клиросъ. Эти видимыя преимущества государева хора пѣвчихъ въ совокупности со многими другими обстоятельствами, подавали нерѣдко поводъ къ тому, что патріаршіе пѣвчіе почитали особеннымъ счастіемъ перейти въ хоръ государевыхъ пѣвцовъ. Нѣкоторымъ это удавалось. Патріаршіе пѣвчіе дьяки Теодоръ Константиновъ и Богданъ Ивановъ въ 1652 году поступили въ государствены пѣвчіе дьяки.

Д. Разумовскій.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ВОДУ, КАКЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВРАКА.

Земной бракъ перенесенъ древнимъ человѣкомъ на небо; приписанъ богамъ и послужилъ такимъ образомъ объясненіемъ извѣстныхъ отношеній между явленіями природы; въ свою очередь бракъ небесный сталъ объясненіемъ таинства земнаго брака. По Арійскому вѣрованію, довольно явственные слѣды коего сохранилась и у Славянъ. конечная причина людскаго брака и рожденія есть бракъ и рожденіе небесныхъ существъ, такъ какъ земная невѣста есть воплощеніе небесной, земной женихъ — воплощеніе божественнаго жениха (см. мое соч. О мнѣ. зн. нѣкот. обр. и пов. стр. 225 слѣд.), зачатіе и рожденіе есть земное повтореніе небеснаго событія. Позднѣе уже отрицается тождество небеснаго брака съ земнымъ, и первый становится только освящающимъ первообразомъ послѣдняго. Такъ въ Ригведѣ хотя невѣста, бывшая по очереди собственностью нѣсколькихъ боговъ, еще повидимому тождественна съ богиней, но одинъ изъ боговъ (Гандхарва) передаетъ свои права на невѣсту жениху, изъ чего видно, что женихъ уже не есть самъ Гандхарва (Böhtl. u. Röht WB.). Кажется и у Славянъ было вѣрованіе въ большую божественность невѣсты и вообще дѣвицы, чѣмъ мужчины, но по болѣе древнему представленію они въ этомъ отношеніи равны. Женихъ и невѣста оставляютъ свои небесныя жилища, чтобы воплотиться на землѣ. Путь на землю лежитъ имъ по небу; но небо есть море или рѣка ¹⁾ съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ или и безъ него: поэтому женихъ и невѣста бредутъ или переѣзжаютъ черезъ рѣку, переходятъ черезъ мостъ. и т. п. Таковъ, если не ошибаюсь, первоначальный образъ, съ нѣкоторыми измѣненіями дожившій до нашего времени въ приводимыхъ ниже пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Мифическое его оправданіе давно забыто, и онъ держится только силою косности, служа для наблюдателя однимъ изъ доказательствъ того, что многое въ современной народной поэзіи необъяснимо внѣшними условіями и особенностями быта.

¹⁾ См. въ концѣ статьи примѣчаніе 1-ое.

Одинъ изъ боговъ, по Индйскому мнѣю, обладающихъ невѣстой до ея выхода замужъ, Агни, представляется соколомъ. Въ такомъ же образѣ представляется и земной женихъ въ слѣдующей, безъ сомнѣнія величальной пѣснѣ, въ которой и сравненіе невѣсты съ бурей имѣетъ мнѣическое основаніе (О мнѣ. зн. и пр. 203-4).

....Бурею Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла.
Бурею Павловна всѣ темные лѣса.
Брыла лѣса, крыла лѣса алымъ бархатомъ,
Катила она, катила она золотымъ перстнѣмъ,
Прикатила, прикатила по круту берегу,
Кличетъ она, кличетъ она громкимъ голосомъ:
«Есть ли здѣсь, есть ли здѣсь перевозчики,
Кто бъ перевезъ, кто бъ перевезъ на ту сторону?»
Что выговорить, что выговорить да Степанъ—сударь:
«Я за тобой, Наталья-свѣтъ, я корабль пришлю,
Я за тобой, свѣтъ Павловна, раззолоченный».
—Не присылай, не присылай корабля за мной,
Не присылай, не присылай раззолоченнаго:
Корабль—судно качливое,
А я дитя у батюшки пугливое.—
«Я за тобой, Наталья свѣтъ, я коней пришлю,
Я за тобой, свѣтъ Павловна, со боярами».
—Не присылай, не присылай ты коней за мной,
Не присылай, не присылай со боярами:
Бояре-люди смѣшливые,
Я-жъ дитя у матушки стыдливое.—
«Я за собою, Наталья свѣтъ соколомъ прилечу,
Я тебя свѣтъ Павловна подъ крыломъ унесу».

(Бохановской, Остатки боярскихъ пѣсенъ 141-г. Русс. Бес. 1860, II. Болѣе блѣдный вар. у Сах. Ск. Р. Н. I. свад. п. 115—20). Соколы очень обыкновенный образъ жениха (Бостом. Объ Ист. зн. Русс. нар. п. 75), при чемъ невѣста представляется или чело-вѣкообразно (Кар. Пјес. I, 61, 318, 319, 320) или другою птицею: галкою (Мет. 177, 178, 179), уткою (Сах. Ск. Р. Н. I свод. н. 138), голубкою (ib. 128), соколи-хою (Кар. ib. 46). Б. м. образъ, заключенный въ послѣднихъ двухъ стихахъ выше приведенной пѣсни (соколъ, уносящій подъ крыломъ дѣвицу), предполагаетъ другой, въ родѣ слѣдующаго:

Полетно соко тица сива
....И он носи тицу ластавицу.
То не био соко тица сива,
Веће био светитель Илија!
Он не носи тице ластовице,
Веће книгу од Богородице (Кар. Пјес. II, 295).

Какъ съ одной стороны представленіе Громовника (Ильи) соколомъ—черта, принадлежащая глубочайшей древности, такъ съ другой кажется новымъ представленіе письма ласточкой. М. 6. первоначально эта ласточка-невѣста Сокола.

Въ трехъ слѣдующихъ пѣсняхъ соколъ уже не есть женихъ; онъ только оказываетъ ему услугу, перенося для него невѣсту, или его самого съ невѣстой и сватами, черезъ рѣку.

Колядка (величанье) паробку.
 Ей въ полі, въ полі, въ чистейкѣмъ полі
 Тамъ же мѣ стоить зелений явіръ,
 На яворойці сивъ соколойко,
 Сиві соколойко віє гніздойко,
 Ей віє, віє, перевиває,
 Барвіничейкомъ го покладає,
 А въ середину кладе тисину,
 А завершує сухимъ золотомъ
 Тамтоди лежить давна стежейка,
 Стежейковъ іде молодой паничъ,
 Молодой паничъ на сивимъ коні,
 Еи мірять стрілять до сивъ сокола.
 «Не стріляй мене, молодой пане!
 Ой якъ ти підешъ за тихій Дунай,
 За тихій Дунай по красну панну,
 То я ей тобі перепроваджу,
 Перепроваджу и перенесу,
 Своіма хорти я пересвищу (?)»
 Єі чижемки я не замочу (Голов. Пѣсни II, 60)
Сивъ сокілъ каже: «не стріляй мене,
 Не стріляй мене, не рубай мене!
 Боли ти будешъ ой женитися,
 Я тобі стану ой въ пригодоньці...
Тебе молодую самъ перепроводжу,
 Твою княгиню на крильці возьму,
 А твои гроші возьму на ноші (ib. 68)

Свадебная. Долеће сиви соколе,
 Долеће Петру на дворе;
 Излази Петро (женихъ) делија,
 Сокола стаде плашити.
 Говори сиви соколе:
 «Немој ме, Петро, плашити;
 Доћи ће бр'јеме— година,
 Мене ћеш, Петро, молити,

И стаће (преградятъ путь) воде Дунави
 И друга бистра језера,
 Онда ћеш мене молити,
 Да твоје свате преведем
 И тебе с Аном пренесем (Кар. Пјес. I, II).

Безъ сдѣланнаго выше предположенія, что соколъ есть мифическое лицо, первоначально тождественное съ женихомъ, что онъ переноситъ невѣсту черезъ небесную рѣку на его сторону, т. е. на землю, было бы непонятно, почему невѣстѣ нужно непремѣнно переправляться черезъ воду, и съ какой стати славильщикамъ пришло въ голову величать жениха тѣмъ, что ему при женидбѣ поможетъ соколъ? Но понятно, что это дѣйствительное величанье, когда говорятъ хозяину, что боги посѣщаютъ его домъ (Омн. зн. нѣкот. обр. 17, 20, 22 слѣд.), или жениху—что боги устроятъ его свадьбу (ib. 38, пѣсня о золоторогомъ оленѣ, подобная вышеприведеннымъ о соколѣ).

Въ слѣдующей свадебной пѣснѣ невѣста перевозитъ черезъ море сватовъ на вѣнцѣ, жениха на вѣткѣ розмарина. Эти странные суда — символы дѣвства («Кад-долазе мушхулуджије», вѣстовщики):

...«Наш војвода, камо ти сватови?»
 — Остали се на мору возећи.
 «Наш војвода, ко возар бијаше?»
 — Возар беше госпођа девојка:
 Све сватове на венцу превезе,
 Младожено на струк'рузмарина (Кар. Пјес. I, 44).

Согласно съ этимъ смыслъ слѣдующей колядки тотъ, что у величаемой дѣвицы много жениховъ, но что ей теперь не до нихъ, за семейною радостью:

Дівка Ориночка перевізъ держала;
 Перевозила царівъ, та панівъ, та отецькихъ синівъ.
 Наіхало до неї сімсотъ молодцівъ:
 «Перевези жъ насъ дівко Оришечко!»
 — Коли-жъ мені васъ та перевізати?
 Прихавъ до мене братикъ зъ війська-дороги.
 Вінъ привізъ мені та три радости:
 Первая радість—зеленя сукня ¹⁾,
 Другая радість — золотой перстень;
 Третяя радість — перлова камка...
 ... Та бувай здорова, дівко Ориноко и пр. (Метл. 333).

¹⁾ Свадебное платье? И невѣста-земля — у зеленій сукні зъ білими басаками. Ср. «Та не паміть мої мамі, що такъ жарно загинувъ. Але паміть мої мамі, що (его невѣста) три барви на ринъ бере: На весну зелену, въ осені чорноньку, а въ зимі біленьку». (Zeg. Paul. I, 158).

На дѣвичникѣ невѣста говоритъ:

Кто бы меня за рѣчку перевезъ,
Много бы дала тому золота,
Больше бы того—скатна жемчугу.
Не откуль взялся Агафонъ господинъ (женихъ),
... Онъ лодочку спускаетъ на быстру рѣку.
... «Ужъ чѣмъ тебя дарить (за перевозъ) добрый молодецъ?
Есть у меня золота казна,
Жемчугъ дорогой, платье цвѣтное»
— Мнѣ не надо твоя золота казна,
Жемчугъ дорогой платье цвѣтное:
Подари собой, мое сужено,
Мое сужено, мое ряжено (Гуляевъ Оч. Ю. С. 10).

Эта пѣсня есть варіантъ вышеприведенной: Бурею Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла.
Невѣста или женихъ бредутъ черезъ рѣчку:

Teče voda Lidečkem
Tym fojtovým dvorečkem.
Kdo tu vodu pobřeде,
Ten pauenku povede

(т. е. возьметъ за себя дочь войта);

Kdo tu vodu pit' bude,
Hezku ženu mět' bude (Mor. Nár. P. Suš. 423).

Нить значить любить (0 нѣкот. симв. 12 слѣд.).

Тече річка невеличка, схочу-перескочу;
Віддай мене, моя мати, за кого я схочу.
Ой сама я не знаю, що робити маю:
Чи плисти, чи брести, сама не згадаю,

т. е. она не знаетъ, выходить ли ей замужъ, или нѣтъ.

Переходомъ къ слѣдующему пусть служить свидѣтельство словъ лат. *pons* и лит. *tiltas* о связи представлений перехода, брода и моста.

Лат. *pons*, мостъ, греч. *πόντος*, море, первоначально значить тоже, что скр. *пантан-пантин-панти* (3 темы въ одномъ слг.) дорога, *пантиас* (изъ *пантас*) стезя, слав. *пѣть* (тема *панти*), нѣм. *pfad*, стезя и *rad*, *rat* (Нижн. нѣм.), тропа черезъ ручей (слѣдовательно бродъ). Относительно связи пути и моря ср. выраженіе грамоты «море-путь Божій, всемірный, неразградиный». Тотъ-же эпитетъ въ мр. пѣснѣ: «иди-жъ ти у божу путь» (Метл. 15). Эпитетъ этотъ подкрѣпляетъ мнѣніе Куна, что *πόντος*, *pons* не непосредственно отъ основного зн. пе-

решили къ значенію моря и моста. Какъ скр. *pāthas* означаетъ въ Ведахъ небесный путь, путь облаговъ, путь, по которому жертвы восходятъ къ богамъ, такъ *pōntos* значило сначала небесный путь, а потомъ и морской. Что *pōns* (тема *pōnti*) прежде могло относиться къ небесному пути и мосту, видно изъ *pōnti-fex*, соответствующаго по знач. Скр.—му *пaтhи-кріт*, собств. дѣлающій путь, т. е. пролагающій путь къ богамъ. Эпитетъ *пaтhи-кріт* носить богъ *Бріһаспати* или *Браһмаһаспати*, господинъ (умственного) возвышенія, т. е. молитвы, этотъ, какъ выражается *Бунъ*, *rop-fiteh maximus* Индійцевъ періода Ведъ; *пaтhи-кріч чаруһ* (чару, родъ жертвенной каши съ молокомъ, поминальная кутья) есть примирительная жертва, «пролагающая путь» (т. е. другимъ жертвамъ или мольбамъ), п. ч. она назначалась жрецамъ въ случаѣ неправильности задушной (поминальной) жертвы, необходимой для блаженства усопшихъ (Статья *Куна* въ *Zeit. f. v. Spr.* iv, 73 слѣд.).

Лит. *tiltas*, мостъ, по звукамъ тождественно съ скр. *tūrthā* (м. и ср. р. кор. тар, переходить), путь, улица, стезя, особенно къ водѣ; отсюда—водопой, мѣсто для купанья, особенно для очистительныхъ обрядныхъ омовеній, бродъ. Последнее значеніе можно предположить и въ лит. словѣ; бродъ, по времени, предшествуетъ мосту.—Въ самомъ, до сихъ поръ необъясненномъ, словѣ мостъ можно искать значенія пути на слѣдующихъ основаніяхъ: с передъ *m* можетъ быть изъ зубн. зв. *ð*, *t*, *th*; слав. *m* въ нѣсколькихъ случаяхъ соответствуетъ скр.—му *n*, напр. въ польс. *kłamać*, чеш. *klamať*, вратъ, =скр. *кלאп-а-ја-ти* (= *hlaпajati*), шумѣть, неразборчиво говорить, джалп-ати, говорить, славить (съ чѣмъ ср. лит. *kalba*, рѣчь, и сродн.); въ *мы-ть* =скр. *nū*, очищать; б. м. въ *мрѣжа*, если онъ отъ скр. кор. *прідж*, вязать ¹⁾. Такимъ образомъ вѣроятно, что мостъ относится къ корню пад (скр. *идти* и *падать*) или *пaтh* (*идти*).

Есть довольно ясныя славянскія свидѣтельства о представленіи небеснаго пути и вообще неба мостомъ.

Небо есть твердый покровъ ²⁾ или помость, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ и проломиться: «Тако се наде мною небо не ломило! Тако се небо нада ме не проломило!» (Барадж. Посл. 309). Сестра отвѣчаетъ брату на предложеніе выйти за него замужъ:

О чу ли ме, мој брате Стефане!
Пређе би се небо проломило,
А на небо сунце погинуло,
Но узела тебе господара (Кар. Пјес. II, 125);
Не може ми закон поднијети,
Да каурин Турске буле любви:
Небо би се ведро растворило,
А из неба паднуло камење,
Убило би и мене и тебе (ib. 615.)

¹⁾ Въ три сближ. Гильердинга.—

²⁾ «Покрывина» въ кр. «щобъ тобі ни дна, ни покрывини!» т. е. ни земли подъ ногами, ни неба надъ тобою.

Не смијемо цркви ударити ¹⁾:
 Ведро би се небо проломило,
 А пануло студено камене (ib. III, 67);
 Санак сншла Иванова мајка...
 Ће се ведро небо проломило,
 Сјајан мјесец пао на землицу (ib. 223).

Небо есть токъ (отъ теку; ср. лит. такас, стезя, тропа, и дромос, ристалище), именно металлическій, по связи свѣта и металловъ. Такъ Яга баба бьется съ царевичемъ на мѣдномъ току, а богатырь со змѣемъ — на чугунномъ и мѣдномъ, серебряномъ или золотомъ (З. о Ю. Р. II, 52; Ас. Ск. ч, 120 и пр.). Разумѣется, эти поединки происходятъ первоначально на небѣ.

Такия представленія, въ соединеніи съ представленіемъ неба рѣкою, легко могли дать представленіе неба мостомъ, которое тоже встрѣчается въ сказкахъ, на пр. Ас. II, 101, гдѣ богатырь бьется со змѣемъ, пожравшимъ солнце на мосту и Ас. VIII, 58 слѣд., гдѣ змѣй для битвы съ богатыремъ дѣлаетъ по морю ледяной мостъ. Г. Аванасьевъ ib. 367 думаетъ, что здѣсь змѣю приданъ «зимній характеръ», что дѣланье ледяного моста означаетъ: «цѣпящее дыханіе холоднаго вѣтра леденить воду». При этомъ упущено изъ виду, что ледъ, по своему сходству со свѣтомъ и металлами (См. Grimm Wörterb. cis), можетъ быть змѣною вышеупомянутыхъ металлическихъ токовъ и что согласно съ этимъ ледяной мостъ есть свѣтлая небесная твердь. Не думаю, чтобы небесный мостъ былъ всегда радуга. Такъ на пр. въ загадкѣ: катилися каточки (звѣзды) по ягнову (ясному?) мосточку, увидѣли зорю, попадали въ воду (Даль. Посл. 1061) мостъ есть очевидно не небо. (См. примѣч. 2 въ концѣ ст.). Впрочемъ и радуга, сама по себѣ, могла представляться мостомъ, на пр. въ сказкахъ, гдѣ жениху задаютъ построить заночъ мостъ — золотая мостина — серебряная мостина. По всей вѣроятности и «калиновый мостъ», черезъ который переѣзжаетъ Илья Муромецъ (Кир. Пѣсни 1, 5, VI, VII, XIX) есть первоначально-небесный. Черезъ калиновый мостъ лежитъ путь въ рай:

Ой черезъ воду тай черезъ Дунай
 Стоять мостоньки калинові,
 Калинові покошениі,
 Покошениі жуковинами.
 Ой ишовъ ними господаренько.
 Тай зостріває два три ангели:
 «Най Бігъ, помай Бігъ, господареньку!»
 —Бодай здорові два три ангели!
 «Ой дежъ ти идешъ, господареньку?»
 Ой я-жъ бо иду въ рай дороженьки.

¹⁾ Напастъ на...

Вернижъ ся зъ нами а зъ ангелами.
 Право-жъ ти буде въ рай дороженька.»
 Ой взяла-жъ его по підъ плеченька.
 Тай понесли-жъ го въ рай дороженьки... (Голов. пѣсни II, 27).

Въ этой колыдѣ славится благочестіе хозяина, изображенное тѣмъ, что онъ ищетъ дороги въ рай. Лѣта молодая, счастливая доля уходитъ отъ человѣка (на небо) по калиновому мосту:

Ой з-за гори изъ за кручі орди вилітають; ¹⁾
 Не за знаю я роскоші, вже й літа минають.
 Запрягайте коні въ шори, коні вороні,
 Догоняйте літа мої, літа молоді.
 Чи догнали— не догнали въ калиновімъ мості:
 «Вернітєся літа мої хочъ до мене въ гості?»
 — Не вернемось, не вернемся, не маємъ до кдо:
 Не вміли насъ шанувати, якъ здоров'я свого. (Метл. 106)?
 Ой запряжу сірі воли, вороні коні,
 Да поїду догоняти шасливої долі.
 Якъ нагнала щастя й долю на калиновімъ мості
 «Вернись, вернись, щастя й доле, та до мене въ гості!»
 — Не вернуся я до тебе, була я у тебе,
 Було тобі (тоді?) шанувати, було полагати (Метл. 253; 254); ср.
 O asz grinzdinizan tiltelin Wėno sidabreljo,
 Kad pagrinszczan pəs mocsuzem im jaunas dēneles.
 Zalios, zalios dar ruteles Zalios dar rozeles,
 Ale sawo jaunas dēnas Dangiaus ne matysin (Nesselm. 197), т. е.

Заставилабъ я помостить мостъ изъ одного серебра, еслибъ могла (по немъ) воротиться къ матери въ молодые дни. Зазеленѣть, зазеленѣть еще рута, зазеленѣть и роза (символы дѣвичьей жизни), но своихъ молодыхъ дней больше не увижу.

Калина, по своимъ постояннымъ эпитетамъ и какъ символъ дѣвства, красоты, любви²⁾, предполагаетъ связь со свѣтомъ, и этимъ объясняется, почему небесный мостъ калиновый.

Черезъ такой калиновый мостъ, или просто черезъ мостъ, владку переходятъ женихъ и невѣста. Послѣ сказаннаго выше это не требуетъ объясненія.

Свадебная. Ахъ ты Дымка, Дымка рѣка,
 Промежду, Дымка, горь протекла
 Черезъ Дымку быструю рѣку

¹⁾ Между первымъ и вторымъ стихомъ противоположеніе. О нѣкот. смив. 5.

²⁾ Мое соч. о нѣкот. смив. 45. Принятое тамъ сближеніе словъ калина съ калить, кашет-ся, лопно, и. ч. калить—Лит. kalti бить, ковать и значеніе жара, огня и краснаго цв. мостъ быть развѣ позднѣйшее.

Мощены мосты калиновые,
 Перекладины то валежныя.
 Что никто по мостамъ нейдетъ,
 По калиновымъ не перейдетъ.
 Какъ Иванъ (женихъ) по мостамъ пройдетъ.
 Какъ Михайловичъ то перейдетъ.
 За собою онъ Аксинью ведетъ,
 Николаевну переведетъ,
 Самъ онъ дѣвухѣ наказываетъ:
 «Ты, Аксиньюшка, не упади,
 Николаевна, не утони.
 —Я хоша, сударь, упаду,
 Хоша упаду, не утону:
 Не схватаюсь я за батюшка,
 За родиму свою матушку,—
 За тебя, сударь, схватаюсь,
 За твои то руки бѣлыя,
 За твои перстни злаченые. (Гул. оч. Ю. С. 31.)

Свадебная. Ты зоряль моя, зорюшка,
 Зорюшка вечерняя 2.
 Солнышко восхожее!
 Высоко восходило,
 Далеко освѣтило
 Черезъ чистое поле,
 Черезъ синее море,
 Черезъ быструю рѣку,
 Черезъ широкую рѣку.
 Какъ на той на рѣченьи
 Да лежала досечка
 И тонкая и гибкая.
 И досечка дубовая.
 Какъ по той по досечки
 Никто не хаживалъ,
 Никого не важивалъ.
 Перешелъ Михаилъ сударь,
 Перешелъ Гавриловичъ,
 Перевелъ Анфисичку,
 Перевелъ Гавриловну,
 Переведши онъ ее.
 И цѣлуетъ и милуетъ,
 Бѣшко къ сердцу прижимаетъ. (Са.. Ст. 1, 3, 115.)

Свадебная. Черезъ рѣченьку черемуха лежала,
 Да никто по черемухѣ не ходитъ,
 Лишь одинъ Иванъ переходитъ,
 Свѣтъ Федоровичъ переходитъ,
 Душу Дарьюшку переводитъ,
 Переводитъ онъ ее, цѣлуетъ
 Черезъ низаное ожерелье,
 Черезъ пуговицы золотыя. (ib. ср. 130 Терещ. II 200, IV, 149-150.)
 Ой ночка ты ночка осененькая!
 Головка, головка побѣдненькая!
 Мнѣ ночка не спится безъ миленькаго.
 Безъ мила мила дружка нападеть тоска.
 Безъ любезнаго грусть великая.
 Я пойду съ горя въ садъ разгуляюся.
 Я на рѣчку сойду прогуляюся.
 А тамъ за рѣкой ходитъ мой милой,
 Машетъ мнѣ рукой, рукой правою.
 Шляпой черною.
 «Сударушка, перейди! красавица, перейди!»
 —Ахъ я рада-бъ перешла, переходу не нашла.
 Переходецъ нашла—жердочка тонка,
 Рѣчка глыбока, водица мутна,
 Улица грязна, матушка грозна:
 Ходить не велитъ, съ тобой говорить. (Бохановской. Нѣсколько
 Русс. пѣсень, 66-7. Русс. Бес.)

Если бъ эту пѣсню рассматривать не въ ряду съ предыдущими и слѣдующими, то можно бы всѣ ея подробности принять за изображеніе дѣйствительныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ надо и то замѣтить, что символъ приводится на память не только личнымъ состояніемъ пѣвца, но и внѣшними обстоятельствами.

Пійшла би я на кладоньку, кобимъ не упала;
 Пійшла бимъ я за нелюба, кобимъ не пропала (Боломыи, Львовъ 1864, 43).

Веснянка. Ой снодо, снодо (?) тонкая,
 Ой якъ то снодо тонкая!
 Була въ мене невіхна такая.
 Та мостила мости изъ трости, 2.
 Та гатила гати изъ м'яти, 2.
 Становила ставни золоті, 2.
 Вішала шнури шовкові, 2
 Та чіпляла дзвони синіжові, 2
 Слала китайку по морю. 2

Ой туди їхавъ нелюбъ мій. 2
 Та не бряжчіть, мости изъ трости! 2
 Та не пахніть, гати изъ м'яти! 2
 Та не майте, шнури шовкові! 2
 Та не дзвоніть, дзвони снижові! 2
 Та не май, китайко на морі! 2.

Потомъ повторяются первые 9 ст. съ варіантами: во 2-мъ ст. сходи (?) вм. сного, трсневі вм. изъ трости въ 4-мъ. За тѣмъ:

Ой туди їхавъ милий мій 2
 Та забряжчіть мости трсневі!
 Та запахніть, гати изъ м'яти!
 Та засяйти, стовни золоті!
 Та замайте, шнури шовкові!
 Та задзвоніть дзвони снижові,
 Та замай, китайко, по морю.

Въ своемъ соч. О мнѣ. зн. нѣкот. обр. и нов. 22, приводя пѣсню «Ой мостите мости зъ зеленої брости», я сказалъ, что мощеніе мостовъ есть символъ ожиданія. Вслѣдъ за тѣмъ я прибавилъ, что мощеніе мостовъ о веснѣ можетъ быть воспоминаніемъ о небесномъ мостѣ, по которому боги сходили на землю. Теперь я думаю, что и въ пѣснѣ «Ой мостите мости», въ которой по этимъ мостамъ переходитъ не отецъ, не мать, а милый, и въ выше приведенной веснянкѣ, мощеніе моста выражаетъ ожиданіе именно брака и слѣдовательно имѣетъ связь съ представленіемъ неба мостомъ. Подобнымъ образомъ въ свад. п. невѣста для бояръ

Помостила мости зъ калиновой троши,
 Та погатила гатки то зъ рутки, то зъ м'ятки. (Метл. 219)

Въ то-же время, т. е. когда молодой собирается домой и когда расходятся гости въ Польшѣ (и Kugriów) поють:

Narządzajcie belki w kalinowym moście,
 Bo wtedy pojedą Jaśieńkome goście (Wójc. II, 105).

Одинаково съ мр. пѣсней, въ которой дѣвица моститъ мости «зъ зеленой брости» (ожидая къ себѣ то отца, то мать, то брата и сестру и дождавшись только того, что пріѣхалъ по тѣмъ мостамъ милый), построена слѣд. Вр. круговая:

... По той ли рѣченькѣ калиновій мостикъ,
 На томъ на мосточкѣ лежить мостовина
 На той мостовинѣ сидить голубина и воркуеть:
 «Завтра поутру радость будетъ,
 «Веселья прибудетъ, батюшка будетъ!»
 Дѣвица отвѣчаетъ:

— Не воркуй, не воркуй сиза голубина:
 Это мнѣ не радость, это не веселье.
 Съ этого веселья не могу вставати,
 Головы поднять, огонь высѣкати,
 Воротъ отворяти, батюшку встрѣчати.

Не радость и то, что матушка будетъ. Въ третій разъ голубь воркуетъ, что милень-
 кий будетъ. Тогда дѣвица отвѣчаетъ:

Вотъ это мнѣ радость, это веселье,
 Съ этого веселья я могу вставати и пр. (Гул. Оч. ю. С. 93—4).

На изложенномъ значеніи моста основано слѣдующее гаданье о женихѣ: «Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ и кладутъ его подъ подушку во время сна, загадывая:» кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ. «Сіе разумѣется, что должно ей во снѣ то присниться» (Абевега 1-е изд. 151—2); «налить воды въ тарелку, положить на нее нѣсколько соломинокъ въ видѣ мостика и поставить себѣ подъ кровать. Суженый прійдетъ перевести невѣсту черезъ мостъ» (Маркевичъ, обы-
 чай и пр. Малороссіянъ 21). Татьяна Пушкина — «Русская душой» и ей снится Русскій сонъ:

Ей снится...

Потокъ не скованный зимой;
 Двѣ жердочки склеенны льдиной,
 Дрожащій, гибельный мостокъ,
 Положены черезъ потокъ...
 Какъ на досадную разлуку,
 Татьяна ропщетъ на ручей;
 Не видитъ никого, кто руку
 Съ той стороны подалъ бы ей.

И вотъ ... Большой взъерошенный медвѣдь...

... Лапу съ острыми костями
 Ей протянулъ; она скрѣпясь
 Дрожащей ручкой оперлась.
 И боязливыми шагами
 Перебралась за ручей;
 Пошла — и чтожъ? медвѣдь за ней (гл. V, XI—XII).

Этотъ сонъ предвѣщаетъ выходъ за мужъ, хоть и не за милаго.

Примѣч. 1-ое. Изъ многихъ доказательствъ этого извѣстнаго положенія приведу здѣсь одно. Въ серб. пѣснѣ св. Ильи будить спящаго среди рая св. Николая, которому, по раздѣлу власти между святыми, достались «воде и бродове» (Кар. пјес. II, 3), и говоритъ ему:

«Та устани Никола!
Да идемо у гору (въ лѣсъ).
Да правимо корабе,
Да возимо душице
Съ овог света (т. е. изъ рая) на онаі (Кар. пјес. I, 134).

Примѣч. 2-ое. Великій постъ представили или существомъ идущимъ по мосту, или, что чаще, самимъ мостомъ: «Посреди великаго поста пекутъ кресты, и съ этими крестами сажаютъ кого либо на ночь на печь, чтобы онъ подслушивалъ, какъ перейдетъ половина поста. Когда что нибудь треснетъ въ переднемъ углѣ избы, тогда означаетъ, что постъ перешелъ свою середину» (Терещ. VI, 19—20). На канунъ 40 мучениковъ матери не даютъ спать дѣтямъ, заставляя ихъ слушать, какъ переломится постъ по поламъ; для этой же цѣли накрываютъ ихъ рѣшетомъ и бьютъ сверху палкой (ib.). Загадки, означающія постъ: Стоитъ (мостится) мостъ на семь верстъ, на мосту дубъ (кустъ), на дубу (на кусту) цвѣтъ во весь бѣлый свѣтъ; стоитъ мостъ на семь верстъ, наконецъ моста золота верста (Свѣтл. праздн. Даль. Посл. 21. Ср. Маркевичъ, Обыч. и пр. 3). Какъ и въ другихъ случаяхъ время представляется пространствомъ (См. мою ст. О связи нѣкот. предст. Фил. Зап. 1864, III, 113—114), такъ и здѣсь семирѣдальный постъ — мостомъ (небеснымъ) на семь верстъ.

А. Потебня.

1866.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ДОМЪ МАЛЮТЫ СКУРАТОВА, НЫНѢ КУРЬЕРСКІЙ МОСКОВСКИХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Домъ этотъ, находящійся за Москвой рѣкой, на Берсеневкѣ, рядомъ съ церковью св. Троицы или Николая Чудотворца, какъ она обыкновенно называется по одному изъ ея придѣловъ, въ высшей степени замѣчательнъ по своей древности и исторической судьбѣ. Преданіе, заслуживающее полнаго довѣрія, гласитъ, что онъ существовалъ уже въ XVI-мъ вѣкѣ ¹⁾ и въ царствованіе Іоанна Грознаго принадле-

¹⁾ Преданіе это подтверждается слѣдующими данными: 1) мѣстность, гдѣ находится курьерскій домъ, была населена въ весьма отдаленное время. Уже въ XV-мъ вѣкѣ здѣсь была Стрѣлецкая слобода, а въ началѣ XVI-го столѣтія встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ слѣды дома Боярина Берсена - Беклемишева, названного въ 1525 г. на Москвѣ рѣкѣ, относится можетъ быть даже къ курьерскому дому, такъ какъ рѣшетка, за которою находилась въ то время церковь Николая Чудотворца называлась Берсеновскою, а также Берсеновскими назывались водяныя ворота у каменнаго моста, южная же кремлевская башня слыха подъ именемъ Беклемишевской; почему можно думать, что и нынѣшняя Берсеновка, называвшаяся этимъ именемъ также въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ, получила тогда же это названіе отъ имени вышеозначеннаго весьма извѣстнаго въ свое время боярина. 2) Церковь св. Троицы (извѣстная болѣе подъ именемъ церкви Николая Чудотворца), граничащая съ курьерскимъ домомъ, нѣя въ него съ лѣвой стороны; нѣющая съ нимъ единство по своимъ древнимъ архитектурнымъ украшеніямъ и въ XVII-мъ вѣкѣ возобновленная въ одно съ нимъ время—въ 1656 и 1657 годахъ—была въ XV-мъ столѣтіи монастыремъ, называвшимся Никольскимъ, почему еще въ дѣлахъ XVIII-го вѣка она упоминается подъ именемъ монастыря (см. журн. канцеляр. конскіаціи 1765 г. 2 полов. лист. 525); а съ начала XVII столѣтія имѣются объ ней подробныя оціалныя свѣдѣнія въ книгахъ Патріаршаго назеннаго приказа 1628 и 1689 г., хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи; на такую же ея древность указываютъ нѣкоторые находящіеся въ ней образа, особенно риза на иконѣ Казанской Божіей Матери, которую археологи относятъ ко временамъ Іоанна I-го; 3) большая часть стѣнъ этого дома, равно какъ своды, по своей кладкѣ и по кирпичу, изъ котораго они сдѣланы, точно также нѣкоторые удѣлѣвшіяся она и наконецъ орнаменты указываютъ собою на архитектуру XVI-го вѣка.

жалъ знаменитому его наперснику Милоту Скуратову. Согласно другому преданію, онъ перешелъ впоследствии къ Годуновымъ, изъ коихъ Царь Борисъ Феодоровичъ былъ, какъ извѣстно, женатъ на дочери Милоты Скуратова. За тѣмъ онъ находился въ рукахъ разныхъ боярскихъ фамилій; изъ нихъ преданіе же указываетъ на фамилію Стрѣшневыхъ, но лишь въ началѣ XVIII-го вѣка встрѣчается достовѣрное извѣстіе въ ревизскихъ сказкахъ и дѣлахъ Коллегіи Экономіи, что онъ издавна принадлежалъ Курбатовымъ.²⁾ Въ 1657 г., какъ значится въ надписи, высѣченной вокругъ креста, изображеннаго вверху сводовъ одной изъ комнатъ этого дома, онъ былъ перестроенъ или покрайней мѣрѣ исправленъ.³⁾ Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того владѣлица его Ирина Симонова Курбатова построенныя ею «каменные палаты о двухъ апартаментахъ» отдала «для вѣчнаго житья и поминовенья ея по смерти» дьякону Николаевской церкви и «женскаго пола богадѣленкамъ», почему вверху этого строенія поселился дьяконъ Борисъ Феодоровъ, а въ нижнихъ комнатахъ помѣщены были богадѣленки вѣдомства Коллегіи Экономіи.⁴⁾ Но эти палаты составляли особое зданіе отъ нынѣшняго курьерскаго дома, ибо послѣдній и послѣ того состоялъ еще за Курбатовыми, какъ видно изъ сказокъ второй ревизіи (1737—1739 гг.)⁵⁾

Съ изложенными преданіями и свидѣтельствами документовъ согласуется архитектура этого дома, сохранившаго, не смотря на бывшія въ немъ перестройки въ XVIII-мъ вѣкѣ, несомнѣнные слѣды того, что въ XVI-мъ или даже въ XV-мъ столѣтіи онъ могъ быть выстроенъ лишь какимъ нибудь знатнымъ бояриномъ, особенно судя по его обширной, съ трехъ сторонъ открытой, впоследствии обращенной въ сѣни и комнаты, галлерей и по просторнымъ подваламъ, гдѣ наши предки имѣли обычай держать на готовѣ обильные запасы заграничныхъ винъ и домашнихъ напитковъ. Напротивъ того, внутреннія въ немъ перегородки указываютъ, что въ XVIII-мъ столѣтіи онъ былъ уже приспособленъ для помѣщенія въ немъ какого либо казеннаго учрежденія, и это указаніе въ свою очередь подкрѣпляется приведенными ниже свѣдѣніями, сохранившимися въ документахъ тѣхъ мѣстъ, которыя переводились сюда правительствомъ, за недостаткомъ другихъ зданій, на болѣе или менѣе продолжительное время.

²⁾ См. въ Москв. Архивѣ Мин. Юстиціи переписныя книги 1-й и 2-й ревизій, гдѣ въ числѣ домовъ, находящихся «въ приходѣ церкви Живоначальныя Троицы, что словесъ у Никола въ Берсеневиѣ», значится домъ «иностранный коллегіи Ассессора Петра Васильева Курбатова» и приводимую ниже (примѣч. 4) выписку изъ дѣлъ коллегіи экономіи.

³⁾ Вотъ эта надпись: «написанъ сей Святый и Животворящій крестъ въ лѣто 7165 году; тогожъ лѣта и Палата сія посправлена». Последнія слова этой надписи не оставляютъ сомнѣній, что курьерскій домъ уже существовалъ по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII-го вѣка, ибо при извѣстной бережливости того времени не было бы повода исправлять его, если бы этого не потребовала его ветхость.

⁴⁾ Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія находятся въ дѣлѣ Коллегіи Экономіи 1740 года Марта 13 подъ заглавіемъ: «Донесеніе Николаевской, что въ Берсеневиѣ, богадѣлни старостики Настасья Луныиной съ сестрами, поданное въ Коллегію Экономіи».

⁵⁾ Изъ этихъ сказокъ видно также, что въ означенномъ домѣ жилъ самъ тогдашній владѣлецъ его Коллежскій Ассессоръ Курбатовъ и что при немъ находилось четверо дворовыхъ его людей мужскаго пола.

Уже въ 1746 году курьерскій домъ находился въ вѣдомствѣ Камеръ-Коллегіи, какъ это видно изъ опредѣленія сей Коллегіи 21 Марта означеннаго года, въ которомъ упоминается что она 20 Марта переехала на каменномосткій питейный дворъ, гдѣ Корчемная Контора; *) послѣдняя же, какъ несомнѣнно извѣстно изъ послѣдующихъ документовъ, помѣщалась въ этомъ домѣ до 1760-хъ годовъ. Въ 1751 году, 3 Декабря, въ «комнаты», занимавшіяся Камеръ-Коллегіей, помѣщена учрежденная по указу Сената 23-го Апрѣля тогоже года Корчемная Канцелярія. Изъ дошедшихъ до насъ дѣлъ этого мѣста и Корчемной Конторы видно, что въ курьерскомъ домѣ они занимали «пять полатъ и что въ немъ до 1762 г. производились неоднократно разныя починки и поправки; между прочимъ для содержанія колодниковъ, обвиняемыхъ въ корчемствѣ, была устроена тюрьма и около нея бревенчатый острогъ. 7) Но еще прежде 1764 г., Корчемная Канцелярія и Контора, причисленные къ Губернской Канцеляріи, замѣнила въ этомъ домѣ Московская Межевая Канцелярія, мѣсто которой съ 26 Мая 1764 года заступила Канцелярія Конфискаціи; а какъ сія послѣдняя въ 1766 году 9-го Февраля переведена была на Никитскую, въ Володимірское подворье, 8) то сюда перемѣщена учрежденная вновь Межевая Губернская Канцелярія. О приѣмѣ на этотъ разъ курьерскаго дома межевыми чинами мы имѣемъ подлинныя документы: онъ сданъ въ вѣдомство Межевой Канцеляріи 18 Февраля 1766 года, а 20-го того же мѣсяца въ немъ было первое ея присутствіе. 9) Въ 1770 году для Межевой Канцеляріи былъ купленъ правительствомъ домъ сенатора Н. Ю. Трубецкаго на Тверской, въ приходѣ Успенія на Вражкахъ, куда она и перешла 20 Октября 1770 года. 10) За тѣмъ курьерскій домъ

*) См. въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи книги съ протоколами Камеръ-Коллегіи 1746 г. за Мартъ (л. 350) и за Іюль (л. 380-382). Когда именно курьерскій домъ былъ занятъ казною. — нѣтъ свѣдѣній въ документахъ; но судя по замѣткѣ, сдѣланной въ 1771 г. секретаремъ Разряднаго Архива Протопоповымъ въ справочной книгѣ Сенатскаго Архива этого года подъ № 66, онъ слылъ еще тогда подъ именемъ дома Маслова. Вотъ эта замѣтка: «Разрядной и Сенатской Архивы вообще переехали изъ Кремля изъ подъ Вотчинной Коллегіи за каменный мостъ, на берегъ Москвы рѣки, въ приходъ церкви Николая Чудотворца въ Берсеневѣ, въ домъ Анисима Маслова Марта 14 дня въ 71 году съ секретаремъ Протопоповымъ».

7) См. книгу протоколовъ Камеръ-Коллегіи 1751 г. Сент. л. 5 и въ дѣлахъ Корчемной Конторы, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юст. вѣдѣн 21 (№ 11 л. 14, 17 и 78), 42 (№ 33) и 105 (№ 7), и справочную книгу Сенатскаго Архива 1772 года подъ № 70. Въ послѣдней говорится между прочимъ, что при занятіи подъ Сенатскій Архивъ казенномъ домѣ, гдѣ прежде была Корчемная Контора, а потомъ Межевая Канцелярія имѣются сдѣланные во время бытія Корчемной Конторы для содержанія колодниковъ тюрьма и около оной съ одной стороны стоячій бревенчатый острогъ, который отъ давности совсѣмъ развалился и большая часть лѣсу погнила. Этотъ лѣсъ разрѣшено было Сенатомъ употребить на отопленіе Сенатскаго Архива вѣсто покупки для того дровъ.

8) См. въ дѣлахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи журналы Канцеляріи Конфискаціи 1766 года полов. 1-й л. 116, 222 обор. и 223.

9) См. въ писцовомъ Архивѣ указъ Московской Губернской Межевой Канцеляріи Правительствующаго Сената 1766 г. Января 31 и опредѣленія Межевой Канцеляріи того же года 20 Февраля.

10) См. въ дѣлахъ Писцоваго Архива купчую на этотъ домъ, совершенную 27 Сентября 1770 года и рапорты 20 Октября того же года объ окончаніи перевозки сюда дѣлъ Межевой Канцеляріи, Чертежныхъ и Архивскихъ.

оставался нѣкоторое, впрочемъ самое короткое время, пустымъ, такъ какъ въ 1771 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, сюда уже былъ переведенъ, по случаю предпринятыхъ перестроекъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ, Разрядный Архивъ Правительствующаго Сената,¹¹⁾ и съ тѣхъ поръ этотъ домъ называется и въ официальныхъ бумагахъ и въ частныхъ указателяхъ Москвы казеннымъ, также Сенатскимъ Архивомъ.¹²⁾ За время пребываніе здѣсь Разряднаго Архива мы имѣемъ подлинныя документы о произведенныхъ въ курьерскомъ домѣ починкахъ¹³⁾ и подробную опись всѣхъ его комнатъ въ трехъ этажахъ и подвалѣ, а также мѣры занимаемаго имъ мѣста, которая была составлена въ 1793 году 14 іюля при передачѣ его въ вѣдомство Московской Казенной Палаты.¹⁴⁾ Передача эта произошла вслѣдствіе перемѣщенія Разряднаго Архива въ выстроенное вновь Сенатское зданіе по причинѣ угрожавшей ему опасности отъ огня при бывшемъ по близости пожарѣ, а также «неспособности для Архива занимаемаго имъ дома», по его ветхости и по мѣстному положенію, какъ выразился тогдашній главнокомандующій Москвы кн. Прозоровскій, въ предложеніи своемъ о томъ Сенату.¹⁵⁾ Долго ли послѣ того находился этотъ домъ въ завѣдываніи Казенной Палаты, не извѣстно; но въ 1806 году онъ исправленъ для помѣщенія въ немъ Сенатской курьерской команды, на что 31 Октября отпущено было въ распоряженіе Оберъ Прокурора Шетнева 2383 р. 54 $\frac{1}{2}$ коп.¹⁶⁾ и съ того времени онъ называется Курьерскимъ.

Н. Калачевъ.

¹¹⁾ Такъ называется онъ въ официальныхъ бумагахъ, а также Сенатской Разрядной Архивъ. См. справ. ии. Сенатск. Архива 1771 г. № 66 и замѣтку, приведенную выше въ примѣч. 6

¹²⁾ Такъ напр., въ Путеводителѣ къ древн. и достопамятностямъ Москвы 1792 г. ч. III на стр. 74 № 8; въ указателѣ Москвы 1793 г. ч. II на стр. 10, и проч. См. выше примѣч. 7

¹³⁾ См. справочную книгу Сенатск. Архива 1771 г. подъ № 66.

¹⁴⁾ См. въ Сенатскомъ Архивѣ книгу Оберъ прокурорскихъ дѣлъ 1792 г. подъ № 47. Изъ этой описи видно, что расположеніе комнатъ и вообще видъ курьерскаго дома, а также пространство занимаемаго имъ двора остались съ того времени до сихъ поръ безъ измѣненія, за исключеніемъ небольшого лоскутка земли, уступленнаго въ 1839 году, по распоряженію бывшаго тогда Министра Юстиціи Д. Н. Блудова, церкви Николая Чудотворца подъ постройку колокольни (см. дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ по казенной части подъ № 201).

¹⁵⁾ См. приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи книгу Оберъ Прокурорскихъ дѣлъ. Не смотря на поводъ, выставленный княземъ Прозоровскимъ къ перемѣщенію Сенатскаго и Разряднаго Архивовъ, мѣсто, занимаемое курьерскимъ домомъ, принадлежитъ къ одному изъ наиболее удобныхъ и безопасныхъ отъ огня: доказательствомъ тому служатъ ужасные пожары 1629 и 1737 годовъ, изъ коихъ первый истребилъ значительную часть Москвы, но ни одинъ не доходилъ до Берсеневки. Что касается до указаннаго выше пожара, бывшаго въ 1792 г. 29 Мая, то онъ не могъ быть значительнымъ, ибо курьерскій домъ «остался въ цѣлости тщаніемъ одной Сенатской команды», какъ видно изъ упомянутаго предложенія Главнокомандующаго Москвы Сенату.

¹⁶⁾ См. въ книгѣ приходной и расходной Прав. Сената Московскихъ Департаментовъ курьерск. суммъ 1806 г. № 15.

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

Въ дополненіе къ тому, что я говорилъ въ первомъ письмѣ о новыхъ открытіяхъ по части христіанскихъ древностей, я сообщу въ настоящемъ письмѣ свѣденія о древне-христіанскомъ сосудѣ, находившемся на послѣдней всемірной выставкѣ въ тунисскомъ отдѣленіи. Соединеніе христіанскихъ представленій съ языческими дѣлаетъ его особенно интереснымъ. Объясненіе его, вмѣстѣ съ рисункомъ, помѣщено въ 6 № *Bulletino di arch. crist.* (1867) и принадлежитъ извѣстному знатоку христіанскихъ древностей Джіованни Батиста де Росси.

Свинцовый сосудъ, около четверти метра вышины, въ формѣ ведра, къ низу уже, а къ верху расширяется. — На верху, съ одной стороны греческой надписи — два павлина касаются клювами сосуда, который стоитъ между ними; съ другой — Нерейда сидитъ на гипокампѣ. Ниже этихъ изображеній и надписи — добрый пастырь между пальмою и гладіаторомъ. На другой сторонѣ, въ соотвѣтствіи доброму пастырю — молящаяся (оранс) между пальмой и крылатой Побѣдой. Нижній рядъ изображеній составляютъ два оленя у четырехъ источниковъ, съ крестомъ надъ ними. Это изображеніе повторяется на обѣихъ сторонахъ сосуда. Между двумя сторонами сосуда видна еще борьба животныхъ. Снизу и по бокамъ сосуда вьются виноградныя лозы.

Греческая надпись — *ΑΝΤΑΝΣΑΤΕ ΥΔΩΡ ΜΕΤ ΕΥΦΡΟΣΥΝΗΣ* — (почерпайте воду съ радостію) напоминаетъ 8-й стихъ XII главы пророка Исаіи и встрѣчается съ нѣкоторыми видоизмѣненіями на многихъ сосудахъ для святой воды. Извѣстно, что, начиная съ IV вѣка, при входахъ въ базилики устраивались фонтаны, которые украшали священными изображеніями и соотвѣтствующими надписями.

Что касается до общей композиціи изображеній на нашемъ сосудѣ, то она находитъ себѣ аналогію въ расположеніи группъ въ апсидахъ базиликъ. Въ апсидахъ четыре рѣки, истекающія изъ горы, орошаютъ равнину, на которой олени и овцы утоляютъ свою жажду. Въ вершинѣ или раковинѣ апсиды царитъ образъ Христа съ святыми въ раю, обозначенномъ пальмами, часто съ фениксомъ, символомъ воскресенія.

Такое сопоставленіе верхняго и нижняго поля символически представляетъ земную церковь, вѣрныхъ, жаждущихъ воды вѣчной жизни, истекающей у подножія креста, и церковь, торжествующую съ Христомъ и святыми, достигшими обѣтованной жизни. — Тоже соотвѣтствіе мы видимъ и въ тунисскомъ сосудѣ. И здѣсь пальма обозначаетъ рай. Но Спаситель является здѣсь не въ торжественномъ величіи, какъ въ апсидахъ базиликъ, а въ архаическомъ образѣ евангельскаго пастыря; его сопровождаютъ не апостолы и святые, а гладиаторъ—побѣдитель. Съ другой стороны сосуда въ томъ же верхнемъ полѣ — молящаяся съ олицетвореніемъ побѣды. Изображеніе виноградныхъ лозъ и гроздій вызываетъ въ памяти евангельскія притчи и не требуетъ особенныхъ объясненій.

Труднѣе объяснить умѣстность борьбы животныхъ, помѣщенной между главными символическими группами. Олимпіодоръ обращался съ вопросомъ къ св. Нилу, ученику Златоуста, — прилично ли покрывать стѣны базиликъ изображеніями различныхъ животныхъ, охоты на нихъ и рыбной ловли. Нилъ порицалъ такія дѣтскія украшенія, которыя занимаютъ мѣсто священныхъ представленій изъ ветхаго и новаго заветъа. (Boldetti, *Ossegr. sui cemeteri*. p. 25, 26; Martigny, *Dict. art. Animaux*.) Отсюда ясно, что въ V вѣкѣ стѣны церкви украшались сценами изъ животнаго царства безъ всякой правоучительной цѣли и безъ всякаго символическаго значенія. Тѣмъ скорѣе могли быть употребляемы подобныя украшенія на сосудахъ.

Важнѣе изображеніе Нереиды на морскомъ конѣ. — Древніе христіане были особенно расположены къ представленіямъ изъ морскаго цикла. Голова Океана и фигуры морскихъ чудовищъ нерѣдко встрѣчаются въ живописи подземныхъ кладбищъ и на христіанскихъ саркофагахъ, купленныхъ, вѣроятно, въ языческихъ мастерскихъ. Такія фантастическія изображенія античнаго искусства нерѣдко соединялись съ фигурами Тритоновъ и Нереидъ. Изображеніе Нереиды на нашемъ христіанскомъ сосудѣ есть первое, единственное изъ извѣстныхъ доселѣ памятниковъ; но по аналогіи съ другими подобными представленіями, мы его должны отнести къ тѣмъ космическимъ олицетвореніямъ, которыя допускало христіанское искусство.

Соотвѣтствующее изображеніе на другой сторонѣ сосуда — павлины около вазы — принадлежатъ къ христіанскимъ эмблемамъ символическаго цикла и встрѣчается на памятникахъ ранѣе IV вѣка. Птицы, и въ особенности павлины, по сторонамъ сосуда обозначаютъ души, которыя наслаждаются вѣчной жизнью. — Главнѣйшій интересъ въ объясненіи нашего памятника составляютъ фигуры гладиатора и Побѣды. Изображеніе побѣдителя въ циркѣ вполне согласно съ подобными изображеніями на античныхъ памятникахъ. Около гладиатора стоитъ четырехугольный столбъ, съ котораго онъ снялъ вѣнокъ и, высоко поднявъ, держитъ его въ правой рукѣ. Вѣнцы и пальмовыя вѣтви, какъ награда, полагались около борцовъ на общественныхъ зрѣлищахъ (Magini, *Agvali*. стр. 285). Но зачѣмъ гладиаторъ помѣщенъ рядомъ съ добрымъ пастыремъ? Такое сопоставленіе ново и не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ памятниковъ. — Объясненіемъ можетъ служить то, что метафоры, заимствованныя изъ жизни палестры, борьбы и бѣговъ стадіи или цирка, часто употреблялись апостолами и отцами церкви (1 посл. къ Коринѣ. ап. Павла IX, 24, 25; II посл. къ

Тимоѣ. II, 5; Апокалипс. II, 17). Такъ напр. Тертуміанъ сравниваетъ борьбу мучениковъ съ борьбою на общественныхъ играхъ (*De spectaculis* и *Ad martyres*). Вѣнецъ и пальмовая вѣтвь очень часто встрѣчаются на христіанскихъ памятникахъ и указываютъ на ту сторону древней жизни, изъ которой они были заимствованы. Но еще яснѣе видно это заимствование въ изображеніи бѣгущей лошади по направленію къ пальмѣ и метѣ (*meta*) цирка (*Martigny, Dict. art. Cheval*); или въ изображеніи пѣтушинаго боя на христіанскихъ надписяхъ (*P. Maffei, gemme antiche, II, 217*) и саркофагахъ (*Bosio, R. S. стр. 243*). — Гладіаторъ на сосудѣ, о которомъ мы говоримъ, есть олицетвореніе души христіанина, которая послѣ борьбы и побѣды, получила обѣтованный вѣнецъ безсмертія. Мѣсто нахожденія памятника даетъ возможность еще дальше идти въ объясненіи гладіатора. — Сосудъ найденъ въ Африкѣ. Перпетуя — славнѣйшая африканская мученица, — своей собственной рукой описала видѣнія, которыя она имѣла въ темницѣ. Эти видѣнія предвозвѣстили ей близкое мученичество и ожидаемую награду. Ей казалось, что она преобразилась въ атлета и билась въ амфитеатрѣ съ безобразнымъ Эеіопомъ, надъ которымъ она одержала побѣду. Начальникъ игръ далъ ей предназначенную награду. Въ другомъ видѣніи она была принята божественнымъ пастыремъ въ небесномъ саду. (см. *Kuipart, Acta mart. sincera. стр. 85*). Сліяніе двухъ аллегорическихъ видѣній въ одно, мы видимъ въ группѣ гладіатора съ добрымъ пастыремъ подлѣ пальмы. Смѣшеніе атлета съ гладіаторомъ не можетъ быть трудностію при объясненіи, тѣмъ болѣе, что предсѣдателя игръ сама Перпетуя называетъ *lanista* (что относится къ гладіаторскимъ играмъ) вмѣсто *agonothetes*.

Крылатая Побѣда встрѣчается часто на монетахъ христіанскихъ императоровъ, на консульскихъ и императорскихъ диптихахъ и на другихъ памятникахъ христіанскаго времени, какъ олицетвореніе идеи, не противное духу христіанства.

Извѣстное изображеніе молящейся (*orans*) объясняется различно: или какъ олицетвореніе церкви въ соотвѣтствіи Христу, или какъ представленіе души усопшаго. Въ настоящемъ случаѣ это изображеніе, вмѣстѣ съ крылатою Побѣдой, можетъ имѣть отношеніе къ видѣнію Перпетуи.

Отсутствіе греческихъ надписей въ Тунисѣ (собственно *Africa*, гдѣ церковнымъ языкомъ былъ постоянно латинскій) заставляетъ предполагать г. Росси, что сосудъ былъ работанъ не на мѣстѣ его нахожденія, а скорѣе всего въ Киренаикѣ, гдѣ господствующій языкъ былъ греческій.

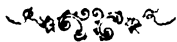
Четыре рѣки съ крестомъ и оленями не даютъ права относить сосудъ ко времени ранѣе IV вѣка. — Форма греческихъ буквъ въ надписи указываетъ на происхожденіе не позже V вѣка. Въ подтвержденіе того, что памятникъ относится къ IV или къ началу V в. (не позже), авторъ статьи говоритъ о гладіаторскихъ играхъ, которыя окончательно уничтожены въ 404 году. Но эти доказательства мнѣ кажутся слабыми, и потому я опускаю ихъ.

Что касается до того способа, какъ исполнены фигуры на сосудѣ, то интересно, что онѣ оттиснуты рельефно на четырехугольномъ свинцовомъ листѣ, который потомъ согнутъ оваломъ для сосуда. —

Естати упомяну о новомъ приобрѣтеніи Британскаго музея по части христіанскихъ древностей. Заимствую краткія свѣденія о немъ изъ статьи Вагена (*Kunst-Chronik. Beiblatt zur Zeitschrift für bildende Kunst*. 1868г. № № 13 и 14). Въ числѣ другихъ древнихъ памятниковъ собранія герцога Бласаса (Blacas), описанію котораго посвящена статья Вагена, поступилъ въ Лондонскій музей единственный въ своемъ родѣ памятникъ итальянской работы по богатству и частію по значительной величинѣ. Это серебряный уборъ невесты, найденный въ одной могильной комнатѣ въ Римѣ въ 1793 году. На главномъ предметѣ, туалетномъ ящикѣ, находится надпись «*Secunde et Proiecta, vivatis in Chris (to).*» По грубости скульптуры, которою украшенъ ящикъ, и по свойству надписи онъ долженъ относиться къ концу V или началу VI вѣка.

Изъ сочиненій по части христіанскихъ древностей наконецъ появился давно ожидаемый второй томъ «Подземнаго Рима» Росси (*La Roma sotterranea cristiana*). Эта огромная книга заключаетъ въ себѣ описаніе катакомбъ Каллиста, чрезвычайно интересныхъ для изученія христіанской археологіи. Къ ней приложены изслѣдованія о древнихъ мартиролагахъ и объ актахъ мучениковъ. — Атласъ даетъ богатый матеріалъ по монументальной и художественной археологіи. Въ немъ помѣщено до полутысячи надписей, не считая скорописныхъ на стѣнахъ (*i graffiti*); множество снимковъ съ фресокъ, которые представляютъ непрерывный рядъ изображеній съ конца II до начала IV вѣка, съ образцами живописи V, VII и IX вѣковъ; по архитектурѣ планы, разрѣзы и перспективные виды кубикулъ и криптъ катакомбъ Каллиста. — Въ слѣдующихъ томахъ авторъ обѣщаетъ издать описаніе одного кладбища втораго вѣка и одного перваго, и такимъ образомъ сдѣлаются извѣстными важнѣйшіе памятники христіанскаго искусства до Константина. —

В. Виноградскій.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ИЗЪ ЖИЗНИ СВЯТЫХЪ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕРУССКАГО ИКОНОПИСЦА.

Исторія нашей иконописи — предметъ далеко еще не разработанный. До сихъ поръ преимущественно обращено было вниманіе на изученіе ея технической стороны по школамъ и сравнительное изученіе по сюжетамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣчены два самыхъ первыхъ, самыхъ капитальныхъ вопроса въ изученіи этого предмета. Изъ сравнительнаго изученія самъ собою вытекаетъ вопросъ о томъ, что есть національнаго въ нашей иконописи. Послѣ этого нетрудно уже будетъ дальнѣйшее изученіе и постановка новыхъ вопросовъ. Таковы вопросы о томъ, сколько икона, кромѣ своего чисто религіознаго значенія, имѣла вліянія на нашихъ предковъ одной своею техникой и каковы были иконописцы въ своихъ мастерскихъ, въ своей семейной жизни? На этотъ разъ мы представимъ нѣсколько свѣдѣній въ отвѣтъ на второй вопросъ.

До сихъ поръ мы почти еще ничего не знаемъ изъ частной жизни нашихъ древнихъ иконописцевъ. Даже такая личность, Симонъ Ушаковъ, не имѣетъ еще до сихъ поръ своей біографіи. Но если и вообще личность не выработалась въ древней Руси, то по крайней мѣрѣ важенъ общій типъ, общій характеръ дѣятельности нашихъ иконописцевъ. Въ одной небольшой замѣткѣ было уже указано на односторонность господствовавшаго понятія о древнерусскомъ иконописцѣ, какъ человѣкѣ безусловно высокой нравственности.

И дѣйствительно, Стоглавъ, въ главѣ объ иконописцахъ, имѣетъ въ виду такихъ изъ нихъ, которые жили зазорно и безчинно, проводили время въ пьянствѣ и нечистотѣ, вмѣсто высокаго понятія о своей профессіи, какъ о подвигѣ религіозномъ, смотрѣли на иконопись, какъ на ремесло и средство кормиться, что мастера старались скрывать свои знанія отъ учениковъ, что иногда они потворствовали своимъ ученикамъ, выдавая за ихъ произведенія чужія или недавая ходу своему талантливому ученику. Вотъ та картина дѣйствительности, на основѣ которой возникли и составила предписанія Стоглава!

XVII вѣкъ оставилъ еще болѣе данныхъ для характеристики этой черной стороны жизни нашего иконописца. По матеріаламъ, изданнымъ И. Е. Забѣлинымъ, видно,

что иконописцы бывали въ бѣгахъ,¹⁾ строили иконное дѣло безъ прилежанія,²⁾ писали иконы безъ всякаго разсужденія какъ холдяне,³⁾ пили и бражничали,⁴⁾ лѣнились при исполненіи своего дѣла какъ поденщики, къ которымъ нужны были приставники.⁵⁾

Но не одинъ только строгій обличитель и реформаторъ жизни Стоглавъ, не одни только равнодушныя, официальныя записки сохранили для насъ факты, рисующіе темную сторону жизни нашихъ иконописцевъ. Составители жизнеописаній нашихъ святыхъ также не обошли подобныхъ фактовъ и сохранили намъ не одинъ и не два подобныхъ, хотя и краткихъ, рассказовъ.

Нельзя отрицать того, что въ древней Руси были иконописцы, проникнутые религиознымъ воодушевленіемъ. Известно, что иконописцами были многія религиозныя лица, а оособенно по монастырямъ монахи, но и между монахами иконописцами былъ въ Хутынскомъ монастырѣ казначей, который жилъ не трезво. Если монастырскій иконописецъ, монахъ, бывалъ пьяницей, то естественно, что не трудно было того же ожидать отъ тѣхъ, которые кормились иконописью, знали ее самоучкой и не хотѣли отказаться отъ нея, не смотря на запрещенія. Замѣтимъ при этомъ, что Стоглавъ, въ словахъ котораго высказывался взглядъ передовыхъ людей того времени, людей, отъ которыхъ зависѣла самая судьба и положеніе иконописцевъ, оставилъ послѣднихъ въ положеніи холостой жизни, а между тѣмъ оставлялъ ихъ внѣ монашеской жизни, изъ чего станеть яснымъ указаніе Стоглава на иконописцевъ, которые жили въ нечистотѣ.

Въ житіи Саввы Крыпецкаго находится рассказъ объ одномъ Псковскомъ иконописцѣ, по прозванію Ушакѣ, по имени Мартынѣ, которой былъ преданъ пероку пьянства.⁶⁾ Въ томъ же житіи есть рассказъ о другомъ иконописцѣ изъ той же Псковской школы, которому приданъ эпитетъ хитраго. Но этотъ иконописецъ былъ не только хитръ по своему иконному писанію, но и благоразуменъ бѣше, божественная писанія добре вѣдый. А между тѣмъ этотъ иконописецъ, по имени Евстафій, о которомъ упоминается по тому случаю, что жена его Матрена была больна — иконописецъ, котораго можно назвать не только искуснымъ въ своемъ дѣлѣ, но и мудрымъ, въ тоже самое время прибѣгалъ къ волхвамъ и отъ нихъ цѣльбы и помощи чаялъ, а не отъ угодниковъ! Если первый рассказъ о Псковскомъ иконописцѣ подтверждаетъ только ту черную дѣйствительность, которую имѣлъ въ виду Стоглавъ, встававшій противъ пьяныхъ иконописцевъ, то второй примѣръ представляетъ намъ такое странное явленіе, которое стояло совершенно на перекоръ идеальному представленію Стоглава объ иконописцѣ, потому что въ лицѣ Евстафія жизнь и профессія явно двоились.

Не всегда смиреніе и покорность были отличительною чертою нашего древняго иконописца. Одинъ иконописецъ изъ школы Новгородской, по имени Иванъ, какъ рассказывается въ житіи Варлаама Хутынскаго, однажды мучимый бѣсомъ, ударилъ

¹⁾ Времен. Общ. Истор. 1850 г. кн. 7 стр. 118

²⁾ ib. 93 стр. ³⁾ ib. 83 стр. ⁴⁾ ib. 87 и 103 стр. ⁵⁾ ib. 127 стр.

⁶⁾ Рип. Сня. биб. Малют. кн. Августъ, стр. 1207 и слѣд.

въ ланиту архимандрита и хотѣлъ бити его.¹⁾ Что привело иконописца къ такому поступку и какой бѣсъ сидѣлъ въ немъ—мы не знаемъ, но какъ бы то ни было, этотъ поступокъ кладетъ нѣкоторую тѣнь на представляемую безупречную жизнь нашего древняго иконописца. Но еще болѣе странно встрѣтить въ числѣ нашихъ древнихъ иконописцевъ такого, какъ разсказывается объ одномъ, жившемъ въ половинѣ XVII вѣка и тоже, вѣроятно, вышедшемъ изъ Новгородской школы. Изъ житія Галактіона Вологодскаго мы узнаемъ, что иконописецъ Илья произнесъ хулу на преподобнаго Галактіона, называя его «человѣка грѣшна и зѣло понося его». Жена Ильи, отзываясь о такомъ поступкѣ мужа, говорила: своимъ малоуміемъ хулу возлагая понося преподобнаго, а отецъ духовный прямо бранилъ его за это.²⁾ Правда, что этотъ случай произвелъ довольно сильное потрясеніе въ частной жизни иконописца, но едвали его можно считать совершенно исключительнымъ и единственнымъ между древними нашими иконописцами.

Знаменитый иконописецъ Діонисій, который вмѣстѣ съ Рублевымъ является основателемъ строго благочестивой школы Великорусской или Московской, этотъ самый Діонисій не можетъ быть названъ совершенно безупречною личностью. Покрайней мѣрѣ въ житіи Пафнута Боровскаго сохранился такой разсказъ о Діонисіи, который представляетъ его далеко не съ идеальной стороны. При построеніи церкви въ Пафнутаевомъ монастырѣ производились дѣла «отъ живописцевъ Митрофана инока и Діонисія и ихъ пособниковъ пресловущихъ тогда паче всѣхъ въ таковомъ дѣлѣ; Діонисій же не возможе дѣлу коснуться по неже ногамъ его зѣло болѣзненнымъ», но Пафнутій уговариваетъ его, обѣщая выздоровленіе. А между тѣмъ Святой заповѣдуетъ иконописцамъ, чтобы они не вкушали мірскаго ястія въ монастырѣ, а ходили для этого въ ближайшую весъ. Разъ иконописцы послѣ обѣда въ означенной веси взяли съ собою въ обитель «едино ходило агнче» печено съ яицами на ужинъ. Діонисій вкусилъ отъ этого блюда первый; онъ увидѣлъ, что вмѣсто яицъ явились черви. На Діонисія напалъ недугъ свороборъ, такъ что все тѣло его превратилось въ струпу и онъ не могъ двинуться.³⁾ Какъ бы то ни было, но непослушаніе изъ за ходила агнчаго было и у такого знамитаго иконописца, какъ Діонисій.

Такимъ образомъ, если нашъ древній иконописецъ Псковской, Новгородской и Московской школъ въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ является иногда не только непослушнымъ въ употребленіи пищи, не только пьяницей и драчуномъ, но даже, при хорошемъ знаніи священнаго писанія, вѣрить вохвamtъ, а иногда бранить даже святыхъ, то это можетъ насъ привести только къ тому заключенію, что существовавшее досихъ поръ представленіе о нашемъ древнемъ иконописцѣ было слишкомъ исключительно и не вполне справедливо.

Иванъ Некрасовъ.

¹⁾ ib. Ноябрь 260 стр.

²⁾ Рун. Рун. Муз. № 296 стр. 15—18

³⁾ Монар. иконоз. Май, 129 стр. и слѣд.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РОЗЫСКАНІЯ ВЛИЗЪ ТЕОДОСІИ

(СОСТАВЛЕНО ПО ОФИЦІАЛЬНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).

Въ виду предполагаемаго въ скоромъ времени возобновленія археологическихъ изслѣдованій въ окрестностяхъ Теодосіи, считаемъ нелишнимъ сообщить нѣкоторыя, неизданныя доселѣ свѣдѣнія о послѣднихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ этой мѣстности, въ концѣ 1856 года, по распоряженію пок. графа Л. А. Перовскаго, директоромъ Керченскаго Музея древностей, А. Е. Люценко ¹⁾. Раскопки эти сосредоточивались на трехъ пунктахъ: 1) на горѣ, лежащей въ южномъ направленіи отъ городского карантина, 2) спустившись съ нея, на холмахъ, перерѣзанныхъ балками, чрезъ которыя протекаетъ дорога къ часовнѣ Св. Ильи и 3) на высотахъ, прилегающихъ къ морю, позади городского карантина.

Первая изъ этихъ мѣстностей замѣчательна удачными раскопками, произведенными на ней И. К. Айвазовскимъ въ 1853-мъ году. Раскопавъ три кургана, уцѣлѣвшіе на гребнѣ ея, въ виду города Теодосіи, г. Айвазовскій открылъ въ одномъ изъ нихъ земляную гробницу, съ чрезвычайно изящными золотыми вещами ²⁾,

¹⁾ О раскопкахъ, произведенныхъ близъ Теодосіи кн. Сибирскимъ и г. Айвазовскимъ, см. Извлеченіе изъ всеподлиннѣйшаго Отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году, стр. 126—128. Дюбуа-де-Монперѣ (*Voyage autour du Caucase*, т. V, стр. 300) также упоминаетъ о Теодосійскихъ раскопкахъ. „L'antique position de Théodosie (говоритъ онъ) est une énigme et ce n'est que par conjecture qu'on la place sur le sol de la Quarantaine actuelle. On y a fait des fouilles qui ont produit un petit nombre d'antiquités grecques, des vases étrusques de terre rouge, vernissés en noir. D'autres fouilles opérées aux alentours de Théodosie dans les nombreux tumulus qui s'étendent vers la presqu'île de Kertch, ont amené à peine quelque résultat. En ouvrant deux ou trois tumulus qui devaient servir d'essai, on s'est contenté de les raser sans pénétrer dans le sein de la terre. On n'y a trouvé que deux vases d'une poterie très-grossière, un glaive etc“. См. также соч. Б. Кёне: *Муз. кн. Кочубея*, т. I, стр. 274—275.

²⁾ Онѣ описаны и изданы въ *Древностяхъ Босфора Киммерійскаго*, ч. I, стр. 76—82, табл. XII, а, рис. 1—12.

въ другомъ кувшинъ съ сожженными костями, перемѣшанными съ углемъ и золою, а въ третьемъ, жженую гробницу съ кусочками расплавленного золота.

Каждый изъ этихъ кургановъ простирался въ окружность отъ 30 до 35 сажень, при высотѣ не болѣе 1 сажени, имѣя скалистое основаніе и насыпь изъ глинистой земли, смѣшанной съ хрящемъ и мелкимъ камнемъ. Такъ какъ курганы эти были разрыты только по срединѣ, то А. Е. Люценко приступилъ къ раскопкѣ боковыхъ неразслѣдованныхъ частей, въ надеждѣ найти въ нихъ нетронутыя гробницы. Къ сожалѣнію, послѣдствія не оправдали этого предположенія. Въ первомъ изъ нихъ, не оказалось никакихъ боковыхъ гробницъ; во второмъ открыты были—съ южной стороны разбитый кувшинъ съ углемъ и сожженными костями, между которыми найдены желѣзный стригаль и желѣзный перстень, сильно поврежденные огнемъ; съ западной же стороны — большая гробница, съ истлѣвшею деревянною крышей, опущенная на 1 аршинъ въ материкъ, но гробница эта оказалась давно уже расхищенной. Наконецъ, въ третьемъ курганѣ найдены были, въ насыпи, съ южной стороны, на глубинѣ не болѣе одного аршина, глиняная вазочка о 2-хъ ручкахъ съ клѣтчатымъ узоромъ, а на материкѣ двѣ незначительныя жженныя гробнички.

На второй мѣстности, т. е. по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ часовнѣ Св. Ильи, избрано было для раскопокъ 16-ть небольшихъ кургановъ, по видимому еще некопанныхъ ¹⁾. Въ одномъ изъ нихъ (по правую сторону дороги), насыпь котораго состояла изъ мелкихъ камней, открыта была въ материкѣ яма, засыпанная сверху слоемъ гашеной извести, толщиной въ 1 вершокъ. Въ ямѣ этой находились кости сожженаго покойника, перемѣшанныя съ углемъ и золою. Въ слояхъ угольевъ и золы найдены были, въ разныхъ мѣстахъ, одна цѣльная и 10 поломанныхъ глиняныхъ вазочекъ, расписанныхъ клѣтчатымъ узоромъ, въ слое же извести, смѣшавшейся съ прахомъ покойника — золотой перстень и золотая застежка, филигранной работы, сильно поврежденные огнемъ. Кромѣ того, внѣ гробницы, съ сѣверо-восточной стороны ея, найдены въ насыпи разбитый глиняный кувшинъ.

Въ другомъ курганѣ (также по правую сторону дороги ближе къ часовнѣ), оказалась на глубинѣ 3 аршинъ жженая гробница, расхищенная уже въ прежнее время; въ присыпкѣ же, находившейся съ южной стороны ея, открыта на материкѣ сложенная изъ бутовыхъ камней квадратная гробница, въ которой стояла на мѣдномъ кругѣ, съ тремя ножками, большая вызолоченная снаружи бронзовая урна, шарообразнаго вида безъ ручекъ и безъ горла. Урна эта накрыта была круглой, повидимому желѣзной, крышкой съ придѣланной къ ней желѣзной ручкой; внутри ея, лежали однѣ сожженыя кости, перемѣшанныя съ углемъ, и черепки отъ вазочки съ клѣтчатымъ изображеніемъ.

Въ третьемъ курганѣ, который лежитъ еще ближе къ часовнѣ и, подобно первому, состоитъ изъ одной каменной насыпи, оказались на материкѣ слѣды разоренной жженой гробницы.

¹⁾ Только въ двухъ находились незначительныя впадины по срединѣ. Нужно вообще замѣтить, что всѣ большіе курганы въ окрестностяхъ Θεοδοσίи имѣютъ по срединѣ глубокія впадины, свидѣтельствующія о томъ, что курганы эти были уже разрываемы когда-то посредствомъ полюдцевъ.

Въ четвертомъ курганѣ, находящемся въ 15 шагахъ отъ втораго, открытъ на глубинѣ не болѣе одного аршина, каменный склепъ, построенный изъ тесаныхъ каменной раковистаго известника. Имѣя стѣны прямоугольныя и крышу на два ската, онъ походилъ формою своею на саркофагъ. Крыша состояла изъ 8 камней, соединенныхъ, подобно деревяннымъ срубамъ, въ лапу; промежутки между ними заложены были камкой. Впрочемъ, къ склепу не было никакого входа; съ боковъ же онъ замкнутъ былъ квадратными плитами, и сверхъ того, обнесенъ кругомъ стѣною изъ бутоваго камня. Чтобы войти въ него, необходимо было отвалить одну изъ боковыхъ плитъ и разобрать часть крыши. Внутри склепа, на каменномъ помостѣ, стоялъ хорошо сохранившійся деревянный гробъ, крышкою на два ската.

На доскахъ крыши, украшенной точеными карнизами, которые подгнили и обрушились внутрь гроба, стояла, съ правой стороны, разбитая расписная ваза о 2-хъ ручкахъ съ изображеніемъ женской головы, между двумя головами грифоновъ. Въ гробу лежалъ человѣческій остовъ, головою на востокъ; на костяхъ его и въ разныхъ мѣстахъ гроба найдены были слѣдующія вещи: на груди электрическая застѣжка; на пальцѣ лѣвой руки — серебряное кольцо; возлѣ правой руки — двѣ глиняныя вазочки, расписанныя клѣтчатымъ узоромъ; около лѣвой руки — такая-же вазочка поломанная, наконецъ у ногъ: съ лѣвой стороны алавастръ, выточенное изъ дерева веретено и полуиставшая корзинка сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ, а съ правой, въ углу гроба, — пустой кипарисовый ящичекъ (длиною въ 6 шириною 5 и высотой 2 вершка); на крышѣ его разноцвѣтными красками изображены были двѣ нагія женщины, сидящія на корточкахъ передъ жертвенниками, а посреди ихъ закутанная въ мантию человѣческая фигура съ полужакрытымъ лицемъ, обращенная къ той изъ нихъ, къ которой спускается съ высоты крылатый геній (вѣроятно Эротъ или Ника), помѣщенный надъ жертвенникомъ, съ правой стороны. Боковыя части ящичка были украшены простенькимъ узоромъ, состоящимъ изъ фигуръ, въ видѣ пирамидъ.

Къ сожалѣнію ящичекъ не выдержалъ перемѣны воздуха и вскорѣ развалился на мелкія части. Крышка же скоробилась, такъ что находившійся на ней рисунокъ почти совершенно изгладился.

Въ пятомъ курганѣ, находящемся въ южномъ направленіи отъ предыдущаго, открыта на материкѣ черепичная гробница, состоявшая изъ двухъ рядовъ черепицъ, сомкнутыхъ въ видѣ крыши на два ската; каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ 3 черепицы, длиною въ 14, шириною въ 11 вершковъ. Кромѣ того 7-мая черепица, такой-же величины, замыкала одну изъ поперечныхъ сторонъ крыши; съ другой же стороны крыша была открыта. Въ гробницѣ оказались: однѣ сожженные кости, перемѣшанные съ углемъ, золою и черепками глиняной посуды. На одной изъ черепицъ находится съ внутренней стороны клеймо, съ какимъ-то неяснымъ изображеніемъ и надписью:

ΘΕΟΓΕΙΤΟΥ
ΑΣΤΥΝΟ...
ΔΑΙΣΚΟΥ.

и на трехъ другихъ буквы: ΛΦ, начертанныя красною краскою.

▽

Въ шестомъ курганѣ, каменистаго свойства, находящемся въ томъ-же направле-
ніи, открыты на материкѣ слѣды раззоренной каменной гробницы.

Въ 7, 8, 9, и 10-мъ курганахъ, находящихся на той-же мѣстности и заключаю-
щихъ въ окружности около 10 сажень, при высотѣ не болѣе 1 аршина, вовсе не
найдено гробницъ.

Въ одиннадцатомъ курганѣ, который лежитъ тамъ-же и уже былъ разрываемъ въ
прежнее время, открыта на материкѣ земляная гробница съ деревянною крышей,
состоявшей изъ поперечныхъ, почти совершенно истлѣвшихъ, брусевъ. Въ гроб-
ницѣ этой, засыпанной сверху слоемъ гашеной извести находились сожженные кости,
перемѣшанные съ углемъ и золою, въ которыхъ найдены кусочки расплавленной
мѣди и черепки отъ расписной вазы.

Въ двѣнадцатомъ курганѣ, (тамъ-же), оказалась на материкѣ гробница безъ
крыши. Въ ней найдены были обломки отъ расписной вазы и мѣдная монета, сильно
поврежденная огнемъ.

Въ тринадцатомъ курганѣ, (съ лѣвой стороны дороги) открыта жженная гробница,
давно уже расхищенная; въ ней нашлись только обломки отъ превосходной расписной
вазы, съ позолотой.

Въ четырнадцатомъ курганѣ (на скатѣ одного изъ холмовъ, находящихся за бал-
кой) открыта черепичная гробница, состоявшая изъ 6-ти черепицъ въ длину, и двухъ
съ боковъ, впрочемъ совершенно подобная той, которая отыскана къ 5 курганѣ. На
7 черепицахъ ея оказались клейма, съ именами астиномовъ и мастеровъ. Въ гроб-
ницѣ этой, въ слояхъ золы, угля и праха сожженныхъ костей найдено было нѣс-
колько мѣдныхъ прутиковъ съ каменными шариками на концахъ, обложенными тон-
чайшимъ золотымъ листкомъ. Въ насыпи же отыскана амфорная ручка съ извѣст-
нымъ ольвійскимъ типомъ и надписью:

ΕΠΙ ΔΙΟΝΥ...
ΙΕΡΩΝΟΣ

Въ пятнадцатомъ курганѣ, лежащемъ нѣсколько выше предыдущаго, открыта
жженная гробница, засыпанная слоемъ гашеной извести и содержавшая въ себѣ пе-
регорѣвшія кости, золу, уголь черепки отъ черной лакированной желобчатой вазы,
безъ рисунка, нѣсколько мѣдныхъ гвоздиковъ и обломки желѣза, быть можетъ, отъ
меча. На днѣ гробницы находилась яма, въ которой лежали 5 дикарныхъ камней.

Въ шестнадцатомъ курганѣ (тамъ-же) ничего не найдено.

На высотахъ, прилегающихъ къ морю, разрытъ былъ курганъ близъ рыбнаго
завода (онъ имѣлъ въ окружности около 20-ти сажень, а въ вышину $\frac{1}{4}$ аршина) но
въ немъ также не оказалось слѣдовъ гробницы.

Сообщеніемъ этой статьи мы обязаны дружественному участию В. Е. Тизенгау-
зена, который и по внутреннимъ побужденіямъ ученаго и по должности дѣлопроизво-
дителя Императорской Археологической Комиссіи — всегда неравнодушенъ къ

судьбамъ русской археологической науки. Въ свѣдѣніяхъ уже извѣстныхъ статья о Θεодосійскихъ раскопкахъ — прибавляетъ — на первый взглядъ — не много важнаго; но если бы такимъ образомъ были описаны всѣ раскопки, произведенныя и производимыя на русской землѣ, наука имѣла бы превосходный матеріалъ и пошла бы шагомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ въ настоящее время: тогда — быть можетъ — и то, что намъ кажется теперь не значительнымъ, получило бы свое надлежащее значеніе. Какъ бы то ни было мы не можемъ не принести нашей искренной признательности начальству Археологической Коммиссіи за дозволеніе огласить эту новую страницу русской археологической лѣтописи.

А. К.

КУБАНСКАЯ КАМЕННАЯ БАБА.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года въ районѣ Кубанской области въ 6-ти верстахъ отъ станицы Дядьковской Екатеринодарскаго округа открыта совершенно случайно въ курганѣ каменная статуя изображающая женщину. По полученіи о томъ извѣстія г. начальникъ Кубанской области графъ Сумароковъ-Альстонъ приказалъ эту статую доставить въ Екатеринодаръ, гдѣ по внимательномъ осмотрѣ оказалось слѣдующее.

Статуя представляетъ какъ выше сказано женщину монгольскаго типа, весьма хорошо сохранившуюся, не смотря на то, что вытѣсна изъ бѣлаго известняка и вѣроятно весьма долго оставалась зарытою въ землѣ.

Фигура состоитъ изъ трехъ частей: головы, туловища съ ногами и пьедесталъ, но части эти составляли одно цѣлое и вѣроятно какимъ либо случаемъ отломлены; всего росту въ ней 2½ аршина, на шеѣ въ три ряда ожерелье и въ правомъ ухѣ большая тройная серьга, руки почти во всю длину опущены внизъ и ниже живота держутъ сосудъ, голова прикрыта калмыцкою шапкою; глаза, брови, носъ, ротъ и подбородокъ весьма отчетливо сохранились. Въ настоящее время кубанская каменная баба находится въ тифлисскомъ Музеѣ, куда перевезена по приказанію Государя Намѣстника кавказской области.

Представляемый нами снимокъ съ памятника сдѣланъ по отчетливой фотографіи, обязательно доставленной г. Начальникомъ кубанской области.

Обстоятельство, что каменная баба найдена въ землѣ — заслуживаетъ вниманія, ибо едва ли это — явленіе случайное: вспомнимъ, что еще въ прошломъ столѣтіи Мельгуновъ встрѣтилъ подобный фактъ

при раскопѣхъ могилы (скифской) около Чернаго лѣса у Кучеровыхъ буераковъ (Екатеринославской губерніи ¹⁾), что недавно и у Новочеркасска, какъ видно изъ отчетовъ императорской археологической комиссіи, были найдены въ вершинѣ одного кургана обломки 3-хъ каменныхъ бабъ.

Въ Вѣнѣ вышла книга извѣстнаго путешественника по Турціи и славянскимъ землямъ, Ф. Каница: *Reise in Sudserbien und Nordbulgarien, ausgeführt im Jahre 1864*; книга эта, снабженная картою и пятью таблицами рисунковъ, заключаетъ въ себѣ отчетъ объ археологическихъ изысканіяхъ автора въ названныхъ мѣстностяхъ.

Галицкій ученый Ратиборскій отнесся къ мадыарскому министру просвѣщенія, барону Этвешу съ просьбою оказать содѣйствіе при отысканіи могилы Аттілы, которая, по мнѣнію ученаго, несомнѣнно должна находиться гдѣ-то въ окрестностяхъ Перемишля (въ Галиціи). Министръ передалъ это предложеніе на обсужденіе венгерской академіи наукъ. —

Въ минувшемъ Февралѣ при производствѣ земляныхъ работъ въ деревнѣ Дерново въ Крайнѣ, на мѣстѣ древняго римскаго любопытнаго города *Noviodunum*, найдены многія любопытныя древности, между прочимъ въ высшей степени изящно отдѣланная мраморная плита, бронзовый аграфъ, мѣдныя и серебряныя монеты съ изображеніемъ императрицы Юліи Марсы, римскаго полководца Наузадія и др. Длинная свинцовая труба въ 2 вершка шириной, найденная тутъ-же, и другіе признаки заставляютъ предполагать существованіе большаго римскаго водопровода.

Недавно открыты римскія могилы въ окрестностяхъ Офена, на землѣ, принадлежащей тамошнему акціонерному обществу кирпичнаго производства. Извѣстно, что на мѣстѣ нынѣшняго Офена находился, хотя на гораздо большемъ протяженіи древній городъ *Aquincum*, столица средней Панноніи. -- Находка была первой важности и градоначальникъ Офена поспѣшилъ довести о нея до свѣдѣнія министра просвѣщенія, барона Этвеша. Археологъ др. Флоріанъ Ромеръ немедленно приступилъ къ изслѣдованію новаго открытія. Послѣ трехдневнаго неутомимаго труда каменные саркофаги, находившіеся подъ землею на глубинѣ двухъ съ половиною сажень, были доставлены на поверхность. Находка состояла изъ трехъ каменныхъ гробовъ, изъ ко-

¹⁾ См. Извѣстіе Миллера объ этой раскопкѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1864 года, часть 2. стр. 502.

торыхъ одинъ очевидно назначался для ребенка, онъ оказался пустымъ. Гораздо болѣе интереса представили два остальные: одинъ изъ нихъ по всей вѣроятности былъ гробомъ бѣдняка, другой же принадлежалъ женѣ богатаго римскаго военачальника. Въ одномъ изъ гробовъ найденъ частью хорошо сохранившійся скелетъ высокаго мужчины ростомъ въ семь футовъ. Надписи нѣтъ никакой. Гробъ богатой Римлянки заключаетъ въ себѣ ея остовъ; а извнѣ помѣщена надпись, объясняющая черты жизни похороненной. Эта женщина вышла замужъ на одиннадцатомъ году отъ рожденія и въ теченіе шестнадцатилѣтняго супружества родила шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ только одинъ ее пережилъ. Кромѣ этихъ гробницъ былъ найденъ прекрасный римскій каменный алтарь (ага) и многіе не менѣе замѣчательные каменные предметы.

По свѣденіямъ галицко-полскихъ газетъ, въ Галиціи находится три историко-археологическіе музеума; одинъ въ Львовѣ при извѣстной библіотекѣ Оссолинскихъ, другой въ Краковѣ, основанный мѣстнымъ ученымъ обществомъ, третій состоитъ при кафедрѣ археологіи Краковскаго Ягеллонскаго университета. Всѣ эти музеи весьма медленно пополняются, потому что фонды, назначенные на этотъ предметъ, незначительны, а искатели древностей ведутъ обширную торговлю ими съ музеями заграничными. Послѣ каждой убыли воды и вообще послѣ наводненія вдоль по Днѣстру и на Покутьѣ находятъ въ большомъ количествѣ старыя гробницы, древности персидскія, греческія, римскія, монеты Византійскія и древней Палестины; находки эти быстро переходятъ въ руки мелкихъ торговцевъ и антикваріевъ въ небольшихъ окрестныхъ мѣстечкахъ. Вѣнскій монетный и медальный кабинетъ уже нѣсколько десятилѣтій сряду пополняется изъ этого источника; въ послѣднее время и прусскіе ученые узнали о существованіи его, тогда какъ мѣстнымъ музеямъ онъ какъ будто неизвѣстенъ. Въ монетномъ дворѣ львовскомъ даже съ умысломъ скупаютъ всѣ древнія золотыя и серебряныя монеты, затѣмъ переплавляютъ ихъ въ слитки. На основаніе частныхъ музеевъ, которые — бы сохранили странѣ находимыя въ ней древности, не возможно надѣяться, въ виду постепеннаго раздробленія большихъ имѣній и уменьшенія средствъ прежнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому польская печать взываетъ къ самому обществу, предлагая ему основать обширный археологическій музей на общія пожертвованія и поставить ему въ обязанность сохраненіе находимыхъ въ странѣ древностей,

Въ засѣданіи Словацкой Матицы 6 Мая представленъ былъ гипсовый снимокъ найденной П. Бржижко близъ Кремница древне-славянской (?) рунической надписи. Снимокъ этотъ будетъ повторенъ и разосланъ для разсмотрѣнія всѣмъ славянскимъ ученымъ обществамъ. —

ГРАФЪ КОНСТАНТИНЪ ПЬЕИЧЪ ТЫШКЕВИЧЪ

Первый томъ «Археологическаго Вѣстника» намъ приходится заключить скорбною поминкою о дорогомъ сочленѣ, дѣятельномъ сотрудникѣ графъ К. П. Тышкевичъ скончавшемся въ Минскѣ въ іюлѣ текущаго года.

Кто имѣлъ случай узнать покойнаго лично, тотъ не по пословицѣ *de mortuis nil nisi bene*, но по внутреннему чувству правды, отдавая только долгъ справедливости, не можетъ не сказать, что былъ человекъ высокихъ достоинствъ, что потеря его въ полномъ смыслѣ слова есть потеря чувствительная. Тѣмъ чувствительнѣе она для насъ, видѣвшихъ и испытавшихъ благородную юношескую преданность наукъ этого почтеннаго старца: мы были свидѣтелями, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу интересы русской науки, у насъ есть прямые доказательства искренности и полного безкорыстія его участія: Московское Археологическое Общество ему обязано превосходной коллекціей доисторическихъ древностей западнаго края, многимъ обязана ему и этнографическая московская выставка и многіе частные лица, съ которыми онъ дружественно дѣлился плодами своихъ поисковъ, всегда тая какихъ усилій и огорченій стоили ему эти поиски. Графа К. П. Тышкевича вмѣстѣ съ его братомъ Евстафіемъ, учредителемъ бывшаго Виленскаго Музея—можно назвать—основателями научной археологіи западно-русскаго и литовскаго края; потому что они первые съумѣли случайное любопытство предметами родной древности возвести на степень серьезнаго интереса и сдѣлали ее постоянною цѣлью своихъ изысканій. Результатомъ этихъ усилій со стороны гр. К. П. было превосходное частное собраніе западно-русскихъ и литовскихъ древностей, преимущественно доисторическаго періода и нѣсколько печатныхъ трудовъ; изъ нихъ — важнѣйшіе: 1) *Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach, okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi litewskiej*. W. 1859, 8°, 194 p. (помѣщ. какъ приложение къ *Tek'ъ Wileńskiej* изд. А. К. Бир-коромъ); 2) *О Курганахъ въ Литвѣ и западной Руси*. В. 1865 4°, стр. 141; за нѣсколько недѣль до смерти гр. К. П. послѣднее сочиненіе въ исправленномъ и распространенномъ видѣ вышло въ Берлинѣ и на языкѣ польскомъ (8°, IV 287), къ нему приложены XVI прекрасно исполненныхъ таблицъ *in fol.* изображающихъ различные предметы древности. Сколь бы далеко ни пошла наука, но и эти труды останутся въ ней необходимыми; основанные на личныхъ самостоятельныхъ разысканіяхъ, они не могутъ быть замѣнены другими, хотя бы и болѣе строгими въ ученомъ смыслѣ.

А. К.

